

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

ИЗБАСАРОВА Гульбану Болатовна

**Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт
Российской империи по управлению окраиной (1731 – сер. XIX века)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Научный консультант

д.и.н., профессор Н.И. Цимбаев

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	18
1.1. Методологические особенности и методы реализации исследования	18
1.2. Историография проблемы	31
1.3. Источниковедческая база исследования и ее характеристика	118
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ КАК ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	160
2.1. Казахские жузы в начале XVIII века	160
2.1.1. Взаимоотношения казахов Младшего жуза с подданными Российской империи: Калмыцким ханством и Башкирией в первой четверти XVIII века	169
2.1.2. Становление «казахского» направления в юго-восточной политике Российской империи	178
2.1.3. Инкорпорация казахов Младшего жузов состав Российской империи	183
2.2. Принципы и механизмы имперского управления окраиной в XVIII веке	191
2.2.1. Северный Прикаспий, Южный Урал: опыт империи по управлению окраиной	191
2.2.2. Институт аманатства (заложничества) во внутренней политике Российской империи	196
2.3. Оренбургские начальники и имперские практики	252
2.3.1. Государственная деятельность А.И. Тевкелева	252
2.3.2. Правители Оренбургского края и реализация юго-восточной политики империи	265
2.4. Реформы и проекты реформ по управлению Казахской степью во второй половине и в конце XVIII века	283
ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ СТЕПИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	310
3.1. Имперская власть и дебаты по вопросу управления Казахской степью	310
3.2. «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года	339
3.2.1. Организация российского управления на территории Младшего жуза казахов	339
3.2.2. Деятельность «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов» под руководством Ф. Ф. Берга	349
3.3. Последний хан Младшего жуза – Шергазы Айшуаков	360
3.4. Институт приставства во внутренней политике Российской империи	378

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ 1824 г.	412
4.1. Институт султанов-правителей	412
4.1.1. Западная часть Зауральской Орды и ее правители (1824–1867)	429
4.1.2. Средняя часть Зауральской Орды и ее правители (1824–1869)	455
4.1.3. Восточная часть Зауральской Орды и ее правители (1824–1869)	475
4.2. Нижнее звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства. Дистаночные начальники и аульные старшины	505
ГЛАВА 5. КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ НА КАРТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	546
5.1. Топографо-геодезические исследования северо-западных регионов Казахской степи в XVIII – первой половине XIX века	546
5.2. Кочевая ментальная карта пространства. Понятие границы и пространства у кочевников-казахов	568
5.3. Разграничение земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств	584
ГЛАВА 6. РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ОРЕНБУРГСКИМИ КИРГИЗАМИ» 1844 г.	612
6.1. Основные статьи и нововведения	612
6.2. Казахские депутации в столице: церемониал власти и его влияние на восприятие казахами «образа» империи	680
6.3. Институт российских попечителей в Казахской степи Оренбургского ведомства	689
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	725
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	748
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	749
ПРИЛОЖЕНИЯ	793

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследование посвящено политике Российской империи в отношении казахов Младшего жуза с момента его присоединения и до середины XIX в. Актуальность темы исследования определяется как недостаточной научной изученностью предмета, так и общественно-политической необходимостью выработки взвешенного подхода к нашему общему прошлому в условиях евразийского интеграционного процесса.

Со средних веков Русь имела контакты с кочевниками Дешт-и кыпчака, которая для нее означала мир воинственных номадов и мир тенгрианства. Российская империя наследовала от древней Руси двойственное отношение к своим соседям. С одной стороны, это были воинственные столкновения с кочевниками, а с другой, налицо были экономические и культурные взаимосвязи. В XVIII–XIX вв. под властью Российской империи оказались огромные территории, населенные народами с различными культурами и конфессиями, иными системами хозяйства, социального устройства и т.п. Начиная со времени включения региона в свой состав, российское правительство пыталось сделать окраину управляемой. Данный процесс на сегодняшний день имеет недостаточный уровень научной изученности.

В связи с этим, актуальным является выявление факторов и условий существования многонациональной имперской государственности как устойчивой конструкции, которое невозможно без анализа внутренних механизмов, форм и методов имперской политики, без изучения уровня взаимодействия центральной и местной власти с элитой казахского социума.

Важность изучения политики Российской империи в Казахской степи Младшего жуза определяется несколькими причинами.

Во-первых, до настоящего времени не в полной мере изучена целенаправленная деятельность российского государства в отношении кочевых народов, проведение реформы 1824 и 1844 годов, когда империя предпринимала попытки унифицировать и окончательно интегрировать Казахскую степь в свое

пространство; происхождение различных институтов, реализовавших данные реформы; отношение казахской элиты к новым преобразованиям.

Во-вторых, сформировавшийся в историографии советского периода негативный взгляд на институт ханской власти, султанов-правителей требует переосмысления, пересмотра старых концепций и подходов. Уровень современного развития исторической науки требует сравнительного изучения опыта имперского строительства в Казахской степи с другими окраинами империи. Для создания целостной картины восприятия при описании истории казахов Младшего жуза возникла необходимость посмотреть на политику Российской империи «глазами» подвластных казахов и ее элиты, выявить тех акторов, которые участвовали в реализации решений правительства, выяснить их мотивы к сотрудничеству, социальный статус, отношение к ним соплеменников; изучить влияние местных инициатив на формирование и проведение в жизнь политического курса, исследовать в связи с изменившимися условиями жизни трансформацию понятий «аманат», «граница» в казахском социуме и т.д.

В диссертационном исследовании делается акцент не на проблеме репрессий со стороны имперского центра в отношении подвластных народов, а на разнообразии стратегий по удержанию народов в орбите имперского влияния. В исследовании на первый план выходят люди, личности – чиновники различного ранга – как центрального, так и местного аппарата, включая казахских чиновников и простых кочевников.

В-третьих, назрела необходимость глубокого, всестороннего изучения имперского периода истории Казахстана, чтобы искоренить мифы и вымыслы; внести ясность в названия законодательных актов, определить функции учреждений, ответственных за политику в Казахской степи и дать им верное наименование, уточнив даты возникновения или роспуска, а также имена и биографические данные местных акторов.

Объектом исследования является Младший жуз казахов в составе Российской империи.

Предметом исследования является политика Российской империи в Казахской степи Оренбургского ведомства, которая включает нижеследующие области исследования: этапы формирования имперской политики по отношению к Казахской степи, методы ее осуществления, административно-территориальную организацию Степи после реформ первой половины XIX в., систему политических институтов, их полномочия и принципы взаимодействия, казахский социум и его элита.

В работе не исследуются открытые формы сопротивления, которые были реакцией на политику империи на окраине, в первую очередь, на изъятие казахских земель. В конце XVIII – первой половине XIX века территорию Младшего жуза казахов охватили восстания под руководством Сырыма Датова, Жоламана Тленши, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова, Кенесары Касымова¹. Данные восстания получили освещение историографии². В поле

¹ Центром был Средний жуз, но участвовали в нем также казахи Младшего и Старшего жузов.

² Адилова Ф.А. С.Датұлы бастаған қозғалысты басуда муфтий М.Хусейіновтің атқарған қызметі // Отан тарихы (Отечественная история). 2007. № 4. Б. 112–123; Айдарова Ш.Ә. Кенесары Қасымұлы көтерілісі хақындағы деректер көзі // М. Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мем. ун-нің хабаршысы (Вестник Зап.-Каз. гос. ун-та им. М. Утемисова). 2014. № 2. Б. 269–276; Айтай Б. Серебрянников Кенесары көтерілісі туралы: (1840-1841 жж.) // Қазақ тарихы. 2005. №6. Б. 45–51; Ахметова Ұ.Т. XIX ғасырдың бас кезеңіндегі Кіші жүздегі ұлт-азаттық қозғалыстар және оның сабақтастығы // М.Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мем. ун-нің хабаршысы (Вестник Зап.-Каз. гос. ун-та им. М. Утемисова). 2013. № 1. Б. 280–284; Бекмаханов, Е.Б. Казахстан в 20 – 40 годы XIX века / отв. ред. Жиенгалиев Н.Б. Алма-Ата: «Қазақ университеті», 1992. 400 с.; Бекмаханова Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII – I половине XIX века. М.: РАН, 1996. 302 с.; Валиханов Э.Ж. Кенесары Қасымұлы басқарған көтеріліс жөнінде // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. (Вестн. КазНУ. Сер. историческая. 2008. № 4. Б. 69–73; Вяткин М.П. Батыр Срым М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 392 с.; Ділімұхамедов Е.Д. Қазақтардың Кенесары Қасымовтың басшылығымен 1837–1847 жылдары болған көтерілісі / құраст.: О.Е. Ділімұхамедов, Э.Е. Ділімұхамедова. Астана: "Қазақ елі" журналының баспасы, 2012. 572 б.; Досмұхамедұлы Халел. Қазақ батырлары: Исатай, Махамбет; Тайманұлы Исатайдың қозғалысы турасында; Баймағамбет кім? // Досмұхамедұлы Х. Тандамалы еңбектері / құраст. Ғ.Әнес. Астана: Астана-Полиграфия, 2008. Б. 27–75.; Есқалиев С.А. Қазақ азаттық қозғалысы тарихына жаңа көзқарас // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. (Вестник КазНУ. Сер. истор.). 2009. № 4. Б. 31–34.; Әбжанов Х.М. Махамбет мұрасы және ұлт-азаттық қозғалысы // Батыс Қазақстан гуманитарлық академиясының хабаршысы (Вестник Западно-Казахст. гуманитарной академии). 2013. № 3. Б. 5–10.; Мәшімбаев С. М. Сырым Датұлы (1742–1802 жж.). Алматы: Қазақ университеті, 2015. 122 б.; Мұқанбетқалиұлы Қ. Азаттық туын алғаш көтерген // Сырым Датұлы: жинақ. Алматы, 2010. Б. 43–58; Мұқтар Ә. Жоламан батыр: "Мен қарақшы емеспін, патшалық Ресеймен соғысып жүрмін" // Қазақ тарихы. 2008. № 5–6. Б. 15–17; Оспанова Г. Қазақстандағы XIX ғасырдағы ұлт-азаттық қозғалыстар тарихының зерттелуі мәселелерінен // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сер. (Вестник КазНУ. Сер. истор.). 2010. № 1. Б. 222–225; Рязанов, А. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838). Ташкент: Тип.-лит. №2, 1927. 103 с.; Сүтеева Қ.А. Сырым батыр көтерілісі туралы зерттеулер: XIX ғ II жартысы – 1917 ж. // Қазақ тарихы. 2003. № 2. Б. 38–40 и др.

нашего исследовательского внимания оказались пассивные формы, говоря словами П. Верта, - «мирное сопротивление» населения.

Хронологические рамки диссертации охватывают период с момента присоединения (1731) Младшего жуза к Российской империи и до середины XIX века. К этому времени меняется статус окраины, регион окончательно включается в состав империи и передается из-под контроля МИД в МВД. Население Младшего жуза обратилось «из полупокорного народа в настоящих» подданных. Название «Зауральская Орда» в официальных документах меняется на область казахов Оренбургского ведомства. Пограничная комиссия – главный орган, ответственный за разрешение пограничных конфликтов и осуществление связи с кочевой элитой – ханом, султанами, старшинами – выполнила свою миссию. Переименовав управленческую структуру на Областное правление оренбургскими киргизами (казахами) и изменив функции, она приступила к осуществлению новых задач.

Территориальные рамки исследования охватывают земли казахов Младшего жуза, т.е. Оренбургского ведомства или северо-западную и западную часть современного Казахстана.

Терминология, используемая в работе. Термин «киргизы Оренбургского ведомства» в законодательных актах появился в 1859 году. Думаем, что экстраполяция более поздней терминологии на ранние хронологические периоды вполне допустима, если она наиболее полно отражает содержание изучаемого явления или процесса.

Понятия «Младший жуз казахов», «Малая Орда», «Зауральская Орда», «Казахская степь», «Степь» используются в работе в качестве синонимов термина «Казахская степь Оренбургского ведомства».

В работе употребляется самоназвание этноса – «казахи», хотя в русских архивных документах XVIII–XIX вв. было принято название «киргиз-кайсаки», «киргизы». Об истоках ошибочных воззрений на название народа в 1865 году писал офицер генерального штаба подполковник Л. Мейер: «Киргиз – имя

навязанное народу иностранцами; ни теперь, ни в прежнее время жители степи так себя не называли»³.

Использованное в работе понятие «регион» включает в себя особую историко-географическую и административную систему, особым элементом которой является население⁴.

Цель диссертации заключается в том, чтобы на основе архивных источников и опубликованных материалов изучить политику Российской империи в Младшем жузе казахов, создать целостную картину восприятия кочевниками империи и властных институтов, «посмотреть глазами» подвластных казахов и ее элиты на политику империи в регионе и услышать «голоса прошлого из степи». Исследование данных проблем должно заполнить существующий пробел в историографии изучаемой темы.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- изучить этапы становления российской административной политики в регионе;
- исследовать взаимодействия местных российских властей: Оренбургской Пограничной комиссии и военных губернаторов края;
- проанализировать изменения в системе управления и территориальное устройство в Казахской степи в период реформ 1824 и 1844 гг.;
- на основе анализа региональной политики выявить механизмы управления и институты, которые были введены в Младшем жузе казахов;
- рассмотреть, как казахское население воспринимало политику империи на окраине, как ее элита отстаивала свои интересы и какие пути они выбрали для защиты своих интересов;
- выявить местные акторы, которые участвовали в реализации решений правительства;

---

³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб: Печ. в тип. Э.Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 2.

⁴ Сухарев А.И. Проблемы регионологии: сб. статей. Саранск, 2001.

- проанализировать как казахские депутации, отправленные в столицу, решали злободневные вопросы кочевников;

- выявить и изучить, как изменялось содержание многих понятий и терминов, в результате существенных трансформаций в статусе и положении как региона в целом, так и казахов Младшего жуза в частности.

Теоретическую и методологическую основу исследования составила концепция мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна. Два основополагающих принципа задают вектор исследования: принцип историзма и междисциплинарности.

Положенные в основу исследования принципы, обусловили комплексный характер исследования, предполагающий совокупность методов. С целью диагностики разных граней исследования темы диссертации используется совокупность общегуманитарных и прикладных методов научного познания. Данные методы и подходы рассмотрены в 1 главе диссертации.

Научная новизна работы заключена, во-первых, в самой постановке цели и задач исследования и в том, что она является первым исследованием, рассматривающим политику Российской империи в Казахской степи Оренбургского ведомства с позиций кочевого населения. В работе также исследуется отношение казахского социума к новым административным нормам и институтам, которое характеризуется как лояльностью казахской элиты и ее сотрудничеством с местной российской администрацией, так и активными и пассивными формами сопротивления.

2. В работе в хронологическом порядке рассмотрены этапы реализации юго-восточной политики империи, заложенной Петром I. На основе биографического, историко-типологического, историко-системного и других методов история Оренбургского края и Казахской степи изучается через деятельность ее начальников, реконструируется сам ход выработки отдельных положений законодательных актов, касающихся различных аспектов управления Степью, исследован процесс выстраивания отношений российских чиновников различного

ранга между собой и их взаимодействия с местной элитой – казахскими чингизидами.

3. Изучен опыт империи по управлению кочевыми народами окраины калмыками, башкирами, а в отдельных случаях Кавказа.

4. Выявлены имена и время пребывания всех казахских султанов, потомков ханов Абулхаира и Нуралы, бывших аманатами-заложниками и, насколько возможно, прослежена их дальнейшая судьба. Установлено, что с 1735 по 1750 г. аманатами были четыре сына хана Абулхаира – Ералы (1735–1738), Кожа-Ахмет (1738–1748), Айшуак (1748–1749), Адиль (1749–1750), а в 1750–1771 гг. в заложниках находились 13 малолетних детей хана Нуралы.

5. Восстановлены имена всех султанов-правителей и исправляющих эти должности в трех частях Оренбургского ведомства, вводятся в научный оборот биографические данные этих личностей. Установлено, что 16 султанов были привлечены к данному институту власти. Из них двенадцать чингизидов были на должности султанов-правителей, а четверо, выполняя его функции, так и не получили эту должность, оставаясь исправляющими.

6. Изучены этапы открытия дистанций и восстановлены, насколько возможно, имена дистаночных начальников.

7. На основе анализа инструкций определены функции султана-правителя, дистаночного и местного начальника.

8. Вводится понятие «кочевая ментальная карта пространства», которая включает в себя такие понятия, как определение номадами в пространстве границ своих кочевий, понятие границы у казаха-кочевника. Кочевая ментальная карта пространства – это умственный конструкт. Казахи все пространство степи разделили между собой по родам. Кочевая ментальная карта пространства возникла вместе с формированием способа кочевания казахов.

9. Определено, что у казахов в XIX в. возникает «сложносоставная идентичность» и проанализировано соотношение места кочевания и идентичности человека. С точки зрения кочевника, он – казах, который принадлежит к определенному жузу, племени, роду. С другой стороны, учитывая

факт разделения территории Младшего и части Среднего жуза согласно реформе 1824 года на три части, он принадлежал к определенной части, определенному ведомству, в нашем случае, Оренбургскому, а также был под управлением определенного султана-правителя части, дистаночного начальника. Однако доминантой остается идентификация личности по родоплеменной принадлежности.

10. Изучается процесс проведения границы между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств, создание карт региона, участие казахов в топографо-геодезических экспедициях. Карты рассматриваются как некий результат закрепления процесса освоения казахских степей Российской империей и «научное завоевание»⁵ новых территорий.

11. На основе новых архивных источников в научный оборот вводятся сведения о мундире казахского чиновника с зарисовками председателя ОПК Г.Ф. Генса и предложениями султана-правителя Ахмета Джантюрина.

12. Воссоздается политический портрет последнего хана из дома Абулхаира – Шергазы Айшуакова, восстановлены биографические данные, обнаружены письма, прошения и жалобы хана на оренбургского военного губернатора П.К. Эссена в столицу.

13. Впервые изучается деятельность «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов» под руководством Ф.Ф. Берга, образованного по инициативе главного начальника Оренбургского края П.К. Эссена для реализации решений Азиатского комитета 1824 г. Определен состав комитета, проанализирована его работа при проведении границ трех частей и утверждения их состава. Определены места ставок султанов-правителей и исправляющих эту должность.

14. Автором прослежены этапы создания российской администрацией приставской системы управления, характерной для кочевого населения окраин. Данный институт прошел путь от административного лица при калмыцком и казахском ханах до становления целой системы управления. Проанализированные

---

⁵ Термин заимствован у А. Ремнева

инструкции для приставов при калмыцком хане Аюке и казахском хане Шергазы, пристава для кочевых народов Кавказа Макарова показали, что они соответствуют интересам и задачам государства, вытекающим из конкретно-исторической обстановки. По мере совершенствования государственного устройства они закрепляются законодательно, в зависимости от исторической ситуации трансформируются или же аннулируются из практики.

15. В работе рассматривается институт попечительства, его функции. Восстанавливаются, насколько это возможно, имена чиновников, исполнявших эту должность. Сравнение инструкций, созданных для попечителя 9-го башкирского кантона и для попечителей прилинейных казахов, позволило сделать вывод, что российская администрация учитывала степень интеграции этих районов в российское общество, их систему управления (например, кантонную – в управлении Башкирией).

16. Жалобы, а также слухи, распространяемые в Степи, рассматриваются как пассивные формы протеста. Жалобы были направлены на отстранение казахских чиновников от должности, решение острых проблем, а слухи, которые иногда приводили к откочевке (тоже одна из форм протеста номадов, широко распространенная еще с эпохи средневековья) к границам среднеазиатских ханств, в некоторых случаях задерживали выполнение определенных работ на территории Младшего жуза.

17. Новизна исследования определяется и характером используемых источников, введением в научный оборот большого количества архивных документов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретико-методологические подходы, использованные в работе, изучение механизмов управления империи можно применить при исследовании других регионов, что поможет реконструировать целостную картину формирования имперской политики.

Созданный нарратив поможет следующим исследователям сориентироваться в изучении политики Российской империи на окраине,

результаты могут быть использованы при написании научных трудов. Работа представляет интерес как для научных исследователей, так и для тех, кто изучает историю Казахстана нового периода. Содержание диссертации может быть также использовано преподавателями вузов и учителями школ при подготовке элективных курсов (спецкурсов).

Историография проблемы и подробный ее анализ представлен в I главе исследования. Работы разделены по хронологическому принципу на 3 периода: дореволюционный, советский, постсоветский. Автором привлечены к анализу труды на казахском, русском и английском языках, затрагивающие различные аспекты истории казахско-русских взаимоотношений.

Источниковая база исследования. Большой комплекс разнообразных материалов дает солидную документальную основу для всестороннего исследования заявленной проблемы. Документальные материалы были извлечены из крупных архивохранилищ Российской Федерации и Республики Казахстан: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Астраханской области (ГААстрО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), отдела рукописи Российской государственной библиотеки. Также были привлечены опубликованные материалы. Характеристика, классификация источников по видовому составу и их анализ представлен в I главе диссертации.

Положения, выносимые на защиту, определены задачами диссертационного исследования:

1. После инкорпорации Младшего жуза казахов в состав Российской империи усиливается связь населения окраины, в первую очередь башкир и казахов, с представителями российской администрации, в лице оренбургских начальников. До 30-х г. XVIII в. казахская элита имела контакты при решении пограничных споров с кочевой элитой региона, т.е. калмыцкими тайшами и

ханом, а также с башкирскими батырами, тарханами. Взаимоотношения с подвластными Российской империи характеризовались, с одной стороны, конфликтами за пастбища и водные ресурсы, а с другой стороны, совместными выступлениями населения окраины в башкирских восстаниях конца XVII – XVIII вв.

Конфликтные вопросы находили свое решение в период встреч элит кочевых обществ путем создания брачных союзов их детей, племянников; отправки аманатов.

2. Российская империя учитывала опыт управления окраинами. При определении методов и механизмов управления учитывалась географическая среда, тип хозяйства, а иногда религия.

3. Прослеживается связь в механизме управления кочевыми народами, в частности калмыками, башкирами, народами Кавказа. Такие институты, как аманатство, приставство, попечительство, пройдя апробацию на одних окраинах, видоизменяясь, продолжали существовать, а в случае бессмысленности, негодности убирались из практики.

4. Особую роль в осуществлении российской политики в Младшем жузе сыграла Оренбургская Пограничная комиссия. Ее председатели как представители МИД стояли на позиции мягкого, постепенного внедрения новых административных норм, с учетом всех сфер жизнедеятельности номадов, тогда как нередко отдельные военные губернаторы действовали в противовес этому, что приводило к конфликту между двумя структурами власти.

5. Залогом устойчивости империи явились гибкость и вариативность правительственной политики. Не всегда совпадали позиции центральных и местных оренбургских властей, как показывает пример В.Ф. Тимковского и П.К. Эссена, даже внутри местной администрации края.

6. Главной опорой российской администрации в Степи были казахские султаны. После введения реформы 1824 года султанами-правителями и исправляющими эту должность в трех частях Оренбургского ведомства были назначены Чингизиды. В Западной и Средней частях ими были выходцы из дома

Абулхаира, в Восточной – из дома хивинского хана Каипа. Первыми дистаночными начальниками стали также султаны, но картина начинает меняться к середине XIX в., когда выпускники российских учебных заведений, вернувшись в Степь, занимают свое место в чиновничьем аппарате. Местные начальники, сама низовая власть в Степи назначались из группы «кара суйек».

7. Наряду с должностью султана-правителя существовала должность исправляющего. Если первые султаны-правители были назначены сразу на эту должность, то последующие в течение нескольких лет доказывали службой свою верность империи. Если кандидат, т.е. исправляющий должность доказывал свои способности, верность империи, то он получал пост султана-правителя, а в противном случае его кандидатура могла быть отклонена.

8. Понятие «аманатства» в традиционном обществе казахов трансформируется под влиянием российской имперской политики. К 40-м годам XVIII в. хан Абулхаир был вынужден принять аманатство как заложничество.

9. Проведение реформ 1824 и 1844 гг. изменило понятие границы у номадов. Также они способствовали возникновению сложносоставной идентичности у населения Степи.

10. Выдвинута гипотеза о том, что первые султаны-правители рассматривали свою власть как ханскую, так как ранее они были ханами определенных племен и родов, церемониал возведения в султаны-правители был схож с ханской и др. Султан-правитель Западной части изготовил печать с надписью: «Хан Каратай сын Нуралиханов».

11. Казахская элита в период пребывания в столице поднимала злободневные вопросы перед императором, сотрудниками МИДа и часто добивалась положительных результатов в их решении, кроме земельного вопроса. Оренбургские начальники (П.П. Сухтелен, В.А. Перовский) придерживались точки зрения, что казахи принесут пользу занятием скотоводством, а не земледелием, поэтому запрещалось давать землю в собственность номадам.

12. Поиск оптимальных путей управления Казахской степью, дальнейшее изучение положения дел после введения реформ 1824 и 1844 годов позволили российской администрации совершенствовать системы управления Степью.

13. Российская региональная администрация держала под контролем все местные власти в Степи, при назначении начальников всех уровней власти последнее слово оставалось за ней. Оренбургская Пограничная комиссия постоянно собирала сведения, своего рода «банк данных», о надежных, благоприятно расположенных к политике империи людей, что позволило ей к концу 40-х гг. иметь почти полные сведения о таких лицах. Эти сведения учитывались при назначении дистаночных и местных начальников.

14. Дистаночные и местные начальники проходили несколько этапов выборов, контроля до своего назначения. Решением оренбургского военного губернатора кандидатуры утверждались в должностях.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы работы обнародованы в двух монографиях: «XVIII ғасырдағы қазақ-башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үрдістер» (Актобе: ПринтА, 2008), «Казахи Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века». (Москва: Press-book, 2018).

Кроме того, ряд положений изложен в 53 публикациях, из которых 21 опубликованы в международных журналах, входящих в базу данных Web of Science, Scopus, RCSI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальностям 07.00.02 – Отечественная история и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Результаты работы, отдельные ее положения прошли апробацию на международных конгрессах и конференциях 2009–2017 гг.: в Будапеште, Венгрия (ESCAS XI Biennial conference, Central European University, Budapest, 2009); Оренбурге (VIII конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург, 2009); Мичигане, США (Central Eurasian Studies Society, XI Annual Conference, 2010, Michigan State University, East Lansing, MI, USA); Кембридже, Великобритания

(ESCAS XII Biennial conference, UK, Cambridge, Churchill college, 2011); Санкт-Петербурге (X Санкт-Петербургские этнографические чтения «Праздники и обряды как феномены этнической культуры». Спб, 2011); Урумчи, Китай (International Academic Conference, «Prairie Silk Road and the Prospects for International Economic Cooperation in the Trans-Altay Region». China, Urumqi, 2012); Индиане, США (Central Eurasian Studies Society, Thirteenth Annual Conference, October 18-21, 2012, Indiana University, Indiana, Bloomington, USA); Москве (X конгресс этнографов и антропологов России, Москва, 2013); Астане, Казахстан (ESCAS XIII Biennial conference, Kazakhstan, Astana, Nazarbaev University, 2013); в Осака, Япония (5th East Asian Conference on Slavic Eurasian Studies, Osaka, Japan, 2013); Москве (Международная научно-практическая конференция «От Тюркского эля к Казахскому ханству», ИСАА, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015; Международная научно-практическая конференция «Казахстан во всемирной истории: вечные ценности и новые горизонты», ИСАА, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016); Омске (международная конференция «Азиатская Россия в имперских проектах и практиках XVIII–XIX вв., Омск, 2017); Оренбурге (IX Большаковские чтения, «Оренбургский край как историко-культурный феномен», Оренбург, 2018).

Диссертация была обсуждена на кафедре истории России XIX века – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, приложений.

Текст диссертации дополнен двумя генеалогическими схемами чингизидов, зарисовками мундира казахского чиновника, таблицами, содержащими данные об аманатах-заложниках, о султанах-правителях трех частей, о месте расположения ставок султанов-правителей, о дистаночных начальниках трех частей и тремя картами.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Методологические особенности и методы реализации исследования

На современном этапе своего развития историческая наука, как и другие, находится в состоянии поиска новых теоретико-методологических подходов, принципов исследовательского анализа, практик научного исследования. Процессами радикальной трансформации, которую претерпевает наука вообще в эпоху глобализации, становления информационного общества, виртуализации реальности и т.д., современная история поставлена перед необходимостью критического пересмотра традиционных концепций, разработки и применения в изучении истории новых философско-методологических стратегий в осмыслении ее концептуальных основ. Подтверждением этому служат слова профессора С.И. Ковальской, которая отмечает, что «современное развитие исторической науки основано на идеях междисциплинарного синтеза и методологического плюрализма, характеризуется критикой формационного подхода и постепенной его сменой цивилизационным концептом, освоением западного научного потенциала и осмыслением познавательных возможностей неклассического гуманитарного знания»⁶.

Логично, что определение методологических особенностей, их характеристика, осмысление, выбор, применение и представление методов реализации – все это вопросы, которые требуют своего изучения как составляющие темы настоящего исследования. При этом акцент в работе сделан на теоретико-практическом осмыслении вопросов их использования.

Понимая всю важность и сложность заявленной темы, мы обратились в своем исследовании к ретроспективному рассмотрению становления проблемы, обобщению опубликованных трудов и неопубликованных материалов по теме

---

⁶Ковальская С.И. Современные методологические подходы к изучению истории Казахстана. // Портал National Digital History. 11 сентября 2013 года. – Режим доступа: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1400>

исследования, анализу существующих научных работ и привлечению большого источниковедческого архивного материала. Считаем важным подчеркнуть, что данное диссертационное исследование стало возможным, безусловно, во многом благодаря колоссальной работе ученых, которые внимательно и детально изучали историю Российской империи и Казахской степи ранее, представляли на суд читателей свои труды, теории, концепции, содержащие фактологический и содержательный материал (исторический, археологический, этнографический), напрямую или косвенно касающийся темы данной диссертации.

Для решения научной проблемы методологические особенности рассмотрены через общепринятые в науке уровни методов исторического исследования: философский (каждое философское направление разрабатывает свой подход к истории); общенаучный (применяемый в естественных и гуманитарных науках); специально-исторический (применяется только для истории) и конкретно-проблемный (по узкой теме исследования)⁷. Взаимосвязь всех уровней очевидна, поскольку и конкретно-проблемные, и специально-исторические методы базируются на общенаучных и философских методах.

Только комплексное, даже системное использование методологических взаимосвязанных подходов обеспечивает объективность и достоверность исторических знаний, что, по мнению К.Р. Несипбаевой, усиливает их ценностно-смысловое и ценностно-содержательное содержание⁸.

Каждый из базовых методологических подходов в синтезе, конструируя содержание исследуемой темы, обладает специфическими возможностями, позволяет раскрыть анализируемые исторические процессы как сложную, находящуюся в нелинейном развитии, целостную социально-историческую реальность.

Два основополагающих принципа, которые задают вектор исследования, – принцип историзма и междисциплинарности.

---

⁷Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования (2- издание). М.: Наука, 2003. С.147.

⁸Несипбаева К.Р. Методологические проблемы и методы историографии Казахстана // Вестник КазНПУ. Алматы, 2011. №3. С. 5–12.

Применение принципа историзма требует изучать факты, события и явления в связи с конкретно-исторической обстановкой, избегая влияния современных политических и научных оценок, рассматривая прошлое с точки зрения людей того времени и современного им уровня общественного, политического и экономического развития. Факты, события и явления проанализированы в их исторической взаимосвязи и взаимообусловленности.

Обоснование и необходимость применения междисциплинарного принципа напрямую отражена одним из представителей школы анналов Марка Блока, который писал: «Какими бы разнообразными познаниями мы ни стремились наделить наиболее вооруженных исследователей, они всегда – и, как правило, очень скоро – доходят до определенного предела. И тут уж нет иного выхода, кроме как заменить многообразную эрудицию одного человека совокупностью технических приемов, применяемых разными учеными, но направленных на освещение одной темы. Этот метод предполагает готовность к коллективному труду»⁹.

Положенные в основу исследования принципы обусловили комплексный характер исследования, предполагающий совокупность методов. С целью диагностики различных сторон исследования в работе использовалась совокупность общегуманитарных и прикладных методов научного познания. При этом специфика исследования потребовала использования достаточно широкого круга источников, подлежащих систематизации с учетом характера выявленной проблематики.

Изучая опыт Российской империи по управлению Казахской степью Оренбургского ведомства – окраиной как объектом реформ, в работе предпринята попытка личной ответственности за восстановление сложных отношений Российской империи и Казахской степи в период с 1731 года до середины XIX века. В своей работе «Империя «Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования» А. Миллер пишет, что «...это именно та сложная

---

⁹Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.

ткань взаимодействия имперских властей и местных сообществ, которую необходимо воссоздать во всей ее полноте»¹⁰.

Во многих работах историков, когда говорится о Российской империи в контексте имперского измерения истории, нередко речь идет о сложных системах отношений между центром и окраинами¹¹.

Особенность данного направления исследований в исторической науке двойственна. Если версия имперского нарратива, сосредоточенного на центре и власти унаследована от советской историографии, то для национальных историографий, концентрирующихся на своей нации и не так давно обретенном суверенитете, имперский период проецируется как тягостный, вынужденный период истории¹².

В этом контексте автор данной работы, пройдя российскую школу, будучи российским исследователем, и в то же время являясь представителем казахского народа, предки которого в исследовании выступают как представители «российских окраин», попытался рассмотреть ситуацию с двух сторон: с точки зрения российского исследователя, который нацелен внести свой вклад в российскую науку и ученого, способствующего становлению современной казахстанской исторической науки, переосмыслению собственной уникальной, самобытной истории.

В поиске основной методологической базы исследования значительный интерес вызвала концепция мир-системного анализа (МСА) И. Валлерстайна¹³. Согласно концепции, весь исторический процесс предстает как процесс становления и развития современной мир-системы. При этом любые

---

¹⁰Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение. 2006. С. 7

¹¹Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.; Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 332 с.; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995.

¹²Абашин С. Рец. на кн.: Вера Тольц. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период // Антропологический форум № 20. С. 343–351

¹³Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.

исторические системы не следует отождествлять с формацией либо цивилизацией, они могут быть представлены как варианты единиц истории.

Мир-системный методологический подход позволяет проводить исследование динамики исторического развития на стыке различных пространственно-временных уровней социальной реальности¹⁴. Для данного исследования ими являются:

- макроуровень использовался для выявления закономерности эволюции исторического процесса;

- микроуровень позволил анализировать отдельные вопросы сложного взаимодействия Российской империи и Казахской степи Оренбургского ведомства. При этом Казахскую степь А.Я. Гуревич определил следующим образом: «...большой массив евразийских степей стал кочевой периферией мир-системы»¹⁵.

Выделение из всех методологических подходов мир-системного анализа актуализировано обостренной потребностью интерпретировать изучаемую тему адекватно современным общественным реалиям. Этому способствуют триединство основополагающих характеристик мир-системного подхода, которые выделены И. Валлерстайном:

- фокус на миросистемы, а не национальные государства;
- необходимость рассматривать исторические процессы с учетом их развития на длительных отрезках времени;

- объединение в единую аналитическую структуру областей знания, которые принято считать отличными друг от друга: истории, политологии, экономики, социологии. Иными словами – междисциплинарность¹⁶.

Таким образом, методологическое видение и восприятие миросистемы как социальной реальности, состоящей из связанных между собой стран, классов,

---

¹⁴Фурсов А.И. Развитие азиатских обществ в XVII – начале XX в. Вып. 3: Мир-системный подход. М., 1991.

¹⁵Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.

¹⁶Валлерстайн И. Указ. соч.

групп, идентичностей явилось для нашего исследования основополагающим подходом.

Концепция «основных исторических понятий» профессора Билефельдского университета Райнхарта Козеллека помогает изучить возникновение нового терминологического аппарата, трансформацию понятий под влиянием социально-политических факторов на развитие общества. Под «основными историческими понятиями» автор понимает понятия, имевшие важнейшее значение в ходе того исторического процесса, который составляет предмет исследования историков. Он рассматривает понятия как элементы, из которых должна сложиться область исследований, изучающая социальный и политический язык, в особенности его терминологию, одновременно в качестве факторов и индикаторов исторического процесса¹⁷. Данная концепция анализирует понятия, которые возникли в эпоху трансформации социума, изучает их генезис, эволюцию и изменения под влиянием определенных факторов. Изменение значения слов в области общественно-политической лексики происходит в переходной период, от одной эпохи в другую, в нашем случае в новое время, т.е. в XVIII веке. Р. Козеллек через описание изменений содержания понятий объясняет изменения восприятия реальности. В нашем случае, данная концепция помогает объяснить через трансформацию понятий «аманат», «граница», «идентичность кочевника» изменения, происходившие в казахском обществе под влиянием российской политики в XVIII–XIX веках.

Как и любое научное исследование, настоящее не обошлось без общенаучных подходов и методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, представляющих в системном подходе. Сущность системного подхода и системного анализа состоит в том, что общественная реальность рассматривается не как простая сумма изолированных явлений и процессов, а выступает как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, т. е. как целостная система. При этом последняя, состоящая из элементов, демонстрирует

---

¹⁷ Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. / перевод с нем. К. Левинсон / сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 24.

такое их взаимодействие, в результате которого возникают новые интегративные качества системы, не присущие образующим ее элементам¹⁸. Отметим, что непосредственно сам системный подход как метод научного исследования постоянно развивается, видоизменяется и применяет новые формы – от общей теории систем до синергетики.

Системный анализ в данной диссертации нацелен, прежде всего, на исследование системы управления как части Казахской степи, так и региональной политики Российской империи в целом; на исследование отдельных частей системы взаимоотношений управления как отдельных элементов единой иерархии всей политики государства с регионами. Причем системный анализ имеет две свои стороны – структурную и функциональную, которые позволяют охарактеризовать разные грани сущности системы

В современной исторической науке фокус на миросистемы, а не на национальные государства, выражается, на наш взгляд, посредством устойчивой тенденции в изучении истории Российской империи через различные контексты компаративистики. Среди вопросов, изучаемых имперскими компаративистами, есть и такие, как административное управление окраинами, роль периферийных регионов в развитии империи¹⁹.

Так, например, А. Рибер, изучая континентальные империи, выделяет три основных фактора, которые, по мнению ученого, способствовали поддержанию устойчивости империи:

во-первых, это имперская идея, включающая концепцию управления;

во-вторых, имперская бюрократия как система реформ;

в-третьих, защита и интеграция пограничных зон или фронтиров²⁰.

Для нашего исследования наиболее интересен третий фактор, поскольку теория фронтиров, основоположником которой был Ф. Тернер²¹, в трудах А.

---

¹⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1997. С. 147.

¹⁹ Russia's Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700–1917 / Ed. by Brower D. R., Lazzarini E. J. Bloomington: Indiana Univ. Pr., 1997. 339 p.; Ремнев А.В., Сухих О.Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям // *Ab Imperio*, 2006. № 1. С. 119–154.

²⁰ Rieber A. From reform to empire: Russia's "new" political history // *Kritika*. Bloomington, 2001. Vol. 2. No. 2. P. 22.

Рибера выражается через взаимовлияние центра и приграничных зон или периферийных зон, или окраин. Эти зоны ученый рассматривает как непосредственную зону контакта или полосу столкновения-взаимодействия (фронтيرا) народов, населяющих эти территории.

Изучение истории Российской империи в контексте теории фронтаира дает возможность уйти от позиции политической прямолинейности как истории подавления или сближения народов, а рассматривать исторические внутренние механизмы, которые оказывали влияние на развитие Российской империи изучаемого периода.

Российская империя в силу многообразия и разнообразия народов, населяющих периферийные зоны, не имела единой стратегии и способов управления ими, поскольку политическая элита России должна была учитывать множество специфических разнообразных факторов управления этими территориями, среди которых, прежде всего, реакция местных народов на преобразования со стороны центра²². Именно это условие многообразия стратегий организации пограничных периферий многие авторы считают тем обстоятельством, которое обеспечивало долгое существование Российской империи²³.

В данном контексте для нашего исследования важно влияние Казахской степи Оренбургского ведомства как окраины на политику центра, на его ментальную среду и выделение особенностей управления, инкорпорирования данными присоединенными территориями Оренбургского ведомства в Российскую империю.

---

²¹ Тернер Ф.Дж. Фронтир в американской истории/ перевод с англ. А.И. Петренко. М.: Весь Мир, 2009. С. 23

²²Тольц В. Указ. соч.; Rieber A. From reform to empire: Russia's "new" political history; Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. науч. статей / под ред. Савельева П.И. М., 1997. 237 с.

²³ Большакова О.В. Российская империя: Системы управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор / отв. ред. В. М. Шевырин. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 41–43; Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX века): сб. научных статей / под ред. П.И. Савельева. М., 1997. 237 с.

В исторической науке существует теория постколониализма, которая, на первый взгляд, могла послужить методом научного исследования при изучении данной темы. Однако, при более детальном анализе теории, мы обратили внимание на то, что, на наш взгляд, она исключает возможность рассмотрения взаимовлияния центра и окраины, оставляя прерогативу за центром и исключая сторону наполнения взаимоотношений со стороны народов периферий.

В отличие от постколониализма, региональный подход позволяет выйти за пределы сложившегося исторического образа Российской империи. Представители данного методологического подхода А. Каппелер, К. Мацузато рассматривают Российскую империю как конгломерат или пространство макрорегионов, которую возможно изучать на региональном, межнациональном, наднациональном уровнях²⁴.

Через призму такого подхода взаимодействие разных этнических групп выступает основой для политического, социального, культурного процессов, происходящих на определенной территории.

Однако в науке существуют особые мнения, как, например, мнение А.И. Миллера, который пишет о неопределенности и условности использования в современных исторических исследованиях регионального подхода, подчеркивает размытость непосредственно самого понятия «регион», как того, что означает некое воображаемое нестабильное в границах пространство, на котором высвечивается одна этническая группа при маргинализации других²⁵.

Тем не менее, в работах Д.В. Васильева находим подтверждение того, что именно данный региональный подход применим к истории взаимоотношений

---

²⁴Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем.: С. Червоная. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 343 с.; Его же. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. № 1. С. 21.; Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост. И.В. Герасимов [и др.]. Казань: Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. С. 42

²⁵Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 13–53.

Российской империи и Казахской степи, поскольку изучаемый регион исторически стабилен²⁶.

Отметим, что обосновано это тем, что на протяжении XVIII и первой половины XIX в. границы расселения казахов практически не менялись и были четко ограничены владениями трех казахских жузов (за исключением появления в начале XIX столетия Внутренней казахской орды). Исходя из вышеизложенного, в ходе изучения темы исследования вопросам определения места Казахской степи на картах Российской империи мы посвятили отдельную главу, в которую вошли топографо-геодезические исследования северо-западных регионов Казахской степи в XVIII – первой половине XIX века; особенности ментальной кочевой карты пространства и ее формирование у кочевников-казахов.

Как часть регионального исследования используемый нами метод микроисторического анализа позволяет детально проработать отдельные вопросы заявленной темы: принципы и механизмы имперского управления окраиной в XVIII в.; институты аманатства, ханской власти, султанов-правителей и т.п. Все они рассмотрены нами в имперском измерении и как процесс и как результат имперской политической деятельности.

Изучаемые политические отношения проявляют себя через организацию специфической геополитики, строящейся на уникальной системе управления: гибкой, вариативной, дуальной. Именно она позволяет инкорпорировать регион, населенный народами-носителями иной культуры, вероисповедания, экономическим и социальным устройством в Российскую империю и обеспечить стабильное сосуществование.

Метод критического анализа позволил, во-первых, проанализировать исторические источники с целью выявления достоверной информации и, во-вторых, реконструировать историческую действительность присутствия России в

---

²⁶ Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII–первая половина XIX века): дис. ... док. ист. наук. М., 2016; Его же. Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сб. научных статей к 50-летию со дня рожд. проф. А.В. Ремнева. Омск: изд-во ОмГУ, 2005. С. 351–392.

регионе Казахской Степи Оренбургского ведомства на основе той информации, которую мы получили в ходе работы с материалами.

Характеризуя историко-сравнительный метод, И.Д. Ковальченко пишет, что он «...дает возможность вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству и по различию присущих им свойств, а также проводить сравнение в пространстве и времени, т. е. по горизонтали и вертикали»²⁷. Используя этот метод в данном исследовании, мы исходили из того, что он поможет вскрыть закономерности, общие сущностные характеристики изучаемых исторических событий, процессов, явлений.

Применение метода исторической непрерывности позволило в максимальной степени приблизиться к реальной истории объекта, показать причинно-следственные связи, охарактеризовать исторические события и личности в их прямой взаимосвязи. Также метод дал возможность проследить и выделить этапы становлений каких-либо явлений, процессов; посмотреть несколько отстраненно от отдельного события, которое в исторической динамике служит предпосылкой для более поздних процессов и явлений.

Описательный историко-генетический метод, который раскрывает свойства и функции исторических явлений, использовался в данном исследовании для анализа генезиса проводимых имперскими властями реформ, процессов формирования, конструирования и трансформации институтов административного управления Казахской степью. Каждое из описанных событий, мы попытались воссоздать индивидуально, избегая научных оценок и интерпретаций.

Метод историко-географических реконструкций помог уточнить территориальные границы казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. Сопоставляя информацию, приведенную в записках, отчетах топографо-геодезических экспедиций, отправленных в Казахскую степь с географическими картами, уточнялись территориальные границы двух ведомств.

---

²⁷Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 148

Любой историк, обращаясь к междисциплинарному подходу и внимательно относясь к методике своего исследования, прежде всего, должен провести тщательную работу с источниками²⁸. Исходя из этого, работая с самыми разнообразными источниками, согласимся с мнением представителя школы «анналов» М. Блока о том, что «разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, все, что он изготавливает, все, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»²⁹. Иными словами, трактуя содержание понятия «исторический источник» в широком смысле, к изучению данной темы исследования привлечен большой массив источников, включающий самые разнообразные их виды.

Важным, на наш взгляд, является то, что введение в современный научный оборот архивных документов позволило возродить для истории функциональную заданность исследуемых документов, поскольку в ходе изменения пространственно-временной среды бытования документа, обусловленной социально-экономическими, политическими, культурными процессами, происходящими в обществе, она была утрачена³⁰.

Использование целого комплекса методологических подходов и методов исследования необходимо для всестороннего изучения опыта Российской империи по управлению окраиной в период с 1731 – до середины XIX в. в политическом, социально-культурном, экономическом, функциональном плане, в том числе и в плане личностном. В диссертации личностям, оказавшим значительное влияние в изучаемый исторический период на отношения Российской империи и Казахской степи, отводятся отдельные параграфы и главы.

В отношении работы с историческими документальными источниками, обратимся к суждению П.Ю. Уварова: «Когда долго препарируешь исторический

---

²⁸ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368с.

²⁹ Марк Блок. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.

³⁰ Савин В.А. Документ – архивный документ – исторический источник – памятник истории и культуры: проблемы проявления сущностных характеристик (18.6 Kb) // Открытый текст. Электронное периодическое издание. – Режим доступа: <http://opentextnn.ru/history/istochnik/problems/> [Дата обращения: 06.08.2017]

источник (дневниковые записи, актовый материал) и стараешься сделать его пригодным для сериальной истории, загоняя сведения в графы таблиц, готовя их для банка данных, то сталкиваешься с нарастающим сопротивлением материала. И вдруг делаешь открытие, что перед тобой – живые люди, со своими судьбами, своими неповторимыми особенностями – добродетелями, пороками и маленькими недостатками. И тогда внезапно возникает удивительное и незабываемое ощущение первого живого контакта – перед тобой реальный человек, и сейчас произойдет что-то очень важное»³¹.

Так, исследуя роль личностей по теме исследования – ханов из дома Абулхаира, Шергазы Айшуакова, султанов-правителей и др., максимально раскрывая полноту их жизненных историй, мы использовали историко-биографический метод. Реконструируя жизнеописание или отдельные этапы их жизни, мы привлекли особый корпус источников (письма, жалобы, характеристику, данную современниками и т.п.). Важно, что при их анализе посредством дедуктивного подхода, была представлена авторская позиция в оценке роли личностей.

Кроме этого, при выявлении определенного круга лиц в качестве объекта исследования правителей трех частей Оренбургского ведомства был использован метод коллективной биографии, который позволил выявить, учесть и обобщить их социальные и культурные характеристики³².

Среди заимствованных методов исследования отметим сравнительно-правовой, институциональный, контент-анализ.

Сравнительно-правовой метод применялся для анализа законотворческих материалов по теме исследования и позволил выделить особенности создания, применения документов, имеющих правовое значение, выявить роль, которую оказывали законотворческие акты на развитие исследуемого региона.

Институциональный метод был использован для анализа традиционных и вновь создаваемых политических институтов.

---

³¹Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М., 2015. 65с.

³²Мазур Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособие. Екатеринбург, 2010.

Контент-анализ, чаще применяемый в социологии, помог в исследовании количественных исследований изучаемых документальных, архивных материалов, в последующей их обработке и анализе.

Все выше представленные методологические подходы и методы используются в комплексе, дополняют друг друга и предоставляют возможности для всестороннего изучения темы исследования, решения поставленных задач, формулирования выводов и достижения цели.

1.2 Историография проблемы

Бурные события конца XVII – первой четверти XVIII в. вызвали значительный подъем в развитии общественно-политической и научной мысли в России. В начале XVIII в. после Прутского похода интересы Российской империи с черноморского направления были перемещены на азиатское, т.е. юго-восточное. Становление имперской концепции, идеи «собирания земли русской», изменение в обществе понятия исторической миссии России на международной арене, приводит к формированию новых стратегических и политических задач Российской империи. Проведенные Петром I преобразования, сопровождавшиеся ломкой привычного уклада жизни различных слоев населения, реформы государственного аппарата, победа России в Северной войне, превращение России в могущественную европейскую страну, распространение просвещения способствовали изучению современниками происходящих исторических событий. Как известно, сам Петр I живо интересовался прошлым страны и побуждал своих помощников изучать русскую историю, издав ряд указов о сборе исторических источников. В 1724 году императором Петром I была основана Академия наук. Под влиянием петровских реформ в первой половине XVIII века наука становится важным элементом государственной политики. Все эти изменения потребовали изучения истории, культуры, нрава, социально-экономических особенностей народов, обитавших в пределах империи.

Россия становилась многонациональной империей. В правительственных кругах страны утверждается мнение, что разностороннее изучение не только Руси, но и ее национальных окраин, в том числе и Казахской степи, является непосредственной и прямой задачей русской науки. Политика российской администрации не могла успешно осуществляться без сбора и изучения особенностей исторического развития казахского социума, его воззрений, быта, традиций и т.д. Организация комплексных академических экспедиций, привлечение архивных, археологических, этнографических (анкетирование), лингвистических источников способствовала превращению разрозненных, несистематизированных знаний о казахах-кочевниках в науку. Первые администраторы Оренбургского края заложили основу научного изучения географии, истории, этнографии, быта, религии казахов. Являясь представителями высшей власти на окраине, они пытались собрать материал о подведомственных народах окраины. Искали ответы на злободневные вопросы. После инкорпорации Младшего казахского жуза и части Среднего жуза в состав Российской империи начинается научное и геополитическое обоснование данного процесса. Сформированные в дореволюционный период теоретико-методологические принципы и историографические подходы были отражением политических и стратегических задач Российской империи.

Одной из особенностей историографии этого времени было то, что авторами многих научных трудов выступали видные государственные деятели, которые выражали «государственный интерес» к проблемам истории и современности. Одним из таких авторов был деятель правительства Петра I обер-секретарь Сената Иван Кирилович Кирилов (1695–1737). Он относился к той категории государственных деятелей, которые по существу, определили политику империи в Оренбургском крае. Первый начальник Оренбургской экспедиции (1734–1737) изучал политическую ситуацию и население края, при нем стала регулярно поступать в Петербург информация о Казахской степи, о центрально-азиатских ханствах, было предпринято картографирование Оренбургского края.

И.К. Кирилов во второй половине 20-х – первой половине 30-х годов XVIII в. предложил правительству ряд проектов. Он уделял большое внимание экспедициям, отправляемым на Восток страны, выдвигал предложения по укреплению позиции России на ее юго-восточных окраинах. И.К. Кирилов указывал, что участники экспедиций должны подробно изучать природу и обычаи, быт и нравы населения новых земель; уметь составить карты, разведать полезные ископаемые, приискать места, удобные для торговли с соседними странами³³. При его поддержке дважды был направлен к казахскому хану Абулхаиру английский путешественник и художник Джон Кэстль, который нарисовал портреты хана, ханши Бопай, сыновей Абулхаира, представил сведения политического и этнографического характера и т.д.

И.К. Кирилов – автор первого полного историко-географического и экономико-статистического труда по истории России. Его «Цветущее состояние Всероссийского государства в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая»³⁴ был опубликован в 1831 году. Он в 1727 г. на основе документов из фонда Сенатского архива, Сибирского приказа, коллегий, а также летописей создал свой труд, представляющий собой описание Петровской России. По существу, это было справочное пособие для чиновников империи. Здесь в табличной форме изложены цифровые данные. В указанной работе описаны 12 губерний России: Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская, Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская, Сибирская. Основной принцип строения книги – региональный. Надо отметить, что для трудов исследователей той эпохи характерна тесная взаимосвязь географии и истории. И.К. Кирилов уделил большое внимание административно-территориальному делению государства и

---

³³ Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // Материалы по истории России / сост. Добросмыслов А. Т. 1. Оренбург, 1900. С. 1–7.

³⁴ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. В 2-х кн. М.: Университет. тип., 1831. Кн. 1. 184 с.; Кн. 2. 202 с.

системе государственных учреждений. В работе описаны не только сами губернии, но и провинции, города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, правители, епархии, монастыри и т.д.

Во второй книге мы находим сведения о калмыках, башкирах. В Астраханской губернии он выделяет городок Гурьев, через который проходили торговые караваны из Астрахани в Хиву и Бухару. По сведениям автора, по р. Эмба временно кочевали в тот период калмыки владельца Доржи Назарова, а по вершине данной реки – каракалпаки³⁵. О кочевьях калмыков он сообщает, что «переходя с места на место, от Астрахани вверх по Волге луговой стороною до Саратова, а иногда и на нагорную сторону переходят, а внутрь луговой степи до Яицкого казачья и до Гурьева городков и до Эмбы реки на великой обширности»³⁶. Данные сведения важны для нас, так как территория расселения и история взаимоотношений казахов, калмыков, башкир в начале XVIII в. скудно представлена в архивных материалах.

С именем первого члена-корреспондента АН (с 1759 г.) П.И. Рычкова связана первая официальная история Оренбургского края. Из множества научных работ П.И. Рычкова мы выделяем две. «Топография Оренбургской губернии»³⁷, где сосредоточены географические и историко-этнографические сведения о народах Южного Урала, Казахской степи и Средней Азии. В данной работе мы находим сведения о туркменах, калмыках, Хиве и хивинцах, башкирах и татарах и т.д. П.И. Рычков описывает взаимоотношения туркмен с калмыками, упоминает о прошении туркменских правителей через калмыцкого хана Дондук Омбы принять их в состав Российской империи с 30 тыс. кибитками³⁸. Автор приводит ценные сведения о казахских и калмыцких ханах, о взаимоотношениях казахов с каракалпаками, о казахско-джунгарских войнах и т.д. П.И. Рычков считал, что сведения о народах, проживающих в Оренбургском крае и сопредельных территориях, необходимы империи для определения своей политики в регионе, а

---

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. 405 с.

³⁸ Там же. С. 11.

также для интеграции народов в состав России. Источниками его труда стали: «Родословное древо тюрков» Абулгазы Бахадур хана, «Описание Сибирского царства» В. Миллера, сочинения В.Н. Татищева и др.

«Обстоятельные и совершенно верные описания народов Оренбургского края были крайне необходимы для России», – писал автор. Биограф П. И. Рычкова академик П. Пекарский так оценивал данный труд: «Появление в свете «Топографии Оренбургской» было для своего времени событием заметным и в литературе, и в обществе. Из нее в первый раз узнаны были разные подробности о таком крае, который мало был известен не только большинству публики, но и самому правительству. Последнее, отправляя туда главных начальников, давало им полномочия, в силу которых те могли распоряжаться в стране по собственному усмотрению и не отдавая никому отчета в своих действиях. В России смутно знали, что в Оренбургском крае идет отчаянная борьба между туземным населением и новыми пришельцами из наших; что там непрерывные восстания; что туда требуются войска, и т. д. При таком положении края труд о нем Рычкова был важною новостью для современников»³⁹.

«История Оренбургская»⁴⁰, составленная на основе опросов приезжавших в Оренбург казахских старшин, аманатов, находившихся здесь, а главное, архивных материалов Оренбургской губернской канцелярии, содержит документальный материал, преимущественно официального характера (грамота Анны Иоанновны хану Абулхаиру от 10 июня 1734 г., хану Среднего жуза Семеке о вторичном принятии его в подданство, указы, донесения, связанные с деятельностью Оренбургской экспедиции и основанием Оренбурга). Значительное место в этой работе занимают политическая история Младшего жуза и мероприятия колониальной политики царизма в регионе (Казахская степь, Северный Прикаспий (калмыки), Башкирия), затронуты отдельные аспекты

---

³⁹ Пекарский П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Спб., 1867. С. 66.

⁴⁰ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750) / под ред. Н.М. Гутьяра. Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.

взаимоотношений казахов с башкирами и калмыками. Хронологические рамки «Истории Оренбургской» охватывают период с 1730 по 1750 гг.

Не менее ценны сведения П.И. Рычкова о том, какую роль сыграли калмыцкие тайши в период присоединения Младшего жуза казахов в состав Российской империи. Автор пишет о распространении ими слухов о том, что «российские люди киргиз-кайсаками так, как и башкирами, овладеют».

Важным источником для него являлись отчеты руководителей различных торговых и дипломатических экспедиций в Казахстан и Среднюю Азию, пользовался он также отчетами таможи. П.И. Рычковым подробно описаны первые мероприятия оренбургских начальников по реализации юго-восточной политики царизма, мероприятия правительства по заселению Оренбургского края служилыми людьми, основание крепостей, строительство укреплений и т.д. Автор обратил внимание на миссию А. Тевкелева и его усердие по выполнению задач экспедиции. П.И. Рычков подчеркивал, что казахи приняли подданство благодаря убедительной речи А. Тевкелева, «на одном большом и последнем их киргиз-кайсацком сборе большая часть из того собрания купно с ханом и с помянутым киргиз-кайсацким знатнейшим старшиной Букенбаем ея.и.в. присягу к верности учинили».

П.И. Рычков был свидетелем многих исторических явлений. В работе подробно описываются взаимоотношения казахского хана Абулхаира с первыми начальниками края, также приводятся сведения о башкирском восстании 1735–1740 гг.

Большую ценность представляют те разделы «Истории Оренбургской», где П.И. Рычков выступает как крупный историк дипломатии. Он первым в историографии изложил историю российской внешней политики в Центральной Азии в 1730–1740-е гг.; описал обстоятельства, приведшие казахские жузы к подданству России, всю сложность международных отношений в этом регионе. П.И. Рычков снабдил свой труд многочисленными документами. Его произведение можно отнести к историко-мемуарной литературе, поскольку сам

автор был непосредственным участником, свидетелем всех описанных в тексте событий.

Петр Иванович долгие годы проработал в губернской канцелярии и обладал доступом к огромному количеству документов, в том числе и строго секретным. Цитируя в работе отрывки из архивных источников, он по существу, донес до нас некоторые сведения, не сохранившиеся до настоящего времени.

Жизнь и деятельность П.И. Рычкова связана с Оренбургским краем. Он начал свою службу в крае еще при И.К. Кирилове «в правлении канцелярских дел», затем работал при В.Н. Татищеве, В.А. Урусове, Л.Я. Соймонове, И.И. Неплюеве, но со следующим начальником края с А.Р. Давыдовым отношения не сложились. После отъезда И.И. Неплюева с февраля 1758 года по июль 1759 года, до прибытия А.Р. Давыдова, он вместе генерал-майором А. Тевкелевым совместно исполнял обязанности начальника края⁴¹. По мнению А.И. Добросмыслова, А.Р. Давыдов не обладал умением вникать в суть дела и понимать окружающие обстоятельства. Людями, способными и знакомыми с местными условиями края, он не дорожил и обращался надменно. Из-за этого, в 1761 году П.И. Рычков вышел в отставку с чином статского советника⁴². Через некоторое время снова вернулся в Оренбург начальником главного соляного правления. В 1774 году обострились отношения между оренбургским губернатором И.А. Рейнсдорпом и П.И. Рычковым по поводу описания последним оренбургской осады во время восстания под руководством Е. Пугачева. В качестве чиновника империи он прослужил до конца своих дней в Оренбурге.

Личное знакомство с казахской элитой, башкирскими старшинами и тарханами, работа с источниками, собственные наблюдения автора помогли ему создать труды, которые стали важной вехой в истории изучения народов окраины. Они стали заметным явлением в области исторической науки того периода.

---

⁴¹Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901. С. 125.

⁴²Там же.

П.И. Рычков как современник происходивших исторических явлений представил свое видение многих процессов, в том числе – присоединение Младшего жуза казахов к Российской империи. Автор среди причин обращения хана Младшего жуза Абулхаира к Российской империи выделяет внешнюю угрозу. По его мнению, «киргиз-кайсацкой Меньшой Орды Абулхаир претерпевал великие разорения и обиды, с одной стороны от зюнгорских калмык, ... а с другой стороны – со смежного им башкирского народа»⁴³.

Вместе с тем П.И. Рычков отмечает, что главной причиной прошения подданства ханом Абулхаиром было стремление вернуть исконные земли казахов, потерянные ими во время джунгарской войны. Данные работы были первыми научными трудами, где обстоятельно изучалась история и география региона.

Хотелось бы отметить, что современный уфимский ученый Б.А. Азнабаев в своей работе «Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса» на примере исследовательской деятельности П.И. Рычкова рассматривает корректность применения теории ориентализма Э. Саида к колониальной политике Российской империи⁴⁴. Автор обратил внимание на тот факт, что административная деятельность П.И. Рычкова имела безусловный приоритет перед научными изысканиями. Любое его крупное исследование: «Топография Оренбургской губернии» или «История Оренбургская» – предшествовало решению определенной конкретной управленческой проблемы.

Б.А. Азнабаев отмечает, что П.И. Рычков первым попытался создать стереотипические образы народов, населявших юго-восток России. «Эта сторона научного творчества П.И. Рычкова вполне укладывается в дискурс ориентализма, который детерминирует конструирование четкого представления о колониальном народе с определенным набором качеств», - считает автор.

Обратив внимание на утверждение Э. Саида, что ориентализм конструирует культурную дистанцию, которая легитимирует политическое господство, автор выделил П.И. Рычкова и В.Н. Татищева, которые указывали на этот

---

⁴³Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 5–8.

⁴⁴ Азнабаев Б.А. Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2014. Т. 3. №6. С. 496–502.

цивилизационный диссонанс как людей отличавшихся интересам к современным им научным и философским воззрениям.

На основании изучения интеграции башкир в структуру Российской империи автор делает вывод, что центр опирался на опыт управления нерусскими народами, который сложился еще в XVI – XVII вв., а выстраивание «культурной дистанции» характерно только для небольшой группы образованных администраторов послепетровской эпохи⁴⁵.

В.Н. Татищев – активный участник важнейших политических и военных событий I половины XVIII в., в 1737–1739 гг. начальник Оренбургской экспедиции, а затем комиссии, в 1741 г. начальник Калмыцкой комиссии. Как главный начальник Оренбургского, а затем и Астраханского края, он был близко знаком с казахской, калмыцкой и башкирской аристократической верхушкой. В период его правления в Оренбургском крае продолжались башкирские восстания. В 1737–1738 гг. казахский хан Абулхайр, поддержав восставших башкир, принес немало волнений начальнику края. В этот период он несколько раз лично встречался и беседовал с ханами, султанами Младшего и Среднего жузов. Как участник и свидетель многих политических событий этого периода, В.Н. Татищев задумывается об изучении истории народов окраин Российской империи. Он отмечает, что еще многое не понятно, сомнительно в истории изучения народов, поэтому он «дал бывшим в Оренбурге бухаром, хивинцами пр. записки, чего они имеют в их историях искать, а при том, чтоб старались старинные истории, на каком бы языке не были, не опасаясь цены, купили и привезли, которые получа, неумедля пришлю»⁴⁶.

Для сбора научной информации о населении России в XVIII в. использовалось анкетирование. В 1734 и 1737 гг. пространные анкеты (первой – 92, во второй – 198 вопросов) составил и разослал по Сибири В.Н. Татищев, собирая материал «О народах идолопоклоннических» и «О магометанах».

---

⁴⁵ Там же. С. 499.

⁴⁶Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1. С. 236.

В работе «Лексикон российской, географической, политической и гражданской»⁴⁷ В.Н. Татищев приводит данные о разделении казахов на Старший, Средний и Младшие жузы. Им описана этимология слов «киргиз», «казак» и «башкир». Так, по его мнению, «киргиз» означает степной, преходящий, «кайсак» – отлученный, отдаленный, отпавший, а «башкир» – главный волк или вор (в значении бунтарь – Г.И.)⁴⁸.

По вопросу взаимоотношений народов региона, в частности, казахов и башкир, автор отмечает, что они ведут постоянные войны, где башкиры получают обычно большую добычу. «Хотя они (казахи – Г.И.) гораздо многочисленнее, но для крепких мест зауральских многоозерных горах вреда великого учинить не могут», - отмечал В.Н. Татищев⁴⁹.

Свидетельством глубокого интереса В.Н. Татищева к соседним восточным народам может также служить его переписка с П.И. Рычковым. В своих письмах В.Н. Татищев постоянно задавал последнему вопросы историко-этнографического, лингвистического характера и высказывал свое отношение к материалам, собранным П.И. Рычковым о казахах и Казахской степи.

В.Н. Татищев в 9 главе работы «Введение к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи» указывает, что в «великой империи ... 42 народа находятся», и называет «иноверными» население окраин империи. Казахи Младшего и Среднего жузов, а также башкиры отнесены к «магометанам», а калмыки – названы «идолопоклонниками»⁵⁰. Автор указывает, что изучение истории народов без перевода татарских, персидских и др. источников невозможно⁵¹.

В.Н. Витевский так охарактеризовал деятельность В.Н. Татищева: «По мыслям, которые высказывал Татищев, по своей любви к знаниям и просвещению

⁴⁷Татищев В.Н. Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения / под общей ред. С.Н. Валка. Л.: Наука, 1979. С. 153–327.

⁴⁸ Там же. С. 180, 326.

⁴⁹ Там же. С. 181.

⁵⁰ Татищев В.Н. Введение «к гисторическому и географическому описанию Великороссийской империи» // Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1950. С. 171.

⁵¹ Там же. С. 173.

он шел впереди своего века, столь выше окружавшей его среды; по образу же действия на служебном поприще он не отличался ничем от старинного воеводы в отдаленном городке»⁵².

Следующий автор – Василий Михайлович Бакунин и его труд «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев» – не потерял своей значимости и в наши дни. Данная работа является ценным источником для изучения истории калмыков XVII–XIX вв. Автор свободно владел калмыцким языком, знал письменность «тодо бичиг» (старокалмыцкую) по долгу службы на протяжении нескольких десятков лет был в гуще «калмыцких дел»⁵³. Он относится к той категории людей, чьи династии верно служили России. Дед Василия Михайловича, Иван Иванович Бакунин, вместе с князем Б.А. Голицыном⁵⁴, одним из сподвижников Петра I, был определен на службу в г. Царицын⁵⁵. В прошении об определении его секретарем Калмыцких дел при КИД от 12 февраля 1726 года, Василий Михайлович сообщает, что его собственная служба началась в 1720 году, когда он был перемещен из Царицына в Астрахань и определен А.П. Волынским переводчиком калмыцкого языка⁵⁶. Отец Михаил Бакунин также находился на службе в крае и хорошо владел калмыцким языком.

А.П. Волынский выдвигал на службу В.М. Бакунина и содействовал в дальнейшем его продвижению по служебной лестнице. В 1726 году В. Бакунин был назначен секретарем Калмыцких дел при КИД. 28 января 1725 года он был направлен в Черный Яр, «ездя в калмыцкие улусы, наведовался о всех калмыцких владельцах, в каком они состоянии обретаются, и что уведает, о том писал к господину губернатору»⁵⁷. Он создал целую сеть осведомителей из

---

⁵² Пекарский П. Указ. соч. С. 13.

⁵³ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 5.

⁵⁴ Борис Алексеевич Голицын (1654–1711) во время поездки Петра I за границу был одним из 3-х членов регентства, позднее – наместник в Астрахани.

⁵⁵ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов. С. 7.

⁵⁶ Там же. С. 8.

⁵⁷ Там же. С. 10.

простолюдинов и зайсангов, но калмыцкие правители заподозрили его в шпионстве, в частности, ханша Дарма-Бала заинтересовалась его службой.

Труд В. Бакунина составлен на основе огромного количества исторических источников, в том числе, архивных, отложенных в КИД, и сведений, собранных им в период встреч, бесед с калмыцкими тайшами, зайсангами и простыми кочевниками. Здесь находится богатый материал по административному устройству калмыцкого социума, правовому положению калмыков, есть материалы о борьбе внутри калмыцкого общества, о казахско-калмыцких отношениях. Здесь же сохранились документы о приставе при калмыцком хане, который вызывает интерес в связи с нашей научной проблемой. Компаративный анализ периода раннего пребывания калмыков на территории России, изучение института ханства и их сравнение с кочевым обществом казахов XVIII в. позволяет выделить схожие механизмы в управлении окраиной.

Данная работа впервые в сокращенном виде была издана в журнале «Красный архив» №№3(94), 5(96). В 1995 г. в Элисте, Калмыцкое книжное издательство переиздала это сочинение В.М. Бакунина. Как пишут издатели, основой для него стал материал, опубликованный в 1939 году в журнале «Красный архив». Сверив журнальную редакцию с фотокопией рукописной копии, известной под названием «Списка из «Погодинского сборника», они представили этот труд читателям.

Таким образом, для исследований этого периода было характерно расширение круга источников, привлечение архивных, лингвистических материалов, использование такого научного метода, как анкетирование. И.К. Кирилов, П.И. Рычков, В.Н. Татищев, В. Бакунин обосновали необходимость изучения азиатских народов России в связи с восточной политикой Петра I и его приемников. Работы этих авторов можно рассматривать, с одной стороны, как оригинальные первоисточники по истории казахов, калмыков, башкир, а с другой стороны, как первые историографические труды.

Во второй половине XVIII в. активизируется восточная политика России. «Движение на восток представлялось исторической миссией России,

обусловленной ее срединным географическим положением»⁵⁸. Заинтересованность в развитии торговли с центральноазиатскими ханствами, восстания в Башкирии, непоследовательность в действиях хана Младшего жуза Абулхаира, падение Джунгарского ханства и изменение геополитической ситуации в Центральной Азии, нападение казахов на торговые караваны и на линии побудили российскую администрацию к дальнейшему усилению своей власти в регионе, а также изучению причин этих явлений.

Во второй половине XVIII века участники академических экспедиций изучают Россию в естественноисторическом, экономическом и культурном отношении, обогащают знания о народах юго-восточных окраин империи. В этот период формируется, как отмечает Ж. Кундакбаева «имперская парадигма этнографии, направленная на изучение нерусских народов с точки зрения европейского понимания цивилизации»⁵⁹. Экспедиции 1768–1769 гг. И.И. Лепехина⁶⁰, П.С. Палласа⁶¹, И.П. Фалька⁶², И. Георги⁶³ собрали сведения этнографического характера. Они на основе «включенного» метода исследования представили труды описательного характера, обратив внимание на социальные и культурные отличия населения окраин.

П. Пекарский отмечал, что с 1768 по 1773 гг. Академия наук снарядила пять экспедиций в юго-восточные окраины Российской империи. Результатом этих исследований стали историко-этнографические материалы, сведения о фауне и флоре, климате, почве, религии, языке и хозяйственной деятельности народов региона.

---

⁵⁸ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. С. 293.

⁵⁹ Кундакбаева Ж.Б. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения. М. АИРО, 2005. 123 с.

⁶⁰ Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768–1769 гг. СПб.: Императорская АН, 1771. Ч. 1.

⁶¹ Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская АН, 1773–1788. Ч. 1–3.

⁶² Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская АН, 1824.

⁶³ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб., 1776 – 1777.

На рубеже XVIII – XIX веков Казахская степь становится транзитной зоной налаживания торговых отношений Российской империи с государствами Центральной Азии. Отправляется большое количество дипломатических миссий, в задачи которых входило урегулирование отношений и обеспечение безопасной торговли русским купцам. Путевые записки и дневники сотрудников этих миссий зафиксировали информацию об образе жизни кочевников, быте, культуре, обычаях, традициях казахов. Д. Гладышев и И. Муравин (1740–1741 гг.), К. Миллер (1742–1743 гг.), А. Бланкеннагель (1793 г.), А.С. Безносиков и Т.С. Бурнашев (1794 г.), Д. Телятников (1796 г.), М.С. Поспелов и Т.С. Бурнашев (1800 г.), Я.П. Гавердовский (1803 г.), Ф.М. Назаров (1813 г.), Н.Н. Муравьев (1821–1822 гг.), проезжая по территории населенной казахами-кочевниками, имея непосредственный контакт с ее представителями, стали свидетелями многих исторических событий той эпохи. Они содействовали дальнейшему накоплению географических, этнографических знаний о Казахской степи.

В XIX в. происходит формирование основных концепций по проблемам изучения политики Российской империи на окраинах. Тема присоединения Младшего жуза к России в качестве центральной присутствует практически во всех работах. Концепции возникают в рамках стратегических задач империи, включаются в реальную политику для обоснования реализации политики расширения границ: «собираение земель», теории «естественных границ» и выполнение православной христианской миссии. В связи с проведением административно-территориальных реформ 1824, 1844 гг. инициатива изучения Казахской степи переходит к Министерству иностранных дел, Военному министерству, горному департаменту. В центре внимания официальных, государственных учреждений – Казахская степь Оренбургского и Сибирского ведомств. Представители этих ведомств изучают также взаимодействия казахов с южными соседями – Кокандским, Хивинским ханствами, продолжается сбор материала о внутренней структуре жузов и т.д.

Значительный вклад в изучение этнической, политической, социально-экономической истории казахского народа и его взаимоотношений с соседними государствами внес чиновник Азиатского департамента МИД Алексей Ираклиевич Левшин (1797–1879), которого Ч.Ч. Валиханов называл «Герадотом казахского народа». В 1818 году он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, служил в Азиатском департаменте. По указу императора Александра I 22 июня 1820 года коллежский советник В. Тимковский был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии, вместе с ним в Оренбург прибыл титулярный советник А. Левшин, назначенный письмоводителем. После отъезда В.Ф. Тимковского в Санкт-Петербург А.И. Левшин занялся разбором дел архива пограничной комиссии. Лично встречался с казахским ханом Шергазы Айшуаковым, султанами, старшинами. Собранный материал был проанализирован и опубликован в его основном труде «Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей»⁶⁴ в трех частях, который является фундаментальным исследованием истории, этнографии, географии казахского народа.

В работе представлена история русско-казахских отношений XVI – начала XVIII вв., описаны сложные взаимоотношения казахов с соседями, в том числе с башкирами, калмыками, джунгарами. Источниками его труда стали предания, «Родословное древо тюрков» Абулгазы Бахадур-хана, китайские и арабские источники и т.д.

А.И. Левшин подробно изучил политическую историю казахского народа накануне и в период присоединения его к России. В хронологической последовательности освещена внешняя и внутренняя политика казахских ханов, их взаимоотношения с царской администрацией, показан противоречивый характер политических процессов в Казахской степи на протяжении XVIII – начала XIX вв.

---

⁶⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под ред. акад. М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Присоединение Младшего жуза А.И. Левшин рассматривает как добровольное подчинение русской императрице хана Младшего жуза Абулхаира с подвластным ему народом, закрепленное присягой о подданстве в 1731 году. Причинами, побудившими к обращению хана к Анне Иоанновне, автор считает опасность для казахов со стороны Джунгарии, столкновения с калмыками, башкирами, правителями среднеазиатских ханств, развитие торговых интересов и личный интерес хана. По его мнению, «хан думал о пользе народу своему, но еще больше заботился о средствах усилиться и возвыситься над соперниками и врагами своими, в частности над ханом Каипом»⁶⁵. По мысли А.И. Левшина, Абулхаир заботливостью и постоянством продолжал представлять своим подвластным ожидавшие их в недалеком будущем бедствия, «хан решительно объявил им, что нет другой меры к спасению, кроме добровольного вступления в подданство России»⁶⁶. Негативное оценивание причин сближения казахского лидера с царским правительством, характеристика хана, данная И.И. Неплюевым, как «хитрого интригана», «высокомерного», «лживого» перешло в труд А. И. Левшина.

Позднее левшинские оценки психологических черт личности и характера правления Абулхаира, основанные на материалах И.И. Неплюева, были фактически полностью восприняты последующей историографией и послужили исходной мировоззренческой основой для концептуальных построений всех других дореволюционных исследователей истории Казахстана Нового времени⁶⁷.

А.И. Левшин охарактеризовал политику царской администрации в казахских жузах как «оборонительную», направленную только на обеспечение безопасности юго-восточных рубежей России от набегов воинственных кочевников, осуждая освободительную борьбу народных масс.

Башкирские восстания XVIII в. в крае он рассматривает как негативное явление. Мероприятия И.И. Неплюева по подавлению восстания 1755 г. расцениваются как единственное средство к спасению всего вверенного ему края.

---

⁶⁵ Там же. С. 178.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. С. 9.

«Рассуждая беспристрастно, нельзя не согласиться, что Россия в то время должна была принести одну из двух жертв: или башкиров, или коренных россиян, и если она пожертвовала первыми для спасения последних, то, конечно, не заслужила тем порицания», - пишет автор⁶⁸.

Представленный в работе А.И. Левшина материал о казахско-русских отношениях, о присоединении казахов к России, политический портрет Абулхаира перешел в труды большинства авторов XIX в.

Другой известный востоковед В.В. Вельяминов-Зернов (1830–1904), также служивший в Оренбурге в 1850–1856 гг., написал серьезное исследование «Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азией со времени кончины Абул-Хаир-хана (1748–1765)»⁶⁹, вышедшее в 2-х томах в Уфе. В первом томе данной работы подробно описана историческая ситуация, сложившаяся в период правления хана Нуралы. В.В. Вельяминов-Зернов рассмотрел взаимоотношения между султанами дома Абулхаира и Каипа в Младшем казахском жузе, приводит рассказ о попытке хана Нуралы выдать свою сестру за джунгарского хунтайджи и вернуть не только казахских пленников, но и город Туркестан, в который он намеревался переехать. Автор обратил внимание на развитие торговых отношений России со среднеазиатскими ханствами и роли г. Оренбурга и Троицка как торговых центров.

В.В. Вельяминов-Зернов изучил различные этапы истории дипломатических и торговых отношений России с Бухарским, Кокандским и Хивинским ханствами. Труды действительного члена ИРГО В.В. Вельяминова-Зернова составили целую эпоху в изучении истории тюркских народов Российской империи.

Работа В.Н. Витевского «И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.»⁷⁰ базируется на богатом фактическом материале, содержит много сведений как по истории местного народа, так и о политике правительства и конкретных мероприятиях его в Оренбургской губернии. В монографии

---

⁶⁸ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 233.

⁶⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азией со времени кончины Абул-Хаир хана (1748–1765). Уфа: Губер. тип., 1853. Т. 1. 131 с.

⁷⁰ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года: в 5 т. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1889–1897. 962 с. +прил. 198 с.

приводится мысль о том, что Башкирия до прибытия сюда Оренбургской экспедиции не являлась составной частью Российского государства, а представляла собой непокорный край.

В.Н. Витевский является одним из первых дореволюционных авторов, обосновавших положение, согласно которому только благодаря деятельности первого губернатора И. Неплюева этот край был окончательно подчинен царской власти. Он пишет, что первые правители края жили в Самаре (Кирилов и Урусов были похоронены здесь), Л.Я. Соймонов находился в Мензелинске. Оренбургский край был не только не освоен, но и изучен недостаточно. Большая часть правительственных распоряжений, касательно башкир и других народов края оставалось только на бумаге. По мнению автора монографии, только в период правления И.И. Неплюева были созданы условия для последующей успешной колонизации территории Башкирии и Казахстана. Высоко оценив его деятельность, он назвал И.И. Неплюева Петром «Оренбургского края». Историк кропотливо восстановил историческую ситуацию, сложившуюся в крае в I половине XVIII в.

В.Н. Витевский, описывая деятельность правителей Оренбургского края, обратил внимание на то, что их функции не были разделены. Он писал: «Положение нового начальника края представляло немало затруднений и в том отношении, что обязанности губернаторов были крайне неопределенны: точных границ между властью судебной, исполнительной и полицейской не было»⁷¹.

По мнению автора, в первой половине XVIII века «отдаленность Оренбурга от центра и обширность подчиненной им территорий делали из них как-бы независимых правителей». Все вопросы на окраине были в ведении губернатора от судебных, административных до дипломатических отношений с среднеазиатскими ханствами. В. Витевский обратил внимание на службу военных и гражданских чиновников края. В тот период «было распространено

---

⁷¹Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. Вып. 2. С. 178.

взяточничество, пьянство, буйство, жестокость в обращении с подчиненными, клевета, доносы», - пишет автор⁷².

Дореволюционные исследователи уделяют внимание и изучению реформы 1824 г., но здесь встречаются фактические ошибки и суть реформы рассматривается с позиции имперских чиновников. Внедрению политических институтов Российской империи в казахских жузах посвящены работы Л. Мейера⁷³, И. Казанцева⁷⁴, А. И. Добросмыслова⁷⁵.

Подполковник Генерального штаба Лев Лаврентьевич Мейер на основе архивных материалов, хранившихся в областном правлении оренбургскими казахами, в генерал-губернаторской канцелярии, штабе войск Оренбургского края и Оренбургского таможенного округа собрал значительные сведения о деятельности региональной администрации. Л. Мейер писал, что исследование о Казахской степи Оренбургского ведомства он проводил во время военных экспедиций. Вместе с тем автор указывает, что работа его была написана на основе трудов А. И. Левшина, Бларамберга, Эверсмана, Небольсина и др.

Он разделил историю казахов «Зауральской Орды Оренбургского ведомства» на три периода: первый – от принятия Абулхаир ханом русского подданства до назначения последнего хана, т.е. от 1730 по 1812 год; второй – с этого времени до возведения первых русских крепостей внутри степи в 1845 г, и третий – до 60-х годов XIX в.⁷⁶ Л. Мейер, характеризуя хана Младшего жуза, отзывался о нем негативно: «Лживый, корыстолюбивый и неспособный приобрести прочное влияние»⁷⁷. Подданство оценивал как его личное дело.

Описывая политику оренбургских правителей после смерти Абулхаир хана, отметил, что с 1750 г. налаживаются отношения казахского хана Нуралы с

---

⁷² Там же. С. 178.

⁷³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб: Печ. в тип. Э.Веймара и Ф. Персона, 1865. С. 28.

⁷⁴ Казанцев И. Описание киргиз-кайсака. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.

⁷⁵ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Актобе: ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. 597 с.

⁷⁶ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 3.

⁷⁷ Там же. С. 35.

оренбургской администрацией. Эпоха правления Давыдова характеризуется у автора осложнениями в отношениях российской администрации с казахами, частыми нападениями кочевников на калмыков. Л. Мейер приводит сведения о родоначальниках кочевников из архива областного правления казахами и замечает, что понятия российской администрации о казахам, об их родовой структуре недостаточны и сбивчивы. Отмечая, что главное управление степью находилось в ведомстве Пограничной комиссии, автор подметил беспорядок в ее делах. Утвержденный 9 августа 1818 г. новый штат Пограничной комиссии, по словам Л. Мейера, «сделала несколько независимую (имеется ввиду Пограничная комиссия – Г.И.) от губернатора, через дарованное право ей сноситься в некоторых делах прямо с Министерством иностранных дел, сообщая начальнику края только копии, и сделало невозможным держаться строго одной системы»⁷⁸. Ликвидацию ханской власти в Младшем жузе казахам, автор не считал залогом успеха в вопросе решения вопроса успокоения Степи. Он писал, что «ханская власть не была создана потребностью народа. Но по легкости, с какою уничтожено ханское достоинство, не следует еще делать вывод, что все шло благополучно в степи»⁷⁹. Л. Мейер пытался найти ответ «странному факту», почему около столетия Российская империя управляла казахами номинально. Он объяснил этот факт тем, что утверждение ханского достоинства в роде Абулхаира было ошибочным, нарушением «коренного начала» свободы в выборах хана.

Л. Мейер обратил внимание на то, что ОПК и канцелярия губернатора не имеют точных сведений о количестве населения степи. Он первым приводит сведения о численности населения в двух частях Орды⁸⁰, но поздние авторы усомнились в этих цифрах.

Служивший в Оренбургском крае генерал-майор Иван Васильевич Чернов оставил заметки, записки об эпохе правления оренбургского военного губернатора П.К. Эссена. Он обратил особое внимание на корпус чиновников оренбургской администрации и разделил их на две категории: образованных

---

⁷⁸ Там же. С. 36.

⁷⁹ Там же. С. 45.

⁸⁰ Там же. С. 46

офицеров, способных чиновников, которых было мало в крае и грубых, малограмотных, которые встречались даже в губернской канцелярии.

О том, какие люди служили тогда у Эссена, он писал: «Образованных офицеров и чиновников было мало; в число первых входили светски-воспитанные люди, занимавшие места адъютантов, но делом не занимавшиеся; письмоводство лежало на военных писарях и казачьих урядниках, вытребованных для письменных занятий из войска под наблюдением дежурного штаб-офицера и начальника штаба, да и на этих должностях были не всегда соответствующие своему назначению лица, как например, генерал Мистров, долгое время служивший бригадным командиром и живший в казачьей станице, по тогдашнему крепости; дежурный штаб-офицер майор Матерн, которого устранил от должности генерал Перовский, приказавший ему написать у себя в кабинете экстренную бумагу, составить которую он не смог.

Не лучше чиновники были и в губернской канцелярии, за исключением правителя и секретаря прочие все малограмотные и не всегда трезвые...»⁸¹. Так, например, И. Чернов приводит рассказ титулярного советника В.Н. Астафьева, который чуть не был убит военным офицером губернской канцелярии по Пограничному отделению за то, что тот не мог найти срочно нужную ему бумагу⁸². Среди способных и достойных помощников П.К. Эссена, которым поручались важные дела, он выделяет штаб-офицера Г.Ф. Генса.

Известный русский ученый-востоковед Василий Васильевич Григорьев⁸³ был одним из чиновников, реализовавших государственную политику по освоению окраины. Он собрал огромный материал по политической истории, по судопроизводству и этнографии казахов. Основными источниками его работ стали архивные материалы, наблюдения и заметки, сделанные во время поездки по казахской степи, беседы с купцами и т.д. Он не всегда соглашался с политикой оренбургских губернаторов по вопросам управления казахами. Их промахи

---

⁸¹ Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Паровая типо-лит. «Т-во печ. Дела Каримов, Хусаинов и К°», 1907. Вып. XVIII. С. 48.

⁸² Там же. С. 49.

⁸³ Григорьев В.В. Письма из Зауральской степи. М.: Тип. Бахметева, 1862. 24 с.; Его же. Русская политика в отношении Средней Азии: Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1874. 30 с.

объяснял невежеством в вопросе управления кочевниками, призывал учитывать особенности развития кочевого общества. Он считал, что «можно воспитывать Азию как родное дитя»⁸⁴.

После возвращения в столицу, будучи профессором Петербургского университета, В.В. Григорьев писал: «История подходов наших к обращению киргизов из номинальных подданных в действительные представляется в высшей степени комичною, по несообразности с целью и непрактичности употреблявшихся для того мер, несообразности и непрактичности вытекавших из полнейшего незнакомства заправлявших этим делом не только со страстями кочевников и пружинами, приводящими их в действие, но даже с языком их, религиею, понятиями и нравами: разумеется, что при таких условиях чуть не каждый шаг наш долженствовал быть промахом»⁸⁵.

Он пытался убедить правительство соблюдать в отношении казахов «справедливость и строгость». «Снисходительностью, уступчивостью, подарками без толку и угощением без разбора не могло оренбургское начальство достигнуть какого-либо успеха в делах кайсаками», - писал чиновник Оренбургского края⁸⁶.

В последней трети XIX – начале XX вв. преобладающим в работах исследователей становятся вопросы, связанные с изучением социально-экономического развития кочевого общества, что объясняется хозяйственным освоением региона, переселенческой политикой империи. И.И. Крафт, А.И. Добросмыслов на основе неизвестных архивных документов Тургайского областного правления, законодательных актов ПСЗРИ дополнили исторический материал о казахах XVIII–XIX вв.

Служивший ранее советником по инородческим вопросам в Забайкальском областном управлении Иван Иванович Крафт пребывает в Оренбург в июле 1889 г. вместе с новым губернатором Тургайской области Я.Ф. Барабаш. Здесь он был назначен надворным советником Тургайского областного управления по инородческим вопросам. И.И. Крафт собрал богатейший материал по истории

---

⁸⁴ Григорьев В.В. Письма из Зауральской степи. С. 21.

⁸⁵ Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. С. 16.

⁸⁶ Григорьев В.В. Письма из Зауральской степи. С. 21.

казахов с периода инкорпорации Младшего жуза в состав Российской империи. В хронологическом порядке восстановил историю и политику российской администрации в Оренбургском крае на основе законодательных актов⁸⁷. Редактировал «Тургайскую газету», изучал историю и этнографию казахского народа. Его работы публиковались в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии», «Известиях Оренбургского отдела Русского Географического общества», в сборнике «Из Киргизской старины».

По мнению И.И. Крафта, Абулхаир «усмотрел личные выгоды» и с принятием подданства думал, что «выдвинется между другими ханами, будет самым влиятельным и самым любимым властелином кочевников»⁸⁸.

Изучая казахский социум начала XVIII в., И.И. Крафт обратил внимание на наличие нескольких ханов. В частности, он указывал, что по старости лет, в конце периода правления хана Тауке, Каип и Абулхаир были избраны сопровождающими. «Среди киргизских (казахских – Г.И.) родов начались взаимные несогласия и междоусобия, и этими внутренними смутами не замедлили воспользоваться соседние народы», – писал автор⁸⁹.

Изучая процесс принятия присяги казахских султанов в августе 1738 г., И.И. Крафт использовал исследование султана Т. А. Сейдалина 2-го и восстановил по именам всех присягавших в то время казахских родоначальников, современное место кочевания их потомства в XIX в. по областям и уездам, возникшим после реформы 1867–1868 гг.

И.И. Крафт, указывая на то, что казахи не придавали актам империи того значения, которое вкладывало в них российское правительство, отмечал: «Киргизы нисколько не задумывались над тем, что они в качестве подданных русского государства, не вправе делать этого... С одной стороны отсутствие у киргизов сознания о святости верноподданнической присяги, с другой пустынность и малоизвестность киргизской степи и сопредельных с нею

---

⁸⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-лит. П.Н. Жарикова, 1898. 884 с.

⁸⁸ Крафт И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Оренбург, 1897. Вып. 12. 59 с.

⁸⁹ Там же. С. 17.

независимых ханств, где во всякое время могли искать покровительства киргизы, при малейшем недовольстве русскими порядками – ставили неодолимые преграды к водворению русского владычества над киргизами».

Другой исследователь А.И. Добросмыслов, издавая свою работу «Тургайская область. Исторический очерк», ставил цель – составить о Тургайской области возможно полную справочную книгу, в которой можно было бы найти сведения о населении, торговле, скотоводстве и т.д. Его работа увидела свет благодаря поддержке военного губернатора, генерал-лейтенанта Я.Ф. Барабаш⁹⁰.

А.И. Добросмыслов считал причиной неудач модификации системы управления в Младшем казахском жузе плохое знание Степи и ее обитателей. Он писал: «Русское правительство в своих сношениях с киргизскими владельцами и тех мерах, которыми оно хотело внести более или менее прочное устройство управления в киргизских (казахских – Г. И.) ордах, не могло достигнуть благоприятных результатов, так как не имело возможности приобрести сколько-нибудь удовлетворительных сведений об истории киргиз, их нравах, обычаях, характере народа. Оренбургское начальство, постоянно отвлекаемое устройством вообще юго-восточного края и, в частности, главнейшим образом башкирскими делами, управляло степью издали и не имело на нее никакого влияния»⁹¹.

Описывая приезд хана Абулхаира после его участия в башкирском восстании и дачу второй раз присяги на подданство России (август, 1738 года), А. Добросмыслов писал о том, что хан долго не соглашался подписываться рабом. Он привел диалог хана с оренбургским правителем, где Абулхаир обозначил свое место в истории казахов. «Абулхаир говорил: "Человек живет в свете и детьми память о себе оставляет, но сия память и скоту равна есть, а честь приобретенная человеку, во веки не умирает, и я тем ныне наиболее должен радоваться, что мое имя в так великом и славном государстве известно". Татищев сказал на это: "Не

---

⁹⁰ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 2.

⁹¹ Там же. С. 45–46.

только у нас, но и во всей Европе будет известно, потому что у нас такие дела напечатывают и всюду разошлют"»⁹².

По вопросу ханской власти А. Добросмыслов заметил: «Ханы, которым мы покровительствовали, не только не были в силах руководить народными массами, но их самих мы не могли заставить уважать высшую русскую власть и исполнять ее требования. Ханы смеялись над русской властью и ее безсилием. Бзнаказанность и снисходительность русского правительства постепенно убеждали киргизский народ в его слабости»⁹³.

А.И. Добросмыслов отметил нехватку знаний у региональной администрации об особенностях Степи. «Мы не знали ни числа поколений и родов в этих ордах, весьма часто смешивая эти понятия и значительно увеличивая число родов в Малой Орде, принимая за роды отделения и подотделения, ни мест кочевков, установленных обычным народным правом, ни нравов, ни обычаев, ни даже действительных правителей отдельных поколений и родов. Мы признавали самостоятельными правителями только ханов Малой и Средней Орд, поставленных нами, на самом деле правителей было много и при том большинство из них носило в орде также ханский титул», - писал А. Добросмыслов⁹⁴.

Алексей Иванович Макшеев также проходил службу в Оренбургском крае. В 1848 г. он был командирован в Казахскую степь, участвовал в экспедиции Бутакова на Аральское море. А.И. Макшеев является сторонником историографического направления, которое обосновывает завоевания России этнографическими и географическими факторами. Так, например, согласно А.И. Макшееву, «каждый народ, прежде всего, зависит от заселяемой им территории: так народы, поселившиеся в горах, из-за трудности сообщений, образуют небольшие государства, а население живущее на равнине стремится к образованию обширных государств, с более или менее определенными

---

⁹² Там же. С. 28.

⁹³ Там же. С. 46.

⁹⁴ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, 1902. Вып. 17. С. 268.

границами». «Русские, начав свою историческую жизнь на обширной Восточно-Европейской равнине, которая посредством Арало-Каспийской низменности, соединяется с еще более обширной Северо-Азиатской (Сибирской) равниною, естественно должны были стремиться к распространению по всей этой величайшей в мире равнине, и в своем движении на восток... дошли до Восточного океана. С юга они стремились прикрыть свое движение естественными рубежами, но в некоторых местах перешли, а в других не достигли их»⁹⁵.

А.И. Макшеев также сравнил результаты реформ 20-х годов XIX в., проведенных на территории двух казахских жузов. По его мнению, казахи Оренбургского ведомства под властью хана, а затем и султанов-правителей «мало подчинялась русской власти, часто делая набеги на линию и присмирела только тогда, когда среди нее стали заводиться русские поселения». Ликвидация ханской власти в Среднем жузе «привела сразу же русскому управлению», она причиняла меньше хлопот.

По мнению А.И. Макшеева, номинальному характеру подданства способствовал принцип удерживать казахов в повиновении, в зависимости от ситуации, милостями и подарками или строгостью и страхом. «В течение всего прошлого и начала нынешних столетий, они только номинально считались русскими подданными, но в действительности были независимыми», – писал автор⁹⁶.

Сторонником данной теории также является В.В. Ивановский, который отмечал, что Россия в территориально-этнографическом отношении слагалась в течение многих веков, но при этом расширение территории шло в направлении к востоку и югу и сравнительно меньшей степени к западу и северу. Объясняет автор это разнообразием климата и географическим фактором расположения России, а управление таким полиэтничным государством, по словам В.

---

⁹⁵Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. Спб., 1890. С. 100.

⁹⁶Там же. С. 103.

Ивановского, требует разнообразия⁹⁷. По его мнению, обширность территории, отдаленность Сибири, среднеазиатских владений, Закавказья, несовершенство путей сообщения способствовало управлению данными народами на особых началах. Он сравнил степень власти генерал-губернаторов в центральных районах империи с местными: военного губернатора в Тургайской, Уральской областях, начальника – в Закаспийской области. Обратил внимание на стремление центра приблизить административное устройство окраин к типу, господствующему во внутренних губерниях. Хотя данная работа выходит хронологически за рамки нашего исследования, но некоторые размышления автора остаются актуальными и для нас.

Илья Казанцев, прослуживший 20 лет по пограничной части в канцелярии главных начальников Оренбургского края, при генерале от кавалерии Г.С. Волконском, генерале от инфантерии П.К. Эссене, графе П.П. Сухтеленe и генерал-адъютанте В.А. Перовском, зная лично казахских ханов Шергазы Айшуакова и Джангира Букейханова, многих султанов-правителей собрал сведения и составил описание о башкирах, казахах и хивинцах с 9-ю приложениями⁹⁸. И. Казанцев делал упор на раскрытие внутренних противоречий казахского социума. Он высоко оценил последствия проведения реформы 1824 г., по его мнению, положение кочевого населения края «со введением между ними настоящего управления, вообще улучшилось до такой степени, что по всей Оренбургской линии и прочим нищенство их (т.е. казахов – Г.И.) прекратилось»⁹⁹. Он высоко оценил службу султанов, правителей Баймухамеда Айшуакова, Ахмета Джантюрина; преобразования, начавшиеся в Степи, связывал с их службой.

М.А. Терентьев называет подданство казахов «престранным, податей они не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за

---

⁹⁷Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891. 47 с. С. 3–5.

⁹⁸ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867.

⁹⁹ Там же. С. 46.

ними»¹⁰⁰. По мнению автора, только строительство крепостей было лучшим средством удержания казахов в повиновении. Награждение ханов подарками, а после выплата, начиная с Нуралы, жалованья, рассматривается М.А. Терентьевым как покупка мира у кочевников.

Оренбургский исследователь С.Н. Севастьянов на страницах местных газет и в «Трудах ОУАК» посвятил немало страниц российской системе управления в Казахской степи, чиновникам империи, реализовавшим политический курс страны¹⁰¹. В частности, он приводит рассказ старожила Оренбурга Н.М. Бекчурина, выпускника Неплюевского училища 1838 г., о Г.Ф. Генсе. «Григорий Федорович знал киргизскую степь и прилегавшие среднеазиатские ханства как свои пять пальцев, но что удивительно, в этих ханствах никогда не бывал. Все эти сведения он почерпал из рассказов очевидцев. У него была организована целая система секретного изучения степи и внутренней жизни Хивы, Бухары, Кокана и т. п. ханств. Он не брезговал никем, – приходи хоть самый последний «байгуш», он все равно любезно его примет и выпросит все, что только нужно ему знать», – сообщал информатор¹⁰². В другом месте С.Н. Севастьянов пишет: «Во время голодовок киргизы охотно отдавали своих детей прилинейным русским жителям иногда просто за три чашки муки. Многие дети были оставлены у двери дома Генса, которые в дальнейшем нашли приют в его доме»¹⁰³.

П.И. Румянцев мероприятия российской администрации в Степи со времени официального принятия казахами российского подданства и вплоть до середины XIX в. по урегулированию внутренних конфликтов трактует как безрезультативные, так как не были прекращены барымта, набеги кочевников на линии. «Политика России, состоявшая в направлении одного, покорного в данный момент народа на другой, бунтующий – при крайнем непостоянстве башкир, калмыков, а тем более киргиз, – содействовала только поддержанию этого

---

¹⁰⁰ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Спб., 1906.

¹⁰¹ Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург: Типо-лит. «Т-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. Вып. XIX. С. 158–167.

¹⁰² Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс. С. 160.

¹⁰³ Там же. С. 162.

состояния войны всех против всех», - констатировал автор¹⁰⁴. Рассматривая вопрос присоединения Младшего жуза к России, описывая опасность положения русского посла А. Тевкелева в период пребывания у Абулхаира, отмечал слабость ханской власти.

Михаил Иванович Венюков (1832–1901) – русский путешественник, военный географ, ученый, член ИРГО, географического общества Парижа, Женевы, Лондона и т.д. Он был приверженцем теории «естественных границ», которая объясняла продвижение России в Центральную Азию и укрепление ее позиций в Казахской степи необходимостью защиты своих границ. Приобщение кочевников к европейской культуре, расширение христианства, развитие общечеловеческих знаний рассматривалась как главная миссия России. В своем труде «Поступательное движение России в Среднюю Азию» отмечал, что Казахская степь ранее управлялась ханами, без определенных законов, под надзором царских губернаторов Оренбурга и Тобольска. После ликвидации ханской власти, управление перешло, по его мнению, к султанам-правителям, власть которых была вначале бесконтрольной. Сравнивая реформу 1822 г. в Среднем казахском жузе с реформой 1824 г. в Младшем жузе, он называет «Устав» 1822 г. «лучшим устройством», более прогрессивным. Успешное управление и разумное проведение политики М. Сперанским на территории Среднего жуза, привели, по словам М. Венюкова, к тому, что «Средняя Орда во многом обогнала по своему развитию Малую». Он считает, что «до двадцатых годов нашего века русские вовсе не поселялись за Уралом и Иртышем, и от того зависимость от нас киргизов, номинально подвластных с 1732 г., была почти мнимой. Мало-помалу, однако же, колонизационное движение в степи началось и ныне достигло уже значительных результатов»¹⁰⁵. Так, автор подчеркнул роль и важность реформ 1822 и 1824 годов.

Федор Иванович Лобысевич – полковник Оренбургского казачьего войска – также затрагивал в своих трудах политику Российской империи в Младшем жузе

---

¹⁰⁴ Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 20.

¹⁰⁵ Венюков М.И. Россия и Восток. СПб., 1877. С. 74–76, 177.

казахов. В работе «Киргизская степь Оренбургского ведомства» он сообщает, что Россия установила связи с казахами еще в 1574 г. в эпоху Ивана Грозного.

Автор четко определяет границы Казахской степи Оренбургского ведомства, так как все три казахских жуза к этому времени находились под властью империи. «Громадная котловина на протяжении до 900000 кв. верст, ограниченная землями Уральского и Оренбургского казачьих войск, губерниями Оренбургскою, Тобольскою и областью сибирских киргизов и ханствами Кокандским и Хивинским, омываемая весьма значительными реками, каковы Урал, Тобол, Эмба, Сыр-Дарья – называется Киргизской степью Оренбургского ведомства (часть ее, к югу от Иргизского укрепления, принадлежит ныне ведомству Сырдарьинского начальника)», - пишет он¹⁰⁶. Он попытался дать сведения о численности населения казахов Оренбургского ведомства. «Прошло уже 140 лет как казахи стали подданными, но еще нет полных сведений о численности населения, количества скота, составляющих ее богатство», - недоумевает автор¹⁰⁷. Подсчет населения из расчета в одной кибитке 6 душ (на основе сбора кибиточного налога), дало ему возможность рассчитать примерное население казахов Оренбургского ведомства – 800000 чел. обоего пола.

Автор восстания казахов связывает, в первую очередь, с активностью действий российской власти в Степи. Так, например, он пишет: «Со времени управления краем генерал-адъютанта Катенина и во все время управления Безака реформ по административному устройству степи не было, и киргизская степь пользовалась, так сказать, затишьем или *status quo*»¹⁰⁸. Он высоко оценил «умение управлять степью» председателей ОПК М. Ладыженского, В. Григорьева. В работе встречаются ряд неточностей, так, например, он называет султана Ералы сыном Нуралы хана (на самом деле он брат хана) и др.

В следующей работе Ф.И. Лобысевича предлагались различные пути по усовершенствованию управления казахами. Он сравнил реформы 20-х годов XIX

¹⁰⁶ Там же. С. 3.

¹⁰⁷ Лобысевич Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства. М.: Типо-лит. Высоч. утвержд-го т-ва И.Н. Кушнеров и К^о, 1891. С. 3–4.

¹⁰⁸ Там же. С. 11.

в. в Среднем и Младшем жузах, и последнюю признал неэффективной. Преобразования, осуществленные в Младшем казахском жузе, по его мнению, были формальными, так как они не коснулись «сущности системы управления киргизами: взамен упраздненного хана явились в степи трое султанов-правителей, т.е. таких же ханов, которые пользуясь административной властью, подкрепляемой русской вооруженной силой, бесконтрольно притесняли и обирали народ»¹⁰⁹. Высоко оценивая реформу 1822 г., связывал ее с деятельностью М.М. Сперанского. «Этот государственный человек решился на меру, которая в то время, в глазах большинства, должна была показаться слишком смелой: выработать для Сибири особое положение об управлении ею, он признавал возможным распространить и на степь общие сибирские учреждения, применяясь к условиям жизни киргизов», - констатировал автор¹¹⁰.

В вышеперечисленных работах отсутствует подробный анализ реформ 1824 и 1844 годов, присутствуют неточности, не раскрыты вопросы отношения местного населения Оренбургского ведомства к данным реформам, не раскрыта политика российской государства в Казахской степи.

Подводя итоги изучения дореволюционной историографией вопросов казахско-русских отношений, политики империи в Казахской степи отметим, что центральной проблемой изучения была инкорпорация казахов Младшего жуза в состав Российской империи, роль Абулхаира, А. Тевкелева в этом процессе, причины подтолкнувшие казахского хана на этот шаг. Следующей вырисовывается проблема удержания кочевников в своем составе и разработка мероприятий по искоренению барымты, прекращения набегов на линии. Административно-территориальные реформы 1824 и 1844 годов также вскользь рассматриваются в трудах дореволюционных авторов. Представители данной эпохи уклонялись от подробного анализа преобразований происходивших в Степи, допустили фактические ошибки. Важность дореволюционных работ заключается в том, что многие авторы были современниками событий, служили в

---

¹⁰⁹Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. СПб., 1900. С. 71.

¹¹⁰ Там же. С. 72.

местной администрации, поэтому наблюдения, оставленные ими, являются ценными для нас, так как рукописных сочинений по истории казахов, написанных самими казахскими авторами почти нет, исключением является небольшое количество эпистолярного наследия казахских ханов и султанов. В трудах дореволюционных авторов сохранились сведения из устного исторического знания казахов.

В советский период происходит пересмотр позиций ученых в вопросе политики России по отношению к национальным окраинам империи и их роли в строительстве самой империи. 20-е годы XX века в советской историографии были периодом становления марксистско-ленинской методологии. Эту эпоху, по мнению Ж.С. Мажитовой, можно рассматривать «временем культурных и научных экспериментов, когда сторонники «национальной» культуры и науки были пока еще оппонентами, а не буржуазными представителями и врагами адептов «пролетарской» идеологии»¹¹¹. После установления Советской власти большевики не имея квалифицированных кадров не смогли изменить позиции «дореволюционной школы», параллельно с ней развивается материалистическое понимание истории. Постепенно государство берет курс на полный контроль деятельности общественных институтов и сфер жизни советского общества. В 30-е годы XX века многие достижения дореволюционной историографии в области политической истории Казахстана были игнорированы или рассматривались с принципиально новых, классовых позиций.

Представитель новой советской исторической науки М.Н. Покровский, в своих трудах разработал концепцию, суть которой состояла в том, что расширение территории России за счет окраин рассматривалось как «абсолютное зло». Уделялось большое внимание на массовое изгнание коренного населения с насиженных земель, «беспощадную кровавую расправу туземцев», «жестокую эксплуатацию и зверства царизма» в крае¹¹².

---

¹¹¹ Мажитова Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.): дисс. ... докт. ист. наук. М., 2016. С. 62.

¹¹² Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.: Красная Новь, 1923. С. 323.

Немаловажное значение для распространения данной концепции имела резолюция совещания историков Востока, в которой указывалось о перенесении центра тяжести в работах историков на разработку колониальной политики как России, так и зарубежных стран. Перед историками ставилась задача рассматривать политику России исключительно как колониальную, а наступление России на Восток представлялась как экспансия и установление колониального диктата¹¹³. Согласно данной концепции появился труд А.Ф. Рязанова¹¹⁴, где политика России на окраинах оценивалась исключительно как завоевательная.

С. Асфендияров оценивал политику России в Казахской степи как завоевательную и колониальную¹¹⁵. Основной причиной принятия подданства он считал коммерческий интерес и желание укрепить непрочную власть казахских правителей. Сам акт оценивается как «делка между русским самодержавием и эксплуататорской верхушкой казахского общества». Автор считает, что политика Российской империи складывалась в зависимости от обстановки: «ханы поддерживались до тех пор, пока могли помогать укреплению царской власти, но по мере усиления противоречий между различными группировками феодалов, царизм идет на ликвидацию ханской власти, укрепление феодальной аристократии в целях усиления власти русских чиновников». Административно-территориальные реформы XIX в. автор рассматривает как путь к потере казахами государственной самостоятельности. Он подробно остановился на характеристике и этапах колониальной политики. Под колониальной политикой России в казахских жузах он понимал возведение военных линий вдоль границ Казахстана, подкуп казахских ханов, изъятие земель, устройство на линии русских поселений; создание новой административной системы, переселенческую политику¹¹⁶.

---

¹¹³ Брежнева С. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии. Тольятти, 2004. С. 150–155.

¹¹⁴ Рязанов А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа. Ч. 1. Восстание султана Каратая Нуралиева (1797–1826). Кызыл-Орда, 1926.

¹¹⁵ Асфендияров С. История Казакстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата: Казакстанск. краевед. изд-во, 1935. С. 174–175.

¹¹⁶ Асфендияров С. Указ. соч. С. 115–117.

В данном русле также была написана работа М. Тынышпаева¹¹⁷. Автор, изучив положение казахов в период джунгарского нашествия, отмечает, что после Анракайской победы произошел раскол среди казахских ханов. Присоединение Младшего жуза казахов к России он связывает с положением, возникшим после смерти старшего казахского хана Болата. Претендентами на звание старшего хана были: хан Младшего жуза Абулхаир – предводитель всеказахского ополчения против джунгар, хан Среднего жуза Семеке – брат Болата, Абулмамбет – сын Болата. После избрания последнего старшим ханом, по мнению М. Тынышпаева, Абулхаир ушел с поля битвы со своим войском, вслед за ним и Семеке хан покинул фронт. Откочевав к северной границе, там они приняли русское подданство. Данный акт он связывает с борьбой за ханскую власть¹¹⁸. Данная мысль автора закрепились в последующей советской историографии.

В конце 30-х годов начинается критика теории «абсолютного зла». 22 августа 1937 года вышло «Постановление жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР», где было обращено внимание «работников исторической науки на наличие в этих учебниках (представлено 46 учебников) ряда общих недостатков, которые должны быть устранены»¹¹⁹. После постановления был взят курс на разработку теории, где присоединение окраин к Российской империи рассматривалось «наименьшим злом».

В этот период выходят труды М.П. Вяткина, которые не потеряли свою значимость и в наши дни¹²⁰. Он провел большую работу по сбору и публикации документов, обнаруженных в государственных архивах Москвы, Ленинграда, Алма-Аты. Под его руководством вышли два тома «Материалов по истории Казахской ССР».

¹¹⁷ Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Вост. отд-е Киргиз.гос. изд., 1925. 75 с.

¹¹⁸ Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. С. 197.

¹¹⁹ Известия. 1937. 22 августа.

¹²⁰ Вяткин М.П. Журнал оренбургского муфтия (1786–1790) // Исторический архив. М.; Л., 1939. С. 45–60; Его же. Батыр Срым. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 392 с.; Его же. Археографическое введение «К истории распада Казахского союза» // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. (1741–1751 гг.) / под ред. М. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. С. 3–22.; Его же. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII – начале XIX вв. // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV (1785–1828 гг.) / под ред. М. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 3–39.

На основе огромного массива источников он проанализировал международное обстановку и внутреннее положение Младшего жуза казахов, охарактеризовал планы империи на востоке как захватнические. Присоединение Казахстана к России он рассматривал как союз местной знати с царским правительством, отмечая отсутствие единства среди казахской знати по вопросу подданства. М.П. Вяткин отметил различное понимание «подданства» ханом и его сторонниками, с другой стороны, царским правительством. В работе «Батыр Срым»¹²¹ дал характеристику деятельности оренбургской администрации, выделив две линии в политике местной администрации. По мнению автора, одна группа главных начальников края в своей деятельности придерживалась политики «наступления на степь путем строительства укрепленных линий, организации вооруженных отрядов» на кочевников. Другая группа губернаторов считала, что успехов можно достичь «мирным путем» посредством союза с местной знатью.

М.П. Вяткин более подробно изучил реформу О. Игельстрома и оценил ее как попытку «приблизить управление степью к общеимперской системе по учреждению о губерниях 1775 года»¹²². Провал реформы автор связал с «расправами, укомплектованные лицами не имеющими реальной силы и не игравшими в этот момент руководящей роли», они не могли быть опорой внутри жуза»¹²³.

В следующей работе М.П. Вяткина деятельность российской региональной администрации, вопросы управления в Младшем жузе не получили достаточного освещения, хотя один из разделов называется «Ликвидация ханской власти в Младшем жузе»¹²⁴. Административно-территориальные реформы 1824 и 1844 гг. не изучены, а лишь бегло упоминаются. Он подметил, что «султаны-правители и старшие султаны ставились на положение обычных русских чиновников, ответственных перед местной царской администрацией»¹²⁵. О деятельности хана

---

¹²¹ Была переиздана в Алматы в 1998 году

¹²² Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; Л., 1947. С. 229,

¹²³ Там же. С. 257, 258, 259.

¹²⁴ Вяткин М.П. Очерки по истории КазССР с древнейших времен по 1870 г. Т. 1. ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. 368 с.

¹²⁵ Там же. С. 241.

Шергазы Айшуакова ничего не говорится, лишь только упоминается, что для поднятия эффективности ханского управления в Оренбурге была создана особая комиссия под его председательством, которая не решила ни одного дела.

Изменение общих идеологических установок советского руководства происходит после публикации в 1941 г. статьи Сталина, посвященной работе Ф. Энгельса «Внешняя политика царизма». В исторических трудах меняется оценка политики России в национальных окраинах, пересматривается концепция присоединения различных народов к империи, начинается разработка и переход к теории «исторической обусловленности присоединения» народов к России, обоснования его добровольного характера. Обращается внимание на освободительные движения и восстания, которые трактуются как реакционные, преследующие интересы определенных классов, в частности, султанов и ханов, установился классовый подход.

Любое отклонение от идеологических установок приводило к плачевным результатам. Авторы подвергались гонениям, обвинялись в национализме, но несмотря на все эти «разоблачения» были созданы фундаментальные работы по истории Казахстана. В освещении освободительных движений казахов с «националистических позиций» были обвинены М.П. Вяткин, Е.Б. Бекмаханов. Ермухан Бекмаханович за «неверную» трактовку восстания под руководством Кенесары Касымова, после осуждения его работы «Казахстан в 20–40-е годы XIX века» в газете «Правда» был обвинен в «буржуазном ультранационализме» и осужден 4 декабря 1952 г. на 25 лет. Его лишили всех наград, ученых степеней и званий.

Одной из малоизученных проблем в советский период было отношение казахов к башкирским восстаниям XVIII в. Вопросы участия казахских отрядов в башкирских восстаниях были затронуты в трудах В.Н. Устюгова¹²⁶. Так, Н.В. Устюгов оценил башкирские восстания XVII–XVIII вв. как реакционные движения. На основе архивных источников была исследована проблема участия

---

¹²⁶ Устюгов В.Н. Башкирские восстания 1737–1739 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 130 с.

казахов в восстании 1737–1739 гг., здесь же автор затронул политику царской администрации в отношении к двум народам.

Н.В. Устюгов является ярким примером исторической науки СССР 40-50-х XX века, который прекрасно понимал, что нельзя уклоняться от официальной государственной идеологии. Изменения идеологического климата в советской исторической науке были быстро реализованы на практике: исследователям пришлось отказаться от своих прежних взглядов, публично каясь в допущенных «ошибках». Так, например, он несколько раз был вынужден менять свое мнение по вопросу определения характера башкирских восстаний XVII–XVIII вв. В 1946 г., выступая на научной сессии, посвященной вопросам истории Башкирии, он делает вывод: «Несомненным прогрессивным результатом восстаний XVIII в. является то, что они не допустили закрепощения башкирского народа». В апреле 1952 г. он отказывается от своих взглядов и объявляет все башкирские восстания XVII – I половины XVIII в. полностью реакционными.

Н.В. Устюгов в 1948–1962 гг. читал спецкурсы в Московском государственном историко-архивном институте. Здесь, наряду с курсами «Социально-экономическая история Московского государства в XVII в.», «Русская культура в XVII в.», читался курс «Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв.». Тексты курсов были впервые собраны и изданы научными сотрудниками архива АН СССР: Л.Г. Дубинской, Н.Г. Михайловой, доц. МГИАИ А.И. Комиссаренко, его учениками Н.Е. Бекмахановой, Н.Ф. Демидовой, Н.В. Пугачевой и др.¹²⁷. Данный спецкурс был первой попыткой синхронного изложения истории развития экономики, социальных отношений и политической истории народов Средней Азии и Приуралья на протяжении шести веков. Для молодых исследователей остается актуальным изучение методики научной работы с архивными источниками. В данном издании приложены конспекты выступлений Николая Владимировича на научных советах и научных кружках

---

¹²⁷ Устюгов Н.В. Народы Средней Азии и Приуралья в XIII–XVIII вв. // Устюгов Н.В. Научное наследие. Экономическое развитие, классовая борьба и культура в Русском государстве в XVII в. М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 177–245.

ЦГАДА в 1949, 1950, 1962 г., который адресовался молодым архивариусам страны и исследователям.

Большой заслугой Н.В. Устюгова¹²⁸, М.П. Вяткина является расширение источниковой и археографической базы исторической науки, совершенствование приемов историографического и источниковедческого анализа материалов.

В 1943 г. вышла «История Казахской ССР» под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой, где в центре внимания исследователей были экономические и военные аспекты присоединения казахских земель к России. Процесс оценивался как «колониальное завоевание»¹²⁹. В мае-июне 1944 г. состоялось несколько совещаний историков, где эта работа была подвергнута критике, позже было принято решение переиздать работу, исправив ошибки.

Как указывалось выше, в 1947 г. вышел знаменитый труд Е. Бекмаханова, где автор изучил социально-экономическое и политическое развитие Казахстана в конце XVIII – первой половине XIX в.¹³⁰. Работа была написана на стыке двух теорий «наименьшего зла» и «исторической обусловленности». Огромный пласт документов был извлечен из архивов страны¹³¹. Помимо этого, автор использовал фольклорные источники – исторические песни, народные поговорки, пословицы и т.д.

Одна из глав работы «Казахстан и царская Россия в первой половине XIX в.» затрагивает реформы 1822 и 1824 гг. Но, как отметил Е. Бекмаханов, «при отсутствии сводных работ и монографий, исследовательская работа над такого рода материалами представляет большие трудности, и автор вполне сознает, что

¹²⁸ под его редакторством вышли «Материалы по истории Башкирской АССР».

¹²⁹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: Каз. ОГИЗ, 1943.

¹³⁰ Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. / под общ. ред. д.и.н., проф. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Каз. объедин. Гос. изд-во, 1947. 391 с.

¹³¹ Автором были извлечены документы из Исторического архива КССР (ныне ЦГА РК), Чкаловского исторического архива (ныне ГАОО), Центрального исторического архива Узбекистана, Центрального военно-исторического архива (Москва), Центрального государственного исторического архива (Москва), Центрального военно-исторического архива Ленинграда, Центрального государственного исторического архива (Ленинград), архива АН СССР (Ленинград), рукописного отдела Публичной библиотеки им. В.И. Ленина, рукописного отдела Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Ленинградского отдела института истории АН СССР, архива Института восточных рукописей АН УзССР.

некоторые из выдвигаемых им положений остаются еще в стадии постановки вопроса, требуя дальнейшей, углубленной разработки». Эти слова относятся и к нашей проблеме, которая в течение нескольких десятилетий не изучалась глубоко, освещаясь, в основном, однобоко.

20–40-е г. XIX века автор выделяет как один из интереснейших периодов истории Казахстана, когда произошли события, определившие дальнейшую судьбу казахского народа. Описывая политику Российской империи в колониальном ракурсе, он выделяет три линии ее проведения:

1. По линии военного закрепления, что выразилось в форсированном строительстве укрепленных линий и отдельных укреплений, с одновременным насыщением их гарнизонами и созданием вблизи их постоянных казачьих поселений.

2. По линии политического закрепления, что выразилось в проведении реформы административного управления, в первую очередь, образования округов и окружных приказов, и затем введении дистаночной системы, в результате чего резко ограничивались политические права казахов.

3. По линии экономического закрепления, что выразилось в массовом захвате казахских земель, введении налогового обложения и различных монополий (вроде монополии на рыболовство, порубку леса и т.д.). Совокупность всех этих мероприятий и составило содержание колониальной политики¹³². Султаны и бии выступают в роли опоры колониальной политики царизма.

На основе данных ОПК с 1837 по 1844 г. о сумме собранного налога, Е. Бекмуханов доказывает, что произошел рост числа населения, платившего кибиточный налог, и обращает внимание на тот факт, что взимание налога натурой способствовало развитию спекуляции¹³³.

Е. Бекмаханов, изучая движение под руководством К. Касымова, последовательно воссоздал картину действий повстанцев. Он проследил эволюцию программных положений восставших казахов на разных ее этапах,

---

¹³² Там же. С. 117.

¹³³ Там же. С. 132.

показал, что главной целью восставших было не отделение от империи, а «восстановление прежних отношений между Россией и казахским народом, существовавших при его деде Аблайхане, когда казахи, находясь под протекторатом России, имели территориальную и государственную самостоятельность»¹³⁴. Автор обратил внимание на разногласия и несогласованность действий оренбургского и западносибирского губернаторов по вопросу отношения к восставшим казахам и о методах проведения государственной политики на окраинах¹³⁵.

Московский ученый Н.Г. Аполлова¹³⁶ внесла большой вклад в изучение истории казахско-русских отношений, в историографию проблемы присоединения. Автор впервые ввела в научный оборот архивные материалы по истории XVIII в., раскрывающие характер казахско-башкирских, казахско-калмыцких отношений. Н.Г. Аполлова указала, что впервые в период нахождения в калмыцком плену, Абулхаир обратил внимание на роль России в укреплении ханской власти в кочевом обществе калмыков, а далее установила, что на формирование взглядов будущего казахского хана Абулхаира повлиял глава калмыцкого социума Аюка.

В работе уделяется внимание башкирским тарханам, выступавшим в роли толмачей, «шпионов» в отряде А. Тевкелева в 1731 г., и подчеркивается тот факт, что калмыцкий предводитель пытался не допустить принятия подданства Младшим жузом.

На основе «Журнала» А. Тевкелева, где полностью описана обстановка, сложившаяся после прибытия русского посла, Н.Г. Аполлова подробно описала борьбу в самом казахском социуме, разделение ее на «ханскую» и «противную» партии. Среди причин принятия подданства автор выделила внешнюю угрозу безопасности казахов, хотя казахи и одержали победу в казахско-джунгарской войне в 20–30-х XVIII в., но джунгарская агрессия не исчезла; экономический

---

¹³⁴ Там же. С. 237.

¹³⁵ Там же. С. 246–250.

¹³⁶ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: Тип. ЦК КП(б) К., 1948. 256 с.; Ее же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 456 с.

упадок в казахских жузах; ослабление ханской власти и попытка Абулхаира упрочить ее при поддержке России; продвижение кочевий казахов к российской границе и т.д. Анализ политического строя казахов и характеристика разных социальных групп, исследование института ханской власти, приведенная в работе, не потеряла научной значимости и в наши дни.

Заинтересованность Российской империи в казахском жузе Н.Г. Аполлова объясняла экономическими и политическими интересами, которая в последующем «выросла в крупную агрессию царизма, направленную к осуществлению так называемого «мирного завоевания» степи и «вечного подданства» казахского народа»¹³⁷. Конечной целью правительства было превращение Казахстана в колонию Российской империи.

Так, на примере труда Н.Г. Аполловой можно проследить, как от теории «абсолютного зла» историки постепенно переходили к теории «прогрессивности» и «исторической обусловленности» присоединения Казахстана к России.

В 1951–1952 гг. на страницах журнала «Вопросы истории» разгорелась полемика с участием М.В. Нечкиной, Б.А. Тулепбаева, Н. Тавакалян, А. Якунина, М. Мустафаева и др. по вопросу о характере и значении присоединения окраин к Российскому государству, в первую очередь, Средней Азии и Казахстана. Здесь была подвергнута критике в очередной раз теория «наименьшего зла», пересмотрен взгляд на национально-освободительные движения, ученые должны были отделить «реакционные» силы от «прогрессивных». М.В. Нечкиной на страницах данного журнала был выдвинут тезис «добровольного присоединения»¹³⁸. Она призывала освещать не только негативные стороны присоединения, а обращать внимание в исследованиях на взаимоотношения народов, на роль переселенцев в хозяйственной и культурной жизни местного населения.

Объединенная научная сессия АН СССР с Академией наук Средней Азии и Казахстана, созванная в 1954 г. в Ташкенте, способствовала утверждению

---

¹³⁷Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. С. 179.

¹³⁸Нечкина М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» (письмо в редакцию) // Вопросы истории. 1951. №4. С. 44–48.

концепции прогрессивного значения присоединения Казахстана к России. Здесь же отмечалось, что при изучении присоединения нужно учитывать тот факт, что оно происходило в разной конкретно-исторической обстановке и разными путями.

Вышедшая в 1957 г. новая редакция «Истории Казахской ССР»¹³⁹ базировалась на новой теории. Присоединение Казахстана к России рассматривалось как прогрессивное явление, подчеркивался добровольный характер процесса.

Прошедшая в 1959 г. в Ташкенте объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России¹⁴⁰, сохранила положения, получившие решения на сессии 1954 г. Дальнейшее изучение объективных причин присоединения и его прогрессивное значение было определено как одна из основных задач исторической науки. Так начала доминировать теория добровольного присоединения Казахстана к России.

С середины 60-х – до 80-х годов XX в. идеологическая оценка исторических процессов XVIII–XIX веков остается прежней. Решения и резолюции КПСС определяют основные направления и концепции изучения исторических явлений, усиливается цензура, что сказалось на развитии исторической науки. Многие темы оказались «неудобными», «закрытыми».

Несмотря на это в 60-е годы появляется небольшое количество трудов с постановкой новых проблем, широким кругом источников, применением конкретно исторического подхода. Так, например, рассматривая причины продвижения России на Восток, Н. Халфин главным считал экономические интересы империи в Средней Азии¹⁴¹, М. Рожкова выделила политические мотивы, обратив внимание на столкновение интересов России и Англии в регионе¹⁴².

---

¹³⁹ Истории Казахской ССР

¹⁴⁰ Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России: Доклады. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959.

¹⁴¹ Халфин Н. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 466 с.

¹⁴² Рожкова М. Экономические связи России со Средней Азией 40 – 60-е годы XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 238 с.

Н.С. Киняпина продолжила изучение внешней политикой России в XIX веке. Она с применением метода сравнительного анализа на примере Кавказа и Средней Азии создала обобщающий труд об административной деятельности царского правительства на окраинах, где обратила внимание на общие принципы управления вышеназванными регионами¹⁴³. Н.С. Киняпина считала, что раскрытие принципов административной политики царского правительства на окраинах позволяет понять характер управления, его эволюцию, результаты, выяснить взаимоотношения окраин с метрополией, зависимость административной политики от социально-экономического развития края¹⁴⁴. Автор утверждает, что присоединение одной территории к России не означает сразу же введения новой администрации. Так, она обратила внимание, что на территории Северного Кавказа до введения новой администрации проходили десятилетия (как было с Кабардой, Осетией, Чечней, Дагестаном), тогда как в Грузии введение новой системы управления (1802) происходит почти одновременно с актом присоединения (1801). Она подчеркнула, что на характер и постепенное введение новой административной системы влияют уровень экономического развития региона, полиэтничность населения, различия в религии¹⁴⁵. Н.С. Киняпина утверждает, что основы административной системы, испытанные на Кавказе, были использованы царским правительством и в Средней Азии. Эти взгляды получили дальнейшее развитие в других работах автора¹⁴⁶.

Важнейшее место в историографии 60-70-х годов XX столетия занимают работы казахстанского историка В.Я. Басина¹⁴⁷. В работе «Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв.» автор рассматривает исторические истоки и формы взаимоотношений России и Казахстана. «После подписания указа императрицы

¹⁴³ Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. №4. С. 35–47.

¹⁴⁴ Там же. С. 35.

¹⁴⁵ Там же. С. 38.

¹⁴⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 328 с.

¹⁴⁷ Басин В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века // Казахстан в XV–XVIII веках. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1969. С. 51–145; Его же. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1971. 275 с.

от 19 февраля 1731 г. о подданстве казахов, Казахские ханства превратились в вассальные, зависимые от более сильного государства – России (сюзерена-покровителя), которое должно было оказывать последнему военную помощь. В конце XVIII – начале XIX в. вассальная зависимость перерастает в колониальную», - считает автор¹⁴⁸. По его мнению, применение термина «подданство» по отношению к казахам XVIII и начала XIX в. неправомерно. Он использует понятие «протекторат с элементами вассалитета» для характеристики взаимоотношений России и Казахстана этого времени. «Термин о российском протекторате правомерен лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, т.е. не ранее середины 50-х годов XIX в.», - считает автор¹⁴⁹. Вызывает интерес описание политики оренбургского начальника Урусова по регулированию казахско-калмыцких военных конфликтов в 40-е г. XIX в.

В работах В. Басина был рассмотрен вопрос о роли Казахстана во внешней политике Российской империи. Он отмечал, что среднеазиатское направление становится важным и входит в систему внешнеполитических приоритетов Российской империи.

Вышедший в 1960 г. труд С.З. Зиманова посвящен изучению аспектов политической организации казахского социума в конце XVIII и первой половине XIX века¹⁵⁰. Четвертая глава работы «Власть и управление после ликвидации ханской власти в Малой и Внутренней Ордах» содержит сведения о реформах 20-х годов XIX века. Автор правильно отмечает ряд особенностей реформы 1824 г., которыми она отличалась от реформы 1822 г. Среди них он указывает: малочисленность округов, имея ввиду три части; неограниченность власти султанов-правителей советом (приказом); неохваченность правовым регулированием аульных и родовых звеньев управления; неопределенность такого звена управления, как начальники отделений (подотделений). Здесь бы

---

¹⁴⁸ Басин В.Я. Россия и Казахские ханства. С. 252–253.

¹⁴⁹ Басин В.Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. // Известия АН КазССР. 1968. №5. С. 26–34.

¹⁵⁰ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. 295 с.

хотелось лишь дополнить, что Азиатский комитет сам указывал на незавершенность реформы, предлагая П.К. Эссену поступать по усмотрению.

Анализируя реформу 1844 г., С.З. Зиманов сообщает, что правительственные органы отрицательно отнеслись к развитию земледелия и оседлости среди местного населения. Но вопросы «суда в казахской степи получили в «Положении» сравнительно более детальную регламентацию», - считает он¹⁵¹. Автор более подробно рассмотрел эту часть реформы.

Но надо отметить, что в монографии встречаются неточности. Так, например, разделение населения Младшего жуза на три части автор рассмотрел, применив принцип разбора по поколениям (алимулы, байулы, жетыру), тогда как специально созданный «Комитет» под руководством Ф. Берга с участием султанов-правителей будет учитывать при разделении такие факторы, как территория кочевания родов, их внутреннее разделение на отделения и подотделения. С.З. Зиманов не увидел разницы между двумя категориями чиновников: исправляющие должность султана-правителя и султаны-правители, не учел тот факт, что ставки султанов-правителей менялись несколько раз и т.д. Встречаются неточности в периоде правления султанов-правителей (М. Тяукин, Ж. Кудаймендиев, М. Турдалиев), а некоторые из них вовсе не упоминаются (Ю. Нуралиев, А. Сейдалин).

Применяя понятие «колониальная политика», он обращает внимание на изменения к которым она приводит. Автор пишет: «Колониальная политика, как политика направленная на закабаление одного народа, – реакционна. Но не все объективные изменения, происшедшие под ее воздействием в период ее осуществления, являлись реакционными. Здесь мы сталкиваемся с двумя вопросами различного характера, но связанными между собой. В одном случае имеем дело с целями государства, а в другом – объективными категориями общественного развития. ... так, земельная политика царизма, направленная на захват казахских земель, разумеется не была положительным явлением. Но она объективно способствовала развитию элементов оседлости и земледелия,

---

¹⁵¹ Там же. С. 197.

возникновению национально-освободительного движения, в ходе которого трудящиеся получали классовую закалку. Эти явления были уже прогрессивными»¹⁵².

С. Зиманов выделяет две составляющие в колониальной политике: экономическую и политическую. Экономическая составляющая осуществлялась в формах: а) отторжения лучших угодий, вначале в прилинейной полосе, у местного населения; б) развития неэквивалентной, неравной торговли, с обеспечением ряда преимуществ русским купцам; в) вывоза из степи, в порядке обмена на залежалые товары, громадного количества скота и скотоводческой продукции внутрь государства; г) культивирование кочевого быта в одной части общества, содействие развитию некоторых элементов земледелия и оседлости – в другой.

Политическая составляющая колониальной политики выражалась в: а) возведении военных укреплений в пограничной зоне, а затем и в глубине степи; б) применении оружия и совершением частых военных набегов на непокорные или подозреваемые в непокорности аулы; в) организации колониальных органов сношения с ханами, а после ликвидации ханской власти – для непосредственного управления степью; г) подчинении местных политических и правовых институтов интересам колониальной политики¹⁵³. Изучая историю Казахстана 20-50-х годов XIX в., автор рассматривал институт султанов-правителей как орган колониального аппарата в Степи.

Концепция «добровольного присоединения и его прогрессивного значения» достигла своего апогея в начале 1980-х годов, когда по всей республике отмечалось 250-летие добровольного присоединения Казахстана к России. В Казахстане вышли ряд работ написанных в рамках этой концепции¹⁵⁴. В этот

---

¹⁵² Там же. С. 276.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России: межвузовский сборник. Алма-Ата: КазПИ, 1981. 122 с.; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVI – начале XX вв. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 243 с.; Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России: сб. ст. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1982. 434 с.; О 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: Казахстан, 1981.

период, во втором, дополненном издании вышел труд Т.Ж. Шоинбаева «Добровольное вхождение казахских земель в состав России»¹⁵⁵, где автор подверг критике взгляды П.Г. Галузо, который опровергал прогрессивность присоединения. Автор подробно анализирует политические, экономические предпосылки присоединения Казахстана к России, значение этого акта в истории казахского народа. Описал экономические изменения, произошедшие в казахском обществе, в частности, развитие земледелия, торговли, товарно-денежных отношений, городов и т.д.

Итак, проанализировав развитие исторической мысли в 1920–1980 гг., мы можем сделать вывод о том, что главным вопросом в исследовании политики России в национальных окраинах была проблема присоединения народов к России. Данная проблема в отношении казахских земель в советский период эволюционировала от теории «абсолютного зла» до «прогрессивного значения»: 1) в 20–30-е гг. XX в. теория «абсолютного зла» (С. Асфендияров); 2) 40-е гг. теория «наименьшего зла» (М.П. Вяткин); 3) 50-е гг. теория «исторической обусловленности» (Н.Г. Аполлова); 4) с 1959 г. по 80-е гг. концепция «прогрессивного значения». Точки зрения и оценки событий менялись в зависимости от политической конъюнктуры, идеологической заданности.

В исторической науке осталась «незамеченной» глубина тех социокультурных изменений, которые позволили трансформировать традиционные общества в результате взаимодействия с Россией. Наблюдается однобокость мнений посредством формационного подхода, выразившегося в известной формуле: «минуя капитализм к социализму». Классовый подход во многом обеднял изучение проблем политики России в национальных окраинах.

Распад Советского Союза и появление независимых государств на бывшей карте СССР подтолкнул научное общество этих стран к выявлению «белых пятен» в национальных историях, пересмотру установившихся концепций. В

---

¹⁵⁵ Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата: Казахстан, 1982. 279 с.

национальных историографиях меняется оценка присоединения окраин к Российской империи, роли элит в этом процессе.

В этот период выходят работы С. Мәшімбаева, М. Мырзахметова, которые рассматривали политику Российской империи как завоевательную. Объектом исследования С. Мәшімбаева был Младший жуз казахов¹⁵⁶. Изучая начальный период включения казахских земель в состав империи, он подчеркивает, что просьбу хана Абулхаира нужно рассматривать как стремление оградить казахов от внешней опасности, в первую очередь, от джунгар. Он выделяет два периода в присоединении казахских земель к России: 1) 30-е г. XVIII в., когда казахи Младшего и Среднего жуза добровольно приняли подданство империи, где заинтересованность проявили обе стороны. Казахский хан Абулхаир искал опоры для своей власти, а России стремилась обезопасить свои восточные границы и развить торговлю со Средней Азией и Индией. 2) 60–80-е гг. XIX в., когда Россия заинтересованная в среднеазиатских рынках начинает свои продвижения на юг, результатом которого стало завоевание Старшего жуза казахов¹⁵⁷.

Описывая политику империи как колониальную, он выделяет три этапа:

- 1) 1731–1824 гг. – казахи Младшего и Среднего жузов признали над собой протекторат России, в начальный период российская администрация сохранила старую систему управления в степи;
- 2) 1824–1867 гг. – эпоха военной колонизации;
- 3) 1867–1891 гг. – переселение русского крестьянства и дальнейшая колонизация степи.

М. Мырзахметов также оценивает политику России в Казахской степи как колониальную и уделяет особое внимание политике русификации казахского народа. Он выделил три этапа колониальной политики империи на окраине, которые хронологически совпадают с вышеприведенной. Автор отметил, что в эти периоды постепенно происходило переименование казахских земель¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Мәшімбаев С. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. Алматы: Санат, 1994. 136 б.

¹⁵⁷ Там же. С. 4.

¹⁵⁸ Мырзахметов М. Қазақ қалай орыстандырылды? Алматы: Атамұра, 1993. 128 б.

В работах А. Кузембайулы, Е. Абилева, Ж.О. Артыкбаева, С.З. Разыкова, А.Ж. Байкожаева, Е.Ж. Валиханова преобладают термины «захват», «агрессия», сам процесс инкорпорации рассматривается как завоевание, а имперский период Казахстана характеризуют как колониальный¹⁵⁹. М.Ж. Абдиров исследовал исторические особенности и этапы возникновения казачьих войск на территории Казахстана, выделив их роль в колонизации края. Автор отмечает, что край стал вторым из регионов Российской империи (после Северного Кавказа), где формировались классические казачьи войска (Яицкое/Уральское, Оренбургское, Сибирское и Семиреченское), активно использовавшиеся царизмом для завоевания и подавления национально-освободительной борьбы народа¹⁶⁰.

В начале 90-х гг. в Казахстане актуальным становится изучение роли ханов и султанов в истории. В центре внимания оказались два хана, деятельность которых в советской историографии часто противопоставлялась, а оценка их деятельности напрямую зависела от доминирующей концепции. Такими историческими фигурами явились хан Младшего жуза Абулхаир Кажыулы и хан Среднего жуза Абылай Уалиулы. Если в советский период инициатор присоединения казахского Младшего жуза к России хан Абулхаир характеризовался как дальновидный политик, предвидевший ход многих исторических событий, теперь нередко стали звучать такие характеристики, как «предатель», «хан, искавший личные выгоды» и т.д.

В работах казахстанского историка Ж.К. Касымбаева¹⁶¹, исследуется жизнь и деятельность казахских ханов и султанов, раскрыта политика правителей

¹⁵⁹ Абдакимов А. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алматы: РИК, 1994. 295 с.; Кузембайулы А., Абилев Е. История Казахстана (с древнейших времен до 20-х годов XX в.). Алматы: Санат, 1996. 323 с.; Валиханов Е.Ж. Колониализм и земельный вопрос // Заря. 1993. №4. С. 10–11; Байхожаев А.Ж. Сырдарьинская военно-политическая линия в системе колониационной политики царизма в Северном Приаралье и Южном Казахстане (40 – 60-х гг. XIX в.): автореф. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999; Артыкбаев Ж.О., Раздыков С.З. История Казахстана. 3-е изд., перераб. и доп. Астана: Фолиант, 2016. 224 с.

¹⁶⁰ Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (Из истории военно-казачьей колонизации края XVI – начала XX в.). Астана: Елорда, 2000. 204 с.

¹⁶¹ Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. Т. 1. 288 с.; Его же. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. Алматы: Жеті жарғы, 2001. Т. 2: Хан Айшуак (1719–1810). 258 с.; Его же. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. Алматы: Білім, 2001. Т. 3: Хан Жанторе (1759–1809). 364 с.

Оренбургского края по освоению региона. В первый том издания вошли материалы о ханах Абулхаире, Абылае, Нуралы, Ералы, Есиме, султани Бараке. Издание представляет собой историко-публицистическое исследование. Это не политические портреты деятелей, автор осознанно остановился на тех этапах жизни и деятельности героев, которые ему казались особо важными для изложения¹⁶². Ж. Касымбаев обращает внимание на последние годы жизни хана Абулхаира, когда кризис в его отношениях с оренбургским губернатором И.И. Неплюевым достиг апогея и он искал поддержку у Астраханского губернатора В.Н. Татищева. Изучив положение в Казахской степи после смерти хана, он обратил внимание на обострение отношений между двумя казахскими жузами. Описал действия ханши Бопай, которая старалась заручиться поддержкой как Оренбургской администрации, так и джунгарского хунтайджи за месть мужа. Ж.К. Касымбаев пишет: «Хан погиб внезапно, не успев выразить свое отношение по самому важному вопросу – кто же займет ханский престол? Поддержит ли И.И. Неплюев его старшего сына – Нуралы, или на трон сядет еле заметная фигура в Младшем жузе брат Абулхаира – *Булхаир* (выделено мною – Г.И.)?»¹⁶³. Автор ранее в тексте не приводит сведений о Булхаире, данная мысль также не подтверждается источниками. Учитывая, что в казахстанской историографии существует мнение, что Булхаир погиб в 10–20-е годы XVIII в., его внезапное появление на исторической арене вызывает много вопросов.

В работе И.В. Ерофеевой дан анализ отдельным аспектам взаимоотношений казахов с народами Волго-Уральского региона. Автор рассматривает историческую обстановку конца XVII – середины XVIII вв. в Центральной Азии и России через анализ деятельности полководца, крупного политического деятеля – Абулхаир хана¹⁶⁴. В свете выявленных новых архивных сведений автор конкретизировала факты биографии Абулхаира: дата рождения, приобретение ханского титула и т.д. Через рассмотрение социально-экономической природы традиционного казахского общества раскрываются основные политические

¹⁶² Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Т. 1. С. 3.

¹⁶³ Там же. С. 50.

¹⁶⁴ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.

принципы, позиции Абулхаира в отношении царского правительства. При этом автор дает характеристику различного понимания подданства хана и его окружения, с одной стороны, Российским царизмом, с другой, – Абулхаиром. Одна из глав посвящена личному окружению Абулхаира, его потомкам.

Следующий труд И.В. Ерофеевой посвящен исследованию института ханской власти в XVIII–XIX вв. На основе анализа широкого круга источников автору удалось идентифицировать имена казахских ханов, выстроить династии¹⁶⁵. Автор умело совместила фактологический материал в таблицу, где указаны имена и годы жизни казахских ханов, генеалогическое родство по мужской линии, годы правления, подвластные кочевые подразделения казахов и стационарные населенные пункты на территории региона, география размещения кочевий подвластных родов и племен. В кратком справочно-биографическом очерке приведены различные сведения о ханах.

Ә. Мұқтар в своих работах рассматривает деятельность казахских ханов, султанов, батыров¹⁶⁶. Так, например, статьи «Әбілқайыр хан тарихы тағылымы», «Әбілқайыр хан хақында», «Әбілқайырдың өлімі хақында» посвящены инициатору присоединения Младшего жуза к России – хану Абулхаиру Кажыулы. Описывая политический портрет хана, автор остановился на борьбе казахов с джунгарами под предводительством Абулхаира, на взаимоотношениях хана с оренбургскими главными начальниками, особо выделяя И.И. Неплюева, период правления которого характеризуется как кризис отношений России с Казахской степью¹⁶⁷.

Наряду с этим автор останавливается на роли батыров, которые выступали в роли дипломатов в начальный период присоединения. Особо отмечает роль Бокенбая Караулы¹⁶⁸.

---

¹⁶⁵ Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX веков // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд-Сорос Казахстана, 1997. С. 46–144.

¹⁶⁶ Мұқтар Ә. Тарих тұңғығындағы тұлғалар (XVIII – XIX ғғ.): ғылыми мақалалар жинағы. Алматы: Арыс, 2008. 240 б.

¹⁶⁷ Там же. С. 8–42.

¹⁶⁸ Там же. С. 43–50.

К.Л. Есмаганбетов в своих трудах также поднимает проблемы присоединения Казахстана к России. Автор уделяет внимание тому факту, что нужно учитывать разное восприятие понятия трактовки подданства сторонами, которое понималось кочевым обществом и Россией, исходя из опыта взаимоотношений и ранней политической истории, так например, Абулхаир понимал под подданством патронато-клиентные отношения¹⁶⁹.

Следующий круг вопросов связан с изучением истории взаимоотношений казахов с соседними государствами. В.А. Моисеев, исследуя казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв.¹⁷⁰, обращал внимание на джунгарский фактор при принятии российского подданства казахами Младшего жуза. Он отмечал в своих работах, что в XVIII столетии не сила оружия, не царские войска, а сложившиеся исторические обстоятельства – соперничество за ханскую власть в Младшем жузе (Абулхаира и Батыра Каипулы), потеря кочевий на юге в результате джунгарского нашествия в 20-е годы, соприкосновение в результате этого кочевий Младшего жуза с башкирами, калмыками, казаками побудили Абулхаира искать сближения с Россией. В статье «Абулхаир (набросок политического портрета)»¹⁷¹, рассматривая политическую ситуацию, сложившуюся в 20–30-е годы, автор отмечал, что подданство носило номинальный характер, являясь по существу, ничем иным, как коммендацией, и подчеркивал ее добровольный характер¹⁷².

В 1995 году вышла работа С.М. Мадуанова, которая посвящена взаимоотношениям казахского народа с узбеками, кыргызами, туркменами, таджиками, каракалпаками¹⁷³. В работе рассматривается проблема присоединения Казахстана к России и влияние политики империи на взаимоотношения казахов с соседними народами.

---

¹⁶⁹ Есмаганбетов К. Әбілқайыр хан: аңыз бен ақиқат // Әбілқайыр хан. Алматы: Арыс, 2004. С. 16.

¹⁷⁰ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

¹⁷¹ Моисеев В.А. Абулхаир (набросок политического портрета) // Известия Академии наук Республики Казахстан. 1992. №3. С. 39–43.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Мадуанов С.М. Взаимоотношения казахов с другими соседними народами Центральной Азии в XVIII – начале XX вв. (политический и социально-экономический аспект). Алматы: Білім, 1995. 274 с.

Следующая проблема изучение трудов, биографии первых казахских чиновников региональной администрации в казахстанской историографии не получила еще должного освещения. Лишь в трудах Э.А. Масанова, Н.Э. Масанова и Н. Ивлева, И.В. Ерофеевой, В.З. Галиева изучается деятельность первых казахских чиновников, краеведов, их вклад в изучение истории, культуры казахского народа¹⁷⁴. Но в некоторых работах встречаются ошибки при определении генеалогии казахских чингизидов. Так, например, В.З. Галиев, перечисляя в своей работе некоторые данные биографического характера сына Ахмета Джантюрина – Сеитхана, назвал его Султанмахмудом и представил как младшего брата Ахмеда, а не сына и т.д.¹⁷⁵. Автор приписал заслуги Сеитхана Джантюрина его дяде Мухаммеду. Казахстанский историк С. Рустемов допустил ошибку в определении генеалогии Салимгерее Джантюрина, сына Сеитхана, представив Салимгерее Джантюрина как потомка хана Младшего жуза Жанторе (1805–1809) по линии Айшуака Абулхаирулы (1797–1805). В ряде работ имеются неточности во времени вступления в должность казахских чиновников, например, М. Тяукина и т.д.

В исторической литературе встречается еще одна ошибка, когда Ахмета Джантюрина и Араслана Джантюрина называют братьями, хотя они принадлежат двум противоборствовавшим в XVIII в. кланам. Араслан Джантюрин является потомком хана Жанторе Айшуакулы (линия Абулхаира), а Ахмет Джантюрин сын Жанторе Жихангерова (линия Каип хана).

Российским политическим институтам в Казахской степи посвящен труд Б.М. Абдрахмановой. В своей работе «История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в.»¹⁷⁶, рассматривая Казахстан как социокультурную и географическую целостность, входившую в состав

¹⁷⁴ Масанов Э. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1996; Ивлев Н., Масанов Н. Видный казахский ученый С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 4.; Ерофеева И.В. Т. Сейдалин – просветитель, этнограф, правовед // Новое поколение, 1993. №20–21; Галиев В.З. Караванные тропы. (Из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX веков). Алматы: Атамұра, 1994. 128 с.

¹⁷⁵ Галиев В.З. Караванные тропы. С.101

¹⁷⁶ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. 136 с.

Российской империи, Б.М. Абдрахманова исследовала нормативно-правовые аспекты административных институтов, созданных российской администрацией в XIX в. для управления казахами.

Автор отмечает, что в 20-х – начале 40-х годов XIX в. были заложены основы для дальнейшего укрепления российской власти и системы управления казахами Оренбургского ведомства. Это позволило по ее мнению, России стабилизировать свое экономическое и политическое положение в данном регионе и активизировать среднеазиатскую политику.

В деятельности оренбургской администрации в указанный период, автор отмечает некоторую непоследовательность, необдуманность, которая в дальнейшем способствовала возникновению стихийных народных движений¹⁷⁷. С 20-х годов XIX в. и до Октябрьской революции 1917 года российское правительство проводило на территории Казахстана колоссальную импероорганизаторскую работу, - считает Б.М. Абдрахманова. По мнению автора, «с началом введения Устава 1822 года в Среднем жузе можно говорить уже о политике "прямого управления"» этим краем¹⁷⁸.

Положительным моментом «Положения» 1844 г. автор считает введение института попечительства. Б.М. Абдрахманова правильно указала, что российские органы государственной власти и управления в казахском регионе во все периоды развития характеризуются совмещением в одном учреждении административных, полицейских, судебных и военных функций¹⁷⁹.

Но как ни странно, проблема разработки реформы 1824 года не рассматривается в фундаментальном труде историков института истории и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова «История Казахстана (с древнейших времен до наших дней)¹⁸⁰.

---

¹⁷⁷ Там же. С. 34.

¹⁷⁸ Абдрахманова Б.М. Общая характеристика источников, содержащих информацию об эволюции российского законодательства и системы управления населением Казахстана в XIX в. // Проблемы историографии и источниковедения истории Казахстана. Сб. науч. трудов. Вып. 2. КарГУ, 2002.

¹⁷⁹ Там же. С. 130.

¹⁸⁰ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 томах. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2010. 768 с.

Для казахстанской историографии начала XXI века характерно переосмысление методологических основ, выявление «белых пятен» в истории Казахской степи, расширение исследовательского поля.

С.Е. Ажигали рассматривает архитектуру Арало-Каспийского региона, исследования его посвящены расположенному здесь обширному комплексу оригинальных мемориально-культовых памятников, которые, в основном, сконцентрированы на некрополях и культовых комплексах средневековья и нового времени. «Арало-Каспийским историко-культурный регион, географически включающий в себя территории равнинной страны Турана, Прикаспийской низменности и южной оконечности Уральских гор, является одним из важнейших очагов этно- и культурогенеза многих народов Евразии. Центральную часть региона — т.е. Арало-Каспий в узком смысле — занимает Западный Казахстан: п-ов Мангышлак (Манкыстау), плато Устюрт, Северное Приаралье и Прикаспий», - пишет автор¹⁸¹. Важным для нашего исследования являются замечания автора о том, что север Арало-Каспийских степей — своего рода «коридор», соединяющий глубинные районы Азии с Европой, а также его мысли об этнокультурных связях казахов с башкирами, татарами, каракалпаками, туркменами и т.д.

Большой заслугой С.Е. Ажигали является исследование некрополя «Хан моласы», на котором захоронен крупнейший политический деятель в истории Казахстана и военачальник Абулхаир хан. Под его руководством группа исследователей (этноархеологи, этнографы, архитекторы, почвоведы, геофизики, антропологи, генетики и мн. др.), изучив несколько захоронений в некрополе, идентифицировали останки хана¹⁸². Группа ученых музея естествознания Венгрии провела реконструкцию черепа, восстановила облик Абулхаира. В 2011 году останки хана Абулхаира были перезахоронены в комплексе «Хан моласы».

---

¹⁸¹ Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002. 654 с.

¹⁸² «Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии». Материалы II международной науч. конф., посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. Алматы-Актобе, 2011. 404 с.

Институты управления казахского общества в пореформенной степи - институты ханской власти, султанов, биев, аксакалов в центре исследования работы Ж. Джампеисовой¹⁸³. Автор отмечает зависимость между степенью экономического благосостояния биев и аксакалов и их влиянием на уровень сегментной структуры общества, определяющей их статусный ранг. Присягу и барымту она рассматривает как важнейшие инструменты урегулирования конфликтов между группами. Политико-правовое обеспечение общественного порядка основывалось на обычном праве (адате), - считает автор.

Изучению этнокультурных контактов населения Западного Казахстана, Среднего Поволжья и Южного Урала посвящена работа казахстанского ученого Г.С. Султангалиевой¹⁸⁴. В своей работе она проанализировала особенности административно-политического, социально-экономического и культурного формирования Западного Казахстана как трансграничного региона, на территории которого получили развитие различные типы, формы и направления взаимодействия казахов с соседними народами. Она определила в четыре этапа проникновения российской власти в казахское общество в XVII–XVIII в.:

1) XVII–20-е годы XVIII в. для которого характерна прозрачность и полная неопределенность границ между казахами – башкирами – калмыками (учитывая, что последние были подданными России);

2) 20–30-е годы XVIII в. – усиление тенденции конфронтации казахско-башкирских отношений;

3) 30–50-е годы XVIII в., связанные с принятием казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства и возведением Яицкой, Оренбургской и Уйской линий, пространственно отдалившим кочевья казахов и башкир Ногайской и Сибирской дорог;

---

¹⁸³ Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи: Научное издание. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. 267 с.

¹⁸⁴ Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.) Уфа: РОИ РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.

4) 50–80-е годы XVIII в. – образование Оренбургской губернии, начало промышленного освоения Южного Урала, развитие торговли и т.д.¹⁸⁵.

Автор отмечает единовременность и синхронность действий российских властей в конце XVIII в., когда симбирский и уфимский генерал-губернатор барон О.А. Игельстром предпринял попытку перевода башкир в военное сословие и одновременно ликвидацию ханской власти в Младшем жузе и введение там нового политико-административного деления. Г.С. Султангалиева цитирует О. Игельстрема, который отметил успешность реформы в Башкирии: «"Долговременные опыты" по отношению к башкирам доказали необходимость и правильность властей, так как "сиими учреждениями граница будет совершенно безопасна от соседей". Если даже казахские отряды будут вторгаться на линию, то причиной будет не недостаток стражи, а "слабость начальников" или наличие "худых войск, по форпостам расставленных"»¹⁸⁶.

Автор бегло остановилась на реформе 1824 года, указав разделение территории Младшего жуза на три части, и введение с 1831 года более дробных территориально-административных структур – дистанций¹⁸⁷.

Основное внимание уделено анализу экономических и культурных взаимоотношений народов региона, в том числе роли татарских мулл, письмоводителей, переводчиков в интеграции казахов в социальное пространство Российской империи.

В следующей работе Г.С. Султангалиева, рассматривая процесс инкорпорации казахов Оренбургского ведомства в имперскую систему управления, обратила внимание на формирование нового сословия – казахских чиновников. В статье она затронула службу султанов-правителей как одних из первых чиновников Степи¹⁸⁸.

---

¹⁸⁵Там же. С. 31.

¹⁸⁶ Там же. С. 29.

¹⁸⁷ Там же. С. 35.

¹⁸⁸Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX) // Journal of Slavic Research Center. Acta Slavica Iaponica. Hokkaido University, 2009. Tomus 27. pp.77–101.

Изучению института приставства на территории казахских жузов она посвятила следующую статью¹⁸⁹. Указывая на разные уровни института приставства на территории Степи, она проанализировала деятельность приставов при казахских делегациях, отправленных в столицу и приставов при казахах Старшего жуза.

Ж.Б. Кундакбаева в своей монографии «знаком милости Е.И.В. Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в.»¹⁹⁰ впервые в историографии проанализировала политику Российского государства, направленную на вовлечение калмыков и казахов в состав империи, их удержания и организацию управления регионом, а также выработке мероприятий по поддержанию этнополитической стабильности. Автор выделяет «технологии» в результате которых империя смогла утвердиться в регионе. Это принцип «разделяй и властвуй», организация взаимодействия с периферийной элитой, внедрение имперской идеи через «вторичных агентов» (деньги, почетные отличия, прием посольств, церемонии возведения на трон) и т.д.

Она отмечает, что политика Российской империи в регионе испытывала значительное влияние этнического фактора, который не мог игнорировать социально-экономические и культурные запросы народов Северного Прикаспия. В качестве примера исследователь приводит откочевку калмыков в 1771 г. и восстание С. Датова, охватившее Младший жуз казахов в 1783–1797 г.¹⁹¹. Процесс перехода калмыков к новым формам организации политического пространства, по мнению автора, не завершился в XVIII в.¹⁹².

Изучению внутривосточной обстановки в Младшем жузе казахов в конце XVIII в., деятельности О.А. Игельстрема в крае посвящен труд Н.С.

¹⁸⁹ Султангалиева Г.С. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Азии XVIII–XIX вв: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Сб. научных статей. / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы: Қазақ университеті, 2015. С. 237–265.

¹⁹⁰ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в.. М.: АИРО – XXI; СПб.: Дм. Буланин, 2005. 304 с.

¹⁹¹ Там же. С. 243–264.

¹⁹² Там же. С. 281.

Лапина¹⁹³. Автор выделил три этапа в истории казахско-российских отношений XVIII века. Начало изменений политического статуса Младшего жуза в направлении ограничения его независимости автор относит ко второму этапу или к середине 60-х – началу 80-х гг. XVIII в. В 80-е – 90-е гг., т.е. в третий этап, происходят первые преобразования в Степи, - считает Н.С. Лапин. Деятельность О. Игельстрома в Казахской степи рассмотрена через административную, конфессиональную, образовательную и земельную политику империи на окраине. По мнению Н. Лапина, инициатором проведения многих преобразований был именно О.А. Игельстром. Автор обращает особое внимание на политику Игельстрома в вопросах превращения местного населения в самостоятельного субъекта региональных политических отношений и создания новых политических структур в крае (Пограничный суд, расправы, Ханский совет), а также на попытку трансформировать традиционные политические институты и на сотрудничество барона с представителями «черной кости»¹⁹⁴.

В коллективном труде «История Казахстана: народы и культуры» один параграф посвящен изучению эволюции ханской власти и включению Казахстана в состав Российской империи (1731–1865)¹⁹⁵. Инкорпорация казахов рассматривается как объективный результат развития социально-экономических и геополитических процессов на континенте, выразившихся в становлении мирового рынка и мирового хозяйства, стремлении крупных европейских держав к гегемонии на торговых путях и обострении соперничества между ними за военно-политические и торгово-промышленное преобладание в мире¹⁹⁶. В зависимости от степени проникновения России в социальное пространство Казахстана процесс включения казахских жузов разделен на четыре периода:

---

¹⁹³ Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-русских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012. 384 с.

¹⁹⁴ Там же. С. 288–289.

¹⁹⁵ История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 167–190.

¹⁹⁶ Там же. С. 167.

1 период – 30–40-е гг. XVIII в. Это эпоха распространения формально-правового сюзеренитета Российской империи на казахское население Младшего и Среднего жузов.

2 период – 50-е гг. XVIII – начало XIX в. Это эпоха постепенного утверждения государственно-политического протектората Российского самодержавия над казахскими жузами.

3 период – 20-е–середина 50-х гг. XIX в. Это период глубокого реформирования всех институтов власти в Казахстане, вовлечения казахского общества в процесс государственного строительства и развития системы территориально-административного управления.

4 период – конец 50-х–60-е гг. XIX в. Это период утверждения российского суверенитета на всем географическом пространстве региона и вовлечение всех казахских социально-территориальных групп в административно-политическую систему Российского государства¹⁹⁷. В учебном издании лишь указаны реформы 1824, 1844 и 1859 гг., но нет более детального изучения.

В 2009 г. в Алматы вышел труд «История колонизации Казахстана в 20–60-х годах XIX в.» под редакцией В.З. Галиева, С.Ф. Мажитова. Авторы выделили 20–60-е гг. XIX в. в отдельный хронологический период в истории Казахстана, назвав его особым. Нас интересует четвертая глава работы «Российское политико-административное законодательство в казахских землях Оренбургского ведомства»¹⁹⁸. Автор раздела Шаймерденова К.Г., описывая историческую ситуацию, сложившуюся в Младшем жузе, не смогла выйти из устоев дореволюционных и советских историков. Реформы 1824 и 1844 гг. описаны поверхностно, известными в историографии фактами, название реформы 1824 г. звучит как «Устав об оренбургских киргизах», тогда как официальное название закона «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем». «В лице казахских султанов и биев, перешедших на службу царизма, осуществлялся феодально-колониальный

---

¹⁹⁷ Там же. С. 170–184.

¹⁹⁸ История колонизации Казахстана в 20–60-х годах XIX века / под ред. В.З. Галиева, С.Ф. Мажитова. Алматы: Изд-во «Мектеп», 2009. С. 70–90.

гнет в Казахстане», - пишет автор. В разделе встречается ряд неточностей. Например, описывая «исключительную ненависть к некоторым султанам-правителям» населения, в том числе Ахмету Джантюрину, автор приписал смерть султана мятежникам, недовольным результатом расследования о злоупотреблениях султана-правителя¹⁹⁹. Тогда как Ахмет Джантюрин скончался от болезни, преследовавшей его долгое время.

Служба султанов-правителей не раскрыта, описываются только негативные случаи во время сбора кибиточного налога с населения²⁰⁰. К.Г. Шаймерденова пыталась сравнить политику оренбургской администрации в отношении Младшего казахского жуза с политикой западносибирской администрации в Среднем жузе. Не аргументировано автор делает вывод о том, что «В Младшем жузе после отмены ханской власти Оренбургское генерал-губернаторство проводило более жесткую политику усмирения населения и ломки старых порядков, чем Сибирское губернаторство в Среднем жузе»²⁰¹.

В российской историографии в конце 90-х годов XX в. – начале XXI века появляются теоретические работы, концептуально иные, отличные от советских, марксистско-ленинских. Важным для исследователей, изучающих политику империи на окраине, являются рассуждения о понятии «колонизации» профессора МГУ им. М.В. Ломоноса Н.И. Цимбаева. «Колонизация – не обязательно расширение, но прежде всего освоение», «Колонизация – не всегда насилие и завоевание, но всегда вовлечение в народно-хозяйственный оборот земли, сырьевых и минеральных ресурсов», - рассуждает автор²⁰². Он выделил три этапа в истории русской колонизации. Изучаемые в диссертации события, входят по периодизации Н.И. Цимбаева во второй период (с конца XVII до 1880-х годов). «В этот период Россия утверждается как великая европейская держава. Направление, методы и пределы колониальной экспансии в значительно большей степени, чем прежде, подчинялись политическим расчетам, находились в прямой

¹⁹⁹ Там же. С. 73.

²⁰⁰ Султаны правители М.-Г. Тяукин, М. Баймухаммедов описываются как «обиратели» казахов. С. 79.

²⁰¹ История колонизации Казахстана в 20–60-х годах XIX века С. 81.

²⁰² Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. №1. С. 20.

зависимости от российской военной мощи. Это было время практически непрерывных территориальных приращений, время победоносной империи и разумной имперской политики», - рассуждает автор²⁰³. Н.И. Цимбаев считает, что политика социальной ассимиляции была стержнем российской политики. Впервые она была испытана в государственном масштабе после взятия Казани, когда правительство Ивана IV учитывало интересы татарской знати, ислам сохранил свои позиции, а конница казанских татар приняла участие в Ливонской войне²⁰⁴. Политика Российской империи, построенная на социальной ассимиляции верхних слоев покоряемых и присоединяемых племен и народов со времен взятия Казани и до второй половины XIX в. была успешной в течение трех столетий, - считает он²⁰⁵. Данные высказывания Н.И. Цимбаева относятся и на распространение российского влияния в Казахской степи.

Исследование эволюции и распада Российской империи, специфики ее регионов в системе управления, изучение окраин, интерпретация исторического опыта империй стало также наиболее актуальной в современной российской историографии. Изучение окраинной политики Российской империи рассмотрены в работах С.Н. Абашина²⁰⁶, В.О. Бобровникова²⁰⁷, Н.С. Андреевой²⁰⁸.

В 2007 г. начала выходить серия «Окраины Российской империи»²⁰⁹. Как отмечают авторы, необходимость подобного издания вызвана тем, что

---

²⁰³ Там же. С. 20.

²⁰⁴ Там же. С. 26.

²⁰⁵ Там же. С. 29.

²⁰⁶ Абашин С.Н. Империя и местное самоуправление: идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX – начале XX вв. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. М.: Б/и, 2001. С. 391–412.

²⁰⁷ Бобровников В.О. Военно-народное управление на Северном Кавказе (Дагестан): мусульманская периферия в российском имперском пространстве (XIX – XX вв.) // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. М.: Б/и, 2001. С. 372–390.

²⁰⁸ Андреева И.Н. Прибалтийские губернии в административной системе Российской империи начала XX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. М.: Б/и, 2001. С. 217–234.

²⁰⁹ Западные окраины Российской империи / отв. ред. Л.А. Бережная, О.В. Будницкий, М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 605 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 460 с.; Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.; Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторических исследований. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 240 с.

обстоятельного учебника по имперскому периоду до сих пор не написано, а систематизация имеющегося материала стала необходимостью. Авторы серии рассматривают историю окраин через взаимодействие имперских властей и местных сообществ, стремясь воссоздать ее во всей полноте. Учитывая многообразие населения империи, сложные системы отношений между центром и разнообразными окраинами, имперской властью и локальными сообществами, асимметричность административно-политических и правовых структур, они попытались создать новую историю империи²¹⁰.

Авторы определили перечень ключевых вопросов, на которые должна отвечать современная историография Российской империи и ее национальных окраин.

Российский ученый А. Ремнев разработал теоретическую модель организации регионального управления и региональной административной политики на примере Сибири²¹¹. Вводя в научный оборот концепции «имперской географии власти»²¹², понятие «имперское пространство в региональном измерении», он изучил общие принципы и динамику территориальной организации управления Сибирью, определил специфику институционального устройства местных и центральных государственных органов.

А.В. Ремнев исследовал российское имперское региональное управление и призывал отказаться от правового фетишизма и попыток понять, как организована империя, опираясь только на законодательство, а предлагал перейти к изучению

---

²¹⁰ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 6–7.

²¹¹ Ремнев А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. М.: Б/и, 2001. С. 317–344; Его же. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв.: Некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. С. 97–125; Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.) / под ред. П. И. Савельева. М., 1997. С. 5–19; Его же. Административно-территориальное устройство Сибирского региона в XIX в. (Теоретические проблемы) // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Спец. выпуск (№3). С. 44–45; Его же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. 237 с.

²¹² Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 552 с.

конкретно-исторического материала²¹³. Он отмечал, что «империя, включая в свой состав тот или иной регион на востоке, начинала, прежде всего, его властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (в нашем случае, Оренбургский край – для Казахстана и Средней Азии), включая их в общие большие административные группы (генерал-губернаторства)». Он указывал, что «структура окраинного управления была более динамичной, чем во внутренних губерниях, и носила осознанно переходный характер»²¹⁴. А.В. Ремнев, изучая систему управления азиатскими окраинами, проследил изменения в их структуре управления и выделил основные составляющие данного процесса.

Автор акцентировал внимание на роли местных администраторов в бюрократической иерархии власти и указывал, что на окраинах формировался особый тип государственного и общественного деятеля. «Перед имперской администрацией на азиатских окраинах, в условиях слабости местной общественной инициативы, отсутствия вне службы значительного слоя просвещенного дворянства и разночинцев, кроме административных, стояли задачи изучения огромного географического и этнографического массива», - отмечает автор²¹⁵. Эти задачи реализовывали чиновники окраины.

Труды А.В. Ремнева актуальны и для историков, изучающих Казахскую степь Оренбургского ведомств, так как он обратил внимание на новые исследовательские подходы в изучении истории России и ее окраин.

К исследованиям, в которых Российская империя изучается через анализ системы отношений между центром и регионами, а вариативность, гибкость рассматриваются как залог успеха его долголетия и устойчивости, можно отнести работы коллектива Института Российской истории РАН²¹⁶.

---

²¹³ Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Ремнев А.В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // *Вестник Омского университета*. 2007. № 4. С. 13.

²¹⁶ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

Процесс и трактовка присоединения Казахстана к России, выстраивание отношений между Степью и столицей, различные аспекты политики Российской империи в регионе рассматриваются в работах В.В. Трепавлова, Т.И. Султанова, Н.Е. Бекмахановой, С. В. Горбуновой, Е.В. Безвиконной, Б. Алимбаевой, Д.В. Васильева.

Известный ученый В.В. Трепавлов в своих работах рассматривает проблему формирования системы отношений между центром и окраинами, изучает проблему определения статуса национальной окраины региона²¹⁷. Очень важны для нашей работы труды Вадима Винцеровича Трепавлова, который отмечает, что каждый регион в своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов. «Собственно *присоединение* (иногда в виде завоевания), т.е. установление российского подданства; постепенная *инкорпорация* в структуру государства; наконец, *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации. Этим процессам соответствовали некоторые объективные тенденции. Во-первых, медленная, но неуклонная *унификация* юридического статуса территорий, установление единого стандарта подданства и управления; во-вторых, *русификация*, которая отнюдь не должна трактоваться как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался, прежде всего, объективным обстоятельством – численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России. Обе тенденции то ослабевали, то усиливались, но в разных формах постоянно присутствовали в российской истории XVI–XIX вв. Сознательно они были возведены в ранг государственной политики только в конце XIX столетия», - пишет он²¹⁸. Выделение этих этапов

²¹⁷ Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007. 256 с.; Его же. Трепавлов В.В. Образ русских в представлениях народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 102–118; Его же. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Институт российской истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 172–182.

²¹⁸ Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI–XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Институт российской истории РАН. М.: Наука, 2006. С. 172–182.

важно для исследователей, изучающих и историю Казахской степи. И использованные в данной диссертационной работе понятия присоединение, инкорпорация соответствуют вышеприведенному положению.

В монографии «Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана» Т.И. Султанов изучает родословную потомков монгольского хана, останавливаясь подробно на правителях-чингизидах Казахского ханства с периода основания (1465 г.) и заканчивая правлением Тауке хана (1715 г.). Для нас эта работа важна тем, что на основе средневековых источников, в том числе, восточных рукописей, автор приводит сведения о сыновьях казахского хана Джанибека – Усеке и Джадике, потомки которых Абулхаир и Батыр, а позже и Барак султан в XVIII в. вели борьбу за ханский трон.

Интересным является вывод историка о том, что Усек (Осеке, Усеке) является восьмым сыном Джанибек хана, а Джадик – девятым²¹⁹. В казахстанской историографии устоялась мысль о том, что потомки Джадика, будучи старшими по ветви, претендовали на ханскую власть. В этом случае указание на Абулхаира как представителя младшей ветви, на наш взгляд, требует более детального изучения.

Труды патриарха советской казахистики Н.Е. Бекмахановой посвящены изучению роли Казахстана в имперской политике России²²⁰. Н.Е. Бекмаханова выделяет геополитический и экономический факторы в основе сближения России с Казахской степью²²¹. Среди положительных результатов вхождения казахских земель в состав России, автор выделяет следующие: указы императрицы Анны Иоанновны, запрещавшие русским, башкирам, мишарам, волжским калмыкам, сибирским, яицким казакам «войною ходить и разорять» казахов; уменьшение

---

²¹⁹ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 155.

²²⁰ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.-СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 240 с.; Бекмаханова Н.Е., Нургалиева А.М. К вопросу о различиях в методах управления казахами в XIX в. администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств: социально-экономический и конфессиональные аспекты // Этнопанорама. 2006. № 3–4. С. 50–53.

²²¹ Бекмаханова Н.Е. Присоединение Казахстана // Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М.: Русская панорама, 2011. С. 245–257.

межродовых распрей и междоусобиц²²². Н.Е. Бекмаханова отмечает разный административно-правовой статус присоединенных регионов, который зависел от времени и условий присоединения той или иной части казахских жузов к Российской империи. Также она сообщает, что российское законодательство не ограничивало прав казахов поступать на государственную службу, но отбор в государственный аппарат требовал сочетания европейского и восточного образования, знания русского языка²²³.

С. Горбунова, исследуя деятельность Оренбургской Пограничной комиссии, обратила внимание на то, что Российская империя не имела предварительно разработанной программы устройства вошедших в состав Российской империи в XVIII–XIX вв. разнородных этнических, конфессиональных, хозяйственно-культурных общностей. Она также отметила, что не было единого органа, ответственного за политику на окраинах империи. Присоединенные народы находились под контролем разных ведомств: МИД, МВД, Министерства государственных имуществ, Военного министерства и др.²²⁴. Рассмотрев функции Оренбургской экспедиции, затем Оренбургской Пограничной комиссии, изучив деятельность ее председателей, она пришла к выводу, что создание ОПК было одним из позитивных мер российской администрации.

С.В. Горбунова, исследуя институт султанов-правителей Младшего жуза, остановилась на деятельности некоторых правителей Степи и, анализируя их занятие, пришла к выводу о том, что они по существу были чиновниками Оренбургской пограничной комиссии²²⁵.

Изучению административно-правовой политики Российской империи в Среднем жузе казахов (по отношению к этому жузу употребляет термин Степный край) посвящена работа Е.А. Безвиконной²²⁶. Автор считает, что региональные

---

²²² Там же. С. 253.

²²³ Там же. С. 255.

²²⁴ Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1998. 18 с;

²²⁵ Горбунова С. В. Султаны-правители Младшего казахского жуза // Научные труды Нижневартковского гос. пед. института. Серия История. Вып. 1. Нижневартовск, 1999. С. 43–50.

²²⁶ Безвиконная Е.В. Административная политика самодержавия в Степном крае (20 – 60-е гг. XIX в.): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2002; Ее же. Административно-правовая политика Российской

особенности Степного края обусловили выработку особых комплексных нормативно-правовых актов для населения, основные положения которых были направлены на изменение образа жизни, хозяйственной организации, политико-административных и социально-экономических отношений в регионах²²⁷. Проведение реформ на территории Среднего жуза в первой половине XIX в., по мнению Е. Безвиконной, было обусловлено стремлением империи отстаивать свои интересы на новых территориях, которые рассматривались центром как плацдарм для продвижения в Центральную Азию. Сравнив функционирование местных органов власти по закону «Об отдельном управлении сибирскими киргизами» 1838 г. с «Уставом о сибирских киргизах» 1822 г., автор сделала вывод, что система пограничного управления не претерпела важных изменений. Организация отдельного пограничного управления для кочевников, по мнению Е. Безвиконной, свидетельствовала о четкой направленности политики российской власти на включение региона в состав империи в качестве внутренней провинции²²⁸. Автор отмечает особую роль степного края в окраинной политике империи в XIX в.

В следующей работе «Российско-казахские отношения в XVIII в. – 60-е гг. XIX в.» Е. Безвиконная обратила внимание на различное понимание подданства казахской и российской сторонами. Автор характеризует взаимоотношения Российской империи с кочевым казахским обществом как неоднозначные, многонаправленные. В окончательном превращении Степного края во внутреннюю область империи она выделяет сочетание дипломатических, военных, административных действий.

Вслед за дореволюционными исследователями она характеризует политику российского самодержавия по отношению к национальным окраинам в XVIII–XIX вв. как «вынужденный империализм», основным атрибутом которого

империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск: Изд-во ОГИ, 2005. 240 с.; Ее же. Российско-казахские отношения в XVIII в. – 60-е гг. XIX в. // Актуальные проблемы отечественной истории. XVIII–XX вв. Межвуз. сб. науч. трудов. Омск, 2002. С. 54–62.

²²⁷ Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях. С. 222.

²²⁸ Там же. С. 141.

выступает потребность в достижении государством своих «естественных рубежей», т.е. рек и горных хребтов. Необходимость установления четкой пограничной линии в Центральной Азии автор также связывает с соперничеством с Великобританией²²⁹. В статье она выделила четыре этапа в отношениях самодержавия с кочевниками. По мнению автора, отправной точкой в отношениях двух сторон стали правовые акты принятия подданства казахами, в соответствии с которыми в регионе вводился институт протектората с элементами вассалитета²³⁰. Для этого периода характерно возведение крепостей, строительство укрепленных линий, которые первоначально выполняли функцию защиты близлежащих приграничных территорий. Автор утверждает, что в течение XVIII–XIX вв. в отношениях России и Казахской степи преобладали военно-тактические мероприятия, при сохранении полной независимости кочевых объединений в вопросах внешней и внутренней политики, а дипломатические переговоры выполняли стратегические и разведывательные задачи как российской администрации, так и казахской аристократии²³¹. Роль Степного края определяется как буферная зона, плацдарм для продвижения вглубь региона.

II этап автор связывает с появлением особого российского органа административно-судебной власти как способа изменения принципов отношений с кочевым сообществом. Данным органом стала Пограничная комиссия, созданная в 1816 г. в Омске, по аналогии с существовавшей в Оренбургском крае.

Первая половина XIX в., по определению Е. Безвиконной, - переломный этап в отношениях Российской империи со всеми национальными окраинами (Степной край, Закавказье, Польша, Финляндия, Бессарабия). Автор высоко оценила реформу М. Сперанского 1822 г., указывая, что в перспективе самодержавие планировало перевести кочевников в число сельского населения, крестьянства²³².

---

²²⁹ Безвиконная Е. Российско-казахские отношения в XVIII в. – 60-е гг. XIX в. С. 54–62.

²³⁰ Там же. С. 55.

²³¹ Там же. С. 58.

²³² Там же. С. 59.

Военные действия в Степи в отношении «социально опасных для государственного единства представителей родовой аристократии» автор определяет как не крупномасштабные карательные акции и указывает на их временный характер²³³.

III этап в отношениях российского самодержавия и кочевого общества приходится на 40–50-е гг. XIX в., который характеризуется усилением военного проникновения в Степной край, строительством крепостей и форпостов внутри степи, этому способствовала выгодная международная ситуация. Административные реформы 1854 г. рассматриваются как логическое продолжение принципов «Устава о сибирских киргизах»²³⁴.

Фактическое присоединение Степного края и его превращения во внутреннюю провинцию Российской империи, по мнению автора, происходят в 60-х гг. XIX в.

В современной российской историографии сложилась серьезная традиция исследований символической репрезентации власти. Вслед за зарубежной историографией изучение пространства властных ритуалов и церемоний-репрезентаций в России стало одной из актуальных тем²³⁵.

О.Е. Сухих изучает образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX вв. Она выявляет особенности его формирования и бытования в разных слоях русского образованного общества в указанный период, определяет направление эволюции лексических форм в официальных документах российских властей, обращенных к казахам. Также автор указывает на эволюцию в управленческих, включая

---

²³³ Там же. С. 60.

²³⁴ Там же. С. 61.

²³⁵ Захарова О.Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ-Принт, 2003. 398 с.; Успенский Б. Царь и Патриарх: харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Яз. русс. культуры, 1998. 676 с.; Болтунова Е. Пространство власти: царский / императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII–XVIII столетия // Изобретения империи: языки и практики. М.: Новое издательство. 2011. С. 49–91; Ремнев, А.В., Сухих О.Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям // *Ab Imperio*. 2006. №1. С. 119–154.

церемониальные, практиках, использовавшихся российскими властями в отношении казахов-кочевников²³⁶.

По мнению автора, эволюция лексических практик, заключалась в тенденции сокращения обязательств российской стороны в выдаваемых кочевникам грамотах, нарастании попечительских и повелительных ноток в обращениях русских к представителям казахской знати, оговаривании все более суровых санкций против казахов в случае невыполнении ими распоряжений российских властей вплоть до тюремного заключения и ссылки в Сибирь, появлении новых типов документов, обращенных к казахам (вначале это были указ и патент, позже - приказ, предписание, инструкция, циркулярное письмо и др.), привлечении кочевников к общероссийским мероприятиям²³⁷.

Трансформация лексики, указывает автор, логично дополнялась появлением новых управленческих практик – сначала косвенного, а потом прямого вмешательства во внутренние дела казахских жузов, включая попытки оказать влияние на выбор того или иного хана, разжигание противоречий и конфликтов, разного рода преобразования казахского управления, практики утверждения и отстранения казахского хана и назначения ему жалования, попыток административного разделения территории жузов.

О. Сухих утверждает, что вслед за лексикой и управленческими практиками определенным видоизменениям подвергался и способ церемониального взаимодействия русской власти с казахской знатью. Если в самом начале местом проведения церемонии принятия присяги казахского хана была его собственная ставка, а так называемые «знаки милости», включавшие в себя саблю, соболью шубу и шапку из черно-бурой лисицы, передавались хану из рук в руки, то впоследствии это трансформировалась в церемонию конфирмации хана. Присутствие на церемонии большого количества русских войск, постоянно производимые ими пушечные выстрелы, громы барабанов и литавр, по мнению

---

²³⁶ Сухих О. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века: диссер. ... канд. истор. наук. Омск, 2007. 258 с.

²³⁷ Там же. С. 134–184.

автора, должно было акцентировать внимание кочевников на приоритете и величии Российской империи и российских властей²³⁸.

Она обратила внимание на то, что в 20-х гг. XIX в. многие черты церемонии конфирмации казахского хана были унаследованы церемонией выборов и утверждения в должностях старших султанов окружных приказов Среднего казахского жуза и султанов-правителей Младшего жуза. Эволюция церемонии заключалась в еще большем усилении акцента, сделанного на приоритете и покровительственном статусе Российской империи, в частности, за счет привлечения российской государственной символики.

Закономерным заключением такой политики стало переводение казахов Младшего жуза из ведения МИД в ведение МВД в 1859 г. и практически полная русификация высшего и среднего звеньев управления регионом, - констатирует автор.

Работа Б.Б. Алимбаевой посвящена политике Российской империи в отношении казахов Оренбургского ведомства в XVIII–XIX вв., которая была направлена на приобщение их к хозяйственной деятельности Оренбургского края, посредством развития торговли, земледелия, образования²³⁹.

Автор приходит к выводу, что реформы российского государства способствовали развитию просвещения и школьного образования среди казахского населения, и рассматривает вклад выпускников в развитие региона. Относительно конфессиональной политики в отношении казахов отмечает, что она была достаточно лояльной и выделяет особенности ее осуществления.

Б.Б. Алимбаева обращает внимание на то, что на рубеже XVIII–XIX вв. происходило постепенное оседание казахов на территории Оренбургского края. Автор подчеркнула, что политика российской власти была направлена на изменение социальной структуры казахского общества, усиление позиций представителей неаристократических слоев, назначаемых на управленческие должности.

---

²³⁸ Там же.

²³⁹ Алимбаева Б. Политика Российского правительства в отношении Оренбургских казахов в XVIII–XIX веках: автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2008. 27 с.

Большой вклад в исследование имперского периода Казахстана внес московский ученый Д.В. Васильев. Важным для нашего исследования является его труд, в котором Казахская степь, (все три казахских жуза) рассматривается в контексте имперской политики в отношении кочевого населения²⁴⁰. Автор отмечает, что опыт административно-культурного взаимодействия с башкирами и калмыками стал основой для более успешного взаимодействия империи с Казахской степью. Описывая историю взаимоотношений Казахской степи с Россией с XVI в., уделяя внимание взаимодействиям казахской элиты в лице ханов Хакназара, Тауекеля с Москвой, он выделил этапы проникновения России в Центральную Азию, в том числе, и в Казахскую степь. Автор остановился на различных экспедициях, их целях и задачах в регионе, особо выделяя экспедицию А. Бековича-Черкасского в Хиву. Д.В. Васильев подробно проанализировал вступление казахов Младшего жуза в подданство России, обратил внимание на историческую ситуацию, сложившуюся в Казахской степи, охарактеризовал положение экспедиции А. Тевкелева в ставке хана Абулхаира. Автор замечает, что для приведения казахов в должное повиновение и предотвращения их от набегов на российские крепости, имперское правительство решило негласно посылать хорошо вооруженные отряды казаков, башкир, волжских калмыков²⁴¹. Автор отмечает, что «приходится признать, что Российская империя практиковала политику двойных стандартов в отношении своих центральноазиатских подданных»²⁴².

Д.В. Васильев акцентирует внимание на то, что «по мере укрепления России в регионе, менялось ее восприятие Казахской степи, началась постепенная регламентация российско-казахских отношений. Была избрана стратегия укрепления подданнической зависимости, которая реализовывалась через утверждение казахов в подданстве с помощью периодических присяг и привлечения их к российской стороне как физически (провоцируя их приезды в

---

²⁴⁰ Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII–первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.

²⁴¹ Там же. С. 71.

²⁴² Там же.

пограничные города), так и «приласканием», т.е. потакая просьбам казахской элиты и создавая образ внимательного и заботливого патрона в глазах простых людей»²⁴³. Сравнивая два казахских жуза (Младший и Средний), автор отмечает, что «приласкательная» политика провоцировала в Младшем жузе внутреннюю нестабильность, тогда как жесткие действия пограничных властей в Среднем жузе делали ситуацию более контрольной²⁴⁴.

Политику О. Игельстрома автор рассматривает как новый этап российско-казахских отношений – включение территории казахских владений непосредственно в состав империи как первый шаг к введению региона под юрисдикцию российского законодательства²⁴⁵.

Д.В. Васильев отмечает, что реформы управления казахами Западносибирского и Оренбургского ведомств 1822 и 1824 гг. заложили принципиальные особенности разных административных моделей для казахов. Вторая четверть XIX в. рассматривается, как завершающий этап периода адаптации, когда шел активный поиск наиболее приемлемой для империи формы управления казахской степью²⁴⁶.

Проанализировав различный круг документов, Васильев Д.В. делает вывод, что «на протяжении всего XVIII в. российская администрация заимствовала у казахов традиционные инструменты и методы воздействия на население (принуждения), несовместимые с общегосударственными представлениями. Здесь, в первую очередь, речь идет о вооруженных набегах и барымте. Признавая барымту безусловным злом, высшие столичные и местные пограничные чиновники на протяжении десятилетий использовали ее как средство подавления самих барымтачей, считавшихся преступниками. Понимание вредности

---

²⁴³ Там же. С. 463.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. С. 464.

²⁴⁶ Там же.

насаждения новой государственности и новой цивилизованности неподобающего (варварскими) способами наступило лишь ближе к концу XVIII в.»²⁴⁷.

Изучив различные механизмы управления краем, автор делает вывод о том, что в основу российских административных систем в Младшем, Среднем жузах и Внутренней Орде были положены различные принципы. «Оренбургская модель (Малая Орда) в большей степени учитывала местные традиции и в меньшей – общегосударственные начала», - считает автор²⁴⁸. Многообразие административно-организационных форм, Д.В. Васильев связал не с отсутствием единой региональной политики империи, а поиском оптимальной модели управления всем казахским регионом²⁴⁹.

С.В. Любичанковский в своих трудах рассматривает применявшиеся в империи Романовых механизмы реализации принципов имперского управления, изучает взаимодействие классических национальных окраин (Туркестанское генерал-губернаторство, Степной край) и так называемых «внутренних окраин» (Урал)²⁵⁰. Он уделил большое внимание изучению проблемы, как управленческие решения способствовали изменению статуса данных земель в имперской плоскости, т. е., иными словами, менялась ли с их помощью конфигурация «ядра» и периферии позднеимперской России. С.В. Любичанковский вводит понятие «внутренняя административная колонизация» и показывает, как меняется статус региона в зависимости от изменения границ губерний. Дает обоснование понятиям «ядро» империи, «внутренняя окраина», «окраина» и утверждает, что «существует четкий критерий соотнесения территорий с тем или иным имперским статусом»²⁵¹.

---

²⁴⁷ Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – I половина XIX в.): автореф. дис. ...докт. ист. наук. М., 2016. С. 46.

²⁴⁸ Там же. С. 47.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. 2013. №3. С. 59–68. Его же. Practice of Administrative Investigations of the Officials' Malfeasances in the Russian Empire in Early XX Century // International Conference Proceedings of PSRC. 3rd International Conference on Economics, Humanities, Bio-Technology, January 4–5, 2013. Bali, 2013. P. 89–92.

²⁵¹ Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления... С. 59–68.

В центре внимания его научных интересов и Казахская степь Оренбургского ведомства. В своей следующей работе он изучает деятельность О. Игельстрома по реформированию Казахской степи²⁵², а также обратил внимание на политику исламизации казахов и ее изменению в XIX в.²⁵³

С.В. Любичанковский исследует принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края. Автор отмечает, что должность генерал-губернатора, а с 1881 г. – и гражданского губернатора Оренбургского края играла роль «трамплина» для продолжения карьеры в системе государственного управления. Назначались на нее преимущественно кадровые военные (около 63 %), тогда как по европейской части империи этот показатель составлял около 11 %, но впоследствии их переводили не обратно в вооруженные силы, а в основном на более важные и престижные посты в государственном аппарате империи (генерал-губернатор, командир Отдельного корпуса жандармов и т. д.)²⁵⁴.

Имперская тематика вызывает интерес не только у историков, но и у специалистов в области права. Работы российского историка права Р.Ю. Почекаева посвящены определению места и статуса Казахской степи XVIII–XIX вв. в законодательных актах Российской империи²⁵⁵. Автор в работе «Статус Казахстана в составе Российской империи в первой половине XVIII в.» подверг анализу историко-правовые аспекты присоединения Казахстана к Российской империи. Он рассмотрел степень отражения специфики казахских правовых традиций в законодательных актах, закрепивших этот процесс²⁵⁶.

²⁵² Любичанковский С.В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский ист. вестник. 2013. № 2. С. 102–107.

²⁵³ Idem. Orenburg Policy of Kazakh's Islamization and the Reason of its Change in the XIX Century // Conference. Changing patterns of power in historical and modern Central and Inner Asia. 7–9 august/ 2014. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar University, 2014. P. 45.

²⁵⁴ Любичанковский С. В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя. С. 33–45.

²⁵⁵ Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: от правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. №2. С. 85–96; Его же. Статус Казахстана в составе Российской империи в первой половине XVIII в. // Памятники российского права. В 35 т. Т. 5. Памятники права 1725–1762: учебно-научное пособие / под общ. ред. д.юр.н., проф. Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 209–220.

²⁵⁶ Почекаев Р.Ю. Статус Казахстана в составе Российской империи. С. 209–220.

Автор изучает грамоту императрицы Анны Иоанновны о принятии хана Абулхайра и возглавляемого им Младшего жуза в российское подданство от 19 февраля 1731 г. и присягу самого Абулхайр хана, принесенную 10 октября с историко-правовой точки зрения. Он рассматривает данные акты в общем контексте правового закрепления отношений Русского государства (сначала Московского царства, а затем и Российской империи) со своими тюрко-монгольскими вассалами. Р.Ю. Почекаев пишет: «Дело в том, что, на первый взгляд, грамота Анны Иоанновны представляет собой нормативный акт вполне «европейского образца», характерный и для регулирования правоотношений в европейских частях Российской империи со времен Петра I, а присяга Абулхайра – не более чем «экзотическое приложение» к основному документу-указу. Однако если обратиться, с одной стороны, к содержанию обоих актов, с другой – к истории регулирования отношений России с ее кочевыми подданными, то мы убедимся, что, во-первых, грамота и присяга – фактически две неотъемлемые части одного нормативного акта, во-вторых, что принятие казахов в российское подданство оформлено в традициях не столько после-петровской Российской империи, сколько Московской Руси, а через ее посредство – и Золотой Орды»²⁵⁷.

Употребление термина «грамота», а не указ в названии документа, по мнению автора, говорит о том, что речь идет о послании на тот момент еще независимому монарху, хотя и выразившему намерение принять российское подданство.

Присягу он рассматривает как прямое продолжение грамоты императрицы и неотъемлемую часть системы источников права, регламентировавших статус Казахстана в составе Российской империи в изучаемый период.

Вызывают интерес замечания автора по поводу принятия присяги ханом Абулхайром в 1738 г. после участия казахов в башкирском восстании. «Интересным исключением является повторная присяга хана Абулхайра, принесенная той же императрице Анне Иоанновне в 1738 г. и последовавшая за ней повторная грамота самой императрицы: формально в них не было

---

²⁵⁷ Там же. С. 214.

необходимости, поскольку оба монарха, вассал и сюзерен, еще пребывали на троне. Фактически же эти документы сыграли даже большую роль, чем первые, 1731 г. Во-первых, именно с ними исследователи связывают завершение первого этапа вхождения Казахстана в состав России, более четкое оформление прав и обязанностей казахских вассалов. Во-вторых, именно в этих присяге и грамоте впервые появились положения о признании российскими властями прав на ханский трон не только самого Абулхайра, но и его потомства – что, как мы помним, послужило едва ли не основной причиной принятия этим ханом российского подданства. В-третьих, именно текст присяги 1738 г. стал своего рода образцом для присяг и последующих ханов, причем не только прямых наследников Абулхайра, но и правителей другого, Среднего жуза», - констатирует автор²⁵⁸.

Ученый выделил также разные представления о вассальных правах и обязанностях у российской администрации и их тюрко-монгольских подданных, отмечая, что кочевники понимали подданство как систему более-менее равноправных отношений с сюзереном, гарантию сохранения определенных льгот и привилегий в обмен на определенные выплаты (ясака) и военную службу, а при ущемлении их прав, они могли перекочевать в земли другого сюзерена, вовсе не чувствуя себя мятежниками против прежнего²⁵⁹.

Следующий труд Р.Ю. Почекаева «Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.)» посвящен изучению ликвидации ханской власти в Младшем и Среднем жузах. Период 1824–1868 гг. автор характеризует как завершающий этап переходного периода, после чего Казахстан стал и формально, и фактически частью российского правового пространства²⁶⁰. Он отмечает, что длительное время российские власти в своей правовой политике в Казахстане использовали тактику компромисса, явного вытеснения национального права казахов имперские власти не проводили,

---

²⁵⁸ Там же. С. 216.

²⁵⁹ Там же. С. 218.

²⁶⁰ Его же. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. С. 85.

ограничиваясь постепенным внедрением в правосознание казахов норм общеимперского права. Автор изучает также эволюцию суда биев в 1820–1850-е гг., отмечая, что активное вмешательство в его компетенцию со стороны имперских властей началось с 1850-х гг.²⁶¹.

Вызывает интерес работа Р.Ю. Почекаева «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в.», где рассматривается влияние на имперскую правовую политику в Казахской степи и в центральноазиатском регионе в целом, российских администраторов и казахской элиты²⁶². Для нас интересны те разделы, где автор рассматривает деятельность главных начальников Оренбургского края К.Н. Татищева, И.И. Неплюева, О.А. Игельстрема, В.А. Перовского и их роль в подготовке и реализации законов, взаимодействие казахских ханов Абулхаира, Нуралы, Арынгазы, батыра Сырыма Датова с региональной администрацией, борьбу между Шергазы и Арынгазы за ханскую власть и политику П.К. Эссена²⁶³. Вопросы подготовки, реализации реформ 1824 и 1844 гг. автором затронуты бегло.

Распад Советского Союза, который был интерпретирован западными специалистами как «падение империи», открытие архивов и снятие в делах штампа «секретно» вызвали всплеск интереса у зарубежных исследователей к истории Российской империи. Изучение российских окраин, стремление понять общую логику формирования империй, раскрыть ее зависимость от исторических условий, определение характерных черт империй, анализ причин столь долгого существования Российской империи и механизмов ее устойчивости, изучение взаимоотношений «центра и периферии» вот не полный список исследовательского поля зарубежных коллег. По их мнению, понять имперское измерение истории России можно только при использовании сравнительно-исторического подхода.

---

²⁶¹ Там же. С. 89.

²⁶² Его же. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

²⁶³ Там же. С. 23–168.

Изучение политики России в отношении нерусских народов окраин, анализ различных механизмов управления в регионах империи, с учетом ряда ее особенностей была рассмотрена в работах Андреаса Каппелера «Россия – многонациональная империя»²⁶⁴. Данный труд дал импульс становлению историографического направления – «новая история империи». Рассматривая Российскую империю как полиэтническое государство, основной задачей своей работы он считал проведение анализа взаимоотношений государства – центра и его властных элит – с нерусским населением периферийных регионов.

Изучая 400-летнюю историю России как многонациональной империи (включая и советский период), он обращает внимание на разнообразие методов включения окраин в состав империи, выделяет этнические группы с развитыми общественными элитами, государственными традициями и высокой культурой (например, поляки, татары или грузины), дисперсно расселенные группы со специфическими функциями (немцы, евреи и армяне) и «малые народы». Автор анализирует характер и формы участия народов Российской империи в развитии российского государства, этапы формирования имперской политики. Выделяет две линии в политике Московского государства и формирование их отводит к эпохе завоевания Казанского ханства. Описанные линии – репрессивная или жесткая, и прагматичная, гибкая, базировавшаяся на сотрудничестве с лояльными элитами, – были присущи Российскому государству и в XVII–XVIII вв.

Андреас Каппелер указал на перспективность регионального подхода, подчеркивая: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные истории факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с этническими конфликтами рассматривается более

---

²⁶⁴Каппелер. А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция - Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп»²⁶⁵.

Профессор университета им. Лойолы (Чикаго, США) Майкл Ходарковский посвятил свои труды исследованию истории России XVI–XVIII вв., изучению процесса присоединения окраинных народов к России²⁶⁶. В работе «Степная граница России. Создание колониальной империи, 1500–1800» он изучает ногаев, казахов, калмыков, поволжских и крымских татар, башкир, горцев Северного Кавказа в составе Российского государства²⁶⁷. Изучая причины столкновений между Русью и Степью с древних времен, представил в хронологическом порядке (XVI в., XVII в., XVIII в.) историю продвижения России на восток и юг. Исследовал политику империи на новых окраинах и проанализировал взгляды самих этих народов на политику российской администрации.

Он рассматривает два понятия: *frontier* и *border*. Под «фронтиром» он понимает регионы, не включенные полностью и окончательно в юрисдикцию российского правительства. Их население (в лице правящей элиты) состояло с русскими властями различного рода союзнических, вассальных и протекторантных и прочих внешнеполитических отношениях. Окраинные же земли, которые уже прочно стали частью государства, обозначаются как *borderlands*.

М. Ходарковский описывает средства и способы, посредством которых Россия строила отношения со своими подданными. Он обратил внимание на интерпретацию этих средств не только русской стороной, но и представителями окраинных элит. Так, например, он указывает, что в шертных договорах московские власти видели присягу, акт подчинения шертующего местного

²⁶⁵ Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 21.

²⁶⁶ Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600 – 1771*. Ithaca, 1992. Idem. *Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington: Indiana University Press, 1997; Idem. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. 290 p.

²⁶⁷ Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, Indianapolis, 2002. 290 p.

правителя великому государю; правитель же этот воспринимал шерсть всего лишь как мирный договор с русскими. Ясак в понятии русской администрации был государственной податью, а для другой стороны – способом меновой торговли²⁶⁸. Что касается поминков и жалованья, то российская сторона рассматривала их как награду за лояльность и особые заслуги перед царем, а номады – как ежегодные безусловные выплаты или традиционную ордынскую дань. Он обратил внимание на роль переводчиков в Посольском приказе, и отметил, что они смогли дипломатические концепции Руси перевести в термины и понятия знакомые и понятные на языки этих народов.

Возможности применения западных концепций при изучении истории Российской империи и ее юго-восточных окраин, рассмотрение самой России как «Востока» и ее восприятие своих азиатских окраин, изучение проблем этнографии получили развитие в работах Р. Роббинса²⁶⁹, Д. Брауэра²⁷⁰, С. Б. Глея²⁷¹.

Для нашего исследования вызывает интерес работа Натаниэля Найта «Григорьев в Оренбурге, 1851–1862: российский ориентализм на службе империи»²⁷², где автор изучает взгляды и мнения В. Григорьева, служившего председателем Оренбургской Пограничной комиссии, на имперскую политику в Казахской степи и анализирует применение теории «ориентализма» по отношению к России.

Автор предлагает быть «осторожным», так как есть «подводные камни» в применении концепции ориентализма Э. Саида относительно к Российской империи. Отмечая вслед за Э. Саидом отличия между Британской, Французской и Российской империями, он считает, что ориенталисты России (востоковеды – в нашем понятии – Г.И.) не имели властных полномочий, а также они были

---

²⁶⁸ Ibid. P. 53–56, 62–63.

²⁶⁹ Robbins Jr. R. G. The tsar's Viceroy. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca and Lnd: Cornel University Press, 1987. 328 p.

²⁷⁰ Brower D. Imperial Russia and its Orient: The renown of Nikolai Przhevalsky // Russian Review. Stanford, 1994. Vol. 53. N. 3. P. 367–381.

²⁷¹ Gley C.B. Russian ethnographers in the service of Empire, 1856 – 1862 // Russian Review. Stanford, 1995. Vol. 54. N.1. P. 46–61.

²⁷² Knight, N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. Washington, 2000. Vol. 59. N. 1. P. 74–100.

знакомы и более чутки к многоликости «Востока». Н. Найт утверждает, что Россия не вписывается в дихотомию Запад – Восток, так как она не принадлежит к Западу. Он подчеркивает, что русский ориентализм «особенный» и отличается от европейской версии.

Изучая деятельность В. Григорьева в Оренбурге, Н. Найт указывает, что он не добился большого успеха в оказании существенного влияния на имперскую политику, что власть его опиралась на административные способности, а не на знания специалиста. Также в работе обращено внимание на противоречия в принятии решений российской администрации окраин и центра, о политических интригах в восточной политике.

Данная работа Н. Найта и его тезисы подтолкнули другого американского ученого Адиб Халида начать дискуссию о русском ориентализме на страницах журнала «Критика»²⁷³. Дискуссия между Н. Найтом и А. Халидом была столь интересной, что их труды были переведены на русский язык и к обсуждению актуальной темы подключились другие исследователи²⁷⁴.

Н. Найт рассматривает Григорьева как активного агента, чье поведение хотя и было сформировано под влиянием определенных ограничений и диспозиций, но все же не было предопределено четко установленным ориенталистским «сценарием»²⁷⁵.

Адиб Халид, изучая деятельность Николая Петровича Остроумова в Ташкенте, показывает, как в Российской империи могут взаимодействовать ориентализм и власть. Он критикует Н. Найта за утверждение, что модель ориентализма нельзя применять к России. «Мы должны учитывать временные и пространственные изменения в российском понимании империи. Если на

---

²⁷³ Khalid A. Russian history and the debate over orientalism // *Kritika*. N.S. Bloomington, 2000. Vol. 1. N. 4. P. 691–699.

²⁷⁴ Халид А. Российская история и спор об ориентализме / перевод с англ. Н. Бодягиной // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 311–323; Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду / перевод с англ. Н. Бодягиной // Там же. С. 324–344; Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // перевод с англ. Н. Бодягиной // Там же. С. 345–359.

²⁷⁵ Найт Н. Указ. соч. С. 330.

основании одного только примера мы полностью усомнимся в уместности применения модели ориентализма к изучению России, то нас можно будет, как и самого Саида, обвинить в чрезмерной склонности к обобщениям», - пишет А. Халид²⁷⁶.

Н. Найт в следующей работе предлагает учитывать пять различных способов при анализе российского восприятия Азии²⁷⁷. 1. Ориенталистский дискурс необходимо поместить в историческую перспективу, т.е. его надо рассматривать в изменениях, «перемены следует очень тщательно прослеживать»²⁷⁸. 2. Ориенталистский дискурс не должен автоматически приравниваться к востоковедению. «...Гораздо более продуктивно рассматривать ориенталистский дискурс и научное изучение Востока как отдельные явления, вовлеченные в сложные и динамичные структуры взаимодействия. Ориенталистский дискурс может найти отражение в востоковедении и в отдельных случаях быть им востребован», - считает автор²⁷⁹. 3. Ориенталистский дискурс нельзя рассматривать как единственный показатель идентичности. «Несмотря на всю важность дихотомии Восток / Запад, нам не следует забывать, что существуют и другие дихотомии, которые могут играть важную роль в формировании идентичности» - утверждает Н. Найт²⁸⁰. 4. Нельзя рассматривать «ориентализацию» как исключительно западную практику. 5. Понятие «ориентализм» не должно закрывать возможности для получения достоверных знаний и значимой межкультурной коммуникации²⁸¹.

Подвела черту в дискуссии А. Халида и Н. Найта Мария Тодорова, которая отметила, что за их «полемикой маячит один большой вопрос русской истории: насколько уникальной является Россия? Насколько применимы общие исторические категории и модели (особенно те, что были созданы и универсализированы на основе западноевропейского опыта) к российскому

²⁷⁶ Халид А. Указ. соч. С. 316.

²⁷⁷ Найт Н. Указ. соч. С. 335–340.

²⁷⁸ Там же. С. 335.

²⁷⁹ Там же. С. 336.

²⁸⁰ Там же. С. 337.

²⁸¹ Там же. С. 338–340.

случаю»²⁸². Она предлагает авторам посмотреть на изменения суждений Э. Саида после научных критик, на интерпретацию ориентализма в последующих изданиях, где автор отказался от упрощенности многих своих утверждений.

В рамках научного исследования представляет интерес статья Вирджинии Мартин «Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи»²⁸³, где автор проанализировала различное понимание барымты. «Для русских культурное значение барымты не имело правового значения; для казахов же юридическое определение барымты как преступления не имело смысла», - отмечает В. Мартин. Автор показывает барымту как обычай, который адаптировался к меняющемуся миру. «Барымта пережила колониальное вмешательство, поскольку имперские власти оказались бессильны с нею бороться», - утверждает она²⁸⁴. В. Мартин указывает на трудности, возникшие у российской администрации при согласовании российских законов с обычаями казахов.

Пол Верт, констатируя достижения современной науки в области изучения проблемы сопротивления, подверг ее критическому анализу. Американский историк указывает, что при описании взаимоотношений центральной власти и нерусских народов окраин Российской империи всегда доминировала «парадигма открытого сопротивления». По его мнению, «сопротивление» как аналогичное понятие более применимо «к ранним стадиям имперского правления, а также к тем случаям, когда государство развязывает новые наступательные кампании с целью изменить жизненные устои локальных миров, которые до этого сохраняли значительную долю автономии»²⁸⁵. Применительно к другим случаям он предлагает использовать термин «подрывная деятельность» (subversion), имея

---

²⁸² Тодорова М. Указ. соч. С. 345.

²⁸³ Мартин В. Барымта: Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи / перевод с англ. О. Леонтьевой // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 360–388.

²⁸⁴ Там же. С. 382.

²⁸⁵ Верт П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. С. 50.

ввиду «не столь масштабные проявления оппозиционности, которые могут, однако, значительно осложнить осуществление власти»²⁸⁶.

Он призывает уделять больше внимания пассивной оппозиционности местных национальных сообществ по отношению к разнообразным инициативам имперского центра, которая, несмотря на «мирный» характер, могла значительно «осложнять жизнь» властям²⁸⁷. По его мнению, мирная «подрывная деятельность» является характерной чертой повседневной жизни населения окраин.

Изучение имперской идеологии, русского самодержавия и его политической культуры также занимают видное место в трудах зарубежных историков России. Для нашего исследования вызывают интерес труды Р. Уортмана²⁸⁸. Символизм в его работах представляется как инструмент для сохранения дистанции с подданными и координирования отношений с элитой империи. Он изучил придворные и публичные церемонии, костюмы, ритуалы как «язык власти» самодержавия. Р. Уортман в трактовке символической легитимации власти умело использует семиотический и антропологические методы исследования. Он выявляет присущий русской монархии культурный код, составлявший источник различных средств символической легитимации власти монарха²⁸⁹. Его исследования важны для нас в изучении роли государственных церемоний (коронация, аудиенция, дипломатические приемы) при формировании у подданных империи образа государства.

Таким образом, зарубежная историография обогатившаяся, «новой имперской историей», обратилась к изучению России как многонациональной империи, сконцентрировав особое внимание и на новой «культурной» парадигме. В центре исследования зарубежных историков-русистов оказались вопросы исследования образа «другого», восприятие народами периферий навязываемых им образов и новшеств, изучение проблем империи с точки зрения окраин и др.

---

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Wortman R. Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy: 2 vols. Princeton, 1995, 2000; Idem. The Russian imperial family as symbol // Imperial Russia: new histories for the Empire. Bloomington, 1998. P. 60 – 86.

²⁸⁹ Wortman R. The Russian imperial family as symbol. P. 62, 73–75, 83–84

Итак, представленный в главе историографический анализ по нашей теме позволяет сделать следующие выводы. Всю историографию можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный (выделяя казахстанскую, российскую и зарубежную).

Проблема инкорпорации Казахской степи в состав России нашла достаточное освещение в дореволюционной российской литературе. Политическая и социальная история, культура казахского народа не стала объектом исследования официальной исторической науки имперской России. Авторами многих трудов выступают государственные деятели, которые выражали «государственный интерес» к проблемам истории и современности. Чиновники Оренбургского края – первые исследователи Степи. Участники посольских, академических и военных экспедиций, служащие, военные офицеры, находившиеся в Казахской степи по долгу службы, оставили свои заметки, дневники, отчеты, где содержатся краткие сведения как о политической истории, так и культурной, социальной истории.

Освещая различные стороны казахско-русских отношений, в том числе, проблему «Казахская степь в составе Российской империи», они обосновывали процесс инкорпорации Казахстана в состав империи и его причины, проведение административно-территориальных реформ и др., в соответствии выстроенными концепциями, которые возникали в рамках стратегических задач империи.

В советский период оценка проблемы присоединения Казахстана к России и его последствия, этапы проникновения и освещение политики империи на окраине меняются в зависимости от идеологических устоев. Если для советской историографии 1920-х – 1930-х годов характерен плюрализм мнений, то начиная с середины 30-х годов XX столетия, усиливается давление на науку, партийные установки и политический заказ Советской власти, идеология советского государства влияет на развитие исторической науки. В течение чуть больше полувека возникают часто противоречащие друг другу концепции, от теории «абсолютного зла» «дошли» до теории «добровольного присоединения». В

контексте этих теорий по-разному трактовались изучаемые в нашей работе проблемы.

После распада СССР развиваются новые тенденции в историографии. Для казахстанской историографии начала XXI века характерно переосмысление методологических основ, выявление «белых пятен» в истории Казахской степи, расширение исследовательского поля. Проблема вхождения Казахской степи в состав Российской империи рассматривается с двух позиций: исключительно завоевание и первоначально добровольное присоединение (Младший жуз), а затем завоевание (Старший жуз).

Зарубежная историография, изучая Российскую империю, продолжает разрабатывать теоретические основы ее исследования, ищет новые междисциплинарные подходы к ее изучению. Проблемы окраин и нерусского населения вышли на первое место в изучении Российской империи. «Ориентализм» Саида стал главным методологическим подходом, изменившим исследовательский фокус исторической науки.

Анализ научной литературы показывает, что накоплен значительный материал, характеризующий различные стороны казахско-русских отношений, проблемы «Казахстан в составе Российской империи». Однако цельная картина восприятия казахами империи и ее властных институтов не являлась предметом специального исследования.

1.3 Источниковедческая база исследования и ее характеристика

Научная значимость исторического труда, его полнота и объективность во многом зависит от использованных автором источников, его характеристики, анализа. Мы использовали в работе большой массив архивных документов.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) является одним из крупных хранилищ, где отложены документальные материалы внешне-политического характера с 1720 г. по 1917 г. Материалы по теме исследования

сосредоточены в двух фондах: в фонде №122. Киргиз-кайсацкие дела и в фонде №161. Санкт-Петербургский Главный архив.

Документы 122 фонда охватывают период с 1722 г. по 1800 г. и состоят из 388 единиц хранения. Многие источники данного фонда были опубликованы как в советский период, так и в постсоветский. В 40-е годы XX в. группа ученых под руководством М.П. Вяткина провела большую работу по выявлению и публикации материалов по истории казахско-русских отношений из данного фонда. Результатом стали две публикации в открытой печати: в 1940 г. вышел в свет IV том «Материалов по истории Казахской ССР»²⁹⁰, охватывающий период с 1785 г. по 1820 г.; а в 1948 г. – II том сборника, содержащий документы периода 1741–1751 гг.²⁹¹. Остальные материалы, к сожалению, не были опубликованы и позже отложены в фонде Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

В 1961 г. институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР и ЦГА КазССР была начата публикация документов по истории присоединения Казахстана к России и социально-экономическим отношениям в казахском обществе в период с конца XVI в. – начала XIX века. В I том подготовленного сборника «Казахско-русские отношения в XVI – XVIII вв.»²⁹², охватывающего период с 1594 г. по 1770 г., вошли исключительно документы АВПРИ. II том²⁹³, раскрывающий историю периода с 1771 г. по 1867 г., был сформирован из материалов АВПРИ, а также РГВИА, РГИА и других региональных архивов. Центральной темой II тома являются документы, посвященные участию казахов в восстаниях Е. Пугачева, С. Датова, И. Тайманова, Е. Котибарова, Д. Нурмухамедова. Во II том вошли также материалы о присоединении Старшего жуза к России, о взаимоотношениях казахов с Хивой, Кокандом, Бухарой.

²⁹⁰ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / под ред. М.П. Вяткина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.

²⁹¹ Материалы по истории Казахской ССР / под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Т. 2. Ч. 2. 457 с.

²⁹² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сб. док и материалов / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.

²⁹³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: сб. док и материалов / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев, К.Ж. Жунисбаев, В.С. Мусаева. Алма-Ата: Наука, 1964. Т. 2. 575 с.

Важные источники по истории периода присоединения Младшего жуза к Российской империи были включены в различные сборники. Так, в 1936 г. на страницах «Красного архива»²⁹⁴ под названием «Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в.» были опубликованы материалы из АВПРИ²⁹⁵, среди которых «Грамота императрицы Анны киргиз-кайсацкому хану Абулхаиру, февраль 1731 г.», «Инструкция посланному к киргиз-кайсакам М. Тевкелеву»²⁹⁶, февраль 1731 г., «Донесения М. Тевкелева в Коллегию иностранных дел от 26 августа 1731 г.»²⁹⁷, «Из краткого описания о положении и состоянии киргиз-кайсацкого народа». Из этих документов для исследования получены сведения о населении степи, о родоплеменном составе казахов, сведения о границах трех казахских жузов, о социальной структуре общества, о выборе ханов, информация о политической обстановке в Младшем жузе в период прибытия А. Тевкелева в ханскую ставку, в период восстания под руководством Сырыма Датова (1783–1797). Данные материалы позднее вошли в сборник «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках»²⁹⁸ в более полном объеме. Важность и неоднозначность вопроса присоединения Младшего жуза к России, отраженного в данных источниках, оказала влияние на их переиздание и включение в полнотекстовом варианте в III том сборника «История Казахстана в русских источниках»²⁹⁹.

В 122 фонде собраны разнохарактерные документы, такие как: 1) указы и распоряжения правительства (Сената и Коллегий); 2) переписка местной администрации с центральными и местными учреждениями: донесения оренбургских и сибирских губернаторов, командиров крепостей и главнокомандующих укрепленной линии, докладные записки, проекты и «журналы» отдельных представителей местной администрации; 3) письма русского правительства и местной администрации к казахским ханам, султанам и

²⁹⁴ Лебедев В. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. Исторический журнал. М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1936. Т. 5 (78). С. 187–225.

²⁹⁵ АВПРИ. Ф. 122. 1731 год. Д. 1.

²⁹⁶ Алексей Иванович – русское имя Кутлу-Мухаммеда или Мамета Тевкелева.

²⁹⁷ Также приведены донесения М. Тевкелева в КИД от 5 января и 20 июня 1732 г.

²⁹⁸ 1731 г. февраля – Инструкция КИД – переводчику М. Тевкелеву, отправленному во главе посольства к хану Абулхаиру для принятия от него присяги на подданство России // КРО – 1. С. 42–86.

²⁹⁹ ИКРИ – 3. С. 51–142.

старшинам; 4) письма казахских феодалов и т.д. Изучение данных источников позволило определить место региона в административной системе Российской империи, проследить этапы и характер реализации государственной политики в Казахской степи, выявить мотивы и обстоятельства выработки конкретных мероприятий центра по отношению к коренному населению региона.

Документы 161 фонда – Санкт-Петербургский Главный архив рассмотрены нами подробно в разделе делопроизводственных документов. Важным фактом является то, что источники по теме исследования из данного фонда не были опубликованы в открытой печати.

Государственный архив Астраханской области (ГААстрО) содержит исторические источники с XVII века. К изучению были привлечены материалы фонда №1. Канцелярия Астраханского гражданского губернатора (1721–1919); фонда № 2. Канцелярия Астраханского военного губернатора.

Материалы фондов государственного архива Астраханской области дают представление об исторической ситуации, сложившейся в крае в XVIII – XIX веках. Данные документы содержат информацию о взаимоотношениях калмыков, казахов, ногайцев, кундровских татар. Большая часть из них посвящена образованию Букеевской Орды, проблемным вопросам раздела земли между казахами и кундровскими татарами, прошениям казахов на разные темы. Важными для диссертационного исследования стали найденные документы о назначении Макарова приставом к кочевникам³⁰⁰. В архиве сохранилась инструкция, подготовленная КИД для пристава, формулярный список Макарова. Используя метод сравнительного анализа к инструкциям, выданным приставу Макарову, отправленному к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев и ногайцев, а также к инструкциям, выданным Д. Бахметеву, В. Беклемешеву,³⁰¹ отправленных к калмыцкому хану, П. Карсакову – к казахскому хану Шергазы³⁰², можно проследить становление института приставства от

---

³⁰⁰ГААстрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1638.

³⁰¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. С. 115-117

³⁰² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л.

административного лица к целой системе управления со штатом, административно-территориальной единицей.

Значимыми в содержательном плане для исследования явились документы «О разрешении киргизам переселиться из Зауральских в Астраханские степи»³⁰³, где приведены сведения о кризисе ханской власти в Зауральской Орде, о столкновениях хана Шергазы с другими чингизидами за власть и о переселении части кочевников в Букеевскую Орду. В этом же фонде привлекли внимание сведения о калмыках и казахах, составленные в Астраханской казенной палате³⁰⁴. Данный источник является результатом выполнения предписания министра финансов Д.А. Гурьева, в исполнение которого сформирована ведомость о численности всего населения, проживающего в Астраханской губернии. В документе приводятся сведения о числе кибиток и мужского населения, кочующих казахов Букеевской Орды, калмыков и др. народов, уточняется количество скота и его видовой состав.

Важным для исследования стал документ «О доставлении сведений о кочующих киргизах Оренбургскому военному губернатору»³⁰⁵, в котором была найдена информация о переселении части казахов Младшего жуза, находящихся под управлением хана Шергазы, под власть Шигая. Из содержания выявлено, что астраханскому гражданскому губернатору вице-канцлер К.В. Нессельроде предписывал в вопросах кочующих казахов в Астраханской губернии и за Уралом, непосредственно списываться с оренбургским военным губернатором, минуя ханов и казахских старшин. Аналогичное предписание было отправлено и Саратовскому губернатору.

Источники данного архива стали основой для изучения характера взаимоотношений между равными учреждениями и должностными лицами.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) является крупным хранилищем ценнейших архивных материалов по политической и социально-экономической истории казахов XVIII–XIX вв., а также народов, территории

---

³⁰³ ГААстрО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 369.

³⁰⁴ Там же. Д. 401.

³⁰⁵ Там же. Д. 2353.

которых до 1917 г. входили в состав обширного Оренбургского края. Для исследования наибольший интерес представили материалы, отложенные в таких фондах, как: фонд № 1. Оренбургская экспедиция (1734–1737); фонд № 2. Оренбургская комиссия (1737–1743); фонд № 3. Оренбургская губернская канцелярия (1744–1782); фонд № 6. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора; личный фонд Г.Ф. Генса (166 фонд); личный фонд генерал-майора И.В. Чернова (169 фонд).

Массив источников данного архива раскрывает целый пласт документов по теме исследования: о деятельности местных и центральных властей, различных государственных учреждений и ведомств империи, службе империи представителей казахской знати, в первую очередь, казахских чингизидов и т.д. Здесь сохранились (в основном, копии) указы и распоряжения правительства (Сената и Коллегий); определения, принятые губернской канцелярией по указам Сената, донесения оренбургских губернаторов, командиров крепостей и главнокомандующих укрепленной линии в вышестоящие учреждения, докладные записки, инструкции, письма русского правительства и местной администрации к казахским ханам, султанам и старшинам, «сказки» и «распросные речи» переводчиков и других лиц.

Ценность вышеперечисленных источников для темы исследования определяется полнотой имеющегося в них фактического материала и степенью его достоверности, как, например, обширная переписка местной администрации с центральными правительственными учреждениями характеризует, главным образом, политику государства на окраине.

В архиве отложились дела, касающиеся взаимоотношений казахов с народами региона, в том числе, с башкирами, с калмыками, с казаками и т.д. Позицию правительства передают многочисленные указы к начальникам местной администрации. Так, в фондах ГАОО выявлены и изучены инструкции, адресованные приставам Карсакову, Серее, переписка военных губернаторов И.И. Неплюева, Г.С. Волконского, П.К. Эссена со столицей об определении основных направлений политики в регионе, о методах по усмирению казахов,

данные о казахах, участвовавших в отрядах во время проведения топографических работ в Степи, биографические данные султанов-правителей Ахмета и Араслана Джантюриных, М. Тяукина и мн. др. В архиве сосредоточены рукописные наследия Г.Ф. Генса, историка Оренбургского края С.Н. Севастьянова.

Богатый материал содержит фонд Григория Федоровича Генса³⁰⁶. Указом императора Александра I от 4 августа 1824 г. Г.Ф. Генс был назначен директором открытого в Оренбурге Неплюевского военного училища. 16 января 1825 г. стал председателем ОПК. Он придерживался официальных взглядов на задачи империи в Казахской степи, но, как знаток истории, географии казахского народа отстаивал права казахов в споре с уральскими казаками за земли. Материалы фонда характеризуют Г.Ф. Генса как человека, пользующегося уважением среди всех сословий казахов. Его служебные документы, журналы, докладные записки, отчеты, справки, переписки, «расспросные речи», такие, как «О хлебопашестве в Оренбургской губернии», «Султаны киргизские», «Убийство хана Джантюри», «Об усмирении киргизов», «О построении крепости при Аральском море», «Рассуждение об управлении Оренбургским краем», «Хлебопашество киргизов», «Хан киргизский Меньшой Орды Ширгазы Айчуваков». В этих источниках отразилась история, этнографические данные, литература казахского народа.

В отделе рукописи Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) в фонде Панины (Ф. 222/8) обнаружен уникальный исторический источник «Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771)», принадлежащий перу П.И. Рычкова. Отметим, что одни исследователи XIX в.

---

³⁰⁶ ГАОО. Ф.166. Оп. 1. Д. 2. Рукопись Г.Ф. Генса по рассказам и показаниям мещан Матвея Ковырзина, Никиты Болдырева, киргиза Беккулы Медетова... о Внутренней киргизской орде и афганских владельцах, киргизских лошадях, теленгутах и происхождении названий «башкир» и «казах»; Там же. Д. 3. Рукопись Г.Ф. Генса о торговле в Оренбургском крае, ...о мерах по усмирению киргиз, освобождению из киргизского плена сотника Подурова; Там же. Д. 4. Рукопись Г.Ф. Генса о киргизских и хивинских ханах..., Там же. Д. 5. Рукопись Г.Ф. Генса об учреждении торговой компании в г. Оренбурге..., о строительстве крепости на Аральском море, управлении Оренбургским краем и т.д.

вообще сомневались в наличии такого документа, другие – в авторстве П.И. Рычкова³⁰⁷, третьи беспокоились о месте нахождения «Экстракта»³⁰⁸.

В этом же фонде также сохранился еще один документ – «Экстракт о башкирском народе». Оба документа написаны П.И. Рычковым по предписанию графа И.И. Панина. Характеристика источника приводится ниже.

Из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в исследовании использованы документы фонда «Сенат и его учреждения» (Ф. 248), в котором отложились документы, описывающие ситуацию в крае в период башкирских восстаний XVIII в. Это материалы об участии казахов в восстаниях, переписка главных начальников края с правительственными учреждениями и казахскими ханами и султанами.

Российский государственный исторический архив (РГИА) является одним из важных и содержит источники по теме диссертации, сосредоточив документы самого разного характера. В исследовании использованы документы из фондов: № 853. Фонд В.В. Григорьева; № 1021. Фонд Перовские; № 1251. Фонд М. Сперанского; № 1291. Земский отдел МВД; № 1263. Комитет министров; № 1281. Совет министра внутренних дел; № 1284. Департамент общих дел МВД.

Классифицировать используемые источники данных фондов можно как «официальное делопроизводство высших, центральных и местных учреждений», начиная с 1792 г. К ним относятся: особые мнения; отчеты генерал-губернаторов, различного рода донесения; записки; материалы, отложившиеся в результате деятельности различных комитетов и комиссий, создававшихся для решения определенных вопросов и многое другое. В большинстве своем источники представлены оригиналами, но имеются и копии.

В личных фондах отложились черновые варианты самых разных документов. В фонде М. Сперанского отложились все четыре «Записки» В. Тимковкого – председателя ОПК, которые были использованы и

³⁰⁷ Р.Г. Игнатьев, поместивший в «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1873 год «Экстракт о башкирском народе» замечает: «неизвестно, участвовал ли в составлении затребованных графом Панином экстрактов Рычков».

³⁰⁸ Академик П. Пекарский в 1867 г. с сожалением писал, что «в настоящее время еще неизвестно, где хранятся работы Рычкова, предпринятые им по поручению графа Панина».

проанализированы на заседаниях Азиатского комитета в период обсуждения и подготовки реформы 1824 г. по управлению казахским Младшим жузом. Наряду с этим здесь находятся некоторые размышления крупнейшего политика М. Сперанского об управлении инородцами. Многие документы написаны простым карандашом и размашистым почерком автора. В фонде В.В. Григорьева отложились «доклады», «записки», «представления», написанные им в период подготовки отчетов генерал-губернаторов. Подчеркнем, что в 1291 фонде имеются важные для исследования документы, содержащие сведения о сложности процесса подготовки и обсуждения реформ 1824 и 1844 гг.

Кроме этого, фонд содержит письма и прошения казахских ханов и султанов о назначении жалованья, о награждении казахских султанов, старшин, родоначальников, списки казахских родов.

Отдельной строкой выделим использованные в исследовании источники, вошедшие в опубликованные сборники документов. Среди них: История Казахстана в русских источниках³⁰⁹; История Казахстана в документах и материалах в 3-х томах³¹⁰; Казахские чиновники на службе Российской империи³¹¹; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.³¹²; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.³¹³, Материалы по истории Башкирской АССР³¹⁴; Материалы по

³⁰⁹ История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. III. 484 с.; История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. ; История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков. / сост., предисловие, коммен. и указ. Б.Т. Жанаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. О почетнейших и влиятельнейших ордынках: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. Часть 2. Оренбургское ведомство. 962 с.

³¹⁰ История Казахстана в документах и материалах: альманах. В 3 вып. Вып. 1. Алматы: Изд-во ЛЕМ, 2011. 436 с.; Вып. 2. Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. 438 с.; Вып. 3. Караганда: Экожан, 2013. 496 с.

³¹¹ Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаета. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 418 с.

³¹² Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.: сб. док и материалов / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 743 с.

³¹³ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: сб. док и материалов / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев, К.Ж. Жунибаев, В.С. Мусаева. Алма-Ата: Наука, 1964. Т. 2. 575 с.

³¹⁴ Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. / отв. ред. А.П. Чулошников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.; Т. 4: Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. / под ред. А.Н. Усманова. М.: Наука, 1956. Ч. 1. 494 с.; Ч. 2. 665 с.

истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2.³¹⁵; Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4³¹⁶; Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1³¹⁷; Материалы по истории России³¹⁸; Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб. 2.³¹⁹; Сборник узаконений о киргизах степных областей³²⁰.

При изучении темы проводился анализ разнообразных письменных документов. Используя критерий характера происхождения, эти разнообразные письменные документы были классифицированы следующим образом:

1. законодательные источники;
2. делопроизводственная документация;
3. письма казахских ханов;
4. материалы личного происхождения,
5. периодическая печать.
6. Отдельную группу составили картографические материалы,

извлеченные автором из фондов РГВИА, РГИА. Рассмотрим отдельно каждый вид источников.

1) Законодательные источники. Это, прежде всего, *государственные законодательные акты*: «Высочайшие» именные, императорские, сенатские указы. Для исследования они имеют важное значение, так как содержат информацию о политике правительства по вопросам интеграции Казахской степи в состав империи. На основе анализа этой группы документов выявляется цель и содержание российской имперской политики в Казахской степи, выстраивается характер взаимоотношений работы государственных учреждений.

³¹⁵Материалы по истории Казахской ССР / под. ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. Т. 2. Ч. 2. 457 с.

³¹⁶Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) / под ред. М.П. Вяткина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.

³¹⁷ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой социалистической революции) / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. Т. 1. 441 с.

³¹⁸ Материалы по истории России: сб. указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: в 2 т. / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. 1: 1734 год. 303 с.

³¹⁹Прошлое Казахстана в источниках и материалах: в 2 т. / под. ред. С.Д. Асфендиярова. 2-е изд. Алматы: Қазақстан, 1998. Т. 2. 350 с.

³²⁰ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-лит. Н.Н. Жарикова, 1898. 532 с.

Большая часть этих документов, имевшая первостепенное значение в организации имперского пространства на территории казахских жузов, была опубликована в Полном собрании законов Российской империи. В 1830 году было издано ПСЗ в 45 томах (от Соборного уложения 1649 г. до манифеста 12 декабря 1825 г.). В 1832 г. вышли в 15 томах «Свод законов Российской империи», действовавших на тот момент и расположенных по тематике. В 1830–1885 гг. в 55 томах вышло 2-е издание ПСЗРИ³²¹. Среди всего массива законов, ставших основой в организации имперского пространства на территории Младшего жуза, отметим те, которые наиболее значимы для темы данного исследования. Среди них, «О разделении степи для киргизцев на три части» (1786), «Об открытии Пограничного суда в Оренбурге» (1786), «Об учреждении в Киргиз-кайсацкой Орде трех расправ» (1797), «Инструкция статскому советнику Ивану Кирилову отправленному для постройки города при устье р. Орь» (1734), «Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев и ногайцев и других азиатских народов» (1800), «О утверждении прав и преимуществ калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от внешних начальств, кроме сей Коллегии, независимом» (1801) и др.

Основные законодательные акты вошли в «Сборник узаконений о киргизах степных областей»³²², «Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края»³²³. Большинство законодательных источников отложились в фондах АВПРИ, РГИА, РГАДА, РГВИА. Некоторые документы вошли в сборники материалов и документов, изданных в советский период. Данный вид источников позволяет

---

³²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. [с 12 дек. 1825 г. по 28 февр. 1881 г.]. СПб.: Тип. 2 Отд-я Собств. е.и.в. канцелярии, 1830–1885.

³²² Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург: Типо-литография Н.Н. Жарикова, 1898. 532 с.

³²³ Материалы по истории России: Сб. указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: в 2 т. / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. 1: 1734 год.

проследить юридическую регламентацию отношений на территории Казахской степи XVIII – I половины XIX в.

Кроме указов, к данной группе источников относятся также проекты, инструкции, положения, уложения, приказы, грамоты.

Проект – это черновой вариант законодательного документа, который подготовлен определенным учреждением: Сенатом, Государственным советом, Комитетом министров и др. для Высочайшего утверждения. После подписания императором проект превращался в законодательный документ (указ, акт и т.д.)

В диссертации использован текст «Проекта обер-секретаря И.К. Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими», в котором определены задачи России на юго-восточной окраине³²⁴. Во время пребывания казахского посольства в 1734 г. в Петербурге И.К. Кирилов представил его в Кабинет. В проекте предлагалось приступить к проведению в регионе (юго-восточной окраине) активной политики для расширения границ империи, присоединить все три казахских жуза, каракалпаков, присоединить Бухарское и Хивинские ханства. В своем проекте И.К. Кирилов предлагает целую серию мер: от основания города-форпоста на р. Орь, возведения сплошным кольцом вокруг Башкирии крепостей до проведения в жизнь принципа «разделяй и властвуй» среди башкир, казахов и калмыков.

18 мая 1734 г. императрица Анна Иоанновна утвердила инструкцию И.К. Кирилова. Сам автор проекта (И.К. Кирилов) был назначен начальником Оренбургской экспедиции (1734–1737). По сути, данный проект стал основой проводимой Россией юго-восточной политики.

Инструкция как вид законодательного документа определяла круг должностных обязанностей чиновника для выполнения определенных задач в Казахской степи. Алексей Иванович (Кутлу-Мухаммед) Тевкелев – один из влиятельнейших дипломатов своей эпохи, сыграл важную роль в реализации юго-восточной политики империи. Он был послом императрицы Анны Иоанновны в

---

³²⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1., Материалы по истории России: Сб. указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края: в 2 т. / сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. 1: 1734 год. С. 19–26.

Казахскую степь, итогом его деятельности стало присоединение Младшего и части Среднего жузов к России.

В феврале 1731 г. А.И. Тевкелев получил инструкцию, подготовленную в КИД, которая содержала определение условий для казахского хана Младшего жуза в вопросе приведения присяги на подданство и предписание дальнейших действий А.И. Тевкелеву.

Обязанности казахского хана включали в себя следующее: подчиняться законам Российской империи, охранять русские торговые караваны, следовавшие в среднеазиатские государства, платить ясак, как башкиры и другие подданные империи, давать аманатов (заложников), жить в мире с другими подвластными народами окраины (башкиры, калмыки и др.)³²⁵.

А.И. Тевкелеву для получения более полной информации для России о народах, населяющих Казахскую степь и Башкирию, предписывался целый круг вопросов для точного и целенаправленного сбора материалов о быте, нравах, устройстве этих народов.

Еще одна важная для исследования инструкция была вручена А.И. Тевкелеву после подавления башкирского восстания 1755 года. 3 сентября 1755 г. он в чине генерал-майора встал во главе специально образованной комиссии, целью которой было добиться от казахов выдачи царскому правительству всех бежавших к ним башкир.

15 сентября того же года генерал-майору А.И. Тевкелеву была вручена инструкция КИД включавшая 19 пунктов, где были четко указаны и описаны правила будущих взаимодействий с ханом Нуралы, султанами Ералы, Айшуаком, старшинами, также определялись план действий, меры, которые мог использовать А.И. Тевкелев для достижения цели.

Данный документ отложился в Государственном архиве Оренбургской области в фонде №3 – Оренбургская губернская канцелярия (1744–1782)³²⁶.

---

³²⁵1731 г. февраля – Инструкция КИД переводчику М. Тевкелеву, отправленному во главе посольства к хану Абулхайру для принятия от него присяги на подданство России //КРО–1. С. 42–43.

³²⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 207–222

Инструкции для пристава П. Карсакова при казахском хане Шергазы³²⁷, для попечителя 9-го башкирского кантона³²⁸, для казахских попечителей³²⁹ определяли круг обязанностей чиновников.

2) Делопроизводственная документация. Данная группа источников включает в себя разные по характеру документы, главным объединяющим фактором которых является направленность. Документы официального делопроизводства высших, центральных и местных государственных учреждений России, в компетенцию которых входили задачи управления населением Казахстана в XIX в., как тип источников, представляют большую ценность по содержанию сообщаемых ими сведений.

Необходимо отметить, что данный тип источников по нашей теме в подавляющем большинстве не стал еще объектом источниковедческих исследований, а их информационное богатство для историографии недостаточно оценено.

Многочисленная переписка официальных органов власти позволяет воссоздать характер взаимоотношений между Петербургом – Оренбургом – Степью. Делопроизводственную документацию, в свою очередь, можно разделить на: 1) переписку учреждений; 2) внутренние документы учреждения; 3) просительные документы (часто выступают как инициативные при формировании дела).

В первой половине XIX в. сложились следующие потоки документов: министерства представляли императору ежегодные всеподданнейшие отчеты; вышестоящие органы управления посылали в нижестоящие указы, повеления, постановления, учреждения и предписания; равные учреждения направляли друг другу отношения, сообщения, переписку и ведения (ведениями обменивались Сенат и Синод, ведениями и известиями оформлялись отношения между департаментами, отделениями и общим собранием Сената); нижестоящие органы

---

³²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 282–302.

³²⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 3–12 об.

³²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 100–107

управления представляли в вышестоящие доклады, рапорты, представления и доношения³³⁰.

Типом документального письма в XVIII веке была скоропись, поэтому все письменные источники данной эпохи, использованные в диссертационной работе, написаны скорописью. Отметим, что в начале XIX в., по утверждению российских ученых М.Н. Тихомирова и А.В. Муравьева, сформировалось два типа письма: квадратное академическое письмо и округлое (ускоренное) письмо³³¹.

Среди всего массива письменных источников выделяем нижеследующие важные для исследования документы: отчеты и журналы.

Отчеты – важнейший источник официально-документального типа. Они могли представляться на имя императора и назывались «всеподданнейший», также они отсылались в различные министерства.

Ежегодные отчеты и доклады генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов представлялись с 1804 г. по 1916 г. Отчеты губернаторов до 1837 г. направлялись в МВД, с 1838 г. по 1915 г. в МВД представлялись копии отчетов, подлинники направлялись императору. С 1827 г. по 1837 г. параллельно с отчетами губернаторов составлялись ежегодные «всеподданнейшие» донесения губернаторов по обозрению губерний. С 1871 г. отчеты губернаторов сопровождалась приложениями – печатными статистическими обзорами состояний губерний. С 1898 г. обзоры к отчетам не прилагались, а рассылались по министерствам. Подлинные отчеты отложились в фондах Комитета и Совета министров (Ф. 1263 и Ф. 1276) РГИА, копии в фондах Департамента общих дел МВД (Ф. 1284), Совета министра внутренних дел (Ф. 1281), Канцелярии министра внутренних дел (Ф. 1282).

В РГИА, в фонде 1281 – Совет Министра внутренних дел, сохранились отчеты военного губернатора Оренбургской губернии начиная с 1836 г. (Ф. 1281. Оп. 4. 1842 год. Д. 146). Последний отчет оренбургского губернатора за 1909 год отложился в фонде 1276 – Совет Министров (1905–1917) (Ф. 1276. Оп. 17. Д. 171).

---

³³⁰ Голиков, А.Г., Круглова, Т.А. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие / Под ред. проф. А. Г. Голикова. М.: Изд. центр «Академия», 2012. С. 142.

³³¹ Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М.: Высшая школа, 1966.

Документ, раскрывающий широкий круг сложных и трудных проблем, стоявших перед главным начальником Оренбургского края в 1833 г. «Отчет по управлению Оренбургским краем с 1833-го по 1842-й год», сохранился в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге в личном фонде В.А. Перовского. Данный документ в 2010 году был опубликован И.М. Гвоздиковой в Уфе³³².

Как известно, в этот период главным начальником края был В.А. Перовский, но он, в связи со своим отбытием в Петербург, написание отчета поручил Я. Ханькову. Отчитываясь за 9 лет своей деятельности, военный губернатор подчеркивал, что он строил «все нововведения на собственном точном изучении положения и потребности края». Вторая часть отчета под названием «Военно-пограничное управление» включает детальный анализ состояния военных сил и пограничной линии, деятельности Оренбургской пограничной комиссии и среднеазиатской торговли до 1833 г.; содержит сведения обо всех мероприятиях военного губернатора, направленных на устройство Казахской степи.

В местном Государственном архиве Оренбургской области полных комплектов отчетов губернаторов нет, поскольку законодательство прямо не устанавливало обязательств оставления экземпляра отчета у самого губернатора.

Отчеты оренбургских губернаторов писались, как правило, чиновниками ОПК, хорошо владеющими ситуацией в крае. Так, например, в РГИА в личном фонде В.В. Григорьева сохранились различного вида документы, которые были основой для отчетов от имени В.А. Перовского и А.П. Катенина, а также черновые варианты этих отчетов (Ф. 853. Оп. 1. Д. 66, 68). Автор отчетов В.В. Григорьев был ученым востоковедом, прослужившим в Оренбургском крае 11 лет: служил чиновником особых поручений при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе (1851–1854 гг.), председателем Оренбургской Пограничной комиссии (1854–1859 гг.), председателем Областного правления оренбургскими

---

³³² Отчет Оренбургского военного губернатора В.А. Перовского по управлению краем (1833–1842). Документальная документация / сост., автор введения, примеч. и прилож. И.М. Гвоздикова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 124 с.

казахами (1859–1863 гг.) до своего отъезда в Петербург. В его личном фонде сохранились дела под названиями «Отчет генерал-адъютанта Перовского по управлению Оренбургским краем за 1853–1857 гг., с приложением кратких сведений по тому же за 1833–1842 гг.» и «Всепопданнейший отчет генерал-губернатора Катенина об осмотре Зауральской степи. Представления министру иностранных о желательных реформах по управлению Зауральской Ордой» (составлен В.В. Григорьевым в 1858 г.). Полнотекстовые варианты отчетов были представлены в МИД и военное министерство³³³. Отчеты губернаторов состояли из 12 пунктов, сопровождалась статистическими материалами, различного вида уточняющими справками и т.д.

«Отчет по управлению оренбургскими киргизами» строился на сведениях, изъятых из отчета Оренбургской Пограничной комиссии, который предоставлялся ежегодно в Азиатский департамент МИД. В РГИА в фонде 1281 – Совета Министра внутренних дел находятся отчеты губернии по киргизской степи за 1843–1848, 1851 и 1852 гг. (Ф. 1281. Оп. 4. 1844 год. Д. 98.; 1845 год. Д. 97.; 1846 год. Д. 121.; 1847 год. Д. 102.; 1848 год. Д. 95.; 1849 год. Д. 96.; Оп. 5. 1852 год. Д. 88.; 1853 год. Д. 125). В ЦГА РК в 4 фонде отложились данные отчеты за 1841 год (Ф.4. Оп. 1. Д. 3741) и за 1843 год (Ф.4. Оп. 1. Д. 366). В ГАОО 6-й фонд – Канцелярия оренбургского генерал-губернатора сохранил «Отчет по управлению киргизским краем» за 1839 г. В.А. Перовского (Ф. 6. Оп. 10. Д. 4903).

«Отчет по управлению оренбургскими киргизами» состоял из таких разделов как: народонаселение Казахской степи; границы земель оренбургских казахов; состояние народного продовольствия (речь идет о пище казахов); происшествия, случившиеся в самой Орде, о службе султанов-правителей и правителей нижнего звена и т.д. В отчете приведены данные ОПК по делопроизводству касательно казахов данного ведомства, о состоянии денежных сумм ОПК, сведений о прилинейных казахских родах и о количестве их скота, о перепуске казахского скота на внутреннюю сторону, о численности казахов, принявших христианскую веру, о наградах и награжденных лицах. Отчеты

---

³³³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 68.

содержали информацию о сложных отношениях и столкновениях казаков и казахов за луга в казахской степи, так как казаки получили разрешение на сенокос за линией. А также включали сведения о торговле с центральноазиатскими ханствами, в частности, сколько караванов прибыло из Хивы и Бухары, какие виды товаров и в каком количестве были привезены в Оренбург и Троицк. Кроме этого, отчеты содержали мнения членов российской администрации о введении хлебопашества в Казахской степи и пользе империи от казахов этого ведомства.

Фонд 1291 – Земский отдел МВД РГИА является одним из главных хранилищ документов пограничных комиссий по вопросам отношений с казахами, башкирами и другими народами. Содержащиеся в фонде «Годовые отчеты Оренбургской Пограничной комиссии по управлению киргизами» с 1845 г. по 1855 г. (Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215.) представляют собой материалы, отражающие полное освещение событий, которые происходили в крае за определенный период. Учитывая, что ОПК была главным органом, осуществлявшим и контролировавшим Казахскую степь Оренбургского ведомства, отчеты представляли собой цельный документ о положении дел в Казахской степи и состояли из введения, трех отделений: уголовного, исполнительного, счетного. На основании §41 «Положения об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г., ОПК по истечении каждого года обязана была представлять в Азиатский департамент МИД годовой отчет о своей деятельности. Структура отчета включала такие разделы, как: 1) сохранение благоустройства и тишины между киргизами, искоренение между ними баранты и всяких самовольных поступков; 2) наблюдение за законностью действий лиц, составляющих частное киргизское управление, побуждение к скорому решению дел, в особенности следствий уголовных; 3) наблюдение за действиями попечителей, определенных к прилинейным киргизам; 4) попечение о поддержании и улучшении киргизского хозяйства и пособие кайсакам в несчастные годы; 5) попечение о сохранении леса и мер к предупреждению пожаров в степи; 6) распространение в Орде оспопрививания и меры к охранению народного здоровья; 7) старание и меры к вырубке пленных из Средней Азии; 8)

наблюдение за ходом меновой торговли киргизов;9) наблюдение за сбором денег плакатных, за билеты и штрафы, а также за кибиточному сбору, взыскиваемых с киргизов за кочевание³³⁴.

Данный вид отчетов носил описательный характер и содержал перечисление точных дат, событий, фамилии и имена участников происшествий, а также статистический материал. Например, материалы об объеме работы султанов-правителей трех частей Оренбургского ведомства за 1849 г. выполнены в виде таблиц со статистическими данными³³⁵.

Журналы – еще один вид документов, использованных в диссертационном исследовании. К ним относятся журналы заседаний Азиатского Комитета (канцелярский, официальный) и журналы начальников Оренбургского края, чиновников региональной администрации (дневниковая форма фиксации событий).

Для исследования специфических сторон и эволюции административной тактики и стратегии российского правительства в отношении казахского населения Оренбургского ведомства, содержат большую ценность материалы, имеющиеся в журналах заседания Азиатского Комитета. «Журналы» Азиатского Комитета представляют собой форму фиксации обсуждения и решения вопросов.

Азиатский Комитет – межведомственный орган, который возник для решения «всех дел вообще, по азиатской границе». Причиной его возникновения стал спор между центральными ведомствами и оренбургскими властями по вопросам, касающихся отношений России с подвластными ей казахами и среднеазиатскими ханствами. Комитет начал работу в 1820 г. Директор Азиатского департамента МИД, тайный советник К.К. Родофиникин по этому поводу пишет: «Докладовано в Санкт-Петербург 26 января 1820 г. Высочайше повелено вместо прежнего Комитета, для всех вообще дел азиатских, составить

---

³³⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2848. Л. 1- 2.

³³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л.15, 57–58, 59–61.

ныне же из начальника Генерального штаба, министров: иностранных, финансов и внутренних дел» комитет³³⁶.

Заседания Азиатского комитета проходили с разной частотой. Так, например, в феврале 1820 г. прошло 5 заседаний, в связи с обострением отношений оренбургского военного губернатора П.К. Эссена с казахским ханом Шергазы Айшуаковым. Главный начальник края ставил вопрос о замене хана Шергазы другим чингизидом Арынгазы, из дома Каипа. Первое заседание Азиатского комитета состоялось 8 февраля 1820 г., в марте – декабре 1820 г. прошло три, а в 1821 г. – пять заседаний. По сравнению с этими годами в период 1826–1827 гг. Азиатский комитет работает более активно, о чем свидетельствует 49 проведенных заседаний. Причиной этому – обострение отношений Российской империи с Хивой.

«Журналы» Комитета отложились в фонде 161 – Санкт-Петербургский Главный архив АВПРИ. Здесь имеются журналы за 1820–1823 гг. (АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 489), за 1824–1826 гг. (Д. 490), за 1827–1832 гг. (Д. 491), за 1833–1837 гг. (Д. 492), за 1838–1849 гг. (Д. 493), за 1850 год (Д. 493б). Было составлено 200 журналов его заседаний.

Выписки из «Журнала» Комитета и некоторые копии по вопросам, касающимся положения дел в Оренбургском крае, сохранились в РГИА в фонде 1291 – Земский отдел МВД. В том числе – «Журнал» первого его заседания от 8 февраля 1820 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а).

В «Журнале» фиксировался ход заседания Комитета: уточнялось количество присутствующих (на последней странице записи заседания Комитета ставились подписи участников), излагался обсуждаемый вопрос, фиксировались мнения членов заседания, указывались особые мнения и решение по вопросу. «Журналы» утверждались императором. Подлинники иногда находились у е.и.в., а копии отправлялись в МИД.

Злободневные вопросы, где участники заседания не могли сойтись в едином решении, рассматривались очень тщательно, с изучением всех имеющихся дел в

---

³³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 82.

архивах различных ведомств. Отдельно к журналу прилагались иногда уточняющие документы, своего рода справочный материал, который представляли различные ведомства и департаменты государственных учреждений Российской империи. Например, в «Журнале» Азиатского комитета от 8 февраля 1820 г. речь идет о рассмотрении предложений П.К. Эссена по отстранению Шергазы Айшуакова от власти. Здесь же в приложении к «Журналу» содержится «Записка», составленная в МИД, где изложены причины и мотивы оренбургского начальника по данному вопросу, копии документов о принятии в подданство Младшего жуза казахов.

19 февраля 1820 г. на заседании Азиатского комитета был рассмотрен вопрос о ханской власти в Казахской степи. К журналу была приложена обстоятельная записка из архива Азиатского департамента «О ханах Меньшой киргиз-кайсацкой Орды». Также в этом «Журнале» содержатся сведения об увольнении председателя ОПК генерал-майора Веселицкого и решении Азиатского комитета назначить на его место чиновника 4 или 5 класса из МИД.

При решении особо важных вопросов, когда члены комитета не могли прийти к единому мнению, специальные чиновники особых поручений командировались в регион. На заседании Азиатского комитета от 19 февраля поднимался вопрос об определении пристава к хану Шергазы, так как империя уже имела опыт сбора материала о положении дел в крае через приставов ханов. Ранее такие приставы и наместники были у калмыков, ногаев и других кочевых народов. Эти чиновники, в свою очередь, в докладных записках, рапортах представляли полную информацию по изучаемой проблеме, свое видение, а иногда и решение вопроса.

Вопрос о возвращении в столицу чиновников, отправленных решением Азиатского комитета со своих служебных мест, также рассматривался на его заседании. Так, например, председатель ОПК статский советник В. Тимковский просил МИД позволить ему приехать в Санкт-Петербург для объяснения положения дел в самой ОПК и предложений по управлению Младшим жузом

казахов. Об этом повествует запись, сделанная в журнале комитета от 18 октября 1821 года.

31 января 1824 г. на тридцать первом заседании Азиатский комитет рассмотрел проект, составленный оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном о разделении Оренбургского края на 2 губернии, и в особенности о преобразовании «Управления Меньшою Ордою киргиз-кайсаков». «Журнал» был рассмотрен императором и 31 марта 1824 г. утвержден. Так началось введение реформы, в результате которой была ликвидирована ханская власть и произошли административно-территориальные изменения в Младшем жузе казахов.

Таким образом, журналы Азиатского комитета содержат ценную информацию о динамике среднеазиатской политики Российской империи, о выявлении и согласовании ведомственных интересов, выработке единой политической линии.

К этой группе источников относятся также «Журналы», возникшие в связи с определенными событиями, записанные чиновниками Российской империи в ходе выполнения ими конкретного, одноразового поручения. Они отличались от вышеуказанного вида «Журнала» тем, что в них ежедневно фиксировались события, как правило, происходящие за небольшой отрезок времени. Они по структуре похожи на дневники, но главное их отличие заключалось в содержании детальной информации. Авторами их были сотрудники ОПК. Данный вид «Журналов» отправлялся в Азиатский департамент МИД для руководства его чиновниками по «казахскому» вопросу. «Журналы» были главными источниками центральных учреждений, где была сосредоточена информация по актуальным региональным вопросам.

В данном виде источника детально описываются встречи казахских ханов, султанов, батыров, старшин с главными начальниками Оренбургского края (начиная с начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева, а с 1744 г. и далее с оренбургскими губернаторами). Так, например, «Журнал происходящим по комиссии бригадира Гевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года» повествует о событиях, происходивших в степи с 20 мая по 18 сентября 1748 г. «Журнал» был

написан в период подготовки и обмена аманата Кожа Ахмета Айшуак султаном. Автором источника является бригадир А. Тевкелев, который описывал маршрут, ежедневно фиксировал информацию. Уникальность данного «Журнала» в том, что А. Тевкелев, сообщая о событиях в хронологическом порядке (подневная запись), включил в текст журнала копии писем хана Абулхаира, хана Среднего жуза Абулмамбета, султана Нуралы, батыра рода шакшак аргын Бокенбая и батыра Среднего жуза Жанибека, султана Айшуака. Адресованы они А. Тевкелеву, оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, мурзы к хану Абулхаиру, ханше Бопай, султану Бараку, детям Абулхаира – султанам Нуралы и Айшуаку, казахским батырам и т.д.

Детально описана подготовка встречи и сам прием А.И. Тевкелевым хана Младшего жуза Абулхаира в Орске. Подробно запечатлена обстановка в лагере, церемония встречи и торжественный прием.

Наряду с этим в «Журнале» приводятся сведения о политической жизни Джунгарии, которые были рассказаны Шигаем, сыном Барак султана, прибывшим в начале июня 1748 г. из этого государства. Сообщается о столкновениях Абулхаира с Баракком и об убийстве первого, об обстановке в казахской степи после смерти хана Младшего жуза.

Важные данные приводятся со слов Жанибек батыра о развитии торговли в Оренбурге и Орске (деление на мужской и женский торг), о специфике развития скотоводства в степи («в Меньшой Орде больше овец, а в Средней орде – лошадей»³³⁷). Старшина рода табын Тулебай батыр оповестил об убийстве в 1742 году туркменами батыра Бокенбая Караулы и т.д. Данный «Журнал» освещает события, произошедшие в степи с указанием дат, приводит ценные данные о казахах историко-географического и этнографического характера. Содержит сведения о взаимоотношениях казахов с калмыками, башкирами, ногайцами, аральскими узбеками.

---

³³⁷Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 211.

В диссертационном исследовании также были использованы журналы В.Н. Татищева³³⁸, И.И. Неплюева³³⁹.

Записки готовились в столице или на местах по сложившейся схеме. Руководитель ведомства ставил перед автором «Записки» общую задачу, где требовалось изложить свое видение по политическим или другим вопросам. В Российском государственном историческом архиве в фонде 1251 – «Бумаги М.М. Сперанского» отложилась «Записка статского советника Тимковского об Оренбургской линии».

Василий Федорович Тимковский (1781–1832) – один из создателей Азиатского департамента МИД, председатель Оренбургской пограничной комиссии (1820–1822). Он был отправлен в Оренбургский край в период кризиса ханской власти в Казахской степи. 9 сентября 1820 года В.Ф. Тимковский вступил в должность председателя ОПК³⁴⁰. Перед ним были поставлены задачи, решение которых давало МИД возможность определить дальнейшую политику империи на юго-восточных границах государства. «Записка» В.Ф. Тимковского была написана в период его возвращения в столицу, по поручению главы иностранного ведомства. Данная работа представляет собой фактически собранные воедино четыре документа, хотя автор сам выделяет три «Записки»: 1. «Некоторые черты не благорасположения Оренбургского начальства к хану Ширгазы, сыну Айчувакову». 2. «О последнем разграблении караванов Хивинских и Бухарского и о действиях султана Арунгазы на реке Сыре». 3. «О письме хана Меньшой киргиз-кайсацкой Орды Ширгазы, сына Айчувакова к Хивинскому владельцу Мухаммед Рахиму». Отдельно выделяется четвертая записка «О нынешнем

³³⁸ Татищев В.Н. Журнал, что по отпуске курьера от 13 августа происходило [13 августа–2 сентября 1738 г.] // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Астана, 2012. Вып. 2. С. 64–86.

³³⁹ Журнал, держанной при объявлении Нуралы-салтана киргиз-кайсацкому народу ханом, который на место отца ево Абулхаир хана от того киргиз-кайсацкого народа выбран в ханы 2 октября прошлого 1748 г. и со всеподданнейшим о том народным и ево прошением посылан был ко двору е.и.в. зять ево, Нурали, Джанбек-салтан и при нем протчих семь человек посланцами, а от е.и.в. в том ханском достоинстве всемиловитвейшее подтвержден 26 февраля сего году, еже все чинено во исполнение е.и.в. указов, присланных тайному советнику и Оренбургскому губернатору Неплюеву из Государственной коллегии иностранных дел от 13 апреля и от 2 мая сего ж 1749 г. // Там же. С. 87–154.

³⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 31.

состоянии Оренбургской Пограничной комиссии и о положении Меньшой киргизской Орды»³⁴¹.

В «Записке» В.Ф. Тимковского делается детальный анализ всех документов, касающихся последнего хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова. Содержатся заключения по вопросам международно-правовых отношений России с казахами Младшего жуза; описываются цели и дальнейшие задачи империи по усилению своей власти в регионе и пути их достижения; экономический, политический облик казахского социума в 20-х годах XIX в. В «Записке» отражена позиция автора на многие вопросы политической программы Российского государства в отношении Младшего жуза казахов, или по терминологии той эпохи казахов Зауральской Орды.

«Замечания» председателя ОПК М.В. Ладыженского, написанные в 1845 г., т.е. год спустя после введения «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами – прим. Г.И.)» также относится к делопроизводственным источникам³⁴². Данный источник представляет собой рассуждения чиновника по доработке реформы 1844 г., по совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства. На страницах документа имеются дополнения, уточнения, сделанные чиновниками Пограничной комиссии. Хотя источник не подписан лично М.В. Ладыженским, а текст излагается от третьего лица, сопоставив с информационными данными из других источников, можно сделать вывод о том, что данный труд принадлежит руководителю Пограничной комиссии. Это черновой вариант работы. Часть «Замечаний» встречается в отчете ОПК.

Проработав более года в должности председателя Оренбургской Пограничной комиссии и участвуя в реализации «Положения», он высказал ряд предложений по улучшению состояния дел в Казахской степи. Одним из сложных вопросов оставался контроль над степным пространством и его населением. «Замечания» руководителя главной организации по управлению казахами

---

³⁴¹ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32.

³⁴² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389.

Младшего жуза показывают стремление региональной администрации совершенствовать административную политику империи на окраине. Привлекая на службу представителей местной элиты, изучая народные традиции и обычаи, ОПК «гибко» проводила имперскую политику в регионе.

Чиновник ОПК Федор Матвеевич Лазаревский в 1852 году, будучи в Петербурге, представил «Записку о состоянии Западной части Орды и Уральской линии»³⁴³. Данный источник представляет собой анализ «увиденного и услышанного» автором в течение полутора лет во время командировок, ставший результатом его службы в Казахской степи. Данная «Записка» была составлена по поручению председателя ОПК М.В. Ладыженского.

В 1849 г. управляющему Западной частью было поручено заняться примирением казахов рода адай, кете и других родов между собой. Для помощи султану-правителю был отправлен в степь чиновник особых поручений при председателе ОПК Ф. Лазаревский. На него было возложено также проведение следствия по делу убийства тазларцами в 1847 г. собиравшего с них покибиточную подать ходжи Самая Ханходжина; а также изучение судопроизводства и разбор многих уголовных дел³⁴⁴.

Автор провел 11 месяцев в Западной части Орды и 7 месяцев на Уральской линии, живя среди казахов. Как пишет Ф.М. Лазаревский, «совместная степная жизнь моя с киргизами, ежедневные беседы с ними, всегда ровное внимание к султану и байгушу особенно сблизили меня с ними; они были доверчивы ко мне и не скрывали или не могли скрыть от меня ни своего образа мысли, ни своих убеждений, ни тех действий ордынской власти, которые почти всегда совершаются в Орде неведомо для пограничного начальства»³⁴⁵.

Труд Ф.М. Лазаревского «Записка о состоянии Западной части Орды и Уральской линии» показывает реальную ситуацию, сложившуюся после ведения реформы 1844 г. в Казахской Степи. Работа состоит из размышлений по

---

³⁴³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222.

³⁴⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1849 год. Д. 215. Л. 17–17 об.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 2.

выработке конкретных мероприятий политики правительства в Зауральской Орде. В поле его зрения были следующие вопросы: о необходимости назначения в степи родоправителей и начальников отделений; об управлении казаками на основе обычаев; о неудобствах и невыгодах для казахов формального следствия; о разделении судебных дел по характеру преступления и проведение суда над казаками; о военном суде для казахов Оренбургского ведомства; куны³⁴⁶; о взыскании аипов³⁴⁷; о стеснении линейных казахов казаками; о попечителях и их обязанностях; о назначении вместо чиновников для производства следствий в степи чиновников особых поручений при Пограничной комиссии; о производстве следствий и суда над должностными ордынцами; о составлении свода постановлений, относящихся к казахам Оренбургского ведомства; о разрешении дистаночным и местным начальникам во время прохождения должностей, пользоваться чинами зауряд³⁴⁸. Часть его предложений была учтена в дальнейшем при разработке реформы 1868 года, а часть так и осталась на бумаге.

Рапорты, донесения, докладные и служебные записки руководителей и чиновников Оренбургской Пограничной комиссии позволяют выявить причины и мотивы, которыми руководствовалась российская администрация в Степи, узнать личное мнение того или иного деятеля. Чиновники пограничной администрации по долгу службы изучали социальную структуру, политическую жизнь кочевого казахского общества. Делопроизводственные материалы способствуют изучению степени реализации вопросов, рассматриваемых в законодательных документах, отношений к ним чиновников регионального уровня, в целом – характера взаимоотношений между центром и окраиной.

Экстракт – источник, включающий краткое, самое существенное содержание дела с приведением выдержек из документов; а также все этапы решаемого вопроса.

---

³⁴⁶ Кун – плата за убитого, который взыскивается по решению суда биев.

³⁴⁷ Аип – искупление вины преступником платою трех тогузов (девять) скота (3×9), т.е. 27 голов скота.

³⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 1–47.

В ходе проведения исследования в отделе рукописи Российской государственной библиотеки, в фонде Панины (Ф. 222/8), как отмечалось выше, обнаружен «Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771 гг.)» П.И. Рычкова. Данный источник возник по инициативе графа П.И. Панина, которому было поручено усмирение восстания в Оренбургской (центр восстания), Казанской и Нижегородской губерниях под руководством Е. Пугачева. Когда в Оренбурге стало известно, что граф П.И. Панин назначен главнокомандующим войск, расположенных в вышеназванных губерниях, 14 августа 1774 г. П.И. Рычков отправил письмо историографу Миллеру, в котором писал по поводу назначения П.И. Панина: «Его Сиятельству, уповаю, надобны будут люди, начало и состав прежних учреждений и намерений знающие. Я хотя и знаком Его Сиятельству бывал, но давно; мне мнится, что я, по ведению здешних мест и народов, мог употреблен быть ныне с пользою высочайших интересов и с моим авантажем, но самому на то набиваться дурно. Нет-ли вам, милостивый государь мой, дороги и способу рекомендовать меня Его Сиятельству»³⁴⁹.

В это же время Петр Дмитриевич Еропкин, получив от П.И. Рычкова первую часть составленного им описания осады Оренбурга Пугачевым, преподнес его П.И. Панину и, тем самым, напомнил графу о его авторе как отличном знатоке Оренбургского края. Вскоре после этого³⁵⁰ П.И. Рычков, вопреки желанию не любившего его Рейнсдорпа, бывшего в то время оренбургским губернатором, был приглашен в Симбирск, где находился тогда П.И. Панин, для личных объяснений с графом по делам Оренбургской губернии. В сентябре 1774 г. П.И. Рычков был уже в Симбирске, граф П.И. Панин весьма благосклонно принял почтенного старца³⁵¹, прослужившего уже 40 лет в Оренбургском крае, и подробно расспрашивал его о состоянии Оренбургской губернии.

25 октября 1774 г. граф П.И. Панин отправил на имя Рейнсдорпа особый ордер следующего содержания: «Высокородный и превосходительный господин

³⁴⁹ Пекарский П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867. С. 144–145.

³⁵⁰ Рычков послал письмо Миллеру 14 августа 1774 г., а 13 сентября того же года он выехал из Оренбурга в Симбирск, по требованию Панина.

³⁵¹ П.И. Рычкову в это время было 62 года.

генерал поручик, Оренбургский губернатор и кавалер, Государь мой! Извольте Ваше превосходительство, под собственным надзиранием, чрез способного человека из ваших подчиненных приказать составить из дел и архив Оренбургской канцелярии и ко мне без замедления прислать за вашею рукою два краткие исторические экстракта: один из них о киргизском народе, а другой о башкирском народе»³⁵². Относительно казахов П.И. Панин предложил Рейнсдорпу 11 вопросов, а о башкирах – 10 пунктов, которыми оренбургский начальник должен был руководствоваться при составлении «Экстрактов».

Уже 31 октября 1774 г. главнокомандующий писал оренбургскому губернатору, что на П.И. Рычкова возложено составление «исторических экстрактов» и ему должны быть открыты все дела о казахах и башкирах³⁵³. Рейнсдорп должен был подчиниться распоряжению П.И. Панина и открыть П.И. Рычкову доступ ко всем архивным материалам, хранившимся в Оренбургской губернской канцелярии.

Получив инструкцию³⁵⁴ от Панина, П.И. Рычков в начале ноября выехал из Симбирска в Оренбург, а 4 декабря докладывал, что «одна часть отправляется графу Панину»³⁵⁵. 25 декабря 1774 г. П.И. Рычков писал Миллеру: «Его сиятельство первым моим трудом, по предписанию его чиненным, столько доволен был, что пожаловал мне от имени ея величества 2000 руб. Вы знаете, милостивый государь, сколь они полезны оскудевшему от разорения³⁵⁶ и ослабевающему в силах своих человеку»³⁵⁷.

«Экстракт» представляет собой историческое исследование, которое в хронологическом порядке описывает историю имперской политики по отношению к казахам Младшего жуза в XVIII в.

³⁵² Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1891. Вып. 3. С. 399.

³⁵³ Пекарский П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867. С. 146.

³⁵⁴ Текст инструкции идентичен с «пунктами для составления исторических экстрактов», которые были предложены Рейнсдорпу.

³⁵⁵ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. С. 400.

³⁵⁶ Во время восстания Е. Пугачева П.И. Рычков лишился имущества более чем на 20000 руб. Тогда же был убит его старший 34 летний сын // Пекарский П. С. 143.

³⁵⁷ Витевский В.Н. И.И. Неплюев ... С. 401.

П.И. Рычков, скорее всего, использовал копии с документов, хранившихся в архиве Оренбургской канцелярии, так как многие из них, если не все, отражающие отношения казахов с Россией за 1734–1762 гг., представлены в «Экстракте».

Также в фонде «Ф. 222. Панины» содержатся собранные автором выписки из указов и учреждений о народах Оренбургской губернии³⁵⁸. Наряду с «Экстрактом» о казахах П.И. Рычковым был создан «Экстракт исторический о башкирском народе»³⁵⁹. Данный труд более известен в исторической науке. В 1873 году Р.Г. Игнатъев опубликовал его в «Памятной книжке Уфимской губернии». Часть «Экстракта о башкирском народе» вошла в сборник «Материалов по истории Башкирской АССР».

Данные «Экстракты» в хронологическом порядке на основе архивных материалов описывают действия оренбургских начальников по освоению окраины империи. Структура работ выглядит следующим образом: массив разных официальных документов выстроен по хронологическому принципу (императорские указы, распоряжения КИД, рапорты оренбургских начальников), далее идет описание о том, как, каким образом и кем был реализован тот или иной вид распоряжения высших эталонов власти.

Следующий «Экстракт бригадира А.И. Тевкелева в бытность его в Орской крепости о двух киргис-кайсацких Средней и Младшей ордах по многим с киргисцами разговорам» опубликован в III томе «Истории Казахстана в русских источниках XVI – XX веков»³⁶⁰. В данном «Экстракте» четко изложено мнение автора об основных направлениях политики России в двух казахских жузах. «Экстракт» был написан в 1748 г. и состоит из 15 пунктов. Описывая ситуацию после смерти хана Абулхайра, А.И. Тевкелев предложил ряд мероприятий по усилению российской власти в регионе. Автор рассуждает о действиях султана Барака, виновного в смерти хана, которая, по его мнению, будет направлена на

---

³⁵⁸ Рычков П.И. Выписка из указов и учреждений о иноверных народах Оренбургской губернии, как поступать за продерзости их // Отд. рукописи РНБ. Ф.222/8. Панины. Книга 33.

³⁵⁹ Рычков П.И. Экстракт исторический о башкирском народе // Отд. рукописи РНБ. Ф.222/8. Панины. Кн. 35.

³⁶⁰ ИКРИ – 3. С. 305–318.

отдаление Среднего жуза от России и в поиске протекции джунгарского хунтайджи. Чтобы не допустить этого и усилить дальнейшую интеграцию Среднего жуза в имперское пространство, автор предлагал учредить торговлю в Орске, куда бы прибывали казахи Среднего жуза. В отношении Младшего жуза, в случае нападения их на подданных империи, он рекомендовал использовать барымту, «знакомую» казахам, как древний обычай. Хану предлагал назначить жалованье, за которым бы он приезжал в Оренбург.

Данный «Экстракт» стал результатом наблюдений А.И. Тевкелева за жизнью казахского общества, его личных встреч с ханом, султанами, батырами и старшинами.

В РГАДА отложились «Экстракты» содержащие сведения о положении дел в Оренбургском крае, которые доставлялись в КИД, Сенат. Среди них наиболее важным является «Экстракт из полученных известий о башкирских обращениях»³⁶¹, который содержит информацию об отправке башкирами послов к казахским ханам Абулхаиру и Семеке в 1736–1737 гг. с просьбой оказать им помощь. В «Экстракт» включены донесения полковника А.И. Тевкелева о столкновениях казахов с башкирами³⁶².

Формулярные списки чиновников начали составляться, начиная с 1764 г. До конца XVIII в. единый образец формуляра не сложился. В XIX в. формуляр стал печатным, а данные записывались пером. В них приводились такие сведения: чин, имя и фамилия; какие имеет ордена и прочие знаки отличия; какого вероисповедания; возраст; недвижимое имущество родителей, жены; время поступления на службу, продвижение по служебной лестнице³⁶³; участие в войнах, награды, взыскания; сведения о его грамотности, время отправления в отпуск и время возврата; подвергался ли штрафам, высочайшим замечаниям и выговорам; семейное положение, достоин ли к награждению и повышению чином; представлялись ли отчеты по должности в срок. Отметим, что в XIX в. вид формулярного списка был единым на территории Российской империи.

³⁶¹РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 1060–1103.

³⁶²Там же. Л. 1084 об–1085.

³⁶³ Уточняется, в каком возрасте получил первый офицерский чин

Данный вид источника оказался важным при проведении анализа и восстановления имен казахских чиновников в диссертации. Так, в главе «Институты и структуры осуществления реформы 1824 г.» на основе формулярных списков были восстановлены многие имена казахских чиновников, служивших верой и правдой Российской империи. В частности, формулярные списки султанов-правителей Баймухамеда Айшуакова, Ахмета Джантюрина, Юсуфа Нуралиева, Араслана Джантюрина дали возможность восстановить биографические данные, дополнить сведения о семейном положении, уточнить генеалогию казахских чингизидов и т.д. Подчеркнем, что на основе впервые введенного в научный оборот формулярного списка первого пристава Корсакова при казахском хане Шергазы Айшуакове, восстановлены сведения о русском офицере.

Формулярные списки чиновников служили источником сведений о структуре и составе чиновничьего исполнительного аппарата для российской администрации.

Справки, выписки являются уникальным видом источников. Как правило, в одном таком документе содержится «набор» отрывков из нескольких документов по определенной проблеме. Информация излагается в хронологической последовательности. Они составлялись для принятия решения по особо важным проблемам в высших органах власти и состояли из представления, мнения, ответа на запрос и т.д.

Справка – документ, дающий краткую характеристику о состоянии дел. В ней представляются события в хронологической последовательности или же определяется ситуация в системном порядке. Например, в государственном архиве Оренбургской области отложилось немалое количество документов, включающих «Справки» разного содержания. Так, например, в деле «О выдаче пенсии для семьи умершего султана правителя Восточной части Орды Ахмета Джантюрина» приложена «Справка». Здесь изложены в хронологическом порядке все мероприятия, начиная с возведения в должность султана-правителя с вручением инвеститурных знаков, до возврата знамени после смерти султана в

Оренбургский артиллерийский арсенал³⁶⁴. «Справка» была составлена в ОПК для МИДа.

Еще одним примером может быть «Справка», которая содержит сведения о развитии оспопрививания в Степи, о мероприятиях оренбургской администрации по подготовке фельдшеров-оспопрививателей из среды казахов.³⁶⁵

Выписка – краткое содержание рассмотрения или решения одного дела. Например, в «Журнале» Азиатского комитета от 15 февраля 1820 г. есть «Выписка, переведенная из татарского письма»³⁶⁶. Она представляет собой краткое содержание писем хана Шергазы Айшукова и ответы на них со стороны российской администрации. Выписка составлена в виде таблицы, где в левом столбце указывалась суть письма (прошения, жалобы и т.д.), а в правом – решение этих вопросов, с указанием того, кто и когда принял такое решение. Например, под третьим номером в «Выписке» представлен вопрос о вытеснении с р. Илека кочевников и одновременно с этим содержится просьба хана о разрешении кочевать вновь летом и зимой на этих землях на прежнем основании. Были изложены мнения министра финансов, оренбургского военного губернатора. Далее Азиатский комитет, изучив дело, принял решение об отказе хану Шергазы в содействии по этому вопросу.

Список должностных, влиятельных лиц казахов определенной части начиная с 40-х гг. XIX в. – широко распространенный вид исторического источника, который включался приложением к основным донесениям чиновников ОПК его председателю, а также оренбургскому военному губернатору. Полное название документа: «Список должностным, влиятельным и прочим особенно известным киргизам *определенной*³⁶⁷ части Орды» или же «Алфавитный список о почетнейших и влиятельнейших ордынцах». Это группа в большом количестве отложилась в фонде 4 – Областное правление Оренбургскими киргизами МВД в

³⁶⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 8–12 об.

³⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4620. Л. 2–3.

³⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 92–99.

³⁶⁷ Здесь указывалась одна из трех частей Оренбургского ведомства: Западная, Средняя или Восточная.

ЦГА РК³⁶⁸. «Список» составлялся по предписанию председателя Оренбургской Пограничной комиссии по определенной форме, иногда с приложением печатей должностных казахов.

«Списки» влиятельнейших и почетнейших казахов составлялись по местности (например, кочующих около Уральского укрепления)³⁶⁹, по родам, по частям (Западная, Восточная, Средняя)³⁷⁰.

В «Списках» подробно отражалась следующая информация: фамилия, имя, отчество, род, возраст, образование, территория кочевания (с указанием летней и зимней кочевки), описание внешнего вида и роста, прикладывался рисунок тамги. Далее также подробно приводились сведения о семье личности, об его имущественном состоянии, давалась характеристика его личностным качествам (с указанием информации о том, какое имеет влияние на соплеменников), перечислялись награждения, приводились сведения о нахождении под следствием и не участвовал ли в действиях направленных против политики империи и т.д.

Данная группа источников по структуре похожа на формулярные списки чиновников, но включает в отличие от них более полную и детальную информацию. В них содержится информация, которая характеризует личности с разных позиций, от описания антропометрических данных, умственных способностей до создания психологического портрета. Данные сведения нужны были пограничной администрации для подготовки новых чиновников из среды кочевников.

3) В самостоятельный вид письменных источников выделяются **письма казахских ханов**, которые позволили более целенаправленному изучению реакции казахской элиты на действия и политику российской администрации в Степи³⁷¹.

³⁶⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512, Д.

³⁶⁹ Рапорт младшего толмача Биктагира Долгоаршинова председателю ОПК М.В. Ладыженскому от 11 марта 1850 г. // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 137–149.

³⁷⁰ Рапорт письмоводителя при султানে-правителе Восточной части оренбургских казахов, титулярного советника Г.П. Половоротова председателю ОПК М.В. Ладыженскому // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 53–74.

³⁷¹ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821.: Сб. ист. док. В 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. 1. 696 с.; То же. Т. 2. 1032 с.

Казахстанский исследователь Ирина Викторовна Ерофеева собрала из различных архивохранилищ эпистолярное наследие казахских ханов и султанов, которое представляет собой 811 писем 26 представителей правящей верхушки казахов. Данные письма были написаны с 1675 по 1821 годы. Общую их характеристику ученый определяет как «комплекс сходных по внешней форме и условному формуляру документов официального и личного происхождения, которые выполняли функцию установления определенных правовых, политических, деловых и иных взаимоотношений между конкретными официальными, либо частными лицами»³⁷².

Мы придерживаемся точки зрения И.В. Ерофеевой о том, что письма казахских ханов представляют собой источники, которые не относятся ни к источникам личного происхождения (частные письма), ни к делопроизводственной документации и что к наследию казахской аристократической верхушки неприменимо традиционное для источниковедения деление эпистолярных памятников, так как условные границы между ними являются взаимопроницаемыми и размытыми³⁷³. Потому как «в таких системах переписки создателями официальных посланий, адресованных влиятельным чиновникам соседних государств и соотечественникам-степнякам, являлись не какие-то абстрактные, формально обезличенные ретрансляторы клановых и этнических интересов, наделенные правом принятия ответственных решений, а конкретные индивидуумы со своими собственными политическими амбициями, ценностными предпочтениями и пристрастиями, что дает основание говорить об официально-личной природе ханских и султанских писем»³⁷⁴.

И.В. Ерофеева делит приведенные источники на следующие группы:

А) письма суверенных и/или формально зависимых от русского царя представителей правящей элиты казахского кочевого общества равным им по юридическому статусу восточным и российским монархам и влиятельным чиновникам соседних государств;

³⁷² Там же. Т. 1. С. 15.

³⁷³ Там же. Т. 1. С. 15–16.

³⁷⁴ Там же. С. 16.

Б) послания правителей трех жузов, реально подчинявшихся власти царского правительства, российским императорам-сюзеренам, государственным учреждениям и конкретным должностным лицам чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи, а также равным себе по правовому статусу соотечественникам (письма, представления, обращения, сообщения, доношения, рапорты, уведомления, отношения, записки, показания, объяснения, прошения, заявления);

В) распорядительные документы казахских ханов внутривосточного назначения (указные грамоты, письма, предписания, обвешивательные грамоты или уведомления, приказы, объявления), адресованные нижестоящим структурам власти – правящим элитам локального уровня (рядовым старшинам, биям, членам органов «магистратского» самоуправления присырдарьинских городов и т.п.);

Г) письма ханов и султанов своим сыновьям, другим близким родственникам и знакомым как наделенным властными полномочиями, так и не имеющим таких полномочий»³⁷⁵.

В диссертационном исследовании впервые вводятся в научный оборот письма хана Шергазы Айшуакова, обнаруженные в фондах РГИА, а также письмо Абулхайра Кажыулы, написанное в период башкирского восстания³⁷⁶. Письмо калмыцкого правителя Дондук Омбы, сообщавшего о положении дел в Казахской степи и о женитьбе хана на башкирке, отцом которой был Отнохарт, очень интересно по своему содержанию³⁷⁷. В письмах казахские правители изъяснялись на условном канцелярском языке, близком к чагатайскому. Послания скреплялись печатями и тамгами лиц, от которых они исходили, и переводились на русский язык татарскими переводчиками.

4) Материалы личного происхождения. Жалобы, прошения. Прощения султанов-правителей, казахского хана Шергазы о назначении пенсии, о прибавке жалованья, об отставке формируют представление о порядке разрешения возникающих проблем с помощью обращения к российской администрации и о

---

³⁷⁵ Там же. С. 15.

³⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 763 об.

³⁷⁷ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об.

жизни в Степи после проведения административных реформ 1824 г. и 1844 г. Авторы данных источников в текстах приводят полную информацию о себе, упоминают свои заслуги перед императором, правительством, перечисляют участие в правительственных экспедициях или же в реализации определенных распоряжений, указов и т.д. Авторы таких документов описывают свои взаимоотношения с представителями российской администрации, указывают награды, приводят сведения о материальном положении, иногда указывают причины, приведшие к ухудшению их материального положения (джут, смерть единственного сына – кормильца и т.д). Так, например, жены хана Айшуака³⁷⁸, Ахмета Джантюрина³⁷⁹ просили назначить пенсию в связи со смертью своих кормильцев. Хан Нуралы просил для строительства мавзолея своему отцу – хану Абулхаиру – отправить материал. Юсуф Нуралиев просил назначить жалованье после отставки в связи с тяжелым материальным положением.

Эта группа источников позволяет наполнить историю конкретными людьми, их мыслями, переживаниями, мнениями об определенных ситуациях, которые помогают выявить детали службы исполнителей политики Российской империи. Информация также позволяет уточнить данные биографического характера, этапы карьерного роста чиновника-казаха, отношение к нему соплеменников и оренбургской администрации.

Жалобы казахских старшин на султанов-правителей – редкость в архивах. Это связано с незаинтересованностью в сохранении данного вида источников в архивах и за неважностью ее для местной администрации.

Особо важные документы, затрагивающие чиновников высшего ранга Степи, отложились в фондах ГАОО, ЦГА РК. Так, например, в ГАОО сохранилось дело «По обвинению султана-правителя Восточной части Орды Ахмета Джантюрина, его брата султана Мухаммеда и их приближенных в притеснении киргизов аргынского, кыпчакского, кирейского и япского

---

³⁷⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 605.

³⁷⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528.

родов»³⁸⁰. Проведенное следствие не дало положительных результатов, а отстраненный на некоторое время султан-правитель, как указывают чиновники ОПК, потерял на время интерес к исправлению своей должности.

В документе «О ложном доносе киргизского бия Ялгантаева на султана-правителя Средней части орды Нуралиева»³⁸¹ содержатся сведения о том, что казахский бий Чунтай Ялгантаев обвинил в своем рапорте в ОПК Юсуфа Нуралиева в подстрекательстве казахов к перекочевке. Он сообщал, что Ю. Нуралиев, собрав казахов отделений шурен, назар, ожырай рода шекти, объявил им, что султан правитель Б. Айшуаков следует к ним для взыскания с них скота за прежнюю барымту. Хотя в августе 1835 г. чиновник ОПК Аитов, султан Асфендияр Сюгалин, султан-правитель Б. Айшуаков были отправлены в Среднюю часть для участия в разбирательстве междоусобиц. Объективное расследование и показания вышеперечисленных трех командированных, доказало невиновность Ю. Нуралиева.

Источники показывают, что кочевники и их родоправители объединялись для написания жалоб на своих султанов-правителей, начальников дистанций иногда с целью опорочить имя казахского чиновника, а иногда с целью задержать решение какого-либо вопроса или добиться отстранения конкретного лица. Причины написания жалоб различны: начиная с мести за причиненную обиду до человеческой зависти.

Прошения, жалобы на правителей, встречающиеся среди архивных документов, выглядят нетронутыми среди массива документов. Данный вид источников можно рассматривать как пассивную форму протеста.

Другая группа документов, в которых идет речь о слухах, распространяющихся в степи, о прошениях, о жалобах определенных лиц, остаются почти нетронутыми, тогда как через изучение этих материалов можно выяснить, какую роль играла данная личность в кочевом обществе, чем вызван

---

³⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5605.

³⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4528.

протест номадов своему правителю. Анализ данных вопросов позволяет выяснить скрытые мотивы написания документа.

5) **Периодическая печать.** *Периодическое издание* – это регулярная (с заданной периодичностью), издающаяся типографическим способом подборка текстов, предназначенных для оповещения читателей об определенных событиях и формирования на основе предложенного материала общественного мнения. *Газета* – повременное, как правило, ежедневное издание для оперативного сообщения информации о текущих событиях и публикации разного злободневного материала³⁸².

Исследования, документы по истории народов, населявших Оренбургский край, выходили как в центральной, так и в местной печати. В диссертационной работе использованы различные статьи, опубликованные на страницах «Оренбургских губернских ведомостей», «Оренбургской газеты», «Оренбургского листка», «Трудов Оренбургской архивной ученой комиссии», «Известий Оренбургского общества РГО», «Вестника Европы», «Тургайской газеты», «Живой старины», «Отечественных записок», «Северной пчелы», «Русского архива».

Первой газетой, на страницах которой сообщалось о прибытии казахского посольства во главе с Ералы султаном в Санкт-Петербург, были «Санкт-Петербургские ведомости». Эта официальная газета издавалась Академией наук с 1728 г. В отделе информационных сообщений за 10 февраля 1734 г. была опубликована информация о прибытии в столицу казахского посольства и ее приеме императрицей Анной Иоанновной. Приводились сведения о Татарской Орде и ее правителе хане Абулхаире³⁸³.

На страницах газеты И. Казанцев опубликовал статьи «Об оренбургских или зауральских киргизах Восточной части и о киргизской баранте»³⁸⁴, «О киргизах

---

³⁸²Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: уч. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2012. С. 192.

³⁸³ Санкт-Петербургские ведомости. 1734. №13. С. 4.

³⁸⁴ Об оренбургских или зауральских киргизах Восточной части и киргизской баранте// Санкт-Петербургские ведомости. 1838. №80. С. 352–354, №81. С. 356–358.

Западной и Средней частей, называемых оренбургскими или зауральскими»³⁸⁵, в которых содержится краткий очерк истории трех частей Оренбургского ведомства.

«Оренбургские губернские ведомости» – официальная газета, которая выходила в свет под наблюдением губернатора. Она издавалась с 1838 г. в Оренбурге еженедельно. С 1897 г. стала выходить отдельно неофициальная часть Ведомостей под заглавием «Ежедневная газета Оренбургские губернские ведомости».

Первой местной частной газетой был «Оренбургский листок». Иван Иванович Евфимовский-Мировицкий – потомственный дворянин, почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии основал ее 1 января 1876 г. «Оренбургский листок» был еженедельной общественной и литературной газетой, которая издавалась в Оренбурге. Ее можно считать летописью жизни г. Оренбурга и всего Оренбургского края. На страницах газеты печатались сведения по этнографии, археологии, географии и истории казахов. Так, например, 24 мая 1878 г. вышла статья В. Витевского «П.И. Рычков и его значение в истории Оренбургского края»; А.Е. Алекторова «Внутренняя Букеевская Орда» (1887, №22, 24, 26, 27, 29); его же «Ханская ставка» (1888, №11, 12) и др.

«Оренбургский край» – газета, выходившая в Оренбурге с 1892 г. по 1896 г., два раза в неделю. Издателем был Н. А. Баратынский. На страницах газеты печатались материалы различного характера. Так, например, в 1893 г. вышла статья «Окиргизение русских поселенцев в Тургайской области» (1893 г., №1); А. Добросмыслова «Заметка по поводу неверных сообщений «Московских ведомостей» о Тургайской области» (1893 г., №6) и т.д.

В 1889 г. служившие в Оренбургском крае И.И. Крафт, преподаватель духовной школы А.В. Васильев отправили в Петербург прошение о разрешении открыть газету «Тургайские областные ведомости» и, получив разрешение, в 1891 г. начали ее выпуск. Первым редактором был И.И. Крафт. Это была официальная

---

³⁸⁵ О киргизах Западной и Средней частей, называемых оренбургскими или зауральскими // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. №16. С. 69–70, №17. С. 75–76, №18. С. 78–80.

газета, где публиковались важные события из жизни царствующих особ, приказы и распоряжения местных начальников, смещение и назначение уездных начальников и т.п. На страницах Тургайских областных ведомостей были опубликованы материалы С. Джантюрина «О доставлении высочайшему двору кумыса и кур» (1891 г., №25), «О посещении наследником цесаревичем Тургайской области (1891 г., №32, №33) и др.

С 1895 г. начала выходить «Тургайская газета», где печатались неофициальные материалы. Газета приняла литературно-общественный характер. На страницах «Тургайской газеты» печатались архивные документы, материалы по этнографии, фольклору казахского народа.

На страницах «Тургайской газеты» были опубликованы статьи и материалы: «К истории административного устройства у киргизов» (1898 г., № 28); «Перевод с подлинного приказа бывшего султана-правителя Восточной части Орды Оренбургского ведомства, полковника Ахмета Джантюрина от 28 ноября 1842 г.» (1895 г., №28), «Понятие киргиз о самодержавии» (1903 г., №37); Д. Беркимбаева «Древние развалины и курганы в киргизской степи» (1895 г., № 38); Л. Юдина «Возмездие. О смерти Джанторе» (1895 г., № 9) и мн. др.

В 1887 г. была учреждена Оренбургская ученая архивная комиссия. Ее основной задачей было упорядочение архивного дела, изучение исторического прошлого края и сбор археологических и этнографических материалов. Комиссия развернула свою деятельность в 1896 г., результаты которой печатались в «Трудах Оренбургской ученой архивной комиссии». За 1897–1917 гг. комиссия опубликовала 35 выпусков. Несколько раньше оживилась деятельность Оренбургского отдела РГО. Отдел выпустил 4 «Записки», а с 1893 г. приступил к публикации «Известий». Последний 25 выпуск «Известий» вышел в 1916 г.

б) Картографические материалы, использованные в диссертации, позволили изучить процесс деления территории казахов Оренбургского ведомства на три части, проследить поэтапно процесс определения границ Оренбургского и Сибирского ведомств. Карты помогают нам понять, как главные начальники края

с их помощью закрепляли свою власть. Автором привлечены карты, сосредоточенные в фондах РГВИА, РГИА.

Отложенные в фондах ГАОО документы об отправлении отрядов военных топографов в казахскую степь для ее изучения, описание их маршрутов стали дополнительным материалом при изучении составления карт.

Таким образом, комплексный анализ документов по теме исследования позволил сделать вывод о том, что Российская империя рассматривала юго-восточную часть империи, населенную казахами, башкирами, калмыками как регион, имеющий свои особенности в хозяйственно-экономическом (кочевой тип), политическом отношении. Центр искал и выработывал механизмы управления кочевыми народами, апробировал их на калмыках, затем на башкирах и уже в последнюю очередь, в том же или измененном виде использовал их в отношении казахов.

Анализ источников позволяет воссоздать методы и механизмы имперской интеграции казахов в состав Российской империи, увидеть этапы и особенности правительственной политики по отношению к ним, выявить те исторические лица, которые остались вне поля изучения, проанализировать их службу императору и России.

Изучение в совокупности различных видов источников дает возможность реконструировать функционирование местных органов власти, начиная от местных начальников и султанов-правителей до чиновников ОПК, канцелярии губернатора; рассмотреть их действия во взаимосвязи по реализации указов вышестоящих государственных учреждений и императора; расширить представления о разнообразии в управлении окраинами империи.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ КАК ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

2.1 Казахские жузы в начале XVIII века

XVIII век в истории Казахстана – это начало преобразований социально-экономического и политического облика казахского общества. В этот период Казахстан не представлял собой единого государства, распадаясь на три этнополитических объединения – жузов³⁸⁶, каждый из которых имел свою специфичную родоплеменную организацию.

Старший жуз занимал предгорья Джунгарского Алатау, земли к югу от озера Балхаш (Жетысу) и далее на юго-запад от левобережья реки Чу до верховьев Сырдарьи³⁸⁷.

Средний жуз простирался с юга по линии хребта Тарбагатай – озеро Балхаш – верховья реки Сарысу – горы Каратау и на север до Южно-Сибирской равнины. На западе его границы проходили верховьями реки Тургай – до реки Убаган, а на востоке, начиная от Южного Алтая, хребта Саур и Зайсанской котловины, – по правобережью Иртышской долины³⁸⁸.

Младший жуз начинался на юге от бассейна Сырдарьи – плато Устюрт – восточного побережья Каспия, простирался на север, захватывая бассейны рек

---

³⁸⁶ Первое упоминание казахских жузов, как это было определено В.П. Юдиным, относится к началу XVII в. По мнению Ч. Валиханова, казахские жузы возникли в XV – XVI вв. по образцу монгольских улусов. В казахстанской исторической науке общепринятой датой завершения образования жузов считается конец XV – начало XVI в.

Жуз – хозяйственно и географически относительно обособленный район, населенный группой казахских племен, который до образования казахских ханств и народности являлся территорией племенного союза. Само слово «жуз» означает «часть», «сторона». В основе образования жузов лежало объединение отдельных родов и племен в племенные союзы // История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. С. 148–149. По мнению С. Асфендиарова, основой разделения казахского народа на три жуза стала специфика хозяйственно-культурного и исторического процесса, протекавшего в трех различных ареалах, возникших в связи с естественным делением территории Казахстана на три географических части: Семиречье (Старший жуз), Западный (Младший жуз) и Центральный, Северный, Восточный (Средний жуз).

³⁸⁷ Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата: Казахстан, 1991. С. 5.

³⁸⁸ Там же.

Урала, Иргиза, Эмбы, Тобола, многочисленных речушек и степных озер³⁸⁹. Жузы представляли собой государственные образования с непрочной центральной (ханской) властью, не располагавшей сильным аппаратом принуждения. Во главе каждого жуза стоял избираемый собраниями знати из прослойки султанов-чингизидов хан, а иногда сразу несколько ханов, порой всецело зависевших от правителей родов.

С эпохи Чингиз хана в степи утвердилось право «алтын уруга» (род Чингиз хана, «золотой род») на верховную власть. «Чингисизм освятил право рода Чингиз хана на верховную власть. Это выразилось в том, что титул «хан» стал исключительно прерогативой чингизидов. Попытка присвоить ханский титул нечингизидом в сознании тюрко-монгольских народов и других народов отражалась как противоправная и даже аморальная», – писал В.П. Юдин³⁹⁰. Источник политической власти членов «алтын уруга» – генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингиз хана по мужской линии.

Генеалогическое право чингизидов на правление было закреплено политической традицией и безоговорочно действовало на всей покоренной монголами территории, где продолжали жить принципы официальной идеологии монгольской государственности. Даже известный своими завоеваниями Тимур (1335–1405), создавший огромную империю на территории Центральной Азии и Персии, но не имевший никаких наследственных прав на верховную власть, принял титул эмира. Как пишет Т.И. Султанов: «Возводил на престол подставных ханов из чингизидов и называл себя представителем «обладателя престола» (сахиб ат-тахт)».

В XV–XVIII вв. вследствие утвердившегося мировоззрения и идеологии чингисизма в государствах, некогда входивших в состав Монгольской империи, на ханском престоле утверждались только чингизиды.

На престоле Казахского ханства, начиная с момента его возникновения, были потомки Джучи, старшего сына Чингиз хана. В истории Казахского ханства

³⁸⁹ Там же. С. 6.

³⁹⁰ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI – XVIII вв. Алма-Ата, 1983. С. 114.

периода с середины XVI и до начала XVIII вв. сложилась традиция наследования ханского престола потомками султана Жадик, сына основателя Казахского ханства Жанибека (1470–1473/1474).

Казахское ханство характеризовалось дискретностью и непрочностью сложившихся в нем связей между разными субъектами социальных отношений. Следствием этого было то, что очень часто на территории всех трех казахских жузов одновременно и параллельно было несколько ханов, которые находились во главе наиболее крупных родоплеменных групп казахов³⁹¹. Многие исследователи казахских институтов власти XVI–XIX вв. употребляют по отношению к их истории понятие «Казахские ханства», а не «Казахское ханство», имея в виду прежде всего вибрирующий характер всеобщей интеграции номадного социума. У казахов до начала 80-х гг. XVIII в. существовал институт так называемого «старшего хана», который выполнял интегрирующую функцию по отношению ко всем ассоциативным группировкам на всей территории обитания кочевников³⁹². К категории старших ханов в источниках того периода отнесены Тауке (1680–1715), Каип (1715–1718), Абулхаир (1710–1748) и Аблай (1771–1780)³⁹³.

В основные функции старшего хана входили: в период военных действий он выступал как главнокомандующий казахского ополчения, в мирное время он выступал в качестве главного оратора на различных народных курултаях и почетного представительства во время проведения торжественных ритуалов.

По определению А.И.Тевкелева, многократно опрашивавшего в 30–40-х гг. XVIII в. казахских султанов и старшин, «по их степному обычаю из действительных же ханов, который бы орды ни был, за старшего принято почитать всегда того, кой прежде в ханы пожалован»³⁹⁴. Он же сообщал, что «нередко в

³⁹¹ История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 142.

³⁹² Там же.

³⁹³ 1731 г. октября 3–1733 г. января 14 – Из журнала переводчика М. Тевкелева, ездившего в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов // КРО – 1. С. 62–64; 1742 г. ноября 12 – Письмо султана Среднего жуза Барака имп. Елизавете в связи с принятием им присяги на подданство России // Там же. С. 268; 1743 г. декабря 20 – Донесение Сибирской губернской канцелярии КИД о письмах полученных от султана Аблая // Там же. С. 308.

³⁹⁴ 1759 г. января 22 - Представление генерал-майора А. Тевкелева и колл. советника П. Рычкова КИД о положении в Малом и Среднем жузах // КРО – 1. С. 580.

одной орде бывало у них по два и по три хана, но придерживались и слушались больше того, кой из них в народных делах рассудительнее и проворнее, а прочие имели одно ханское звание»³⁹⁵, т.е. старшие ханы приобретали это звание путем всеобщего признания. Большую роль играли личные качества: храбрость, мужество, ораторство, полководческие успехи.

Характерной особенностью всех кочевых народов, в том числе и казахов, является сложная и широко разветвленная родоплеменная структура. Социум дробился на множество взаимосвязанных и нередко иерархических организованных «племен», «родов», групп и более мелких подразделений и ответвлений, объединенных сложной системой общественных отношений и традицией единого генеалогического древа³⁹⁶.

Основной ячейкой социально-экономической и политической структуры казахского общества оставался род³⁹⁷. Старший жуз казахов включал в себя 11 племен. В.В. Востров и М.С. Муканов на основе полевых исследований доказали, что в состав племенного союза Старшего жуза в конце XIX – начале XX вв. входили рода: 1) дулат, 2) албан, 3) суан, 4) сары-уйсун, 5) сергели, 6) ысты, 7) ошакты, 8) шапрашты, 9) шанышкылы (катаган), 10) канглы, 11) жалаир³⁹⁸.

---

³⁹⁵ Там же. С. 581.

³⁹⁶ История Казахстана: народы и культуры. С. 73.

³⁹⁷ О социальной сущности понятия рода, племени см. подробно: Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований / под ред. В.И. Ламанского // Живая старина. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1894. Вып. III–IV. С. 391–486; Его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / под ред. В.И. Ламанского // Живая старина. СПб.: Тип. С.Н. Худекова, 1896. Вып. III–IV. С. 277–456; Харузин А. Киргизы Букеевской Орды (антрополого-исторический очерк). Вып. 1. М.: Тип. А. Левенсон и К°, 1870; Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии // Советская этнография. 1934. № 6. С. 86–95; Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 132–156; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – нач. XX вв. Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с; Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Научно-издательский центр «Гылым», 2002; Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. 269 с.

³⁹⁸ Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 29.

6 племен составляли Средний жуз казахов. Это – аргын, кыпчак, найман, керей, уак, конырат³⁹⁹. Младший жуз включал три племенных объединения: Алимұлы (алты ата Әлім – шесть родов Алим), Байұлы (он екі ата Байұлы – 12 родов Байұлы), Жетыру (Жеті ата – 7 родов). В поколение Алимұлы входили: шекти, шомекей, торткара, кете, карасакал, каракесек. Поколение Байұлы⁴⁰⁰ состояло из адай, таз, бериш, есентемир, алтын, жаппас, байбакты, шеркеш, маскар, кызылкурт, ысык, шихлар, тана, алаша. Жетыру включал роды табын, тама, жагалбайлы, керейт, тама, кердери, телеу⁴⁰¹.

С самого начала XVIII века Казахские ханства переживали глубокие потрясения, вызванные дальнейшим обострением внешнеполитического положения. Хану Тауке на время удалось преодолеть межродовые усобицы, восстановить спокойствие в жузах, тем самым обезопасить кочевья казахских родов от внешних вторжений. Однако борьба за власть и сепаратизм султанов вскоре нарушили единство, чем незамедлительно воспользовались соседи. С запада совершили набеги волжские калмыки, с севера нападали сибирские казаки, на кочевья за Яиком претендовали башкиры. С юга казахов теснили правители среднеазиатских ханств (Хива), но наиболее грозная опасность нависла над казахами с юго-востока – со стороны сильного и агрессивного государства – Джунгарского ханства.

Итак, рассмотрим границы и внешнее окружение Младшего жуза казахов в XVII – первой половине XVIII вв. Южными соседями в этот период были разрозненные племена туркмен, занимавшие территорию на восточном берегу Каспийского моря, восточнее устья Эмбы, полуостров Мангышлак, плато Устюрт, которые подчинялись первоначально Хорезму, а затем были под властью калмыцких ханов. В 10-е гг. XVIII в. хан Аюка воевал, по сообщению В.М. Бакунина, «за Яиком с киргиз-казаками и всегда над ними имел авантажи, при том же и тухменский народ, при Каспийском море в Мангышлаке бывший, в

³⁹⁹ Там же. С. 56–57.

⁴⁰⁰ Ряд авторов объединяют в одну группу шихлар и ысык, а другие – алтын и жаппас.

⁴⁰¹ Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав... С. 81–82.

свое подданство покорил и так усилился, что и калмыцким народом, и бывшими у него в подданстве ногайцами управлять стал самовластнее»⁴⁰².

Земельные владения калмыков в этот период простирались до низовьев Эмбы, Уила, Темира, где они имели летние кочевки. Туркмены в это время доходили на летовку до указанных рек, и платили за это дань калмыцкому хану⁴⁰³. Во второй четверти XVIII в. казахский хан Младшего жуза Абулхаир ведет борьбу за пастбища в районе Уила и Эмбы, туркмены уходят на юг от указанных бассейнов, к середине века калмыки покинув эти земли, ушли в междуречье Волги и Урала, а освободившиеся места заняли казахи поколения байулы, в первую очередь, адайцы и жетиру⁴⁰⁴.

Забегая вперед, скажем, что в период утверждения Нуралы ханом, в ноябре 1749 г., приехали к хану с поздравлениями послы от мангышлакских туркмен, которые просили принять народ их «в свое ведомство и жить с ними в мире и согласии». Они изъявили желание отправить свою депутацию вместе с Нуралы следующей весной в Оренбург. Новый хан принял предложение ераклинских и текинских туркмен⁴⁰⁵.

Во второй половине XVIII в. Пиралы – сын хана Нуралы, внук Абулхаира, был туркменским ханом⁴⁰⁶. Пиралы в 1770 г. (по другим данным в 1772 г.) был избран по желанию мангышлакских туркмен, казахов-адаевцев ханом. В 1775 году бухарский посол Ерназар Максютлов, бывший в Петербурге, сообщал, что Пиралы избран ханом туркменами, жившими на Мангышлаке, и жаловался, что он обложил налогом проходящие караваны⁴⁰⁷. В 1784 г. и 6 сентября 1791 г. Пиралы обращался с письмом на имя оренбургского губернатора о

⁴⁰² Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 26.

⁴⁰³ Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13. Серия Казахская. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 100.

⁴⁰⁴ Там же. С. 100–101.

⁴⁰⁵ Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Среднею Азиею со времен кончины Абул-хайр хана (1748–1765). Уфа: Губерн. тип, 1853. Т. 1. С. 16.

⁴⁰⁶ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. II. Оренбург: Типо-лит. Тургайского областного правления, 1901. С. 193.

⁴⁰⁷ Там же. С. 152.

предоставлении ему с подвластным народом российского подданства. Указом российской императрицы от 31 октября 1791 г. его просьба была удовлетворена. 9 мая 1802 г. он был утвержден императором Александром I в звании хана мангышлакских туркмен и казахов рода адай⁴⁰⁸. Власть Пиралы Нуралиева распространялась на нижнее течение р. Сагыз, полуостров Мангышлак, полуостров Бузачи⁴⁰⁹. 4 апреля 1805 года Пиралы скончался, об этом сообщил в Оренбург председатель Ханского совета Букей Нуралиев⁴¹⁰.

Князь Волконский предлагал Каратаю в 1815 году, после смерти Пиралы, звание хана туркменского, но он эту честь отклонил от себя и ходатайствовал за предоставление ханского достоинства детям умершего брата⁴¹¹. Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский в 1834 г. по отношению территории между заливами Мертвым Култуком и Киндерли употребляет термин Киргизская Туркмения⁴¹².

В Арало-Каспийском регионе границы казахов Младшего жуза соприкасались с Хивинским ханством, одним из крупных торговых центров Центральной Азии. В последней четверти XVII – первой четверти XVIII вв. верховная власть в Хиве была неустойчивой, так как усилились междоусобицы ведущих кланов. Как указывают источники, в период 1680–1715 гг. в стране сменилось около 10 ханов⁴¹³. С середины 20-х гг. XVIII в. казахские чингизиды при помощи узбекских кунградов вступают во внутривосточную борьбу за ханскую власть⁴¹⁴.

В конце XVII – первой половине XVIII вв. Аральский юрт, или же Кунградское владение, занимавшее территорию Северного Хорезма, в дельте

⁴⁰⁸ Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. С. 119.

⁴⁰⁹ Там же. С. 81.

⁴¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 152. Л. 1.

⁴¹¹ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. II. С. 254.

⁴¹² 1834 г. июля 30 – Сообщение оренбургского военного губернатора В. Перовского директору Азиатского департамента МИД К. Родофиникину о просьбе казахов адаевского рода оказать им помощь в защите от Хивы // КРО – 2. С. 270.

⁴¹³ Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / отв. ред. Б. Сулейменов. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 453–458; Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. С. 90.

⁴¹⁴ Там же. С. 463–475.

Амударьи на побережье Аральского моря было соседями казахов поколения Алимұлы Младшего жуза. Аральцами называли в это время узбекские племена и роды, в состав которых входили кыпчаки, мангыты, кенегесы, кунграды и др. В период правления хивинского хана Исфандияра (1623–1643) Аральский юрт отделился от нее. Правили здесь побочные ветви чингизидов Арабшахидов.

В 1740 г. казахский хан Абулхайр был приглашен на правление, но пробыв меньше недели, был вынужден вернуться в свои кочевья. В 30-е – 40-е годы XVIII века он породнился через брачные союзы своего сына Ералы с хивинским ханом Ильбарысом (1728–1739) и племянника с ханом Аральского владения Шах-Тимуром (1721–1736). Кроме того, его родной племянник (сын старшего брата, султана Тохтамыша) султан Мамай (ум. 1728), известный в хивинских хрониках под именем Сары-Айгыр-хана, и два внука – Болекей (ум. 1808, сын Ералы) и Акым (сын султана Адила) – были в разные годы хивинскими ханами⁴¹⁵. В 1740 году был провозглашен хивинской знатью ханом Нуралы – сын Абулхайра, но уже в начале 1741 г., опасаясь кровавой расправы иранского шаха Надира, он был вынужден бежать⁴¹⁶.

В северо-восточном Приаралье кочевья казахов Младшего жуза граничили с каракалпаками. В последней четверти XVII в. каракалпаки находились в зависимости от калмыцкого хана Аюки, который после подписания шертного договора проводил активную внешнюю политику в Арало-Каспийском регионе⁴¹⁷. Необходимо отметить, что в конце XVII – начале XVIII вв. каракалпаки приняли подданство казахского хана Тауке и заняли территорию, прилегающую к среднему и нижнему течению Сырдарьи⁴¹⁸. Данный регион стал убежищем для бежавших башкир после подавления восстания 1660-х гг., в частности руководителя восстания хана Кучука, внука сибирского хана Кучума⁴¹⁹. В период

⁴¹⁵ Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. С. 110.

⁴¹⁶ Там же. С. 114.

⁴¹⁷ Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 157 с.

⁴¹⁸ Камалов С.К., Уббиниязов Ж.У., Кошанов А.К. Из истории взаимоотношений каракалпаков с другими народами Средней Азии и Казахстана в XVII – начале XX вв. Ташкент: Фан, 1966. С. 77.

⁴¹⁹ Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная литература, 2012. 232 с.

правления хана Абулхаира каракалпаки некоторое время были под его властью. Ералы Абулхаирулы был ханом каракалпаков⁴²⁰.

Юго-восточными соседями казахов было грозное Джунгарское ханство, образованное кочевыми племенами торгоутов, хошоутов, дербетов, во главе с аристократическим кланом чорос, хойты и др.⁴²¹

В период с 1635 по 1658 гг. ойраты захватили Западное Семиречье, вытеснив из района Чу-Илийских гор и Чу-Таласского междуречья основную часть казахских племен на левобережье р. Талас⁴²². В 1681 и 1683–1685 гг. Галдан-Бошохту-хан (1670–1797), опираясь на материальные ресурсы Восточного Туркестана и покоренные народы Южной Сибири, нанес ряд поражений казахам, кыргызам и узбекам в бассейне среднего течения Сырдарьи, подверг грабежу древний город Сайрам⁴²³.

В 80-е годы XVII века старшему казахскому хану Тауке удалось мобилизовать силы казахов и освободить территорию Южного Казахстана. В 1697 г. власть в Джунгарском ханстве перешла к молодому и энергичному Цэван Рабдану (1663–1727) младшему сыну хана Сенге (1653–1671) из рода чорос. В 1698 г. он начал новую войну против казахов, ему удалось вновь завоевать Южный Казахстан⁴²⁴. После смерти китайского императора Канси, скончавшегося 20 декабря 1722 года, хунтайджи начинает мирные переговоры с новым императором Юнчжен, и теперь Цэван Рабдан обращает взоры на кочевья казахов.

В феврале–марте 1723 года джунгарские войска вторгаются на территорию Казахского ханства. Хунтайджи намеревался подчинить себе все казахские жузы. Не желавшие подчиняться им казахские племена Младшего и Среднего жузов начали откочевывать на север и запад от Туркестана, оттесняя тем самым на

⁴²⁰ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. II. С. 193.

⁴²¹ Санчилов В.П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеоаньский период (XV – XVI вв.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3-х т. Т. 1. Элиста, 2009.

⁴²² Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2008. С. 11–18.

⁴²³ Там же. С. 98.

⁴²⁴ Моисеев В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

севере башкир, удалившихся за реку Яик (Урал), на западе (за Эмбой, в среднем ее течении) – волжских калмыков⁴²⁵.

В 1727 г. хан Абулхаир в местности Орда Басы на собрании представителей трех жузов был избран главным предводителем вновь образованного казахского ополчения. В том же году впервые джунгары потерпели поражение недалеко от реки Буланты в местности, которая в дальнейшем получила название «Калмак кырылган». А в 1729 г. в местности Анракай к югу от озера Балхаш произошла последняя в казахско-джунгарской войне битва, где последние потерпели крупное поражение и были вынуждены бежать к границам Джунгарского ханства.

После Анракайской битвы активность джунгаров в отношении казахов резко упала в связи с началом в 1729 г. новой войны Китая с Джунгарским ханством, но джунгарская агрессия не исчезла.

На севере Младший жуз граничил с башкирами Ногайской даруги (Южный Урал), на западе – с калмыками, которые были подданными Российского государства.

2.1.1. Взаимоотношения казахов Младшего жуза с подданными Российской империи: с Калмыцким ханством и Башкирией в первой четверти XVIII в.

Под влиянием различных внутренних и внешних факторов геополитическое положение казахских жузов осложнилось в первой трети XVIII века. По словам Чокана Валиханова, «джунгары, волжские калмыки, яицкие казаки и башкиры с разных сторон громили их улусы, отгоняли скот и уводили в плен целыми семействами»⁴²⁶.

Под натиском джунгар казахи Младшего и Среднего жуза вошли в тесное соприкосновение с башкирами Ногайской и Сибирской даруг. Со времени присоединения Башкирии к Российскому государству, т.е. в течение второй

⁴²⁵ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. С. 135.

⁴²⁶ Валиханов Ч. Аблай. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. Сов. энциклопедии, 1961. Т. 1. С. 217.

половины XVI–XVIII в., башкиры были подвластны учрежденным правительством местным органам власти: вначале воеводе и служилым людям воеводской канцелярии, затем чиновникам провинциальной канцелярии, со времени образования губернии – губернским и уездным властям. На протяжении всего этого времени особое ведомство, имевшее назначение управлять только башкирским населением, не создавалось вовсе. В XVIII веке положение изменилось. Многосословное население Башкирии подчинялось теперь власти в основном той уездной администрации, на территории которой оно имело поселение.

Необходимо отметить, что наряду с общероссийским административно-территориальным устройством в Башкирии сохранилось и старое деление на дороги (даруги), которых было четыре. Казанская дорога включала западную часть Башкирии. Ее восточная граница шла от р. Таныш на Бирск и Уфу, западная – от вершин р. Ик до крепости Осы, южная тянулась параллельно р. Демы к верховьям Ика. Осинская занимала северную часть Башкирии, тянулась полосой по правобережью р. Белой к р. Кама, от Уфы до Осы, включая бассейн р. Буй и Бирь. Ногайская дорога занимала центральную и южную часть края. Ее территория включала верхнее и среднее течение р. Белой с притоками Нугуш, Инзер, Дема. Сибирская дорога включала восточную часть Башкирии, бассейн р. Уфа с притоками Ай и Юрюзань⁴²⁷. Дороги существенно отличались по своему размеру. Самой большой являлась Ногайская, далее шли Сибирская, Казанская и Осинская дороги. Дороги состояли из волостей, образованных на базе родовых объединений. В течение описываемого периода количество волостей не было постоянным, так как шел процесс постепенного дробления и образования новых волостей.

Одним из грозных соседей казахов было Калмыцкое ханство. В 20-е годы XVII в., пройдя через кочевья казахов Среднего и Младшего жузов, калмыки дошли до бассейна Волги. В 1664 г. Калмыцкое ханство во главе с ханом Мончак было официально признано Россией. Кочевья калмыков проходили по обе

---

⁴²⁷ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. Прилож. С. 15.

стороны Волги, от Астрахани до Царицына и Самары, включая степи Придонья, Урала. В Волго-Яицком междуречье, вплоть до г. Гурьева и Эмбы, размещались улусы калмыцких тайшей, которые здесь были ближайшими соседями казахов поколений байулы и жетыру Младшего жуза⁴²⁸.

По мнению М. Новолетова, с 1664 по 1725 гг. калмыки формально были подданными Российской империи⁴²⁹. Усиление ханства произошло при Аюке (1646–1724), который в 1669 г. пришел к власти. В 1709 г. император Петр I утвердил за ним титул калмыцкого хана. Аюка трижды (15 января 1677 г., 13 марта 1681 г., 24 января 1683 г.) присягал на верность царскому правительству, но это не помешало ему совершать набеги как на подданных Российской империи, так и на кочевья казахов.

В первой трети XVIII в. на северо-западных рубежах своих кочевий казахи соприкасались с русскими военными укреплениями лишь в нижнем течении Яика от его устья и вверх по реке до Яицкого городка, где к концу XVII в. сложился район расселения яицкого казачества.

История, политические связи казахов Младшего жуза со своими соседями на севере, в самом начале XVIII в., в силу известных причин, представлены отрывочными и скудными архивными источниками. В этот период казахско-калмыцкие, казахско-башкирские отношения характеризуется, с одной стороны, постоянными набегами, барымтой между кочевыми народами. Характерной чертой кочевой экономики и кочевого быта являются: набеги на соседей с целью грабежа имущества, отгона скота, захвата пленных. Академик Б.Я.Владимирцев в своей работе об общественном строе монголов отмечает, что войны монгольских феодалов друг с другом поддерживались «необходимостью искать себе добычу ввиду незначительности обмена в пределах одного феодального владения»⁴³⁰. Ввиду этого калмыки и башкиры совершали набеги на своих кочевых соседей, которые платили им тем же. Московское правительство принципиально не

---

⁴²⁸ Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999. С. 57.

⁴²⁹ Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Изд-во владельца Малодербетского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. С. 6–7.

⁴³⁰ Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 150.

одобряло этих набегов, так как они влекли за собой пограничные осложнения, но до 60-х годов XVII века активной борьбы с такими набегами не вело, и в спорных пограничных инцидентах всегда вставало на сторону своих подданных.

В 1697 г. Петр I возложил на калмыцкого хана Аюку охрану юго-восточных рубежей империи от набегов соседних кочевых народов⁴³¹. Согласно решению императора князь Б.А. Голицын в июле 1697 г. при персональной встрече с ханом заключил шертный договор. Аюка согласился стать «хранителем» юго-восточных границ империи, но потребовал предоставить ему для таких нужд пушки, боеприпасы и команду артиллеристов⁴³². Требование хана было удовлетворено, в тексте шерты появилась статья, согласно которой местные власти в Астрахани и Уфе обязались «в случае похода против бухарцев, каракалпаков, киргиз-кайсаков снабжать хана Аюку артиллерию с достаточным количеством ядер и бомб», ежегодно выдавать по 20 пудов пороха и 10 пудов свинца⁴³³. Этот факт, предоставление орудия, возвысил хана среди сопредельных кочевых социумов.

Для казахско-башкирских отношений этого периода наряду с взаимными набегами было характерно участие казахов с конца XVII века в башкирских восстаниях против политики царской России, как, например, в «Сеитовском» восстании 1662 г. Как пишет автор XIX века Н. Попов, причиной восстания явились «привычки кочевой жизни и племенное различие с русскими». Характеризуя это восстание, автор подчеркивает, что «особенно страшны были для соседних воеводств те возмущения, в которых соединились непокорные башкиры с киргизами и калмыками»⁴³⁴.

В период «Алдаровского» восстания 1704–1711 гг. отряды казахов также поддерживают восставших. Башкирский ученый И.Г. Акманов в своих работах обращает внимание на участие отрядов казахов и каракалпаков в «Алдаровском»

⁴³¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении калмыкам. Ч. III – IV. Астрахань, 1929. С. 14–15.

⁴³² Там же. С. 15.

⁴³³ Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1991. С. 88.

⁴³⁴ Попов Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 163.

восстании периода 1708–1709 гг.⁴³⁵. В конце августа – начале октября 1708 года башкиры ведут переговоры с казахами и каракалпаками. Как указывалось выше, в конце XVII – начале XVIII вв. каракалпаки находились под влиянием казахских ханов. В сентябре уфимский воевода уже доносил в Казань о том, что «...от каракалпацкого хана Тевки к вора́м башкирца́м, внача́ле к вору Алдару, пришли посланцы прове́дывать, что у башкирцев учинилось с русскими, а другие извещали в Уфе, что они пришли к сообщению воровства»⁴³⁶. В 1708 г. Тауке хан во главе отрядов казахов и каракалпаков подошел к Казани. В этот период султаны Кажы, Султангазы, Султанмурат, Ибрагим Кошекулы также участвуют в политической жизни Башкирии. С какой целью прибыли Тауке и Каип ханы в Зауралье, остается пока неизвестным.

В источниках указывается некоторое число участников башкирского восстания, выходцев из Казахской степи. Так, например, в начале 1709 г. в Уфу сообщали, что башкирам пришла каракалпакская сила 40000 человек⁴³⁷, а летом «из казачьи орды ушли в башкирцы воевать 3000 чел., да каракалпаков 100 чел., да каратабунцев 250 человек»⁴³⁸. Казахские и каракалпакские отряды, прибывшие в Башкирию, возглавили Кучук хан и султан Абулхаир. Абулхаир вместе с группой подвластных казахов и каракалпаков был приглашен из Приаралья в Восточную Башкирию в ставку Алдара Исянгельдина, руководителя восстания. Алдар был знатным тарханом и старшиной бурзянского рода Ногайской дороги. По мнению И.В. Ерофеевой, на совершенные Абулхаиром различные батырские подвиги в войне против джунгаров обратили внимание некоторые знатные башкирские тарханы и батыры, кочевья которых непосредственно граничили с летними пастбищами казахов Младшего жуза. Принимая во внимание

⁴³⁵ Акманов И.Г. Башкирские восстания 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1978; Он же. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. Уфа, 1993. С. 196–197, 202–203

⁴³⁶ 1708 г. октября 14. – Донесение из Москвы А.С. Сергеева кн. А.Д. Меншикову о съездах и волнениях среди башкир, сношениях их с казахами и каракалпакми и о возможности нового усиления восстания // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. / под ред. А.П. Чулошникова. М. – Л., 1936. С. 250.

⁴³⁷ 1709 г. февраля 12. - «Почетная память» из Тобольской воеводской избы приказчикам и старостам разных слобод Верхотурского, Тобольского и Туринского уездов с предостережением от нападений башкир, соединившихся с каракалпакским ханом Кучуком // Там же. С. 251.

⁴³⁸ Там же. С. 253.

чингизидское происхождение и незаурядные бойцовские качества молодого степного полководца-батыра, предводитель башкирских повстанцев тархан Алдар Исянгельдин и его ближайшие сподвижники решили заручиться поддержкой отважного казахского султана в своей борьбе с царской администрацией в Волго-Уральском регионе и предложили ему оказать содействие восставшим башкирам, выступив в роли легитимного монархического символа провозглашенного им суверенного статуса башкирских земель по отношению к официальной России⁴³⁹. По рассказам ташкентского сарта, муллы Нурмухаммеда Алиева, Абулхаир появился в кочевьях башкир по приглашению Алдара и его товарищей, тогда же был провозглашен башкирским ханом⁴⁴⁰. В конце 1709 г. казахи по неизвестной причине очень быстро удалились из башкирских кочевий. В начале 1710 г. Абулхаир также покинул Башкирию и возвратился в Приаральские степи. И.В. Ерофеева считает, что причиной столь быстрого возвращения Абулхаира было возобновление военных вторжений джунгар на территорию Южного Казахстана, в том же году весной он был избран ханом Младшего жуза⁴⁴¹.

Как указывалось выше, взаимные набеги из-за пастбищ, барымта – характерные черты в отношениях казахов, калмыков и башкир в XVIII в. Основными территориями, за которые шла борьба между казахами и башкирами, были водные источники и плодородные пастбища по берегам Яика, Иргиза и Тобола. С целью регулирования казахско-башкирских пограничных отношений весной 1715 г. прибывает к Абулхаиру башкир Карабатыр. В том же году Абулхаир хан отправляет в Россию ответное посольство во главе с Тайконыром Култабаевым для улаживания казахско-башкирских разногласий. Абулхаир в своем письме русскому императору Петру I ставит вопрос об обмене пленными и о принятии мер к прекращению набегов башкир на казахские аулы. Посланец этого письма Тойконыр рассказывал, что «у Каип хана пленных 200 человек и просит

---

⁴³⁹ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. С. 101.

⁴⁴⁰ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об. – 71.

⁴⁴¹ Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX веков. С. 104.

Абулгаир батыр, чтоб воровской разъезд башкир в их казацкую орду пресечь»⁴⁴². Посольство, направленное в Казань, прибыло лишь в сентябре 1715 г., так как надолго было задержано в Уфе. Посольство не добилось результатов, переговоры остались незавершенными.

В начале XVIII в. Уфа занимала видное место в отношениях России с казахскими жузами. Именно в этот город присылались посольства от казахских ханов.

В 1717 г. казахи вновь совершили набеги под закамский пригород Новошешминск. По словам П.И. Рычкова, «один киргизский владетель тысячах в десять подступал и взяв город, многое число людей в полон побрал, но оные добрым поступком полковника Суяза отбиты, и те киргиз-кайсаки с немалым уроном ретироваться были принуждены»⁴⁴³. П.И. Рычков не пишет, кто предводительствовал киргизами при всем набеге, но по словам А.И. Левшина, «сей последний набег был произведен подвластными хана Абулхайра»⁴⁴⁴. В ответ на это башкиры дважды предпринимают походы на казахские кочевья, в результате чего у них было отобрано несколько тысяч лошадей. В 1717–1718 годах казахи и каракалпаки под руководством татарина Сеита и его племянника Абдреманки Тойкина совершают набеги в Казанский уезд, где «разорили и пожгли многие села и деревни, и людей в полон побрали»⁴⁴⁵. В декабре 1718 г. в Казань прибыли посланцы казахского хана Каипа Тантай батыр и Тойконур Култабаев. Хан писал, что он делает все возможное, чтоб поймать Сеита, и для этого он приказал своему сыну Кудай-Менде Багатыр султану, чтоб «он роставлял от себя людей везде по дорогам и по перелазам и по переправам и изловили б

⁴⁴² 1715 г. ранее сентября 4. – Письмо казахского султана Абулхайра царю Петру Алексеевичу по вопросу об обмене пленными и о принятии мер к прекращению набегов башкир на аулы Казахской Орды, с приложением сказки привезшего это письмо казахского посла Тайконура // МИБАССР. Ч. 1. С. 279.

⁴⁴³ Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург, 1896. С. 3.

⁴⁴⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 166.

⁴⁴⁵ 1719 г. после 8 января. Приказная выпись о приезде в Казань посланцев казахского хана Каипа по вопросу об установлении между двумя странами мирных дипломатических и торговых связей и о посылке в Казахскую Орду грамот с представлением о принятии мер к поимке предводителя недавнего нападения на русские пределы Сеита // МИБАССР. Ч. 1. С. 283.

неотложно»⁴⁴⁶. Казахский хан был заинтересован в установлении между двумя сторонами дипломатических и торговых связей.

Усилившееся при Аюке Калмыцкое ханство предстает перед кочевыми обществами как грозный сосед. С 1684 года калмыки совершают серию военных нападений на казахов, каракалпаков и туркмен. Аюка усилил свое влияние и в Центральной Азии. Он восстановил дружеские отношения с новым правителем джунгар Цэван Рабданом, и для укрепления своей позиции выдал дочь Сетерджаб за хунтайджи, а сам женился на его двоюродной сестре Дарма-Бале. Хан Аюка установил дипломатические контакты с Китаем, Оттоманской Портой и некоторыми среднеазиатскими ханствами⁴⁴⁷.

Следующее десятилетие, 20-е гг. XVIII в., характеризуется утиханием казахско-башкирских конфликтов. В 1724 г. скончался калмыцкий хан Аюка, калмыцкие набеги поубавились, они не составляли сильную угрозу по сравнению с вторжениями джунгар. Другие правители Калмыцкого ханства в следующий период предпочитали равноправный обмен аманатами. Так, например, калмыцкий тайша Доржи Назаров в своем письме хану Абулхаиру подчеркивает, что с момента приезда весной 1731 г. казахских батыров Жанибека, Есета и Бокенбая и после того как «учинили дружелюбие», «с того момента мы с вами живем спокойно, також издавна уже мы и вы един единого из нас не брали или не грабили»⁴⁴⁸.

1723–1725 гг. вошли в историю казахского народа как годы «Актабан-шубырынды» (годы «Великого бедствия»), связанные с нашествием джунгар. Не желавшие подчиняться им казахские племена Младшего и Среднего жузов начали откочевывать. Казахи Среднего жуза устремились на север от Сырдарьи на р. Тургай, Ишим, Тобол и Уй, оттеснив кочевья башкир. Казахи Младшего жуза перешли границу своих прежних кочевий по рекам Эмбе, Илеку, заняли земли вплоть до Яика (Урала) и тем самым вступили в конфликт с волжскими

⁴⁴⁶ 1718 г. декабря 1 – Письмо хана Каипа имп. Петру I с просьбой о присылке войск для совместного выступления против джунгар // КРО – 1. С. 29.

⁴⁴⁷ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов. С. 23, 27.

⁴⁴⁸ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 1. Л. 162 об. Письмо тайши датируется 1732 г.

калмыками. Тридцать тысяч казахов Младшего жуза приблизились к южным пределам Башкирии⁴⁴⁹. В результате этих миграций была нарушена исторически сложившаяся система землепользования и были смешаны традиционно сформированные маршруты кочевания как казахов, так и башкир.

После Анракайской битвы активность джунгаров в отношении казахов резко упала. Но в этот период для казахов возникает реальная угроза со стороны башкир и калмыков. Как указывалось выше, откочевавшие ранее под напором джунгар казахские племена заняли земли башкир и калмык, и тем самым создали почву для будущих столкновений. Недовольство продвижением казахских племен к Уралу выражали также яицкие казаки⁴⁵⁰. Складывалась обстановка, чреватая столкновениями и конфликтами, которые не заставили себя долго ждать. Уже во время успешного наступления казахских войск на джунгар, разгромленных у Балхаша, в тыл казахам ударили, с одной стороны, башкиры, с другой – каракалпаки, совершая значительные набеги на оставленные без защиты казахские племена и аулы. Успехи казахов в борьбе против джунгарских захватчиков в подобных условиях не обеспечивали им безопасности и не могли быть доведены до конца. Это, с нашей точки зрения, явилось объективной и главной причиной, заставившей казахских ханов Абулхаира и Семеке поспешить к границам, подвергшимся набегам соседей, и искать при этом радикальный выход из создавшегося положения.

В казахстанской историографии бытует мнение, что главной причиной откочевки Абулхаира и Семеке из южных районов Казахстана в свои улусы были личные мотивы, в частности, якобы после смерти старшего хана Болата Абулхаир хан и Семеке претендовали на власть старшего хана. Однако после избрания Абулмамбета старшим ханом, оскорбленные этим, они возвратились в свои кочевья⁴⁵¹. И.В. Ерофеева считает, что главной причиной откочевки выше указанных ханов к границам России была вновь возникшая башкирская угроза⁴⁵².

⁴⁴⁹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 132.

⁴⁵⁰ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 169.

⁴⁵¹ Тынышпаев М. История казахского народа. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1993. С. 197.

⁴⁵² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир. С. 152–154, 184–185.

В частности, она пишет, что «Абулхаир прикочевал к границам России вследствие объективных военно-политических обстоятельств, а совсем не из-за оскорбленного личного самолюбия, и то, к чему он стремился, можно определить как гарантию широких социально-экономических интересов и внешней безопасности казахских жузов, а не как разрыв с бывшими союзниками по антиджунгарской коалиции»⁴⁵³.

Таким образом, в XVII – первой четверти XVIII вв. казахи Младшего жуза граничили с тюркоязычными туркменами, узбеками, каракалпаками, башкирами, монголоязычными джунгарами и калмыками. Последние были кочевниками и исповедывали буддизм, а остальные относились к полукочевникам и были мусульманами. Яицкие казаки были оседлыми жителями, а по религиозной принадлежности – преимущественно православными христианами. Для взаимоотношений казахов-номадов с соседними народами характерно соперничество и борьба за пастбища, пресные водоемы. Особенно сложными были отношения с башкирами за пастбища в Волго-Яицком бассейне, а с калмыками – Эмбы. Подвижность степных границ, определение их «естественными» природно-ландшафтными барьерами, в первую очередь реками, характеризуют этот период. Казахи вступили в контакты с подданными России, проживающими на ее окраинах, поэтому все спорные вопросы решаются как вооруженными набегами, так и встречами кочевых лидеров. Поиск союзника против более грозного врага (джунгар), развитие торговли, невозможность разрешить конфликт (когда переговоры заходили в «тупик») с башкирами и калмыками – подданными империи подтолкнули казахских лидеров обратиться к их сюзерену – российскому государству.

2.1.2. Становление «казахского» направления в юго-восточной политике Российской империи

---

⁴⁵³ Там же. С. 155.

Первые сведения о Казахском ханстве на западе появляются в XVI в., и связано с именем хана Касыма – сына основателя ханства Жанибек хана, которому в общественно-политической жизни казахского социума последней трети XV – начала XVI вв. принадлежит одно из центральных мест. В период правления Касыма Казахское ханство усилилось. На западе под его власть откочевали группы из родов и племен переживавшей кризис Ногайской Орды. Касым установил посольские контакты с Московским государством при правлении князя Василия III (1505–1533). При нем о Казахском ханстве стало известно в Западной Европе. О казахах были помещены сведения в «Записках о Московии» немецкого дипломата Сигизмунда Герберштейна, посетившего несколько раз Москву (в 1517 и 1526 гг.) и некоторые соседние российские территории в Среднем Поволжье⁴⁵⁴.

При следующем хане Хакназаре⁴⁵⁵ налаживается обмен посольствами с московским правительством Ивана Грозного. Московское государство после ряда успешных военных компаний оказалось в непосредственном соседстве с Казахским ханством. В степь прибыли русские посольства: в 1569 г. – посольство Семена Мальцева; в 1573 г. – посольство Третьяка Чебукова. 30 мая 1574 г. Иван Грозный вручил Строгановым грамоту на беспошлинную торговлю с казахами.

Тауекел (Таваккул, Тевеккел) хан в 1594 г. направил в Москву казахское посольство во главе с Кул-Мухаммедом. Целью посольства было освобождение из русского плена племянника Тауекел хана Ораз-Мухаммеда (сын Ондан-султана), попавшего в 1580 г. в плен в войне с сибирским ханом Кучумом; заключение военного союза с Московским государством против узбекского хана Абдаллаха; добиться того, чтобы русский царь дал казахскому хану «огненного бою»⁴⁵⁶.

Послу была вручена ответная царская грамота, в которой московский царь сообщал Тауекелю, что принимает Казахское ханство «под свою царскую руку» и

⁴⁵⁴ История Казахстана: народы и культуры. С. 133.

⁴⁵⁵ Хакназар – сын хана Касыма. В источниках его называют «ханом казахов, башкир и ногаев».

⁴⁵⁶ 1594 г. января 20-29 – Запись беседы царевича Ураз-Мухаммеда с послом хана Тевеккеля Кул-мухаммедом о подданстве казахов Московскому государству и военном союзе с ним // КРО – 1. С. 3–5.

обещает прислать «царю и царевичам огненного бою», и далее высказывалось желание, чтоб Тауекел, «будучи под нашею царскою рукою и по нашему царскому повелению, будет воевать бухарского царя и изменника нашего Кучума-царя сибирского, изымав, к нашему царского величества порогу пришлете». Но далеко не все условия московского царя были приемлемы для казахского хана.

В ответ на посольство Кул-Мухаммеда в марте 1595 г. из Москвы к Тауекел-хану был направлен переводчик Вельямин Степанов. При сложившихся обстоятельствах оказалось невозможным прийти к согласию по вопросу о покровительстве; дипломатические отношения, а также и торговые связи с Московским государством продолжались и в последующие годы XVI столетия. Развитие казахско-русских дипломатических отношений способствовало дальнейшему расширению караванной торговли. Через территорию Казахского ханства проходили пути из России в Среднюю Азию и Сибирь. Торговый путь из Тобольска в Среднюю Азию шел через р. Иртыш к верховьям р. Ишима, а оттуда мимо гор Улытау на Сарысу до Туркестана, затем через р. Сырдарью к Бухаре⁴⁵⁷.

Постепенное сближение Казахского ханства с Россией начинается в эпоху Тауке хана (1680–1715), который отправил в первые годы своего пребывания во власти (с 1686 по 1693 г.) пять казахских посольств в г. Тобольск к главам русской администрации Сибири. Темами русско-казахских переговоров являлись урегулирование военно-политической обстановки на северных рубежах Младшего и Среднего жузов, взаимные обмены пленными, развитие меновой торговли на пограничных линиях⁴⁵⁸.

Во внешней политике Российской империи Казахское ханство занимало немаловажную роль. Побудительными мотивами Петра I к продвижению во внутреннюю Азию были: необходимость удержания вновь приобретенных Россией владений, установление со странами Центральной Азией торговых взаимосвязей, а также потребности страны в природных ресурсах, особенно в золоте. Время становления «восточной» идеи относится к 1711 г., когда Петр I

---

⁴⁵⁷ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. Т. 2. Алматы: Атамұра, 2010. С. 404

⁴⁵⁸ История Казахстана: народы и культуры. С. 138.

после Прутского похода перечеркнул черноморское направление внешней политики. Как указывалось выше, в конце XVII – начале XVIII веков в Башкирии произошли несколько крупных восстаний, которые Россия, занятая войной со Швецией, не могла разрешить. По словам П.И.Рычкова: «Петр Великий неоднократно изволил иметь разсуждение, коим бы образом от сих непостоянных народов единожды такую безопасность утвердить, которая бы не только на вечные времена прочна быть могла, но и к дальнейшему в. намерениям чрез то основание положить»⁴⁵⁹. После победы в русско-шведской войне русский самодержец решил «своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» и «путь во всю полуденную Азию отворить».

Планы проникновения на Средний Восток, а оттуда в Индию, зародились под влиянием тех новых сведений о Средней Азии, которые в то время были получены в России. Среди них важное значение имели обращения к Петру I посланника хивинского хана Шахнияза (1700) и хивинского хана Араб-Мухаммеда (1703) по поводу принятия российского подданства, сведения туркмена Ходжи Нефеса и хивинского посла Ашур-Бека «о песошном золоте», которое добывается в стране, лежащей при Амударье и якобы искусственным изменением хивинцами русла этой реки, ранее впадавшей в Каспийское море (1713). В 1714 году Петр I распорядился об отправлении на восток двух экспедиций: князя Александра Бековича-Черкасского на восточное побережье Каспия и подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца с отрядом вверх по Иртышу.

В 1715 г. начал свои плодотворные исследования А. Бекович-Черкасский. Благодаря его экспедиции были получены первые сведения о нижней части долины Узбоя и составлены точные карты восточного побережья Каспийского моря. Эти съемки были в следующем году продолжены А. Кожиным. Южный и западный берега моря были засняты в 1719 году Ф.И.Самойловым и Ван-Верденом. Данные съемки позволили создать новую карту Каспийского моря, которая в 1721 г. была представлена Петром I Парижской Академии наук. Все эти

---

⁴⁵⁹ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 3.

мероприятия подготовили условия для дальнейшего продвижения России в Хивинское и Бухарское ханства с западной стороны.

В поисках «песошного золота» в 1715 г. со стороны Сибири (Тобольска) была направлена в Среднюю и Центральную Азию экспедиция И.Д. Бухгольца. Эта экспедиция закончилась неудачно, однако она обогатила науку некоторыми интересными данными (например, сведениями об озере Зайсан; материалами, собранными при попытке определить местоположение г. Еркети (Яркенда) и т.д.). Неудача И.Д.Бухгольца не остановила Россию от поисков «песошного золота».

В 1716 г. Петр I после предварительных изысканий, проведенных А. Бековичем-Черкасским и А. Кожиним, издает новый указ об отправке А. Бековича-Черкасского в Хиву. Экспедиция была снаряжена и двинулась в Хиву только в 1717 году, причем начальным пунктом явился Гурьев, а не Астрахань, как предполагалось первоначально. Дальнейший путь пролегал к низовью Эмбы, а оттуда на Устюрт и далее. Не доходя до берегов Арала, А. Бекович-Черкасский направился в Хиву. Второй поход А. Бековича-Черкасского закончился трагично, как известно, он сам и почти все члены его отряда были перебиты в Хиве.

Неудачные итоги экспедиции 1714–1716 гг. не остановили Петра I. В 1718 г. он попытался проникнуть в Индию и Бухарское ханство – «средину всех восточных коммерций» – с юга через Персию. С этой целью в том же году были отправлены морские экспедиции поручика Александра Кожина и князя Василия Урусова на Каспийское море, а раньше, т.е. в 1715 г., посольство Артемия Петровича Волынского в Персию.

В 1719 г. в поисках «Еркети» была снаряжена еще одна экспедиция на Восток. Возглавлял ее генерал-майор Иван Михайлович Лихарев, который достиг озера Зайсан, но подвергшись нападению джунгар, вынужден был вернуться в Тобольск. В военно-стратегическом отношении экспедиция закончилась небезрезультатно: на Иртыше появилась укрепленная линия, составлявшая долгое время границу Сибири со Средней Азией. В первой четверти XVIII века последним по времени крупным путешествием была экспедиция Флорио Беневени (1719–1725) из России в Хиву, Бухару и Персию.

Таким образом, мы видим, что до начала 20-х гг. XVIII в. территория Казахстана, казахские жузы и русско-казахские отношения не играли сколько-нибудь видной роли во внешней политике России и рассматривались царским правительством в основном как одна из частных приграничных проблем, не связанных с большой политикой.

В 20-е гг. XVIII в. под впечатлением новых сведений о казахах и казахской степи, полученных им в Персии и Астрахани, на пути в Петербург, а также от старшего переводчика в секретных делах Алексея Тевкелева, который имел случай говорить о пользе, какую могла извлечь Россия от киргиз-кайсаков, русский самодержец впервые обратил серьезное внимание на казахские степи, и тогда же Петр I сказал: «хотя киргиз-кайсацкая орда степной и легкомысленный народ, только всем азиатским странам и землям она орда ключ и врата». Петр I сулил А. Тевкелеву до миллиона рублей на одни издержки, если он добьется такого результата.

В 30-х г., после обращения казахов о принятии подданства, в Коллегии иностранных дел возникает новая внешне-политическая проблема («киргиз-кайсацкие дела»), центральным звеном которой был вопрос о подданстве казахов и о российском протекторате над ними.

2.1.3 Инкорпорация казахов Младшего жуза в состав Российской империи

В 1729 г. хан Младшего жуза казахов Абулхаир отправляет посольство во главе с Бекбулатом в Тобольск, целью которого являлось урегулирование взаимоотношений казахов с северными соседями. В 1730 г. Абулхаир хан, решив присоединить Младший жуз к России, отправляет письмо к русской императрице, где он ищет покровительства у русской самодержицы, и одной из главных причин обращения взора к России он объясняет сложными отношениями с башкирами. Абулхаир пишет: «С подданным Вам башкирским народом, который находится за

Уралом, у нас близких отношений не было»⁴⁶⁰. В этот период на время исчезает джунгарская агрессия и прекращаются на время столкновения с волжскими калмыками. В заключении КИД по поводу письма Абулхаир хана, одобренного императрицей, прослеживается и подтверждается наша мысль. 4 пункт данного источника гласит, «что они с Контайшой и с волжскими калмыками имели прежде сего войну, а ныне с оными примирились. Токмо башкирцы с ними кайсаки без соизволения ее и.в. не мирятся и дабы повелено было им с оными башкирцы быть в мире и в согласии»⁴⁶¹.

В июне 1730 г. в летнюю ставку хана Младшего жуза, расположенную на реке Ирғиз, прибыл из Ногайской даруги главный предводитель местных башкир, знаменитый старшина и тархан Алдар. Во время конфиденциальной встречи с ханом Абулхаиром он инициировал хана пойти дальше заключения мирного договора с Россией и просить русскую императрицу о принятии его вместе с подвластным казахским народом в российское подданство. Причем сама идея российского протектора для казахских жузов была поставлена тарханом Алдаром перед Абулхаиром в качестве неременного условия будущего мирного соглашения между казахами и приуральными башкирами и последующего возвращения из башкирского плена казахских джигитов, захваченных в предшествующие годы его людьми в ходе многократных набегов в приграничные казахские аулы. Алдар Исянгельдин руководствовался интересами подвластных ему приуральских башкир. Башкирские батыры и старшины не меньше казахских правителей были обеспокоены нестабильностью политической обстановки на башкиро-казахской границе и непредсказуемым исходом борьбы обоих народов из-за водных источников и пастбищных земель.

«Главными итогами встречи двух самых авторитетных лидеров кочевого населения Волго-Уральского региона явились проведенная Абулхаиром в течение июня – начала июля 1730 г. интеллектуальная ревизия дипломатического поручения, возложенная на него казахскими султанами и старшинами, и

---

⁴⁶⁰ Письмо хана Младшего жуза Абулхаира Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластными ему людьми в российское подданство // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 9.

⁴⁶¹ Заключение КИД по поводу письма Абулхаир-хана, одобренное императрицей // Там же. С. 11.

последующее обращение хана к местным царским властям с просьбой о предоставлении ему вместе с подвластным народом российского подданства», – считает И. Ерофеева⁴⁶².

Актуальной для казахов оставалась задача поиска сильного союзника и покровителя в борьбе с Джунгарским ханством. Абулхаир решил вернуть захваченные джунгарами исконные кочевые места казахов и сырдарьинские города на юго-востоке региона. Все эти сложные обстоятельства обусловили стремление части политической элиты казахского общества искать поддержки у царского правительства⁴⁶³.

Процесс обсуждения в ставке хана прибытия российского посольства, положение А. Тевкелева в Степи подробно изучены в историографии и описаны в «Журнале» посла, в связи с этим мы упускаем этот момент⁴⁶⁴.

30 апреля 1730 г. в Уфу прибыло посольство Абулхаира во главе со Сеиткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым, обратившееся с посланием к Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластным ему народом в российское подданство. Весьма важным является то, что в послании Абулхаира делается упор на очень напряженные взаимоотношения казахов с башкирами, которое подтверждается условиями подданства казахов, где указывается, что «башкиры с казахами не мирятся». Автор выше уже указывал, что между казахами и башкирами существовали противоречия, которые наносили ущерб обеим сторонам. Неслучайно поэтому Абулхаир рассчитывал на то, что принятие российского подданства устранил эти противоречия. Характерно, что и в условиях подданства мы встречаем слова: «...дабы повелено им (казахам) с оными башкирцами быть в миру и в соединении»⁴⁶⁵.

⁴⁶² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир. С. 186–187.

⁴⁶³ Моисеев В. Казахи и Джунгарское ханство. XVII – XVIII вв. Алма-Ата, 1991. С. 93–96.

⁴⁶⁴ Журнал бытности в Киргиз-кайсацкой орде переводчика Маметья Тевкелева // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 65–142; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: Тип. ЦК КП(б) К., 1948. 256 с.; Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.; Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX вв. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.

⁴⁶⁵ 1731 г. октября 3 – 1733 г. января 14 – Из журнала переводчика М. Тевкелева, ездившего в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов // КРО – 1. С. 49.

Таким образом, можно предположить, что стремление казахов и башкир оградить себя от взаимных нападений, угона скота, грабежа явилось также одной из причин, ускорившей решение вопроса о принятии казахами российского подданства. Одновременно с этим Абулхаир рассчитывал получить право на пользование пастбищами между Волгой и Яиком, расширить торговлю с Россией, подавить своих соперников и упрочить свою единоличную власть в Казахской степи. В свою очередь, правительство России полагало, что в связи с принятием казахов в российское подданство откроется возможность превращения территории Казахстана в опорную стратегическую базу для осуществления своей политики на Востоке. В частности, использование казахских ханов для подавления башкирских восстаний. Эту политику «натравливания одного народа против другого» можно наблюдать в донесениях обер-секретаря Сената И.К. Кирилова: «ежели калмыки какую противность покажут, то можно на них киргизов обратить, ... а на против того буде киргиз-кайсаки что делают, то на них калмык и башкирцев послать, и так друг друга смирять и к лучшему послушанию приводить без движения российских войск»⁴⁶⁶.

Российское правительство рассчитывало, что принятие казахов в подданство обезопасит юго-восточные границы России, ибо «они (казахи – Г.Т.) в верности себя содержать будут и тамошние поданные (башкиры, калмыки – Г.И.) в покое от них останутся, а хотя бы того не учинили (если казахи не примут подданства – Г.И.), то иного из того не видно, кроме что по старому будут неприятелями»⁴⁶⁷.

Правительство также опасалось вероятности будущих совместных действий казахов и башкир, направленных против России. Было признано целесообразным использовать новые благоприятные возможности для основательного изучения башкирских территорий, которые оставались долгое время почти недосягаемыми для уфимских властей. Так, в инструкции КИД, предоставленной переводчику А. Тевкелеву, отправленному во главе посольства к

---

⁴⁶⁶ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 82 об.

⁴⁶⁷ Из истории Казахстана // Красный архив. М., 1938. Т. 2 (87). С. 33.

хану Абулхаиру для принятия от него присяги подданству России, уделяется немалое внимание состоянию дел как в Башкирии, так и в Киргиз-кайсацкой орде. А. Тевкелев должен был вести журнал, в котором фиксировались бы данные «о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, города, селы или деревни и какое их правление и состояние, и промыслы, и пожитки, такожде и о внутри той земли, где живут, и о расположении оной, и нет ли еще каких других городов, с которыми они граничат, и, одним словом, генерально описать всю внутри их землю, сколь возможно будет. Второе, между теми башкирцы и киргисцы далеко ль расстояние, какие, где жилища есть, и какие ж званием и великостию реки и ныне воды, и чрез оные, где и какие переправы, леса и степи, и далеко ль одно от другого расстоянием, и не имеется ль каких засек, или перекопей, или других каких к обороне их крепостей»⁴⁶⁸.

А.И. Тевкелев должен был собрать сведения и о Казахской степи, о хане Абулхаире, «какова состояния он есть», сколько городов, дворов он имеет, сколько человек находится под его управлением, есть ли другие ханы, кроме Абулхаира, подчиняются ли все они ему, какие виды налогов собирает хан и сколько раз в год, развита ли торговля, ремесленные искусства и т.д.⁴⁶⁹

А.П. Волынский, занимавший крупные административные посты в Поволжье, сначала в качестве Астраханского, а позднее Казанского губернатора, с исполнением в течение ряда лет также обязанности по калмыцким делам, в 1730 г. в «Записке о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения» ясно показывал политику царизма по отношению к некоренному населению. Обращая внимание на незнание о состоянии башкирского народа, он, противопоставляя магометан (башкиры, чувашы, каракалпаки, казахи) христианам, предлагает быть осторожным по отношению к ним. Для того чтобы узнать о том, каков он, башкирский народ, насколько он силен и имеет ли он оружие (огнестрельное или луки и копья) он рекомендует отправить их против каракалпаков. Хотя от этого Россия не будет иметь никакой

⁴⁶⁸ Инструкция КИД переводчику М. Тевкелеву, отправленному в казахскую степь для принятия казахов в подданство России // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 15.

⁴⁶⁹ Там же. С. 16.

пользы, «но и то за великую пользу надобно почитать, чтоб магометане у нас не были близко в соседстве, и для того всеми мерами надлежит оных искоренять и до умножения не допускать», - писал автор⁴⁷⁰. Согласно записке А.П. Волынского такая же участь ждала и башкир: «и по моему мнению всего лучше, если бы каким политическим способом их оттуды убавить хотя бы до половины, а на прочих наложить сперва умеренные подати, а потом время от времени прибавлять и когда подать войдет в меру, тогда с договорами или обещаниями убавлять до таких кондиций, что сколько от них войск для какого случая взято будет, противу того в податях с некоторым излишеством сделать убавок»⁴⁷¹. По его мнению, успех дела зависел от введения регулярных войск в Башкирию и от справногo гарнизона в Уфе, который бы занимался сбором податей. Также и от наложения податей на башкир Россия имела пользу: 1) сократится число беглецов в тот край, поскольку помимо работы на вотчинников, они также будут обязаны платить подать; 2) если правительство «уймет» беглецов с помощью податей и регулярных войск, то оно добьется того, что количество народа в крае не возрастет; 3) умножится государственная казна.

Таким образом, А.П. Волынский предлагал целую программу мероприятий, которые должны были способствовать наиболее успешному осуществлению колониальной политики царизма в Башкирии. Однако для дальнейшего продвижения в Среднюю Азию царское правительство должно было не только освоить «дикий башкирский край», но и рассмотреть вопрос о присоединении Казахстана к России.

Отправленное в 1730 г. ханом Младшего жуза посольство с просьбой о принятии под протекцию России казахов Младшего жуза было успешно принято в Петербурге. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о новых подданных. Для сообщения казахам Младшего и части Среднего жузов о принятии в российское подданство и приведения к присяге на подданство России 30 апреля 1731 г., в казахскую степь было направлено специальное

---

⁴⁷⁰ 1730 г. – Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казахским губернатором А.П. Волынским // МИБАССР. Ч. 1. С. 305.

⁴⁷¹ Там же. С. 305–306.

посольство во главе с А. Тевкелевым, которое 4 июля 1731 г. прибыло в Уфу. Свиту русского посла составляли в Уфе свыше 60 человек, в числе сопровождающих также были башкирские старшины, такие как Алдарбай Исекеев, Таймас Шаимов, Косемиш Бекходжин, Оразай Обозинов, Кидрас Моллакаев, Шима-батыр Калтечаков, Отжаш Разманкулов, Ака мулла. Следует отметить, что башкирские старшины не случайно участвуют в конвое А. Тевкелева. Они были ему необходимы в разрешении острого башкирского вопроса, возникающего каждый раз при поступлении новых фактов межплеменных столкновений.

В трудные минуты, именно башкирские тарханы были его советниками. Про Таймаса Шаимова А. Тевкелев говорил: «он у башкирцев человек знатный и у них в великом кредите»⁴⁷². Таймас управлял Каратабынской-Баратынской волостью и ему было поручено собирать ясак с принявших подданство башкир, а в дальнейшем за верную службу он был пожалован в тарханы⁴⁷³. Таймас защищал А. Тевкелева от резких выпадов раздраженных старшин, и именно он посоветовал Тевкелеву в трудную минуту обратиться к Бокенбай батыру, как к одному из сильнейших и уважаемых людей. Он уже в первые месяцы пребывания посла в ставке Абулхаира выполняет различные поручения хана в его конспиративных отношениях с Тевкелевым. Таймас и Кидряс Моллакаев пользовались большим доверием у хана. Кидряс Моллакаев был одним из тех, кто был направлен в ставку к Абулхаиру для встречи с посольством. И как сообщает Кидряс: «Абулхаир хан безмерно-де радовался», когда ему стало известно о прибытии А.Тевкелева в Уфу⁴⁷⁴, а затем мы видим его в числе сопровождающих Абулхаир хана.

В ночь с 6 на 7 октября 1731 года, после окончания очередной тайной встречи Абулхаира с А.Тевкелевым, на Кидряса при выполнении просьбы хана проводить его к кибитке напали противники Абулхаира, которые «били и

---

⁴⁷² Красный архив. М., 1936. Т. 5. С. 118.

⁴⁷³ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 6.

⁴⁷⁴ 1731 г. августа 26 – Донесение М. Тевкелева в КИД о приезде его к хану Абулхаиру для переговоров о подданстве казахов // КРО – 1. С. 46–47.

спрашивали, что не свел ли он переводчика Тевкелева с Абулхаир ханом»⁴⁷⁵. Кидряс ничего не сказал, до утра находился под караулом и лишь утром 7 октября возвратился к А. Тевкелеву.

За его заслуги в период нахождения в составе экспедиции, А. Тевкелев просил пожаловать 50 руб. денег и на кафтан сукна. Он давал следующую характеристику башкирскому тархану: «Он Кидряс во интересах ея.и.в. верной слуга и многократно видел смерть и зело доброжелателен к российской стороне, и ежели он будет награжден то и протчия башкирцы, которья имеютца при мне, на то смотря, будут во интересе ея.и.в., не жалея живота своего, со усердием служить»⁴⁷⁶.

Чуть позже, И.К. Кирилов, представляя список к вознаграждению, отмечал про башкира Алдарбая, что «сей (Алдарбай) привел сперва к подданству Меньшой киргиз-кайсацкой орды Абулхаир хана и привел от них с прошением посланцев»⁴⁷⁷. Некоторые батыры, такие как Машкар, Мойнак, используются Тевкелевым и ханом в качестве шпионов, которым поручается разведать о настроении противников присоединения Младшего жуза к России.

Итак, немаловажную роль в принятии российского подданства казахами Младшего и частично Среднего жузов сыграли башкирские старшины, сплоченные вокруг А. Тевкелева.

Это были первые шаги российского государства на пути продвижения на восток. Следующим этапом новой активизации правительства в этом направлении была Оренбургская экспедиция.

Таким образом, в 30-е годы XVIII в. начался процесс инкорпорации казахов Младшего жуза в состав империи и постепенное его поглощение центром. Присоединение Младшего жуза к России открывало для царизма возможность продвижения в Казахстан, Среднюю Азию и далее на Восток. Связи между сторонами в начальный период выстраивались на основе

⁴⁷⁵ 1731 г. октября 3 – 1733 г. января 14 – Из журнала переводчика М. Тевкелева, ездившего в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов // Там же. С. 50.

⁴⁷⁶ Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. М., 1936. Т. 5 (78). С. 205.

⁴⁷⁷ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 114.

вассальных отношений, которые сохраняли традиционные нормы правления. Номинальное подданство казахов пока удовлетворяло империю.

Среди причин обращения казахов к северному соседу можно выделить: обострение казахско-джунгарских отношений, столкновения за пастбища и водные источники казахов с подвластными империи башкирами и калмыками, а также, как отмечал сам Абулхаир, «хан только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет..., хан не имеет себе оборонителя и избрал, яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха, и желает видеть в свету»⁴⁷⁸. Башкирский вопрос наряду с джунгарским был одним из главных в принятии российского подданства казахами.

2.2. Принципы и механизмы имперского управления окраиной в XVIII веке

2.2.1. Северный Прикаспий, Южный Урал: опыт империи по управлению окраиной

В данном параграфе на основе анализа правительственной политики по отношению к кочевым народам империи, изучая роль и место в империи Казахской степи, Южного Урала и Северного Прикаспия, попытаемся реконструировать основные принципы и методы региональной политики России в XVIII в. Изучим, как правительство, учитывая опыт разных регионов по включению их в свой состав, распространяло его и на другие окраины, а затем, постепенно интегрируя общества с различными политическими системами, экономическим укладом и традициями, пыталось создать единую многонациональную империю.

Американский ученый Марк фон Хаген писал о необходимости компаративистского подхода и подчеркивал, что наряду с необходимостью сравнивать Российскую империю с другими империями едва ли не «более важно

---

⁴⁷⁸ 1731 г. октября 3 – 1733 г. января 14 – Из журнала переводчика М. Тевкелева, ездившего в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов // КРО – 1. С. 53.

уметь сопоставлять взаимоотношения империи с разнообразными подвластными ей сообществами, выделенными по религиозному, сословному или же этнолингвистическому принципу»⁴⁷⁹.

Имперские механизмы управления окраинами были различны: включение местной элиты в административную систему управления, институт попечительства и др. Так, например, И.Л. Бабич указывает, что на Северном Кавказе был введен институт гостеприимства, основанный на традиции горцев, образовательная политика, апробированная в Поволжье (система Ильминского) также нашла применение на Кавказе⁴⁸⁰.

В начальный период включения казахов Младшего жуза в состав Российской империи центр искал те механизмы, системы управления, которые бы прекратили участие казахов в башкирских восстаниях, а также помогли бы достичь выполнения казахскими правителями данных ими политических обязательств (сдерживание номадов от набегов в кочевья соседних народов, подданных империи; охрана торговых караванов, направлявшихся в среднеазиатские ханства, и наоборот; возврат русских пленных и т.д.). Россия в XVIII–XIX вв. искала модель для реформирования кочевых и полукочевых социумов по интегрированию периферии в единое имперское пространство. В течение XVIII в. выстраивается региональная политика управления окраиной.

А.В. Ремнев и П.И. Савельев указывают, что «Основными критериями определения региональных границ обычно считают: геоэкономический (природно-географический и экономико-географический), геокультурный (цивилизационный), геополитический»⁴⁸¹.

В нашем случае, Казахская степь, Южный Урал, Северный Прикаспий геоэкономически представляют собой регион, где проживали кочевые и полукочевые скотоводы. В природно-географическом отношении климат региона

⁴⁷⁹ Марк Фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 18–47.

⁴⁸⁰ Бабич И.Л. Методы имперского управления этническим и религиозным многообразием на Кавказе // Вестник Российской нации. 2015. Т. 6. № 6 (44). С. 26–41.

⁴⁸¹ Ремнев А.В., Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России. С. 5–18.

континентальный, охватывает зоны степей, пустынь, полупустынь (казахи, калмыки), лесостепи и степи (южные, юго-западные, юго-восточные башкиры). Сходство образа жизни и хозяйственно-бытового уклада, сложившееся под влиянием экологических факторов, находит свое выражение в хозяйственно-культурных типах, которые формировались на протяжении веков у казахов, калмыков (учитываем и джунгарский период) и башкир, живших в сходной географической среде. В то же время не один лишь экологический фактор влиял на формирование хозяйственно-культурных типов. На протяжении истории менялись способы производства и уровень социально-экономического развития народов. Однако в рассматриваемый период (XVIII в.) для этих народов кочевое и полукочевое скотоводство оставалось главным видом хозяйства.

В исследуемый период регион не представлял собой единый, устойчивый организм. Для XVII в. и до 30-х годов XVIII в. (пока казахи Младшего жуза не вошли в состав Российской империи) была характерна «подвижность» границ в данном регионе. Столкновения за пастбища было характерным явлением. Урегулировались конфликтные ситуации переговорами лидеров (батыры у казахов, князья, тайши у калмык, а у башкир часто эту функцию выполняли батыры, тарханы), а также междинастийными браками.

Башкиры были в составе посольства во главе с А. Тевкелевым, которые приняли присягу на подданство у казахского хана Абулхаира и 27 старшин Младшего жуза. Тогда как калмыцкий владелец Доржи Назаров и его сын Лобжа, отправив весной 1732 г. в Младший жуз казахов, призывали хана Абулхаира, Бокенбая и Есет батыра не принимать подданство России, а соединясь с калмыками, воевать как против России, так и против хана Церен Дундука (1724–1735), сына Аюки. Лобжа обещал выдать свою дочь с богатым приданием за сына хана, а казахским батырам Бокенбаю и Есету обещал по 200 лошадей и по 100 верблюдов. Но казахские владельцы ответили, что «Калмыцкая орда – ветер, а Российская империя – непоколебимый столб и от

Российской империи до смерти своей руки своей не отымать и до капли своей крови ея.и.в. по присяжной своей должности служить верно будут»⁴⁸².

Южные, а особенно восточные башкиры, длительное время сохраняли традиционные этнические контакты с казахами. В целом проникновение в башкирскую среду небольших групп казахов продолжается в течение XVIII века, и только к середине XIX в. вовсе прекратилось. В родоплеменной структуре башкиров встречаются одноименные роды казахских жузов: табын, тама, тлеу, таз, тана, керейт, жагалбайлы, маскар, канглы, дулат, уйсун и т. д., а среди казахов – башкиры-естек.

В материальной культуре казахов, калмыков и башкир много похожего. Например, установка и убранство юрты, занятие коневодством, схема дойки кобылиц. В обрядах казахов и башкир, связанных с рождением и воспитанием детей, имеются пережитки магических действий, цель которых – парализовать злые сверхъестественные силы, сохранить и увеличить потомство. Были распространены амулеты в виде пучков шерсти, когтей орла, совы, «воплощавших» в себе духов-покровителей, «оберегающих от злых сил». Особенно часто встречались такие амулеты на одежде детей и у бездетных женщин. Для изгнания злых духов в доме применяли огонь (аластау). Почитание «святых» (аулие) могил связано с верой в то, что кладбище является местом обитания душ умерших предков. Большое место в тотемистических культах многих тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы как тотем занимал волк. В тюрко-монгольской мифологии волк выступает в качестве прародителя и покровителя всех тюрков и монголов⁴⁸³.

После инкорпорации Младшего жуза казахов в состав Российской империи в 1731 г. ситуация меняется. Как указывалось ранее, решение казахско-башкирских, казахско-калмыцких конфликтов за пастбища и водные источники стали одной из главных причин отправки хана Младшего жуза Абулхаира своих послов в Уфу.

⁴⁸² Донесение М. Тевкелева в Коллегию иностранных дел, 20 июня 1732 г. / Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. 1936. № 5. С. 204–205.

⁴⁸³ Кононов А.Н. Опыт анализа термина «тюрк» // Советская этнография. 1949. № 1. С. 47.

С 1731 г. казахи Младшего жуза с башкирами находились под единой административно-территориальной системой управления – Оренбургской экспедиции (1734–1737), Оренбургской комиссии (апрель 1737–1744), а затем Оренбургской губернии (1744–1781). В начале 1880-х годов восточно-сибирский генерал-губернатор Д.Г. Анучин писал: «При всяком увеличении нашей территории, путем ли завоеваний новых земель или путем частной инициативы, вновь присоединенные области не включались тотчас же в общий состав государства с общими управлениями, действовавшими в остальной России, а связывались с Империей чрез посредства Наместников или Генерал-губернаторов, как представителей верховной власти, причем на окраинных наших областях вводились только самые необходимые русские учреждения в самой простой форме, сообразно с потребностями населения и страны и нередко с сохранением многих из прежних органов управления. Так было на Кавказе, в Сибири и во всей Средней Азии...»⁴⁸⁴.

Механизмы и методы управления народами окраин в XVIII–XIX вв. были различны, но имелись и общие черты. Вошедшие в состав России в середине XVI в. – начале XVII в. башкиры, а в XVII в. калмыки стали опытным полем России по интеграции их в состав империи. Если территория Башкирии была плацдармом для присоединения Младшего казахского жуза к Российской империи, то в дальнейшем Степь выполняла данную функцию в период присоединения центральноазиатских государств.

По мнению американского историка М. Раева, этапы имперской экспансии выглядят следующим образом: завоевание или присоединение того или иного региона как первый шаг; инкорпорация этих территорий и населяющих ее народов в Российскую империю как следующий этап; ассимиляция региона и населения как конечная цель политики. М. Раев первым обратил внимание на зависимость политики российского правительства в отношении окраин от того, когда и как происходило присоединение тех или иных территорий, и от того,

---

⁴⁸⁴ Цитируется по: Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. С. 343–358.

какие народы их населяли⁴⁸⁵. На этот же момент обращает внимание Альфред Рибер, который с помощью сравнительного изучения империй попытался ответить на глобальные вопросы о причинах столь длительного их существования, а также распада⁴⁸⁶.

Апробированные на территории Южного Урала, Северного Прикаспия (калмыки), Кавказа разные модели имперского управления, методы их инкорпорирования нашли дальнейшее применение на территории кочевых казахов. Опыт управления данными регионами был чрезвычайно важен для понимания основных тенденций в административной политике империи и в Оренбургском крае. Одним из наиболее сложных вопросов юго-восточной политики империи был вопрос прекращения междоусобиц, барымты в Казахских степях и освоение края.

На примере кочевых и полукочевых народов вышеназванных районов мы рассмотрим те общие механизмы и методы управления, которые, пройдя апробацию в одном из регионов империи, а может быть и во всех, находили свое дальнейшее развитие в Степи. Казахская Степь стала своеобразным полигоном, где с начала инкорпорации Младшего жуза казахов империя начала использовать апробированные на народах окраины механизмы управления, такие как институт аманатства (заложничества).

2.2.2. Институт аманатства (заложничества) во внутренней политике Российской империи в XVIII в.

Обычай брать аманатов из числа аристократического рода, сыновей или братьев правителей уходит своими корнями в древность. После включения Россией казахов Младшего и Среднего жузов, важной задачей стало удержание их в составе империи. С самого начала присоединения казахов к России по

---

⁴⁸⁵ Цитируется по: Большакова О.В. Российская империя: система управления (современная зарубежная историография). Аналитический обзор / РАН ИНИОН. М., 2003. С. 28–29.

⁴⁸⁶ Рибер Альфред. Изучая империи // Исторические записки / отв. ред. Б.В. Ананьич. М.: Наука, 2003. № 6 (124). С. 86–131.

отношению к ним правительство использовало такой рычаг воздействия, как взятие в аманаты (заложники) детей ханов, а затем и старшин.

Как понимали аманатство представители русской администрации и как относились казахи в рамках своей национальной психологии к данному институту? Является ли аманатство средством удержания казахских правителей в рамках послушания и является ли оно инструментом принуждения и оказания давления? Как сложилась дальнейшая судьба бывших аманатов? Эти вопросы будут рассмотрены в данном параграфе.

Понятие аманатства в казахском обществе имело более широкий смысл. Необходимо выделить несколько его толкований. Так, например, в энциклопедии по этнографии казахского народа дается нижеследующее определение. «Аманат – понятие, имеющее правовое, морально-этическое значение в традиционной среде. Обычай, возлагающий большие надежды и ответственность в отношениях между людьми в процессе социализации. Имущество, вещи или скот, порученный на хранение одним человеком другому. В аманаты отдавали и людей. Раньше человек, собирающийся в дальнюю дорогу, а также перед смертью поручал детей, остающихся без попечения родных, и нажитое имущество верным, доверенным людям с большой душой. В традиционной среде причинение вреда аманату человеком, взявшим аманат, при любых сложных обстоятельствах считалось непростительным грехом перед Всевышним. В казахском понятии человек, взявший аманат, до возвращения его был в долгах перед Всевышним, отвечал своим достоинством и жизнью. Раньше аманат имел большое значение во взаимоотношениях людей в обществе. В народе говорят: «Аманат аман сақтайды» (букв. «Аманат спасет». – перевод Г.И.). Аманат служил миру и согласию между государствами, людьми⁴⁸⁷.

У казахов есть понятие «жерге аманат», буквально – доверие на хранение земле тела умершего. Во время кочевков, если умирал человек на чужбине и не было возможности забрать тело умершего, то говорили «жерге аманат» и

---

⁴⁸⁷ Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Алматы, 2011. С. 168

хоронили его. Через некоторое время сыновья умершего забирали останки и проводили перезахоронение. Известный этнограф, знаток обычаев и обрядов казахов, киргиз, крымских татар Ф.А. Фиельструп дает следующее толкование слову аманат. «Аманат (букв. «поручение») – временное погребение в чужой земле (например, летом) с тем, чтобы зимой выкопать и перевезти на родину (где похоронены родители и предки). Молитвы и весь ритуал исполняются при первых похоронах. Вторичное погребение совершается уже без всяких обрядов», – пишет автор⁴⁸⁸. Данное выражение и обычай означал передачу земле тела умершего на определенное время.

Таким образом, понятие аманатства в казахском обществе имело более широкий смысл. Оно толковалось как понятие, имеющее правовое, морально-этическое значение в традиционной среде.

Следующее понимание аманатства среди кочевников – это наказ и обязанность. Первоначально казахская верхушка воспринимала аманатство, по-видимому, в данном толковании. Так, например, даже в указе российской императрицы отмечалось, что «введенное издавна обыкновение содержать в Оренбурге в аманатах киргиз-кайсацких ханов детей, которые для них всегда и не малым *обязательством* служили»⁴⁸⁹ (курсив наш).

В институте аманатства как заложничества было уважительным отношение к аманатам. У казахов есть выражение «кылма аманатқа қиянат», т.е. что доверено тебе на хранение, следует хранить с честью.

Слово «аманат» арабского происхождения и означает «заложник». Изначально институт аманатства, в его классическом понимании, служил для обеспечения мирных отношений между враждующими племенами или народами, потенциально враждебными друг другу. Ареал распространения института был обширен: им пользовались арабы, персы, крымские татары, казахи, азербайджанцы, народы Северного Кавказа – аварцы, ингуши, кабардинцы и т.д.

⁴⁸⁸ Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 110.

⁴⁸⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 45.

Понятие аманатства как заложничества применялось и у представителей российской администрации. В.Н. Татищев в своем «Лексиконе...» дает следующее толкование термину аманат: «На збережение, которые между воюющими во время какого переговора для безопасности от одного другому люди знатные даются, доколе договорятся или оставят и оных паки разменяют. Другое, от ненадежных подданных берутся знатных людей дети и братья родные, как то у нас от многих степных народов, тако, яко от горских, татарских и других народов берутся и на довольном пропитании содержаться»⁴⁹⁰.

В «Материалах по истории Казахской ССР» дается нижеследующее определение. «Аманат – заложник. Содержанием аманатов от казахов царское правительство широко пользовалось со времени Н. Урусова для усиления своего влияния в Орде. Брались аманатами сыновья ханов и иногда, в дополнение к ним, сыновья султанов и знатных старшин. Помимо аманатов, содержащихся в Оренбурге и являвшихся заложниками от высшей казахской аристократии, содержалось большое число аманатов по крепостям, сыновей старшин. Эти аманаты брались комендантами крепостей при переходе казахов кочевьем или при перегоне ими скота на «внутреннюю сторону»⁴⁹¹.

Институт аманатства (заложничества), по мнению В.В. Трепавлова, был заимствован русскими из ордынской политической практики, которая в свою очередь восходила к мусульманской традиции отношений с кочевниками⁴⁹². Арабские халифы содержали в качестве заложников представителей знатных кочевых родов, которые проживали определенное время при дворе, после чего заменялись своими родственниками.

Широко был распространен институт заложничества и в Османской Порте. Так, например, крымский хан Менгли-Герей (впервые в истории крымско-турецких отношений) в период правления султана Селима I (1512–1520) по требованию последнего отправил своего любимого сына Сеадат-Герейя ко двору

⁴⁹⁰ Татищев В.Н. Лексикон Российский исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Л., 1979. С. 162

⁴⁹¹ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). Т. 4. М.; Л., 1940. Приложение. С. 483

⁴⁹² Трепавлов В. В. «Белый царь» – образ монарха и представления подданства у народов России XV – XVIII вв. М., 2007. С. 140

турецкого султана⁴⁹³. Как бы не противились крымские чингизиды, говоря: «Разве мы слуги османам, что ли?!.. Что же он равняет нас с гяурами, коли ставит заложничество основанием мира? Ни царевич пусть не едет к нему, ни из нас никто не считает этого приличным. Куда же девалась наша честь и достоинство, что падишах ведет подобные речи?! Он еще, видно, не знает хорошенько рода чингизова, что оскорбляет обычаи чингизские!»⁴⁹⁴. Но крымский хан не желал «вступить в открытую вражду со свирепым султаном», и молодой царевич был отправлен в Порту.

В заложники отдавались самые близкие и дорогие люди, как гарант исполнения принимаемых на себя обязательств. Заложники иногда за неисполнением таких обязательств расплачивались навсегда своей свободой или даже жизнью.

После смерти Менглы-Герая крымским ханом стал его сын Мухаммед-Герей, который был убит в 1523 году. В это время Стамбул назначает на место умершего хана бывшего в заложниках Сеадат-Герая. «Сеадат-Герей был с подобающими церемониями возведен в ханское достоинство и на корабле препровожден в мае 1524 года в Крым»⁴⁹⁵.

При султанском дворе был обычай держать в заложниках детей правителей подвластных султану небольших владений. Так, например, при дворе султана Баязида I и Мюрада II проживали в заложниках дети сербского короля. Но в Османской Порте систематически практиковалось избивание даже малолетних заложников. Вот почему, с одной стороны, крымские чингизиды были возмущены прошением турецкого султана. Но дружба Селима и Сеадат-Герая спасла юношу от этой участи. «После Селима пребывание Гераидов в Стамбуле стало простым гостбищем. Хотя оно называлось заложничеством, но имело уже особый, отличный от обыкновенного значения характер. Турки усвоили такую систему: они завели у себя резервный штат кандидатов на ханское звание из Гераев,

---

⁴⁹³ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 379, 395.

⁴⁹⁴ Там же. С. 383.

⁴⁹⁵ Там же. С. 394.

которых они по мере надобности отправляли в Крым и сажали на ханский престол, сменяя одних лиц другими, сообразно с обстоятельствами и собственными выгодами»⁴⁹⁶.

Известно также, что казахские ханы и султаны отправляли в аманаты своих детей и к джунгарскому хунтайджи. В 1742 году КИД встревожил тот факт, что Средний казахский жуз во главе с Абулмамбет ханом, Барак батыром и Аблай султаном предаются в Джунгарское подданство во главе с Галдан Цереном, вместе с передачей аманатов⁴⁹⁷. Галдан Церен потребовал от владельцев Среднего жуза уплаты дани, присылки аманатов, угрожая в случае отказа войной. В декабре 1742 года Абулмамбет отправил своего сына Абулфеиза в Джунгарию. Спустя полтора года на смену Абулфеизу Барак султан доставил своего сына Шигая. Джунгарский хунтайджи потребовал от Барака выдачи Карасакала⁴⁹⁸, а за это он обещал отпустить его сына⁴⁹⁹.

В 1744 году джунгарский хунтайджи стремился добиться также подчинения владельцев Младшего жуза и требовал от хана Абулхаира, Есет батыра дачи аманатов. Старшина Нияз, находившийся при аманатах, посланных к Галдан Церену, советовал, «чтоб они, кайсаки, сами себя берегли и сожалели, понеже де от зюнгорцев к ним, кайсакам, не только никакой чести не стало, но и утеснение усматривается»⁵⁰⁰. Положение аманатов ухудшалось с каждым годом. Так,

---

⁴⁹⁶ Там же. С. 396.

⁴⁹⁷ Крафт И.И. Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г., относящихся к управлению киргизами. СПб., 1901. С. 9.

⁴⁹⁸ Карасакал – руководитель башкирского восстания 1740 г. В июне 1740 г. после подавления волнения бежал к казахам и выдавал себя за Шоно-Лоузона – сына ойратского хана Цэван Рабдана, рожденного от второй жены, дочери правителя калмыков Аюки – Сетержаб. Галдан-Цэрэн – старший сын Цэван Рабдана от хошоутской княжны Кюнгю. Присвоив имя Шоно, Карасакал всерьез обеспокоил хунтайджу, как один из претендентов на престол.

⁴⁹⁹ Барак согласился и решил обманным путем добиться своей цели. Он решил якобы выдать свою сестру в жены Карасакалу, и когда Карасакал приехал бы за своей невестой, поймав его, отдать Галдан-Цэрэну. Но его намерения становятся известны Карасакалу, и он перед нависшей над головой опасностью уходит со своим улусом глубоко в степь, приближаясь к кочевьям поколения каракесек-аргын // ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 139–140.

⁵⁰⁰ 1787 г. августа 4 – Рапорт полк. Д.А. Гранкина из Орска бар. О.А. Игельstromу о мерах, принятых им для борьбы с султаном Ер-Али // Материалы по истории Казахской ССР (1741–1751). Т. 2. Ч. 2 / отв. ред. М.П. Вяткин. Алма-Ата, 1948. С. 92.

например, тот же Нияз сообщал, «что и в пище оскудение происходит: и прежде де по 20, а ныне уже только по 10 баранов на месяц давать стали»⁵⁰¹.

До середины 1728 года казахский батыр, полководец Букенбай Караулы из рода табын, в качестве аманата находился в ставке наместника Калмыцкого ханства Цэрэн-Дондука⁵⁰².

В казахско-калмыцких отношениях практиковался равноправный обмен аманатами. В 1732 г. калмыцкий тайша Доржи Назаров⁵⁰³ просил хана Абулхаира для «укрепления дружбы» отправить к нему на урочище Кетеждуль сына Баяна Танирберди и Бокенбая, а взамен обещал отправить двух своих знатных людей⁵⁰⁴.

Интересным является то, что хан Абулхаир тоже брал аманатов. В 1744 году отряды казахов напали на улусы каракалпаков и захватили хана каракалпаков Урускула. Причиной этому было то, что «по его ханскому требованию не отправили в образе податей, которыя он напред сего наглостию с них несколько раз бирывал, отговариваясь тем, что они тако ж, как и он, хан, подданные Е. И. В.». Чуть позже, когда каракалпакские посланцы в сопровождении капитана Гладышева возвращались из столицы через казахские земли, то они были задержаны Абулхаир ханом. Через некоторое время Абулхаир отпустил Урускул хана на время, с обязательством по истечении срока возвратиться к нему. Абулхаир оставил в аманатах несколько каракалпакских старшин, жену и сына Урускула⁵⁰⁵.

Во время Пугачевского восстания султан Младшего жуза Досалы, племянник хана Нуралы, отдал в аманаты своего сына Сейдалы султана. Видимо, Досалы султан рассматривал этот факт как расположение к себе «нового царя»,

---

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Ерофеева И. В. История Казахстана в русских источниках XVI – XX вв. Т. V. С. 516.

⁵⁰³ Доржи Назаров – калмыцкий тайша, внук главного тайши калмыков-торгоутов Шукур-Дайчина (ум. 1672 г.), правнук Хо-Урлюка (ум. 1644 г.), двоюродный брат хана Аюки (1642 – 1724). После смерти Аюки был выдвинут российским правительством кандидатом на ханский трон. Однако, опасаясь за свои улусы и не желая отдавать в аманаты своего сына, отказался от ханского престола // Басхаев А.Н. История Калмыкии и калмыцкого народа с древнейших времен до конца XX века. Элиста, 2012. С. 178.

⁵⁰⁴ История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 3. Караганда, 2013. С. 6.

⁵⁰⁵ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург: типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900. С. 47–49.

так как к этому времени институт аманатства-заложничества был широко распространен в казахско-русских отношениях.

Институт аманатства широко использовался казахами в международных отношениях и с Цинской империей. По конфуцианским традициям залог людьми отрицался, поэтому в дипломатической практике Китая это называется «воспитанием при дворе чужеземца»⁵⁰⁶. Знатный заложник придавал блеск императорскому двору, являлся живым свидетельством мощи Китайской империи. Отправляемые в Пекин или в пограничные районы аманаты, дети, родственники правителей выступали гарантами политических или экономических вопросов, политического равновесия. Хафизова К.Ш. отмечает, что для Китая также было характерно держать аманатов, захваченных во время военных действий или отвоеванных от джунгар. Такие аманаты никогда не возвращались на родину⁵⁰⁷.

У горцев Восточной Грузии институт аманатства имеет социально-религиозный характер. Бежавший человек из своего рода за определенные проступки просит убежища у представителей других родов. Принятие бежавшего в другое сообщество называлось аманатом⁵⁰⁸.

Что же касается России, подписание договора вкупе с присягой на верность, требованиями платежа ясака и дачи аманатов входило в обычную практику завязывания государством первоначальных отношений с нерусскими народами Поволжья и Сибири, начиная еще с XV в.⁵⁰⁹.

Согласно исследованию М. Ходорковского, договоры, заключаемые русской властью с туземной знатью этих регионов, никогда не воспринимались Москвой (и тем более императорским Петербургом) в качестве взаимных, но лишь как «клятва верности нехристианских народов московскому сюзерену». Эти договоры, как и присяга на верность, изначально были нацелены на то, чтобы

⁵⁰⁶ Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии в XIV–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. С. 31.

⁵⁰⁷ Там же. С. 30.

⁵⁰⁸ Канделаки М.Б. Из общественного быта горцев грузин – институт аманатства. Тбилиси, 1987.

⁵⁰⁹ Сухих О.Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 138–139.

трансформировать статус ранее независимых народов и стать началом их политической интеграции в состав Российского государства⁵¹⁰.

Как говорилось ранее, институт аманатства был широко распространен в Российской империи. В 1655 году вслед за шертью калмыки были вынуждены дать аманатов в Астрахань. Об аманатах не упоминается в шерти 1655 года, но из письма четырех калмыцких тайшей к московскому правительству в 1657 году видно, что аманаты были даны по настоянию астраханского воеводы, что к записи об аманатах тайши приложили свои руки, и что за это им было пообещано жалованье. В 1658 году по требованию астраханского воеводы В.Г. Ромодановского была проведена замена аманатов, и тайши Шукур-Дайчин, Пунчук-Мончак и Манджик, внук Шукур-Дайчина, получили жалованные им платья⁵¹¹.

По желанию калмыцких тайшей посредником в отношениях калмыков с русским правительством выступает черкесский мурза Казбулат, на сестре которого был женат Пунчук-Мончак. По мнению Н.Н. Пальмова, после назначения Казбулата ответственным за калмыцкие дела он принимает 9 декабря 1661 года шерть от тайшей на урочище Берекете недалеко от Астрахани. С его назначением уничтожился ненавистный калмыкам институт аманатства⁵¹².

Аманатство не могло удержаться в практике, оно составляло кратковременное и случайное явление в калмыцкой истории, почему и не сохранилось в народной памяти; когда в 1741 году правительство взяло у наместника Дондук-Даши в аманаты сына Асарая⁵¹³, то калмыки негодовали и указывали на отсутствие подобного примера в прошлом⁵¹⁴. Но интересен тот факт, что когда астраханский губернатор А.П. Волынский после смерти

---

⁵¹⁰ Khodarkovsky M. Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Indiana University Press, 1997. С. 13–14; Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002. С. 51–56.

⁵¹¹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ограничительные мероприятия правительства в отношении калмыков. Ч. III и IV. Астрахань: Калмиздат, 1929. С. 6–7.

⁵¹² Там же. С. 8.

⁵¹³ Асарай – единственный сын Дондук-Даши (1741–1761). Умер 16 августа 1744 г. от оспы в Астрахани.

⁵¹⁴ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III и IV. С. 8.

калмыцкого хана Аюки приглашал на ханство Дорджу-Назарова, тот отказывался по нескольким причинам. Во время их встречи калмыцкий владелец среди причин отказа от ханского престола называл то, что: 1) он был не наследником Аюки, прямыми потомками и наследниками хана были Церен-Дондук, Дондук-Омбо и Дасанг; 2) без согласия ханских наследников Дорджи-Назаров боялся принимать этот титул, так как их улусы были многочисленны по сравнению с его, и они могли даже не остановиться перед убийством хана; 3) принимая ханское достоинство, Дорджи-Назаров должен был взять на себя ответственность за поведение калмыцких владельцев, но он сомневался в их послушании и т.д.⁵¹⁵ А самое главное, он отказывался давать аманата до назначения его ханом и даже просил А.П. Волынского написать царю, «чтоб у него сына ныне не брать, а взять бы тогда, когда он ханом учинен будет и действительно в свою власть вступит»⁵¹⁶. Губернатор сказал калмыцкому владельцу, что «вопрос стоит так: если Дорджи-Назаров не даст сына в аманаты, то и ханом он не будет». Он сулил великие блага сыну владельца и самому Дорджи-Назарову: его сын будет содержаться в столице в «великой милости» и во «всяком довольстве» вместе с калмыками, которых владелец сам назначит; ему будет определено жалованье немалое, так что он от него, Дорджи, на свое иждивение ничего требовать не будет; сын владельца не встретит в столице не только какого-нибудь «озлобления», но, напротив, там будут относиться к нему «со всяким почтением»; владелец может поддерживать с сыном «свободную корреспонденцию»; чрез посредство сына он получит возможность всегда и свободно доносить о своих делах царю⁵¹⁷.

А.П. Волынский предлагал Дорджи-Назарову, во избежание насмешек и подозрений, отправить сына ко двору с посланцами, которые бы довели до сведения правительства о победе его над каракалпаками⁵¹⁸. Как только губернатору станет известно, что сын владельца въехал в один из русских

---

⁵¹⁵ Там же. С. 284.

⁵¹⁶ Там же. С. 288.

⁵¹⁷ Там же. С. 287.

⁵¹⁸ Там же.

городов, то немедленно будет сделано распоряжение о пропуске калмыцких улусов на луговую сторону Волги, и Дорджи-Назаров будет объявлен ханом⁵¹⁹.

В XVII в. кабардинцы и малые ногаи отправляли своих аманатов в Терскую крепость, которая была центром Терского казачьего войска, основанного казаками в 1573 году⁵²⁰.

В период покорения Кавказа военные часто использовали детей горских князей и старшин в качестве заложников. Генерал А.П. Ермолов предложил Александру I отказаться от прежней тактики нерегулярных карательных походов в горные районы и убедил его в необходимости планомерного завоевания Кавказа. Генерал при завоевании Дагестана, в частности города Акуша, взял двадцать четыре аманата и назначил им пребывание в Дербенте⁵²¹.

Аманаты от чеченских, калмыцких, кабардинских, ногайских владельцев содержались в XVIII в. в Астрахани, Терской крепости, Святом Кресте, Моздоке, Уфе, Кизлярской крепости. По данным Н.А. Сотавова, в 1726–1727 гг. десятки правителей и старшин Дагестана, Кабарды и Чечни в подтверждение своей верности России выдавали аманатов⁵²². Г.А. Кокиев уточняет, что «в Терках в начале XVIII в. аманатов было 14 человек, в Святом Кресте в 1733 году – 18 человек, в Кизляре в 1760 году – 20 человек⁵²³. Возраст их составлял от 3 до 26 лет. В 1763 году в Кизляре находились в аманатах дети кабардинских и калмыцких владельцев. В тот же период в Оренбурге находился и аманат от Нурали хана. Источники сообщают, что «у хана и старшин берутся по введенному уже обыкновению, для обязательнейших их к верности и воздержания от дерзости, со всем тем по состоянию сих варварских народов, необходимо без

⁵¹⁹ Там же. С. 287.

⁵²⁰ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 24.

⁵²¹ Ермолов А.П. Записки. 1818–1825 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Санкт-Петербург, 2000. С. 54.

⁵²² Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. от Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг. М., 1991. С. 75.

⁵²³ Кокиев Г.А. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. Известия ЮОНИИК. Сталинир., 1933. Вып. 1. С. 193 (Отдельный оттиск).

того, чтоб и при том не происходило от них при здешних местах воровства, пленении людей и самого убийства»⁵²⁴.

Еще в 1595 году, когда в ответ казахскому хану Тауекелю (Тевеккель, Таваккул)⁵²⁵ была послана грамота о принятии казахов в подданство Московского государства, от хана наряду с выполнением ряда обязательств, требовали также предоставить русским аманатов⁵²⁶. Дача ясака и аманатов становилась при этом способом более осязаемой демонстрации подчиненного статуса новых подданных⁵²⁷.

В 30–40-е годы XVIII в. русская власть вполне осознавала необходимость осторожной и гибкой политики в отношении новоявленных подданных – казахов, и именно поэтому создавала видимость равноправия сторон, что выражалось во включении в договоры взаимовыгодных пунктов, а также соотнесении употребляемой лексики (ясак, аманаты) и церемонии присяги с местными традициями и обычаями, преподнесении подарков и жалования туземной знати в обмен на выплату ясака⁵²⁸.

После подписания указа о принятии казахов Младшего жуза в состав империи для принятия от хана присяги на подданство России было отправлено в степь специальное посольство во главе с А. Тевкелевым.

Прибывший в ставку хана переводчик А. Тевкелев еще в октябре 1731 года при первой встрече с казахским ханом Младшего жуза Абулхаиром по требованию КИД не стал настаивать на выдаче аманата в Уфу. А. Тевкелеву советовали, если Абулхаир хан не будет склонен платить ясак и давать аманатов в Уфу, то только стараться, чтоб пункты подписали и жили в миру⁵²⁹. Об этом

⁵²⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 68. Л. 43–43 об.

⁵²⁵ В 1594 г. хан Тауекел отправил посольство к русскому царю Федору Ивановичу.

⁵²⁶ 1595 г. март – Грамота царя Федора Ивановича хану Тевеккелю о принятии казахов в подданство Московского государства // КРО – 1. С. 9.

⁵²⁷ Khodarkovsky M. «Ignoble Savage and Unfaithful Subjects». С. 15.

⁵²⁸ Сухих О.Е. Указ. соч. С. 138–139.

⁵²⁹ ПСЗРИ. Т. VIII. – 1731. № 5703.

упоминает сам хан: «в начале, когда к нам, к казахскому журту, явился Тевкелев мурза, он не предъявлял требования детей и отдачи сына»⁵³⁰.

Возникает вопрос, почему не делался упор на взятие аманатов? Это, видимо, объясняется тем, что опыт взаимоотношений башкир с российским правительством не продемонстрировал эффективность института аманатства. В инструкции, данной И.К. Кирилову 18 мая 1734 г. направленному в Оренбургский край, мы встречаем недовольство данным институтом. В частности, он был раскритикован со словами «от худых в том содержании порядков, худых людей и в аманаты давали, какие и ныне есть, что башкирцы дву дорог самые последние люди держаться, до которых, хотя б они век свой тут окончали, башкирцам нужды нет»⁵³¹.

Вместо этого предлагалось учредить в главном пограничном городе от каждого народа особые суды. Возглавить данные суды должны были представители российской администрации. Предполагось, что в работе суда будут принимать участие «тоlikое же число лучших людей, ханских детей, из сол-танов и из старшин, и к тому при суде другие мелкие чины, по обстоятельству каждого народа»⁵³². Знатные казахи должны были работать здесь один или два года, а самое главное – разбирать дела между новыми подданными в соответствии с обычным правом казахов. Но данный суд еще не скоро будет внедрен в Оренбургском крае.

Несостоятельность института аманатства была ярко продемонстрирована в период башкирских восстаний 1735–1740 гг. Так, например, башкиры Сибирской даруги, которые находились в Екатеринбурге в качестве аманатов, выступали гарантами прекращения восстаний. Они использовались местной российской администрацией для доставки информации о происходящих в волостях

⁵³⁰ 1743 г. ноября 7. - Прошение хана Абулхаира имп. Елизавете об отпуске из аманатов султана Хожа-Ахмета и о предоставлении войска для подавления междоусобной борьбы с изложением трудностей, которые возникли для хана в связи с отказом главного командира Оренбургской комиссии И.И. Неплюева сменить султана Хожа-Ахмета султаном Чингизом // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 73.

⁵³¹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771) // Отдел рукописи Российской государственной библиотеки. Ф.222/8. Панины. Л. 14.

⁵³² Там же. Л. 14 об.

недовольствах, но, как показывают источники, аманаты, летом возвращаясь для изучения обстановки в волостях, сами же иногда переходили на сторону восставших.

Аманаты в начальный период брались из семьи хана Абулхаира и из числа детей рожденных у хана от старшей его жены Бопай⁵³³. И первым аманатом стал их сын Ералы. В 1732 году 11-летний Ералы в качестве посланника хана Абулхаира был отправлен в Санкт-Петербург вместе с 50-летним двоюродным братом хана Ниязом, где его посольство 10 февраля 1734 г. было принято императрицей⁵³⁴. В Санкт-Петербургских ведомостях сообщали, что казахское посольство было на приеме ее императорского величества⁵³⁵. Казахские послы были расположены в богатой квартире на Васильевском острове. Им показывали достопримечательности города, приглашали на обеды и т.д. Была выделена прислуга и экипаж⁵³⁶.

«Посланцы» выразили российской императрице благодарность от имени хана за то, что он удостоился высочайшей ее императорского величества «протекции и принятия в вечное подданство». Императрица и вслед за ней Кабинет, вице канцлер А.И. Остерман, Б.К. Миних, П.И. Ягужинский, А.П. Волынский и князь А.М. Черкасский заверили честным словом, что казахский народ будет вечно спокоен под Российской державой⁵³⁷.

Султану Ералы было разрешено приезжать во дворец государыни, а находившимся при нем старшинам показывали Академию наук, Кронштадт, Петергоф и др. места⁵³⁸.

И. Кирилов предлагал, чтобы Абулхаир «не пришел в уныние», отправить надлежащую грамоту хану о том, что сын его и брат были приняты

⁵³³ Бопай ханым (умерла 31.05.1780) – жена и сподвижник Абулхаира хана.

⁵³⁴ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 3; 1743 г. ноября 7. – Прощение хана Абулхаира имп. Елизавете об отпуске из аманатов султана Хожа-Ахмета... // Материалы по истории Каз ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 73.

⁵³⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1734. № 13. С. 4.

⁵³⁶ Игнатъев Р. Киргизы Оренбургского ведомства // Оренбургский листок. 1880. № 25. С. 3, 4.

⁵³⁷ Там же. С. 4.

⁵³⁸ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. С. 12.

императрицей⁵³⁹. На обратном пути старшины были возвращены в Степь. Об этом в сентябре 1735 года И. Кирилов докладывает императрице Анне Иоанновне⁵⁴⁰. Как сообщает начальник Оренбургской экспедиции, при закладке города⁵⁴¹ участвовали «многие башкирцы, обретающиеся в службе Вашего императорского величества при экспедиции, и приехавшие вновь, да кайсаки меньшей и большой орд и ташкентские сарты, и уфимские служилые мещеряки, которыя каменя во изготовленной ров первого болварка носили и клали, а у первой крепости землю изо рва копали, каждой изготовленными своими лопатками, на которых тамги вырезавали, представляя, дабы впредь об них знаемо, что они при закладе были»⁵⁴².

По сведениям Р. Игнатьева, И. Кирилов, отправившись в Уфу, через некоторое время приказал коменданту Орска Я.Ф. Чемоданову отпустить домой ханского сына. Автор объясняет временный отпуск ханского сына голодом, начавшимся в городе⁵⁴³. Уже в августе 1735 года Ералы был оставлен в качестве аманата после пиршества, устроенного в честь закладки нового города⁵⁴⁴. Аманат оставался на Орском устье до 1738 года. Только с 1748 года казахские аманаты будут жить в Оренбурге. Абулхаир не считал сына заложником, а называл его послом при российском дворе, но уже к 40-м годам он был вынужден признать данный факт.

Каково было положение Ералы султана в аманатстве? В 1737 году Абулхаир хан в своем письме на имя тайного советника В.Н. Татищева доносил, что сына его Ералы султана в самом «худом» положении содержат, жалования не выдают, «от чего он едва с голоду не умер». Из Коллегии иностранных дел поступил именной указ, где тайному советнику велели, чтобы он отправил

⁵³⁹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771). Л. 160 об.

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 271–272.

⁵⁴¹ В.Н. Татищев после назначения начальником Оренбургской экспедиции объявил, что выбор места для строительства Оренбурга крайне неудачен: место низкое, затопляемое, бесплодное. В соответствии с его замечаниями началось строительство нового Оренбурга, а заложенная Кириловым крепость осталась на прежнем месте как Орская крепость.

⁵⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 271.

⁵⁴³ Игнатьев Р. Киргизы Оренбургского ведомства // Оренбургский листок. 1880. № 27. С. 3.

⁵⁴⁴ Матвиевский П.Е. Очерки истории Оренбургского края XVIII–XIX веков. Оренбург, 2005. С. 19.

надежного человека для разбора данного вопроса, дав ему полную инструкцию, где необходимо было расписать процесс изучения и меры наказания относительно виновных лиц, от штрафования до жестокого наказания, вплоть до лишения жизни. Интересен тот факт, что не дождавшись решения вопроса, Абулхаиру должны «дать знать, что такие непорядки не упущены». Если же и впредь какие-то будут упущения, «следовало хану сразу дать знать тайному советнику»⁵⁴⁵.

В.Н. Татищев 6 сентября 1737 г. писал коменданту г. Оренбурга подполковнику Григорию Лукичу Останкову, «чтоб он хана с малыми людьми на короткое время в город для свидания с сыном пустил и отпочевав довольно паки выпроводил, а притом бы имел крепко смотрение, чтоб коего коварства не было»⁵⁴⁶.

Во время пребывания в Орске Ералы женился на приемной дочери башкира Асанюла⁵⁴⁷. Оренбургский ахун Мансур Абдрахманов состоял в должности учителя и переводчика при молодом аманате. Фактически он осуществлял надзор как за настроениями и намерениями Ералы, так и через него за состоянием в казахских жузах.

10 июля 1738 года к В.Н. Татищеву прибыл башкирский старшина Таймас тархан, отправленный к хану Младшего жуза Абулхаиру. По возвращении он докладывал начальнику, что Бопай ханым спрашивала про Ералы, и сердясь сказала: «Для чего у сына моего со шпагами караул поставили?»⁵⁴⁸. На что Таймас отвечал, что нет никакой прибыли от жития Ералы Е.И.В., а «вам прибыль есть, потому что он всегда получает жалованье», а на вопрос о карауле ответил, что «караул поставлен для его чести, ибде по указу нашей государыни и у генералов, и у полковников караул по их чести ставят»⁵⁴⁹. Он говорил казахским батырам и биям, что при государыне многих владельцев дети для верности и правды живут, что нахождение Ералы в аманатстве рассматривается как залог верности.

⁵⁴⁵ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 23 – 23 об.

⁵⁴⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л. 756.

⁵⁴⁷ Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / автор-состав. Н.Ф. Демидова. Т. VI. Уфа, 2002. С. 536.

⁵⁴⁸ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных известиев о киргис-кайсацких и башкирских обрращениях. 12 августа 1738 г. // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Астана, 2012. Вып. 2. С. 24.

⁵⁴⁹ Там же. С. 25.

Бопай поддерживала своего мужа в сложный период и своим умом была уважаема среди казахов. Когда следующий их сын Кожа Ахмет был в аманатах и решался вопрос о смене его Айшуаком, на собрании казахских старшин 21 июня 1748 года она упрекнула их: «Не только человек, но и звери к своим детям жалость имеют, и они, так же как и другие, детей своих любят, а Абулгаир хан детей своих в оманаты отдает не для поступок и ради неверки своей и детей ево, но для непостоянства киргиз-кайсацкого народа их обычия»⁵⁵⁰.

Абулхаир не раз просил заменить Ералы следующим своим сыном – Кожа Ахметом (третий сын хана от Бопай ханым). Но в столице требовали от местного оренбургского начальства уточнить: «Он Ходжа Ахмет прямой его Абулхайров сын и от единой матери с Эрали салтаном рожден, и в таком ли равном люблении родители его содержат, как упомянутого Эрали Салтана»⁵⁵¹. Такая тщательная проверка происхождения Кожа Ахмета объясняется тем, что некоторые народы заменяли аманатов бедными детьми или рабами, отдавая их за своих.

Обида хана на администрацию Оренбурга, вызванная запретом на замену аманата и невыполнение его условий принятия подданства, привела к участию хана в башкирских восстаниях 1735–1738 гг. Зимой 1737–1738 гг. Абулхаир провел среди восставших башкир и женился на дочери одного из башкирских старшин Отнохорта⁵⁵². Хан пытался посадить своего сына Кожа Ахмета ханом в Башкирии. По сообщению 4 февраля 1738 г. калмыцкого хана Дондук-Омбы, казахи и башкиры намеревались освободить сына Абулхайра с тем, чтобы объединившись, напасть на российские войска. Башкир Бердекеш в 2 тысячах кибиток и с войском прибыл к хану. В этот же период Абулхаир, Кушик хан, Абылай султан и другие казахские батыры с 30-тысячным войском прибыли в Башкирию⁵⁵³.

Боязнь объединения казахов и башкир вынудила царское правительство разрешить замену аманата. В конце августа 1738 года при личной встрече хана с

⁵⁵⁰ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии брегадира Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года // ИКРИ – 3. С. 178.

⁵⁵¹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 25.

⁵⁵² ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об.

⁵⁵³ Там же. Л. 39 об. – 40.

тайным советником В.Н. Татищевым Ералы был сменен Кожа Ахметом. Не случайно выбор В.Н. Татищева остановился на Кожа Ахмете, как говорилось выше, именно этот султан выступал как претендент на звание хана в соседней Башкирии. Процесс встречи хана с оренбургским правителем очень подробно описан в журнале «Экстракт ис полученных известиев о киргис-кайсацких и башкирских обрascениях», автором которого является оренбургский начальник В.Н. Татищев⁵⁵⁴.

31 июля 1738 года Ералы султан встретился с казахскими посланниками своего отца – Жулумбетом и Мамет-кожа. В палатке тайного советника был поставлен портрет императрицы Анны Иоанновны. Когда посланники хана вошли в палатку, под портретом императрицы стояли два кресла, где В.Н. Татищев сидел по правую сторону, а Ералы султан по левую сторону. Это, по нашему мнению, показывает еще равноправное отношение сторон (имеется в виду казахов и российской администрации), которое исчезнет к 40–50-м годам данного столетия. Невыполнение обязательств перед ханом, участие Абулхаира в башкирских восстаниях вынудило оренбургского начальника изображать в 1738 году равенство сторон.

После нескольких лет аманатства Ералы впервые встретился со своим отцом при тайном советнике, подполковнике А. Тевкелеве и казахских старшинах. После вторичной присяги хан, долго ведя беседу с В.Н. Татищевым, обратился к Ералы султану: «Сын мой, и ведаю, что ты должен по воле моей учинять, но я оставя то, требую от тебя ведать, здесь ли ты хочешь остаться или переменить братом, которое я учинять готов; токмо ты уже привык к покою и довольству, то у нас тебе привыкать и такое довольное содержание забыть трудно, для того мню, что ты в месяц у нас скучишь»⁵⁵⁵. Ералы изъявил желание быть смененным.

⁵⁵⁴ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных известиев о киргис-кайсацких... С. 15– 63.

⁵⁵⁵ Там же. С. 46. Байбек, посланец Айшуак султана при личной встрече с бригадиром А. Тевкелевым говорит, что Ералы был в России 6 лет // Тевкелев А. Журнал по происходящим по комиссии... С. 212.

Именно в этот период Джанибек батыр⁵⁵⁶ высказал: «Оное состоит в воле е.и.в. и вашей, господина тайного советника; если же е.и.в. повелит наших детей оставить, мы тому как поданные раби не противны»⁵⁵⁷. В 1748 году Джанибек султан был готов отправить «лучшего» султана Средней Орды, если хан будет против аманатства⁵⁵⁸. И в составе следующих аманатов мы встречаем вместе с молодыми султанами и сыновей казахской знати (батыров, биев).

Находясь в аманатах, Ералы имел возможность ближе познакомиться с российскими обычаями и порядками. Абулхаир хан не раз отмечал, что Ералы «несколько к русским обычаям применился и нас, диких народов, лучше»⁵⁵⁹. Такую же характеристику дает и В.Н. Татищев: «Какая ему (Абулхаир хану – Г.И.) радость видеть сына своего не токмо наученного, но во всех поступках пред другими преизяществующа»⁵⁶⁰.

Ералы султан говорил, видимо, и по-русски. Тому доказательства слова из дневника тайного советника: «Ерала салтан хотя всегда говорил чрез переводчика, но имея нужду секретную, говорил тайному советнику, чтоб отцу его, хану, при батырях говорить, дабы его батыри слушали и в советах лучшей порядок имели»⁵⁶¹. В период встречи с В.Н. Татищевым хан просил отправить вместе с Ералы в Орду «одного человека для ученья письму и языка».

Таким образом, в этот период впервые ставится ханом вопрос изучения русского языка и письменности, а в 20-е годы XIX в. обучение казахов русской грамоте становится одной из первоочередных задач. «Султаны сии, сообразно дальнейшим видам по управлению киргизами, должны приобрести основательно знание не только в языках татарском, арабском и Алкоране, но обязаны также

---

⁵⁵⁶ Джанибек батыр – сподвижник хана Абулхаира с юных лет до смерти, бий, представитель Среднего жуза казахов.

⁵⁵⁷ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных... С. 51, 56.

⁵⁵⁸ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 157.

⁵⁵⁹ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных... С. 55.

⁵⁶⁰ Там же. С. 56.

⁵⁶¹ Татищев В.Н. Журнал, что по отпуске курьера от 13 августа происходило // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Астана, 2012. Вып. 2. С. 66.

выучиться языку Российскому с возможным успехом, а равно и др. полезным знаниям», – писал К.В. Нессельроде⁵⁶².

Ералы султан несколько раз выступил перед ханом и казахскими старшинами, где в его речи слышатся нравоучительные нотки: «Коли они (казахи – Г.И.) от сего подданства пользы себе ожидать имеют, если токмо дикой свой природный обычай оставлять и, не разсуждая, и по указам е.и.в. поступать будут»⁵⁶³.

24 августа Абулхаир хан при очередной встрече с тайным советником объявил о желании воевать с Хивой и Бухарой. Обстоятельство это объяснялось якобы желанием жениться Ералы на дочери хивинского хана, и когда он будет там, то «обстоятельно их состояние и намерение» узнает. Здесь молодой султан советует хану, чтобы о своих планах никому не сообщал, так как это легко может дойти и до Хивы. «Я бы вам советовал выбрать от Средней и Меньшой Орд по два человека и с ними о нужных и тайных делах советоваться. Я видел, государыня императрица имеет великое государство и много разных судов, каждой особе дела разсуждая, приносят до Сената, где только семь человек, а затем тайные дела знают только трое. И так что кому не надлежит знать, никто не может»⁵⁶⁴. В данной ситуации Ералы, бывший при дворе императрицы в Петербурге, знакомый уже с внутренней жизнью империи, делится со своими суждениями⁵⁶⁵.

Еще один интересный факт, что, как и другие представители степной аристократии в конце XVIII в. – XIX в., Ералы султан, будучи в Санкт-Петербурге, согласно «протокольному приему» видел Кунст-камеру, библиотеку, адмиралтейские работы⁵⁶⁶. Ералы рассказывал своим сородичам, что видел Москву, Уфу, Орскую крепость и т. д.⁵⁶⁷

⁵⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 7.

⁵⁶³ Татищев В.Н. Журнал, что по отпуске курьера... С. 69.

⁵⁶⁴ Там же. С. 72.

⁵⁶⁵ Там же. С. 74.

⁵⁶⁶ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 161 об.

⁵⁶⁷ Журнал, держанной при объявлении Нуралы-салтана киргиз-кайсацкому народу ханом, который на место отца ево Абулхаир хана от того киргиз-кайсацкого народа выбран в ханы 2 октября прошлого 1748 г. и со всеподданнейшим о том народным и ево прошением послан был ко двору е.и.в. зять ево, Нуралы, Джанбек-салтан и при нем прочих семь человек посланцами, а от е.и.в. в том ханском достоинстве всемилостивейшее подтверждено 26 февраля сего году, еже все чинено во исполнение е.и.в. указов, присланных тайному советнику и Оренбургскому губернатору Неплюеву из Государственной

Ералы сопровождали в Оренбурге Кутур батыр, Джерин Улчукучина, старшина Досай⁵⁶⁸ и др. лица⁵⁶⁹.

27 августа 1738 года Ералы был сменен своим младшим братом Кожа Ахметом. Аманатам при отпуске из Оренбурга выдавались денежные награды и сабли⁵⁷⁰. Ералы получил пансарь⁵⁷¹, ружье и саблю. При смене Ералы на Кожа Ахмета тайный советник обещал обучить султана в Оренбурге. В период дачи своего сына в аманаты, Абулхаир не раз просил В.Н. Татищева, чтобы он отправил молодого султана в Петербург «для дачи поклона Е.И.В.». Хан обещал на следующий год отправить и Ералы султана с ханшой Бопай⁵⁷². Но как показывают источники, ханым не выезжала даже в Оренбург. Только после смерти своего мужа Бопай ханым прибыла в Оренбург со своим сыном Нуралы в 1749 г., когда она просила назначить вместо убитого Абулхаира ханом своего старшего сына⁵⁷³.

В январе 1739 года по желанию Абулхаира аманат Кожа-Ахмет с пятью старшинами был отправлен ко двору в Санкт-Петербург. Расходы по поездке и на подарки превышали 2000 руб.⁵⁷⁴

Аманат Кожа Ахмет содержался за счет Оренбургской губернии. В 1743 году Абулхаир просил администрацию заменить Кожа Ахмета. Хан писал, что «некоторые малоразсудные кайсаки его, хана, тем порицают и от них он имеет зазрение»⁵⁷⁵. На что оренбургская администрация отвечала, что учитывая тот факт, что Абулхаир пришел первым в подданство Российской империи и

коллегии иностранных дел от 13 апреля и от 2 мая сего ж 1749 г. // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 2. С. 136.

⁵⁶⁸ Джерин Улчукучина была в башкирском плену, после возвращения оттуда была оставлена при сыне хана. Кутур батыр женился в Оренбурге на вдове Асанюла. Старшина Досай женился на казашке, привезенной Абулхаир ханом в Оренбург из башкирского плена // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. С. 536, 564.

⁵⁶⁹ Татищев В.Н. Экстракт ис полученных известиев... С. 53; Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. С. 564.

⁵⁷⁰ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 113 об.

⁵⁷¹ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии брегадира... С. 252.

⁵⁷² Татищев В.Н. Экстракт ис полученных известиев... С. 61; Татищев В.Н. Журнал по отпуску курьера... С. 69, 76.

⁵⁷³ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 27 об.

⁵⁷⁴ Добросмыслов А. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург: Типо-лит. Ф. Б. Сачкова, 1900. С. 31–32.

⁵⁷⁵ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 13.

заботится об удержании от набегов казахов на российскую сторону, в качестве милости хану детей его повелевалось содержать в Санкт-Петербурге. «А чтобы дети хана в надлежащем по состоянию их и с честью хана сходственном, обучении и сведении были, повелено детей ханских содержать в С-Петербурге, а не на границе и тем уничтожить укоризны и непристойные толкования», – указывалось в грамоте, отправленной хану от 5 апреля 1744 года⁵⁷⁶.

Инициатива содержания Кожа Ахмета в Петербурге исходила от И.И. Неплюева. 4 марта 1744 года в своем донесении в Коллегию иностранных дел тайный советник и генерал-майор Штокман писали, что «содержание его (имеется в виду Кожа Ахмета – Г.И.) впредь в тамошних местах представляют крайне невозможным и требуют, чтоб одного султана содержать в резиденции Е.И.В.»⁵⁷⁷.

Это объяснялось тем, что в 1743 году казахи не раз нападали на волжских калмыков и на российские жилища. В период нападения джунгар на сибирские поселения в 1744 году планировалось использовать военную силу Абулхаир хана против них, «ежели он в том службу свою действительно окажет, то верность свою столько засвидетельствует, что впредь не токмо сына его, но и никто требован не будет»⁵⁷⁸, но этого не случилось.

Находясь на чужбине, молодой аманат начал «производить непорядки» и пытался бежать из Сорочинской крепости. 2000 казахов пробрались через линию в степь к Крестовому редуту в 20 верстах от Сарайчиковой крепости⁵⁷⁹. Ночью несколько казахов во главе с Мергеном Кашкой пытались проникнуть в крепость, но были задержаны⁵⁸⁰. На обратном пути в степь казахи разграбили ряд русских поселений. После получения сведений о попытке бегства аманата в Сорочинской

---

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 30 об.

⁵⁷⁸ Там же. Л. 32 об.

⁵⁷⁹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. Приложения. С. 426.

⁵⁸⁰ Рычков П.И. Книга 33. Выписка из указов и учреждений о иноверных народах Оренбургской губернии, как поступать за продерзости их... Л. 9–9об.; 1744 г. октября 31 – Сказка вахмистра кн. И. Уракова в Оренбургской губернской канцелярии о недовольстве хана Абулхаира оренбургском губернатором И.И. Неплюевым и о принудительном наборе казахов Большого жуза в Джунгарское войско // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 113–114.

крепости были усилены меры по охране крепости. Была поставлена нерегулярная команда в двести человек⁵⁸¹.

Люди, находящиеся рядом с Кожа Ахметом, также совершали нарушения. Так, один из них с обнаженным кинжалом вбежал в квартиру сорочинского командира секунд-майора Лазырева, а потом и султан «приставленного к нему толмача едва саблю не срубил за то более, что оной толмач, присмотря ево противные умыслы...командиру крепости доносил»⁵⁸². Аманат требовал казни двум своим султанам и одной женщине, но лишь вмешательство П.И. Рычкова, направленного в крепость, спасло их от этой участи. Сенат принял решение содержать аманата в Петербурге.

В конце октября 1744 года в своих письмах Абулхаир хан просил императрицу Елизавету вернуть аманата в жуз. Он просил позволения Кожа Ахмету быть при дворе на приеме, а потом весной об его отправке с награждением на Родину. Хан даже был согласен на то, чтобы в Оренбурге построили бы дом, «где б ему (имеется в виду Кожа Ахмет – Г.И.) завсегда приезжать и выезжать было позволено». Абулхаир писал, что молодому султану все равно где жить, что смерти не минует никто. Хан сообщал, что братья и дети его говорят: «...Кто де туда ездит, тот назад не возвращается, ибо де, хотя кто к калмыкам ездит, те и от них скорее возвращаются»⁵⁸³.

В своем письме сыну султану Кожа Ахмету хан с досадой сообщает: «Поверь мне, что я отправил тебя, только чтоб удостоиться видеть ея и.в. и опять возвратиться. Я уповал, что как и прежде было для посольства, так и ты в посольствии ж обращаться будешь, но ты в поимке, не ведаем о тебе, живы или нет. Многократно у ея и.в. я просил, токмо прозьбы своей не получил. И народа

---

⁵⁸¹ 1744 г. мая 29 – Из доношения оренбургского губернатора И.И. Неплюева в Сенат об ограблении ханом Абулхаиром астраханских купцов, о нападении его на каракалпаков и о нецелесообразности вмешиваться в данный момент в борьбу между казаками и каракалпаками // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 90.

⁵⁸² 1744 г. июля 10. - Доношение оренбургского губернатора И.И. Неплюева в КИД о попытках хана Абулхаира освободить султана Хожа-Ахмета, об отношении к России хана Абулмамбета и султана Барака, об угрозе нападения на казахов джунгарского хунтайджи Галдан-Церена и об отношениях казахов к каракалпакам и башкирам // Там же. С. 102.

⁵⁸³ 1744 г. не позднее октября 31. – Письмо хана Абулхаира имп. Елизавете с просьбой вернуть в жуз султана Хожа-Ахмета и казахских пленных // Там же. С. 112.

нашего, всех плутов не щадя, хотя я и отдавал, но их не принимали, только год от году мы унижились, и прозьба наша втуне оставалась. И мы уже отчаялись: ежегодно обнадеживали, что скоро прибудешь с мурзою и отпустишься сюда, тому уже 2 года»⁵⁸⁴.

16 декабря 1744 года Кожа Ахмет в сопровождении одного штаб-офицера, двоих старшин и кощера был отправлен на ямских лошадях через Москву в Санкт-Петербург⁵⁸⁵. В январе 1745 года Кожа Ахмет и находившиеся при нем люди прибыли в Москву, а оттуда были направлены в Санкт-Петербург. Молодой султан прибыл в столицу 30 марта 1745 года и содержался здесь более года⁵⁸⁶.

Аманаты получали суточные за проживание на территории России и содержались за счет Оренбургской губернии. Так, например, в Москве Кожа Ахмет сообщил, что он получал в Сорочинской крепости в качестве кормовых по 50, а трое старшин по 20 копеек в день. В связи с дороговизной в Москве он просил добавить денег на расходы еще по 10 копеек на день, что и было сделано⁵⁸⁷.

Интересным является письмо хана Абулхаира к В.Н. Татищеву, текст которого приводит А. Добросмыслов⁵⁸⁸. Хан жаловался, что его письма и прошения императрице не доходят до столицы. Виной всему этому он видел тайного советника Оренбургской губернии губернатора, генерала И.И. Неплюева. Хан доносил, что он и его дети султаны Нуралы, Ералы отправляли письма и посыльных, но со стороны И.И. Неплюева они не увидели почтения, тогда как посыльные хана Среднего жуза Абулмамбета были встречены в Оренбурге с почестями. В своем письме с обидой Абулхаир сообщает, что «послан был сын посольством», но его задержали, «таким же образом оный мой сын смертию кончится, что у вас Дондук Дашин сын». Здесь хотелось бы обратить внимание на

⁵⁸⁴ 1746 г. не позднее 29 сентября – Письмо Абулхаира находящемуся в аманатах сыну, султану Хожа Ахмету, с расспросами о его судьбе // Там же. С. 155. По мнению М.И. Вяткина, письмо не дошло до адресата, так как было перехвачено.

⁵⁸⁵ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 4. С. 689; Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 58.

⁵⁸⁶ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 15.

⁵⁸⁷ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 193 – 193 об.

⁵⁸⁸ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 58–59.

несколько моментов. Во-первых, Абулхаир рассматривает султана Кожа Ахмета как посла своего к императрице, т.е. не рассматривает его в качестве аманата. Во-вторых, в конфликтной ситуации с И.И. Неплюевым он ищет себе союзника, который помог бы ему решить вопрос о возврате его сына в Степь. Он видит опору в В.Н. Татищеве. Употребляя эпитеты «мой приятель», «с Вашим высокопревосходительством состою в союзе», хан с надеждой обращается к опытному чиновнику. Хан сообщал, что ранее по его прошению решались все вопросы, и он был доволен. В-третьих, хан сообщает, что он верен империи, но задержка сына привела его к состоянию «нахожусь в стыде». Хан просит В.Н. Татищева приложить старание в этих делах, что «ежели онаго учинено не будет, то уже нам всеконечно особая смерть случитца от сего приключившагося нам стыда». В-четвертых, письмо было прислано через наместника Калмыцкого ханства Дондук Даши. Это показывает, что лидеры кочевых социумов были в схожей ситуации (дети в аманатах). Ведь Дондук Даши не хотел давать сына своего Асарая в аманаты, и кочевая элита тогда тоже высмеяла наместника, как и казахского хана. В.Н. Татищев в своем ответном письме сообщал хану, что он не может вмешиваться в «Кайсацкие дела», так как «все сіе единственно указом Е.И.В. поручено оренбургскому губернатору, тайному советнику И.И. Неплюеву»⁵⁸⁹.

Время пребывания Кожа Ахмета в Петербурге было «весьма скучным», он тосковал по родине и беспрестанно просил об отпуске его в Орду. Коллегия иностранных дел, опасаясь, чтобы от скуки он не сделал какой «непристойности», спрашивала мнение И.И. Неплюева об отпуске аманата домой. 5 января 1746 года между султаном и находившимся при нем старшиной Казбеком произошла ссора, которая переросла в драку и чуть не закончилась убийством Кожа Ахмета. После данного инцидента указом Правительствующего Сената, согласно мнению А. Тевкелева, было решено содержать султана в Казани, в Татарской слободе.

А.И. Тевкелев также предлагал впредь ханских детей и других аманатов содержать в Казани, там же приготовить особый дом, «и ежели оный единожды

---

⁵⁸⁹ Там же. С. 60.

учредить и в порядок ввести, то впредь дальняго затруднения и от побегу опасности быть не видится». По его мнению, хан Абулхаир «может взять в рассуждение, что в Казани всякая провизія дешевле оренбургского, ... хан будет знать, что то, как уже учреждено и впредь, и спору и беспокойству причины иметь не может»⁵⁹⁰.

Для содержания султана в Казани указом Коллегии иностранных дел от 22 марта были даны следующие наставления:

1) отвести ему приличную квартиру в Татарской слободе и приготовить искусного офицера и караул;

2) выдавать на корм султану по 53 коп. в день, а когда придут его две жены, то и им;

3) допускать к султану гостей из татар и мурз и самому разрешать ходить к ним и дозволять выезжать за город, но искусным образом смотреть, чтобы никуда не ушел⁵⁹¹.

22 марта 1746 году Кожа Ахмет был отправлен в Казань. Кожа Ахмет, старшины, прислуга при отъезде из Санкт-Петербурга были награждены деньгами, а Абулхаиру была послана в тот же день грамота через бывшего при аманате старшину Елимбета. В грамоте сообщалось, что «в особливое оказаніе тебе и всей твоей фамилии сын твой Кожа Ахмет содержался в резиденции Е.И.В., теперь же по его просьбе, он был отпущен в Казань. В грамоте также сообщалось, что хан может менять своих сыновей или внуков каждый год»⁵⁹².

В Казани молодой султан влюбился в дочь одного татарина и требовал ее за себя в замужество⁵⁹³. Коллегия иностранных дел одобрила предложение И. Неплюева о разрешении Кожа Ахмету жениться на татарке, если он берет в жены из знатных людей, ввиду того, что такая жена не пожелает жить по-степному и

⁵⁹⁰ Там же. С. 62.

⁵⁹¹ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 17.

⁵⁹² Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 64.

⁵⁹³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 214; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 193; Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 17.

этим даст пример другим «к лучшему человеческому житью»⁵⁹⁴. Но данный брак не был заключен.

Но в то же время по указу от 4 сентября 1746 года казахам запрещалось жениться на башкирках, казанских и оренбургских татарках, а также башкирам и татарам не разрешалось жениться на казашках и за этим было приказано пристально смотреть⁵⁹⁵. Астраханскому губернатору сообщалось не допускать этого и в отношении кизлярских татар⁵⁹⁶.

Трудности и переезды подорвали здоровье молодого султана. Он не раз в дальнейшем просил оренбургских начальников об отправке ему лекарств⁵⁹⁷.

Живя в другой этнокультурной среде, аманаты воспринимали новый образ жизни, новую пищу. Так, например, когда вернувшись на родину Кожа Ахмет заболел, А. Тевкелев отправил пшеничную муку в степь. Он писал: «Я ведаю, что вы, несколько лет в России живучи, к хлебу привыкли, паче же для вашей болезни оное вам потребно»⁵⁹⁸.

Приближенный хана Джанибек тархан возбудил ходатайство о замене Кожа Ахмета другим сыном хана Чингизом и отправки вместе с ним нескольких сыновей старшин Младшего и Среднего жуза. Коллегия иностранных дел признала замену возможной, но окончательное решение вопроса было представлено И.И. Неплюеву.

Оренбургская администрация отказывалась принимать Чингиза, так как он был рожден не от Бопай ханым, а от младшей жены калмычки-торгоутки⁵⁹⁹. «И самым делом осмотрено, яко оный Чингиз киргиз-кайсакам ни в какое обязательство служить не может, того ради требовано было от Абулхаир хана другого настоящего сына», – пишут источники⁶⁰⁰.

⁵⁹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 236. Л. 3.; Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 40 об.; Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 20.

⁵⁹⁵ Указ от 4 сентября 1746 г., указ от 17 мая 1747 г. Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 20.

⁵⁹⁶ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 40 об.

⁵⁹⁷ Журнал, держанной при объявлении Нуралы-салтана киргиз-кайсацкому народу ханом... С. 136.

⁵⁹⁸ Тевкелев А. Журнал по происходящим по комиссии... С. 275.

⁵⁹⁹ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Алматы, 1999. С. 292; Поколенная роспись династий казахских ханов и султанов и описание родоплеменного состава трех жузов // ИКРИ – 3. С. 300.

⁶⁰⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

На очередную просьбу Абулхаир хана заменить Кожа Ахмета Чингизом И.И. Неплюев отвечал: «Это выше данной мне власти. В России нет закона, чтобы незаконно рожденные пользовались правами отцов и следовательно были за них аманатами, но все это конечно зависит от высочайшей воли». Он обещал, что немедленно напишет об этом ко двору и «не угодно ли будет хану ожидать милостивой о том резолюции ее императорского величия»⁶⁰¹.

Возникает вопрос, почему Петербург запрашивал в аманаты сыновей, рожденных от старших жен. Например, детей, рожденных от Бопай ханым или же детей Нуралы от его старшей жены после назначения его ханом. Это связано, в первую очередь, с европейско-христианским понятием того времени: только старшие жены считались законными супругами ханов. Бопай ханым, имея развитые интеллектуально-волевые качества, а самое главное – сильное влияние на мужа и его старшинское окружение, рассматривалась российской администрацией как один из рычагов во взаимодействиях с ханом. Учитывая, что старшие жены в кочевом обществе играли доминирующую роль, центр делал акцент на Бопай.

После неудавшегося побега ханского сына из Сорочинской крепости и перевода его в Петербург, а затем в Татарскую слободу у г. Казани, расвирепевший хан заявил явившимся от И.И. Неплюева переводчикам, что «я-де вас, яко собак, у себя заморю»⁶⁰². Хан начал поощрять казахов к нападению на пограничные поселения. В этот период казахи «около Оренбурга в плен забрали 96 русских и 4 иноверцев»⁶⁰³. В 1743 году в ответ на участвовавшие набеги казахов последовал указ Коллегии иностранных дел, где астраханскому губернатору предписывалось «для лучшего киргиз к верности приведения из них лучших людей захватить и отправить к тайному советнику Неплюеву»⁶⁰⁴. Но аманат не понес наказания за поступки своих соотечественников, так как это не входило в практику дипломатических отношений в Российской империи.

⁶⁰¹ Игнатъев Р. Киргизы Оренбургскаго ведомства // Оренбургский листок. 1880. № 39. С. 3.

⁶⁰² Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Т. 3. С. 682–695; Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. С. 14.

⁶⁰³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 9; Рычков П.И. Книга 33. Выписка из указов и учреждений о иноверных народах Оренбургской губернии, как поступать за продерзости их... Л. 43.

⁶⁰⁴ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. 1743 год. Л. 186.

Зависимость Абулхаир хана от поддержки царской администрации была использована последней для ослабления его власти. Эта политика подрыва значения хана Абулхаира проводилась И.И. Неплюевым в первые годы его правления путем создания условий для политической изоляции и подрыва морального авторитета хана. Именно в этом свете М.П. Вяткин рассматривает столкновение оренбургского военного губернатора с ханом по вопросу о содержании в аманатах султана Кожа Ахмета⁶⁰⁵.

Мотивирование отказа И.И. Неплюева принять султана Чингиза, что он побочный сын хана, вместо Кожа Ахмета, было продуманным шагом в подрыве авторитета Абулхаира в степи. Дача в аманаты сына означала наличие определенных отношений зависимости, являлась общественным актом, а невозможность для хана добиться смены аманата отражалась во внутривосточных отношениях как показатель бессилия хана. Этими соображениями и мотивировал Абулхаир свое требование о возвращении Кожа Ахмета в степь. В своем прошении от 7 ноября 1743 года императрице Елизавете хан писал: «Здесь бии и лучшие люди киргиз-кайсаков (казахов – Г.И.) и журт⁶⁰⁶ говорят: «Эй, хан, журты равные нам, как-то: верхние калмыки – Галдан Чирин, шуршуты – китайцы, персияне, – окружающие журты стали народами (равноправными) не тем, что отдали сына своего хана». Казахи говорили хану: «Ты сам отдал своего сына, приготовив его как животное». Абулхаир сделал из приведенного сопоставления Казахского ханства и окружающих вывод: «Окажите нам милосердие... отпустите Хожа-Ахмета (Кожа Ахмет – Г.И.)... Тогда наши слова были бы более вескими в глазах злоязычных и наших врагов»⁶⁰⁷.

⁶⁰⁵ Вяткин М.И. К истории распада казахского союза // Материалы по истории КазССР. Алма-Ата, 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 13.

⁶⁰⁶ Журт – население, народ, орда.

⁶⁰⁷ 1743 г. ноября 7. - Прощение хана Абулхаира имп. Елизавете об отпуске из аманатов султана Хожа-Ахмета и о предоставлении войска для подавления междоусобной борьбы с изложением трудностей, которые возникли для хана в связи с отказом главного командира Оренбургской комиссии И.И. Неплюева сменить султана Хожа-Ахмета султаном Чингизом // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 74.

Озлобленный хан говорил вахмистру Ивану Уракову⁶⁰⁸, что до весны (имеется в виду весна 1745 года – Г.И.) подождет известий из столицы. Абулхаир сообщал, что даже нахождение сына его в России не удержит его, «если не будет в сердце верности». Положение сына он рассматривал как умершего человека, так как «заперт в пустой крепости, где нет людей и торга». Хан напоминал, что сына его взяли не «из под сабли», и недоумевал его положением. Он сравнивал своего сына с сыном хана Среднего жуза Абулмамбета, который был взят силой в аманаты джунгарами, и сообщал: «и тут держат со сменою»⁶⁰⁹. Абулхаир говорил: «что или де хотят меня привести как башкирцов или калмык, токмо де так не приведут».

Таким образом, невыдача и дальнейший отказ заменить аманата вышли за пределы личного столкновения хана и оренбургского губернатора.

В 1746 году кризис во взаимоотношениях оренбургского губернатора И.И. Неплюева и хана Младшего жуза Абулхаира достиг «пика». В течение 8 лет хан не приезжал в Оренбург, а беспокойства на границе усилились. Губернатор предлагал «одними яицкими казаками один или два улуса вырубить до самого младенца, и тем их в страх привести». Но в Коллегии иностранных дел его не поддержали. По представлению канцлера графа Бестужева-Рюмина, императрица Елизавета Петровна своим указом от 7 июля 1747 г. распорядилась направить из столицы в Оренбург бригадира А. Тевкелева, которому было поручено разрешить конфликт между тайным советником и ханом⁶¹⁰. Петербург пошел на уступки хану, в инструкции, данной бригадиру, предусматривалось в

⁶⁰⁸ Иван Ураков – вахмистр Уфимского гарнизонного драгунского полка, был отправлен в 1742 году в ставку Абулхаира для наблюдения за событиями, происходящими в Младшем казахском жузе. 31 октября 1744 года вернулся в Оренбург, где в губернской канцелярии сообщил, что Абулхаир хан велел им возвратиться, так как не может их содержать зимой. А главная причина была в том, что аманат Кожы Ахмет сообщал отцу, чтоб находящихся при нем русских офицеров он отослал обратно. Молодой султан передавал: «Пусть 1000 и больше человек будут содержаны при хане но ему молодому султану, здесь не будет никакой пользы от этого».

⁶⁰⁹ 1744 г. октября 31 – Сказка вахмистра кн. И. Уракова в Оренбургской губернской канцелярии о недовольстве хана Абулхаира оренбургском губернатором И.И. Неплюевым и о принудительном наборе казахов Большого жуза в Джунгарское войско // Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 114.

⁶¹⁰ Сначала какое высокое разсуждение было и с пользою признано киргиз-кайсацкие орды в потданство Российской империи о принятии способы искать // ИКРИ – 3. С. 321–322.

случае упорного нежелания Абулхайра отдать в аманаты вместо Кожы Ахмета другого сына от ханши Бопай, согласиться принять его побочного сына Чингиза⁶¹¹, но А. Тевкелев был настроен взять в аманаты Айшуака, который ранее за малолетством не рассматривался как кандидат. Он был наслышан об уме и характере султана. И когда дана была возможность, А. Тевкелев не упустил ее. Грамоту императрицы о замене Кожы Ахмета Чингизом он не показал казахскому хану⁶¹².

2 июня 1748 г. Кожы Ахмет прибыл с А. Тевкелевым в Орск для встречи с отцом и братьями своими и перемене его своим братом Айшуаком⁶¹³.

21 июня вторично в Орске Букенбай батыр⁶¹⁴ встречался с Кожы Ахметом. На просьбу батыра «отдать поклон» своему владельцу, А. Тевкелев отвечал, что «никакого и никому ходить запрещения нет».

Вопрос об отправке Айшуака в аманаты решался на собрании казахских старшин, где присутствовало более 500 человек⁶¹⁵. Тогда сын хана, будущий аманат, поставил условие и потребовал от знатных старшин отправки и их детей вместе с ним. Это требование он объяснял несколькими факторами: 1) что он не малолетний, а уже в возрасте; 2) когда его братья находились в аманатах, многие казахи, не послушав хана и старшин, делали набеги на российскую сторону; 3) из-за малолетства его братья отмалчивались в таких ситуациях, а он же не может «отговариваться малолетством и отмалчиваться не сходно и не резон, и того снести не может, и отмалчиваться ему будет стыдно»; 4) «не допустить той продерзости из старшин отцу ево Абулгаир-хану никто не помогал, ... всю тягость и весь стыд несет на себе, а киргиз-кайсацкая знатная старшина ... живут во всяком покое⁶¹⁶. Айшуак также требовал, чтобы четко был определен период

⁶¹¹ Поколенная роспись династий казахских ханов... С. 32.

⁶¹² Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 216.

⁶¹³ Там же. С. 147.

⁶¹⁴ Здесь речь идет о батыре Среднего жуза. Известный батыр Букенбай из рода табын был убит в 1742 году туркменами.

⁶¹⁵ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 214.

⁶¹⁶ Там же. С. 195, 196.

пребывания в аманатах «каждый год переменять», и сам же выбрал своих будущих товарищей из старшинских детей⁶¹⁷.

А. Тевкелев отреагировал на это решение с удовольствием. Он возлагал на новых аманатов большие надежды: «Станут насматриваться российских добрых порядков и полезные учреждения примечать, то они будут уже и знать и рассуждать, что есть доброе основание, какое от того благополучие и польза, или от чего происходят худые следствия со вредом народа, и тогда, как они возвратятся в свою орду, не токмо они сами находиться будут с их ординскою пользою, но и многих неразумных людей и недоброжелателей спокойного жития наставлением и увещеванием в доброй и полезной порядок привести могут»⁶¹⁸.

Еще до приезда в Орск Айшуак через посланца своего уточнял, обещает ли А. Тевкелев держать его в Оренбурге до следующей весны, а не отправлять его далеко, даже в Казань⁶¹⁹.

На просьбу султана А. Тевкелев согласился. На это были свои основания. Во-первых, Айшуак сам по своей воле шел в аманаты; во-вторых, он был уважаемым среди казахов и амбициозным, и по мнению А. Тевкелева «самому ему уйти не захочется, для того как он умный и рассудный человек; ежели уйдет, то он всю свою честь, и ум, и отца своего, и братьев, и всей Киргиз-кайсацкой (казахской – Г.И.) орды пользу потеряет», и в Киргиз-кайсацкую Орду приехав, благополучия себе не сыщет; в-третьих, он без старшинских детей отказался идти в аманаты, а нахождение с ним вышеуказанных давало возможность российской администрации быть более уверенной проводимой ханом политики в Степи и сдерживанием старшинами казахов от нападений и т.д.; в-четвертых, рядом с Айшуаком были три его наставника: Юлумбет, Есиркеп, Байбек, которые бы также не дали Айшуаку бежать; в-пятых, в аманатах ему было позволено жить в Оренбурге и только лишь один год, т.е. он имел возможности часто получать известия от своих родителей; и последнее,

---

⁶¹⁷ Там же. С. 197.

⁶¹⁸ Там же. С. 199.

⁶¹⁹ Там же. С. 214.

с молодым султаном надлежало находиться порядочному, знающему казахский язык и письмо порутчику Яковлеву⁶²⁰.

В 1748 году Кожа Ахмет был сменен Айшуаком при свидании генерал-майора А. Тевкелева с Абулхаир ханом в Орской крепости, с ним было отправлено еще четверо детей знатных старшин⁶²¹, а в других источниках говорится о пяти старшинских отпрысках⁶²². Бывший аманат, не получив ружья и сабли, попросил А. Тевкелева сделать для него сайдак⁶²³ «с насекомью серебряною». Кожа Ахмет хотел показать сородичам, что он также награжден императрицей⁶²⁴. В качестве жалования бывший аманат получил «новоманерную канфу⁶²⁵ в двадцать пять рублей, две голи⁶²⁶ в тридцать рублей, штофу⁶²⁷ по дикой земле по два рубли десять аршин»⁶²⁸. В конце сентября А. Тевкелев выполнил просьбу бывшего аманата, он отправил ему «на рыбей коже, вышитой серебром, один сайгак»⁶²⁹.

30 июля Абулхаир хан, Джанибек султан, Букенбай батыр, а также около ста человек прибыли в лагерь А. Тевкелева. Это были старшины и простые люди Младшего и Среднего жуза. На Коране Абулхаир и старшины подтвердили верность империи и присягнули в третий раз (первое в 1731 году). 31 июля Нуралы султан, Адиль султан и Чингиз прибыли вместе с Айшуаком на смену Кожа Ахмета. Нуралы султана сопровождали также 30 старшин из рода байулы и 100 человек из числа простого народа.

⁶²⁰ Там же. С. 215–217.

⁶²¹ ГАОО. Ф. 3. Оп.1. Д. 95. Л. 94.

⁶²² Знатные старшины сильных родов Младшего и Среднего казахских жузов отдали своих детей или родственников в аманаты вместе с Айшуак султаном. Это были: Барей, сын Ходжанай бия из рода каракесек; Кушебай, сын Кедей бия из рода шумекей Младшего жуза; Дусак, родственник старшин Среднего жуза Жанибек тархана и Букенбай батыра; старшина рода кыпчак Байтюбет аталык, старшина тукай-шумекеевского рода Исергап. Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 252, 254; Журнал – Нуралы хан. С. 129.

⁶²³ Сайдак – чехол для лука, но часто так называли лучный набор: лук, колчан, стрелы. Казахи делали их сами, но предпочтительно употребляли купленные в Бухаре или Китае. См.: Материалы по истории Казахской ССР. Т. 2. Ч. 2. С. 427.

⁶²⁴ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 252.

⁶²⁵ Канфа – китайский атлас, который по своей структуре был толще и плотнее русского атласа.

⁶²⁶ Голь – китайская шелковая ткань

⁶²⁷ Штоф – немецкая шелковая плотная ткань, обычно с разводами; а также декоративная ткань преимущественно комбинированных переплетений, гладкоокрашенная, со сложным тканым рисунком, используемая для обивки мебели, стен или для занавесей

⁶²⁸ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 252.

⁶²⁹ Там же. С. 297.

При прибытии султанов в лагерь М. Тевкелева им была отдана честь барабанным боем и играла музыка. При смене аманата Нуралы говорил, что Айшуак любимый сын их матери Бопай, что он также любим и своим народом⁶³⁰. Бопай ханым писала А. Тевкелеву, что «детище наше Айчювак-салтан ныне не наш, но стал быть ваш, которого прошу забавлять и всячески увещевать, чтоб ему было не скучно...»⁶³¹.

Нуралы с братьями проводили Айшуака до приготовленной ему в крепости квартиры и все четыре брата остались там, чтобы Айшуаку «который обвык в степи в своей воле, а здесь ныне в одном месте ему было не скушно»⁶³². Младшему брату Адиль султану А. Тевкелев советовал присмотреться, чтобы не было дико, так как он будет аманатом на следующий год.

Еще в 1743 году было предписано оренбургскому начальству стараться получить в аманаты из детей влиятельных и сильных казахских старшин, «обнадеживая их милостью, добрым содержанием и частою переменою»⁶³³. Вопрос частой перемены был актуален, так как предыдущие Ералы более трех лет, а Кожа Ахмет 10 лет были в аманатах.

Айшуак был в возрасте, «а не в молодых летах», по сообщению Нуралы султана. Как и ранее, Айшуаку и бывшим при нем старшинским детям определяют норму провизии. В связи с тем, что Айшуак сам пришел в аманаты и что он любим и уважаем своим народом, бригадир определил прибавку к прежним кормовым деньгам. Султану определялось по 4 барана, пшеничной муки и круп просяных по 2 пуда, масла коровьего по 10 фунтов, водки по полведра⁶³⁴. Четырем детям старшин и трем дядьям сверх денег, которые были определены еще в период пребывания Кожа Ахмета, были назначены еще по 3 барана и по одному ведру вина, и каждому по 2 пуда просяных круп, масло коровьего по 6

---

⁶³⁰ Там же. С. 247.

⁶³¹ Там же. С. 274.

⁶³² Там же. С. 250.

⁶³³ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 12.

⁶³⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 194 об.

фунтов, а двум кощелям⁶³⁵ при Айшуак султানে предназначалось по 2 рубля в месяц и по 2 пуда пшена⁶³⁶.

Содержание султана и детей старшин шло за счет казны. Ежегодно выделялось 1500 рублей на подарки ханам, старшинам, а из них 500 руб. на содержание аманатов⁶³⁷. Аманатам представлялся выбор взять провизию деньгами или натурой.

Так, например, Айшуак султан взял 15 руб. 50 коп. за крупу и 1 руб. 20 коп. за масло, а натурою он взял 4 барана и полведра водки. Старшинским детям было выделено на сутки 10 копеек каждому и провизию они также взяли деньгами⁶³⁸. Сумма провизии, определенная еще в Орске, сохранялась и в Оренбурге. Действительный тайный советник И.И. Неплюев пытался сократить расходы, но решил оставить султану и его свите норму кормовых без изменения.

Аманат Айшуак не раз участвовал при разборе дел, связанных с казахами. Так, например, в августе 1748 года А. Тевкелеву сообщили о грабеже каравана кашкарцев на территории Младшего жуза. Бригадир обратился к хану о возврате товаров и купцов, задержанных у его подопечных. За отсутствием хана в своих кочевьях, вопрос разрешила Бопай ханым, по приказу которой был найден товар кашкарских купцов и отправлен на двух верблюдах. По распоряжению А. Тевкелева, прибывший товар переписывался при Айшуак султানে, как представителе казахов в России, и при хозяине тех верблюдов⁶³⁹.

По распоряжению Айшуака присутствовавший при нем Юлумбет участвовал при разборе дела о возврате лошадей казахам Среднего жуза. Хозяева описали приметы, возраст, тамги лошадей. После сопоставления данных лошади были

---

⁶³⁵ Кощей – обозначение прислуги казахской знати во время длительного путешествия или похода, который смотрит за лошадьми, седлат их и т.п. См.: Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительных слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 2. СПб., 1871. С. 83.

⁶³⁶ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 258.

⁶³⁷ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 269.

⁶³⁸ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 195 об.

⁶³⁹ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 268.

возвращены хозяинам. Данный факт как пример справедливости и милости Айшуак и А.Тевкелев не раз рассказывали приезжающим в Оренбург казахам⁶⁴⁰.

Айшуак умело убеждал и разъяснял казахам российские и степные законы. Так, например, при случае бегства рабыни калмычки из казахского плена в Орскую крепость хозяин рабыни просил А. Тевкелева вернуть ее, так как по российским законам «не положено у них отбирать калмыцких ясырей». Молодой султан вместе с А. Тевкелевым разъяснили казаху, что раз калмычка сама прибежала из степи к бригадиру, то уже как подданная империи не может быть возвращена. Но представитель казахов, аманат, ходатайствовал перед бригадиром о возврате лошади с седлом и уздой, на которой бежала рабыня. Не противореча султану, А. Тевкелев вернул хозяину лошадь⁶⁴¹.

В 1748 году при смене Кожа Ахмета Абулхаир хан согласился менять аманатов каждый год⁶⁴². Но в августе 1748 года хан Младшего жуза был убит своим старым соперником Барак султаном. Отношения Абулхаира с Бараком ухудшились зимой 1747–1748 гг., когда люди хана перехватили направлявшееся от хивинского хана Каипа свадебное посольство к султану Бараку. Дары, предназначавшиеся в качестве выкупа за сосватанную у Барака дочь, были расхищены. В ответ Барак султан напал на подвластных хана Абулхаира каракалпаков. Когда хан выехал с небольшим числом людей для разбора дела, встретился с отрядом Барака. В неравной схватке хан был убит.

После смерти хана А. Тевкелев, описывая ситуацию, сложившуюся в Младшем жузе, сообщал, что Бопай ханым, сыновья хана и старшины просят назначить ханом Нуралы. Бригадир предлагал впредь после Адиль султана, который сменит Айшуака, брать в аманаты сыновей Нуралы. «Нурали-солтан кровного своего сына, а ево родные братья по крови ж своего родного племянника всегда сожалеть будут, да и знатная старшина своих детей с сыном Нурали с охотою в аманаты дадут»⁶⁴³. А. Тевкелев полагал, что после смерти Абулхаир

⁶⁴⁰ Там же. С. 272.

⁶⁴¹ Там же. С. 273.

⁶⁴² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 9 об.

⁶⁴³ Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии... С. 317.

хана, хотя дети его будут признавать в качестве аманатов своих братьев, рожденных от других жен своего отца, но старшины откажутся выполнять данное распоряжение.

10 июля 1749 года старший сын Абулхаир хана Нуралы был объявлен ханом. 9 августа И.И. Неплюев сообщал в Санкт-Петербург, что на место Айшуака принят в аманаты от хана Нуралы его младший брат Адиль султан, и при нем оставлено 3 старшины и 5 старшинских детей⁶⁴⁴. Представители данной группы аманатов получали кроме провизии еще и платье казенное⁶⁴⁵.

Айшуак был щедро награжден. Он получил саблю стоимостью в 22 руб., а также различные подарки на сумму 120 руб. 20 коп.⁶⁴⁶. Были награждены и все старшинские дети, находившиеся рядом с Айшуак султаном. Каждый из них получил по 40 руб.⁶⁴⁷ Оренбургский губернатор так характеризовал Айшуака: «...Остроту имеет, но по ево великой живости и амбиции, которую он, будучи здесь, многожды показал, да и бытность ханскую в разговоре со мною тщился себя с матерью своею над всеми протчими превозносить, оказывается весьма отцу своему подобным»⁶⁴⁸.

14 июля 1749 года смену аманата Айшуака на Адила производил Ералы как старший из султанов. На встрече с тайным советником И.И. Неплюевым султан говорил, что Адиль еще несовершенно возраста и у родителей своих самый меньшей и любимый сын. Он просил губернатора быть благосклонным к нему, как к Айшуаку. Об этом же и писала из Орды ханша Бопай. С Адиль султаном были отправлены в аманаты дети старшин родов кете, жаппас, табын поколения жетыру, алаша, шихляр, маскар, а также два туленгута – Бузак и Ерсалей⁶⁴⁹.

⁶⁴⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 196.

⁶⁴⁵ Там же. Л. 196 об.

⁶⁴⁶ Журнал, держанной при объявлении Нуралы-салтана... С. 129.

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ 1749 г. августа 9. – Доношение оренбургского губернатора И.И. Неплюева в КИД о церемонии утверждения султана Нуралы ханом и о переговорах с ним относительно порядка смены аманатов, проезде азиатских купцов через степь и организации торгового дела в Троицкой крепости, с характеристикой хана Нуралы и его братьев // Материалы по истории КазССР. Т. 2. Ч. 2. С. 303.

⁶⁴⁹ Были отправлены в аманаты старшины рода кете Кауганбай, рода жаппас Рысбай, рода табын поколения жетыру Токтамыс, а также вместе с ними Мачибай, двоюродный брат Байсау-бия (Байсау-бий – Г.И.) из рода алаша, Амантай абыз из рода шихляр, Утявле (Утеулеу – Г.И.) двоюродный брат

Через несколько дней Джанибек тархан, как представитель Среднего жуза казахов, также отдал в аманаты вместе с Адиль султаном своего племянника Байбарака, а также обещал по возвращении в свой улус отправить и представителя рода кыпчак⁶⁵⁰.

На новых аманатов возлагались дела, связанные с кражей лошадей. По велению хана, старшины, находящиеся рядом с Адиль султаном, должны были ходить каждый день на меновый двор, где казахи торговали лошадьми. И если кто-то из них был бы замешен в краже, то старшинские дети в тот же час должны были разобраться, а если им не подчинялись, то Адиль султан как высший представитель казахов в Оренбурге мог совершить суд, но это не касалось дел, где был какой-либо конфликт между казахами и русскими.

По предложению оренбургского губернатора И.И. Неплюева Адиль султану была выдана печать, которую он ставил «азиатским» купцам, выезжающим для торговли через степь.

В 1750 году из Коллегии иностранных дел поступает в Оренбург на имя тайного советника И.И. Неплюева указ, в котором требовалось заменить Адиль султана сыном самого Нуралы, детьми его родных братьев, знатных старшин, чтобы впредь не было затруднений. И это должно было исполниться и стать обязательным. Аманатов приказывалось менять каждый год⁶⁵¹.

При переговорах с оренбургским губернатором И.И. Неплюевым новый хан отказался заменить султана Адила другим своим братом, а предложил Чингиза. Коллегия иностранных дел поручает И.Неплюеву требовать от хана в аманаты сына Ералы султана, в крайнем случае согласиться взять на год султана Чингиза, но так как от одного его пользы никакой не будет, то велено было брать сыновей знатных старшин Джанибека и Есет тархана⁶⁵². Но в то же время Коллегия иностранных дел в отношении аманатов высказывала интересное заключение, что если в аманатах будет побочный сын хана Абулхаира, «то нельзя рассчитывать,

---

Бустабай бия из роде кете, Таузак, двоюродный брат Юлумбет батыра из рода маскар // Журнал, держанной при объявлении Нуралы-салтана... С. 126, 127.

⁶⁵⁰ Там же. С. 152–153.

⁶⁵¹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 53.

⁶⁵² Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 25.

чтобы с ним отправили своих детей знатные старшины, которые «по их амбиции не захотят, чтобы дети были с побочным ханским сыном»⁶⁵³.

Еще в 1748 году от Нурали хана требовали в аманаты его детей, но он отговаривался их малолетством, хотя брались в аманаты не только взрослые дети, но и младенцы. Так, например, еще в 1746 году Абулхаиру сообщалось, что есть возможность заменить Кожа Ахмета другим сыном, рожденным от ханши Бопай, или внуком⁶⁵⁴.

В 1750 году Адиль султан был сменин сыном самого Нуралы – Пиралы султаном⁶⁵⁵, при нем находились его мать и нянька⁶⁵⁶. Пиралы тогда было только 5 лет⁶⁵⁷.

Петербург теперь запрашивал в аманаты только детей Нуралы, в основном речь шла о его старшем сыне Ишиме (далее в тексте – Есим)⁶⁵⁸. Нуралы имел от семнадцати жен тридцать сыновей и сорок дочерей⁶⁵⁹, а согласно подсчетам казахстанского ученого И.В. Ерофеевой, Нуралы имел 75 детей, из них 40 сыновей⁶⁶⁰.

В 1751 году, в связи с пребыванием И.И. Неплюева в Петербурге, вопрос о замене аманатов было поручено решить бригадиру и почитаемому казахами А. Тевкелеву⁶⁶¹. «Знатоку казахских дел» было поручено стараться взять в аманаты старшего сына хана, если он не согласится, то можно было взять и Магомед Алия с хорошими старшинскими детьми. Но самое главное, беспокоясь тем, что маленький может умереть и тогда хан не даст больше своих детей, заранее у хана надо было взять обязательство, что не смотря на какие-либо случаи, он будет

⁶⁵³ Там же. С. 25, 29.

⁶⁵⁴ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 17.

⁶⁵⁵ Пиралы Нуралиев (ок. 1845–1805), второй сын хана Нуралы, будущий туркменский хан.

⁶⁵⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 95. Л. 196 об.

⁶⁵⁷ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 222.

⁶⁵⁸ Есим (Ишим – в русских источниках (1744–1797)) – старший сын Нуралы хана от первой жены. В период восстания Срыма Датова в Младшем жузе в 1795 году был возведен в ханы. 27 марта 1797 года был убит повстанцами. См.: Вяткин М.П. Батыр Сырым. Алматы, 1998. С. 289–315.

⁶⁵⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 58 об.

⁶⁶⁰ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир. С. 392.

⁶⁶¹ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 33.

давать аманатов⁶⁶². Но самым лучшим решением рассматривалось через подарки уговорить Пиралы остаться в Оренбурге еще на год или два⁶⁶³.

В 1752 году Пирали Нуралиев был заменен Магомед Алием, которому было только 3 года⁶⁶⁴. А. Добросмыслов сообщает, что по приглашению Тевкелева, так как И.И. Неплюев выехал в Санкт-Петербург, 8 июля 1852 года Нуралы хан прибыл вместе с матерью Бопай и большим количеством простых киргиз (казахов – Г. И.) в Оренбург и оставался там до 7 августа. Пирали был заменен Мухамет Алием. Из штатных сумм, отпускавшихся на подарки хану, содержание киргизских аманатов и другие расходы по киргизским делам, А. Тевкелев одарил хана, его родственников и старшин. До 1752 г. на указанные надобности по штату Оренбургской губернии отпускалось 1500 руб., а в этом году было разрешено увеличить эту сумму до 3000 руб. в год⁶⁶⁵.

От Нуралы хана требовали в аманаты его старшего сына Есима, но он опять отказал, хотя еще в 1750 году обещал отправить его в Оренбург⁶⁶⁶. Также и Ералы султан отказался дать в аманаты своего сына. Это объяснялось ухудшением отношений между ханом и его братом.

В связи с тем, что Есим и Пиралы были самыми старшими сыновьями хана, выбор пал на малолетнего Магомед Алиа. Взятие в аманаты малолетних детей не было первым примером, как сообщается в указе КИД, прежде были взяты в аманаты малолетние дети черкесских правителей⁶⁶⁷. Но А. Тевкелев беспокоился тем, что «младенцы более подвержены смертному случаю». Он писал, что «ежели умрет большой или меньшей в здешних руках, то другого уже не дадут»⁶⁶⁸. Через два года Магомед Али был заменен Яналы султаном.

Для безопасности аманатов, предохранения от болезней и лечения малолетних детей, как ранее Пиралы, Магомед Али, а теперь и Яналы содержались в доме бригадира А. Тевкелева. Но как показывают источники, в

⁶⁶² Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. С. 58.

⁶⁶³ Там же. С. 58 об.

⁶⁶⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 58 об.

⁶⁶⁵ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. С. 106.

⁶⁶⁶ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. С. 57.

⁶⁶⁷ Там же. С. 57 об.

⁶⁶⁸ Там же.

Оренбурге имелся аманатный двор, который первоначально был предназначен для казахских аманатов. Аманатный двор находился внутри крепости, около Сакмарских ворот, где в 1895 году находилось здание окружного суда⁶⁶⁹.

В 1756 году Нуралы хан приезжал в Оренбург для замены Яналы другим своим сыном Аблаем⁶⁷⁰. Интересен тот факт, что Аблай был два раза в аманатах. П.И. Рычков в своей работе указывает второй период пребывания Аблая в аманатах с 1766 по 1767 гг. Затем в 1757 году находился в аманатах Бердалы султан⁶⁷¹.

В 1758 году от оспы умирает шестилетний сын Нуралы Айторе султан. Хан обвинял в смерти сына надворного советника Тимашева, который находился при ханском сыне⁶⁷². Тело покойного было положено в гроб «в своде», находящемся в Татарской слободке на случай выдачи хану. Хан, услышав об этом, отказался дать кого-либо в аманаты под предлогом, что «об умершем еще не сделаны поминки и что в Оренбурге оспа не прекратилась»⁶⁷³. КИД сильно не настаивала на выдаче ханом аманата до весны. К этому времени должно было проясниться положение дел с китайцами, и в случае надобности, подвластные Нуралы казахи должны были выступить на стороне России⁶⁷⁴. В 1759 году умирает младший сын Нуралы, который находился в аманатах в Оренбурге. Это был уже второй сын, которого он лишился в Оренбурге, и оба они умерли младенцами⁶⁷⁵.

Но через некоторое время от Нуралы хана требуют аманатов, несмотря на его горе, напоминая ему о его письме от 28 июля 1752 года, где во время встречи с генерал-майором А. Тевкелевым Нуралы дал письменное обязательство. В письме было написано «что ежели по воле божьей и по малолетству султана случится смерть от оспы или от другой болезни, в таком случае он хан не только

⁶⁶⁹ Тургайская газета. 1895. № 9. 26 февраля. С. 6.

⁶⁷⁰ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. С. 66 об.

⁶⁷¹ Рычков П.И. Указ. соч. С. 5; Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 15.

⁶⁷² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 43, 44 об.

⁶⁷³ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 64.

⁶⁷⁴ Там же.

⁶⁷⁵ Левшин И.А. Описание киргиз-казачьих... С. 246.

без всякого сомнения, но и ...по закону на его место без всякой оговорки привести или прислать из других его детей» обязуется⁶⁷⁶.

Для сообщения случившегося к хану был направлен переводчик Оренбургской губернской канцелярии Яков Гуляев. Умерший ханский сын был погребен в находящейся в Оренбурге в восемнадцати верстах Татарской слободе, для того, чтобы, когда хан захочет, смог его забрать. Я. Гуляеву было поручено, чтобы он склонил хана к даче другого сына, но пока хан будет в «раздумии», было приказано привести детей других султанов, родственников Нуралы и кого-нибудь из ханских зятьев.

26 ноября переводчик Я. Гуляев с двумя письмами от хана вернулся в Оренбург, которые были написаны с особым огорчением и нареканием. Хан отказывался давать в аманаты своих детей. Я. Гуляев сообщил и другой для нас интересный факт о том, что Нуралы хан не сообщил о смерти сына его матери и надлежащие по казахским обычаям поминки не делал⁶⁷⁷. Хан ни под каким видом не хотел давать нового заложника из своих детей, считая «потерю сию по недостатку присмотра». Да и сам не поехал в Оренбург, куда был приглашаем несколько раз оренбургским начальником для переговоров. Из КИД сообщали, чтобы хана сильно не принуждали к даче аманата, а удержали определенное хану жалованье⁶⁷⁸.

В 1758 году И.И. Неплюев был вызван в Петербург. К этому моменту А. Тевкелев и П.И. Рычков, сознавая ошибочный и несправедливый характер многих распоряжений и указов центрального правительства, пытались смягчить их неблагоприятные последствия для казахов и поэтому, «снисходя... киргиз-кайсакам, чрез указ киргиз-кайсацкой скот на внутреннюю сторону реки Яика перепускали», с учетом смерти в Оренбурге двух сыновей Нуралы хана, поочередно находившихся там в качестве аманатов, «знатно неосторожным внушением» убедили хана больше не отдавать своих детей в аманаты и

⁶⁷⁶ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 49. Л. 43 об.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 44, 44 об.

⁶⁷⁸ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 79.

возобновить свои требования к императрице о «дозволении перегонять скот их в зимние времена на здешнюю сторону»⁶⁷⁹.

Летом 1759 г. хан Нуралы прислал в Оренбург со своими братьями Ералы и Айшуаком в аманаты, вместо умершего от оспы сына, 6-летнего Артык Галия⁶⁸⁰.

В 1760 году оренбургский губернатор А.Р. Давыдов не принял отправленного ханом в аманаты Шигалы султана. Объяснив это появившейся в Оренбурге оспы, а на самом деле из-за малолетства аманата⁶⁸¹. Губернатор запросил Бикгали⁶⁸², хан, отправив данного сына, получил разрешение «на ежегодное его содержания в зимнее время его хлебом».

В 1761 году хан просил Оренбургского губернатора отправить к Высочайшему двору депутацию с сыном своим, находившимся в Оренбурге в аманатах, Бикгали (Бигали), но из-за малолетства султана А.Р. Давыдов отказал в просьбе хану⁶⁸³, но возможно, что из-за опасения, что казахи будут на него жаловаться. КИД, однако, нашел действия губернатора неправомерными, поскольку с 1756 года хану было дозволено посылать депутации в столицу, хотя бы для одного только приветствия государыне, и предписала А.Р. Давыдову пропустить людей Нуралы в Петербург.

22 ноября 1762 года на смену находившегося в Оренбурге в качестве аманата Бигали султана Нуралы хан прислал другого своего сына Бердалы⁶⁸⁴. Прибыли с ним в качестве сопровождающих старший брат Бердалы султан Есим, зять хана Алевша⁶⁸⁵, 4 казаха из рода алаша, 5 служителей с двумя женами.

Заступивший на место временно отбывшего губернатора оренбургский комендант Писарев не решился принять Бердалы в аманаты по его малолетству. Основной причиной было то, что с ним прибыли в Оренбург незнатные люди, не

⁶⁷⁹ Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759) // ИКРИ – 3. С. 44.

⁶⁸⁰ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 74, КРО-1. С. 600.

⁶⁸¹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 99.

⁶⁸² П.И. Рычков время пребывания Бикгали определяет как 1761–1764 годы // Там же. Л. 5.

⁶⁸³ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 86.

⁶⁸⁴ Бердалы по данным П.И. Рычкова находился в аманатах в 1764–1766 гг. // Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе Л. 5.

⁶⁸⁵ Алевша (Алауша) – султан Младшего жуза. Был женат на дочери Нуралы хана.

было влиятельных старшин разных родов. Писарев официально объяснил свой отказ тем, что у Бердалы не было оспы. Коллегия иностранных дел признала отказ неправильным и предписала принять Бердалы, если он действительно ханский сын, оставив при нем находившихся при Бигали старшинских детей впредь до замены их другими. В указе также предписывалось, что ханских детей можно принимать в аманаты, несмотря на малолетство их, чтобы «вывести хана из «огорчения», какое он время от времени на оренбургских командиров имеет»⁶⁸⁶.

Как говорилось выше, аманаты несли различного вида службу в Оренбургской администрации. Так, например, в 1761 году оренбургские начальники сообщали, что в Оренбургском меновом дворе было задержано 2 казаха, один участвовал в грабеже хивинского каравана, а другой был родственником организатора данного набега. Данные люди были пойманы казахами, находящимися в аманатах при сыне хана⁶⁸⁷.

В период правления оренбургского губернатора А.Р. Давыдова меняется отношение к статусу аманатов и их составу. Если ранее хан и его ближайшие сподвижники решали вопрос кому быть аманатом, и только дети хана, знатные султаны рассматривались в качестве аманатов, то теперь обращалось внимание на казахские роды, которые должны были дать аманатов. А.Р. Давыдов представил в столицу свое мнение, что для безопасного следования купеческих караванов через казахскую степь необходимо содержать в Оренбурге в качестве аманатов старшин и старшинских детей, в особенности от рода шекты⁶⁸⁸ как самого сильного. Имелся опыт бухарских купцов, которые за высокую плату нанимали для сопровождения своих караванов именно представителей данного рода и проходили свой путь благополучно. Губернатор говорил о необходимости уговорить высоких представителей рода шекты дать старшин в аманаты, а в

---

⁶⁸⁶ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе Л. 108; Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 95.

⁶⁸⁷ Рычков П.И. Указ. соч. Л. 104 об.

⁶⁸⁸ Шекты – многочисленный род в поколении Алимұлы Младшего казахского жуза.

случае отказа взять силою из числа приезжающих в Оренбург к меновому двору⁶⁸⁹.

Коллегия иностранных дел была против насильственного взятия аманатов и говорила, что это не приведет к желаемому успеху, а послужит поводом к грабежу тех самых караванов, о безопасном проезде которых прилагаются заботы. Поэтому предлагалось уговорить знатнейших из шекты, чтобы они дали аманатов или приняли на себя безопасное препровождение караванов. Для этого из казны обещали выдать деньги⁶⁹⁰.

В 1762 году в Оренбург был командирован действительный статский советник Дмитрий Васильевич Волков. Вошедшая на престол Екатерина II письмом от 29 октября 1762 года дает ему более конкретное задание: «чтоб прислали вы обстоятельное тамошних дел описание рассуждения башкирцев и киргизского народа». Ответ Д.В. Волкова в виде известной «Записки» касался многих важных вопросов. Было уделено внимание и казахам. «Надо стремиться приучить кочевников казахов. Нельзя удовлетворяться существующим положением, когда казахи признают себя подданными только ради получения жалования. Они защищены от более проворных башкир и яицких казаков, а сами никаких обязанностей как подданные не несут. Необходимо стремиться сблизиться с ними и сделать так, чтобы казахи "Россию собственно для России любили и понемногу русели"», - говорилось в «Записке»⁶⁹¹. «Начать можно с аманатов, обучая их гражданским наукам и благонравию. Чтобы они время своего пребывания среди русских считали бы самым лучшим в своей жизни. Надо дать им почувствовать разницу "между нашим благопристойным и их зверским обхождением"», - писал Д.В. Волков⁶⁹².

8 апреля 1763 года оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову был выслан указ императрицы, где обращалось внимание обучению аманатов русскому языку и грамоте. «...Не можно ли будет, пользуясь бытностью таких аманатов в

⁶⁸⁹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 113,113 об.

⁶⁹⁰ Крафт И.И. Тургайский областной архив. С. 99.

⁶⁹¹ Записка Д.Волкова // Оренбургские губернские ведомости. 1859. № 50. С. 6.

⁶⁹² Там же.

здешних городах, стараться отводить их от варварских нравов, и вселять в них людность, и лучшее обхождение, доводя их до того, чтобы они часто обращались с россиянами и преклоняя их, только весьма тесным образом, чтобы они российского языка да и грамотам обучились. Внушая, что им язык и грамота русская потребна и великую подаст способность со всеми русскими людьми самим без переводчиков говорить», – говорилось в документе. Предлагалось «с крайнею осторожностью и искусством доводить их до того, чтобы они здешнему языку и грамоте обучались по собственной их охоте дабы ...отцы их и родственники как магометане напрасно встревожены не были, будто отныне их аманаты наставляются в христианском законе». Данный указ распространялся на всех восточных аманатов⁶⁹³. Предполагалось, что через аманатов, следуя их примеру, и остальные казахи будут перенимать «лучшее обхождение»⁶⁹⁴. «Когда несколько человек из находящихся в здешних местах варварских народов аманатов через то исправлены были бы, со временем и другие из их народов лучшее обхождение от них перенимать стали», – отмечалось в указе.

Бекгали, бывший аманатом в Оренбурге, при смене его в октябре 1763 году Бердыгали султаном предстал перед своим отцом и султанами в другом виде. Хан, увидев своего сына «по-русски говорящего, особливого убранного, крайне дивился и его, статского действительно советника (Д. Волкова – Г.И), благодарил за попечение его к нему, Бекгали солтану, оказанное»⁶⁹⁵. Д. Волков предложил Нуралы хану оставить сына еще на некоторое время, чтобы «по ево Бекгалиеву качеству и склонности зделать такого человека, которой бы мог не только к службе е. и. в. годным быть, но особливо и ему, хану, с фамилиею ево и всей нации их наиболее полезным быть. Ибо в случае бытности их здесь или где-либо в крепостях мог бы он сам и без переводчиков говорить и лутче изъясняться, а чрез переводчиков не так все переносится, как говорится, ибо иного ими не

⁶⁹³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 68. Л. 43, 43 об.

⁶⁹⁴ Оренбургский край в царствование императрицы Екатерины II // Тургайская газета. 1896. № 97. С. 2.

⁶⁹⁵ Из журнальной записи беседы хана Нуралы и султана Айчувакова с оренбургским губернатором Д. Волковым во время приезда хана в Оренбург. 1763 года 9 октября // КРО – 1. С. 654.

договаривается, а иное в забвении остается»⁶⁹⁶. Но хан согласился оставить на место Бекгали Бердыгали султана.

При губернаторе Абраме Артемьевиче Путятине Аблай, сын хана Нуралы, бывший аманатом в 1766–1767 гг., часто бывал в доме губернатора и одевался по-европейски, получив склонность к русским порядкам. Он носил немецкое платье и парик, участвуя во всех мероприятиях, танцевал на балах, начал принимать иную для него культуру⁶⁹⁷. Вместе с оренбургским губернатором в мае 1767 года в Казани Аблай встречался с императрицей. «Сей азиатский принц» был допущен к императрице по ее требованию и имел разговор через переводчика. Императрица вела беседу о хане, о казахах, об обычаях данного народа. Внимание к молодому султану самой Екатерины II и награждение его золотыми часами с бриллиантами впечатлило казахских старшин⁶⁹⁸. Но замененный другим аманатом Аблай султан «пропал без пользы» для России, хотя его преданность не была куплена подарками⁶⁹⁹. Влюбленный в дочь губернатора А.А. Путятина, принявший христианство, Аблай вернулся в степь. Вслед за Аблай султаном был отправлен в аманаты Ордугали, который находился в Оренбурге до 1768 года⁷⁰⁰. Несчастливая участь достигла Урай султана, сменившего Ордугали. В 1769 году он умирает от оспы в Оренбурге⁷⁰¹. С этого времени прекращается взятие в аманаты детей Нуралы хана.

В 1769 году оренбургский генерал-губернатор И.А. Рейнсдорп предлагал взять аманата от султана Среднего жуза Аблая, который в это время рассматривался как глава жуза, так как Абулмамбет откочевал к Туркестану. Предыдущий начальник Оренбургского края А.А. Путятин также изучал данный вопрос и предлагал от султана Аблая взять аманатов и содержать их в Троицкой крепости на таких же условиях, как и аманатов Нуралы хана. Но по данным

⁶⁹⁶ Там же. С. 654.

⁶⁹⁷ Рычков П.И. Экстракт исторический о башкирском народе // Отдел рукописи Российской государственной библиотеки. Ф.222/8. Панины. Кн. 35. Л. 38 об.

⁶⁹⁸ РГАДА. Ф. 16. Д. 815. Л. 15–15 об.

⁶⁹⁹ Мейер Л. Киргизская степь. С. 15.

⁷⁰⁰ Рычков П.И. Экстракт исторический о башкирском... Л. 5.

⁷⁰¹ Там же.

источников, которые у нас имеются, Аблай не отправлял аманатов в Оренбург, хотя его сын был аманатом Цинского двора.

Еще в 1751 году в крепостях и форпостах появились казахские аманаты как залог спокойствия в период перехода на внутреннюю сторону Яика. Хотя первоначально хан и султаны не соглашались с данным решением Коллегии иностранных дел, но затем «оставили от каждого улуса аманата»⁷⁰². В 1753 и 1755 гг. оренбургские начальники сообщали в Петербург о своих успехах, дополняя донесения тем, что казахи начали отдавать русских пленных. В отношении казахов практика взятия аманатов из ханской семьи сохранялась вплоть до 1780-х годов.

Ситуация меняется в связи с восстанием казахов во главе С. Датовым. Открытая вражда между султанами дома Абулхаира и старшинами Младшего жуза подтолкнула российскую администрацию к использованию института аманатства.

В 1785 г. султан Айшуак вместе со своим сыном Гизали был задержан в Уральске. В качестве заложников они находились в Оренбурге и были отпущены только в 1787 г.⁷⁰³ В 1785 году хан Младшего жуза Нурали сообщал, что его брат Айшуак султан со своим сыном Гизали султаном, направили письма «в каждый киргиз-кайсацкий род, а особливо в Табынский и Чиклинский, к детям своим и к Ерали султану...в коих писали: ежели де они отсель, т.е. из Оренбурга освободятся, то от них российскому народу ни малейшей приязни быть не может, и сколько возможности их найдется, мстить не оставят... и чтоб табынский род с россиянами не сообщался и в близости не находился, а откочевал бы в даль. Вследствие чего дети ево, Айчувака, и последующие им Табынского и Таминского родов киргиз-кайсаки вверх на вершины Эмбы и Темира рек и далее откочевали...»⁷⁰⁴.

В это же время из столицы поступает распоряжение императрицы задержать хана Младшего жуза Нуралы. Игельстром не замедлил выполнить волю

⁷⁰² Рычков П.И. Экстракт исторический о башкирском... Л. 57.

⁷⁰³ 1785 г. июня 15 – Письмо хана Нур-Али бар. О.А. Игельstromу об «измене» Айчувака // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). Т. IV. М.; Л., 1940. С. 49.

⁷⁰⁴ Там же.

государыни, вызвал хана Нуралы в Оренбург на свидание. По приезде хан был отправлен со свитой в Уфу, где был задержан с сыновьями Бекгалием и Артык-Галием, некоторыми старшинами и прислугой. Нуралы, оставляя степь, вероятно, предчувствовал, какая постигнет его участь, но оставаться в Орде было невозможно.

В Уфе хану со свитой было отведено помещение, на содержание отпускалось около 5000 руб в год, а «для смотра и чести их» был приставлен караул под командою майора⁷⁰⁵. В конце августа 1790 г. хан Нуралы скончался в Уфе. О смерти хана было сообщено через Пограничную экспедицию на собрании казахов. Султан Есим Нуралиев, старшина поколения алимулы Мурзабек просили вернуть из Уфы ханских сыновей и других лиц, находившихся при хане. 5 августа 1791 года императрица Екатерина II повелела возвратить из Уфы султанов Бекгали и Артык-Галия со всей свитой на родину, притом пожаловать султанам чин премьер-майора и «довольным награждением серебром на дорогу»⁷⁰⁶.

Оренбургский военный губернатор Н.Н. Бахметев в своем представлении указывал, что задержание султана Айшуака в Уральске и ссылка хана Нуралы в Уфу была вызвана тем сопротивлением, которое встречало проведение реформы в этих главарях султанской партии⁷⁰⁷.

На аманатов обращается внимание и в период отправки российских экспедиций в страны Центральной Азии. В 1803–1804 гг. офицер Генерального штаба, поручик Я.П. Гавердовский и колонновожатые Г. Иванов и И. Богданович были отправлены с посольством в Бухару. В инструкции, выданной Я.П. Гавердовскому, ставились задачи: выяснить проблемы и факторы, препятствующие процессам нормализации транзитной торговли между Российской империей и Бухарой, а также изучить во время пути казахскую степь. Для «лучшего обеспечения» пути министр коммерции граф Н. П. Румянцев предлагал взять одного из аманатов в Оренбурге. По его предложению, под

⁷⁰⁵ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. II. Оренбург: Типо-лит. Тургайского областного правления, 1901. С. 189.

⁷⁰⁶ Там же. С. 201, 204.

⁷⁰⁷ Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII – начале XIX в. // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). Т.4. С. 19.

предлогом показания дороги подразумевалась то, что аманат этот будет способствовать «к обузданию» родов от нападения на караван⁷⁰⁸.

Меняется отношение к институту аманатства-заложничества после 70-х XVIII в., когда основной упор делается на вызов в Оренбург детей старшин и «лучших» людей. В 1805 году в предложениях Оренбургской пограничной комиссии было предписано: «Стоб не только от тех киргизцев кои иногда со скотом перепускаемы будут по крайней бедности на здешнюю сторону для пастьбы, брать...надежные аманаты, но и от тех кои кочевать разполагаются на зиму близ линии, дабы за благосостояние непременно они ответствовали, которых и содержать под неослабным наблюдением, дабы не учинили побега требуя содержание их от ордынцев»⁷⁰⁹. Высочайшим указом от 17 июля 1808 года было повелено брать аманатов из почетнейших казахов и преимущественно у самих родоначальников⁷¹⁰.

Оренбургский военный губернатор Г.С. Волконский в 1816 году именным указом велел комендантам крепостей брать в аманаты по 4 родоначальника или из почетнейших казахов из каждого рода за пропуск на зимнее кочевье⁷¹¹. Аманаты выступали в качестве залога спокойного пребывания их вблизи российских крепостей. Также и военный губернатор И.А. Рейнсдорп в инструкции комендантам крепостей приказывал брать по одному аманату «из хороших людей» и по 2 – в залог спокойствия аманатов, и «содержать их от их ордынцев»⁷¹². Коменданты крепостей не могли содержать аманатов, так как деньги на их содержание не выдавались. Сами казахи считали обременительным содержать аманатов за свой счет и объясняли это беднейшим своим состоянием. Данные аманаты находились в крепостях до тех пор, пока казахи не откочуют.

В период правления оренбургского военного губернатора П.К. Эссена вопрос «Сколько человек брать в аманаты? С какого числа аулов или рода?» не

⁷⁰⁸ Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи, или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // ИКРИ – 5. С. 497–498.

⁷⁰⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1549. Л. 6 об.

⁷¹⁰ Там же. Л. 64 об.

⁷¹¹ Там же. Л. 3.

⁷¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1549. Л. 1.

был решен. Начальники крепостей отмечали, что аманаты, привыкшие к кочевой жизни, считают неприятным содержаться в крепости⁷¹³. Данные факты были иногда причиной недачи аманатов и отдаленной кочевки казахов от линии. Но в качестве аманатов иногда выступали бедные сородичи или дети байгушей⁷¹⁴. Так, например, из Уральской войсковой канцелярии сообщали, что брали в аманаты в 1816 году простых казахов, «если брать в аманаты самих родоначальников, то кто же будет управлять?» – недоумевали они⁷¹⁵.

Определение количества аманатов в начальный период правления П.К. Эссена принадлежало комендантам крепостей. Комендант Верхнеозерной крепости подполковник Диомидов описывал случаи, когда казахи, оставляя бедных соплеменников в качестве аманатов, не переставали совершать набеги, угонять скот, а аманата оставляли без возвращения и без пропитания⁷¹⁶. Он предлагал брать по 2 человека из аула, состоящего из 200 кибиток. Аманаты должны были быть богатыми родоначальниками. Коменданту Верхнеуральской крепости близкое расположение кочевьев казахов, а также кочевание здесь обедневших байгушей позволило не брать аманатов.

Исполняющий обязанности коменданта Кизильской крепости подполковник Кататев сообщал, что близ его крепости кочуют 85 кибиток казахов, которые здесь работают у линейных жителей. Он также не брал с них аманатов, так как эта часть населения «не делает никакого вреда и шалостей». Но если бы возникла необходимость, то он бы взял из каждого аула по 1 человеку и содержал бы в крепости под наблюдением особенного караула и никуда бы без караула их не выпускал⁷¹⁷.

У казахов также брали аманатов за благополучное нахождение российских рыбопромышленников на р. Тобол и оз. Аллакуль, а также за свободный пропуск транспорта с солью с оз. Ебелей. В таких случаях аманаты содержались за счет

---

⁷¹³ Там же. Л. 7 об.

⁷¹⁴ Байгуши – обедневшая часть кочевников, не имеющая средства к пропитанию.

⁷¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1549. Л. 64 об.

⁷¹⁶ Там же. Л. 7 об, Л. 9 об. – 10.

⁷¹⁷ Там же. Л. 12.

пожертвованных денег солевозцев и рыбопромышленников, а также на собственные средства местных жителей⁷¹⁸.

Как говорилось выше, дети – аманаты хана Абулхаира, а в дальнейшем и Нуралы хана, жили в доме А. Тевкелева. Но как показывают источники, в Оренбурге имелся аманатный двор, который первоначально был предназначен для казахских заложников. Видимо, здесь жили аманаты из среды старшинских детей⁷¹⁹.

В 1820 году ОПК поднимает вопрос о строительстве нового аманатского дома во дворе Оренбургской пограничной комиссии. Предполагалось, что деньги на строительство будут выручены после продажи старого дома⁷²⁰. Хотя дом и назывался аманатный, но предназначен он был пограничным арестантам. На строительство было выделено 4911 руб. из сумм на пограничные расходы, но также рассматривался вопрос о продаже дома через торг⁷²¹.

В 20-е годы XIX в. был выработан порядок отдачи аманатов (заложников) от казахов Западной части Орды при перекочевании их к пограничной линии. В 1827 г. султан-правитель Западной части оренбургских казахов Шингалий Орманов выступил с предложением об изменении порядка дачи аманатов. Вместо утвердившегося уклада брать аманатов от каждых 50 кибиток по одному человеку, из числа тех, кого пожелают командиры – линейные начальники, он предлагал ввести новое распределение, согласно которому брать аманатов по 1 человеку от каждого рода, и не по личному решению линейных начальников, а по назначению султана-правителя из числа детей или родственников влиятельнейших казахов⁷²². Такой пример уже имелся, роды маскар, кзылкурт поколения Байулы действовали по этой схеме.

По распоряжению оренбургского военного губернатора Пограничная комиссия разработала для Западной части правила дачи аманатов, согласно которой линейные начальники теперь не могли сами выбирать, менять аманатов.

⁷¹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1549. л. 57, 57 об.

⁷¹⁹ Тургайская газета. 1895. № 9. С. 6.

⁷²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2253. Л. 9, 16.

⁷²¹ Там же. Л. 17, 35 – 35 об.

⁷²² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 248. Л. 7 – 7 об.

Списки аманатов султан-правитель отправлял в Уральскую войсковую канцелярию и доносил Пограничной комиссии⁷²³.

Осенью 1830 года исправляющий должность султана-правителя Средней части оренбургских казахов Юсуф Нуралиев сообщал в ОПК, что для народа является тягостным и неудобным, а для линии бесполезным брать аманатов при переходе через пограничную линию. Ранее Пограничная комиссия определила брать с 50 кибиток, расположенных при линии на зимнее пребывание, для спокойного кочевания одного аманата из почетных и богатых казахов. Юсуф Нуралиев говорил, что казахи вместо почетных и богатых людей отдают в крепость бедного человека, а на его содержание в зимнее время делается сбор со всего общества. Исправляющий должность султана-правителя предлагал брать несколько аманатов по его назначению из числа уважаемых и состоятельных султанов и старшин, и чтобы все они находились в Букеевском форпосте всю зиму. На этих аманатов предлагалось возложить обязанность разбора и решения междоусобных претензий с линейными жителями при посредстве местного начальника, но с разрешения ОПК⁷²⁴. Так начальники высшего звена в Степи пытались улучшить и совершенствовать принцип отбора аманатов.

В 1832 году в инструкции Пограничной комиссии старшинам Оренбургской линии о порядке управления казахами говорилось, что в связи с происходящими часто «шалостями» казахов с линейными жителями и недоверия с их стороны, казахи должны беспрекословно давать аманатов, которые должны служить единственно залогом спокойного пребывания казахов при линии кочевания. Аманаты не должны были вмешиваться ни в какие дела и не должны быть допускаемы старшинами ни до каких распоряжений⁷²⁵.

Институт аманатства-заложенничества вызывает недовольство в кочевой среде, казахи предлагают другие формы гарантирования. Так, например, в 1833 г., получив разрешение от В.А. Перовского на пропуск скота в район Уральской и

---

⁷²³ Там же. Л. 8.

⁷²⁴ 1830 г. октября 10. – Протокол заседания ОПК об отдаче аманатов казахами при переходе через пограничную линию // КРО – 2. С. 242–243.

⁷²⁵ Инструкции ОПК старшинам Оренбургской линии о порядке управления казахами 24 февраля 1831 года // КРО – 2. С. 259.

Оренбургской линий, казахи просили разрешить им пользоваться здесь сенокосами, лесом, заниматься земледелием на зимовках и вместо аманатов-заложников и ясачной подати платить по 1 руб. серебром с кибитки⁷²⁶.

Подводя итоги, можно утверждать, что к институту аманатства было различное толкование. В российском понимании аманаты – заложники, гаранты соблюдения соглашений. Казахское общество рассматривало его как обычай, который практиковался кочевниками. Дистанция в толковании аманата между казахскими культурными и русскими политическими представлениями заставила пересмотреть его значение казахской элите – дому Абулхаира после аманатства Кожа Ахмета. Измененное значение слова аманат постепенно структурируется в кочевой среде. Обычай, практиковавшийся в кочевой среде, приобрел новое социально-политическое значение в казахско-русских отношениях. Непонимание до конца разницы между двумя измененными в значении слова аманат привело к тому, что современные казахские ученые критикуют его использование в значении заложник.

Признание обычаев, выдержавших проверку временем, позволило российской администрации использовать институт аманатства во внутренней политике. Заложничество выступало как особый вид договоров, как гарантия исполнения. Институт «вертикального» заложничества (с позиции власти) породил один из действенных правовых инструментов того времени – договор залога⁷²⁷. Институт заложничества выступал как вид правовых норм для регулирования отношений между Российской империей и Младшим казахским жузом.

Аманаты были средством удержания казахских правителей в рамках послушания. Хан Абулхаир на первых порах не признавал аманатство как заложничество. Казахские аманаты не несли ответственность за действия своих

---

⁷²⁶ РГИА. Ф.1281. Оп. 4. Д. 286. Л. 52 об.; по Бекмахановой: Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 105.

⁷²⁷ Перевалов В.Д. Истоки юридических знаний // Материалы круглого стола «Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования». Екатеринбург, 2013. С. 14.

соплеменников в Степи, были неприкосновенны. Российская администрация была более лояльной, чем Джунгарское ханство и Цинская империя. Содержались аманаты за счет казны, но суммы, выделяемые им, иногда изменялись.

Русские администраторы еще в середине XVIII в. ставят вопрос об исключении аманатства-заложничества из практики взаимоотношений с подданными народами, в том числе с казаками. П.И. Рычков и А. Тевкелев выступали против данного института. Нестабильные отношения в казахском Младшем жузе привели к поискам новых средств выполнения обязательств. Такими средствами рассматривались невыплата жалованья хану или задержка знатных казахов, прибывших для торговых целей в Оренбург.

Аманаты выступали соединяющим звеном, через которое российская администрация выстраивала отношения с местной элитой. Именно султанское происхождение аманатов давало им право брать на себя посольские обязанности или же производить разбор дела между казаками в Оренбурге.

С 70-х годов XVIII в. институт аманатства теряет элитарный характер. Теперь представители черной кости отправлялись в виде заложников в приграничные крепости.

В 1735–1771 гг. аманатами были четыре сына хана Абулхаира и 13 детей Нуралы. Судьба их сложилась по-разному. Первый аманат – Ералы, старался содействовать политике оренбургских властей. Так, например, в 1755 г. он участвовал в подавлении башкирского восстания, а в 1757 г. принимал участие в военных походах против джунгар. В 1771 году во время перехода волжских калмыков-торгоутов в Джунгарию отличился храбростью, за что получил звание от Цинского императора «придворного принца»⁷²⁸. В 1791 году был избран ханом Младшего жуза. Вторым аманатом – Кожа Ахмет, скончался через год после возвращения в Степь, не оставив потомков. Третьим аманатом – Айшуак, в молодости прославился своими победами над волжскими калмыками-торгоутами. В престарелом возрасте был избран ханом, в 1798 г. был утвержден в этом звании императором Павлом I. В 1805 г. был отстранен от власти. В дальнейшем ханская

---

⁷²⁸ Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. С. 126.

власть перешла к его сыновьям Жанторе (1805–1809), Шергазы (1812–1824). Четвертый аманат – Адиль султан, скончался в 1750 г. после возвращения в Орду.

Следующими аманатами были сыновья казахского хана Нуралы, которые отправлялись в Оренбург малолетними. Пиралы Нуралиев (около 1745 – 4 апреля 1805), второй из сыновей Нуралы, отправленный в Оренбург, в 1767 г. подчинил туркмен Мангышлака и стал ханом. Пиралы, Аблай, вместе с братьями Дженали, Арсланом участвовали в преследовании калмыков в 1771 году во время их бегства в Джунгарию. Об этом сообщает хан Нуралы в своем письме от 10 февраля 1771 г. сыну Бекали, находившемуся в это время в аманатах в Оренбурге⁷²⁹.

В 1820 году Аблай Нуралиев просил по старости лет уволить его от управления родом жаппас и назначить на свое место по просьбе старшин сына его. 16 ноября 1820 года ОПК сообщила султану Шигаю Нуралиеву, что представление султана Аблая Нуралиева об его увольнении по собственному желанию за престарелостью лет удовлетворено⁷³⁰.

Как сложилась судьба остальных аманатов от Нуралы хана, архивы пока умалчивают.

К 20-м годам XIX в. внедрение административных порядков Российского государства во внутреннее устройство казахского общества становится наиболее актуальным. Введенное в 1824 г. «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» создает новую государственно-административную систему управления в Младшем казахском жузе, но институт аманатства сохранился. Так, например, в марте 1825 года султан-правитель Западной части Каратай Нуралиев отправил трех 10-летних мальчиков в аманаты. За содержание каждого из них из войковой суммы выделялось в сутки 9 ½ копеек. За тяжестью их содержать в Уральской войсковой канцелярии было решено взыскать потраченную сумму с султана-правителя и вернуть аманатов в степь⁷³¹.

⁷²⁹ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/2. 1771 – 1772. Д. 34. Л. 155 – 155 об.

⁷³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2246. Л. 22 об. – 23.

⁷³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3040а. Л. 349.

Таким образом, в отношении казахов Младшего жуза был также использован социально-политический институт аманатства. Первыми аманатами стали дети хана Абулхаира, рожденные от старшей жены Бопай. Опыт взаимоотношений башкир с российским правительством не продемонстрировал эффективность данного института.

Институт заложничества выступал как вид правовых правил для регулирования отношений Российской империи с кочевыми народами Южного Урала, Северного Каспия и Казахской степи. Он просуществовал в отношениях российской администрации с казахами до середины 30-х годов XIX в., а в отношениях империи с калмыками он показал малоэффективность и не был постоянным в XVII – начале XVIII вв. Башкирские аманаты как гаранты спокойного пребывания в составе империи также были безрезультативными, недейственными в период восстаний XVIII в.

В Казахской степи институт аманатства постепенно теряет свою роль после реформы 1844 г. Казахи переходят из формального подданства в фактическое. Постепенно окраина превращается во внутреннюю губернию, инкорпорируя казахов в налоговую, административную и правовую структуры империи.

2.3 Оренбургские начальники и имперские практики

2.3.1 Государственная деятельность А.И. Тевкелева

После завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. Московское государство инкорпорировало в свой состав территории, компактно заселенные нерусскими народами, т.е. по сути инородные политические сообщества, превратив Россию в многонациональную империю. Как показывает Майкл Ходарковский, заключая договор с русским царем, кабардинские принцы или же шамхал Дагестана верили в то, что вступают в союз

с равным себе, в то время как русская сторона неизменно трактовала соглашения как подчинение младших правителей русскому суверену⁷³².

В 1721 г. Петр I принял титул императора и превратил Россию в империю. Император стал «отцом отечества», «отныне отношения между государем и подданными должны были покоиться не на наследственном праве и личном обязательстве, а на обязательстве служить государству»⁷³³.

В этот же период черноморское направление внешней политики России было изменено на юго-восточную. В 30-х гг. XVIII в. после обращения хана Младшего жуза казахов Абулхаира о принятии подданства в Коллегии иностранных дел возникает новая внешне-политическая проблема («киргиз-кайсацкие дела»), центральным звеном которой был вопрос о подданстве казахов и о российском протекторате над ним.

Этим вопросом усердно занимался от начала до конца сотрудник иностранной коллегии, в прошлом старший переводчик Петра I по секретным делам, Кутлу-Мухаммед Мамешев, или Алексей Иванович Тевкелев (1674/1675–1766), о происхождении которого встречаются несколько точек зрения. По мнению Я.В. Ханыкова⁷³⁴, В.Н. Витевского⁷³⁵, родоначальником Тевкелевых был ордынский выходец Уразлей, принявший в XVI в. русское подданство. По мнению И. Крафта⁷³⁶ и А.И. Добросмыслова⁷³⁷, он происходит из татарских мурз Уфимской губернии или, как думал А.С. Пушкин⁷³⁸, был «природным башкирцем». Яков Владимирович Ханыков приводит данные о роде Тевкелева, согласно которым выстраивается следующее генеалогическое древо: Уразлей –

⁷³² Цит. по Суни Рональд. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 177.

⁷³³ Уортман Ричард. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая II. М., 2002. С. 97.

⁷³⁴ Ханыков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых // Временник Московского Общества истории и древностей Российской. М., 1852. Кн. XIII. Смесь. С. 19–21.

⁷³⁵ Витевский В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года. Т. 1. Казань, 1889. С. 135.

⁷³⁶ Крафт И. Принятие киргизами российского подданства // Известия Оренбургского Общества РГО. Оренбург, 1897. Вып. XII. С. 23.

⁷³⁷ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского Общества РГО. Оренбург, 1900. Вып. XV. С. 8.

⁷³⁸ Модестов Н. Основание города Оренбурга и первоначальное благоустройство его // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1917. Вып. XXXV. С. 59.

Ураз-Мухаммед – Давлет – Мухаммед – Мамеш Тевкелев – Кутлу-Мухаммед Тевкелев⁷³⁹. Все перечисленные предки К-М. Тевкелева служили «белому царю». Многие представители рода Тевкелева находились на дипломатической службе в качестве переводчиков. Так, например, двоюродный дядя К-М. Тевкелева Рамазан Абдрахманович Тевкелев был «переводчиком ориентальных языков» Посольского Приказа, а его сын Муртаза, коллежский асессор, служил переводчиком в Коллегии иностранных дел (далее – КИД). Муртаза Тевкелев был автором комментариев, составленных к труду Абулгазы Бахадур-хана «Родословное древо тюрок»⁷⁴⁰. Сам Кутлу-Мухаммед Тевкелев начал службу в качестве переводчика в КИД.

Русское имя Кутлу-Мухаммеда – Алексей Иванович, является данью российской официальной эпонимической традиции, побуждавшей царских чиновников-иноверцев (мусульман, католиков, протестантов, буддистов и т.д.) иметь двойные имена: русские – на государственной службе, а тюркские, монгольские или немецкие – в повседневном обиходе и личных контактах с родственными им по культуре сослуживцами и знакомыми⁷⁴¹.

А. Тевкелев начал дипломатическую деятельность в ранней молодости в допетровское время и дожил до глубокой старости в екатерининское время. В 1711 году во время Прутского похода Петра Великого начинается служба А. Тевкелева в качестве переводчика. Как известно, данный поход Петра закончился неудачно. Среди причин поражения была измена иностранных наемников. По мнению Д.Ю. Арапова, «неясно, был ли тот момент временем первой встречи Тевкелева с Петром Великим, но, судя по всему, государь смог тогда однозначно убедиться в верности и преданности Кутлу-Мухаммеда интересам России»⁷⁴².

⁷³⁹ Ханыков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых. С. 19.

⁷⁴⁰ Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII – начале XIX в. / Классы и сословия в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 80.

⁷⁴¹ Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759) // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков / сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2005. Т. 3. С. 7.

⁷⁴² Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев // Сб. Русского исторического общества. М., 2002. Т.5 (153). С. 33.

Он был включен в 1716 г. в состав экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву. Получив указ Петра I об отправлении в Индию и Иран, он отделился от отряда А. Бековича-Черкасского, отправился в далекие страны через Закавказье и Персию, тогда как все остальные отправились по восточному побережью Каспия. Это случайность и спасла А. Тевкелева от гибели, ждавшей в Хиве всех участников экспедиции (как известно, многие были убиты хивинским ханом Ширгазы, а остальные находились в плену). А.И. Тевкелев был командирован в Индию «для разследования тамошних обстоятельств, а особенно о тех местах и реках, где достают золото», но задержанный персидскими властями в Астрабаде, не мог исполнить возложенное на него поручение ⁷⁴³. А. Тевкелев в Астрабаде «по сомнительству тамошнего командира» был арестован, заключен в тюрьму и освобожден лишь после вмешательства русского посланника Волынского ⁷⁴⁴. В 1722–1723 гг. мурза Тевкелев участвует в персидском походе Петра I. Как пишет сам А. Тевкелев, в 1722 году во время персидского похода он был старшим переводчиком в секретных делах. Во время похода и в Астрахани Петр Великий получил сведения о казахских жузах у астраханского губернатора А.П. Волынского (1719–1724), который имел постоянные контакты с ними, и от сибирского губернатора князя А.М. Черкасского (1717–1724), который также не раз докладывал императору о «песошном царстве» и о выгодах продвижения на юг.

Тогда же император «изволил иметь желание для всего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд в российское подданство и высокою своею монаршею особою меня, низжайшего, к тому употребить намерение имел с тем, буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться мне, несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона

⁷⁴³ Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714 – 1717). СПб., 1891. С. 28.

⁷⁴⁴ Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII – начале XIX в. (К вопросу об исторических судьбах татарского феодального класса) // Классы и сословия России в период абсолютизма: межвузовский сб. статей. Куйбышев, 1989. С. 79.

держат, но токмо, чтоб только они одним листом под протекциею Российской империи быть обязались»⁷⁴⁵.

А.И. Тевкелев был образованный человек «государственной канцелярии поверенный переводчик ориентальных языков». Он знал в совершенстве татарский, казахский, башкирский, узбекский, персидский языки, а также владел некоторыми европейскими языками⁷⁴⁶. В 1719 году был отправлен из КИД в Саратов к стольнику Дмитрию Бахметеву для изучения калмыцкого языка в Астрахани и непосредственно в калмыцких улусах⁷⁴⁷.

Большие способности А. Тевкелев выявил в непосредственных переговорах с турецкими послами на Немировском конгрессе в 1737 году вместе с И. Неплюевым, А. Волынским, заменив для возобновления переговоров отсутствовавшего австрийского переводчика⁷⁴⁸. Однако наиболее энергичная деятельность А. Тевкелева теснейшим образом связана с историей Оренбургского края, Башкирии и Казахстана, где он выполнял роль дипломата и государственного деятеля. Он отличался «выдающимся красноречием» и это умение было искусно применено в ханской ставке в 1731 году.

После подписания императрицей Анной Иоанновной указа о новых подданных – казахах, А. Тевкелев возглавил специальное посольство в Казахскую степь для приведения к присяге хана на подданство России. Посольство 4 июля 1731 года прибыло в Уфу, где велись последние приготовления для поездки в Младший казахский жуз. 26 августа А.И. Тевкелев, покинув Уфу, отправился в казахские кочевья.

10 октября 1731 года на курултае казахов А.И. Тевкелев, используя свой ораторский талант и дипломатическое искусство, выступив со словами «Российская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами... быть в миру неприлично, ибо Российская империя от киргиз-кайсаков никакого опасения не имеет, и в них нужды нимало нет, а им, киргиз-кайсакам, от

⁷⁴⁵ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/1. Д. 1. 1722–1755 гг. Л. 2–2об.

⁷⁴⁶ Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы... С. 8.

⁷⁴⁷ Кундакбаева Ж.Б. А. Тевкелев – «знаковая фигура» региональной администрации на Востоке // Государственная служба. 2005. № 1 (33). С. 71.

⁷⁴⁸ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. С. 75–76.

подданных Российской империи великая опасность есть: первая – от калмык, вторая – от башкирцев, третья – от сибирских городов, четвертая – от яицких казаков понеже всегда они, киргиз-кайсаки, от них побеждены и разорены быть имеют», и заявил, что в случае отказа поддержать прошение хана Абулхаира о российском подданстве, он не будет их принуждать к этому, но и «чинить» мирный договор с ними также не согласится, ибо «такого бесславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет, и более в подданство приводить домогатца не будет»⁷⁴⁹. В поддержку хана Абулхаира выступил авторитетный казахский батыр Бокенбай. В тот же день Абулхаир хан, Бокенбай батыр, Есет батыр, Кудайназар мурза и 27 знатных казахских старшин присягнули на подданство Российской империи.

Посол империи находился в опасности. Противники принятия подданства не раз покушались на его жизнь, требуя от А.И. Тевкелева вернуться в Уфу, но каждый раз ему на помощь приходили люди хана, Бокенбай батыр и др.

По возвращении в столицу А. Тевкелев в 1734 году за свой труд был пожалован императрицей Анной Иоанновной из переводчиков в полковники с армейским полным жалованием⁷⁵⁰. Императрицей были обещаны немалые награждения за приведение казахов к присяге, но ее кончина не позволило А. Тевкелеву получить обещанное.

Расширение империи на Восток требовало от правительства России решения ряда вопросов, где главным оставался вопрос укрепления позиции на окраине. С установлением новых государственных границ имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство⁷⁵¹.

Следующим этапом продвижения на восток была Оренбургская экспедиция. Ближайший сподвижник первых правителей Оренбургского края

⁷⁴⁹ 1731 г. октября 3 – 1733 г. января 14 – Из журнала переводчика М. Тевкелева, ездившего в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов // КРО – 1. С. 54.

⁷⁵⁰ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/1. Д. 1. 1722–1755 гг. Л. 5.

⁷⁵¹ Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И.В. Герасимова и др. Казань, 2004. С. 223.

(И.К. Кирилова, В.А. Урусова, И.И. Неплюева), А. Тевкелев до 1760 года состоял на государственной службе, был сотрудником иностранной коллегии.

После смерти И.К. Кирилова начальником Оренбургской экспедиции был назначен В.Н. Татищев. Отношения между двумя «устроителями» края не сложились. В.Н. Татищев выступал против карательных мер по отношению к восставшим башкирам в 30–40-е гг. XVIII в. А.И. Тевкелев, наоборот, в дни башкирских восстаний против политики империи отличился жестокостью и крутыми мерами в подавлении восстаний, за что получил прозвище «дьявола». По его распоряжениям были сожжены заживо старики, женщины, дети, целые деревни. Он был сторонником решительных действий и силового участия. По словам Ю.Н. Смирнова, «Тевкелев претендовал, и здесь с ним уже никто не спорил, на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора, относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления движения России на Восток»⁷⁵².

В начале 1739 года начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев выехал в Петербург для согласования большого числа разнообразных дел. Вслед за ним выехал и А. Тевкелев. Правительство, также обеспокоенное столь жесткими мерами, вызвало его в столицу, и он состоял на службе в КИД.

После 2-летнего пребывания в ставке хана, мурза Тевкелев стал его советником и своего рода «хранителем». В свое время хан в обращении с А. Тевкелевым употреблял эпитеты «истинный», «почтенный», «древний и сердечный приятель». Казахский хан Абулхаир не раз просил правителей империи отправить к нему переводчика Мамет-мурзу Тевкелева для «поправления дел». Хан отмечал, что мурза Тевкелев «киргиз-кайсацкий язык, и здешнее состояние, и обычай знает»⁷⁵³. Хан, отправляя свои письма, первым адресатом указывал начальников Оренбургской экспедиции (И.К. Кирилова, В.Н. Татищева), а вторым упоминал имя А. Тевкелева. Например, в 1736 году

⁷⁵² Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара, 1997. С. 97.

⁷⁵³ 1733 г. марта 1 – Письмо хана Абулхаира имп. Анне Иоанновне о вторичной посылке к нему Тевкелева и о постройке крепости на р. Орь // КРО – 1. С. 98.

начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову и Алексею Ивановичу сообщал о торговле с Ташкентом и просил не брать пошлин с казахских купцов⁷⁵⁴, в письме 1737 г. тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву докладывал о нападении хивинцев и каракалпаков на казахов Младшего жуза⁷⁵⁵ и т.д. После назначения ханом, Нуралы в 1754 г. также обращался к оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву и бригадиру А. Тевкелеву с возражением против строительства крепостей по р. Яик (Урал), Илек. Хан просил сохранить кочевья на степной стороне Яика и пользоваться свободно Илецкой солью⁷⁵⁶.

Абулхаир хан в своих письмах просил содействия у полковника Тевкелева в освобождении пленных казахов и возврате их в степь. Со словами «Я, Бопай ханша, а ваша сноха, желаю Вам на бесчисленные лета доброго здравия» обращалась к А. Тевкелеву байбише⁷⁵⁷ Абулхаира. Отмечая достоинства А. Тевкелева как знатока Степи, благодаря его за слова «Я де кроме хана ни на кого не смотрю, только де мне надобен он, хан», Бопай ханша просила оказать содействие хану. Именно на помощь бригадира она надеялась в тяжелые дни Абулхаира: «Хану бес помощи вашей, одному, никакого дела совершить невозможно», – писала она⁷⁵⁸.

В следующем письме к А.И. Тевкелеву она напоминала о словах Абулхаир хана, который «понаследно приказывал быть на месте своем ханом Нуралею» и просила бригадира поддержать их семью назначением Нуралы ханом Младшего и Среднего жузов⁷⁵⁹.

А.И. Тевкелев как знаток Казахской степи и друг семьи хана Абулхаира неоднократно отправлялся в Младший жуз для разрешения возникших

⁷⁵⁴ 1736 г. октября 20 – Письмо хана Абулхаира начальнику Оренбургской экспедиции И. Кириллову с просьбой не брать пошлин с казахских купцов // КРО – 1. С. 125.

⁷⁵⁵ Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Т. 1. С. 117.

⁷⁵⁶ 1754 г. сентября 14 – Письмо хана Нуралы оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву и бригадиру А. Тевкелеву с возражением против постройки крепостей // КРО – 1. С.533–534.

⁷⁵⁷ Байбише – старшая жена.

⁷⁵⁸ Письмо ханши Бопай бригадиру Тевкелеву, полученное 19 августа 1848 г. // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Алматы, 2014. Т. 1. С. 210–211.

⁷⁵⁹ Там же. С. 212–213.

конфликтов между оренбургской администрацией и казахской элитой. Так, например, в 1747 г. указом императрицы Елизаветы Петровны по представлению канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина А. Тевкелев был отправлен к хану. К этому времени конфликт между оренбургским правителем И.И. Неплюевым и казахским ханом Абулхаиром разгорелся с такой силой, что хан не давал в аманаты своих детей, участились набеги казахов на линии, часто происходили столкновения казахов с подвластными империи – калмыками, башкирами.

В июне 1747 г. А. Тевкелев выехал из столицы в Оренбург, получив инструкцию, как вести переговоры с ханом Абулхаиром, и двумя грамотами. Одна предназначалась хану, а другая всему казахскому народу. А. Тевкелев должен был переговорить с ханом о его жестоком обращении с переводчиком Арасланом Бахметевым, которого хан арестовал и «бил плетью», о его письме к И.И. Неплюеву, написанном «весьма в непристойных и грубых терминах». Бригадир должен был настаивать на том, чтобы Абулхаир извинился перед И.И. Неплюевым и отпустил А. Бахметева. Предполагая, что хан будет жаловаться на оренбургского губернатора, КИД вменила А. Тевкелеву в обязанность помирить его с губернатором⁷⁶⁰.

Таким образом, бригадиру А. Тевкелеву вменялось: 1) удержать казахов от нападений на русские линии, добиться возвращения пленных людей и угнанный скот; 2) помирить хана с И.Неплюевым; 3) аманата Кожа-Ахмета заменить другим сыном; 4) внушить хану и старшинам невозможность возвращения людей в степь, уличенных в воровстве и набегах на российские селения и т.д.

Вмешательство А. Тевкелева, его встречи в мае – августе 1748 г. с ханом, старшинами дали результат. Хан отправил вместо Кожа-Ахмета в аманаты следующего сына – Айшуака. Абулхаир согласился вернуть российских пленных, дал обязательство, что казахи не будут нападать на русские границы. По вопросу возврата пленных калмык хан требовал указа императрицы, так как калмыки «причинили разорения казахам».

---

⁷⁶⁰ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 72–73.

После встречи с ханом в сентябре 1748 г. А. Тевкелев отправил в КИД свои соображения о казахских жузах. Он выделил несколько пунктов: 1) устроить в Орской крепости для торговли с казахами Среднего жуза и отдаленными в степи казахами Младшего жуза сперва деревянный, а затем каменный двор; 2) увеличить в Орской крепости гарнизон; 3) командировать ежегодно, на время торга, первого члена Оренбургской губернии для свидания с казахской элитой, старшинами, биями и т.д. Он предлагал оренбургскому губернатору также приезжать в Орскую крепость для встречи с казахской знатью и решения возникших вопросов; 4) хан и старшины Младшего жуза должны были ежегодно встречаться с оренбургским губернатором и получать от него наставления; 5) определить в Младший и Средний жуз казахов одного хана, но не по выбору казахов, а назначать его по указу императрицы, с назначением ему содержания из казны. За жалованием хан должен был сам приезжать ежегодно в Оренбург или Орскую крепость, в случае его болезни жалование можно было выдать и на следующий год⁷⁶¹.

А. Тевкелев свое видение по управлению краем сообщил в письменном виде оренбургскому начальнику, но не увидел поддержки с его стороны. Напротив, И.И. Неплюев, резко высказавшись о предложениях А. Тевкелева, отправил видения бригадира в КИД с критическими замечаниями.

В августе 1748 года был убит хан Абулхаир султаном Среднего жуза Бараком. Тогда же Барак намеревался лишить жизни второго сына хана Абулхаира – Ералы, который в это время находился на р. Сары-Тургай вместе с султаном Среднего жуза Аблаем⁷⁶² в походе против верхних каракалпаков. Для этой цели Барак послал своих людей к Аблаю, чтобы тот содействовал ему в

---

⁷⁶¹ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 59 об. – 61, 241 – 243 об.

⁷⁶² Султан Аблай – чингизид, потомок казахского хана Жанибека. С 1771 г. хан Среднего и большей части Старшего жузов. Указом императрицы от 24 мая 1778 г. был утвержден в звании только хана Среднего жуза, хотя просил признания за ним титула главного казахского хана.

исполнении его плана. Но Аблай султан предупредил Ералы, который сразу же выехал на кочевку к матери Бопай⁷⁶³.

Ханша Бопай и старший сын хана Нуралы обращаются именно к А. Тевкелеву, сообщая ему о своем горе, и просят поддержать их стремление отомстить за смерть хана. Через А. Тевкелева ханша Бопай и султан Кожа-Ахмет отправляют письма к оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву с просьбой оказать помощь в отмщении за смерть мужа и отца.

В середине XVIII в. на юго-восточной окраине империи сложилась ситуация совместного управления краем И.И. Неплюевым и А.И. Тевкелевым. Последний, находясь в Орской крепости, пытался превратить его во второй административно-политический и торговый центр после Оренбурга. Во время отъезда оренбургского начальника И.И. Неплюева в столицу А. Тевкелев замещал его на этом посту. В 1751 году, в связи с пребыванием И.И. Неплюева в Петербурге, вопрос о замене аманатов было поручено решить бригадиру, почитаемому казаками, А. Тевкелеву⁷⁶⁴. А.И. Тевкелев пригласил хана Нуралы и Бопай ханым в Оренбург. Хан находился в Оренбурге с 8 июля по 7 августа. А. Тевкелев выполнил поручение, взял нового аманата.

В 1752 г. А.И. Тевкелев выдает инструкцию отправленному в Средний жуз капитану Яковлеву, который по заданию КИД должен был склонить находящихся у Аблая джунгарских нойонов Даваци и Амурсану прибыть в Оренбург. Опасения КИД вызывало то, что Даваци как претендент на джунгарский трон мог привлечь на свою сторону казахов, а это не могло быть допустимо.

Главной заботой А. Тевкелева было регулирование отношений с Китаем. Побег Амурсаны и его близких в 1757 году Россию, принятие нойонами Шереном, Лоуянджапом и Хошотцием русского подданства, убийство ими нескольких китайских офицеров во время побега осложнили отношения

⁷⁶³ Журнал происходящим по комиссии бригадира Тевкелева киргис-кайсацким делам 1748 года // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков / сост. И.В. Ерофеева. Алматы, 2005. Т. 3. С. 294; Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1900. Т. 1. Вып. 1. С. 81.

⁷⁶⁴ Крафт И.И. Тургайский областной архив... С. 33.

российской империи с Китаем. Цинский двор требовал выдачи Амурсаны, а после его смерти тела умершего. Отказ исполнить требования Цинского двора привел к конфликту и возможности начала военных действий. С другой стороны, султан Среднего жуза Аблай, отправив свое посольство в Пекин, начал склонять казахов не только Среднего, но и Младшего жузов к принятию подданства цинского императора.

Ввиду сложившейся непростой ситуации Сенат предписал генерал-майору А. Тевкелеву самому или его сыну Осипу Тевкелеву отправиться в Степь, чтобы при личном свидании с правителями казахов отвратить их от китайского подданства. Нуралы хан обещал выставить в случае войны с Китаем 30000-ное войско и отправиться с ним к сибирским границам⁷⁶⁵. А. Тевкелев высказал мысль, что самым верным средством отклонить Аблая от Китая могло бы быть возведение его в ханское достоинство, тем более что большая часть казахов, ему подвластных, называет его ханом⁷⁶⁶.

В 1742 г. за действия по прекращению восстания под предводительством Карасакала А. Тевкелев получил чин бригадира, был вызван в столицу. Тогда же он был назначен приставом при персидском поселе⁷⁶⁷.

В 1755 г. вспыхнула новая волна восстаний в Башкирии. После подавления восстания башкиры бежали в Казахскую степь. Для возвращения бежавших, в Сенате решили отправить в Казахскую степь известного «своим искусством и влиянием на казахов» бригадира А. Тевкелева. Он получил инструкцию, которая разрешала ему применять карательные меры для достижения цели.

Также поручалось А. Тевкелеву через геодезиста снять «скрытым образом» план местности за Яиком, определить места расположения рек, озер, леса, а особенно «против Индерских гор». Для безопасности в пути А. Тевкелеву разрешалось взять с собой конвой из 300 – 400 человек.

По прибытии в Оренбургский край А. Тевкелев встретился с ханом Нуралы сначала в Кулагинской крепости. Весной 1756 года Нуралы, султаны Айшуак,

⁷⁶⁵ Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 75–78.

⁷⁶⁶ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 2. С. 132.

⁷⁶⁷ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/1. Д. 1. 1722–1755 гг. Л. 5.

Ералы, знатные старшины прибыли в Илецкую крепость. Куда прибыл и генерал А. Тевкелев. Здесь было решено всех башкир с женами и детьми вернуть на их прежнее жительство, что «по своему обыкновению и молитвою утвердили». А. Тевкелев выполнил поставленную перед ним задачу⁷⁶⁸.

Продолжил свою службу генерал-майор и при следующем губернаторе А. Давыдове, но в 1759 году А. Тевкелев дает прошение о своей отставке от службы. 10 января 1760 года он был уволен «по глубокой старости». Но когда в 1763 г. в отставку за преклонностью лет ушел А. Давыдов, А.И. Тевкелев надеялся получить его место, так как ранее оренбургский губернатор рекомендовал императрице его кандидатуру. По степи распространился слух о назначении А. Тевкелева. Но в «разсуждении его магометанского закона» императрица Екатерина II сочла невозможным такое назначение. Указом императрицы от 1 июня 1763 года А. Тевкелев должен был изложить свое мнение по казахским делам князю Голицыну. Но генерал-майор отказался это сделать, на что императрица приказала: «генерал-майора Тевкелева оставить в покое и с ним ничего не разсуждать более по киргизским делам»⁷⁶⁹. Скончался А.И. Тевкелев 13 апреля 1766 г.

Таким образом, российский дипломат, один из «устроителей» Оренбургского края, администратор А.И. Тевкелев, прожив большую часть своей жизни на окраине России, сыграл главную роль в определении политики империи по отношению к казахам. Он пытался сделать Орск вторым административно-управленческим и торговым центром в крае. Выступая посредником между казахами и российской администрацией, А. Тевкелеву удалось расположить к себе элиту кочевого общества. К его советам и предложениям прислушивались не только оренбургские начальники, но и петербургские сановники. Основные чины А. Тевкелев получил за службу по регулированию отношений империи с казахами и башкирами.

---

⁷⁶⁸ Подробнее в разделе 2.3.2

⁷⁶⁹ Там же. С. 141.

2.3.2 Правители Оренбургского края и реализация юго-восточной политики империи

Организованная в 1734 г. Оренбургская экспедиция представляет собой важную веху в истории юго-восточной политики России. В разработке ее курса большую роль сыграли правители Оренбургского края И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, В.А. Урусов, И.И. Неплюев.

Иван Кириллович Кирилов – один из «птенцов гнезда Петрова». Происходил из посадских людей, окончил цифирную школу и начал свою служебную карьеру подьячим Сысского приказа, отсюда был переведен в Сенат на должность копииста. Здесь он прослужил более 20 лет, начав с самых низких чинов, дослужился до обер-секретаря Сената, а затем и до статского советника. Не ограничиваясь простым исполнением своих служебных обязанностей, он живо интересовался различными науками, особенно геодезией и картографией, и принадлежит к числу выдающихся русских географов первой четверти XVIII века. По словам хорошо знавшего его по совместной работе в составе Оренбургской экспедиции П.И. Рычкова, И.К. Кирилов был «великий рачитель и любитель наук, особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии»⁷⁷⁰.

Изучение различного рода статистических, экономических, географических, исторических, военных и других материалов, поступавших в Сенат из подведомственных ему центральных и областных учреждений, и материалов, хранившихся в архиве Сената, а также встречи и общение с Петром I и другими выдающимися государственными деятелями того времени, учеными, путешественниками, купцами, промышленниками, геодезистами, – все это позволило ему стать одним из образованных людей своего времени. И.К. Кирилов был ярким представителем той части петровской администрации, которая неизменно на первый план ставила государственные интересы. В качестве обер-секретаря Сената он энергично пробивает разного рода экспедиции, обычно имея

---

⁷⁷⁰ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 29.

ввиду конкретный государственный «прибыток». Он, например, весьма прохладно отнесся к первой экспедиции Беринга (1725–1730), полагая, что путешественник «только одно известие – соединяется или не соединяется Америка – привезет, а о интересе настоящем от него ожидать нечего». Элементы «настоящего интереса» И.К. Кирилов постарался вложить в план Оренбургской экспедиции.

Во время пребывания казахского посольства в Петербурге И.К. Кирилов представил в Кабинет проект о задачах России на юго-восточной окраине, в котором предлагалось приступить к проведению в этом регионе активной политики для расширения границ империи. По мнению И.К. Кирилова, следовало прочно закрепиться на землях казахов Младшего жуза и каракалпаков, изъявивших желание войти в состав России. Такая же политика должна была проводиться в отношении казахов Среднего и Старшего жузов, а также и относительно Средней Азии. Автор проекта считал, что первым должно быть присоединено Аральское ханство, которое «само просится в подданство». Далее Россия должна захватить Бухарское и Хивинское ханства, Балх и Бадахшан. В походах на эти страны он предлагал использовать наряду с русским войском отряды башкир, мишарей, казахов. Что же привлекало автора в этих странах? «Бадахшанская провинция нужна в Российское владение для многого имеющегося богатства, что золота, лалов, лазури в ней довольно», «у Аральского ж озера у гор Кагкарт, недалеко от Башкирского владения, есть самородные квасцы, ...также серы и селитры во всех местах довольно»⁷⁷¹. Далее И.К. Кирилов писал, что очень нужны России казахские лошади, «лошади киргиз-кайсацкие и башкирские добрыя и крепкия». Также обращает внимание на существование в Средней Азии и в Казахстане развитой торговли, говорит о возможности наладить систематическую торговлю с Бухарой, Балхом, Бадахшаном, через них с Индией. Выступая за присоединение этих стран, автор считал, что Россия должна успеть занять и закрепиться в Казахстане и Средней Азии, пока Джунгария и Персия не захватила их.

---

⁷⁷¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–84.

И.К. Кирилов в своем проекте по существу сформулировал новый курс царизма относительно башкир. Он заключался в том, чтобы изменить соотношение сил в крае в пользу России и сделать царские власти здесь реальными хозяевами, которые по своему усмотрению могли распоряжаться вотчинными землями, природными богатствами и людскими ресурсами. По сути это означало изъятие земель в Башкирии в нарушение условий грамоты Ивана Грозного.

С целью отвлечения башкир от восстаний И.К. Кирилов предлагал использовать «наряды военных и работных людей из башкирцев, кои в прежних сумнениях и неверностях находятся», в охране и строительстве нового города, в предполагаемых походах в Среднюю Азию и Джунгарию, в охране торговых караванов⁷⁷². Автор проекта советует правительству упрочить союз с башкирскими феодалами, для чего достаточно, по его мнению, подтвердить права и привилегии тарханов: «...тарханы рады будут, ежели обнадежить, что их древния тарханския обычаи и вольности на каждого имя ныне подтверждены будут, а и без того они имеют же и отнять нельзя». Он говорит о необходимости увеличения численности тарханов за счет верхушки общинников, в первую очередь батыров, тем самым расширить социальную опору правительства в крае. А наиболее же непримиримых, он рассуждает, можно послать в войну, как служилых людей, ибо «...то лучше потому что, хотя и пропадут, то и дома не нужны»⁷⁷³.

В своем проекте он рассматривает целую систему мероприятий: от основания города-форпоста на р. Орь, возведения сплошным кольцом вокруг Башкирии крепостей до проведения в жизнь принципа «разделяй и властвуй» среди башкир, казахов и калмыков. Натравливая один народ на другой, и таким образом всех держать в узде – вот какими методами руководствовалось начальство для подчинения народов, населявших Оренбургский край.

---

⁷⁷² ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

⁷⁷³ Там же. Л. 60.

18 мая 1734 г. императрица Анна Иоанновна утвердила инструкцию И.К. Кирилова⁷⁷⁴. Автор проекта – И.К. Кирилов был назначен начальником Оренбургской экспедиции (1734–1737). Это означало, что проект лег в основу юго-восточной политики России. Правительство приступило к его осуществлению.

Следуя новой политике, в короткие сроки была построена Самарская линия. В течение 1735–1745 гг. была создана Оренбургская линия. В 1735 году в устье р. Орь, на границе башкирских и казахских земель, был заложен фундамент города Оренбурга. После закладки нового города Оренбурга (1741–1742 гг.) в устье реки Самары старый город был преобразован в Орскую крепость. Оренбург стал не только военно-административным центром управления башкирами, но и форпостом дальнейшего продвижения России на восток. В Башкирии Оренбургская экспедиция действовала как самостоятельное государственное учреждение. В инструкциях, которыми был снабжен И.К. Кирилов при отправлении экспедиции на место назначения, не содержались пункты о наделении нового учреждения края какими-либо административно-управленческими функциями. Несмотря на это, управление населением фактически сосредоточилось в руках Оренбургской экспедиции (впоследствии комиссии).

И.К. Кирилову не удалось осуществить всех задач Оренбургской экспедиции. Хотя он был человеком настойчивым, его внимание было отвлечено длительным сопротивлением башкир. И.К. Кирилов ограничился постройкой Оренбурга и крепостей по линии границы с Башкирией, организацией менового торгового дела в Оренбурге с казахами и среднеазиатскими купцами. Он считал, что только тогда Оренбургский край будет покорен, когда он весь будет пронизан линиями крепостей; только тогда будет ликвидирована угроза восстаний покоренных народов, когда в крае будет сосредоточена военная сила. Своих замыслов ему осуществить не удалось. Умер Иван Кирилович Кирилов 14 апреля 1737 года.

---

⁷⁷⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IX. № 6576. С. 323–330.

После его смерти начальником края 10 мая 1737 года был назначен с чином тайного советника и должностью генерал-поручика В.Н. Татищев (1737–1739), а экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию. В.Н.Татищев – выдающийся русский ученый, способный администратор, автор «Истории Российской», разносторонний специалист, участник ряда кампаний в Северной войне. До своего назначения начальником комиссии он занимал пост начальника уральских горных заводов. Свою деятельность в комиссии В.Н. Татищев начал с административной реформы, задуманной и разработанной еще И.К. Кириловым, в которую внес некоторые дополнения. В проекте, принятом на совещании 14 июля 1737 года, делались попытки децентрализовать управление Башкирии. Было решено приписать башкир по платежу ясака не только к Уфе, но и к другим городам. С этой целью предполагалось произвести перепись всего населения Башкирии.

Данная перепись была намечена еще в декабре 1736 года И.К. Кириловым, а к проведению же переписи приступил в марте 1739 года Л.Я. Соймонов. Согласно проекту административной реформы, была намечена замена башкирских племенных волостей территориальными, соседскими. В.Н. Татищев принимал различные меры для того, чтобы ограничить местное самоуправление и усилить контроль царской администрации за его деятельностью. В.Н. Татищев обратил силы на умиротворение Башкирии, старался прочно закрепиться и обосноваться в Самарском Заволжье. Он продолжал выполнять планы И.К. Кирилова по застройке новых крепостей. При нем в 1738 году основаны на Яицкой линии следующие крепости: Тевкелев брод, Переволоцкая, Чернореченская, Елшанская, Карагайская, Бердская, достроены Губерлинская и Орская⁷⁷⁵.

В.Н. Татищев пришел к заключению, что место для центрального города края выбрано неудачно: во время весеннего разлива вода затопляла город, строительного материала, а в частности леса, близко не было, вокруг города расстилались необъятные степи, по которым в связи с башкирскими восстаниями было почти невозможно пробраться к центру, а также в город с припасами.

---

⁷⁷⁵ Попов Н. Татищев и его время. С. 190.

Поэтому он решил строить Оренбург на другом месте. При поездке по Яику В.Н. Татищев облюбовал для Оренбурга строительную площадку на урочище Красная гора. Он снял план местности и представил в Петербург доклад, обосновывающий необходимость перенесения Оренбурга к Красной горе.

В.Н. Татищев пытается завязать торговые отношения с Азией, продолжая политико-экономический курс предшественников. В 1738 году, по приказу В.Н. Татищева, был построен на степной стороне в двух верстах от Яика меновой двор, предназначенный для торговли с казахами и среднеазиатскими купцами. Именно внешней торговле В.Н. Татищев придавал первостепенное значение. «Внешней заграницы торг наибольшее богатство и пользу приносит», – писал он⁷⁷⁶. Утверждая, что торговля «есть корень и основание всех богатств и доходов», в 1738 году он организует ярмарку, которая, однако, ожидаемых результатов не дала, так как шло восстание башкир, и купцы, боясь разграбления, не явились. В том же году был отправлен караван в Среднюю Азию. Благополучно миновав степи Младшего и Среднего жузов, караван вступил во владения Старшего жуза, но у урочища Балахан пир 2 ноября был разграблен. Все люди, сопровождавшие караван, были взяты в плен.

В период его правления казахи Младшего и Среднего жузов поддержали башкирские восстания. С самого начала восстания башкиры стремились обеспечить себе надежный тыл у казахов на период борьбы и найти убежище во время карательных походов. 30 апреля 1737 года к султану Абулмамбету приезжали 40 башкир с просьбой объединиться в борьбе против царизма, и изъявили желание перекочевать к ним. Хан разрешает 2000 кибиткам башкир в течение 20 дней присоединиться к ним⁷⁷⁷.

Весной 1737 г. башкиры несколько раз отправляют своих посыльных как к Семеке, так и Абулхаиру. Абулхаир высказал желание поехать в силою 1000 человек в Башкирию⁷⁷⁸. В 20-х числах июня на Ногайскую дорогу была выслана

⁷⁷⁶ Татищев В.Н. О купечестве и ремеслах // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. 418 с.

⁷⁷⁷ РГАДА. Ф. 248 Оп. 17. Кн. 1164. Л. 744.

⁷⁷⁸ 1737 г. сентября 12–13. – Экстракт, составленный в Оренбургской экспедиции о ходе башкирского восстания с 28 июля по 12 сентября 1737 г. // МИБАССР. С. 335.

помощь в 8000 человек⁷⁷⁹. Приехавшие из Усерганской волости башкиры продолжают просить поддержки у Абулмамбета, Аблая и Барака. Далее они прибывают в улус Абулхаира и обещают ему вернуть из аманатов, находящегося в Оренбурге Ералы султана⁷⁸⁰. Прибывшие на Казанскую дорогу Юрматинской волости Семеке и Барак решили летом выступить вместе с башкирами. В первых числах июля Семеке хан и Барак с 4000 казахами стояли в 150 верстах от Айлинской волости⁷⁸¹.

Абулмамбет в сентябре направил на Сакмару 1000 чел.⁷⁸². Конграты Среднего жуза в количестве 250 чел. выступили на стороне башкир. В этот период Абулмамбет принял в свой улус 45 башкирских семей, а казахи Ектыш и Айбек взяли на жительство 500 дворов⁷⁸³. Через несколько месяцев к Абулмамбету прибыло 13 семей башкир во главе Салих ахунум и расселились среди казахов рода керей⁷⁸⁴.

Российское правительство требует от правителей Среднего жуза отправить войска для подавления восставших. Царизм обещает за каждого пойманного руководителя плату от 2-х до 3-х тысяч рублей⁷⁸⁵. Но Абулмамбет и Аблай, не выполнив данного требования, в своих письмах В.Н. Татищеву и А. Тевкелеву объясняют это тем, что якобы аргыны и найманы не подчиняются им, и, с другой стороны, они ожидают нападения волжских калмыков⁷⁸⁶. Аблай султан с прибывшими послами башкир и «немалыми» своими выезжает в ставку Абулхаира для «взятия позволения и учинения совета о соглашении» с башкирами⁷⁸⁷. Но Аблаю не удалось встретиться с ханом, так как Абулхаир

⁷⁷⁹ 1737 г. июня 22 и 24. – Допросы башкира Сибирской дороги, Куваканской волости Абдуллы Амангулова в канцелярию главного правления заводов и в застенке на пытке о действиях восставших башкир Сибирской дороги под предводительством Сараткула // Там же. С. 311.

⁷⁸⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 760.

⁷⁸¹ Там же. Л. 766.

⁷⁸² 1737 г. сентября 26. – Сказка «верных» башкирских старшин Сибирской и Ногайской дорог Кыдрыса Муллакаева и Миряса Юлумбетова с товарищами в Уфимский Провинциальной канцелярии о столкновениях с восставшими башкирами и казахами и показание захваченного в плен казаха Якш-Мухамета Килтеева о формах участия казахов в происходящем восстании // МИБАССР. Ч. 1. С. 340.

⁷⁸³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 1090.

⁷⁸⁴ Там же. Л. 770 об.

⁷⁸⁵ Там же. Л. 774 об.

⁷⁸⁶ Там же. Л. 1090 об.

⁷⁸⁷ Там же. Л. 770 об.

выехал в это время в Оренбург. В сентябре Абулхаир побывал в Башкирии, и обещал к ним отправить на помощь 1000 чел⁷⁸⁸.

В январе 1738 года хан прибыл на Ногайскую дорогу в Уфимский уезд с 2000 казахами с требованием к башкирам, «чтоб они пришли в подданство». В течение всей зимы Абулхаир находился в Башкирии. Старшины женили его на башкирке, отцом которой был Отнохарт⁷⁸⁹. Абулхаир ничем не мог помочь башкирам, поскольку влиятельные батыры Бокенбай и Джанибек стояли на позиции вернуть всех бежавших башкир в Оренбург. В июне 1738 г. Абулхаир перестал поддерживать башкирское движение.

В целом, отношение Абулхаира к башкирам было двояким. С одной стороны, 1731–1737 гг. Абулхаир был ревностным сторонником царской администрации. Так, в 1733 году Абулхаир предупредил правительственные органы о готовившемся нападении казахов Среднего жуза в 10000 человек на Уфимский уезд. Таймас батыр отправленный против Семеке, разбил отряд хана⁷⁹⁰. В сентябре 1737 года, ездившие к Абулхаиру башкиры, с просьбой об оказании помощи докладывали, что хан им отказал и по «отпуске сказал, надобно же вас башкирцев нам всех разорить, а не помощь дать»⁷⁹¹. В декабре того же года В.Н. Татищев докладывал, что хан желает нести службу е.и.в., и готов поехать «для разорения воров башкирцев»⁷⁹².

Таким образом, внимание В.Н. Татищева также было отвлечено восстаниями башкир. Его попытка продолжить торговый путь в Азию не увенчалась успехом. В феврале 1739 года он был вызван для доклада в Петербург. 27 мая из Кабинета последовал указ о создании следственной комиссии для разбора обвинений против него. 29 мая В.Н. Татищев был отстранен от дел, лишен всех званий, взят под домашний арест и был освобожден от поста

⁷⁸⁸ 1737 г. сентября 16. – Экстракт, составленный в Военной коллегии, о ходе башкирского восстания за июль 1737 г. // МИБАССР. Ч. 1. С. 337.

⁷⁸⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об.

⁷⁹⁰ 1734 г. мая 1. – Выписка из проекта начальника Оренбургской экспедиции И. Кириллова с резолюцией императрицы о построении города при устье реки Орь // Материалы по истории политического строя. С. 23.

⁷⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л. 1063 об.

⁷⁹² Там же. Л. 1185.

начальника края. Правительство осталось недовольным затянувшейся борьбой башкир. Оно надеялось в короткое время усмирить и приучить население Оренбургского края, чтобы продвинуться дальше на юго-восток, но экспедиция при Кирилове и комиссия при Татищеве за 5 лет пребывания в крае ощутимых результатов не добились, несмотря на большие затраты средств.

Дальнейшая служба Татищева империи была связана с другим кочевым народом. По указу от 31 июля 1741 г. В.Н. Татищев возглавил Калмыцкую комиссию в Царицыне. Ему было поручено прекратить междоусобицу в Калмыцком ханстве после смерти Дондук Омбо (1735–1741), внука Аюки. В.Н. Татищев берет курс на ограничение ханской власти. С 1741 по 1745 гг. он был губернатором Астрахани.

17 июня на его место в Оренбургскую экспедицию был назначен князь Василий Алексеевич Урусов (1739–1741). По характеристике современников, он был человеком умным, энергичным, но крайне жестоким⁷⁹³. Он в своей деятельности вернулся к практиковавшимся еще Кириловым жестоким методам подавления башкир.

Перед царским правительством появилась возможность планомерного осуществления задуманных мероприятий только после подавления башкирского восстания под руководством Карасакала в 1740 году.

Укрепление российской власти в Башкирии, усмирение «непокорного», «дикого» края произошло в годы деятельности нового начальника Оренбургской комиссии – Ивана Ивановича Неплюева (1742–1758), который сочетал в себе суровую и настойчивую натуру И.К. Кирилова с дипломатической изворотливостью В.Н. Татищева. Занимавший высокие государственные посты, И.И. Неплюев свое назначение в Оренбург рассматривал как ссылку. Это обстоятельство связано с тем, что с 24 на 25 ноября 1741 года в Петербурге произошел дворцовый переворот: младенец император Иоанн Антонович был низвержен, и корона при помощи гвардии досталась дочери Петра, Елизавете Петровне. Остерман и другие лица, не желавшие видеть на русском троне

⁷⁹³ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. С. 164.

Елизавету Петровну, были арестованы и преданы суду. И.И. Неплюев был вызван в Петербург. Причиной немилости к нему новой императрицы послужила его дружба с Остерманом.

По прибытии в Петербург И.И. Неплюева лишили ордена Св. Александра Невского и малороссийских деревень и до окончания следствия над Остерманом он находился под арестом. В начале 1742 года И.И. Неплюев был признан невиновным, и на встрече с императрицей ему возвратили орден Св. Александра Невского, однако малороссийские деревни остались в казне. Вскоре он был приглашен в Сенат, где ему вручили высочайший указ о назначении его командиром Оренбургской комиссии. «В силу этого указа И.И. Неплюев должен был привести в надлежащее устройство Башкирский край; обезопасить границы, простиравшиеся более чем на 1000 верст; обуздать грабительство киргиз-кайсаков и распространить торговлю с Азией»⁷⁹⁴. «Тайный советник И.И. Неплюев был разумный, но строг до жестокости в исполнении своих приказаний, которые не отменял, каждое дело доводил до конца, не стесняясь в принятии мер к устранению препятствий». И.И. Неплюев страшными мерами подавил башкирское восстание 1755 года. Он использовал им самим придуманную казнь. В частности, он приказал построить на льду р. Сакмары избу, в которую поочередно выкликивались из собранных по именам башкиры, замешанные «в неблагонадёжности», для допроса. Как только входил башкир в избу, стоявшие внутри солдаты спускали его в прорубь, под лед⁷⁹⁵. Таким образом, исчезали с лица земли все входившие и возвратившихся не было, хотя было объявлено, что народ собирается для совещания. Эта мера использовалась для тех башкир, которые не явились с повинной.

И.И. Неплюев заботился об увеличении населения Оренбургского края русскими людьми всякого сословия: прибывавший сюда народ, был ли это бродяга или беглый крепостной человек, оставался здесь навсегда на избранном месте; возврата не было, и на этот случай сохранилась пословица: «На требование

---

⁷⁹⁴ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. С. 116.

⁷⁹⁵ Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII. С. 15–17.

помещика Неплюев наплюет, Рычков наделает крючков, а мертвого завяжет, что и сатана не развяжет»⁷⁹⁶. Ознакомившись с положением в крае, И.И. Неплюев пришел к заключению, что прежде всего необходимо заняться его устройством в военно-стратегическом отношении и возвести ряд крепостей. В первую очередь он решил построить крепости на границе с казахской степью, чтобы усилить эту линию, пресечь набеги из-за Яика, отделить башкир от казахов, так как казахские степи служили тылом для повстанцев. Он «нашел необходимым и более целесообразным действовать против киргиз-кайсаков не одним корпусом, а несколькими и с разных сторон, а именно: 1) от Яицкого городка, 2) от Оренбурга, 3) от Орска, 4) от Уйской линии, 5) от Сибирской линии, сосредоточив в этих пяти пунктах регулярные и нерегулярные войска»⁷⁹⁷. Проект, или «запасной план», И.И. Неплюева был заслушан и утвержден в Сенате 1 марта 1744 года. Оренбург стал не только главным городом края, но и стратегическим узлом крепостей, построенных в крае. От этого узла расходились следующие линии крепостей:

1) Самарская линия, соединявшая город Оренбург с Самарой. Эта линия была необходима для разделения между собой башкир и калмыков, кочевавших в степях между реками Яик, Самара, Волга;

2) Сакмарская линия, соединявшая крепости, построенные внутри Башкирии вдоль р. Сакмара, связывавшая их с Уфой, Мензелинском, Бирском и Осой;

3) Нижне-Яицкая линия, начинавшаяся от Чернореченской и кончавшаяся на берегу Каспийского моря. На этой линии имелись такие города, как Илецк, Гурьев, Яицкий городок, а также 3 крепости и 19 казачьих форпостов;

4) Верхне-Яицкая линия от города Оренбурга до Верхне-Яицкой пристани имела 8 крепостей и 16 редутов. Она разделялась на две дистанции: Красногорскую и Орскую;

---

⁷⁹⁶ Там же. С. 17.

⁷⁹⁷ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край. С. 685.

5) Уйская линия на протяжении от Верхне-Яицкой пристани до крепости Звериноголовской имела 9 крепостей и столько же редутов.

Основной стратегической линией была Яицкая линия, на которой насчитывалось 53 укрепления. Эта линия явилась плацдармом для наступления в Казахскую степь.

Таким образом, от Оренбурга расходилась во все стороны ветвь укрепленных линий, которые непрерывной сетью охватили население Южного Урала и Северо-Западного Казахстана. Всего от Оренбурга до устья Яика было возведено 114 укрепленных пунктов⁷⁹⁸. Данные укрепленные линии способствовали пространственному отдалению казахов Младшего и Среднего жуза от башкир. Территория Среднего Поволжья и Южного Урала превращалась во внутреннюю провинцию Российской империи.

Деятельность Оренбургской комиссии завершилась в 1744 г. образованием самостоятельной губернии России и И.И. Неплюев был назначен первым ее губернатором. Вновь учрежденная Оренбургская губерния занимала необъятные просторы между рекой Камой и Каспийским морем, Волгой и Сибирью. В ее состав были включены казахи Младшего жуза и каракалпаки.

И.И. Неплюев приложил немало усилий, чтобы заселить Оренбургский край русским населением. Главным источником русского заселения края явились беглые крестьяне и ссыльные, и в меньшей степени – отставные унтер-офицеры, солдаты и драгуны, из-за которых местной администрации пришлось выдержать даже некоторую борьбу с центральной властью, которая закончилась указом от 27 июня 1744 года в основном в ее пользу. В тех же целях она добилась в 1746 году и другого сенатского указа, согласно которому крестьян, не помнящих родства, повелевать отправлять для поселения в Оренбург, где они получали землю и освобождались на 3 года от всяких сборов и рекрутской повинности. Эта политика дала вскоре результаты. Общую картину демографических изменений в губернии дают данные ревизий (переписей населения), несмотря на их неполноту,

---

⁷⁹⁸ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. С. 508.

так как они включали только гражданское население и не учитывали военных и казачество: по II ревизии (1744 г.) в губернии проживало 282 тыс. человек; по III (1763 г.) – 472 тыс.; по IV (1782 г.) – 600 тыс.; по V (1795 г.) – 760 тысяч человек⁷⁹⁹. Таким образом, население губернии с момента образования увеличилось в 3 раза. Все эти мероприятия позволили царизму считать заселение Оренбургского края русским населением разрешенным.

С этого времени быстро развивается торговля, начинается активная разработка и использование природных богатств. В центре города был построен гостиный двор, предназначавшийся для зимней торговли. Стремясь превратить Оренбург в торговый центр, И.И. Неплюев убедился, что гостиный двор, приспособленный для зимней торговли, не может обеспечить роста развёрнутой меновой торговли, так как народы, кочевавшие за Яиком, на зиму уходили вглубь степи, возвращаясь только к лету. Для обеспечения летней торговли с казахами И.И. Неплюев в 1744 году построил за Яиком в трех верстах от города меновой двор⁸⁰⁰. По данным таможи, в 1745 году на меновой торг Оренбурга поступило 3,1 тыс. голов скота, пригнанными казахами, в 1746 году – 7,3 тыс. Всего же за период с 1745 по 1759 гг. сюда было пригнано казахами 191283 голов скота⁸⁰¹. По рассказам оренбургских старожилов, только в 1786 и 1787 годах у казахов в Оренбурге выменивали ежегодно до 5 млн. овец, число лошадей на Оренбургской и Сибирской линиях доходило до 50 тыс.⁸⁰².

Главными предметами меновой торговли в Оренбургском крае при И.И. Неплюеве оставался скот и хлеб. Указом Коммерц-коллегии от 2 июня 1752 года торг в Оренбурге был приравнен к ярмарке, причем казахам разрешалась беспошлинная торговля скотом и другими товарами. Казахским и азиатским купцам было разрешено продавать свои товары в розницу и оптом. В русских городах приезжие купцы должны были продавать свои товары только оптом. Согласно указу правительства «привозимые азиатским народом товары, а паче

⁷⁹⁹ Зобов Ю.С. Население Оренбургской губернии в XVIII – XIX вв. // Оренбургскому краю 50 лет. Материалы юбилейной конференции посв. 250-летию Оренбургской губернии. Оренбург, 1994. С. 3.

⁸⁰⁰ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край... С. 724.

⁸⁰¹ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 391.

⁸⁰² Там же. С. 392.

пригоняемый на мену скот, розничною продажею российскому купечеству, к явной их пользе будет, когда всякой по своей возможности купить и выменивать может»⁸⁰³.

Указом Сената от 21 июля 1747 г. было запрещено продавать казахам оружие, порох, кремь, свинец. Этим же указом требовалось заключение И.И. Неплюева по вопросу запрета продажи казахам меди и железа⁸⁰⁴.

Однако с 1749 года казахам было разрешено продавать металлические изделия «по отсутствию вреда», чтобы не пришлось казахам получать эти изделия в Бухаре, Хиве и других азиатских городах. Наконец, продажа казахам готовых металлических изделий, главным образом предметов домашнего обихода, считалась выгодной статьей торговли, и следовательно, одним из источников пошленных сборов. Одновременно с этим запрещалось продавать полуфабрикаты (медь, сталь, железо). Так царское правительство хотело предупредить возможность массового изготовления холодного оружия, что было опасно с точки зрения правительства, в случае, если бы казахи взбунтовались.

Доходность оренбургской торговли стала очевидна для правительства. Это заметно по возрастающим пошленным сборам. Если в 1738 г. пошленные сборы в Оренбурге составляли всего 546 руб. 98 коп., то в 1749 г. уже 44188 руб. 61 коп. Помимо скота из казахских степей на Оренбургский торг поступали мерлушки, овчины, шкурки лисиц, корсаков, волков, верблюжья шерсть, кошмы, войлоки. О масштабах этой торговли свидетельствует тот факт, что только за первые четыре десятилетия – 1747 по 1787 гг. в Оренбурге было обменено 554 тыс. кож и мерлушек, 591 тыс. мехов, 10,5 тыс. пудов верблюжьей шерсти, 4,6 тыс. штук армяков и кошм⁸⁰⁵.

В целях повышения пошленных сборов в 1752 г. был введен новый «азиатский» тариф, которым была отменена льготная пошлина, взимаемая с азиатских купцов с 1737 по 1749 годов (3% с продажной цены товаров). Согласно данному тарифу устанавливались две расценки товаров: одна для привозимых из

⁸⁰³ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XIII. № 9995. С. 655–656.

⁸⁰⁴ Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI. С. 20.

⁸⁰⁵ Зобов Ю.С. Значение Оренбургского края. С. 116.

России, другая для азиатских. Оренбургский тариф подтверждал 5%-ную пошлину с надбавкой 4% отмеченных мелочных сборов.

Привоз золота, серебра и драгоценных камней был разрешен без пошлины; напротив, хлопчатая бумага, шёлк-сырец и шерсть, привозимые из Азии, облагались высокой пошлиной: с хлопчатой бумаги взималось 6 руб., с шерсти – 2 руб. с пуда, со скота – от 2 до 4 руб. Развитие торговли, носившей неэквивалентный характер, способствовало подчинению края России.

В 1755 г. вспыхнуло новое восстание. Причины восстания описаны в письме руководителя Батырши к императрице⁸⁰⁶. Казахи начинают поддерживать башкир, так как в этот период начинаются первые земельные захваты в казахских жузах. Указом правительства от 19 октября 1742 года казахам запрещалось кочевать близ Яика, Яицкого городка и строящихся крепостей и предлагались для кочевок районы по рекам Илек и Берда. Главный очаг будущего восстания начал складываться на Ногайской дороге. Как и в период предыдущих выступлений, башкиры тайно ведут переговоры с казахами. В частности, осенью 1754 г. начались переговоры с казахами Среднего жуза башкир Бурзянской волости⁸⁰⁷.

Весной 1755 года началось восстание. Нельзя было остановить отчаявшийся народ. В апреле после столкновения с российской армией башкиры уходят в Казахскую степь⁸⁰⁸. И.И. Неплюев 8 июня докладывал, что на собрании башкир, где участвовало 150 муж. и 140 жен. было решено перейти к казахам. Несмотря на то, что «на них наехало из ближних редутов партия в 45 человек, башкиры разбив их ушли⁸⁰⁹. 15 июня сообщали, что бежавшие к казахам башкиры приняты в улусы Айшуак султана старшиною Серкою батырем⁸¹⁰. Данным положением дел серьезно обеспокоились в Санкт-Петербурге. В указах того времени от И.И. Неплюева требовали: «От киргизской стороны наблюдать дабы по причине

⁸⁰⁶ Письмо Батырши к императрице Елизавете Петровне / сост. Г.Б. Хусаинов. Уфа: Уфим. науч. центр, 1993. С. 71–75.

⁸⁰⁷ Чулошников А.П. Восстание 1755 года. М.; Л., 1940. С. 49.

⁸⁰⁸ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1161. Л. 226 об.

⁸⁰⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 75 об–76.

⁸¹⁰ Там же. Л. 223.

бежавших к ним злодеев не произошло нечаянных худых препятствий»⁸¹¹ и «домогаться к получению бежавших в киргиз-кайсацкие улусы башкирцев»⁸¹².

И.И. Неплюев послал к казахам капитана князя Максutowa с подарками для влиятельных казахов и требованием выдать беглецов. Хан Нуралы и султан Ералы обещали вернуть бежавших в Оренбург⁸¹³.

В источниках указываются разные данные о количестве башкир, ушедших в казахские жузы. Согласно одним, речь идет о 50000 башкир⁸¹⁴, а по другим – 10000 человек⁸¹⁵. И, как сообщал Нурали хан, часть башкир находилась в 4 родах Младшего жуза⁸¹⁶.

В конце августа 1755 г. казахская степь стала свидетельницей ужасного события, когда под руководством Нуралы хана и его братьев Ералы, Айшуака, Чингиза казахи из рода алшын учинили нападение на казахов рода жетыру. Последние, приняв к себе башкир, не пожелали отдать их на разграбление и в рабство. В течение 4-х дней алшынцы грабили, убивали как башкир, так и своих соплеменников из родов жагалбайлы, табын, кердери. Об этом сообщает в своем письме хан Нуралы⁸¹⁷.

События закончились отнятием башкир от табынцев и жагалбайлинцев и разделением их «по одиночкам» среди алшынцев, когда отцы и матери, каждый по одиночке, были разлучены от своих детей. Из тех «башкирцов ни единого не ограбленного и здорового не осталось»⁸¹⁸.

Не все старшины Младшего и Среднего жузов были намерены возвращать башкир. Видя бессилие Нурали хана, который не мог настоять на выполнении требований царской администрации, в Казахскую степь был отправлен бригадир

⁸¹¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 223.

⁸¹² Там же. Л. 162.

⁸¹³ Там же. Л. 163

⁸¹⁴ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 232; Фирсов Н.А. Инородческое население Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация Закамских земель // Учен. записки имп. Казанского университета. Казань, 1871. С. 441.

⁸¹⁵ Рычков П.И. Топография Оренбургская. С. 263.

⁸¹⁶ Крафт И.И. Сборник узаконений. Приложения. С. 44.

⁸¹⁷ КРО. С. 538–539.

⁸¹⁸ Там же. С. 540.

А. Тевкелев. 3 сентября Сенат пожаловал А. Тевкелева в генерал-майоры⁸¹⁹. Он встал во главе специально образованной комиссии, целью которой было добиться от казахов выдачи царскому правительству всех бежавших к ним башкир, «дабы видя здешние иноверцы, что прежние беглецы в киргиз-кайсацкой орде приняты и живут на свободе, и избегают наказания, там же убежище нашли, начнут тоже противности чинить»⁸²⁰. С другой стороны, правительство боялось объединения здесь в Казахской степи «прибывающих к ним с разных сторон таковых же беглецов». 15 сентября того же года генерал-майору А. Тевкелеву была вручена инструкция Коллегии иностранных дел.

А. Тевкелеву предлагалось действовать приласканием, подарками, «трактованием» казенною пищею, водкою и вином, а на все это выделялось из Оренбургской казны 10 000 руб., «ибо при сем нужном случае и на убыток невзирая, надобно токмо о настоящем деле стараться»⁸²¹. В инструкции говорилось: «Если киргиз-кайсаки сами добровольно не отдадут беглецов, то и силою того домогаться». Во-первых, надо было определить число бежавших башкир и те казахские роды, которые приняли повстанцев. Далее, учитывая бессилие хана, основной упор делать на старшин «изъяснить им, что они могут лишиться милости императрицы удерживанием у них башкирцев, которые им не только не полезны, но со временем еще вредны быть могут, кражею скота и возмущением одного рода на другой»⁸²². Казахам напоминали, что хотя они и являются подданными России, но они не платят никакой подати и не несут службу, и если «вдруг императрица разгневается на киргиз-кайсаков за неотдачу башкир, то посланы будут яицкие, волжские, донские казацкие войска и калмыки, и в таком случае им киргиз-кайсакам иного делать будет нечего, разве только в Аральском море топится»⁸²³.

Что касается отдачи башкир, ушедших в Средний жуз, то из-за ее отдаленности А. Тевкелеву не рекомендовалось ехать туда. Ему предлагали

⁸¹⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 231.

⁸²⁰ Там же. Л. 207 об.

⁸²¹ Там же. Л. 216.

⁸²² Там же. Л. 212.

⁸²³ Там же. Л. 216.

написать письмо султану Аблаю и другим знатным старшинам с требованием выдачи беглецов. Не полагаясь на казахов Среднего жуза, А. Тевкелеву советовали, чтобы он требовал от хана Нуралы склонить казахов Среднего жуза к возвращению башкир. Если все эти мероприятия не дадут результатов, то А. Тевкелеву разрешалось сделать барымту весной в Троицкой крепости⁸²⁴.

Следовательно, генерал-майору А. Тевкелеву были разрешены все меры от «ласкания» до учинения над казахами поиска и отмщения местными «легкими» войсками, лишь бы вернуть бежавших башкир и не дать объединиться «некоренным народам» Российской империи.

Аблай султан отказался выдавать бежавших в Средний жуз башкир. Как докладывал И.И. Неплюев: «Аблай салтан такой ответ дал, что, хотя сколько у них в Средней Орде таких беглецов башкирцов ни было, он их не отдаст»⁸²⁵. В январе 1756 г. А. Тевкелев доносил, что, по сведениям казахов Младшего жуза, в Среднем жузе находятся до двух или трех тысяч башкир с оружием⁸²⁶.

А. Тевкелеву удалось убедить казахов вернуть повстанцев. Правительство начало определять сроки возврата бежавших башкир, который продлевался в течении 10 лет с 1755 года до 1 января 1765 года. С декабря 1755 г. по апрель 1756 г. из Степи вышло 578 башкир, а с прежними – 1720 чел.⁸²⁷. В 1758 году вышло 246 чел., и в том же году, по требованию А. Тевкелева казахи отпустили еще 81 человек, а с прежними всего 600 человек⁸²⁸. С 12 декабря 1760 г. по 1 ноября 1761 г. вышло 131 чел., а с прежними – 6529 человек⁸²⁹. К 30 октября 1762 года по данным Оренбургской губернской канцелярии, Казахскую степь покинуло 6682 человек⁸³⁰. В августе 1767 года на собрании старшин Младшего жуза было единогласно решено вернуть всех бежавших от царизма башкир.

Подытоживая, можно отметить, что политика «натравливания одного народа против другого», широко использованная И.И. Неплюевым, дала свои

⁸²⁴ Там же. Л. 219.

⁸²⁵ Из истории Казахстана // Красный архив. М., 1938. Т. 2 (87). С. 172.

⁸²⁶ Там же. С. 173.

⁸²⁷ Сенатский архив. СПб., 1901. Т. IX. С. 554

⁸²⁸ Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 603.

⁸²⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67. Л. 1 об.

⁸³⁰ Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII. С. 210.

результаты. Трагические события лета 1755 г., когда два народа были противопоставлены друг против друга, обострили отношения казахов и башкир.

В первой половине XVIII века, когда Казахстан и Башкирия были сильны, а русское население в крае слабым, царизм мог удержаться в регионе при наличии обостренной вражды между обоими народами. Укрепление позиций Российской империи в Казахской степи было достигнуто различными методами и средствами. Среди них можно выделить: 1. Строительство укрепленных линий, которые к началу XIX в. представляли собой прочный ряд крепостей, редутов, форпостов; 2. Содержание аманатов в Оренбурге (Орске, Казани, Петербурге), как залог послушания казахского хана и старшин; 3. Проведение политики «разделяй и властвуй», особенно активно в 40–70-е гг. XVIII в., когда сила российской администрации в крае была недостаточной; 4. Отправка карательных экспедиций; 5. Посылка в Степь представителей российской администрации для регулирования взаимных претензий казахской аристократической верхушки и пограничной администрации (А.И. Тевкелев); 6. Социально-экономические средства: «одаривание» различными предметами хана и султанов, выдача хлеба и т.д.

2.4 Реформы и проекты реформ по управлению Казахской степью во второй половине и в конце XVIII века

Во второй половине XVIII века меняется характер взаимоотношений Казахской степи и российской администрации. Оренбургские губернаторы выступают инициаторами разработки и внедрения законодательных актов по управлению Казахской степи. Данная практика сохранится до середины XIX века. Центр серьезно и вдумчиво относится к инициативам региональной власти.

В феврале 1758 года И.И. Неплюев оставил службу в Оренбурге. Временно до прибытия нового начальника исправление его обязанностей было возложено на генерал-майора А. Тевкелева и советника П.И. Рычкова. Надо отметить, что с февраля 1758 г. по июнь 1759 г. они совместно правили Оренбургским краем. В

сентябре 1758 г. КИД запросил мнение А.И. Тевкелева и П.И. Рычкова «на каких основаниях содержать их (казахов – Г.И.) со всегдашнею пользою Е.И.В. высочайших интересов»⁸³¹.

В январе 1759 г. они представили в КИД свое мнение о дальнейшем управлении Младшим и Средним казахскими жузами⁸³². Мнения двух администраторов более подробно изучены в работе Д.В. Васильева⁸³³, мы же обозначим основные положения проекта.

В данном проекте авторы дают характеристику трем народам, проживавшим в регионе, казахам, башкирам, калмыкам, а постоянные набеги казахов на линию, столкновения между этими народами объясняли отсутствием «людкости». Перечисляя пользу от принятия казахами российского подданства, авторы обратили внимание, что разделение калмыков, башкир и казахов линиями дало положительный результат в период башкирских восстаний, когда казахи не только не поддержали башкир, но и не дали им убежище. Авторы имели ввиду последнее крупное восстание 1755 г., которое негативно сказалось на дальнейших взаимоотношениях двух тюркских народов. Среди положительных моментов принятия подданства П.И. Рычков и А.И. Тевкелев отмечают развитие торговли с Бухарой, Хивой через степь и возврат российских подданных. Так, например, с 1742 по 1758 гг. было возвращено 2253 человека из рабства среднеазиатских ханств, из них 1427 чел. были подданными России⁸³⁴.

Авторами был предложены основные принципы управлению Казахской степью: 1) время от времени утверждать в подданстве казахов и держать их в пределах границ Российского государства; 2) действовать в интересах

⁸³¹ Представления генерала-майора А.И. Тевкелева и статского советника П.И. Рычкова, на каком основании содержать киргиз-кайсацкие Среднюю и Меньшую орды, о выборах ханских и о других ордынских // Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 295.

⁸³² Там же. Л. 294–324 об.; 1759 г. января 22 – Представление генерала-майора А.И. Тевкелева и коллежского советника П. Рычкова КИД о положении в Малом и Среднем жузах // КРО – 1. С. 571–591.

⁸³³ Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVII – первая половина XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. С. 313–327.

⁸³⁴ Представление генерала-майора А.И. Тевкелева... // КРО – 1. С. 573.

государства, но справедливо и мягко; 3) использовать военную силу казахов против Китая и ему подвластных монголов.

Для лояльности казахской элиты предлагалось «приохачивать по состоянию службы хана и султанов жалованием, лучших старшин тарханными грамотами и похвальными указами, а иногда награждать деньгами и вещами»⁸³⁵.

По вопросу ханской власти администраторы выступали за сохранение его за домом Абулхаира. В качестве наследника предлагалось иметь не старшего среди его братьев или сыновей, а того, кого российская администрация признает наиболее достойным. Хана администраторы предлагали назначать, а не избирать. В случаях, если хан будет уличен в действиях против российского правительства или же умрет, предлагалось определить наместника. Только верная служба империи могла быть залогом назначения ханом⁸³⁶. Для усиления власти казахского хана П.И. Рычков и А.И. Тевкелев предлагали содержать как при калмыцком хане половину регулярной роты драгун и казаков от 20 до 30 человек при одном или двух обер-офицерах. Это дало бы возможность хану удерживать и наказывать виновных⁸³⁷.

Уделяется внимание и видам наказания виновных казахов. За переход линии предлагалось виновных отправлять в Оренбург, Орск или в Троицк. Только за намерение к воровству рекомендовали бить плетью и отпускать в Орду. За убийства предписывалось отправлять в ссылку⁸³⁸. Также для прекращения набегов, согласно императорскому указу от 27 ноября 1749 г., предлагалось употреблять барымту.

Администраторы обратили внимание и на возможную проблему в будущем – откочевку казахов Младшего и Среднего жузов на освободившиеся земли джунгар под власть Китая. Они предложили следующие пути противостояния этому: 1) главные и вообще все российские командиры должны были поступать справедливо и умеренно с казахами, т.е. потакая всем просьбам элиты

---

⁸³⁵ Там же. С. 577.

⁸³⁶ Там же. С. 580–581.

⁸³⁷ Там же. С. 585.

⁸³⁸ Там же. С. 586.

кочевников, они должны были добиться их расположения к себе, в случае невозможности положительного решения вопроса в пользу номадов нужно было терпеливо «сносить укоризны»; 2) присоединение Старшего жуза в состав Российской империи, который в результате завоевательных походов джунгар оказался под его властью, рассматривалось как положительный момент. Присоединение этих территорий уничтожило бы «все бывшие зюнгорские претензии». Управление Старшим казахским жузом предусматривалось передать в ведение Сибирской губернии⁸³⁹.

В вопросе о взаимоотношениях двух казахских жузов и о политике по отношению к ним московский ученый Д.В. Васильев правильно заметил, что «чиновники всех эшелонов власти – регионального и центрального – вполне однозначно высказывались за необходимость отдельного существования казахских орд»⁸⁴⁰.

П.И. Рычков и А.И. Тевкелев высказывались за осуществление принципа «разделяй и властвуй», который проявился в желании поддерживать межродовые уособицы, чтобы не допустить объединения двух казахских жузов, которые в тот период представляли в регионе силу.

В этот период П.И. Рычков и А.И. Тевкелев видели в Казахской степи военную силу, которая могла выступить на стороне Российской империи против Цинского Китая. Сохранить казахов в составе империи, не дать им перейти на освободившиеся земли джунгар стало из одной из главных задач оренбургской администрации.

А. Тевкелев и П.И. Рычков, сознавая ошибочный и несправедливый характер многих распоряжений и указов центрального правительства, пытались смягчить их неблагоприятные последствия для казахов и поэтому, «снисходя... киргиз-кайсакам, чрез указ киргиз-кайсацкой скот на внутреннюю сторону реки Яика перепускали», с учетом смерти в Оренбурге двух сыновей Нуралы хана, поочередно находившихся там в качестве аманатов, «знатно неосторожным

---

⁸³⁹ Там же. С. 588.

⁸⁴⁰ Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи. С. 330.

внушением» убедили хана больше не отдавать своих детей в аманаты и возобновить свои требования к императрице о «дозволении перегонять скот их в зимние времена на здешнюю сторону»⁸⁴¹.

По отношению к подданным Степи администраторы предлагали мягкие, гибкие, по сравнению с эпохой правления И.И. Неплюева, методы управления. Главное место отводилось командирам линий, крепостей, форпостов, от которых требовали благосклонности к просьбам казахской элиты и кочевого населения.

Период следующего оренбургского губернатора Афанасия Романовича Давыдова (1759–1763) характеризуется усилением взаимных претензий казахов, калмыков, казаков. Обострились отношения начальника края с казахской элитой. Как описывалось в разделе об аманатах, не сложились отношения казахского хана Нуралы и султанов с новым губернатором с момента замены аманата, когда в сентябре 1759 г., прибыв в Оренбург, хан, братья его Ералы, Айшуак и большая свита, сопровождавшая их, были встречены неучтиво. Казахский хан Нуралы в своих письмах в столицу сообщал о недружелюбной встрече А.В. Давыдова в период пребывания хана и его братьев в Оренбурге, о несправедливости со стороны нового начальника⁸⁴².

В сентябре 1760 года в степи был убит башкирами племянник хана Мамбет-Али с 19-ю его сопровождавшими кочевниками. Мамбет-Али привозил в Оренбург нового аманата сына Нуралы – Бекгали султана. Этот случай возмутил не только хана, старшин, но и Сенат. А.В. Давыдову было поручено расследовать дело. Несмотря на то, что Нуралы точно указывал на подозрительных людей, где у одного видели одежду Мамбет-Али, а у других вещи умерших, А.В. Давыдов заявил, что «дело изследовать неудобно, в виду возможности замешания со стороны башкир»⁸⁴³.

В период правления И.И. Неплюева, затем А.И. Тевкелева, казахи получив разрешение, кочевали на правом берегу Урала, а конфликты, возникавшие между ними и уральскими казаками, регулировались быстро, то с приходом нового

⁸⁴¹ Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы... С. 44.

⁸⁴² Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе. Л. 100 – 101 об.

⁸⁴³ Добросмыслов А. Тургайская область. Т. 1. Вып. 2. С. 133.

губернатора были нарушены как со стороны казахов, так и со стороны казаков процедуры и время перехода казахов на правую сторону Яика. Это приводило к отгону скота, грабежу, столкновениям казахов с калмыками, казаками, которые иногда заканчивались убийством, в целом обострению ситуации в крае.

Обычное кочевание казахов на правой стороне Урала признавалось новым оренбургским начальником невозможным, так как это могло привести к тому, что со временем казахи могли совсем перебраться сюда и дойти до Волги, и вступить в конфликт с беспокойными калмыками. Нежелание А.Ф. Давыдова вникать в суть дела в отношениях с казаками обострило ситуацию до такой степени, что хан Младшего жуза Нуралы и его братья, султан Среднего жуза Аблай рассматривают как один из вариантов протеста откочевку к границам Цинской империи или же на юг. Султан Ералы говорил открыто: «для чего за такую безделицу, как один перепуск скота на внутреннюю сторону Яика, давать аманатов. Кроме Яика земли много, и Яик можно оставить»⁸⁴⁴. Откочевка казахов на земли джунгар была нежелательной, учитывая отношения казахского султана Абылая с Китаем.

КИД советовал А.Ф. Давыдову обращаться с казаками ласково, в разговорах с ними быть осторожным, воздержаться от грубых слов, но жалобы продолжали поступать в столицу.

Давыдов не дорожил способными людьми, был вынужден подать в отставку в 1761 г. П.И. Рычков, один из людей, стоявших у основания реализации политики империи на окраине.

Постоянный «конфуз» в отношениях оренбургского губернатора с казахской элитой подтолкнули А.Р. Давыдова написать прошение императрице Елизавете Петровне об отставке в связи болезнью и старостью. Он просил назначить оренбургским губернатором А. Тевкелева или другого генерала.

25 декабря 1761 г. скончалась Елизавета Петровна, хан Нуралы, казахские султаны были вызваны в Оренбург для приведения присяги императору Петру III. Хан, все султаны из дома Абулхаира приняли присягу, но Ералы султан отказался.

---

⁸⁴⁴ Добросмыслов А. Тургайская область. Оренбург. 1901. Т. 1. Вып. 2. С. 133.

29 апреля 1763 г. Сенатом было решено удовлетворить просьбу Давыдова о переводе его из Оренбурга «по способностям» в другое место. Временно же, до подыскания кандидата для должности оренбургского губернатора, дела по управлению губернией были поручены Д.В. Волкову.

Д.В. Волков был назначен первым оренбургским вице-губернатором, но при назначении ему жалованья было выяснено, что «в Оренбургской губернии вице-губернатора не положено»⁸⁴⁵. Именной указ Екатерины II от 13 июня 1763 г. о назначении Д. Волкова оренбургским губернатором разрешал ему «введенные злоупотребления, ...яко губернатору, ежели оные видимо вредны самим опытом нашлись, искоренять и против оных брать такие меры, какия он сам за благо рассудит...»⁸⁴⁶. Одновременно Волкову было назначено жалованье 1500 руб. в год. По представлению КИД через месяц оно было увеличено до 2096 руб. в год⁸⁴⁷.

Указом от 26 апреля 1763 г. губернатор должен был представить «генеральное описание» дел, касающихся башкир и казахов, привести в лучшее состояние торговлю с Хивой и Бухарой и т.д.⁸⁴⁸

Уже через месяц пребывания в Оренбургской губернии 26 мая 1763 г. Д.В. Волков доносил императрице Екатерине II свое видение по управлению Оренбургской губернией. В «казахском» вопросе, он отмечал, что казахи, считая себя подданными империи, не несут какой-либо службы, они ничем не отягощены, от нападения башкир и яицких казаков защищены сильной рукой империи, получают ежегодное жалованье. Д. Волков считал, что надо до того довести, чтобы «киргизцы Россию собственно для России любили и помаленьку русели»⁸⁴⁹. Он писал: «Для чего, например, не иметь к малолетним их здесь аманатам лутчаго, нежели к скотине призрения? Для чего не обучать их не военному ремеслу, но гражданским наукам и благонравию? Для чего о том не

⁸⁴⁵ Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 431.

⁸⁴⁶ Там же. С. 488.

⁸⁴⁷ Там же. С. 431, 509–510.

⁸⁴⁸ 1763 г. мая 26 – Доношение оренбургского военного губернатора Д.В. Волкова имп. Екатерине II об основных вопросах управления Оренбургской губернией // МИБАССР. Т. 4. Ч. 2. С. 444–452.

⁸⁴⁹ Там же. С. 447.

постараться, чтоб ханские и знатных старшин здесь в аманатах находящиеся дети время своего здесь невольничества почитали после самым лучшим их жизни временем и чтоб отцы их за щастие почитали, что дети их будут аманатами, вместо того, что теперь чем больше кто остается здесь аманатом в своем заточении, тем большею питается к российскому имени ненавистию и может быть мщением? Для чего не дать им чувствовать великую разницу между нашим благопристойным и их зверским обхождением? Почто скучать церемониальными подлинно и потому скучными с ханом свиданиями и оных наконец избегать под такими претекстами, которых неосновательно им видимо? Не лутче ли было бы стократно сими свиданиями, несмотря на некоторой убыток, не токмо учащать, но паче до того доводить стараться, чтоб с ними в фамилиарное обхождение войти? Одним дружеским разговором сто раз можно более сделать, нежели десятью церемониальными свиданиями. Азиатцы имеют еще славу верных друзей и чего деньгами купить неможно, то дружбою получить удобно. Да прежде того и нечаятельно, чтоб о прямом их состоянии верное сведение иметь можно было. Для чего не возбуждать в них охоту ко вступлению в здешнюю службу? Для чего не вселять в них похвальную ревность служить великой в свете монархине, а не ворами быть? Для чего не приобучать их к земледелию и хлебопашеству, хотя б несколько лет и бесплодно употреблять на то некоторое иждивение?»⁸⁵⁰. Д. Волков понимал, что достичь результатов быстро и одновременно невозможно. Он предлагал, при каждом удобном случае помогая казахам, достигать своих намерений. Так, например, при холодной зиме, когда помирает большое количество скота, он предлагал «разлакомить» их хлебом и к «разведению лесов поощрить».

Новый оренбургский губернатор уделял большое внимание развитию хлебопашества как среди казахов, так и среди башкир. Он указывал, что у башкир есть много хлебородных мест. При большом старании, по его мнению, можно было довести до того, что Оренбургская губерния свой избыток хлеба могла бы за

---

⁸⁵⁰ Там же. С. 447.

Яик отправлять⁸⁵¹. «Где заведется пашня, там и домостройство, а где домостройство, там и тишина и власть законов», – рассуждал Д. Волков⁸⁵². Кочующие народы, по его мнению, «всегда будут ветрены и законам не подчинены».

Раскритиковал он положение населения в крепостях, отмечая дороговизну товаров, в том числе и хлеба. Ржаная мука продавалась здесь за 20 с лишним коп. за пуд. Бросилась в глаза Д. Волкова также бедность населения, в крепостях не было хлебных печей, нечем было починить заборы. Материалы, из которых были построены (бревно) крепости, уже давно обветшали. Видя такое состояние российских крепостей и его населения, кочевники еще и пожалуют линейных жителей, – рассуждал он.

Императрица Екатерина II поддержала предложения оренбургского губернатора. Она дала свободу действий оренбургскому губернатору в дальнейшем развитии торговли с Хивой и Бухарой. Поддержала его и в вопросе учреждения словесного суда в мелких делах казахов. Потребовала дальнейшего разъяснения вопроса: каким образом можно привести казахов к развитию хлебопашества и заведению лесов?⁸⁵³

Д.В. Волков предлагал развить заграничную торговлю хлебом, не боясь сделать у себя недостаток. Он поддержал в этом вопросе генерал-майора А. Тевкелева и предлагал отправить его в Оренбургский край, «если не губернатором, то по меньшей мере на таком же основании, как пред сим имел он здесь особливую для киргизских дел комиссию»⁸⁵⁴.

Уже через месяц своей деятельности в Оренбургском крае Д. Волков просил уволить его от службы. Он в своем донесении императрице показывает свою неуверенность, выражаясь: «признаваюсь здесь за самого постороннего человека», «недостанет у меня смелости утруждать», «буду посмешищем всего

⁸⁵¹ Там же. С. 448.

⁸⁵² Там же. С. 448.

⁸⁵³ 1763 г. июня 13 – Письмо имп. Екатерины II Д.В. Волкову о задачах его управления Оренбургской губернией // МИБАССР. Т. 4. Ч. 2. С. 452.

⁸⁵⁴ 1763 г. июня 13 – Из доношения оренбургского военного губернатора Д.В. Волкова в Сенат о необходимости расширения земледелия в Оренбургской губернии // МИБАССР. Т. 4. Ч. 2. С. 458.

света»⁸⁵⁵ и т.д. Находился Д. Волков в этой должности только до конца года, так как по определению Сената 11 октября 1763 г. был вызван в Петербург и назначен президентом Мануфактур-коллегии⁸⁵⁶.

В период правления оренбургского губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа (1768–1781) проходит восстание под руководством Е. Пугачева, в котором приняли участие казахи Младшего жуза⁸⁵⁷.

В январе 1771 года калмыки, полтора столетия (1632–1771) обитавшие в просторах Нижнего Поволжья, от Дона до Яика, начали откочевку на свою историческую родину – в Центральную Азию. Возглавил откочевку калмыцкий правитель Убаши. Уничтоженное в 1757–1759 гг. Джунгарское ханство под названием провинция Синьцзян (Новая линия) вошла в состав Цинской империи. Пока оренбургский губернатор и командующий Оренбургским корпусом И.К. Давыдов переписывались с КИД о положении дел, 18 февраля 1771 г. калмыки были уже на р. Эмбе. В этот период оренбургский начальник обратился к методам, которые использовал И.И. Неплюев в период подавления башкирских восстаний. Оренбургский губернатор отправляет письма к казахскому хану и султанам, где требует задержать бежавших калмык⁸⁵⁸.

Казахский хан Нуралы со своими сыновьями Аблаем, Жанали, Арсланом участвовали в преследовании калмыков⁸⁵⁹. В своем письме оренбургскому губернатору и кавалеру И.А. Рейнсдорпу хан сообщал, что народ его под его предводительством собран «для возвращения изменников». Нуралы хан просил в помощь 300 чел. с пушками. Он сообщал также, что от него посланы люди к султану Среднего жуза Аблаю с призывом присоединиться со своим войском в поход⁸⁶⁰. Хан для поднятия своего авторитета перед населением Степи просил

⁸⁵⁵ Там же. С. 444–445.

⁸⁵⁶ Сенатский архив. Т. XII. СПб., 1907. С. 200, 295, 375, 488.

⁸⁵⁷ См. подробнее: Бекмаханов Е.Б. Семенюк Г.И. Казахи в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Ученые записки КазГУ им. С.М. Кирова. Т. 54. Серия историческая. Вып. 12. Алма-Ата, 1963. С. 59–87; Бекмаханова Н.Е. Легенда о Невидимке. Алма-Ата, 1968. 190 с. и др.

⁸⁵⁸ Подробнее о действиях казахских султанов в период откочевки калмыков см.: Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005. С. 243–264.

⁸⁵⁹ АВПРИ. Ф. 119. Оп. 119/2. 1771–1772. Д. 34. Л. 155–155 об.

⁸⁶⁰ Там же. Л. 78 об. – 79.

отпустить задержанных безвинно казаха из рода байбакты Джаная и казахов из рода таз.

Следующее письмо Нуралы хана И.А. Рейнсдорп получил 1 февраля через переводчика Матвея Арапова, где хан просил выслать отряд башкир. В своем донесении в КИД оренбургский губернатор 3 февраля сообщал: «что касается до требования ханского, дабы для воспрещения калмыкам в предприятиях их пути были высланы отсель и башкирцы, то я сие предвижу невозможным, понеже башкирцы с киргиз-кайсаками от давнего времени враждебны, следовательно, вместо желаемого как бы вящего разврата и затруднения не произвели»⁸⁶¹. А.И. Рейнсдорп опасался, с одной стороны, столкновений между этими народами, но с другой видел опасность в их сближении.

Но через некоторое время оренбургский губернатор изменил свое мнение. Он сообщал: «и хотя и для известных Коллегии резонов не намерен был башкирцев без крайнего употреблять, однако ж в уважение сие необходимо, чтобы их калмык не упустить, принужден буду знатный корпус из башкирцев употребить, с придачей к ним хороших приставников»⁸⁶².

Из Оренбурга было отправлено четыре отряда, но неподготовленность их к дальним походам вынудила их возвратиться. В мае 1771 г. отправленный к казахскому хану на помощь российский отряд за окончанием провианта возвращается назад, хотя хан просил начальника отряда оставить 1000 или 500 человек, дать ему 2–3 пушки для продолжения преследования⁸⁶³.

21 июля 1771 г. Нуралы сообщал в Оренбург, что российские войска возвратились, к преследованию калмык присоединились казахи Среднего жуза во главе с Аблай султаном, а также казахи Старшего жуза. В урочище Ушун Кунрат был собраны все силы преследователей. Но по истечении 3-х дней битвы, когда калмыки были ослаблены и оказались в блокаде, султан Аблай ночью по сговору с калмыцким наместником Убаши, доставив им воду, пропустил их. По мнению Нуралы хана, Аблай имел две причины на это. Во-первых, это личная нажива. Он

---

⁸⁶¹ Там же. Л. 76.

⁸⁶² Там же. Л. 195 об.

⁸⁶³ Там же. Л. 352–353.

получил много подарков и рабов от Убаши. Во-вторых, султан не собирался ухудшать отношения с Цинским двором, с которым калмыки были в стоворе⁸⁶⁴.

Ослабленные, потерявшие больше половины своего населения, калмыки прибыли на историческую родину. Их встретили китайские пограничные отряды, и торгоуты были расселены Цинским правительством.

Не останавливаясь подробно на причинах откочевки калмыков, лишь отметим, что откочевка калмыков стала возможной из-за противоречий двух властей – калмыцкой и российской. Наместник Калмыцкого ханства Убаши и российская администрация в лице астраханского губернатора Бекетова и руководителя «калмыцких дел» Кишенского не смогли найти решения выхода из кризиса в Калмыцком ханстве. По мнению Ж.Б. Кундакбаевой, также откочевка стала возможной вследствие несогласованности действий со стороны двух ветвей местной власти, в ведении которых находились калмыки – астраханского губернатора и руководителя «калмыцких дел». Центральное правительство в этот период из-за укрепления подданства казахов не делало ставку на калмыков как форпоста на юго-восточных окраинах империи⁸⁶⁵.

Переход калмыков в Джунгарию стал своего рода уроком для российской администрации, которая в дальнейшем будет выражаться в более мягком и гибком регулировании конфликтов казахов с казаками, прекращении при О. Игельстроме карательных мероприятий в степи и т.д. Данная откочевка освободила междуречье Волги и Урала, казахи получили разрешение на переход на правый берег Яика в экстренных случаях.

С 1781 по 1796 гг. Оренбургская губерния преобразовывается в Уфимское наместничество с центром в городе Уфе. Оно делится на Оренбургскую и Уфимские области. В 1781–1782 гг. наместником был генерал-поручик Иван Варфоломеевич Якоби. В 1782 г. «все дела, касающиеся казахской степи, были переданы в ведение генерал-прокурора, а посланники начали называться

---

⁸⁶⁴ Там же. Л. 441 – 441 об.

⁸⁶⁵ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости»... С. 263–264.

«депутатами», как все губернские представители», однако все вопросы относительно приграничного региона оставались в ведении КИД⁸⁶⁶.

Указом от 14 января 1782 года в Оренбурге была учреждена пограничная экспедиция. Это был орган по пограничным делам при оренбургском обер-коменданте, которому было поручены казахские дела после учреждения Симбирского и Уфимского наместничества⁸⁶⁷.

В декабре 1782 года генерал-поручик Аким Иванович Апухтин был назначен симбирским и уфимским генерал-губернатором (1782–1784). В сентябре 1783 года он представил Екатерине II донесение о состоянии Среднего и Младшего казахских жузов. Он сообщал, что дистанции от Оренбурга до Верхнеуральска не защищены, здесь происходят частые «продерзости» казахов Младшего жуза, в том числе похищение прилинейных жителей и продажа их в рабство в Бухару и Хиву⁸⁶⁸. Причину всех этих самоуправств он видел в слабости ханской власти. Лучшим способом к удержанию казахов от набегов А.И. Апухтин считал учреждение в Оренбурге Пограничного суда под руководством генерал-губернатора, «в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были». 2 мая 1784 г. императрица утвердила представление генерал-губернатора Апухтина⁸⁶⁹. Но восстание под руководством Сырыма Датова (1783–1797) отложило решение этого вопроса.

Назначение симбирским и уфимским генерал-губернатором барона Осипа Андреевича Игельстрома (1784–1792) совпало с периодом кризиса в Младшем казахском жузе⁸⁷⁰. В это время участились столкновения казахов с уральскими казаками, усилились противоречия в лагере чингизидов. Ознакомившись с положением дел в Степи еще до прибытия в Оренбург, он рассматривал способы установления среди кочевников «тишины, спокойствия и послушания».

⁸⁶⁶ Басин В.Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. // Известия АН КазССР. 1968. № 5. С. 27–28.

⁸⁶⁷ Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. Приложения. С. 484.

⁸⁶⁸ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 1999. С. 112.

⁸⁶⁹ Там же. С. 113.

⁸⁷⁰ В 1796–1798 гг. оренбургский военный губернатор

24 февраля 1785 г. О. Игельстром подал на имя члена КИД графа А.А. Безбородко «Записку о мерах, которые следует принять для водворения спокойствия в Орде»⁸⁷¹, где четко изложил свое видение по управлению окраиной. Он выступает за сильную приграничную власть, ответственную за отношения с казахами. Предлагает дать ему власть над народами, живущими за линией, решать и действовать по обстоятельствам дела, наказывать без отправки их в губернские суды, акцентируя, что управление краем зависит от отношения российской администрации на местах к населению, а также от «доверенности и любви (казахов – Г.И.) к тому, кому поверено отправление их дел», вместе с тем упоминает, что казахи должны бояться «наказания сильною рукою» за нарушение порядка в степи⁸⁷². Игельстром выступает за сокращение и перенос линии. Он предлагает сделать «генеральную барымту», выступить на р. Эмбу и вершину р. Орь 5-ю или 4-мя detachmentами и сделать топографические съемки. Даже в случае наказания виновных, местная администрация должна была проявлять «великодушие и милость»⁸⁷³.

Видя бессилие Нуралы Абулхаирулы, он в июле 1785 г. отправляет в степь Мухамеджана Хусаинова с «открытыми листами», чтобы привлечь на свою сторону старшин, в чьих руках находилась реальная власть в тот период. Ему это удалось, казахские старшины отправляют ответную делегацию в составе 5 человек, которые в Оренбург привезли «прошение старшин» на имя Екатерины II. Обвинив во всех грабежах, столкновениях казахов с российскими жителями Нуралы хана, они требовали отстранения от власти детей Абулхаира, при выполнении этого условия «все старосты и весь народ Малой Орды» обещал повиноваться⁸⁷⁴. Под прошением подписались 53 старшины, которые представляли 21 род.

В сентябре 1785 г. проходит собрание, 208 старшин принесли присягу на верность империи. На съезде были поставлены вопросы о смещении хана Нуралы

⁸⁷¹ 24 февраля 1785 г. – Записка барона О. Игельстрорма члену КИД гр. А.А. Безбородко о мерах, которые следует принять для водворения спокойствия в Орде // Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. С. 45–46.

⁸⁷² Там же. С. 45, 46.

⁸⁷³ Там же. С. 46.

⁸⁷⁴ Там же. С. 53.

и разделении Младшего жуза на три части, так называемые «Главные Орды» – Байулинскую, Семиродскую и Каракесецкую (имеется ввиду Алимұлы – Г.И.). Здесь были определены старшины трех частей: Сегизбай бий (Алимұлы), Тленши батыр (Жетыру или семиродцы), Турмамбет би (Байулы). Батыр Сырым Датов был назначен «начальным советником» во всей Орде⁸⁷⁵, это свидетельствовало, что Нуралы хан лишился реальной власти. Также было принято решение об учреждении Пограничного суда. Старшины были готовы признать нового хана Каипа, сына хивинского хана Батыра – давнего соперника дома Абулхаира.

Приняв во внимание решение съезда старшин, О. Игельстром берет курс на отстранение хана Нуралы от власти⁸⁷⁶. Он идет на сближение с представителями группы «кара суйек», отстраняя и уменьшая постепенно влияние султанов из дома Абулхаира.

Усилившиеся нападения казахов на аулы хана вынудило хана Нуралы бежать в апреле 1786 г. под защиту российской власти.

10 мая 1786 г. О. Игельстром направляет в столицу донесение с предложениями по преобразованию Казахской степи и изменению характера взаимоотношений казахского социума и оренбургской администрации. Это время и стало началом «реформ Игельстрома».

По реформе в трех поколениях казахов Младшего жуза (Алимұлы, Байулы, Жетыру) предлагалось организовать расправы, которые выступали как исполнительные и судебные учреждения. Расправа должна была состоять из председателя (главный старшина рода), 2-х заседателей, муллы, выполнявшего функции письмоводителя, а также одного русского или татарина, испытанного в верности военной или гражданской службы. Последний, находясь при тех судах в

---

⁸⁷⁵ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). Т. 3. С. 228.

⁸⁷⁶ Реформа О. Игельстрома и восстание под руководством С. Датова разработана в историографии. См. подробнее: Вяткин С. Батыр Срым. М.; Л., 1947; Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е гг.). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2012; Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014; История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5-ти т. Т. 3. Алматы: «Атамұра», 2000. С. 220–234 и др.

качестве депутата (пристава), на самом деле должен был доносить «здешнему начальству о всем, что при оном и в Орде происходить будет»⁸⁷⁷.

Как отмечает Д.В. Васильев, «расправы не были изобретением симбирского и уфимского генерал-губернатора. Учреждение для управления губерний вводило нижние расправы в качестве уездных судов по гражданским и уголовным делам для однодворцев, казенных и дворцовых крестьян. Они учреждались по инициативе генерал-губернаторов в составе судьи (назначался губернским правлением) и восьми заседателей, избравшихся крестьянами»⁸⁷⁸. Он считает, что О. Игельстром перенес в степь общеимперскую практику в усеченном виде и что его действия продемонстрировали тенденцию распространения на Казахскую степь общеимперского законодательства с адаптацией к местным условиям⁸⁷⁹.

Во всех родах Младшего жуза предполагалось ввести должность старшин, которые решали бы межродовые и внутриродовые претензии казахов. Впервые предполагается выдача жалованья главным старшинам по 200 руб., хлеба ржаного 5 четвертей; их помощникам или заседателям – по 50 руб. и хлеба ржаного 2 четвертей, родовым старшинам, в зависимости от численности людей – по 30–50 руб. и хлеба ржаного 2 четвертей в год. Также выдавалось жалование мулле по 100 руб., депутату – 200 руб. Всего на выплаты жалований выделялось 3080 руб., хлеба 91 четверть⁸⁸⁰.

Обострение отношений хана со старшинами, лишение реальной власти в Орде, бегство его на линию подтолкнуло российскую администрацию к вызову его в Оренбург. Оттуда Нуралы хан с двумя сыновьями и прислугой был отправлен в Уфу. 3 июня 1786 г. Екатерина II подписала рескрипт об отстранении Нуралы от ханской власти⁸⁸¹.

---

⁸⁷⁷ 1786 г. 10 мая – Донесение бар. О. Игельстрома имп. Екатерине II об организации так называемых расправ и должности старшин в каждом из 32-х «поколений» // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 71.

⁸⁷⁸ Васильев Д.В. Организация административного управления в Казахской степи. С. 379.

⁸⁷⁹ Там же. С. 379.

⁸⁸⁰ Там же. С. 71.

⁸⁸¹ Мнения российской администрации по вопросу ликвидации ханской власти в Младшем жузе раскрыты в работе Н.С. Лапина. См. подробнее: Лапин Н.С. Деятельность Игельстрома. С. 217–221, 257–261.

3 октября 1786 г. был образован Пограничный суд в Оренбурге, состав которого состоял из обер-коменданта – председатель, двух российских офицеров, двух купцов, двух жителей казенного ведомства и 6 представителей казахского народа. Срок пребывания судей ограничивался тремя годами. В первый состав Пограничного суда вошли: оренбургский обер-комендант Я.М. Зенбулатов, премьер-майор С. Петрашевич, секунд-майор И. Капустин; представителями казахов от поколения Алимуды были: Рахманберды Куттыбайулы, Базарбай Кудайбергеноулы, от Байулы – Бекайдар Жанабайулы, Жанмурат Усенулы; от поколения Жетыру – Аргынбай Шакабайулы, Калыбай Жарасулы; от Сеитова посада – купцы Сейфулла Салеев, Мирмукум Мирдебаев. Кроме того, в состав суда входили башкирский походный старшина Амякач Аккулеков и мещерякский походный старшина Зямгур Абдусалямов⁸⁸².

В 1786–1787 гг. начала действовать новая административная форма управления. Младший жуз был разделен на три главных рода, т.е. здесь было учтено старое, характерное для казахов данного жуза разделение на три поколения (Алимуды, Байулы, Жетыру). В каждом из трех главных родов были избраны кочевниками и утверждены генерал-губернатором главные старшины и родоначальники (родовых старшин). В каждом из трех главных родов были образованы расправы для разбора уголовных и гражданских дел между казахами.

Осенью 1787 г. на собрании старшин было избрано 7 главных (вместо трех)⁸⁸³ и 42 родовых (вместо 32) старшин⁸⁸⁴. В поколении Алимуды: Сарытай бий, Каракубек Кушайбиев (бий); в Байулы: Сырым Датов (батыр), Каратау Умирзаков (бий); в Жетыру: Тленши Бокенбаев (батыр), Жанболат Карабанов) (батыр) стали главными старшинами Младшего жуза⁸⁸⁵. Все они были представителями группы «кара суйек». Но оренбургская администрация не отдавала им полную власть на местах, не отстраняла от власти султанов.

⁸⁸² Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. Приложения. С. 487.

⁸⁸³ В Алимуды – 3, Байулы – 2, Жетыру – 2 / 1787 г. ноября 9 – Донесение бар. О. Игельстрома имп. Екатерине II // Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. С. 98.

⁸⁸⁴ В Алимуды – 12 родовых старшин, Байулы – 14, Жетыру – 13, в 3-х родах Среднего жуза, которые кочевали вместе с казахами Младшего жуза // Там же. С. 98–99.

⁸⁸⁵ 1787 г. не позднее ноября 9 – Список утвержденных главных старшин // Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. С. 100.

Осенью 1787 года О. Игельстром утвердил «Правила для расправ»⁸⁸⁶. Главной функцией расправы было проведение суда по уголовным и гражданским делам среди родов, состоящих в ее ведомстве. Расправа подчинялась Оренбургскому пограничному суду и главному начальнику края. Она отправляла в суд рапорта, а оттуда получала к исполнению указы⁸⁸⁷. Расправы отвечали за спокойствие и порядок в Степи и следили, чтобы казахи не делали набеги и разорения на линии.

28 февраля 1789 г. было открыто еще две расправы в трех главных родах⁸⁸⁸. Казахские старшины предлагали не раз Каипа из поколения Жадик на ханство, но в столице считали, что «покуда настоящий (хан – Г.И.) жив, не удобно к тому приступить». Султаны дома Абулхаира не признавали новые структуры власти.

Таким образом, по реформе опорой российской администрации в Казахской степи стали представители «кара суйек», родовая аристократия, а не чингизиды. В этот период начинается процесс кооптации казахского населения в имперское пространство.

Ослабление власти чингизидов, отстранение хана Нуралы вызывает недовольство султанов. Борьбу чингизидов, требовавших возвращения хана Нуралы и восстановления ханской власти, возглавил брат хана – Ералы, который в это время был ханом каракалпаков. Поддержали султанов дома Абулхаира и чингизиды Среднего жуза, потомки хана Аблая, в том числе влиятельный и сильный султан Худайменды.

В конце 1789 г. О.А. Игельстром был вызван в столицу и отправлен в Финляндию. Его отъезд из региона привел к обострению ситуации в Казахской степи. Он формально оставался наместником, система институтов, введенная им, продолжала действовать. В 1790 году хан Нуралы скончался в Уфе.

⁸⁸⁶ 1787 г. не позднее ноября 9 – «Правила», утвержденные бар. О.А. Игельстромом для расправ // Там же. С. 100–101.

⁸⁸⁷ Там же. С. 101.

⁸⁸⁸ 28 февраля 1789 г. – Указ об открытии в Малой Орде дополнительно двух расправ в трех главных родах, учреждении суда в Джагалбайлинском обществе // Материалы по истории политического строя. С. 83.

В 1790–1792 гг. Александр Александрович фон Пеутлинг замещал О. Игельстрома на посту симбирского и уфимского генерал-губернатора. Он решил вернуться к старой политике, ориентированной на сотрудничество с чингизидами. А. фон Пеутлинг стал отправлять в степь карательные экспедиции. Казахские бии Кара-Кобек и Шубар в 1790 г. в своем письме члену КИД графу А.А. Безбородко просили сменить войскового атамана Уральского казачьего войска Д. Донскова и генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества А.А. Пеутлинга. Они сообщали, что казачий отряд Данилы Донскова, напав на казахские аулы, «причинили жестокие насилия безвинным людям, убивали женщин, а у некоторых, разрезав животы, вытаскивали младенцев и отрубали им головы»⁸⁸⁹. Они просили вернуть управление краем О.А. Игельstromу.

В 1791 г. при поддержке российской администрации Ералы Абулхаирулы был избран ханом Младшего жуза. Переориентация на султанов, отход от представителей «кара суйек» – старшин были связаны с ослаблением рядов С. Датова. Как отмечает М.П. Вяткин: «К 1791 году совершенно явственно обнаружился отход значительной части старшин от Срыма. Все попятки Срыма сплотить вокруг себя наиболее влиятельных старшин терпели неудачу»⁸⁹⁰.

Сырым выступил против такого решения и встал открыто на путь вооруженной борьбы. Он обвинил А. Пеутлинга в нарушении слов, данных его предшественником. В сентябре 1792 г. С. Датов обратился к ногайским, хивинским и бухарским купцам не выезжать в степь по случаю войны казахов с Россией, где сообщил, что избрали они Хасангали, сына Нуралы, ханом⁸⁹¹. В одном из народных преданий Сырым приписываются следующие слова: «Мы – каракалпаки, сарты, узбеки, казахи, туркмены и естеки (башкиры), все

⁸⁸⁹ 1790 г. августа 2 – Письмо Кара-Кобек бия и Шубар бия члену КИД графу А.А. Безбородко с просьбой о смещении войскового атамана Уральского казачьего войска Д. Донскова и генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества А.А. Пеутлинга, разоряющих казахов // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 135.

⁸⁹⁰ Вяткин М. Батыр Срым. Алматы, 1998. С. 260.

⁸⁹¹ 1792 г. не позднее сентября 14 – Обращение батыра Срыма и биев к ногайским, бухарским и хивинским купцам с предложением не выезжать в казахскую степь по случаю войны казахов с Россией // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 139–140.

шесть народностей – должны объединиться и выступить войною против русского царя, иначе он поодиночке разобьет каждого из нас»⁸⁹². С. Датов вел переговоры с бухарским аталыком, который обещал поддержку войсками, но не получил ее. Он в борьбе против хана Ералы стал ориентироваться на поддержку хана Абулгазы Каипова, который претендовал на власть в Младшем жузе. С лета 1794 года российская администрация несколько ограничила действия уральского казачьего войска. В 1794 году скончался хан Ералы.

Новым ханом в сентябре 1795 года был назначен сын Нуралы – Есим⁸⁹³. При нем предполагалось создать совет, который бы находился в урочище Тайсуган. Члены его, избранные народом из султанов и старейшин, по замыслу российской администрации, должны были исполнять волю хана, помогать ему, делать представления⁸⁹⁴. Но данные предположения не были исполнены, так как в 1797 г. Сырым, напав на аул Есима, убил хана.

В конце 1796 года указом Павла I восстанавливается Оренбургская губерния, а военным губернатором был назначен О. Игельстром. Весной 1797 г. в сложившейся кризисной ситуации в Степи он выдвинул идею учреждения Ханского совета для регулирования ситуации. После смерти Есима в 1797 году данный совет был учрежден. Он должен был заменить хана. Местом пребывания совета был определен район р. Малая Хобда. В августе того же года Ханский совет начал работу. Председателем был назначен четвертый сын Абулхаира – Айшуак, в состав вошли шесть советников, по два человека из каждого поколения (Алимулы, Байулы, Жетыру). Советниками стали от Алимулы – Сарычункай би и Бурунбай би, от Байулы – Султанбек би и Чакчак би, от Жетыру – Кучукбай би и Битик-Кабыл мурза⁸⁹⁵. Проводя данный шаг, О. Игельстром преследовал цель стабилизировать обстановку в Степи. Создание Ханского совета давало возможность временно не избирать хана, на чем настаивал Сырым, а с другой

⁸⁹² Вяткин М. Батыр Срым. С. 236.

⁸⁹³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 276.

⁸⁹⁴ Там же. С. 277.

⁸⁹⁵ Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. Вып. 1. Т. 1. Оренбург, 1901. С. 211.

стороны, удовлетворялось желание чингизидов – восстановить свои позиции после убийства хана Есима.

Функции Ханского совета более точно были определены позже. В 1806 году 31 мая Александром I был учрежден штат Ханского совета и определены его функции⁸⁹⁶. Совет должен был находиться при хане неотлучно. Главной задачей совета было «всемерное попечение о восстановлении в Орде порядка, благоустройства и спокойствия», а также исполнение в точности и в срок всех предписаний пограничного начальства⁸⁹⁷.

Открыл заседание Ханского совета муфтий Мухамеджан Хусаинов. Члены совета присягнули на верность и поклялись исполнять свои обязанности с усердием. Как в дореволюционной, советской, так и в современной историографии создание данного совета оценивается как «нецелесообразное», «бесполезное» и «не пользующееся авторитетом ни у одной из противоборствующих партий», «мертворожденное учреждение»⁸⁹⁸.

В это время султаны самостоятельно избирают ханом султана Каратая Нуралиева. Это вызвало недовольство Сырыма. В этих условиях О. Игельстром пошел на назначение ханом Айшуака, кандидатура которого устроила все противодействующие стороны – Каратая⁸⁹⁹, Сырыма и представителей дома Абулхаира. Возведение в ханы престарелого чингизида не стабилизировало ситуацию в Степи.

Следующий важный элемент деятельности О. Игельстрема – это конфессиональная политика и образовательная программа. В своем донесении от 10 мая 1786 г. среди предложений по административному преобразованию Степи он выделил также строительство мечетей, открытие школ и гостиных дворов.

⁸⁹⁶ Материалы по истории КазССР. Т. IV. Приложения. С. 488–489.

⁸⁹⁷ Правила для Ханского совета были опубликованы в Известиях Оренбургского отд. ИРГО. Оренбург, 1902. Вып.16. С. 242–244.

⁸⁹⁸ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих... С. 278; Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 23; Добросмыслов А. И. Указ. соч.. С. 211 – 212, 214; Рязанов А.Ф. Батыр Сырым Датов // Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы, 1998. Сб. 2. С. 105; Вяткин М.П. Очерки истории Казахской ССР с древнейших времен до 1870 г. Л., 1941. Т. 1. С. 208.; Касымбаев Ж. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы, 1999. С. 201.

⁸⁹⁹ В 1824 году будет назначен султаном-правителем Западной части Зауральской Орды.

Началось строительство мечетей в Оренбургском крае при симбирском и уфимском генерал-губернаторе А.И. Апухтине. 22 мая 1784 года императрица Екатерина II в указе на имя генерал-поручика А. Апухтина требовала «скорейшего окончания мечетей для народов магометанского закона». Строительство данных мечетей закончилось в эпоху правления О. Игельстрома. Мечети в 4-летний срок были построены в Оренбурге около Менового двора, в Верхнеуральске, Троицке, Петропавловске. Постройка мечетей в указанных выше местах была произведена по следующим соображениям: «первой – в Оренбурге, в разсуждении близости пребывания Малой Орды Нурали хана; второй – в Верхнеуральске, по случаю расположения всех знатных старшин своим кочевьем против Верхнеуральской дистанции; третьей – в Троицкой крепости, по причине продолжаемой там торговли и для лучшего их по сему поводу приохочения к непрерывному приезду, четвертой – в Петропавловской крепости, по соглашению уфимского и сибирского генерал-губернатора Якоби с пермским и тобольским генерал-губернатором Огаревым, ввиду, вероятно, близости пребывания хана Средней Орды Вали»⁹⁰⁰.

4 сентября 1785 г. императрица Екатерина II, обращая внимание О. Игельстрома на роль мечетей, открытых в Троицке и Оренбурге, велела именным указом: «Первое, при данных мечетях построить татарские школы по примеру казанских, и тут же завести караван-сарай или гостиные дворы казенные для выгоды торгующих магометан. Второе, мечети обвести каменным забором, осведомяся у татар, как то пристойнее по их обычаю. Третье, где же вновь следует построить мечети и особливо в таких местах, кои удобнее других посещаемы быть могут, стараться оныя так расположить, чтоб хотя и до тысячи пяти сот человек в них вместиться могло, считая например пространство их до двадцати или до двадцати пяти сажень»⁹⁰¹.

⁹⁰⁰ Добросмыслов А. Тургайская область. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901. С. 162–163.

⁹⁰¹ 1785 г. сентября 4 – О построении школ и заведении караван-сараяв при мечетях татарских // ПСЗРИ – 1. Т. XXII. № 16255. С. 450; Архив графа Игельстрома // Русский архив. М., 1886. № 11. С. 348.

27 ноября 1785 года императрица указывает Игельstromу о снабжении всех родов казахов муллами⁹⁰². 12 ноября 1786 года в рескрипте на имя того же Игельstromа Екатерина II опять пишет об открытии школ при мечетях⁹⁰³.

28 февраля 1789 года был утвержден штат служащих при оренбургской мечети и школе. Он состоял из следующих лиц: имама, с содержанием 50 руб. в год; двух муаззинов, т.е. призывающих гласно народ на молитву с содержанием по 20 руб. в год; мударриса, т.е. учителя магометанской религии, с содержанием 60 руб. в год. Всего на содержание мечети и школы повелено было отпускать по 2007 руб. в год⁹⁰⁴.

19 декабря 1789 года пограничная экспедиция разослала нижеследующим лицам Младшего жуза приглашения привозить детей в школу: алимулинского поколения главным старшинам – биям: Жанназару, Каракубеку, Муразбеку и десяти родовым старшинам; байулинского – главным старшинам: Сырымү Датову, бию Каратау Гумерзакову и семнадцати родовым старшинам и семиродского – главным старшинам: батырам Тлянчи Букенбаеву и Жанбулату Карабанову и тринадцати родовым старшинам. Хану Нурали и султанам приглашения не рассылались, так как правительство в это время предполагало ханскую власть в Младшем жузе ликвидировать, а хан Нуралы содержался в Уфе.

Первым представил в школу сына коллежский ассессор султан Джигангер – сын хивинского хана Каипа. В письме от 26 декабря 1791 года на имя председателя пограничной экспедиции генерал-майора Ивана Андреевича фон-Трейдена, он писал: «Отправил я к вашему превосходительству сына моего Бишин султана с двумя при нем товарищами – Аминбаем Сатулгановым да Янназаром Дервишевым для обучения мухамеданского нашего закона в настоящее зимнее время в оренбургской подгородной Сеитовской слободе, а по наступлении лета в построенной по Высочайшему Е.И.В. изволению школе. Ежели Бог жизнь его, Бишин салтана, продолжит, то намерен я ко обучению его

⁹⁰² 1785 г. ноября 27 – О снабжении разных родов киргизских муллами // ПСЗРИ – 1. Т. XXII. № 16292. С. 493– 495.

⁹⁰³ Добросмыслов А. Тургайская область. Т. 1. Вып. 2. Оренбург, 1901. С. 164.

⁹⁰⁴ Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии. Вып. IX. Оренбург, 1902. С. 55.

употребить три года, а затем другого отдать, а как сей мой сын малолетен, то вашего превосходительства прошу, учителю от стороны вашей приказать, дабы он, сколько ему возможно будет, старался обучать его, между прочим, вежливости и законным порядкам, ибо хотя он в киргиз-кайсацком народе и солтан, однако он, как находящейся в степи, требует особливаго учения»⁹⁰⁵.

Экспедиция не встретила препятствий к принятию для обучения Бишина, но затруднилась при нем держать присланных Джигангером двух человек, о чем и донесла генерал-губернатору А.А. фон Пеутлингу. Главный начальник края ответил, что можно оставить одного служителя при Бишине и «кормовое содержание ему производить так, как и прочим киргизцам производится». Все обстоятельства дела он донес до сведений императрицы. Указом от 28 марта 1792 года Екатерина II по этому поводу дала знать, «что при детях, присылаемых от киргизцев в заведенное в Оренбурге для обучения их училище, позволяется оставлять и служителей, но не более двух при одном и то смотря по знатности рода и заслугам отца малолетнего ученика, коим производить содержание из суммы на пограничные расходы отпускаемой»⁹⁰⁶.

Первый ученик киргизской школы учился не долго. Он умер 3 февраля 1792 года от оспы. Экспедиция пограничных дел, уведомляя отца о смерти сына, писала, что Бишин «заболел оспою, от которой сколько в пользовании чрез медицинских служителей попечения прилагаемо ни было, к крайнему сожалению, волею Божьею помер, тело коего по вашему магометанскому закону надлежащим образом близ Сеитовской слободы погребено, чему всему очевидцами, свидетелями были присланные при сыне вашем киргизцы Аманбай да Янназар»⁹⁰⁷.

Второй ученик был представлен в школу в 1792 году ханом Ералы. Он прислал для обучения своего шурина Абулфеиса и при нем сына муллы. Хан просил отдать «Абулфеис солтана в Каргалу (Сеитовский посад) и приказать из тамошних одному хорошему мулле прилежнее обучать, при чем ему, Абулфеис

⁹⁰⁵ Там же. С. 57.

⁹⁰⁶ Там же. С. 57.

⁹⁰⁷ Там же. С. 58.

солтану, из казны Е.И.В. и кормовые деньги производить и хорошую квартиру дать, а когда он пожелает возвратиться в дом свой по какой-либо надобности, тогда его и на подводах препроводить велеть»⁹⁰⁸.

Принять этого ученика в школу экспедиция затруднилась, так как выяснились неблагоприятные моменты. Во-первых, Абулфеис был султаном, а о султанах в указах ничего не говорилось; во-вторых, по справкам, наведенным экспедицией, оказалось, что данный султан правнук хивинского хана Ширгазы, который в 1717 году уничтожил отправленную в Хиву экспедицию князя Бековича-Черкасского; в-третьих, Абулфеису было 20 лет, а в указе речь шла об обучении малолетних⁹⁰⁹.

Несмотря на эти препятствия, генерал-губернатор А.А. фон Пеутлинг разрешил принять Абулфеис султана, говоря, что «всемилодивейшая наша государыня не позволяет чинить взыскания на детях за преступления, отцами их содеянные»⁹¹⁰. 15 декабря Абулфеис был отправлен в Сеитовскую слободу и отдан для обучения мулле Валиту-Мухамет Аминеву с тем, чтобы «он, Аминев, получа его, солтана, старался грамоте и правилам магометанского закона обучать со всевозможным радением»⁹¹¹.

Еще одним положительным решением О. Игельстрома является разрешение так называемого «земельного вопроса». В период земельной тесноты О. Игельстром разрешил казахам перекочевку на правый берег Урала. В 1787 году астраханский обер-комендант А.О. Базин сообщал графу А.Р. Воронцову, что симбирский и уфимский генерал-губернатор дал разрешение казахам кочевать в степях Астраханской области, между реками Уралом и Волгой. Там же сообщалось, что было перепущено за Урал 40000 кибиток, а на самом деле количество кибиток превышало 60000, так как «счесть их по обширности занятого ими места» не было возможности⁹¹².

---

⁹⁰⁸ Там же.

⁹⁰⁹ Там же. С. 59.

⁹¹⁰ Там же.

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² 1787 г. марта 9 – «Объяснение» астраханского обер-коменданта А.О. Базина президенту Коммерц-коллегии гр. А.Р. Воронцову о разрешении казахам кочевать между реками Уралом и Волгой, о мерах

Согласно исследованиям С.В. Любичанковского, 49 посланных с 27 сентября 1787 по 10 января 1790 гг. О. Игельстромом обращений в Государственный совет затрагивали Казахскую степь. Он выделяет шесть больших разделов этой тематики. Это – военная сфера, экономика, сфера административного законодательства и управления, религия, проблема пленных, отношения с зарубежными странами⁹¹³. Основной группой вопросов, выносившихся Игельстромом на рассмотрение Государственного совета, являлись внутренняя жизнь казахских племен (81% реляций, или 40 из 49), военная сфера, т.е. перемещение и усиление гарнизонов в степи и т.д. – 16% реляций, экономическое взаимодействие с Казахской степью – 12% донесений⁹¹⁴.

Итогом рассмотрения поступивших из Оренбурга в Государственный совет реляций стало принятие 16 конкретных комплексных решений, более чем в трети всех случаев были одобрены предлагаемые О. Игельстромом проекты решений⁹¹⁵.

Таким образом, в период правления О. Игельстрома казахско-русские отношения выходят на новый уровень. Российская администрация в 1784–1786 г. берет курс на сближение старшинами, в частности с руководителем восстания Сырымом Датовым. В 1786–1792 г. ситуация в Степи и приграничной зоне отмечается как стабильная, спокойная, но ханская группировка выступает против политики оренбургского начальника. Ослабление власти хана Нуралы привело к его отправке в Уфу.

В Казахской степи были введены новые учреждения – расправы и Пограничный суд. Главной опорой российской администрации в Степи стали старшины, бии, т.е. представители группы «кара суйек».

После отзыва О. Игельстрома ситуация меняется, усиливается противостояние старшин во главе с Сырымом и чингизидов дома Абулхаира.

предосторожности, принятых против казахов, и о попытках прекратить вражду между казахами и волжскими калмыками // Материалы по истории Каз ССР. Т. IV. С. 81–82.

⁹¹³ Любичанковский С.В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в состав Российской империи // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 104.

⁹¹⁴ Там же. С. 104–105.

⁹¹⁵ Там же. С. 105.

Убийство Есима окончательно подорвало влияние Сырыма на родоплеменную знать.

Новый руководитель края А.А. Пеутлинг берет курс на жесткое подавление восставших, на невмешательство в конфликты уральских казаков с казахами, что приводит к подъему восстания под руководством С. Датова. Назначение на место А. Пеутлинга генерал-губернатором С.К. Вязмитова (1795–1796) не изменило обстановку в крае.

Возвращение О. Игельстрома в Оренбургский край на короткое время стабилизировало ситуацию в крае. Межродовые разногласия, продолжавшиеся распри в кочевом обществе привели к созданию Ханского совета. Он стал «единственным общелегитимным органом власти как внутри ханства, так и для приграничных российских учреждений»⁹¹⁶.

Таким образом, в конце XVIII в. инициатива по управлению краем исходила от уфимского губернатора. Российская администрация продолжает вмешиваться в процесс избрания хана. Кандидатуры чингизидов – Каипа, Абулгазы представленные казахским обществом, не поддерживаются Петербургом. В этот период титул и власть хана закрепилась за домом Абулхаира. Учрежденный Ханский совет выступает как альтернатива ханской власти, противопоставление данному политическому институту. В освоении Степи и последовательном включении региона в имперское пространство преобладали задачи политико-административного характера.

---

⁹¹⁶ Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома. С. 274.

ГЛАВА 3. РЕФОРМЫ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ СТЕПИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

3.1. Имперская власть и дебаты по вопросу управления Казахской Степью

Поиск оптимального административно-территориального устройства и определение принципов и форм организации управления Степью стали основными задачами империи в первой половине XIX в.

После окончания войны с Наполеоном Россия стала больше внимания уделять международным отношениям в азиатском регионе. Заняв доминирующее положение в Европе, она получила возможность перенести основное внимание на Восток, так как ни Бухарестский, ни Гюлистанский мирные договоры не решили полностью вопроса о восточных границах России, потому что статьи этих договоров, касающиеся границ, были сформулированы очень туманно и не определяли конкретного разграничения.

Первая четверть XIX в. также ознаменовалось усилением внимания центра к организации управления окраинами. Появляются законодательные акты, которые рассматривали различные методы региональной политики. Присоединенная к России в 1809 году Финляндия получила широкое самоуправление и была принята ее конституция. В 1812 году вошедшая в состав Российской империи Бессарабия до 1828 года получила автономное управление. В 1815 г. решением Венского Конгресса Царство Польское отошло к империи Александра I. Император даровал своим новым подданным максимальное количество льгот и привилегий. Фактически Царство Польское представляло собой независимое государство, связанное с Россией лишь личной унией. Польша сохраняла выборный сейм, свое правительство, армию, национальную денежную единицу. В это же время разрабатываются положения об управлении Закавказьем, волжскими калмыками и т.д.

Центр не смог создать и вполне понятной колониальной (или «окраинной») доктрины. Внутри правительства шла затянувшаяся борьба между «централистами» и «регионалистами». Отсутствие теоретически осмысленной региональной политики приводило к непоследовательности в правительственных действиях⁹¹⁷.

Как отмечал российский ученый А.В. Ремнев: «Ни по отношению к Закавказью, ни по отношению к Сибири самодержавие не смогло выработать и строго придерживаться четкой программы действий. Правительственная политика зависела в значительной степени от разрозненных, подчас сиюминутных ведомственных интересов, от непоследовательности во взглядах и решениях местной высшей администрации.... В правительственных кругах существовало понимание необходимости выработки общих подходов к управлению окраинами»⁹¹⁸.

В первой четверти XIX в. в центре активно обсуждается вопрос об управлении казаками Младшего жуза. Правительственный взгляд на Степь обуславливался тем, что в случае необходимости казахи должны были выставить вооруженную конницу; продукцию скотоводства, которая приобреталась путем обмена и покупки; в сбыте кочевникам продуктов внутренней российской промышленности; в извозе ими товаров в купеческих караванах, которые проходили через казахскую степь; в охране караванов, следовавших из центральноазиатских государств в Россию и обратно⁹¹⁹.

В 1803 году оренбургским военным губернатором был назначен генерал от кавалерии князь Григорий Семенович Волконский (1803–1817). Неудачи реформы О. Игельстрома требовали пересмотра взгляда центра на политику империи в Казахской степи. На Волконского были возложены новые задачи по усилению российской власти в Степи. 16 сентября того же года император Александр Павлович подписал инструкцию новому правителю края, где основное внимание

---

⁹¹⁷ Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск: Изд-во Омск. ун-та. 1995. С. 16.

⁹¹⁸ Там же. С. 16.

⁹¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 278 – 278 об.

уделил выявлению подлинных причин беспорядков, совершаемых казаками, и принятию мер по их прекращению. Также император требовал установить порядок среди российских команд, чтобы они незаконно не притесняли номадов⁹²⁰. Александр I отмечал, что справедливость, ласковость и строгость являются наиболее действенными в решении вопросов, связанных с народами окраины. Барымту он призывал использовать только в тех случаях, когда были известны виновные. Разрешалось совершать этот вид репрессии против самих виновных и их родов⁹²¹.

Император также запрашивал мнение Г.С. Волконского по разрешению двух поступивших предложений по вопросу обеспечения безопасности границы. Министр военных сухопутных сил, генерал от инфантерии фон Сухтелен предлагал наказывать казахов за разные их покушения, а министр коммерции предлагал перенести линию от устья р. Эмбы к ее вершинам, далее через р. Орь по вершинам р. Тобола до самой российской границы⁹²².

В инструкции указывалось, чтобы при объезде линии военный губернатор обратил внимание на положение башкирских кантонов, соответствует ли их «устройство первоначальному виду», нет ли злоупотреблений в нарядах, а самое главное – возможно ли усиление поселений на линии «дабы составить большее число милиций, и таким образом сугубо обезпечить границу, не привлекая излишняго числа регулярного войска»⁹²³. От военного губернатора требовали заключения «откуда и каким образом таковое усиление милиции на линии произведено может»⁹²⁴.

Г.С. Волконскому напоминали, что приемы депутатов и посланников «азиатских» народов должны всегда производиться с надлежащей важностью, пышностью. Также его обязывали наблюдать за своими чиновниками, особенно за теми, кто работал в канцелярии предшествовавшего губернатора, так как они часто

---

⁹²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1820 год. Д. 73. Л. 147 об.

⁹²¹ Там же. С. 148 об.

⁹²² Там же. С. 149–149 об.

⁹²³ Там же. С. 149 об.

⁹²⁴ Там же. С. 150.

оказывались в центре скандалов за различные злоупотребления, в том числе за получение взяток.

Прибыв на место, военный губернатор начинает изучать обстановку в крае посредством личных наблюдений во время поездок, бесед с главными чиновниками канцелярии, личной встречи с ханом Айшуаком, с членами Ханского совета, султанами, биями и т.д.

19 апреля 1804 года он представил свое мнение об устройстве Оренбургской линии, о прекращении беспорядков среди казахов, о возмездии за ограбления казахами российских купеческих караванов и т.д.⁹²⁵ Это была целая программа мероприятий, направленных на устройство Оренбургской линии и введения порядка в Младшем жузе казахов.

В случае перехода казахов за линию, пограничным жителям разрешалось ловить их и преследовать. При поиске виновных запрещалось нападать на не причастных к делу кочевья, но в случае, если в тех аулах преступники нашли себе пристанище, то можно было требовать выдачи грабителей и украденного товара. Тех казахов, которые приняли грабителей, надлежало отправить в крепости и держать их там, пока ограбленное не будет возвращено. Пойманных же на воровстве и тайно перешедших границу предлагалось без всякого дальнейшего следствия отправлять на армейскую службу, а не годных к службе – на принудительные работы. На основании Сенатского указа от 3 апреля 1744 года «О ссылке киргиз, обвиняемых в уголовных преступлениях» виновных старшин предлагалось отправлять на поселение в Иркутскую губернию⁹²⁶. Строгому наказанию за небрежность подвергались форпостные начальники, между постами которых прошли в Россию казахи, а башкиры – в Степь. Башкиры и другие жители пограничья наказывались за переходы границы более строго. За украденное у казахов имущество они подвергались телесному наказанию, а за

---

⁹²⁵ 1804 г. апреля 19 – «Мнение», представленное оренбургским военным губернатором кн. Г.С. Волконским императору Александру I, о мерах к прекращению нападений казахов на линию и к пресечению башкирских «перелазов» в степь; об обнищании казахского народа и об организации военной экспедиции против казахов и для захвата Хивы // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. С. 217–223.

⁹²⁶ Там же. С. 217.

убийство наказывались по всей строгости закона. Кантонных и крепостных начальников за пропуск воров предлагалось освободить от должностей и «предать суждению»⁹²⁷.

Описывая сложившуюся в Казахской степи обстановку, военный губернатор обратил внимание на обнищание кочевников, уменьшение поголовья скота, которое стало возможным из-за не прекращающихся раздоров между казахскими родами, а также из-за бессилия хана Айшуака Абулхаирулы⁹²⁸. Военный губернатор предлагал уволить 85-летнего хана Айшуака с пенсией 1000 руб. в год. На место хана назначить его старшего сына Жанторе. Г.С. Волконский описывал данного султана как «человека средних лет, довольно здорового, неглупого, от киргизцев нарочито уважаемого за его справедливость»⁹²⁹. Военный губернатор выступал за уничтожение междоусобиц, применения барымты. Хан и его Совет должны были стать теми органами в Степи, которые разрешали бы все конфликтные вопросы. Суд и расправу в Степи предлагалось оставить в руках хана и Ханского совета, а также родоначальников⁹³⁰. Военный губернатор предлагал определить хану в качестве охраны 100 казаков. Хану и родоначальникам рекомендовалось не допускать усиления батыров, так как они представляли реальную угрозу. Жалованье, выдаваемое казахским старшинам, по мнению Г.С. Волконского, не принесло никакой существенной пользы. Он выступал за прекращение ее выдачи и за замену ее денежными награждениями, которые выдавались бы за оказанные конкретные услуги. Сохранялась выдача жалованья только хану и Ханскому совету. На награждения и подарки в год предлагалось выделять 5000 руб.⁹³¹

⁹²⁷ Там же. С. 218.

⁹²⁸ Айшуак хан имел от нескольких жен 16 сыновей: Жанторе (1759–1809), Шергазы (1767–1845), Сыгали, Сапак, Аймухаммед, Тауке, Токкожа, Баймухаммед (1790–1847), Жакшилык (Жашлык), Кадырали, Жакып, Кыдыр, Отебали, Катан, Алгазы, Сырдали // Ерофеева И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы: ИД «Аркаим», 2001. С. 131.

⁹²⁹ 1804 г. апреля 19 – «Мнение», представленное оренбургским военным губернатором кн. Г.С. Волконским императору Александру I, о мерах к прекращению нападений казахов на линию и к пресечению башкирских «перелазов» в степь; об обнищании казахского народа и об организации военной экспедиции против казахов и для захвата Хивы // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. С. 219.

⁹³⁰ Там же.

⁹³¹ Там же. С. 220.

Оренбургский военный губернатор для преследования особо значительных грабежей, для прекращения междоусобиц считал возможным отправлять в Степь экспедиции в составе от 500 до 1000 чел. нерегулярных войск, при надобности командировать и легкую артиллерию⁹³².

Уделил военный губернатор большое внимание выявлению причин набегов казахов на российские купеческие караваны. По данным ОПК в 1764–1803 гг. было ограблено 20 купеческих караванов, а похищенных товаров российских купцов «осталось в Степи на сумму 1440611 руб. сверх бывших грабежей до 1752 г.»⁹³³

Самым дерзким было нападение на караван, отправленный к бухарскому хану во главе с поручиком Я. Гавердовским и следовавший с ним бухарский караван, хотя родоначальники, старшины взяли под свою ответственность препровождение их.

Военный губернатор обратил внимание на то, что казахи совершали нападение только на российские караваны, а хивинские, бухарские и др. пропускались свободно. Нападали на последние именно тогда, когда знали, что в них находились товары российских купцов. Данные обстоятельства подтолкнули Г.С. Волконского к мысли, «не научаемы и подстрекаемы ли к сему» казахи хивинцами и бухарцами, которые имели от этого большие выгоды. Во-первых, российский товар не попадал в среднеазиатские ханства, а это приводило сразу же к повышению цен, во-вторых, они приобретали у казахов ограбленный товар за бесценок⁹³⁴.

Для прекращения нападений на караваны Г.В. Волконский использовал старые средства. Он отправил ахуна с письменным обращением к грабителям, где требовал возврата товаров. Номады не только не вернули ограбленный товар, но и задержали самого посланника. Затем военный губернатор пригласил в Оренбург хана Айшуака, членов Ханского совета и влиятельных родоначальников. Хан отозвался письменно, сообщив, что грабители давно вышли из повиновения.

---

⁹³² Там же. С. 220.

⁹³³ Там же. С. 221.

⁹³⁴ Там же. С. 220.

Изучив сложившуюся ситуацию, военный губернатор предложил отправить в Степь военную экспедицию в составе войск российского корпуса и отборного двухтысячного отряда казахского нового хана.

До отправки экспедиции предлагалось дать последний шанс виновным вернуть товар. Родоначальники и старшины рода шекти: Абляз султан и его брат Сергазы, Жанназар бий, Жанузак батыр; рода торткара: Каракобек бий, Башикара и Жаныс; отделения куламан: Кара Алтай и Сары Алтай бии и др. обязаны были прийти с повинной. Хану, родоначальникам и старшинам, приверженным империи, предлагалось дать право наказания виновных казахов. Виновных, с согласия старшин, хан должен был разделить и расселить по другим владениям, часть скота и имущества нужно было отправить для покрытия принесенного ущерба, другую часть отдать бедным казахам, живущим близ границы, а остальное – в распоряжение хана. Участвовавших в антироссийских преступлениях старшин, родоначальников вместе с семьями рекомендовалось отправить в сибирские города «на вечное житье»⁹³⁵.

Хива рассматривалась как инициатор и покровитель нападений казахов на российские купеческие караваны. Занять Хиву «с согласия или с силою», возмещение ими нанесенного купцам ущерба, освобождение всех российских и персидских (кызылбаши) пленных рассматривается как выход из ситуации. В Бухару предлагалось отправить посла с письмом и требовать от хана добровольного освобождения российских пленников, подписания договора о российско-бухарской торговле⁹³⁶.

На данное представление оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского 19 августа 1804 года император Александр I сделал дополнения и, не поддержав идею захвата Хивы, так как этот пункт предложения князя отсутствует среди выделенных задач империи на окраине⁹³⁷.

Император, поддержав основные идеи князя Г.С. Волконского, поручил ему обустроить Оренбургскую линию посредством усиления поселения, направив

⁹³⁵ Там же. С. 223.

⁹³⁶ Там же.

⁹³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1820 год. Д. 73. Л. 152–155.

туда казаков Оренбургской войсковой канцелярии. Вторым средством усиления линии рассматривалось формирование особенных гарнизонных батальонов для наполнения крепостей и редутов. Усилив и обеспечив стражу Оренбургской линии, предлагалось обратить внимание на прекращение нападений казахов на российскую границу.

В центре поддержали также предложения Г.С. Волконского по пресечению злоупотреблений на линии и введении порядка между казахами. Барымта признавалась как источник и начало всех преступлений. Она была запрещена. Хана Айшуака разрешили уволить, но нужно было добиться того, чтобы он сам стал инициатором сложения с себя данного звания, «дабы соблюсти правила внешнего уважения к начальнику Орды»⁹³⁸. Кандидатуру Жанторе поддержали, но предлагали «вникнуть подробно» в его поведение. Это было связано с тем, что Жанторе – старший сын Айшуака, внук Абулхаира, в начале 90-х годов XVIII века принимал участие в движении Сырыма Датова.

В новом распоряжении из центра были уточнены вопросы по выдаче жалованья старшинам. Предписывалось выдачу жалованья старшинам продолжить до их кончины или до какого-нибудь проступка. В последнем случае в наказание за это можно было остановить выдачу. В будущем за службу и оказанные услуги старшины могли получать награждение деньгами или вещами⁹³⁹. Поддержали в центре и предложения Г.С. Волконского об отправке в особо важных случаях, без представлений в столицу, экспедиций в Степь⁹⁴⁰.

В период правления Г.С. Волконского был произведен захват казахских земель путем учреждения Новоилецкой линии и заселения внешней Оренбургской линии от Оренбурга до Западной Сибири. В 1803 году были упразднены расправы. Им была введена плата за перепуск казахского скота через линию на зимовку, с лошади по 1 коп., с коровы по 1 деньге и с барана по 1 полушке в месяц. Для казахов, нанимающихся в работники, были введены специальные билеты, за что взималась билетная плата. Издан указ о том, чтобы

---

⁹³⁸ Там же. Л. 153 об.

⁹³⁹ Там же. Л. 154 об.

⁹⁴⁰ Там же. Л. 155.

уральским казакам служить не по найму, а по очереди. Последнее мероприятие вызвало сильнейшее недовольствие и ропот среди Уральского войска, что заставило в 1804 году Г.С. Волконского лично отправиться с отрядом в Уральск для подавления волнения⁹⁴¹. При нем же происходили захваты Уральским войском земель, принадлежащих Букеевской Орде⁹⁴².

В 1799 г. на базе Пограничного суда и Пограничной экспедиции по предложению оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева была создана Оренбургская Пограничная комиссия. Объединенная в единое целое, 27 мая того же года «Оренбургская комиссия пограничных дел» приступила к своей главной обязанности – разрешению пограничных конфликтов и осуществлению связи с кочевой элитой – ханом, султанами, старшинами⁹⁴³.

Правовой статус и компетенция Пограничной комиссии не были определены. Нормативными актами регулировался лишь штат комиссии. Казахи отправляли своих представителей. Формирование первого состава Пограничной комиссии осложнилось тем, что казахи не смогли согласованно предложить кандидатов. Хан Айшуак, Ханский совет, султан Каратай действовали несогласованно. Как указывает С. Горбунова, не дождавшись общего решения из Степи, в Оренбурге назначили в начале 1800 года заседающими от казахов избранников хана Айшуака: от поколения Жетыру – султана Тауке Айшуакова, от Байулы и Алимуды – старшин Баязыка Кучукбаева и Берназара Кунчиева. В 1801 году Кунчиев был заменен на Аманбая Мамырова – чиновника Пограничного суда (1792–1799)⁹⁴⁴.

ОПК не смогла в тот период стать сильной организацией по контролю и обеспечению порядка в Казахской степи. В 1804 году хан Айшуак предложил оставить своего сына Тауке и Байязыка на новый срок. Был оставлен на службе

⁹⁴¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. Приложения. С. 490.

⁹⁴² Букеевское ханство, или Внутренняя Орда, была образована в 1801 году. По указу императора Павла I 5 тыс. семей казахов Младшего жуза получили разрешение на переселение под руководством Букея в низовья междуречья Урала и Волги.

⁹⁴³ О деятельности Оренбургской Пограничной комиссии см. подробнее: Горбунова С. В. Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 202 с.

⁹⁴⁴ Горбунова С. Оренбургская пограничная комиссия... С. 39.

заседателем и представитель Алимуды – Аманбай Мамыров, данный состав оставался в неизменном виде до 1814 года.

Выдвинутая в 1805 году кандидатура Жанторе в ханы оренбургским военным губернатором в связи с бессильем Айшуака была поддержана столицей. В сентябре 1805 года он был назначен ханом. Это стало вызовом другому претенденту на звание хана – Каратаю Нуралиеву. При выборах в ханы Жанторе, происходивших около менового двора близ Оренбурга, султан Каратай выступил против потомка Айшуака. Князю Г.С. Волконскому удалось добиться примирения между ними, но это примирение было только внешним. 31 мая 1806 года был одобрен состав Ханского совета. Его председатель Орман Нуралиев, брат Каратая, также был против назначения Жанторе. Жанторе кочевал близ пограничной линии. Недовольство правлением нового хана выражали и члены Ханского совета.

Противник нового хана был одним из влиятельных султанов из дома Абулхаира. Еще при жизни хана Нуралы Каратай был утвержден управляющим поколения Байулы. После убийства хана Есима в 1797 г. вокруг Каратая объединилась султанская партия дома Абулхаира. На имя оренбургского военного губернатора барона О.А. Игельстрома был подан ряд петиций от султанов, старшин, биев об утверждении Каратая ханом; однако большое влияние Каратая пугало правительство, и ханом был утвержден, как указывалось выше, в 1797 г. Айшуак⁹⁴⁵.

Каратай не примирился с этим назначением. Он разъезжал по аулам и агитировал за «выборы» нового хана. Влияние Каратая распространилось почти на всех казахов, кочевавших по берегу Урала, от р. Илек до Гурьева, по Эмбе и Сагыз. Вначале недовольство Каратая назначением Айшуака ханом не выражалось в открытых выступлениях против местной администрации, а наоборот, Каратай всячески стремился заслужить ее доверие: выдал беглецов, просил построить дом вблизи Урала, где будет заниматься хлебопашеством и сенокошением.

---

⁹⁴⁵ Айшуак – четвертый сын хана Абулхаира, дядя Каратая.

Но вскоре произошла ссора между двумя Чингизидами. 26 марта 1804 г. Каратай Нуралиев в своем донесении к оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому писал: «Наведал я, якобы высокостепенный хан Айчувак Вашего сиятельства просил, об определении на место меня в помянутый байулинский род в управители по выбору родного моего брата Урман султана, а меня об отрешении от оной должности»⁹⁴⁶.

Назначение ханом Жанторе, как указывалось выше, вызвало озлобление Каратая. Он начал вести против Жанторе усиленную агитацию, и небезуспешно: на сторону Каратая перешли некоторые влиятельные старшины поколения Жетыру. Съезд старшин в 1806 г. на р. Хобда под воздействием Каратая решил упразднить «бесполезного» хана Жанторе и объявил ханом Младшего жуза Каратая. 38 родов и подродов поколения Байулы и Жетыру поддержали его. Одним из видов протеста он выбрал ограбление караванов. Каратай захватил караванные пути и остановил караван, идущий из Хивы (1806 г.), чтобы заставить имперское правительство признать его ханом. Князь Г.С. Волконский пытался захватить Каратая хитростью, заманив его на линию, но это ему не удалось, и вместо Каратая был задержан его брат Узбек-Али. В ответ на это по призыву Каратая отряды казахов произвели набеги по всей Нижнеуральской линии. Летом 1807 г. ряд султанов, старшин и биев поколений Байулы и Жетыру послали князю Г.С. Волконскому письмо с просьбой утвердить Каратая ханом, но согласия не получили. Между тем Каратай, не добившись освобождения брата Узбек-Али, снова захватил караван, идущий из Бухары в Оренбург.

Отправка в степь в 1807 г. отрядов Герценберга и Бородина оказалась безрезультативной, так как Каратай откочевал вглубь степи, а затем вновь возобновил набеги, пытаясь привлечь к себе и некоторую часть Букеевской Орды путем нападения на ставку Букея в 1808 г. В Среднем жузе тоже начались волнения. В 1809 году снова была послана экспедиция в Степь под командою Бородина, но захватить Каратая не удалось, набеги его еще усилились. Конфликт

---

⁹⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 12. Л. 2.

Каратая с ханом Жанторе завершился убийством последнего в 1809 г.⁹⁴⁷. Репрессии со стороны российской власти и боязнь мести со стороны родственников хана уменьшили число соратников Каратая. В 1810 г. он удалился в Хиву, где пробыл до 1812 г. О деятельности Каратая за этот период нет известий.

До 1812 года управление Младшим жузом находилось в руках Ханского совета⁹⁴⁸, в 1812 г. ханом был утвержден Шергазы Айшуаков. Вместе с этим возобновились набеги Каратая на аулы хана. Экспедиция Донскова (в 1812 г.) и Епанешникова (в 1814 г.) привели к разгрому аулов, преданных Каратаю, но его самого не смогли захватить.

В 1814 г. произошло свидание Каратая с князем Г.С. Волконским в Оренбурге, на котором Каратай подписал особое обязательство остаться верным России и получил подарки от военного губернатора. Но домогательства ханской власти Каратай не оставил.

В 1816 г. после вооруженного столкновения, происшедшего под Оренбургом между ханом Шергазы, поддерживаемым русской командой, с одной стороны, и отрядами Каратая и Арынгазы, с другой, Каратай призвал всех казахов «с 7-ми до 70-ти лет» восстать против Шергазы. Однако вновь назначенному военному губернатору П.К. Эссену удалось предотвратить повторное столкновение.

Кризис в Младшем жузе усиливался. Центр обращает пристальное внимание на политику империи в Казахской степи.

Старый Азиатский департамент, основанный еще в КИД при Павле I в 1797 г., был не в состоянии справиться с новыми задачами: у него не хватало ни кадров, ни денег, ни опыта. Отдаленность восточных окраин страны от центра и связанная с этим высокая степень самостоятельности окраинных губернаторов и генерал-губернаторов, а также огромное значение военного фактора в азиатской

---

⁹⁴⁷ Более подробно см.: ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 243а. О проявлении недовольства киргиз Байулинского рода по поводу избрания ханом Меньшой Орды Джанторе Айшуакова и о желании султана Каратая стать ханом, о возмещении убытков купеческому сыну Утямышеву за разграбленные товары.

⁹⁴⁸ Материалы по истории Казахской ССР. Приложения. Т. IV. С. 491.

политике России – все это потребовало создания специальных государственных органов. 19 апреля 1819 г. указом императора учреждается новый Азиатский департамент, структурное подразделение МИД⁹⁴⁹.

На основании этого указа управляющий иностранными делами К.В. Нессельроде⁹⁵⁰ 22 апреля 1819 г. составил записку, в которой давалось подробное описание тех задач, которые ставились перед департаментом, и определялся круг его обязанностей. Сюда относились ведение дел, касающихся азиатских народов, уже вошедших в состав России, и народов, обитавших в пограничных с Россией районах, с которыми были торговые или политические сношения. Департамент состоял из двух оперативных отделений – одно вело дела сношений с Турцией, Персией, Грузией и остальными горскими и закавказскими народами. Во втором отделении были сосредоточены дела, касающиеся управления кочевыми народами, а также дела, касающиеся Китая и Центральной Азии. Первый стол занимался вопросами казахских жузов, политическими и торговыми связями с Китаем и Монголией.

Основным региональным государственным учреждением, определявшим политику империи на территории Младшего жуза казахов, была Оренбургская Пограничная комиссия. В 1818 г. она была дополнена двумя советниками и был увеличен штат канцелярии. Оренбургская Пограничная комиссия выполняла судебные, посреднические функции, регулировала взаимоотношения казахов, башкиров, калмыков, казаков, решала спорные вопросы, возникающими между народами региона.

В 1818 г. Пограничная комиссия решением Комитета министров перешла под ведомство Коллегии иностранных дел и получила право непосредственно

---

⁹⁴⁹ Подробнее о месте департамента в структуре МИД см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 17–18.

⁹⁵⁰ Карл Васильевич Нессельроде – министр иностранных дел Российской империи (1816–1856). 24 марта 1828 года был «пожалован» вице-канцлером, 17 марта 1845 года «государственным канцлером иностранных дел», т.е. получил высший чин по «Табели о рангах Российской империи». К 1840 году министр приобрел репутацию чуть ли не единственного в Санкт-Петербурге знатока «других стран и кабинетов». В отставку К.В. Нессельроде ушел 15 апреля 1856 года по собственному желанию, после почти сорокалетнего пребывания на посту ведомства // Очерки истории МИД России. 1802–2002. М.: ОЛМА Пресс, 2002. Т. 3. Биографии министров иностранных дел (1802–2002). С. 108–112.

обращаться в центральные органы управления, сообщая военному губернатору только копии этих документов. Председатель и члены Пограничной комиссии стали представителями Коллегии иностранных дел на окраине, но сохранили и второе подчинение – военному губернатору.

Впервые статус и функции Оренбургской Пограничной комиссии были четко определены в «Положении об управлении оренбургскими киргизами (казахами – Г.Б.)» 1844 года. Этот законодательный акт закрепил сложившуюся с 1824 г. практику и вплоть до упразднения Пограничной комиссии оставался основным документом, регламентировавшим деятельность.

Председатели Оренбургской пограничной комиссии были представителями МИД (МИД) на местах, были «глазами» центра. Они твердо отстаивали свои убеждения перед главными начальниками края – оренбургскими военными губернаторами. Образование, происхождение, предыдущий опыт работы председателей ОПК сыграли важную роль в период их службы в Оренбургском крае.

Важность Пограничной комиссии определялась службой ее председателей. Так, например, В.Ф. Тимковский, Г.Ф. Генс, М.В. Ладыженский, В.В. Григорьев смело отстаивали свое мнение во многих вопросах перед военными губернаторами, были более независимыми по сравнению с предыдущими руководителями. Но именно сложные отношения, сложившиеся с главными начальниками края, например, из-за критики деятельности Оренбургской пограничной комиссии, несогласия с инструкцией подготовленного для пристава при казахском хане Шергазы, возникает конфликт В.Ф. Тимковского с П.К. Эссеном, сенатская проверка ОПК и как результат – отставка Г.Ф. Генса, несогласие В.А. Перовского с мнением М.В. Ладыженского о развитии земледелия среди казахов, разногласия В.В. Григорьева с А.П. Безаком стали одной из причин их увольнения или перемещения в другой регион.

Получение Пограничной комиссией самостоятельности в действиях от военных губернаторов стало возможным начиная с XIX в. и было связано с тем, что после победы над Наполеоном внешнеполитическая стабильность дала

возможность решить ряд внутренних проблем, в том числе обратиться к вопросу законодательного оформления политического статуса окраин.

Чиновники Оренбургской Пограничной комиссии влияли на формирование политики империи на окраине, зачастую выступали инициаторами введения новых законопроектов, с их мнением считались не только в Оренбурге, но и в столице. Они как представители центральной власти в Оренбурге непосредственно сталкиваясь с различными трудностями, предлагали разноплановые варианты управления Степью и совершенствовали административную политику империи на окраине, указывали пути преодоления имеющихся недостатков. Как «знатоки» местных условий иногда получали прерогативы по решению некоторых вопросов.

Кризис политической власти в Младшем казахском жузе в первой четверти XIX в., конфликт между казахским ханом Шергазы Айшуаковым и оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном поставил перед МИД вопрос срочного поиска выхода из положения. Через отправку в Казахскую Степь чиновника МИДа В.Ф. Тимковского было решено отрегулировать сложившуюся ситуацию и определить политику империи в Степи.

В 1820–1823 годы в центре был оживленным спор о замене хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова из дома Абулхаира другим чингизидом – Арынгазы Абулгазиевым⁹⁵¹ из дома Каипа. Западная ориентация взглядов, киевское образование, служба в Азиатском департаменте МИД позволили В. Тимковскому

---

⁹⁵¹ Арынгазы Абулгазиев – старший сын хана Абулгазы, внук хивинского хана Каипа Батырулы, т.е. происходил от старшей ханской ветви Жадик. В апреле 1816 года был возведен в ханы в районе Сырдарьи. Его власть распространялась на роды шумекей, шекты, жагалбайлы, торткара, жаппас и на некоторые другие роды Младшего жуза (около 100 тыс. аулов). Один из сильнейших правителей поколения Алимұлы Младшего казахского жуза. Бухарский эмир признавал его как казахского хана. Оренбургский губернатор П. К. Эссен рассматривал его кандидатуру как достойного претендента на статус хана Младшего жуза. Несмотря на многократные ходатайства Оренбургского начальника, Министерство иностранных дел не поддерживало мнения П.К. Эссена. В 1817 году Арынгазы был назначен председателем Ханского совета. Он отвечал за охрану российских караванов, идущих в Бухару и обратно, тогда как другой претендент на ханскую власть Каратай Нуралиев отвечал за сохранность караванов, идущих в Хиву и обратно. В 1820 году Арынгазы был награжден медалью за успешное сопровождение русской дипломатической миссии во главе с А.Ф. Негри через казахские кочевья в Бухару. В 1821 году Арынгазы был вызван в Петербург. Выехал султан из Орды 6 июля, но на обратном пути был задержан. Кандидатура этого султана не рассматривалась в столице в качестве хана Младшего жуза. Опасаясь усиления влияния Арынгазы, в 1823 году его выслали в Калугу. Умер в 1833 году, так и не вернувшись на родину.

в кратчайшие сроки изучить дело в Младшем казахском жузе не только со слов чиновников ОПК, военного губернатора, но и казахских чингизидов. Хотя он и не встречался лично с Шергазы и Арынгазы, но, тем не менее, разбор дел архива ОПК, личное стремление к познанию истины привели к тому, что он стал сторонником «мягких» методов управления казахами Младшего жуза, «цивилизационного подхода» в развитии этого народа, с учетом особенностей кочевого образа жизни. Различное толкование распоряжений МИД, незнание или нежелание их знать П.К. Эссеном, привели к открытому противостоянию В. Тимковского с последним.

Василий Федорович Тимковский (1781–1832) – один из создателей Азиатского департамента Министерства иностранных дел, председатель Оренбургской пограничной комиссии (1820–1822). Он был талантливым организатором, компетентным правителем канцелярии при полномочном наместнике Бессарабской области (1816–1818). В 1818 году он перешел из Государственной канцелярии в Министерство иностранных дел, где отвечал за вопросы о взаимоотношениях с восточными окраинами.

Указом императора Александра I 22 июня 1820 года коллежский советник В. Тимковский назначен председателем ОПК. За отличные знания и прилежный труд ему был пожалован чин статского советника. Вместе с В.Ф. Тимковским в Оренбург направили чиновников Азиатского департамента: титулярного советника А.И. Левшина, назначенного письмоводителем, а также коллежского переводчика, князя П.Д. Черкасского⁹⁵². Л.А. Шейман в своей работе обращает внимание на «неиссякаемую энергию и совершенно исключительные способности» В.Ф. Тимковского, заслуги которого признавали мемуаристы, друзья и даже враги⁹⁵³.

9 сентября 1820 года В.Ф. Тимковский вступил в должность председателя Оренбургской Пограничной комиссии⁹⁵⁴. Он получил инструкцию, которая

⁹⁵² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 2.

⁹⁵³ Шейман Л.А. Василий Тимковский, Пушкин, декабристы // Вопросы преподавания киргизского языка и литературы в школе. Фрунзе: Изд-во «Мектеп», 1969. Вып. 2. С. 141.

⁹⁵⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 31.

представляла собой общие руководящие указания и состояла из 3 отделений и 16 пунктов. Здесь определялись задачи, решение которых давало Министерству иностранных дел определить дальнейшую политику империи на юго-восточных границах государства. «Полезность службы и важность сего звания необходимо требуют, с одной стороны, отличного усердия и твердых правил нравственности, а с другой, достаточных сведений о кочующих народах, подвластных России, и о ближайших к оной владениях в Азии, о связях наших вообще с сими народами и в особенности о торговых с ними сношениях», – говорилось в официальном документе⁹⁵⁵.

В инструкции, выданной В.Ф. Тимковскому, подчеркивалось: «Принять за правило, что в делах с азиатцами нужна всегда строгая твердость, но не жестокость, которая озлобляет их и возбуждает к мщению, а потому придерживаясь первого, крайне остерегаться последнего». Добиваться понимания присутствующими в комиссии заседателями от казахов важности занимаемой ими должности, «заставить их на самом деле удостовериться, что голос их имеет тот же вес, как и голос члена комиссии, от Правительства назначаемого», было одной из задач нового председателя комиссии. Предлагалось контролировать выбор этих заседателей, чтобы процесс рассмотрения дел проходил открыто и без всякого постороннего влияния.

Ему поручалось собирать сведения об обычаях казахов, имеющих силу закона в Степи, и составить из них уложение, которое, исправив и пополнив, можно было бы со временем ввести в употребление среди казахов⁹⁵⁶. Хотелось бы отметить, что вопрос составления сборника казахского обычного права поднимался еще в середине 80-х годов XVIII в. О.А. Игельстромом. С 1804 по 1853 гг. было подготовлено несколько правовых записей и сборников⁹⁵⁷. Работа по сбору сведений об обычаях казахов будет активно вестись в 40-е гг. XIX в. на территории казахов Оренбургского ведомства.

---

⁹⁵⁵ Там же. Л. 17.

⁹⁵⁶ Там же. Л. 18.

⁹⁵⁷ Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи // Мусульмане в новой имперской истории. Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И.В. Герасимов, С.В. Глебов и др. М.: ООО «Садра», 2017. С. 296–338.

Особое внимание обращалось и на Ханский совет, который бездействовал в тот момент. Предлагалось внушить хану и султанам, что работа данного Совета признается полезной для казахов, «так как обиженный кочевник, явившись на ханский совет, увидел бы правосудие, и настало бы спокойствие в степи».

В.Ф. Тимковский по обязанностям службы должен был отправлять каждый месяц в Азиатский департамент краткие мемории обо всех делах, поступивших в Комиссию, о последовавших решениях и о тех, которые ждали еще своего решения⁹⁵⁸.

Большое внимание в инструкции обращалось на безопасность торговых караванов. Для того чтобы прекратить разграбление караванов, предлагалось наладить отношения с ханом Младшего жуза Шергазы Айчуваковым и влиятельными, преданными империи султанами. Председателю комиссии необходимо было также собрать все сведения о торговле русских купцов с казахами, выяснить, не подвержена ли она каким-либо препятствиям и не нужно ли дать ей какие-либо льготы. Решение вопроса расширения торговли со среднеазиатскими странами рассматривалось в качестве одной из задач нового председателя Пограничной комиссии⁹⁵⁹. Предлагалось изучить вопрос, насколько казахи обеспечены российскими товарами, не употребляют ли они бухарские или хивинские товары, аналогичные российским промышленным продуктам. Если таковой факт имелся, то надо было приложить все усилия, чтобы российский товар вытеснил среднеазиатский.

Все вопросы внешних отношений Российской империи должны были решаться в ОПК с ведома и разрешения оренбургского военного губернатора. В.Ф. Тимковскому запрещалось самовольно вести переписку с неподвластными России народами.

Новому председателю ОПК поручили представить «наверх» также сведения о внутреннем положении Младшего казахского жуза и об участии ханской власти.

---

⁹⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 19.

⁹⁵⁹ Там же. Л. 19 об.

В этот период в Санкт-Петербурге активно обсуждалась дилемма: ликвидация ханской власти или введение правления двух или более ханов.

Столица империи интересовалась мнением чиновника Азиатского департамента и по вопросу развития земледелия среди казахов. Распространение хлебопашества рассматривалось как одно из средств обеспечения пропитания беднейшего населения Степи. Для этого необходимо было принять решение по вопросу о выдаче пособия и отводе земель в собственность на внутренней или внешней стороне линии⁹⁶⁰.

Таким образом, В.Ф. Тимковский возглавил миссию, которая должна была изучить положение в Младшем казахском жузе, наладить отношения с казахским ханом Шергазы Айшуаковым и султаном Арынгазы Абулгазизовым, предложить методы совершенствования местного судопроизводства, изучить вопрос создания условий для развития торговли по Оренбургской линии со среднеазиатскими странами.

В.Ф. Тимковский работал под начальством Оренбургского военного губернатора П.К. Эссена. Письмо руководителя МИДа графа К.В. Нессельроде обеспечило членам миссии В.Ф. Тимковского благосклонный прием со стороны генерал-лейтенанта П.К. Эссена⁹⁶¹. Но между двумя чиновниками дружественные отношения не сложились. В.Ф. Тимковский по приезде раскритиковал положение дел в ОПК, а ее сотрудников назвал «людьми без образования, стесненными в содержании, скудными духом, более или менее замаранными хищением баранов...»⁹⁶². Пограничная комиссия, по словам В.Ф. Тимковского, представляла собой «расправу, съезжую избу, некоторого рода Банк», в большом неустройстве и безобразии. Комиссия предстала перед новым председателем, как «чуждое учреждение, без твердого основания, без точных положительных правил, без определенных отношений к местам и лицам», которая занималась только разбором ссор, драк, делами, касающимися кражи, перехода кочевников за р. Урал.

---

⁹⁶⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 21.

⁹⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 11.

⁹⁶² Там же. Л. 12.

По словам нового председателя Пограничной комиссии, подлинное управление Младшим жузом, вопросы внешних отношений империи, дела, касающиеся положения дел в Букеевской Орде, производились не в Пограничной комиссии, а в пограничной канцелярии⁹⁶³.

Плачевным являлось положение и в казахском Младшем жузе. Противостояние нескольких группировок казахской знати в борьбе за власть, с одной стороны, внука хана Абулхаира – Шергазы, а с другой, потомка Каип хана – Арынгазы султана, а также султанов Каратая Нуралиева, Темира Ералиева усложняли политическую обстановку в Степи.

Новому председателю предстояло определить дальнейший политический курс империи в казахской степи. В.Ф. Тимковский избегал личных контактов как с Шергазы ханом, так и с Арынгазы султаном. Вместо него в переговорах со сторонами участвовал член экспедиции А.И. Левшин⁹⁶⁴. В сентябре 1820 г. В.Ф. Тимковский писал директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину: «Я не видел хана, сколько он не приглашал меня. Не желая раздражать одну сторону (Арынгазы – Г.И.), а от другой (Шергазы – Г.И.) не слушать тысячи жалоб, всякий раз под каким-либо предлогами отклонял я эти предложения»⁹⁶⁵.

Военный губернатор в России представлял реального начальника губернии. Введенное в эпоху Павла I на беспокойных окраинах военное управление имело функцию контроля над всеми учреждениями края. Его решения были обязательными для всех русских чиновников и подданных. Поэтому несвоевременное представление инструкции для пристава к хану Младшего жуза Шергазы Айшуакову, которая должна была быть подготовлена Оренбургской Пограничной комиссией, а затем и критика В.Ф. Тимковским дополнений к данному документу, сделанных военным губернатором, привели к конфликту между П.К. Эссеном и В.Ф. Тимковским. Спор об инструкции в действительности был спором о характере отношений с подвластными казахами.

⁹⁶³ Там же. Л. 11 об.

⁹⁶⁴ А.И. Левшин описал встречу с казахским ханом Шергазы Айчуваковым в своей статье // Левшин А.И. Свидание с ханом Меньшой киргиз-кайсацкой Орды // Вестник Европы. 1820. № 22. С. 129–139.

⁹⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 20.

Конфликты между различными ветвями власти по вопросам управления краем, механизмом взаимодействия органов власти были характерны для Российской империи. Ревностное отношение к своей деятельности П.К. Эссена, не дало ему возможности иначе взглянуть на работу Оренбургской пограничной комиссии.

В марте 1821 г. П.К. Эссен отправил письмо в Петербург к тайному советнику Павлу Дивову, где требовал «законного суждения» поступкам статского советника. Он обвинял В.Ф. Тимковского в нарушении правил подчиненности и в нанесении ему оскорблений. Военный губернатор писал: «несвойственно чиновнику низкого разряда налагать цензуру на поступки главного начальника»⁹⁶⁶.

Таким образом, самостоятельные и независимые суждения нового председателя ОПК вызвали шквал возмущения со стороны военного губернатора П.К. Эссена.

После месяца нахождения на службе В.Ф. Тимковский сообщал в Азиатский департамент, что раздробленность по управлению казахским Младшим жузом, ограниченность сферы его действий не позволяют ему полностью и широко действовать. «Я не в состоянии даже собирать нужных сведений, дабы, рассмотрев и взвесив оные, по крайней мере составить какую-либо здравую мысль о лучшем устройстве народа, столь давно и несправедливо забытого, преданного своеволию местных начальников, но достойного и большей заботливости со стороны правительства и участия отраднейшей», – писал он⁹⁶⁷.

По его мнению, «раздраженное самолюбие» оренбургского военного губернатора уже создало в Младшем жузе беспокойную обстановку. «Ужели труды почтеннейших государственных мужей и даже священная воля Государя императора должны принесены быть в жертву приличию и служить игрою одной буйной головы? В недугах опасных, не велит ли благоразумие отсечь член зараженный? Александр великий разрешал мечем неудобно разрешавшийся гордиев узел. Екатерина II удалила отсюда одного губернатора (О.А. Игельстрома

---

⁹⁶⁶ Там же. Л. 41 об.

⁹⁶⁷ Там же. Л. 15.

– Г.И.), который непримиримую ненавистью своею к хану Нурали привел Министерство в великое затруднение. Но в нынешних обстоятельствах требуется средство, несравненно легчайшее», – рассуждал В.Ф. Тимковский⁹⁶⁸.

По вопросу ханской власти в Степи он писал, что «сан ханский и права, оному присвоенные, должны иметь и большую значительность, и обширнейший круг действий, нежели те, кои инструкциею назначаются»⁹⁶⁹.

В.Ф. Тимковский обращал внимание на то, что на хана возлагалась вся вина за беспорядки, «хищнические предприятия» казахов, тогда как хан не имел права даже задерживать преступников, производить над виновными суд, накладывать на виновных пеню. Хан лишился своей функции главного судьи, которая со времени возникновения Казахского ханства была исключительной прерогативой главы государства, утратил право предавать смертной казни виновных. Так, например, П.И. Рычков сообщал о власти хана Абулхаира, что «он по усильству своему в народе виноватых людей иногда и вешал, подняв его веревкою на верблюжью шею»⁹⁷⁰. «Мечтательной» назвал В.Ф. Тимковский власть хана в Степи⁹⁷¹.

Председатель ОПК обратил внимание, что предложения казахских ханов Абулхаира и Нуралы в свое время остались без рассмотрения. Так, например, предложение Нуралы участвовать в войне против Китая в 1758 году во время кризиса русско-китайских отношений осталось без изучения. Тогдашнее усердие ханов не привлекало внимания администрации⁹⁷².

В.Ф. Тимковский выступал за сохранение ханской власти за потомками Абулхаира, а не за фамилией Батыра. Он выступал против предложения П.К. Эссена о назначении Арынгазы ханом Младшего жуза.

По мнению председателя Пограничной комиссии, если ханскую власть отдать потомкам Батыра, «такой пример...родил бы соблазн в киргизцах (казахах – Г.И.), привыкших уже к существующему порядку вещей, усилил бы могущество

⁹⁶⁸ Там же. Л. 15 об, 16.

⁹⁶⁹ Там же. Л. 31 об.

⁹⁷⁰ Рычков П. И. Экстракт исторический о башкирском народе (1734–1771) // Отдел рукописи РНБ. Ф. 222/8. Панины. Книга № 35. Л. 35 об.

⁹⁷¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 32.

⁹⁷² Там же. Л. 32 об.

местных начальств, не всегда в пользу киргизцам употребляемое, отнял бы у сего народа утешительные надежды в случае каких-либо претерпеваемых им стеснений, ослабил в нем доверие к твердости предначинаний верховной власти и открыл бы пространное поприще для честолюбивцев. Сим Правительство добровольно лишило бы себя полезных плодов почти столетнего опыта»⁹⁷³. Он напоминал о том, что после вступления в подданство казахов Младшего жуза было обещано хану Абулхаиру оставить власть за его потомками.

В.Ф. Тимковский раскритиковал действия прежних начальников Оренбургского края, которые сами сеяли вражду между народами этого региона – башкирами, казахами и калмыками. «Мы не имеем ни малого сомнения, что собственные поступки в прежнее время начальствовавших [в Оренбургском крае] навлекли от киргизцев воровства и грабежи из мщения», – данными словами Екатерины II он объясняет причины недовольства в Младшем казахском жузе⁹⁷⁴.

Председатель Пограничной комиссии выступает против отмены решений ханского совета, предлагает не вмешиваться в дела данного органа. По вопросу развития земледелия и оседлости среди казахов предлагает оставить их в кочевом состоянии, так как «киргиз-кайсаки (казахи – Г.И.) долгое еще время будут для России полезнее в качестве пастухов, богатых скотоводством, и перевоза товары в караванах, нежели в положении неискусных, скудных земледельцев»⁹⁷⁵.

С.В. Любичанковский, изучив механизмы действия органов губернаторской власти, обратил внимание, что они имеют двойное и тройное соподчинение в изучаемый им период⁹⁷⁶. Данный факт был характерным и для более раннего периода. Так, например, военный губернатор П.К. Эссен находился под контролем Военного министерства, а с другой стороны, он был ставленником императора Александра I в Оренбургском крае. Председатель ОПК тоже имел двойное подчинение. Он как чиновник Азиатского департамента подчинялся Министерству иностранных дел, а с другой стороны, как председатель

⁹⁷³ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32. Л. 41.

⁹⁷⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 33 об.

⁹⁷⁵ Там же. Л. 36 об.

⁹⁷⁶ Любичанковский С.В. Законодательная основа деятельности органов губернаторской власти Российской империи в период третьиоюньюнской монархии. Оренбург: Оренб. гос. ун-т, 1998. С. 56.

пограничной комиссии находился в повиновении оренбургского военного губернатора. В случае с В.Ф. Тимковским, двойное подчинение позволило ему выходить на прямую связь с директором Азиатского департамента К.К. Родофиникиным.

Председатель ОПК В.Ф. Тимковский уже 10 ноября 1820 года вышел с просьбой о разрешении ему побывать короткое время в столице. Он писал, что обстоятельства требуют непременно прибытия его в Санкт-Петербург. Именно здесь он собирался объяснить положение дел в Пограничной комиссии и в казахской степи.

В своем письме В.Ф. Тимковский просил, чтобы его вызвали в столицу в конце декабря или в первой половине января; исполнять обязанности председателя предлагал поручить старшему члену комиссии, коллежскому советнику Масловичу. Он также запрашивал разрешения получить прогонные деньги по чину из суммы Пограничной комиссии⁹⁷⁷.

11 февраля 1821 года на заседании Азиатского комитета был рассмотрен данный вопрос. Управляющему МИД К.В. Нессельроде отправили донесение об этом случае. После разрешения императора на вызов В.Ф. Тимковского из Оренбургского края было сообщено П.К. Эссену о выдаче прогонных денег для выезда председателя в Санкт Петербург.

Азиатским комитетом рассматривалось полезным прибытие В.Ф. Тимковского в столицу, так как на него возлагались надежды на решение некоторых дел по калмыцким, туркменским и караногайским делам, поскольку он заведовал ими с начала учреждения Азиатского департамента⁹⁷⁸.

В письме оренбургскому военному губернатору причиной вызова В.Ф. Тимковского указывался приезд в Санкт-Петербург управляющего гражданскими делами в Грузии, командира отдельного корпуса, генерала от инфантерии А.П. Ермолова и решение некоторых дел, связанных с

---

⁹⁷⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 1.

⁹⁷⁸ Лобынцева М. А. К вопросу о создании Азиатского департамента МИД России // Иран: сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 84–92; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 10а.

подведомственными ему народами, где специалистом по этим делам был В.Ф. Тимковский⁹⁷⁹.

27 марта 1821 года В.Ф. Тимковский вернулся в столицу. К. Родофиникин лично сам занялся изучением дел в ОПК и в Казахской степи. Председателю пограничной комиссии поручили составить записку о состоянии дел⁹⁸⁰. В.Ф. Тимковский закончил ее 29 мая 1821 года и представил в МИД.

В «Записке статского советника Тимковского об Оренбургской линии» первая часть «Некоторые черты неблагоприятного положения Оренбургского начальства к хану Ширгазы, сыну Айчувакову» посвящена анализу взаимоотношений П.К. Эссена с казахским ханом Шергазы⁹⁸¹.

Мы не согласны с мнением М.П. Вяткина, который утверждал, что «все донесения Тимковского в Азиатский департамент и в Азиатский комитет крайне тенденциозны. Они все направлены на защиту хана Шергазы и на обвинение в вероломстве и неверности по отношению к России султана Арынгазы»⁹⁸².

В. Тимковский определил 17 пунктов, где наглядно показал причины недовольства хана политикой оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, а также нарушений со стороны местных русских администраторов. Автор, отслужив малое время в Пограничной комиссии, увидел своеволие местных начальников, пренебрежительное отношение к хану Шергазы и попытался показать объективную реальность, сложившуюся на границе со степной периферией.

Знакомство с положением дел в крае, с условиями жизни местных жителей, реальной политической ситуацией в Младшем казахском жузе привели В.Ф. Тимковского к мысли о необходимости изменения положения дел. По его мнению, «в течение 90 лет, со времени вступления хана Абулхаира в подданство России, местные оренбургские начальства мало сделали успехов для устройства Орды...

---

⁹⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 22.

⁹⁸⁰ Там же. Л. 50.

⁹⁸¹ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32.

⁹⁸² Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Приложения. С. 496.

Оренбургское начальство, признавая киргизцов (казахов – Г.И.) за коренных подданных государства и, между тем, не имея возможности действовать на них средствами обыкновенными, не принимая на себя труда или будучи неспособны избирать меры приличнейшие, усугубляли только беспорядки, гнездовавшееся в Орде, и оправдывали бесплодность своих неуместных усилий закоренелым и неистребляемым, по их мнению, варварством киргизского народа. Допуская, что беспокойный, строптивый дух и страсть к хищничеству составляют отличительные черты сих полудиких обитателей пространной степи, и что такие качества преимущественно могут принадлежать киргизцам Меньшой Орды, нельзя, однако же, выпустить из виду, что свойства сии, более или менее общи всем народам на известной степени гражданственности находящимся, и что киргизцы, удерживая пороки племен кочующих, сохраняют и их добродетели и, подобно всем другим, способны совершенствоваться, и что едва ли удобно и справедливо будет применять их нравы и обычаи к требованиям утонченной нравственности.

Вместо того, чтобы собирать предварительно верные известия о подлинном состоянии сего кочевого народа, вникнуть в его дух и свойства и сходно с сим принимать благоразумные и твердые меры к его устроению и, так сказать, воспитывая оный, и приготавливая к новому бытию политическому вести постепенно к высшему образованию, направляясь постоянно к одной цели, большая часть местных начальств довольствовались одною многословною, тщетною перепискою, не сохраняли никакого правила или порядка в поведении своем, действовали произвольно, не применяясь ни к временам и обстоятельствам, ни к природе вещей, затрудняли самих себя и правительство, возбуждали в киргизцах негодование и ропот, даже иногда недоверчивость к высшей власти»⁹⁸³.

В.Ф. Тимковский критиковал администрацию края, которая, по его мнению, дискредитировала образ российской власти перед казаками. Он предлагал регулировать отношения российской власти с населением окраины, «которые

⁹⁸³ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32. Л. 35 об. – 36 об.

столь долго служат игралищем случая и произвольности властей местных и вызывают к правосудному вниманию и решительной помощи»⁹⁸⁴.

Известный российский ученый А.В. Ремнев выделил несколько специфических черт политики самодержавия в области административно-территориального устройства Сибири. Среди них «значительная удаленность региона от центра страны, где были сосредоточены высшие и центральные органы власти», которая «приводила фактически к административной деконцентрации (лишь отчасти зафиксированной в законе), что понижало степень централизованной управляемости регионом. Недостаточная информированность о положении дел в регионе, низкая оперативность передачи управленческих решений, наличие механизмов их торможения или искажения, слабость центрального и местного контроля за действиями административного аппарата в значительной степени парализовали эффективность законодательных и административных указаний, идущих из Петербурга»⁹⁸⁵.

Данное выражение относится и к деятельности ОПК периода управления краем военного губернатора П.К. Эссена. Еще в феврале 1820 года на заседании Азиатского комитета рассматривался вопрос о нецелесообразности раздела Младшего жуза под руководством Шергазы Айшуакова на 2 ханства. В решении комитета предписывалось, что хан Шергазы будет единственным повелителем над казахами Младшего жуза. Для устранения вражды между ханом и султаном Арынгазы, Комитет распорядился наградить последнего золотой медалью и определить годовое жалованье по 500 руб. ассигнациями⁹⁸⁶. Предписывалось прекратить вражду между ханом и султаном, но действия военного губернатора в тот период, наоборот, усилили вражду и привели к кризису власти Шергазы. Дело о дополнениях к инструкции приставу к хану Шергазы усилило конфронтацию между двумя главными чиновниками в крае.

⁹⁸⁴ Там же. Л. 45.

⁹⁸⁵ Ремнев А.В. Административно-территориальное устройство Сибирского региона в XIX в. (Теоретические проблемы) // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Спец. выпуск (№ 3). С. 45.

⁹⁸⁶ 1820 г. февраля 19. – Журнал Азиатского комитета о нецелесообразности раздела Орды на 2 ханства с предписанием мер для укрепления в Орде власти хана Шир-газы // Материалы по истории Казахской ССР (1785 – 1828 гг.). Т. IV. С. 350.

Стабилизации положения в крае должно было способствовать указание императора Александр I, подготовленное Азиатским комитетом, к военному губернатору. «Раздробление предметов занятий, до управления Ордою и внешних сношений касающихся, между Пограничной Комиссией и так называемою дипломатическою канцеляриею вашею, разрушая необходимое единства действий первой, замедляет совершение намерений и видов правительства и отдаляет от киргиз-кайсаков щастливейшие времена, коих они столь долго и справедливо от державы Российской ожидают», – говорилось в письме императора⁹⁸⁷.

На заседании Азиатского комитета от 31 октября 1821 года были заслушаны два рапорта оренбургского военного губернатора, где он просил «подвергнуть (В. Тимковского – Г.И.) ответственности и действию законов, воспреещающих своеволие, неповиновение начальству и нанесение оному оскорблений»⁹⁸⁸.

Комитет, изучив подробно все дела, согласно мнению графа К.В. Нессельроде не нашел причин предать суду председателя Пограничной комиссии. В.Ф. Тимковский, согласно инструкции, имел полное право представить свои примечания и оставаться до конца твердым в своем мнении. Причину возникшего конфликта К.В. Нессельроде видел в том, что В.Ф. Тимковский при составлении инструкции для пристава руководствовался статьями Азиатского комитета 1820 года. П.К. Эссен, напротив, оставался неизменным в своих понятиях о хане и об Орде, несмотря на то, что ранее на заседании Комитета, где он присутствовал, были раскритикованы его взгляды на ханскую власть⁹⁸⁹.

Конфликт с военным губернатором П.К. Эссеном закончился освобождением В.Ф. Тимковского от должности. В 1822 г. он был отправлен на службу к управляющему гражданскими делами в Грузии генералу от инфантерии А.П. Ермолову⁹⁹⁰. В.Ф. Тимковский после службы на Кавказе некоторое время

⁹⁸⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4957. Л. 23.

⁹⁸⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 137.

⁹⁸⁹ Там же. Л. 139 – 139 об.

⁹⁹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2285. Л. 35 об.

был в Санкт-Петербурге. В 1826 г. назначен бессарабским гражданским губернатором, где прослужил до конца 1829 года⁹⁹¹.

По мнению С.В. Любичанковского, «должность генерал-губернатора и военного губернатора Оренбургского края в структуре власти Российской империи в 1781–1881 гг. играла роль трамплина для продолжения карьеры в системе государственного управления»⁹⁹². Эти слова относятся и к деятельности П.К. Эссена. Он отслужил в Оренбургском крае более 13 лет, получил на этой должности чин генерала от инфантерии. Опыт, приобретенный за годы управления Оренбургской губернией, был учтен при назначении его в 1830 г. Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором. В апреле того же 1830 г. он стал членом Государственного Совета.

Таким образом, ответственный чиновник МИДа В.Ф. Тимковский осмыслил реальную региональную ситуацию, увидел проблемы в реализации решений Азиатского департамента в Оренбургском крае. Причину кризиса во взаимоотношениях с кочевыми казаками он увидел в лице главного начальника края П. К. Эссена. Председатель Оренбургской пограничной комиссии попытался определить дальнейшие направления политики Российской империи на юго-восточной окраине. Его видение имперских задач сложились под влиянием петербургских политиков, столичной школы дипломатии как столичного чиновника, который, прибыв на место, увидел расхождение между отправляемыми центром указаниями и исполнением их на местах. Он пытался найти выход из сложившейся ситуации.

Раскритиковав деятельность Оренбургской Пограничной комиссии, он обратил внимание на то, что она стала подобием уничтоженного ранее Пограничного суда. Именно его деятельность подтолкнула Азиатский комитет ходатайствовать перед императором Александром I о написании письма для

---

⁹⁹¹ Воспоминания о Тимковских // Киевская старина. 1898. Т. 63. № 11. С. 268.

⁹⁹² Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII – XX веков. К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области: сб. статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. С. 44.

военного губернатора П.К. Эссена с целью восстановления всех функций Пограничной комиссии.

Изучив положение дел в Казахской степи, он выступил против ликвидации ханской власти и высказал мысль об ее усилении, о внесении изменений в инструкции по управлению казахами. В.Ф. Тимковский искал эффективные механизмы взаимодействия хана, Ханского совета, султанов в условиях кризиса. Проблема политической организации казахского кочевого общества стала для него объектом пристального изучения. Он приложил много усилий для изучения положения дел в крае.

«Записки» В.Ф. Тимковского представляют ценную источниковую базу для дальнейшего изучения положения местного населения – казахов, института ханской власти, функции местных органов управления (военный губернатор, Оренбургская Пограничная комиссия), в целом административной политики империи в Степи. Его служба на посту председателя ОПК, независимые суждения позитивно оценили чиновники Министерства иностранных дел, которые в данном случае защищали и свои ведомственные интересы.

В.Ф. Тимковский, будучи субъектом управленческого процесса, имея высокую степень образования, пройдя школу службы в Азиатском департаменте, привнес собственное видение в дальнейшее управление казахским краем, которое, к сожалению, не было до конца учтено высшими органами власти.

3.2. «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года

3.2.1. Организация российского управления на территории Младшего жуза казахов

20-е годы XIX в. – это период интеграции административных, территориальных, правовых структур казахского социума в имперское пространство.

Политический кризис в казахском обществе привел к набегам номадов на линию, ограблению торговых караванов в Степи. Это подтолкнуло оренбургских военных губернаторов обращаться в Петербург за разрешением на посылку в Казахскую степь воинских отрядов. В Комитете министров были против данной меры, она рассматривалась вредной как для торговли, так и для казахов. 19 ноября 1818 года Комитет принял решение «не дозволять отправления в степь воинских отрядов». Но после очередного обращения оренбургского военного губернатора П.К. Эссена вопрос обсуждается снова в мае 1819 г. на заседании Комитета министров. Для решения проблемы безопасности подвластных империи казахов, развития торговли и охраны караванных путей нужно было совместное решение Министерств иностранных дел, финансов и военного, и на данном заседании Комитета министров принимается решение о создании Особого комитета⁹⁹³. Однако данный комитет ни разу так и не собрался.

26 января (7 февраля) 1820 г. император Александр I указал: «Вместо прежнего Комитета, для всех вообще азиатских дел составить новый: из начальника Главного штаба и министров – иностранных дел, финансов и внутренних дел»⁹⁹⁴. Таким образом, был создан новый Азиатский комитет в расширенном составе для решения всех дел по азиатской границе.

Данный комитет имел статус межведомственного органа и был органом, занимавшимся вопросами внешней политики. Непосредственным поводом к его созданию послужили разногласия между центральными ведомствами и властями Оренбургского края по вопросам отношений с подвластными России казахами и центральноазиатскими государствами – Хивой и Бухарой. Управление делами Комитета было возложено на директора Азиатского департамента К.К. Родофиникина, а ведение делопроизводства возложено на чиновников того же департамента, «без всякого назначения особой суммы на канцелярские расходы»⁹⁹⁵. Комитет азиатских дел стал основным органом, который определил будущее состояние казахской Степи. До 1825 г. Азиатский комитет и Азиатский

⁹⁹³ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. архив. I-1. Оп. 781. Д. 488. Л. 2–3.

⁹⁹⁴ Там же. Л. 11–12.

⁹⁹⁵ Там же.

департамент занимались также калмыцкими делами. В марте 1825 г. калмыцкие дела были переданы в ведение Министерства внутренних дел.

Данному Комитету было отнесено предварительное обсуждение вопросов, связанных с управлением казахскими жузами, о разделении Зауральской Орды на три части, решался вопрос о ханской власти, ему было поручено «рассматривать все то, что будет представлено от хана Шергазы»⁹⁹⁶.

В состав созданного в 1820 г. Азиатского комитета вошли К.В. Нессельроде – министр иностранных дел, Д.А. Гурьев – министр финансов, В.П. Кочубей – министр внутренних дел, П.М. Волконский – начальник Главного штаба⁹⁹⁷. Министерство иностранных дел осуществляло контроль за этим межведомственным органом. Первое заседание Азиатского комитета состоялось 8 февраля 1820 г.

16 июля 1821 г. указом Александра I в состав Азиатского комитета были включены бывший сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский, командир Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии генерал А.П. Ермолов⁹⁹⁸. В апреле 1830 г. был введен полноправным членом тайный советник К.К. Родофиникин⁹⁹⁹. В 1842 г. в качестве знатока края, политического и военного эксперта был введен в состав Комитета бывший оренбургский военный губернатор В.А. Перовский¹⁰⁰⁰.

Важным мероприятием, подготовленным Азиатским комитетом в этот период, была реформа управления Младшим жузом, т.е. правовой основы, которая регулировала отношения центра с кочевыми казахами. 4 декабря 1823 года проект «Устава об Оренбургских киргизах (казахах – Г.И.)» был представлен главе ведомства Иностранных дел К.В. Нессельроде¹⁰⁰¹. Автором и инициатором проведения данной реформы на территории казахов Младшего жуза был оренбургский военный губернатор П.К. Эссен. Реформа была подготовлена на

⁹⁹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 82.

⁹⁹⁷ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. архив. I-1. Оп. 781. Д. 489. Л. 4.

⁹⁹⁸ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. архив. I-1. Оп. 781. Д. 488. Л. 11–12; Там же. Д. 489. Л. 163.

⁹⁹⁹ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. архив. I-1. Оп. 781. Д. 491. Л. 179.

¹⁰⁰⁰ Там же. Л. 115.

¹⁰⁰¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 288.

основе рапортов и донесений председателя ОПК С.И. Траскина, а проект был разработан председателем свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части Ф.Ф. Бергом и дополнен военным губернатором¹⁰⁰².

31 января 1824 г. на тридцать первом заседании Азиатский комитет рассмотрел проект, составленный оренбургским военным губернатором о разделении Оренбургского края на 2 губернии, и в особенности о преобразовании «Управления Меньшою Ордою киргиз-кайсаков». Проект состоял из двух частей. В первой части предусматривалось разделение Оренбургского края на две губернии: Оренбургскую и Уфимскую, а во второй было предложено особенное образование Пограничного управления. Данное управление должно было иметь три отделения: высшее, под именем «Оренбургское азиатское управление», и ему подчинялись управление линейное и степное¹⁰⁰³.

Журнал Азиатского комитета от 31 января был рассмотрен императором. Глава ведомства Иностранных дел К.В. Нессельроде 31 марта 1824 года уведомил оренбургского военного губернатора графа П.К. Эссена, «что Государь Император высочайше указать соизволил разделить зауральских киргизов, подведомственных Оренбургскому главному начальству, на три отделения и вверить их разным правителям с жалованием и другими выгодами, снабдить каждого из них указом от Главного начальства Оренбургского края о новых их обязанностях, вручить каждому из них знамя с Императорским гербом и золотую саблю, причем препроводил пергаментные листы с приличными украшениями для упомянутых указов, три знамени и три золотые сабли, с тем, чтобы на знаменах были надписи на татарском языке, которые означали бы названия отделения Орды, порученного старшему султану, коему по сему случаю и дарованно знамя»¹⁰⁰⁴.

Первая часть проекта реформы была отложена. Так как она охватывала внутреннее управление Оренбургским краем и должна была обсуждаться в

---

¹⁰⁰² Там же. Л. 287.

¹⁰⁰³ Там же. Л. 158 об.

¹⁰⁰⁴ ГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.6528. Л. 8 – 8об.

Министерстве внутренних дел¹⁰⁰⁵, а вторая часть удовлетворена. Так было принято «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем»¹⁰⁰⁶.

Согласно данной реформе изменению подлежала только система пограничного управления, которое разделялось на три звена: высшее, линейное и степное. Высшим звеном управления являлось «Оренбургское азиатское управление», т.е. сама Пограничная комиссия. Новшеством было то, что в утвержденный в 1818 г. штат Пограничной комиссии были включены два представителя ведущих на линии торговлю среднеазиатских купца, один от бухарских, другой от хивинских. Таким образом, состав «Оренбургского азиатского управления» состоял из председателя, 2 советников, 2 ассессоров, 4 депутатов от казахов, 2 депутатов от бухар и хивинцев, торгующих на линии¹⁰⁰⁷. Комиссия наделялась исполнительной и законодательной властью. К исполнительным делам относились: надзор по благоустройству в степях, линейное управление казахов, ведение государственных финансовых дел и т.д. Судебные дела над казахами и среднеазиатскими торговцами были также в ведении Пограничной комиссии. Она же рассматривала и исковые дела¹⁰⁰⁸.

Линейное управление. Согласно «Утвержденному мнению...» Оренбургско-Уральская линия, отделявшая казахов от России, была выделена в отдельное административное звено. Здесь создавалось 11 дистанций, среди которых Верхнеуральская, Троицкая, Оренбургская были достаточно заселенными, тогда как остальные намечалось заселить. Во главу каждой дистанции назначался «командир линейной дистанции», которому подчинялись коменданты всех крепостей, кроме Оренбургского. Командир линейной дистанции должен был быть опытным штаб-офицером. Основными функциями линейного управления

¹⁰⁰⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 160 об.

¹⁰⁰⁶ Там же. Л. 52–101.

¹⁰⁰⁷ Там же. Л. 158.; Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 205.

¹⁰⁰⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 159.

были: благоустройство стражи на линии, полицейские дела, исполнение особых поручений начальства. При командире состоял письмоводитель¹⁰⁰⁹.

Степное управление охватывало собственно казахов, проживающих за линией, т.е. за Уралом, и было основным административным звеном Оренбургской системы управления. В эпоху усиления процесса включения в имперское пространство казахских земель имела место опора на традиционные социальные институты. Российская имперская система управления казахской степью определила главной социальной опорой государственной власти на первом этапе проведения административной политики представителей традиционной знати – султанов.

Согласно «Утвержденному мнению», управление казахами Младшего жуза или Степное управление должно было осуществляться старшими султанами или султанами-правителями в четырех частях: трех зауральских частях Орды, т.е. в Западной, Средней, Восточной и внутренней, кочующей внутри Уральской линии (Букеевская Орда – Г.И.)¹⁰¹⁰. Хотя в документе речь шла только о территории Младшего жуза, но в период осуществления реформы частично территория Среднего жуза вошла в состав Оренбургского ведомства.

Каждая часть имела три звена местного управления: 1) аульное – управление во главе старшиной; 2) управление племен – включало в себя аульные единицы, управляемые частным правителем; 3) управление целой части Орды – состояло из племенного управления. Реформа не определила четкого управления частью.

Согласно «Утвержденному мнению» в управлении части орды полагалось два начальства: одно под именем хана и его совета, другое под именем старшего султана и его совета. Состав этих советов был почти одинаковым. В первом полагалось шесть советников и, сверх хана, один председатель, а в другом четыре советника, но без особого председателя. Власть данных советов не была

---

¹⁰⁰⁹ Там же. Л. 159 об.; Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 206, 207; Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. Астана, 1998. С. 25.

¹⁰¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 160.

разграничена. Складывалось двоевластие, которое привело бы к притязаниям, неудобствам. Поэтому рассматривалось важным ликвидировать власть хана Шергазы, «доставить ему все экономические выгоды, но не возлагая на него никаких важных обязанностей»¹⁰¹¹. В Букеевской Орде сохранялась ханская власть, но при хане организовывался Совет.

Предлагалось «Шергазы Айчувакова пригласить в Оренбург и при личных изъяснениях непосредственно дать ему знать, что по усилившимся в Орде раздорам, беспрестанно угрожающим ему самому опасностью, Государь император признал за благо поставить его, хана, в ближайшее сношение с местным начальством, дабы скорыми мерами, основанными на взаимных совещаниях, тем с лучшим успехом можно было действовать на водворение между киргизами (казахами – Г.И.) спокойствия. Для большего удобства отношений основать хану постоянное свое местопребывание в Оренбурге со званием первоприсутствующего в Пограничной комиссии»¹⁰¹². Для приличного содержания хана предлагалось назначить ему по 150 руб. сереб. в месяц¹⁰¹³. Данными средствами сохранялись все наружные почести, а по существу рассматривалось, что главное влияние на Степь будет иметь оренбургское начальство через султанов.

Азиатский комитет, утвердив проект Пограничного управления, обратив внимание П.К. Эссена на некоторые не до конца решенные вопросы, в частности, управление частью, дал оренбургскому военному губернатору разрешение переместить хана в Оренбург, назначить трех старших султанов и ввести их в должность. Военный губернатор получил расширенные права в решении этих вопросов, по своему усмотрению он мог принять решение об исполнении или отклонении этих распоряжений. При малейшем усилении беспокойства в Степи, в

---

¹⁰¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 161 об.–162 об; Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. С. 207.

¹⁰¹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 252.

¹⁰¹³ Курс серебряного рубля составлял 3 руб. 60 коп.

связи с проведением этих двух мероприятий, он мог отложить эти меры до полного рассмотрения и утверждения¹⁰¹⁴.

Азиатский комитет акцентировал, что «начальниками оных трех частей должны быть киргизские старейшины из дома Абулхаирова и при том пользующиеся между киргизами всеобщим уважением по их благоразумному поведению и обширному хозяйству»¹⁰¹⁵. Но оренбургские начальники полагали, что султаны-правители двух частей будут избраны из дома Абулхаира, а в третьей части, состоящей из племен и родов Среднего жуза, из числа уважаемых и почитаемых людей¹⁰¹⁶.

Крупный специалист по изучению особенностей функционирования жизнедеятельности кочевого общества казахов Н.Э. Масанов отмечал, что «по мере вовлечения Казахстана в орбиту колониального господства характер взаимоотношений казахского общества и российского самодержавия трансформировался от безусловного признания главенства сословия торе (султаны – Г.И.), которому обеспечивалось преимущественное право на занятие государственных должностей и осуществление властных функций, до полной отмены сословных привилегий и генеалогической системы политического доминирования и дальше, к предпочтению тех групп кочевого общества (племен), которые оказали наибольшие услуги российской администрации в усмирении степи и ее реформирования. На этой основе происходило формирование надгрупповых органов власти. И место индивида в государственной системе властного доминирования стало определяться уже не сословной и генеалогической принадлежностью к той или иной группе, а его верностью и услугами, способностью привлечь свою группу на службу Российскому государству»¹⁰¹⁷.

---

¹⁰¹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 163.

¹⁰¹⁵ Там же. Л. 165 об.

¹⁰¹⁶ Там же. Л. 180.

¹⁰¹⁷ Масанов Н.Э. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности // Материалы международной научной конференции «Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства». Алматы, 2007. С. 48.

В изменившихся условиях XIX века для представителей казахской знати также важно было сохранить свою власть и влияние, так как их место стало определяться не столько генеалогической принадлежностью к роду чингизидов, а верностью к присяге «царю и отечеству», личными способностями и умением привлечь свой род, отделение или племя на службу империи. Казахские султаны ищут дополнительную легитимацию своей власти во внешнем признании их прав на высокий статус¹⁰¹⁸.

Азиатский комитет признавал, что избрание султанов-правителей самими казахами невозможен, и предлагал определить их от правительства, назначив именно достойнейших, «со всем тем, не желая ни в каком случае стеснять местные соображения оренбургского военного губернатора» и определять их по его же усмотрению¹⁰¹⁹.

Комитет считал, что звание главных султанов нужно сделать в понятии казахских старейшин выгодным и привлекательным. Для этого было решено выдавать жалованье, а для поднятия их веса в глазах ордынцев оренбургский военный губернатор должен был представить свое мнение о награждении султанов-правителей золотой саблей, знаменем и грамотой на достоинство¹⁰²⁰.

В целом «Утвержденное мнение» не определило обязанности и компетенцию всех звеньев власти. В основном речь шла об институте султанов-правителей. Не определены были деятельность и значение аульных старшин, правителей племен. Не уточнялось, что представляет собой племенное управление, сколько аулов или племен оно должно было охватывать и т.д. Только для султанов-правителей была подготовлена инструкция, где обращалось внимание на происхождение султана как представителя верного дома России. Определялись функции правителя части:

1. Сохранять долг верноподданного;
2. Удерживать подчиненных казахов в строгом повиновении империи;

¹⁰¹⁸ Ерофеева И.В. Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865) // История Казахстана: народы и культуры. С. 160.

¹⁰¹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 166.

¹⁰²⁰ Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 209.

3. Быть справедливым и внимательным ко всем казахам, на основании народных обычаев примирять враждующие стороны, защищать обиженных;
4. Избегать предпочтения каким-либо поколениям перед другими;
5. Не допускать казахов производить барымту;
6. Поощрять их к хозяйственным занятиям и торговле;
7. Пресекать замыслы к грабежам проходящих караванов или к хищениям по линии;
8. Исполнять немедленно и с полным усердием все законные требования и предписания оренбургского начальника¹⁰²¹.

В помощь для исполнения обязанностей, в частности сохранения тишины в Степи, каждому султану-правителю назначался отряд казаков с определенным числом офицеров и урядников¹⁰²².

Азиатский Комитет предложил оренбургскому военному губернатору, учитывая особенности управления краем, представить окончательный, полный вариант проекта образования всего Оренбургского края.

Правила для аульных старшин и помощников султанов-правителей были составлены в 1831 г. председателем ОПК Г.Ф. Генсом. Главной обязанностью данной категории чиновников было содержать в надлежащем порядке и повиновении подведомственных казахов. В случае междоусобных ссор и обид предлагалось примирить их, в случае упорства и непослушания представлять виновных дистанчному начальству¹⁰²³. Все взаимные претензии, иски между казахами и линейными жителями рассматривались Пограничной комиссией. Старшинам запрещалось взимать с казахов без поручения Комиссии деньги, скот, любой вид имущества и т.д. Собранные по предписанию Комиссии вышеуказанные вещи доставлялись главному начальнику места, против которого они располагались, т.е. коменданту крепости¹⁰²⁴.

---

¹⁰²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 185.

¹⁰²² Там же. Л. 186 об.

¹⁰²³ Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 209.

¹⁰²⁴ Там же.

Таким образом, главное управление казахами Оренбургского края сосредоточивалось в Пограничной комиссии. «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года было незавершенной правовой нормой. Требовалось уточнить, дополнить ряд положений. Решение многих вопросов представлялось оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену. Как говорилось в журнале Азиатского комитета, «безначалие», «неустройство» Орды стали главной причиной принятия данного решения. В следующем параграфе будет рассмотрена деятельность оренбургской администрации по реализации решения Азиатского комитета.

3.2.2. Деятельность «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов» под руководством Ф.Ф. Берга

Оренбургский военный губернатор поддержал решения Азиатского комитета. Для реализации реформы 1824 года среди кочевых казахов Оренбургского края был создан «Комитет¹⁰²⁵, учрежденный для разделения Орды оренбургских киргизов (казахов – Г.И.)». Инициатором его образования был оренбургский военный губернатор П.К. Эссен.

«Комитет» был создан для решения сложных вопросов, в частности, определения территории трех частей с родорасселением, нахождения мест для строительства домов султанам-правителям и т.д. Реализацию реформы в Степи поручили полковнику Ф.Ф. Бергу. Он еще в 1823 г. являлся начальником экспедиции по подавлению движения казахов рода табын, выступивших против строительства Новой линии, под руководством Жоламана Тленши. Его деятельность высоко оценивало не только МИД, но и оренбургский военный губернатор П.К. Эссен.

В апреле 1824 г. Ф.Ф. Берг был направлен в Оренбургский край. Он привез с собой ящик, содержащий 3 золотые сабли, два пергаментных листа с

---

¹⁰²⁵ Далее в тексте «Комитет».

украшением и два знамени, предназначенных для султанов-правителей¹⁰²⁶. Ему было поручено разведать мнение новых правителей трех частей Орды о султанах Арынгазы, который находился в ссылке в Калуге. В центре, боясь вызвать новые раздоры и междоусобицы, требовали осторожно узнать, желают ли казахи возвращения Арынгазы в Степь¹⁰²⁷.

По приглашению военного губернатора казахский хан Шергазы Айшуаков прибыл в Оренбург и 10 мая 1824 года был принят П.К. Эссеном. Хану вручили письмо, написанное К.В. Нессельроде. По свидетельству оренбургского военного губернатора, письмо хану прочитал ахун Абдусалам. Шергазы воспринял новое назначение с возмущением, говоря, что «свое новое звание почитает неблагоприятствующим»¹⁰²⁸. Беседа с П.К. Эссеном убедили хана в пользе новой должности. Шергазы посетил Пограничную комиссию и занял свое место. Хану Шергазы для проживания в Оренбурге представили квартиру, на содержание которой ежегодно выделялось 1500 руб.¹⁰²⁹

Хан был недоволен своей участью. В своем письме руководителю МИДа К.В. Нессельроде сообщал, что «... я, будучи рожденным в киргиз-кайсацкой степи, и пребывание свое продолжил кочуя на зеленой, украшенной цветами, молодой траве и при стекающих речках и протоках, словом сказать, при вольном и чистом воздухе; в воздухе, существующем в нашем городе Оренбурге, мне не нравится и проживание мое продолжаю в оном совсем не охотно и принужденно»¹⁰³⁰.

На конец июня в Оренбург были вызваны султаны Каратай Нуралиев, Темир Ералиев и Жума Кудаймендиев. Первые являлись представителями дома Абулхаира, тогда как третий происходил из дома Каипа. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен быстрое назначение султанов-правителей объяснял рассеянностью кочевьев казахов на обширном пространстве степей и в связи с этим невозможностью быстро провести выборы.

---

¹⁰²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 200.

¹⁰²⁷ Там же. Л. 203, 203 об.

¹⁰²⁸ Там же. Л. 213, 213 об.

¹⁰²⁹ Там же. Л. 226 об.

¹⁰³⁰ Там же. Л. 239 об.

П.К. Эссен просил доставить одно недостающее знамя и пергаментный лист. Для подвешивания трех золотых сабель просил выделить золотой шнур, по примеру шнура сабли Джангира Букейханова, правителя Внутренней Орды¹⁰³¹.

В июле султаны прибыли в Оренбург в сопровождении свиты. 1 августа 1824 г. султаном-правителем Западной части был назначен Каратай Нуралиев. 13 августа Жума Кудаймендиев был назначен султаном-правителем Восточной, а Темир Ералиев – Средней части Орды¹⁰³².

После утверждения в должности султанов-правителей, каждому из них были вручены символические знаки власти. «Каждый правитель части при возведении их в это достоинство получил от оренбургского военного губернатора графа Эссена грамоту, знамя с императорским гербом и золотую саблю, высланную Министерством иностранных дел»¹⁰³³. Им было назначено жалованье по 100 руб. серебром в месяц и 60 кулей ржаной муки в год¹⁰³⁴. Знамя части должно было обязательно передаваться следующему султану-правителю, тогда как сабля и грамота могли оставаться в семье сменного султана-правителя¹⁰³⁵. Были определены центры трех частей. В 1824–1825 гг. центром Западной части была определена Калмыковская крепость, Средней части – Орская крепость, Восточной части – Троицкая крепость¹⁰³⁶.

При возведении трех вышеуказанных султанов в достоинство султанов-правителей частей на их содержание во время пребывания в Оренбурге было потрачено 2574 руб. 39 коп. с половиной¹⁰³⁷.

При назначении султанов-правителей возникло несколько проблем. Первая связана тем, что Темир Ералиев сомневался в покорности перешедших под его власть алимулинцев, так как данное поколение ранее находилось под управлением Арынгазы Абулгазиева. В своем письме Ф.Ф. Бергу султан-

¹⁰³¹ Там же. Л. 214 об.

¹⁰³² Там же. Л. 273.

¹⁰³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 5

¹⁰³⁴ Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя. С. 209.

¹⁰³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 5 об.

¹⁰³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 б. Л. 60, 75.

¹⁰³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1822 год. Д. 90. Л. 10.

правитель Средней части писал: «назначают меня старшим султаном между прочими и над целым алимулинским родом, кои киргизцы столь беспокойны и буйны, что я не имею надежды с успехом управлять ими и не знаю, каким образом установить между ними порядок и тишину, почему не могу надеяться оказать никаких заслуг, приняв их в свое управление, и даже буду находиться в беспрестанной опасности лишиться звания и милостей»¹⁰³⁸. Он высказал мнение о возвращении Арынгазы на родину как султана, вызывающего особенную преданность народа.

Вторая проблема была связана с определением границ частей, а также племен и отделений, отходящих к ним. Как сообщал Ф.Ф. Берг: «народы кочевые не представляют удобства вводить между ними какие-либо учреждения против выгод их»¹⁰³⁹. Оренбургский военный губернатор также рассматривал разделение территории Младшего жуза на части как важнейшее и трудное обстоятельство, так как «пространство, ею (Младший жуз – Г.И.) занимаемое, есть общая принадлежность киргизов (казахов – Г.И.) и право сильного доселе было надежное для них средство к получению лучших мест в степи под кочевье. Настоящий распорядок, полагая тому препону, представляет в будущем следствия, могущие иметь важное влияние на устройство Орды»¹⁰⁴⁰.

Для решения возникших проблем был создан «Комитет, учрежденный для разделения Орды оренбургских киргизов» (далее Комитет – Г.И.) под председательством полковника Ф.Ф. Берга, в составе султанов-правителей Каратая Нуралиева, Темира Ералиева, начальника инженеров отдельного Оренбургского корпуса, инженер-полковника Г.Ф. Генса и управляющего пограничной канцелярией военного губернатора титулярного советника Оводова. Им были предписаны правила к руководству в этом вопросе¹⁰⁴¹. Султан-правитель Восточной части Жума Кудаймендиев присоединился позднее к работе Комитета, его имя не упоминается на заседаниях до 3 августа 1824 года. По нашим

¹⁰³⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 284 об.

¹⁰³⁹ Там же. Л. 289 об.

¹⁰⁴⁰ Там же. Л. 288.

¹⁰⁴¹ Там же. Л. 273, 342 – 342 об.

подсчетам, данный Комитет провел с 23 июля по 6 августа 1824 года 10 заседаний. На каждом заседании обсуждались вопросы, связанные с реализацией реформы 1824 года. Так, например, на заседании 23 июля решалась проблема проведения границы между Западной и Средней частями¹⁰⁴². На третьем заседании 25 июля рассматривался вопрос о строительстве дома для султана-правителя Каратая Нуралиева¹⁰⁴³.

В целом, на заседаниях Комитета до 3 августа 1824 года обсуждались и нашли решение следующие проблемы.

1. Территория Младшего жуза была разделена на Западную и Среднюю части и определены их границы.

2. К двум частям Орды по расположению кочевьев были причислены отделения казахских родов и племен. Комитет составил список отделений и подотделений всех племен и родов Младшего жуза и два расписания, объясняющие состав каждой из двух разграниченных частей.

3. Обсуждался вопрос о постройке по просьбе султана Каратая Нуралиева дома в степи, напротив Калмыковой крепости. По составленному плану дом оценивался в 3 тыс. руб. Сделаны были его примерный план и фасад.

4. О военной команде, предназначенной к султанам-правителям: Комитет предложил содержать на линии 200 казаков в крепости Калмыковской для помощи Каратаю Нуралиеву и такое же число казаков в Орской крепости для Темира Ералиева.

5. Обсуждался вопрос о доставке султанам-правителям определенного им на содержание хлеба и о назначении к ним по одному письмоводителю, знающему русский и татарский языки.

Надо отметить, что членами данного Комитета являлись весьма компетентные люди. Так, например, полковник Г.Ф. Генс, к этому моменту 17 лет прослуживший в Оренбургском крае, был одним из лучших чиновников края, хорошо знал обычаи, принципы взаимоотношений племен, родов, отделений и

---

¹⁰⁴² Там же. Л. 291–292 об.

¹⁰⁴³ Там же. Л. 305–306 об.

подотделений кочевых казахов. Титулярный советник Оводов как представитель пограничной канцелярии оренбургского военного губернатора ведал всеми собранными на тот момент сведениями о казахах Младшего жуза. Представители казахов, султаны Жума Кудаймендиев, Темир Ералиев, во время заседаний сообщали факты, которые не были известны в тот момент представителям имперской администрации. Так, например, при определении границы между Восточной и Средней частями на заседании Комитета 3 августа, султаны Жума и Темир сообщили географические подробности расположения переправы Калы на реке Тургай при соединении ее с р. Ирғиз. Эти данные еще не были нанесены на карту 1821 г.¹⁰⁴⁴. Султаны-правители также дополнили списки отделений и подотделений казахских родов и племен¹⁰⁴⁵.

Председатель Комитета полковник Ф.Ф. Берг руководил экспедициями 1823 и 1825 гг. в Степь, по результатам которых были сделаны топографические съемки между Уралом, Орью и Эмбой, составлено военно-топографическое описание пространства между Аральским и Каспийским морями, доставлены сведения экономического и географического характера. Ф.Ф. Берг о населении Степи писал: «в каждой части Орды находится несколько отделений всех трех родов, составляющих Малую Орду. Я принужден был сперва войти в предварительные изыскания об обычаях, связях, несогласиях и происхождении племен оренбургских киргизов (казахов – Г.И.). Надлежало рассматривать Орду не только в том виде, какой она получается после схода снега до осени, но еще соображать их состояние в 5 зимних месяцев»¹⁰⁴⁶.

При проведении границы между Западной и Средней частями, чтобы не раздробить отделения и подотделения племен и родов Младшего жуза, Комитет сделал разбор их по зимним и летним кочевьям. Итак, граница между двумя частями Зауральской Орды проходила по черте начиная от Илецкого городка и проходя по рекам Илеку и Большой Хобде до впадения в последнюю речки Бурмы, от нее через

---

¹⁰⁴⁴ Там же. Л. 342.

¹⁰⁴⁵ Там же. Л. 293.

¹⁰⁴⁶ Там же. Л. 289 об.

урочище Кок-тепсин по реке Темиру до устья ее и оттуда по прямому направлению к югу до Аральского моря, оставив Большие и Малые Барсуки к востоку¹⁰⁴⁷.

Комитет 24 июля определил расселение родов в Западной и Средней частях Зауральской Орды. Под управление султана-правителя Каратая Нуралиева, т.е. в Западную часть, отошли роды: маскар, алаша, кызылкурт, тана, байбакты, ысык, серкеш, адай, бериш, есентемир, таз поколения Байулы, уак (перешедшие из Среднего жуза); из поколения Жетыру: табын, тама кердери; из поколения Алимұлы отделения: ак кете и ожырай кете, шурен¹⁰⁴⁸.

К Средней части, султану-правителю Темиру Ералиеву отошли: из поколения Байулы жаппас, алтын, часть подразделения алтыбас рода алаша; из поколения Жетыру жагалбайлы, керейт, часть тама; аулы байгушей, кочующих при верхней Оренбургской линии; из поколения Алимұлы: шумекей, шекти, торткара, каракесек, карасакал, подотделение кара кете¹⁰⁴⁹.

25 июля 1824 г. на заседании Комитета рассматривался вопрос о строительстве домов для султанов-правителей. Здесь обсуждались также выгоды, которые имели бы казахи при строительстве домов для жительства и хозяйства.

Султан Каратай Нуралиев изъявил желание иметь дом против Калмыковской крепости. Как говорилось выше, здесь же был составлен примерный план и фасад дома. Предполагалось строить дом из материалов, которые имеются в степи. Строительство дома обходилось в 3 тыс. руб., тогда как такой же дом на линии стоил бы всего 800 руб. Султан-правитель просил также построить дома для его советников и служителей¹⁰⁵⁰.

Султан Темир Ералиев не определился с местом постоянного пребывания, поэтому вопрос о строительстве для него дома был отложен.

По реформе 1824 г. для султанов-правителей выделялся казачий отряд для следования за ними во время кочевья и для исполнения их распоряжений. Но султаны Каратай и Темир отказались использовать военный отряд для

¹⁰⁴⁷ Там же. Л. 292.

¹⁰⁴⁸ Там же. Л. 293.

¹⁰⁴⁹ Там же.

¹⁰⁵⁰ Там же. Л. 306.

«водворения тишины и порядка» вверенных им частях. Они решили испытать собственные силы. Несмотря на это, было принято решение содержать для управления Средней Ордой 200 казаков в Орской крепости и такое же число в Калмыковой крепости для управления Западной частью. Отряды эти освобождались от линейной службы, чтобы всегда были в готовности к выступлению в Степь. Начальники отрядов должны были выступить по первому же извещению от старших султанов, следовать к ним на непродолжительное время и на случаи, «если-бы кто из киргизов стал оказывать неповиновение или умышлять вредные дела. Отряды сии хотя не многочисленны, но каждый, будучи внезапно выдвинут на какой-либо пункт в Степи по указанию старшего султана и при содействии его, столько будет важен по своему действию и столько силен для поимки ли мятежных, для преследования ли преступных, для обращения ли непокорных к повиновению»¹⁰⁵¹. Султаны для вызова военного отряда в Степь должны были отправить подписанное ими письменное требование с печатью через надежных султанов или старшин. В Орской крепости содержались казаки Оренбургского казачьего войска, а в Калмыковской – Уральского казачьего войска¹⁰⁵².

28 июля на заседании Комитета рассматривался вопрос о доставке предназначенных для султанов-правителей 60 четвертей ржаной муки. Султан Каратай объявил, что ввиду нахождения его аулов против Калмыковской крепости, он намерен принимать хлеб в этой крепости. Он просил назначить отпуск ржаной и пшеничной мукой и полбенными крупами в равной части¹⁰⁵³. В связи с тем, что султан-правитель Темир Ералиев не определился с местом пребывания, вопрос о доставке ему хлеба остался открытым.

Каждому султану назначался один письмоводитель, знающий русский и татарский языки¹⁰⁵⁴, каждый из них получал жалованье 500 рублей в год¹⁰⁵⁵.

---

¹⁰⁵¹ Там же. Л. 309.

¹⁰⁵² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1822 год. Д. 90. Л. 60.

¹⁰⁵³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 311.

¹⁰⁵⁴ Там же. Л. 312.

¹⁰⁵⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1822 год. Д. 90. Л. 66.

3 августа 1824 г. определилась граница между Средней и Восточной частями Зауральской Орды. В решении Комитета говорилось: «поставить черту начиная от реки Уя, где находится Степная крепость, и провести по вершинам рек: Тогузака, Кара Али Аята, Джикувара и Тобола, таким образом, чтоб все течение тех заключалось в части восточной; потом продолжить черту сию от вершин Тобола, чрез озеро Карсак-Баши на переправу называемую Калы, по прежним картам неизвестную, но действительно существующую на реке, текущей по соединении Тургая с Иргизом; от сей переправы провести на Сыр-Дарью к месту, где могила Кур-Кут, и наконец, по дороге, именуемой Епачка, через колодец Суз-кара до первого бухарского кочевья Киндерли»¹⁰⁵⁶. Здесь возникла проблема неопределенности границы между кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов. Временно границей рассматривалась черта от Алабужского форпоста по источникам всех речек, впадающих в Убаган, и по источникам всех Тургаев до горы Улутау¹⁰⁵⁷. Это стало началом длительного конфликта между оренбургскими военными губернаторами и западносибирскими генерал-губернаторами.

В состав Восточной части отошли: отделения шакшак, айдарка, кырык мылтык, караман, жар жетим аргынского рода, кыпчаки, балта керей¹⁰⁵⁸.

Жума Кудаймендиев решил принимать положенные ему 60 четвертей муки в городе Троицке¹⁰⁵⁹. Позже центром Западной части была назначена Затонская крепость, Средней части – станица Изобильная, Восточной части – Усть-Уйская станица.

В начале зимы 1825 г. Ф.Ф. Берг, исполнив возложенные на него задачи, вернулся в Санкт-Петербург¹⁰⁶⁰, но вскоре во главе экспедиции был отправлен для изучения Устюрта в Арало-Каспийский регион.

К этому времени назрело недовольство деятельностью военного губернатора П.К. Эссена не только со стороны казахского хана Шергазы

¹⁰⁵⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 342 об.

¹⁰⁵⁷ Там же. Л. 325.

¹⁰⁵⁸ Там же. Л. 346.

¹⁰⁵⁹ Там же. Л. 345.

¹⁰⁶⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1822 год. Д. 90. Л. 71.

Айшуакова, но и председателя ОПК С.И. Траскина. В своем письме К.К. Родофиникину С.И. Траскин сообщал, что его служба не находит удовлетворения со стороны начальника края. Председатель ОПК выказал недовольство следующими действиями П.К. Эссена.

1. Когда были собраны сведения и подготовлены представления об устройстве Орды, об отправке караванов, военный губернатор объявил, что по этому вопросу уже давно высказаны мнения в МИД.

2. Военный губернатор скрыл от С.И. Траскина цель отправки каравана в Бухару под военным прикрытием.

3. Председателю Оренбургской пограничной комиссии не было сообщено о назначении султанов-правителей, об учреждении «Комитета для разделения Орды оренбургских киргизов».

4. Назначенные султаны-правители Каратай Нуралиев, Темир Ералиев, приехав в Оренбург, по долгу службы обязанные прибыть в Комиссию, не сделали этого, вместо этого они были отправлены в Орду для сбора верблюдов необходимой экспедиции; военный губернатор и полковник Ф.Ф. Берг нарушали распоряжение, где было предписано Комиссии, «чтобы ни один из султанов, старшин и киргизцов без его ведения и билета не приезжал и не выезжал из города».

5. Непонятны были С.И. Траскину и распоряжения П.К. Эссена о том, чтобы на хана Шергазы не возлагать никаких обязанностей, тогда как из центра было направлено уведомление, что хан назначается первоприсутствующим в Комиссии и т.д.

6. Особое расположение П.К. Эссена к Ф.Ф. Бергу, восхваление его деятельности императору Александру I, прибывшему в Оренбург, вызвали ревностное отношение С.И. Траскина¹⁰⁶¹.

Председатель ОПК искал поддержки МИДа и просил «предохранить от подобных неприятностей, какие уже имел предшественник» (имеется в виду В.Ф. Тимковский – Г.И.). Выражения «а я как совершенно сторонний человек ничего

¹⁰⁶¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 337–338 об.

не знаю», «по какому поводу от меня это совершенно здесь секретно», «помимо меня и Комиссии, как бы по секрету» и т.д. характерны для его письма.

Таким образом, генерал-майор С.И. Траскин выразил сложившуюся ситуацию взаимоотношений между ним как председателем ОПК, как представителем органа, ответственного за взаимоотношения со Степью, и оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном. Фактически военный губернатор игнорировал роль представителей МИДа в крае. Наблюдается невзаимосвязанность действий учреждений и их начальников.

Итак, подготовленная оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном реформа нашла поддержку в Азиатском комитете и была утверждена весной 1824 г. императором Александром I. Определенная в эти годы региональная политика империи брала курс на дальнейшую интеграцию Степи. Принятые в 1822 г. в Среднем и в 1824 г. в Младшем жузах казахов реформы показали дифференцированный подход в отношении каждого региона Степи.

Согласно реформе 1824 г. ханская власть в Младшем казахском жузе была ликвидирована. Реформа предусматривала назначение всех местных начальников по выбору российской администрации. Был введен институт султанов-правителей. Привлечение на службу Российской империи местной элиты было эффективным элементом механизма управления окраиной, который в определенный период гарантировал стабильность в регионе.

Реформа была реализована с помощью деятельности специального Комитета во главе с Ф.Ф. Бергом, созданного по инициативе главного начальника края. Комитет, изучив все обстоятельства (принцип старшинства, принцип кочевания, зимние стоянки и летние пастбища), разделил Младший жуз на две части с учетом расселения родов. На определенной территории Среднего жуза, находящегося под властью Оренбургского ведомства, была образована третья – Восточная часть. В дальнейшем выяснилось, что части разделены неравномерно как территориально, так и по количеству населения.

Незавершенность реформы 1824 г. потребовала пересмотра и доработки некоторых ее пунктов. Эти вопросы будут рассмотрены нами в следующих главах.

Если говорить о дальнейшей судьбе членов Комитета, то первые султаны-правители старались выполнять возложенные на них обязанности, но в конце 1825 года по случаю тяжелой болезни Темир Ералиев был освобожден от должности. Каратай Нуралиев скончался 8 июня 1826 года от болезни и старости. В конце 1828 года в отчетах ОПК, рапортах военного губернатора в столицу о Жуме Кудаймендиеве сообщают, что по старости лет управление в Восточной части Орды стало слабым.

Управляющий пограничной канцелярией военного губернатора титулярный советник Оводов стал коллежским асессором в 1825 году. Генерал-майор Семен Траскин прослужил в ОПК с конца января 1823 года по март 1825 года. Григорий Федорович Генс заменил его на этом посту.

Как было сказано выше, по реформе 1824 г. была ликвидирована ханская власть в Младшем жузе казахов. В следующем параграфе рассмотрим, как сложилась судьба последнего хана Младшего жуза из дома Абулхаира – Шергазы Айшуакова.

3.3 Последний хан Младшего жуза – Шергазы Айшуаков

Шергазы (1767–1845) – второй сын Айшуака, внук хана Абулхаира. Он принадлежал к той группе чингизидов, которых поддерживала российская администрация как потомков хана Абулхаира, инициатора присоединения Младшего жуза к России. По воле судьбы, он был правителем (1812–1824), при котором ханская власть была ликвидирована в Младшем жузе. Период его правления был связан с усилением власти Российской империи на территории Младшего и Среднего жузов и рассмотрением замены традиционного ханского управления в Казахской степи, более отвечающим интересам империи. Проведенный в 1822 году на территории соседнего Среднего жуза «Устав

о сибирских киргизах», автором которого был генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский, показал российской власти, что ликвидация ханской власти и создание новых административно-территориальных единиц есть новое направление государства в отношении казахских жузов.

Отец Шергазы – Айшуак Абулхайров, избранный ханом 14 ноября 1897 года в преклонном возрасте во время восстания Срыма Датова, 17 февраля 1805 года в своем письме оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому просил освободить его от звания хана в связи со слабым здоровьем и преклонным возрастом¹⁰⁶². На смену пришел его старший сын Жанторе. 3 сентября 1805 года он был утвержден в звании хана Младшего жуза императором Александром I, но 2 ноября 1809 году близ Мергеновского форпоста Уральской линии в борьбе за власть был убит людьми султана Каратая Нуралиева. Организаторами убийства явились сын Нуралы хана султан Орман и старший сын Есим хана султан Кара, главным исполнителем был сын Ормана султан Шиман.

В ноябре 1809 года, после смерти Жанторе хана, Айшуак и его сыновья Шергазы, Альгазы, Токе в своем прошении на имя императора, излагая обстоятельства смерти Жанторе хана, просили назначить ханом султана Шергазы¹⁰⁶³.

Указом императора от 25 апреля 1812 г. Шергазы был назначен ханом Младшего жуза. 22 августа¹⁰⁶⁴ 1812 года по предложению оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского Шергазы был подтвержден в ханы близ Оренбурга. Как сообщал князь Г. С. Волконский, возведение в ханы Шергазы было произведено торжественно, с принятым церемониалом при присутствии более 7 тыс. казахов¹⁰⁶⁵.

А.И. Левшин, изучивший архив ОПК, полностью описал процесс возведения в ханы султана Шергазы Айшуакова. Итак, 23 августа 1812 года на

---

¹⁰⁶² 1805 г. апреля 30. – Рапорт оренбургского военного губернатора Г.С. Волконского императору Александру I об увольнении хана Айчувака и назначении на его место султана Жан-торе // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. С. 225.

¹⁰⁶³ Там же. С. 241–245.

¹⁰⁶⁴ По А. Левшину 23 августа 1812 года

¹⁰⁶⁵ РГИА. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 493. Л. 35.

левом берегу Урала было проведено данное торжество. Начало церемонии было объявлено в 7 часов утра тремя пушечными выстрелами с крепости. В 8 часов один штаб-офицер с двумя обер-офицерами и конвоем приехали к Шергазы сказать, что приготовления закончены и что его просят отправиться на место торжества.

Шергазы были посланы карета и две коляски. В карету сел он сам с одним султаном, с присланным к нему штаб-офицером и переводчиком, коляски наполнялись почтеннейшими султанами и приближенными. Впереди ханской кареты ехали два офицера с четырьмя урядниками, а сзади – 50 казаков. За экипажами следовали конные казахи.

В то же самое время, когда хан выехал от своей кибитки, выезжал по данному знаку из крепости и военный губернатор. По прибытии обоих на место торжества, стоявшие в ружье войска отдали честь, забили в барабаны и заиграла музыка. Войска были представлены двумя сотнями оренбургских казаков, одним тептярским полком, тремя сотнями башкирцев, гарнизонным полком пехоты и артиллерийской ротой.

По приезде военный губернатор, взойдя вместе с ханом на приготовленное возвышение, объявил всему собравшемуся народу Высочайшую волю Государя на утверждение Шергазы ханом и велел читать высланную по этому поводу императорскую грамоту на русском и татарском языках.

Потом хан стал на ковер на колени и произнес торжественно пред Ал-Кораном присягу в верности России, повторяя слова присяги вслед за читавшим ее по утвержденной форме муллой. В заключение он поцеловал Коран, поднял его на голову и, встав, приложил к присяжному листу вместо подписи свою печать.

После этого были произведены 21 выстрел из орудий артиллерии, бывшей в строю, и 11 выстрелов из шести орудий с крепости; из ружей пущен беглый огонь, барабаны зазвучали и опять заиграла музыка. Затем надели на хана соболью, богатую, парчою покрытую шубу, шапку и золотую саблю с надписью его имени, которые были присланы от двора. Шапку надевал на него генерал-майор, шубу – полковник, а саблю – подполковник. Затем военный губернатор

Волконский вручил ему императорскую грамоту на ханское достоинство и он, поцеловав ее, поднял на голову¹⁰⁶⁶.

Таким образом, введенный при Нуралы хане церемониал инаугурации хана сохранился. Этот церемониал, с одной стороны, служил для российской администрации средством легитимации власти хана перед его подданными и показывал уровень вмешательства российского правительства на функционирование института ханской власти в Степи. С другой стороны, пышность, размах и торжественность мероприятия показывала казахам мощь и силу империи.

Обратим внимание на позу хана и чтение текста Корана. По мнению И.В. Зайцева, «мусульманину было запрещено клясться кем-либо, кроме Аллаха, его именами и атрибутами (в противном случае имеет место так называемый ширк – придание Аллаху сотоварищей). Клятва не Аллахом – грех, требующий покаяния»¹⁰⁶⁷. В реконструированном виде, по Д.Ю. Арапову, ритуал принесения клятвы в XVIII–XIX вв. выглядел следующим образом: экземпляр Корана обязательно должен был быть изготовлен мусульманином, чтобы обладать необходимой ритуальной чистотой. Так, параллельное латино-арабское издание Корана Л. Мараччи, напечатанное в Падуе в 1698 г., для этих целей не подходило и было отвергнуто. Коран во время присяги должен был находиться выше пояса клянущегося, который в этот момент, как во время ежедневной пятикратной молитвы, должен был стоять в коленопреклоненной позе. Поэтому книгу помещали на специальный столик или подставку, покрытой зеленой тканью, сотканной мусульманином. Местом проведения присяги должна была быть мечеть или молитвенный дом.

Впрочем, совершать присягу можно было в любом удобном для этого месте. Необходимо было присутствие толмача для того, чтобы проверить точность произносимого мусульманином текста, а также духовного лица (муллы). Порядок принесения присяги включал следующие процедуры: присягающий должен был непрерывно держать указательный и средний пальцы правой руки на тексте

¹⁰⁶⁶ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих... С. 348–349.

¹⁰⁶⁷ Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI – XIX веков // Отечественная история. 2008. № 4. С. 5.

Корана, начинать со слов хвалы Аллаху, трижды поклясться именем Аллаха. Грамотные мусульмане подписывали текст клятвы сами, а за неграмотных прикладывали руку их близкие. На присяжном листе ставили оттиски личных печатей или пальцев присягающих¹⁰⁶⁸.

В 1817 году был назначен оренбургским военным губернатором П.К. Эссен. Но отношения Шергазы хана с новым оренбургским военным губернатором не сложились. Как указывалось ранее, именно П.К. Эссен был инициатором ликвидации ханской власти в Младшем жузе. Придя к власти, он, не до конца изучив ситуацию в крае, поддерживая другого султана из дома Каипа, привел в замешательство центральные власти. Об отстранении Шергазы от власти П.К. Эссен не раз докладывал в центр. Так, например, 3 ноября 1818 года он доносил главе ведомства иностранных дел К. В. Нессельроде о состоянии дел в Малой Орде. Он предлагал на рассмотрение высших инстанций власти вопросы увольнения хана Шергазы Айшуакова от управления и назначения ему с семейством пребывания в Уфе или Мензелинске с выплатой пенсии по 2000 руб. в год¹⁰⁶⁹. После его сообщений, где Шергазы рассматривался слабым ханом, и предложения сменить его другим, в столице было собрано заседание Азиатского Комитета, где решался вопрос об участии хана.

В августе 1817 года хан Шергазы писал в ОПК о его положении в Степи, где описывал нарастание конфликта между ним и султанами Арынгазы Абдулгазиевым, Шергазы Каиповым. Хан просил оказать ему военную помощь¹⁰⁷⁰. Но в ответ он получил письмо, где ему напоминали слова оренбургского военного губернатора П.К. Эссена и советовали остановить распри с султаном Арынгазы. При неразрешении этого вопроса хану грозили, что «правительство, не предвидя способов водворить в степи киргиз-кайсаков

¹⁰⁶⁸ Арапов Д.Ю. Присяга мусульман в Российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 252–263.

¹⁰⁶⁹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского МИД. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1976. С. 579.

¹⁰⁷⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–2 об.

(казахов – Г.И.) тишину и спокойствие, приведено будет в необходимость принять строжайшие меры и приступить к определению в Орду другого хана»¹⁰⁷¹.

Созданному 26 января (7 февраля) 1820 г. новому Азиатскому комитету было поручено «рассматривать все то, что будет представлено от хана Шергазы»¹⁰⁷², а также в дальнейшем на его заседаниях решался вопрос: сменить хана Шергазы и возвести в данное достоинство султана Арунгазы? Или оставить ханом Шергазы как внука Абулхаира, поколения которого управляли данным жузом?¹⁰⁷³.

Хан одним из способов своей защиты избрал написание писем в Коллегию иностранных дел, позже в Азиатский департамент МИД, к императору. Так, например, 8 февраля 1820 года на заседании Азиатского комитета были рассмотрены два прошения хана. Первое было написано в сентябре 1819 года и адресовалось КИД, а второе от 9 января 1820 года было написано императору. В этих письмах хан жаловался на оренбургского военного губернатора П.К. Эссена. На этом же заседании были проанализированы причины, по которым П.К. Эссен хочет лишиться власти хана Шергазы. Комитет полностью поддержал казахского хана, говоря, что «...политика Кабинета состояла в том, чтобы...Абулхаирова род удерживать в ханском достоинстве, во уважении преданности фамилии сей к императорскому престолу и вследствие данных в том от имени императрицы Анны Иоанновны положительных обещаний»¹⁰⁷⁴. Комитет не нашел в действиях хана «какие-либо изменнические замыслы, враждебные и недоброжелательные намерения, деяния или покушения ко вреду России»¹⁰⁷⁵. Только наличие этих причин могло дать повод к отстранению хана от власти. Обвинения П. К. Эссена, что хан слаб в управлении, не были доказательством преступлений хана.

На следующем заседании Азиатского комитета, которое состоялось 15 февраля 1820 года, были рассмотрены 6 прошений хана. Это были злободневные вопросы, на которые, по мнению хана, не обращала внимания

---

¹⁰⁷¹ Там же. Л. 4.

¹⁰⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 82.

¹⁰⁷³ Там же. Л. 89.

¹⁰⁷⁴ Там же. Л. 90.

¹⁰⁷⁵ Там же. Л. 91.

оренбургская администрация. Среди них были: 1. Ввести запрет оренбургской администрации вести дела с подвластными ему султанами, биями, а решать все вопросы только с ним;

2. Решить вопрос о возврате степной стороны Урала, которым пользовались казахи с давних времен;

3. «С р. Илека вытеснены они также под предлогом дороги, проложенной близ берега оной реки, вышедшей от Урала на Степную сторону. Тут поставлены пикеты и форпосты и представлено одним русским содержать хутора и пасти скотину». Запрет использования этой дороги казахам степной стороны Илека привел к тому, что, не имея другой дороги, казахи не могли пройти на Оренбургскую ярмарку. Хан просил, чтоб им позволили вновь летом и зимою пользоваться теми землями на прежнем основании;

4. Хан просил, чтобы были приняты меры к воздержанию от самовольных поступков чиновников, посылаемых к ним в Орду при перегоне скота на внутреннюю сторону Урала и по возвращении на внешнюю;

5. Шергазы просил пересмотреть дело, где присланный из пограничной комиссии чиновник Топорнин продал его скот за бесценок и выручил 22 тыс. руб. для удовлетворения неосновательного иска его врагов. Для удовлетворения неимеющегося иска было взыскано 20 тыс. руб. у двух казахов, содержавшихся около года в тюрьме;

6. Хан жаловался и на командира тептярского полка Рычкова, который сделав вторжение в Степь, от совершенно невинных и не участвовавших в каких-либо грабежах казахов отогнал 5 тыс. баранов и более тысячи голов лошадей. Шергазы просил впредь запретить такие поиски в Степь¹⁰⁷⁶.

Следующим способом защиты своей власти хан считал аудиенцию у императора или отправку его верных людей в столицу. Обсуждение некоторых важных вопросов, которые не решались в Оренбурге, хан намеревался рассмотреть в Петербурге. Присутствие на аудиенции императора имело в глазах соотечественников хана весомую

---

¹⁰⁷⁶ Там же. Л. 93–94.

роль. В 1819 году Шергазы со своим сыном Едиге и другими подданными были в Петербурге¹⁰⁷⁷, откуда он возвратился с большими подарками в начале 1820 года.

25 декабря 1814 года хан впервые в своем письме к князю Н. И. Салтыкову изъявил желание выехать в столицу¹⁰⁷⁸. Шергазы рассматривал возможность оставить в Петербурге после аудиенции двух своих сыновей для обучения, а после успешного окончания просил определить их в полки при императоре. Но прошение хана осталось невыполненным. Это было связано с тем, что в тот момент, когда было получено письмо хана, император отсутствовал в столице, а затем скончался князь Н. И. Салтыков¹⁰⁷⁹. Через башкира поручика Субханкулова хан в марте 1815 года интересовался решением его просьбы. По нашим подсчетам, с 1814 по 1817 гг. хан отправил 5 писем императору, где просил разрешения выехать в Петербург. В письме от 25 сентября 1816 года хан сообщал, что для «спасения священной души (императора Александра Павловича – Г.И.) соорудил я своим иждивением 5 мечетей и 5 детских училищ»¹⁰⁸⁰. Он также писал о том, что в 1814–1815 гг. хотел выехать «к гробу пресвятой матери Марии молиться ей с изливанием сердечных чувствований». Изучив письма хана, в МИДе пришли к выводу, что он может посетить столицу.

Современники давали Шергазы довольно подробную характеристику. «Он имел приятную наружность, но не знал грамот», – писал чиновник канцелярии Оренбургского края Илья Казанцев, лично знавший хана Шергазы Айшуакова и хана Внутренней Орды Джангира Букейханова¹⁰⁸¹. Шергазы был глубоко верующим человеком. Не раз просился в хадж в Мекку¹⁰⁸². По словам второго пристава при хане, полковника А.З. Горихвостова, в мечеть Шергазы

¹⁰⁷⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 52б.

¹⁰⁷⁸ Там же. Л. 1–4.

¹⁰⁷⁹ Там же. Л. 17 об.

¹⁰⁸⁰ Там же. Л. 22. Данное высказывание хана не подтверждается источниками.

¹⁰⁸¹ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб, 1867. С. 73.

¹⁰⁸² 1823 г. апреля 8. – Замечания, представленные в Азиатский департамент столоначальником этого департамента А.И. Левшиным, на инструкцию МИД полк. Ф.Ф. Бергу // Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). Т. IV. С. 437.

обыкновенно ходил по пять раз в день¹⁰⁸³. После смерти старшего сына Ишгазы хан стал носить чалму, т.к. султан Едиге убедил отца, что по магометанскому закону, молитва муллы или каждого магометанина в чалме принимается пророком один раз за 70 без чалмы¹⁰⁸⁴.

Хан, беспокоясь об образовании своих детей, которое было вызвано требованиями времени, 16 марта 1814 года писал оренбургскому военному губернатору, что намерен отправить двух своих сыновей и сына, оставшегося после покойного брата хана Жантюре, для обучения в Казанскую гимназию. Шергазы был готов платить по 250 руб. за каждого претендента, так как без этого они никак не могли быть приняты на казенное содержание¹⁰⁸⁵.

2 мая того же года Шергазы Айчуваков отправил своего письмоводителя Ныгметулла Фейзуллина в Казань для покупки нужных ему книг и осмотра гимназии¹⁰⁸⁶. Но данной мечте хана не было суждено сбыться, так как во время пожара в Казани пострадала и гимназия. На обеспечение детей требовалось 1500 руб. в год, а этими деньгами хан не владел¹⁰⁸⁷.

Хан отправил на получение мусульманского образования в Каргалу своего второго сына Едиге и племянников. В 1823 году МИД требовала от оренбургского военного губернатора П.К. Эссена отправки пяти молодых султанов из дома Абулхаира для обучения русской грамоте в Оренбург или Сеитовскую слободу. Среди кандидатур рассматривался и Едиге Шергазиев. На все издержки, какие были необходимы для содержания султанов, так же и на покупку для них учебных пособий, предполагалось отпускать деньги из сумм МИД, ежегодно ассигнуемых по Азиатскому департаменту¹⁰⁸⁸.

Хану, знатым султанам Каратаю Нуралиеву, Темиру Ералиеву, Тауке, Токкоре, Утебалию Айшуаковым объяснялось, что «знание сего (русского –

¹⁰⁸³ Шахматов В. Ф., Киреев Ф. Н. Журнал полковника А. З. Горихвостова – пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове (1822–1823 гг.) // Вестник АН КазССР. Серия истории, экономики, философии и права. 1957. Вып. 2(5). С. 119.

¹⁰⁸⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 261а. Л. 28.

¹⁰⁸⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1069. Л. 1, 2.

¹⁰⁸⁶ Там же. Л. 8.

¹⁰⁸⁷ Там же. Л. 27.

¹⁰⁸⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 6 об.

Г.И.) языка может доставить им сугубые удобства как в словесных, так и в письменных сношениях их с российским правительством, ибо владея способами к непосредственным объяснениям с начальством, они найдутся в возможности раскрывать свои нужды и намерения во всей точности и не будут жертвою своих переводчиков, кои незнанием или по умыслу всегда могут находить случаи, превратным толкованием разговоров или бумаг, давать повод сбивчивости в понятиях и даже к недоразумениям, обращающимся более во вред самих ордынцев»¹⁰⁸⁹.

Шергазы, который не раз отказывался отправить Едиге и племянников своих (детей умершего хана Жанторе – Г.И.) после нескольких встреч с представителями ОПК, выполнил их требование.

В русской исторической литературе XIX в., в советской и в казахстанской историографии Шергазы хан описывается как слабый, не имеющий авторитета среди султанов. Власть хана «была столь слабой, что распространялась только на рода, кочевавшие близ российской границы», – пишут источники¹⁰⁹⁰.

Авторы сообщают о Шергазы, «как человек, он был труслив, хитер, скрытен, без совести и чести, как глава партии – не имел никакого значения. Выбор этого человека, ни по личным достоинствам его, ни по связям в степи, не представлял никаких выгод»¹⁰⁹¹. С данными характеристиками можно поспорить, так как нужно учитывать историческое время и обстоятельства. Более объективной была характеристика, данная А.И. Левшиным, который лично знал хана. «Хан Ширгазы совсем не ненавидим киргизами, исключая приверженцев его соперника. Он слаб и ограничен в уме, но никто не упрекнет его в буйстве, хищничестве или недостатке преданности к России... Он смирен, набожен и хотя от нерешительности своей и робости часто теряется, однако же при всем

¹⁰⁸⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 5 об.

¹⁰⁹⁰ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб: Печ. в тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 288 с.; Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Тверь, 1902; Маев Н.А. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1868 г. // Материалы для статистики Туркестанского края. 1873. Вып. 2.; Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867; Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. Алматы: Казак университеті, 1992. 400 с.; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1960. 296 с.

¹⁰⁹¹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 31.

негодования на него местного оренбургского начальства и при всех подкопах под него Арунгази и его поборников, он еще доселе не обвинен ни в одном деле, противном пользе России. Как глава народа такого, который требует от начальника храбрости и подвигов мужества, Ширгазы, конечно, имеет недостатки, как частный киргиз – он заслуживает признательность и снисхождение правительства нашего»¹⁰⁹². А. И. Левшин выступает за усиление власти хана.

Хан старался выполнять требования российской администрации. Так, например, в 1822 году по указу императора Александра Павловича 15 башкир 9 кантона были пропущены в казахскую степь к хану Шергазы. Хан обещал вернуть башкирам угнанных в разные времена, начиная с 1817 года, лошадей¹⁰⁹³. Хан сдержал свое слово. В августе 1821 года он просит К.В. Нессельроде удовлетворить прошение султанов, старшин, биев родов адай, серкеш, есентемир, живущих внутри пограничной линии под управлением Шигай султана (Букеевская Орда – Г.И.), перейти в степную зону¹⁰⁹⁴. На данную территорию как раз и распространялась власть хана Шергазы Айчувакова.

Отправленный в 1820 году председателем ОПК В.Ф. Тимковский очень подробно описал в своих «Записках» положение в Младшем жузе. Автор выделил несколько пунктов, которые указывают на действия Эссена по отстранению от власти Шергазы. В частности, «Хан просил позволения провести зиму (1820–1821 гг. – Г.И.) на внутренней стороне реки Урала, в окрестностях Ильинской крепости, в местах, близ коих его семиродцы и джагалбайлинцы всегда располагались. Начальство отказало ему в сей просьбе, назначив место сие султану Арунгазы, и не переменяло своего распоряжения даже и в то время, когда уже известно было, что Арунгазы, по убеждению своих чиклинцев, не одобрявших сближения их главы с пределами империи, остался на берегах Илека

¹⁰⁹² 1823 г. апреля 8. – Замечания, представленные в Азиатский департамент столоначальником этого департамента А.И. Левшиным, на инструкцию МИД полк. Ф.Ф. Бергу // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. С. 436–438.

¹⁰⁹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2747. Л. 6.

¹⁰⁹⁴ Общее количество кибиток составляло 1792 // 1821 г. августа 5. – Прошение хана Шир-газы управляющему МИД гр. К.В. Нессельроде о разрешении султанам и старшинам Букеевской Орды перекочевать в Зауральские степи // Материалы по истории Казахской ССР. Т. IV. С. 282.

в урочище Кара-Тургае». Или же когда капитан Циолковский обвинил хана в неусердии к пользам миссии (имеется в виду миссия, отправленная Эссеном в Бухару во главе Негри и Мейендорфом – Г.И.), без предварительного исследования и при явных доказательствах неосновательности онаго, был принят за истину»¹⁰⁹⁵. Хан в своем письме жаловался на оскорбления и несправедливости, ему наносимые со стороны миссии, но оренбургское начальство не принимало это во внимание.

Например, хан просил снабдить его подорожною, без взимания прогонных денег, на случай необходимых переездов по линии по делам службы. Данной выгодой пользовались все чиновники, получая лошадей от линейных казаков. Но оренбургское начальство советовало хану разъезжать в таких случаях на степной стороне линии по казахскому обычаю¹⁰⁹⁶. В следующий раз, когда хан донес обумысле некоторых казахов напасть на его аул и просил воинского отряда для своей защиты, Эссен ответил хану, чтобы в случае опасности он укрылся внутри линии. Было назначено для охранения хана 10 пеших казаков, число которых было потом доведено до 12, и впоследствии все были отняты. Между тем 25 конных тептярей составляли в 1820 году почетную стражу султана Арынгазы в собственном его ауле¹⁰⁹⁷.

«Оренбургский военный губернатор всегда выставлял хана слабым и ничтожным в Орде, неоднократно требовал от него выполнении многочисленных делаемых ему поручений и возложил на его безусловную ответственность освобождение остановленных казахами хивинских караванов, отыскание разграбленных ими товаров и выдачу виновных в руки пограничного правительства. Оно не удостоило вниманием представления хана, изъяснявшего, что хищение произведено приверженцами султана Арынгазы ... и что ему необходима помощь», – сообщает В.Ф. Тимковский¹⁰⁹⁸.

---

¹⁰⁹⁵ РГИА. Ф. 1251. Бумаги М. М. Сперанского. Оп. 1. Ч. 1. Л. 2 об.

¹⁰⁹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁰⁹⁷ Там же. Л. 3 об.

¹⁰⁹⁸ Там же. Л. 4.

Весной 1821 г. при переходе хана в степь оренбургское начальство повелело приставу сдать 12 пеших казаков, находившихся под его начальством коменданту одной из линейных крепостей. Самому же оставаться на линии, и сообщило в МИД, что «когда хан пойдет, по обязанности своей, на известное расстояние в середину Орды, тогда войску быть при нем не нужно и не можно, и что он останется там под защитою личного достоинства, собственной силы и народной к нему любви»¹⁰⁹⁹. Хотя была известна неприязнь некоторых казахских родов под руководством Каратая Нуралиева к хану.

Высочайше утвержденными положениями Азиатского комитета было постановлено: «а) чтобы пограничное начальство не имело никаких непосредственных сношений с султанами, и вообще с кем либо из киргизцев Меньшой Орды, но чтобы все таковые сношения производились чрез хана, б) чтобы начальство сие не вмешивалось во внутренние или домашние дела ханского Совета, без особых о том представлений со стороны хана, с) чтобы всякого рода отличия и награды делаемы были киргиз-кайсакам единственно по удостоению и ходатайству хана»¹¹⁰⁰. Все эти пункты нарушались оренбургскими властями. Оренбургское начальство продолжало по-прежнему вести мимо хана частную переписку с разными правителями родов в Орде.

«Пренебрежительность и всякого рода оскорбления, кои оказываемы были хану, невнимание к основательным его представлениям и ходатайству по разным случаям, несправедливости, испытанные приверженцами его, отклоняли от сего владельца умы и сердца народа, привыкшего измерять достоинство и важность верховных своих повелителей степенью благоволения к ним российского правительства и содействия им начальств местных. С другой стороны, отличное благоприятство и доверие к султану Арунгазы, поспешное исполнение требований его, преимущественное покровительство поколениям, ему преданным,

---

¹⁰⁹⁹ Там же. Л. 4 об.

¹¹⁰⁰ Там же. Л. 7 об.

умножали сторону и силу сего киргизца, а неосторожно открытая ему блестящая надежда на первенство в Орде питала его дерзость», – пишет В.Ф. Тимковский¹¹⁰¹.

Таким образом, представитель МИДа В.Ф. Тимковский, изучив положение в казахском Младшем жузе, увидел и описал причины недовольства хана политикой оренбургского военного губернатора П.К. Эссена.

Если говорить о семье хана, то Шергазы Айшуаков имел три жены. Старшей женой была Суксор ханым. 10 лет хан не жил с ней, но после убийства их старшего сына Есказы в декабре 1822 г., султану Едиге удалось примирить отца с матерью¹¹⁰². Она, видимо, была очень болезненной женщиной, так как в источниках говорится о ее поездке для лечения с сыном Едиге в Стерлитамак, о приглашении ханом казахских баксы и т. д.

Она была матерью его старших сыновей Есказы (Ишгазы – в русских источниках), Едиге и 2 дочерей, одна была выдана замуж 11 ноября 1822 года за султана Мендияра Абулгазина¹¹⁰³, а вторая за хивинского хана. Есказы был старшим сыном хана Шергазы Айшуакова. В ноябре 1821 года он был отправлен ханом в Хиву во главе посольства для возврата русских пленных¹¹⁰⁴. 1 декабря 1822 г. во время попытки группы джагалбайлинцев угнать ханские табуны Есказы был сильно ранен в голову. 6 декабря от полученной раны скончался. Шергазы не только не смог наказать виновных, но и взыскать с них, согласно обычному праву, «кун»¹¹⁰⁵. Этот случай дал повод рассматривать власть хана бессильной.

Едиге – второй сын хана. Он получил образование в школе Сеитовской слободы, поддерживал политику своего отца. Знал русский язык. Едиге был на приеме императора в 1819 году. На его будущую службу империи были надежды со стороны оренбургских начальников. После ликвидации ханской власти в Младшем жузе он выступает против российской политики в Степи. О его действиях сообщал султан-правитель Средней части Орды Юсуп Нуралиев. Он писал, что Едиге «неблагонамеренными внушениями своими расстраивает киргиз,

¹¹⁰¹ Там же. Л. 40.

¹¹⁰² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 261а. Л. 28 об.

¹¹⁰³ Там же. Л. 13 об, 14 об.

¹¹⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2342. Л. 37.

¹¹⁰⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 261а. Л. 1–37.

говоря им, что правительство, жалую ордынцев подарками, кафтанами и чинами, имеет намерение сравнить их с башкирцами и требовать от них в службу людей, работы и податей, почему и уговаривает их оставить линию и предаться хивинцам и бухарцам как правоверным, на что некоторые легкомысленные люди и склоняются»¹¹⁰⁶. В 1832 г. как бы не противился председатель ОПК Г.Ф. Генс, но по просьбам Юсуфа Нуралиева и Баймухаммеда Айшуакова Едиге был введен в состав Оренбургской комиссии. Скончался он 4 февраля 1834 г. от чахотки на 33 году жизни¹¹⁰⁷.

Алия Назарова (Анай Надинова –???) была второй и любимой женой хана. Она была матерью Мухамедказы (1826 г.р.), Ермухамеда (Ирмухамет, 1829 г.р.), Нурмухамеда (1829 г.р.) и дочери Зюлейхи¹¹⁰⁸. Именно эта женщина стала причиной изгнания в 1822 году третьей жены хана. В 1846 году кандидатура Мухамедказы Шергазиева (в документах Мухамедгазы Ширгазин – Г.И.) рассматривалась для отправки в составе казахской делегации во главе с Б. Айшуаковым в столицу¹¹⁰⁹. Имя третьей жены хана неизвестно, но она была изгнана за какой-то проступок. Не получив ничего от Шергазы, она нашла пристанище у бедного байгуша¹¹¹⁰. Питаясь подаянием, находясь в крайне тяжелом положении, она обратилась к приставу А.З. Горихвостову, чтобы он способствовал ей получить свой калым и разрешение хана выйти замуж за достойного человека. Шергазы Айшуаков выдал ее замуж за султана Досмухамета Сютгалиева, но калым не вернул¹¹¹¹.

Как указывалось выше, согласно «Утвержденному мнению Комитета азиатских дел» ханская власть была упразднена в Младшем жузе, а ее последний хан был приглашен в Оренбург и назначен первоприсутствующим в ОПК с жалованьем 150 руб. в год.

¹¹⁰⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 11, 11 об.

¹¹⁰⁷ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Тверь, 1902. Вып. 17. С. 292.

¹¹⁰⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5656. Л. 7.

¹¹⁰⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3454. Л. 9–10.

¹¹¹⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 261а. Л. 10 об.

¹¹¹¹ Там же. Л. 12 об.

Униженный хан Шергазы не раз писал в Санкт-Петербург о своем положении, но его успокаивали тем, что он – главный правитель Степи, решающий нужды кочевников в Оренбурге. В сентябре 1825 года Шергазы выехал на три недели в Степь и не вернулся¹¹¹². Он бежал и отдался под покровительство хивинского хана¹¹¹³. В июле 1827 года хан выдал свою дочь Тиллябику за нового хивинского хана Аллакули (1826–1842) и надеялся с его помощью восстановить свою власть. 8 августа 1827 г. по повелению хивинского хана Шергазы был избран ханом казахами подразделения шомышты рода табын, находившегося под властью Хивы. Аллакули в июне 1827 г. отправил письма биям подразделения кабак рода шекты, где писал: «Высокостепенного хана Ширгазы-хана с женами, детьми, скотом, кибитками и всем аулом проводите и расположите в табынский род и со всем усердием к услугам его будьте в подпоясании, и никто из приказания его не выходите и не ослушайтесь его воли..., а если поступите против сего повеления, тогда встретитесь моему гневу, с детьми и семейством останетесь под ногами лошадей и грехи ваши останутся на вас самих»¹¹¹⁴. Письмо такого же содержания было направлено биям подразделения назар рода шекты.

Надежды хана при покровительстве хивинского хана управлять казахами не сбылись. Тогда он попросил благосклонности Российской империи и в 1830 году вернулся к линии¹¹¹⁵. 18 октября того же года графу П.П. Сухтелену из Азиатского комитета было дано распоряжение, «чтобы обходились с Шергазы ласково, и как простому султану позволять прикочевывать к линии, приезжать даже в Оренбург, не давая никакой надежды на возвращение ему прав, единожды утраченных»¹¹¹⁶. Вернулся хан на линию материально обремененным и с малым числом приверженцев, в основном родственников. Он старался жить тихо, не вступая в никакие ссоры, выполнять требования оренбургских начальников.

¹¹¹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1825 год. Д. 107. Л. 4.

¹¹¹³ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Приложен. С. 492.

¹¹¹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 285. Л. 3 – 3 об.

¹¹¹⁵ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Приложен. С. 492.

¹¹¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1832 год. Д. 151. Л. 7.

В 1832 году оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен просил К.В. Нессельроде рассмотреть возможность возвращения пенсии или пособия для безбедного существования Шергазы¹¹¹⁷. Император утвердил решение Азиатского комитета от 28 февраля 1832 года по данному вопросу. Было принято решение отпускать в распоряжение генерал-адъютанта графа П.П. Сухтелена 3 тыс. руб. ежегодно из государственного казначейства, которые он бы выдавал хану не в экстренных случаях, не в виде жалованья или пенсии, а как знак внимания главного начальника края¹¹¹⁸. П.П. Сухтелен принял решение выдавать пособие Шергазы.

В 1836 году Шергазы Айшуаков через Ныгметулла Фейзуллина просил у МИД выделить пособие. Он объяснял, что имеет дочерей, терпит большой недостаток, что с просьбами он обращался несколько раз к графу Сухтелену, но все оставлено было без внимания. Но это прошение было признано непочтительным и оставлено без дальнейшего хода.

Чуть позже ему было возвращено получаемое ранее жалованье, и кочевал он в верстах 100 от линии. В 1834 году он просил оренбургского губернатора В.А. Перовского построить в степи близ границы дом, но получил отказ¹¹¹⁹. Летом 1836 года хан кочевал в 50 верстах от Илецкой защиты на реке Кара-Бурт¹¹²⁰. В сентябре 1837 г. Шергазы сообщал, что кочует вместе с семьей умершего сына Едиге, племянника Рустама Джанториева, зятя Суюнчалия, султана Ильджана Абулгазиева. Хан просил разрешения переселиться на некоторое время на внутреннюю сторону Куралинской линии¹¹²¹.

Скончался Шергазы Айшуаков 27 августа 1845 года¹¹²². После смерти хана его семья продолжала получала жалованье. Жене Алие было 60 лет, Мухаметказы

¹¹¹⁷ Там же. Л. 1.

¹¹¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1832 год. Д. 151. Л. 5.

¹¹¹⁹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 44.

¹¹²⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 325. Л. 6.

¹¹²¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4545. Л. 5–6.

¹¹²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5656. Л. 1.

– 19 лет, Ермухамеду – 16, Нурмухамеду – 13 и Зулейхе – 14 лет. В 1859 году умерла Алия Назарова¹¹²³.

Таким образом, изучая сложившуюся обстановку в Степи в 20-е годы XIX в., можем утверждать, что в немалой степени слабость власти Шергазы хана и ограниченность его властных полномочий были связаны с политикой империи в Степи. После утверждения ханом Нуралы, как отмечают российские чиновники XIX в., власть казахских ханов стала номинальной.

Еще один фактор, на который следует обратить внимание, это то, что «в казахском традиционном обществе отсутствовала монополия какой-либо одной династийной ветви султанов-джучидов на право присвоения и наследования титула хана, и во все исторические эпохи на территории казахских жузов параллельно правили 3–5 и большее количество ханов, которые возглавляли разные по величине и родовому составу группы кочевников-казахов»¹¹²⁴. Неучитывание этой данности, представление о Шергазы как единого хана казахов Младшего жуза и его ответственности за все деяния кочевников привели к утверждению о его слабости.

Утверждение о том, что Шергазы был труслив, слаб и распространял свою власть на ограниченное количество казахских родов, вызывает также некоторое сомнение. В социальной организации номадов механизм властного доминирования складывался по принципу патронатно-клиентных отношений¹¹²⁵. Данный тип функционирования власти был нарушен историческим ходом развития казахского общества в XIX в., который был связан в свою очередь с политикой империи на окраине. Вмешательство в принцип отбора ханов, назначение себе угодных ханов привело к тому, что после Абулхаира все ханы были ставленниками центра. Упор, сделанный на избрание ханов из дома Абулхаира, игнорирование сильных и авторитетных претендентов, выбор

---

¹¹²³ Там же. Л. 18.

¹¹²⁴ Ерофеева И.В. Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX вв. как исторический источник // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1625–1821 годов. Т. 1. С. 44.

¹¹²⁵ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. С. 127–128.

послушных кандидатур постепенно приводит к изменению отношения к институту ханской власти как у кочевников, так и у пограничной администрации.

Шергазы Айшуаков стал последним ханом Младшего жуза. Он пытался решать проблемы кочевников, находившихся под его управлением. В своих письмах к императору, оренбургской администрации хан поднимал злободневные вопросы номадов, но не всегда получал желаемый ответ. Избрав путь самозащиты через отправку своих представителей в столицу, написания писем, рапортов как Оренбургской пограничной администрации, так и высшим сановникам Петербурга, хан пытался сохранить институт ханской власти. Однако слом традиционной кочевой системы управления под давлением имперской политики привел к деградации ханской власти, совпавшей в силу многих обстоятельств именно с периодом правления Шергазы хана.

Таким образом, имя Шергазы Айшуакова вошло в казахскую историю как последний рубеж завершения многовековой летописи института ханской власти в Степи. Характеристика, данная П.К. Эссеню о слабости, трусливости хана, сохранилась в источниках и перешла в историческую литературу XX–XXI вв.

3.4 Институт приставства во внутренней политике Российской империи

Управление народами и присоединенными территориями к Российской империи было сложным историческим процессом. В процессе расширения своей территории за счет присоединенных регионов центр столкнулся с проблемой управления новыми подданными империи. Конфессиональный состав, хозяйственный тип, географические, социальные и исторические особенности, время включения в состав империи требовали учета при администрировании новых регионов. В XVIII в. в системе управления кочевыми народами появляется такая форма как приставство. Если рассмотреть значение термина «пристав», то русский ученый В. Даль дает такое определение: «Пристав – надсмотрщик,

надзиратель, смотритель, вообще должностное лицо, приставленное к чему-либо»¹¹²⁶.

В составе административного управления Российской империи в XVIII – I пол. XIX в. существовали такие структуры правления как пристав при хане, частный пристав, главный пристав, приставство. Это была целая система правления со своим штатом, которая приспособлялась к различным условиям, окраинным особенностям и была переходным институтом, созданным центром для управления в основном кочевыми и горскими народами империи.

Приставами были первоначально военные чиновники и назначались они для надзора за жизнью внутри кочевых обществ, для установления косвенного управления номадами. «Приставская система позволяла, с одной стороны, установить постоянную русскую администрацию у народов, переходивших в российское подданство, а с другой, – не форсировать политику, направленную на изменение местных форм управления, а наоборот, проводить ее с учетом уровня общественного устройства, традиций и жизненного уклада новых подданных империи», – пишут специалисты, изучающие институт приставства на Кавказе¹¹²⁷.

Американский ученый Марк фон Хаген писал о необходимости компаративистского подхода и подчеркивал, что наряду с необходимостью сравнивать Российскую империю с другими империями едва ли не «более важно уметь сопоставлять взаимоотношения империи с разнообразными подвластными ей сообществами, выделенными по религиозному, сословному или же этнолингвистическому принципу»¹¹²⁸.

В 1715 г. при калмыцком хане Аюке появился стольник Д. Бахметев, которому в специальной инструкции поручалось секретно разведывать и докладывать в КИД о внешнеполитической деятельности хана, политическом

¹¹²⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. С. 445.

¹¹²⁷ Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII – 1860 год) // <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-pristavstva-na-kavkaze-sozdanie-deyatelnost-evolyutsiya-vtoraya-polovina-xviii-veka-1860-god>

¹¹²⁸ Марк Фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 18–47.

поведении хана и калмыков¹¹²⁹. Появлению Д. Бахметева в калмыцком улусе предшествовало их жестокое поражение в марте 1715 года от кубанцев, хотя в тот период в Астрахань с разных улусов поступали сообщения о готовившемся походе кубанцев против калмыков. Калмыцкий хан Аюка и сын его Чакдоржап неоднократно просили отправить войска и оказать защиту. В наиболее опасную минуту калмыки были оставлены без помощи, а в августе для защиты хана был отправлен стольник Д.Е. Бахметев¹¹³⁰.

Обращая внимание на отправку Д. Бахметева к Аюке, Ж. Кундакбаева пишет: «Официально ему было поручено оберегать хана в случае внезапных нападений неприятелей, оказывать помощь калмыцким улусам»¹¹³¹. Согласно инструкции (опубликованной Н.Н. Пальмовым¹¹³²) стольнику следовало зимой и летом находиться со служилыми людьми при хане, защищая его от нападения башкир, крымцев и кубанцев и не допуская разорения калмыцких улусов. При необходимости Д. Бахметев мог обратиться за помощью к казанскому губернатору. Сотник должен был давать хану советы и следить, чтобы тот оставался «во всякой верности к ея ц. величеству», не вел переписки или переговоров с Османской империей, а также ее подданными, а его люди «не чинили никаких задоров и досад с кубанцами, крымцами и другими турецкими подданными и никакой причины к ссоре не подавали».

Внимание уделялось и взаимоотношениям калмыков с донскими казаками, так как оба народа были подданными империи, то «обида предлагалось писать непосредственно ея ц. вел-ву». Вместе с тем в специальной инструкции Д. Бахметеву поручалось секретно собирать сведения о внешнеполитической деятельности Аюки и поведении калмыков, сообщая о всех своих наблюдениях и предложениях в государственную посольскую канцелярию, казанскому губернатору и астраханскому обер-коменданту¹¹³³. Д. Бахметев был подотчетен

¹¹²⁹ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении калмыкам. Ч. III. Ч. IV. Астрахань, 1929.

¹¹³⁰ Там же. С. 28, 33.

¹¹³¹ Кундакбаева Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». С. 108.

¹¹³² Она полностью опубликована в работе Пальмова Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков.

¹¹³³ Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 41–42.

государственной посольской канцелярии – главному органу, определявшему политику с иностранными государствами и пока еще с калмыками.

В монографии Ж.Б. Кундакбаевой Дмитрий Бахметев и его приемники – Василий Беклемишев, Никифор Львов – упоминаются как резидент-советники, «бывшие при калмыцких ханах»¹¹³⁴. Н.Н. Пальмов называет их «правительственными агентами»¹¹³⁵. Но фактически они выступали в роли приставов при калмыцком хане.

Сопоставляя перечисленные факты и учитывая возникновение первого приставства на территории империи в 1769 г. (в Кабарде), можно говорить, что возникший, но еще не оформленный до конца в недрах КИД орган, возникший в 1715 году при хане Аюке, был аналогом института пристава – административного органа, пока в одном лице. И, по моему мнению, Д. Бахметева можно считать приставом при хане Аюке, аналогичного приставу при хане Младшего жуза Шергазы Айшуакова. Институт приставства не был еще оформлен в административной региональной политике империи. Приставы были административными лицами, которые в переходной период играли немаловажную роль в структуре окраинного управления, которая требовала учета региональной специфики территории.

Отстранив Д. Бахметева от калмыцких дел, А.П. Волынский 13 июля 1721 года передал их В. Беклемишеву. Грамотами КИД на имя А.П. Волынского от 20 июля и 26 августа 1722 года «состоящим при хане», т.е. приставом Аюке, был определен подполковник Н. Львов. Инструкцию от КИД он получил 16 июня 1722 года¹¹³⁶. Данная инструкция была более детализированной. Это объяснялось тем, что старый хан Аюка часто болел и центр начал искать ему замену. Во-вторых, изменившаяся внешняя обстановка благоприятствовала правительству действовать энергичнее по отношению к калмыкам соответственно своим целям. Воинская часть, ранее состоявшая при Д. Бахметеве, была вызвана в 1721 году в

¹¹³⁴ Кундакбаева Ж.Б. Указ. соч. С. 109, 114.

¹¹³⁵ Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 111.

¹¹³⁶ Там же. С. 47, 111. Автор приводит инструкции, данные Н. Львову и В. Беклемишеву, в приложении своего труда на С. 115–117.

Астрахань, из нее был образован драгунский полк для экспедиции А. П. Волынского на Терек. Теперь, в случае необходимости для защиты хана, астраханский губернатор должен был «по своему рассмотрению» решать, «когда что впредь ко остереганию и охранению Аюка, хана калмыцкого, надобно»¹¹³⁷. В функции Н. Львова входило только писать в Астрахань и требовать от губернатора военной помощи калмыкам. Этот пункт инструкции поставил в зависимость калмыков от губернской власти, так как она решала вопрос о даче помощи в необходимый период. Усиливается роль Н. Львова, он теперь должен был «при случае» даже прямо объявить хану, что «определен при нем быть для донесения о делах и о верностях его, хановых, е. и. в-ству»¹¹³⁸.

Н. Пальмов подробно описал инструкцию, данную Н. Львову, и, по его мнению, обязанности политического агента детализируются в инструкции гораздо отчетливее, чем это было раньше. Новый пристав обязан был наблюдать за ханом, его детьми, улусными владельцами и рядовыми калмыками; определять политическое настроение каждого из ханских детей и внучат; секретно разузнавать, не имеют ли калмыки отношений с турецким султаном, крымским ханом, кубанцами и с прочими «тамошними ордами» и т.д.

Н. Львов недолго состоял при калмыцких делах. 24 декабря 1722 г. В. Беклемишев, получив инструкцию из КИД, отправляется в ставку калмыцкого хана. Инструкция, данная Н. Львову и В. Беклемишеву, идентична. Это, видимо, объясняется кратковременным нахождением Н. Львова на посту и постоянством в калмыцких улусах. Н. Беклемишев хотя и был представителем КИД в крае, но он действовал по указаниям своего патрона – губернатора А.П. Волынского, чем наставлениями официальной инструкции.

Это были первые приставы при калмыцком хане, но как говорилось выше, институт приставства еще не был до конца сформированным органом окраинного управления. Служебные функции, которые были определены КИДом в период их отправки к калмыцкому хану, в дальнейшем были повторены для приставов при

¹¹³⁷ Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 112.

¹¹³⁸ Там же. С. 112.

казахском хане. Основное их назначение – пребывать все время, летом и зимой, в ставке хане неотлучно и докладывать обо всех действиях хана Аюки в КИД, а Шергазы – в Оренбургскую Пограничную комиссию и военному губернатору.

К.Н. Бестужев-Рюмин употреблял термин «пристав» по отношению к Н.Г. Спицыну, направленному в калмыцкие улусы в 1744 г., во время конфликта между астраханским губернатором В.Н. Татищевым и калмыцким наместником Дондук-Даши¹¹³⁹. Подполковник Н.Г. Спицын находился при «Калмыцких делах» в Енотаевске и, как ранее Д. Бахметев, В. Беклемишев, собирал сведения о взаимоотношениях местной элиты, ее отношении к российскому правительству и т.д. К примеру, в мае 1745 г. он доносил о том, что Дондук-Даши решил уйти со всеми улусами в пределы Персии, испугавшись слухов, согласно которым улус предполагалось отдать вдове Дондук-Омбо Вере Дондуковой с детьми, а калмыков – крестить¹¹⁴⁰.

Как говорилось выше, в 20-е годы XIX века в Казахской степи появился пристав П. Карсаков, отправленный МИДом к хану Младшего жуза Шергазы Айшуакову. Если сравнить функции Д. Бахметева при хане Аюке с обязанностями пристава П. Карсакова при Шергазы, то они почти идентичны. Но с учетом исторической и политической ситуации в инструкцию для последнего были внесены дополнения и историческая справка о казахах, об их правителях. При П. Карсакове управление Казахской степью постепенно встраивалось в имперскую модель управления окраиной.

Инициатором отправки пристава к казахскому хану Шергазы Айшуакову был Азиатский комитет. Но еще 31 января 1819 года оренбургский военный губернатор П. Эссен предложил султану Шигаю Нуралиеву назначить в Букеевском ханстве главного пристава, подобно присутствовавшему при

---

¹¹³⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Василий Никитич Татищев (1686 – 1750) (администратор и историк начала XVIII в.) // Сборник Русского исторического общества. К истории горного дела. М.: Русская панорама, 2003. № 6 (154). С. 154.

¹¹⁴⁰ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 403.

калмыцком хане ¹¹⁴¹. Вопрос отправки пристава к Шергазы обсуждался в кабинетах МИД, на заседаниях Азиатского комитета и там же был утвержден окончательный вариант инструкции. К этому моменту МИД имел большой опыт по введению приставской системы управления. Мы предполагаем, что В.Ф. Тимковский был автором идеи отправки в Казахскую степь пристава.

Назначенный в 1820 г. председателем ОПК В.Ф. Тимковский был компетентным чиновником Азиатского департамента по этому вопросу, так как «заведывал по калмыцким, туркменским и караногайским делам» с начала учреждения данного департамента ¹¹⁴². Министерство иностранных дел высоко ценило труд статского советника В.Ф. Тимковского. Директор Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникин сообщал императору, что служебная деятельность В. Ф. Тимковского «всегда обращала на себя особенное внимание начальства... по отличным его познаниям, способностям и усердию»¹¹⁴³.

Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен выступил против отправки пристава к хану. По его мнению, «присутствие пристава при хане произведет в Орде невыгодное и опасное впечатление» ¹¹⁴⁴. Тогда как В.Ф. Тимковский утверждал, что «пребывание пристава и военного отряда при хане будет иметь значительное влияние на дела ордынские и послужит великим пособием к ея благоустройству»¹¹⁴⁵.

При составлении инструкции для пристава, отправленного к хану, возник конфликт между новым председателем ОПК В.Ф. Тимковским и главным начальником края П.К. Эссеном.

В.Ф. Тимковский в полемике с военным губернатором обращал внимание на отношение правительства к хану Шергазы. Он выделял чуткость правительства по отношению к ханам, тон в отношениях МИДа с ними, заботу высших

---

¹¹⁴¹ Султангалиева Г.С. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII – XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. научных трудов / отв. ред. Г.С. Султангалиева. Алматы, 2015. С. 237.

¹¹⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1820 год. Д. 73. Л. 10 а.

¹¹⁴³ Там же. Л. 45.

¹¹⁴⁴ Там же. Л. 13.

¹¹⁴⁵ Там же. Л. 13 об.

сановников МИДа к казахским ханам, в том числе и Шергазы. В.Ф. Тимковский в 10 статье инструкции для приставом более глубокого представления о ханах, о выгодах империи от подданства казахов обратил внимание на роль Абулхаира. «Хан Абулхаир, вступая под покровительство и в подданство России, обязался охранять безопасность пределов империи, защищать торговые караваны, участвовать в служении российских войск, подобно калмыкам и другим подданным, и платить в казну дань или ясак зверинами кожами», – говорил статский советник¹¹⁴⁶.

Согласно письму руководителя МИД К.В. Нессельроде от 25 июля 1820 года П.К. Эссену поручалось утвердить инструкцию для пристава, отправленного хану Младшего жуза Шергазы. Оренбургский военный губернатор 4 раза (25 июля, 22 октября, 25 октября и 20 ноября 1820 года) отправлял предписания Пограничной комиссии составить инструкцию для ротмистра П. Карсакова¹¹⁴⁷. Лишь 27 ноября военному губернатору удалось получить проект инструкции. Комиссия объясняла задержку подготовки инструкции тем, что, во-первых, они собирали предварительно разные местные сведения для руководства при сочинении данной бумаги; во-вторых, поиск разных актов, необходимых для этого документа, тоже занимал определенное время. Обращалось внимание на то, что архив пограничной комиссии был неустроен; в-третьих, так как место нахождения хана Шергазы не было известно комиссии, потребовалось немало времени для выяснения необходимой информации.

П.К. Эссен, сделав дополнения и изменения в некоторых статьях инструкции, утвердил ее. Председатель ОПК В.Ф. Тимковский, не согласившись с этим, сделал примечания. 4 марта 1821 года комиссия сообщила в Оренбург, что В.Ф. Тимковский отказывается подписать инструкцию, так как он не согласен с некоторыми пунктами, введенными П.К. Эссеном¹¹⁴⁸. Оренбургский военный

---

¹¹⁴⁶ Там же. Л. 32 об.

¹¹⁴⁷ Там же. Л. 26, 26 об.

¹¹⁴⁸ Там же. Л. 30.

губернатор требовал от МИД «предать его (В. Тимковского – Г.И.) законному суждению» за неповиновение начальству¹¹⁴⁹.

На заседании Азиатского комитета 31 октября 1821 года обсуждалась инструкция, составленная для пристава и мнение двух сторон (П.К. Эссена и В.Ф. Тимковского).

Разногласия прошли по следующим пунктам.

1. Инструкция, составленная комиссией, говоря о Младшем жузе казахов, обратила внимание на неизученность края. Поэтому она одной из обязанностей пристава считала собрание подробнейших сведений об Орде и доставку их в комиссию. Комиссия оставляла за собой право «снабжать пристава дополнительными наставлениями по мере надобностей, кои могут открыться тогда, как пристав сей доставит свои замечания». Определила главные правила, которыми пристав должен был руководствоваться в своем поведении.

2. Дополненная оренбургским военным губернатором инструкция охватывала обширный круг. В ней содержалось историческое, географическое и статистическое описание Орды, разные сведения о территории, численности населения, о хане и обстоятельствах, предшествовавших учреждению в Орде пристава. Тут же объяснялось приставу, что слабость и малозначительность хана Шергазы, бездействие ханского Совета были причиной грабежей. В то же время в документе акцентировалось внимание на деятельности султана Арынгазы, который, по мнению П.К. Эссена, «превосходными своими качествами заслужил в Орде общее сильнейших поколений уважение».

Затем приставу было предписано наблюдать за решениями Ханского совета, чтобы они соответствовали обычаям народа, но в то же время и были соответствующими общим российским законам. В противном случае, не допуская приговоров Совета к исполнению, приставу рекомендовали отправлять эти дела на рассмотрение Пограничной комиссии. Приставу поручалось склонять казахов к постоянному кочеванию в астраханских степях. Согласно дополненной П.К. Эссеном инструкции, пристав находился в ведомстве пограничной комиссии,

---

¹¹⁴⁹ Там же. Л. 25, 30 об.

а не в ведомстве его председателя и не находился в непосредственной зависимости последнего.

Из примечаний статского советника В. Тимковского видно, что он не решился подписать эту инструкцию, так как хан Шергазы назывался неблагонамеренным, и он не находил причин обвинения в этом хана. Председатель пограничной комиссии не согласился также с тем, что приставу давали власть останавливать исполнение решений хана и его Совета всякий раз, когда пристав признает их не соответствующими с российскими законоположениями¹¹⁵⁰.

К.В. Нессельроде «признает приличным и с достоинством военного губернатора соответственным не переменять сию инструкцию», но большое внимание уделяет требованиям к приставам, отправляемым к хану. Среди них упоминается: благоразумие пристава, строгая честность, от которых зависит положение дел в Степи. В.Ф. Тимковский указывал, что в отношении к казакам пристав должен следовать следующим правилам: правосудию, постоянной твердости, снисходительности¹¹⁵¹.

Руководитель МИД К.В. Нессельроде, соглашаясь с мнением В.Ф. Тимковского, предложил исключить из инструкции: 1. Все то, что содержит неправильные объяснения против хана; 2. О неподвластности хану Шергазы Айшуакову казахов, кочующих по Нижне-Уральской линии; 3. 19-ю статью, где приставу предписывалось подвергать рассмотрению Пограничной комиссии все дела, решаемые ханом или его Советом. Пристав должен был руководствоваться высочайше утвержденным в 1806 году правилами, согласно которым только обличенные в убийстве и в грабеже должны были высылаться в Пограничную комиссию, где на основе имперских законов должен был проходить суд. Государственный канцлер предложил внести в инструкцию пункт, чтобы пристав находился всегда безотлучно при хане, куда бы он ни обращался кочевьем своим, как и команда, состоящая из ста конных оренбургских казаков, с определенным

---

¹¹⁵⁰ Там же. Л. 137–139.

¹¹⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 17.

числом офицеров и урядников. Только с разрешения хана можно было распустить данную команду¹¹⁵².

К.В. Нессельроде согласился с примечаниями В. Тимковского к 19 статье инструкции. В новом варианте указывалось, что особенной обязанностью пристава является «стараться всячески, чтобы те из киргизцев, кои виновны по каким-либо делам прямо противу правительства или линейных жителей, не оставались без наказания от хана или от его Совета»¹¹⁵³. По мнению руководителя МИД, лучше было бы представить суд и расправу хану и его Совету проводить на основе древних ордынских обычаев, так как таковой пример имелся. Калмыкам было разрешено все их дела рассматривать и решать в их суде Зарго по древним их обычаям¹¹⁵⁴.

Таким образом, только после вмешательства Азиатского департамента и руководителя МИД К.В. Нессельроде появилась инструкция для пристава, отправляемого к хану Младшего жуза Шергазы Айшуакову.

В инструкции указывалось, что целью назначения пристава к хану является ближайшее наблюдение за всеми происшествиями, случающимися в Орде. Пристав находился в подчинении Оренбургской пограничной комиссии. От нее получал предписания и обращался к ней с донесениями. Секретные сведения должны были доставляться председателю комиссии или же оренбургскому военному губернатору¹¹⁵⁵.

Пристав должен был безотлучно находиться при хане и во время кочевок, и во время нахождения его внутри линии. Охрана хана была главной функцией пристава. В его подчинение передавался военный отряд и была представлена подробная инструкция действий при нападении на хана¹¹⁵⁶. Содержать Орду в тишине и спокойствии, создать благоприятные условия для развития торговли, добиваться прекращения барымты также входило в его функции¹¹⁵⁷.

---

¹¹⁵² РГИА. Ф. 1291. Оп.81. 1820 год. Д. 73. Л. 135 а–136 б.

¹¹⁵³ Там же. Л. 140 об. – 142.

¹¹⁵⁴ Там же. Л. 143.

¹¹⁵⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 293.

¹¹⁵⁶ Там же. Л. 300 – 300 об.

¹¹⁵⁷ Там же. Л. 283, 284.

В обязанности пристава ротмистра П. Карсакова входило внушать хану непоколебимое хранение подданства к государю императору, верное исполнение им произнесенной присяги, наблюдение за всем происходящим в жузе и сообщать об этом ОПК, исполнять ее приказания, «таковые же коих исполнению зависит от хана или султана или другого кого из ордынцев, представлять приличным образом хану и употреблять свои внушения и домогательства по оным»¹¹⁵⁸. Приставу следовало внушать народу преданность и усердие Высочайшему престолу, беспрекословное послушание хану, Ханскому совету и частным родоначальникам, утвержденным от правительства, требовать от номадов, чтобы они ни под каким предлогом не осмеливались нападать на российские границы и на караваны, проходящие по степи, объяснять, что такие действия будут преследоваться и наказываться¹¹⁵⁹.

П. Карсаков должен был взыскать товар у ограбивших купеческие караваны кочевников, содействовать прекращению распрей, самоуправства и взаимных грабежей в Степи. Также поручалось разобраться и подвергнуть строгому наказанию тех кочевников, которые были уличены в нападении на линейных жителей, захвате пленных, угоне скота¹¹⁶⁰. Содействие возвращению русских пленных, поиск беглых солдат и татар было также обязанностью пристава¹¹⁶¹.

Знакомство с образом жизни казахов, хозяйством, нравами, обычаями, преданиями и их подробное изложение, «в таком систематическом порядке, какой удобнейшим представляется» пристава, а со временем их дополнение своими суждениями должно было принести пользу всем¹¹⁶². Пристав должен был служить верным исполнителем распоряжений Оренбургской пограничной комиссии¹¹⁶³.

Ему предписывали познакомиться лично с письмоводителями, духовными лицами, находящимися при султанах, старшинах Младшего жуза и «изведать их

¹¹⁵⁸ Там же. Л. 282.

¹¹⁵⁹ Там же. Л. 283 об.

¹¹⁶⁰ Там же. Л. 279 об.–280, 282 об.

¹¹⁶¹ Там же. Л. 284.

¹¹⁶² Там же. Л. 290–290 об.

¹¹⁶³ Там же. Л. 12, 12 об, 283–284.

нравственные качества и поведение»¹¹⁶⁴. В случае обнаружения их неблагосклонности и нарушения обязанностей, приставу рекомендовали срочно сообщать в пограничную комиссию для замены их другими лицами.

В инструкции уделялось немаловажное значение к поощрению казахов увеличению поголовья скота, извозу караванов, развитию торговли в степи, знакомству кочевников с сенокосением, заготовкой сена на зиму¹¹⁶⁵, а также определению врача и ветеринарного аптекаря в Орду¹¹⁶⁶.

Приставу ставилось во внимание и исполнение еще одного законодательства, указа императора от 23 мая 1808 года, где кочевникам разрешалось селиться во внутренних казенных селениях, преимущественно среди мусульман. Согласно данному указу кочевникам отводились участки земель и они снабжались пособиями на начальное заведение хозяйства¹¹⁶⁷. При невозможности реализации этого указа предлагалось за условную плату поощрять казахов к найму на работы прилинейным жителям¹¹⁶⁸.

39 статья инструкции требовала от пристава пристального наблюдения за поведением важнейших лиц Орды, присмотра за их внутренними и внешними связями, отношений их с соседними странами, племенами¹¹⁶⁹.

Пристав был обязан вести журнал, разделенный на две части. В одной части предписывалось записывать подробно заседания Ханского совета, обращая внимание на: «а) существо вступающих дел; в) основания, принятые в разрешении оных; с) заключение Совета; д) образ исполнения оных». В другой части рекомендовалось записывать распоряжения хана, собственные наблюдения и т.д. Пристав должен был ежемесячно представлять журнал начальству¹¹⁷⁰.

В случае полезности и успеха пребывания пристава в Орде, предполагалось в будущем определить приставов в Алимудинское и Байулинское поколения¹¹⁷¹.

---

¹¹⁶⁴ Там же. Л. 286.

¹¹⁶⁵ Там же. Л. 287 – 288 об.

¹¹⁶⁶ Там же. Л. 301–302.

¹¹⁶⁷ Там же. Л. 289–289 об.

¹¹⁶⁸ Там же. Л. 290.

¹¹⁶⁹ Там же. Л. 292.

¹¹⁷⁰ Там же. Л. 292–292 об.

¹¹⁷¹ Там же. Д. 301.

Таким образом, секретная инструкция состояла из 56 пунктов. Пристав выполнял обязанности официального представителя МИД, советника хана. Он должен был служить хану и содействовать усилению его власти в Степи. А именно оказывать хану Шергазы при всех случаях возможное уважение и почтительность (ст. 44), вменять народу непрекословное ему подчинение (ст. 27). Так высшее руководство империи пыталось поднять власть хана и ускорить решение спорных дел между казахскими родами, в целом прекратить междоусобицы. Согласно положениям Азиатского комитета, распоряжениям МИД пристав был поставлен в прямую зависимость от председателя ОПК и находился в его ведомстве.

22 декабря 1820 года к хану Шергазы Айшуакову было направлено письмо, где сообщалось об отправке избранного и утвержденного императором пристава в Орду. Автор письма П.К. Эссен сообщал, что цель отправки пристава – содействовать хану во всех намерениях и распоряжениях его. Хану сообщалось, что пристав будет служить опорой его власти в Орде и «ходатаем пред правительством за выгоды подвластных киргизов (казахов – Г.И.)»¹¹⁷². К хану вместе с приставом из штата Оренбургской комиссии были отправлены один конфидент, один толмач и один канцелярский служитель¹¹⁷³. Как показывают архивные материалы, хотя письмо было и отправлено в декабре 1820 года, пристав Павел Карсаков оставался в Оренбурге до марта 1821 года, получая жалованье и столовые деньги¹¹⁷⁴.

Ротмистр Павел Карсаков был первым приставом, отправленным к хану Шергазы. В изучении его биографии большую роль сыграл обнаруженный нами в Государственном архиве Оренбургской области его послужной список за 1819 год¹¹⁷⁵.

¹¹⁷² Там же. Л. 35.

¹¹⁷³ Там же. Л. 35 об.

¹¹⁷⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп.81. 1820 год. Д. 73. Л. 26 об., 28 об., 29, 30.

¹¹⁷⁵ Родился Павел Карсаков в 1788 году в дворянской семье. Уроженец Тверской области, православный христианин. В 1799 году П. Карсаков поступил в морской кадетский корпус. 14 мая 1805 года был переведен в гардемарины, а 1 января 1808 года в мичманы. С июня 1805 находился на Балтийском флоте. В мае 1807 года участвовал в битве у пролива Дарданеллы с турецким флотом. 19 июня (1 июля) 1807 года между берегами Лемноса и полуострова Агиос-Орос состоялось сражение русского и турецкого флотов, которое вошло в историю как Афонское сражение. Под командованием вице-адмирала Дмитрия Сенявина П. Карсаков участвовал в данном сражении. 22 января 1812 года он был

Прибыв в Казахскую степь, пристав приступил к исполнению своих обязанностей. 25 марта 1821 года он сообщал в Пограничную комиссию о действиях хана Шергазы Айшуакова по поиску верблюдов для экспедиции, отправляющейся весной в Казахскую степь¹¹⁷⁶. Речь идет об экспедициях К.М. Тафаева и К.Д. Артюхова из Орской крепости к Свинцовой горе 1821 г. Экспедиции нужны были 120 верблюдов с проводниками и возчиками. 8 марта ОПК сообщала оренбургскому военному губернатору, что отправила распоряжение Шергазы Айшуакову о том, чтобы казахи Младшего жуза исполнили распоряжение ОПК и доставили на линию определенное количество верблюдов с возчиками¹¹⁷⁷. Хан сделал распоряжение о поиске верблюдов, но на частые наставления и домогательства пристава по данному делу отвечал, что «он довольно имеет усердие к пользам государя императора и готов содействовать, но находит большие затруднения», сложности были связаны с тем, что в это время казахи, кочующие вверх по линии, начали удаляться внутрь степи, и он (хан Шергазы – Г.И.) не мог ручаться за исполнение своего распоряжения¹¹⁷⁸. Посланные на Верхнеуральскую линию люди еще не вернулись к тому времени, но приставу уже было известно, что кочующие на Нижнеуральской линии казахи требовали большие суммы за свои услуги, наименьшей была сумма 150 руб.

П. Карсаков напоминал хану об умеренной цене и надеялся достигнуть успеха. Тревогу пристава вызывало то, что хан уже перекочевал на внешнюю сторону Урала. Из-за отдаленности у пристава возникли трудности в общении с ханом¹¹⁷⁹.

В своих донесениях от 28 марта, 11 апреля пристав сообщал, что хан обещает исполнить требования правительства и пришлет проводников в ОПК для

произведен в лейтенанты. В составе русского флота П. Карсаков участвовал в войне против Наполеона, в 1814 году на корабле «Святослав» под командованием капитана 1 ранга кавалера Степанова – в освобождении Голландии от французов, далее они отправились в Англию, а оттуда начали движение во Францию. С 1815 года он был в составе 3 флотского экипажа, находящегося в Кронштадте. В 1819 году направлен в Архангельск и назначен в «дальний вояж на транспорте Кетте». И, как нам известно, в 1821 году был направлен к казахскому хану // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 268 – 268 об, 269.

¹¹⁷⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 108 – 108 об.

¹¹⁷⁷ Там же. Л. 562 об.

¹¹⁷⁸ Там же. Л. 108 об.

¹¹⁷⁹ Там же. Л. 109–109 об.

заклучения с ними контракта. Со своей стороны, ротмистр П. Карсаков докладывал, что примет все меры к склонению проводников-казахов к назначению умеренных цен¹¹⁸⁰, но ни хану, ни приставу не удалось достичь поставленных ОПК целей.

Вторым приставом при хане был полковник Александр Захарович Горихвостов¹¹⁸¹. Он находился в Орде со 2 августа 1822 года по декабрь 1823 года. 20 ноября 1823 года он просил К.В. Нессельроде отправить его в Оренбург, так как ухудшилось его здоровье, «особенно рана, полученная в грудь»¹¹⁸².

Как указывалось выше, одной из главных обязанностей пристава было сообщение ОПК о положении дел в Казахской степи. 25 ноября 1822 года пристав А.З. Горихвостов сообщал из Гирьяльской станицы, что бывшие в свите Арынгазы Абулгазиева мулла Каражигит¹¹⁸³, ходжа Шукуралы¹¹⁸⁴ и старшина Бармак Пулпачев¹¹⁸⁵, вернувшись из столицы, своими действиями показывают «несоответствие цели правительства»¹¹⁸⁶. Кроме сообщения действительности, пристав не мог предпринять никакие меры.

Пристав почти ежемесячно сообщал о месте нахождения хана. Так, например, 31 марта он сообщал, что Шергазы хан переправился за Урал кочевать и расположился в 6 верстах от р. Кызылды¹¹⁸⁷.

По долгу службы полковник А.З. Горихвостов пристально следил за ситуацией в Младшем казахском жузе. Именно его вмешательство в судьбу третьей жены хана Шергазы спасло ее от гибели. Он сообщал о действиях сына

¹¹⁸⁰ Там же. Л. 565 об. – 566 об.

¹¹⁸¹ Горихвостов Александр Захарович (1783–1855) – офицер с 1799 г., полковник с 1818 г., генерал-майор с 1829 г., генерал-лейтенант с 1848 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и кампаний 1813–1814 гг. Комендант Кинбургской крепости. Имел орден Св. Георгия 4 ст. (1812). Золотое оружие (1813) // Волков С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. 1. М., 2009. С. 384–385.

¹¹⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2313. Л. 316.

¹¹⁸³ Каражигит Бектайулы – бий отделения Глеу, рода Шекты, поколения Алимулы.

¹¹⁸⁴ Ходжа Шукуралы Махмудулы был связан с родом Шекты.

¹¹⁸⁵ Бармак Болпанулы (в русских источниках Пулпачев) – бий отделения Белиш, рода Жагалбайлы, поколения Жетиру.

¹¹⁸⁶ Рапорт пристава при хане Малой Орды полк. А.З. Горихвостова из Гирьяльской станицы ОПК о подстрекательстве казахов к волнениям муллой Каражигитом, ходжей Шукур-Али и старшиной Бармаком из свиты Арынгазы // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 414–415.

¹¹⁸⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.

хана Едиге, который убеждал своего отца уйти в Бухару¹¹⁸⁸. Приставу было выделено 1200 руб. на угощение казахов и на другие надобности¹¹⁸⁹.

Собрав сведения у письмоводителей, в декабре 1823 года полковник А.З. Горихвостов докладывал, что хан Шергазы не всегда выполнял указания оренбургской администрации. Например, выяснилось, что хан редко делал распоряжения начальникам родов для реализации предписаний Оренбурга¹¹⁹⁰. Половинчатость или вообще неисполнение распоряжений оренбургского начальства А.З. Горихвостов связывал с деятельностью хана. Пристав сообщал председателю ОПК генерал-майору С.И. Траскину, что ханские письмоводители Сейфутдин Сагындыков и сотник Рахманкулов подтвердили, что хан Шергазы Айшуаков с 22 марта по 27 ноября 1823 года оставил без предписания к исполнению султанам и старшинам 74 отношения Пограничной комиссии, а в свою очередь последняя сообщала военному губернатору, что не получила никаких ответов на 189 своих рапортов¹¹⁹¹.

У хана не сложились дружественные отношения с приставом. 22 декабря 1822 года Шергазы хан в своем обращении к К.В. Нессельроде¹¹⁹² обращал внимание на то, что радостно принятый им пристав А.З. Горихвостов до сих пор не ознакомился и не изучил народные обычаи, законы, нравы казахов. Его обвиняли в том, что он поступает исключительно по своему усмотрению¹¹⁹³. В следующем письме руководителю МИД хан жаловался на пристава, что полковник не дает ему приставленных 150 казаков для захвата воров, говоря что «онные казаки приставлены не для захвата киргизцов, а ради охранения только собственной моей особы, то воры киргизцы, проведав о том, озлобились на меня ... прежнего, и не опасаясь захвата, вражду свою распространили день ото дня повсеместно, и ежели бы онный Горихвостов тех казаков со мною уволил, то воры

¹¹⁸⁸ Там же. Л. 18.

¹¹⁸⁹ Там же. Л. 23.

¹¹⁹⁰ Там же. Л. 35–38.

¹¹⁹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 148 об., 149 – 149 об.

¹¹⁹² Прощение хана Шир-Газы управляющему МИД К.В. Нессельроде с жалобой на пристава полк. А.З. Горихвостова и военного губернатора П.К. Эссена // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 417–429.

¹¹⁹³ Там же. С. 426.

бы были захвачены и выданы на линию, что услышав о сем, все воры киргизцы могли от дурных своих поступков удержаться»¹¹⁹⁴.

Хан, обращая внимание на военную службу П. Карсакова и А.З. Горихвостова в прошлом, укорял их в незнании быта и обычаев чуждого им народа. Шергазы выступал за упразднение приставов, говоря, что он не нуждается в них.

Итак, несколько лет пребывания пристава в регионе, который исполнял роль представителя русской власти в Казахской степи, не дал оренбургской и центральной власти больших результатов. Содержание инструкции показывает нам, что пристав не выполнял административную, судебную, военную функции. Инструкция регламентировала отношения пристава к казахскому хану.

В целом главной функцией приставов, состоявших при владельцах калмыцкого и казахского общества, была охрана хана, а их безопасность обеспечивал отряд казаков. Инструкция приставов была ориентирована на сохранение и усиление, насколько это возможно, института ханской власти.

Возникновение такого вида должностного лица при правителях номадов было связано с тем, что центр пытался усилить традиционный институт правления у кочевников – институт ханства, разрешить противоречия, возникшие в кочевых обществах калмыков и казахов, через отправку к ним приставов, которые регулировали бы отношения ханов с подвластными. Они появляются при ханах в период ослабления у них власти.

Институт приставства в лице одного человека остался незавершенной формой управления. Приставы, состоящие при калмыцком и казахском ханах, были первой формой складывающейся системы приставского управления.

Данный институт получил широкое распространение и на других окраинах Российской империи. В 1769 году в Кабарде вводится должность пристава, главной обязанностью которого было осуществление общего надзора за регионом. Первым приставом был назначен секунд-майор Дмитрий Таганов, внук известного ногайского владельца Мусы Мурзы – «главного над солтанаульскими татарами, составляющими

---

¹¹⁹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 241.

большую часть кубанского народа»¹¹⁹⁵. В 1793 году ногайцы, кочевавшие по территории от рек Кумы и Калауса до Каспийского моря, были объединены в четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембайлуковское, Ачикулак-Джембайлуковское, Караногайское¹¹⁹⁶.

Приставы выполняли распоряжения КИД, устанавливали отношения с элитой кочевников, регулировали взаимоотношения коренного населения с русскими переселенцами.

Постепенно власть приставов расширялась и получила официальное оформление после присоединения к учрежденному в 1797 г. Азиатскому департаменту КИД, согласно закону от 26 февраля 1797 г. «О бытии при Коллегии иностранных дел особого департамента для отправления дел, касающихся до азиатских народов»¹¹⁹⁷.

По мнению Магаяевой П.И., система приставств была первой попыткой создать местную администрацию у подчинившихся России народов. После присоединения ногайцев к Российской империи ногайские орды были подвергнуты не только новому административному делению, но и новому военно-административному управлению. Непосредственное управление ногайцами согласно инструкции, утвержденной 28 мая 1802 г., возлагалось на главного пристава и трех частных приставов. В административном отношении закубанская территория, населённая ногайцами, была разделена на три приставства. Ногайцы степных районов Северного Кавказа были разделены на 4 приставства¹¹⁹⁸.

После откочевки большей части калмыков из пределов России, 19 октября 1771 года Екатерина II подписала указ астраханскому губернатору, упразднявший звание ханов и наместников. Отныне все владельцы должны были управлять своими улусами самостоятельно и независимо друг от друга. Одновременно все

¹¹⁹⁵ Блиева З.М. Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX вв. Владикавказ, 2001. С. 76.

¹¹⁹⁶ Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006. С. 252.

¹¹⁹⁷ Абрамян Л.П. Государственное управление внутренними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII – I половине XIX в. (политико-правовые и социально-культурные аспекты): дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 75.

¹¹⁹⁸ Магаяева П.И. Административные и судебные реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998. С. 14.

они подчинялись астраханскому губернатору. Тогда же из числа русских чиновников («учеников» и «переводчиков» калмыцкого языка) были назначены приставы, наделенные административной властью¹¹⁹⁹. Они должны были постоянно находиться при правителях улусов, наблюдать за ними, координировать их действия с российскими учреждениями и регулярно докладывать об обстановке в улусах. Они не имели полномочий вмешиваться в управление нойонов своими подвластными и оказывать на них прямое давление, но своим умением и всякими способами они должны были склонять правителей улусов к выполнению распоряжений правительства и местной администрации. На этапе введения калмыков в общероссийскую жизнь приставство как система оказалось наиболее приемлемой формой в подчинении их общегосударственным порядкам¹²⁰⁰.

В 70-х годах XVIII в. приставы находились при четырех правителях: двое у дербетов и в Яндыковском улусе и один у кочевавших вместе икицохуровских нойонов Асархо и Маши. В 1780-х гг. пристав появился и в улусе стремительно набиравшего политический вес Тюменя¹²⁰¹.

29 августа 1800 г. указом императора Павла I «Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев и ногайцев и других азиатских народов» была учреждена должность главного пристава, которому подчинялись кочевые народы Астраханской губернии и находившиеся за Кавказской линией¹²⁰². Для проезда в Астрахань коллежский советник получил 1200 руб. Первоначально он же рассматривал конфликты и споры между представителями местного населения и русскими. Но прежде ему пришлось ознакомиться с делами калмыцкой канцелярии, прошениями калмыцкой депутации, до этого побывавшей в Петербурге и добившихся больших успехов: после встречи в Гатчине дербетовского владельца Чучея Тундутова и

---

¹¹⁹⁹ Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII – XIX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 16.

¹²⁰⁰ Батыров В.В., Горяев М.С., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А. Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века. Элиста, 2014. С. 44, 47.

¹²⁰¹ История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 459.

¹²⁰² ПСЗРИ – 1. Т. 26. № 19536. С. 280.

ламы Собин Бакши с императором Павлом Петровичем калмыкам разрешили избрать себе начальника, был восстановлен закрытый при Екатерине II Зарго, по всем делам разрешалось обращаться в КИД и т.д.

Пристав был представителем КИД и неотлучно должен был находиться на месте, это был гражданский чиновник. 30 сентября коллежский советник Макаров получил инструкцию за подписью кабинет-министра по иностранным делам Ф.В. Ростопчина¹²⁰³.

Главной обязанностью пристава было «личным обращением и правдивыми поступками с владельцами кочевых народов, старшинами и с подвластными им людьми, стараясь вникнуть в права их и в обычаи каждого народа, и принаравливаясь к оным сколько можно, снискать доверенность и любовь. Никаких обид, огорчений, насилия никому не чинить, взяток не брать и других к тому не допускать под опасением суда и законного взыскания»¹²⁰⁴. Главному приставу поручалось рапортовать ежемесячно в КИД и доносить астраханскому военному губернатору о состоянии кочевых народов, об их владельцах, о месте их пребывания, о численности населения¹²⁰⁵.

По приезду Макаров должен был явиться к астраханскому военному губернатору к К.Ф. Кноррингу, узнав о положении дел в регионе, о состоянии местных народов, ему необходимо было отправиться к месту, «удобному и ближнему к тем степным народам», чтобы в нужный момент быстро встретиться с их владельцами. Учитывая кочевой образ жизни населения региона, главный пристав должен был уточнить точное местопребывание народов в зимнее время. В летнее время Макарову следовало «успевать и стараться сколько возможно быть всюду с ними»¹²⁰⁶.

Главному приставу предлагалось набрать штат в составе секретаря для письмоводства, переводчика, знающего калмыцкий язык, одного писца и двух

---

¹²⁰³ ГААстрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1638. Л. 16.

¹²⁰⁴ Там же. Л. 15–15 об.

¹²⁰⁵ Там же. Л. 15.

¹²⁰⁶ Там же. Л. 13 об.

толмачей¹²⁰⁷. Также поручалось, кроме переводчика калмыцкого языка, найти переводчиков персидского и арабского языков, услугами которых могли бы пользоваться в КИД¹²⁰⁸. Четко было определено годовое жалование каждого. Главный пристав получал 1200 руб., секретарь – 415 руб., переводчик – 400 руб., писец – 200 руб., двум толмачам – по 100 руб. каждому. На канцелярские расходы выделялось 200 руб., на почтовые расходы – 300 руб. Сумма выделялась из доходов Астраханской губернии по предписанию действительного тайного советника и государственного казначея барона Васильева¹²⁰⁹.

На каждого чиновника составлялся формулярный список. Главный пристав должен был определить, кто именно, с какого числа вступил в должность. Вместе с формулярным списком вся документация отправлялась в КИД¹²¹⁰.

Астраханский губернатор должен был сопровождать Макарова особыми письмами к «начальникам тех народов», где следовало указать, что по желанию императора «оказать попечение» народам региона, направляется к ним коллежский советник.

Макарову предписывалось после обозрения жизнедеятельности кочевых народов, изучения их взаимоотношений между собой, представить подробное описание, свое видение дальнейшего совершенствования административной политики на окраине. Ему предписывалось, «если вы что-либо нашли потребным установить или учредить между ими, а паче между соседственными горскими обитателями для вечного их спокойства и блага», то написать и представить на рассмотрение в КИД¹²¹¹.

Макаров выступал как «посредник и ходатай в нуждах и делах относительно к здешнему правительству, от коего они яко подданные Е.И.В.

---

¹²⁰⁷ Там же. Л. 3 об.

¹²⁰⁸ Там же. Л. 14 об.

¹²⁰⁹ Там же. Л. 14.

¹²¹⁰ Там же. Л. 13 об.

¹²¹¹ Там же. Л. 14 об.

имеют право наравне с прочими россиянами требовать нужной себе защиты и ограждения законами»¹²¹².

Главный пристав согласно инструкции должен был выступать посредником и в «справедливых требованиях ходатаем» владельцев улусов, старшин кабардинцев, калмык, туркмен, ногайцев с Российской империей. Как представитель центра на окраине, Макаров обязан был руководствоваться указами императора, решениями КИД, инструкциями ведомственных органов и наблюдать, чтобы все местные начальники (улусные правители, князья) управляли народами региона по их обычаям и на основе народного права. Главный пристав, имея «ласковое обхождение и оказывая пристойную учтивость», на требования улусных правителей должен был отвечать согласно российскому закону. «Не делать никому обиды, ни у кого собственность не отнимать ни под каким предлогом и вымыслом», а если происходило противозаконное действие, то пристав должен был напоминать нарушителям российские законы. «Отвращать от притеснения и обид дружескими и хорошими советами, склонять к добросовестным поступкам, к послушанию», – такими методами обязан был руководствоваться новый пристав края¹²¹³. В отношениях с местными начальниками Макаров должен был поступать осторожно, не «подавать повода к огорчению».

Как известно, в этот период были внесены изменения в судебную систему кабардинцев. По указу императора были учреждены суды, где судьями избирались представители коренного населения, и решение принималось согласно народным обычаям и традициям. По отношению к этим народным судьям Макаров должен был наблюдать, нет ли жалоб на них, справедливы ли их решения, а если замечал нарушения, то должен был сообщить об этом астраханскому военному губернатору¹²¹⁴.

Наблюдение за местными начальниками и их подвластными, «присматривание» за действиями российских жителей, чтобы они не притесняли,

---

¹²¹² Там же. Л. 5 об.

¹²¹³ Там же. Л. 5 об. – 6.

¹²¹⁴ Там же. Л. 6 об.

не оказывали давления на местных жителей, а в случае жалоб как попечителю и «оберегателю» Макарову следовало их рассмотреть. В случае, если жалобы были основательны, то главный пристав должен был добиться полного удовлетворения иска, а в противном случае сообщить начальнику истца и донести об этом деле астраханскому гражданскому губернатору¹²¹⁵.

При замечании между кочевыми народами региона взаимного несогласия, вражды, стеснения одних народов кочевьем других, с согласия губернатора К.Ф. Кнорринга и управляющих теми народами Макаров мог разводить их кочевья и ставить их в такое расстояние, «чтоб пастьбою скота и другим потребностями не могли мешать одно другому». Главный пристав также решал вопрос удовлетворения просьб местного населения посетить российские города. Это желание могло быть удовлетворено только в том случае, если проситель имел письменное отношение от своего правителя¹²¹⁶.

Главного пристава призывали быть осторожным в отношениях с местными правителями, не идти на поводу одного против другого. Так, например, если правитель улуса жаловался на начальника соседнего владения или старшину «в недоброжелательности или в злом умысле против правительства» и просил бы отправить российские войска для усмирения, а пристав не имел сведений об этом, то нужно было внушить заявителю, что он без особого высочайшего повеления не может употребить войска. Пристав мог предложить заявителю предоставить через него сообщение с доказательствами, чтобы донести императору или в КИД. Здесь главный пристав выступал как посредник, через которого доставляются сведения в центр, местные начальники не могли напрямую отправлять свои депеши.

За сомнительными владельцами и старшинами предлагали наблюдать, чтобы они не могли со своим народом уйти за границу (учитывается откочевка калмыков 1771 г. – Г.И.). Если заявление оказывалось верным, то главный пристав должен был сообщить об этом К.Ф. Кноррингу как главному начальнику края, чтобы препятствовать переходу и поймать зачинщиков, преградить путь к

---

¹²¹⁵ Там же. Л. 7.

¹²¹⁶ Там же. Л. 7 об.

побегу. За состоянием дел на окраине главный пристав должен был следить с помощью приставов, отправленных к калмыкам, ногайцам, кабардинцам, туркменам. Макаров мог предложить КИД назначить приставов при необходимости и к другим народам края¹²¹⁷.

Особое внимание уделялось взаимоотношениям народов окраин с соседними государствами, в том числе с турецким султаном и с закубанскими народами. Макарову предлагали наблюдать, не отправляют ли соседние государства своих шпионов, не призывает ли турецкий султан к побегу из российского подданства. Если такие случаи имели место, то главный пристав, не упуская времени, должен был написать об этом астраханскому военному губернатору, не указывая в письме имен информаторов. Донесение можно было отправить через почту и по важности дела через специальных посланцев¹²¹⁸.

С персидским двором Россия имела на тот момент дружественные отношения. Макарову предписывалось принять все усилия, чтобы российские подданные не совершали набеги на персидские жилища. Начальникам местных народов было строго наказано следить за своими подданными и удерживать их «от ссор и неприяательства». Им предлагалось забыть все старые обиды и притеснения, но они могли сообщить о своих притязаниях главному приставу, который в свою очередь должен был сообщить об этом астраханскому военному губернатору и в КИД¹²¹⁹.

В случае возникновения несогласия между россиянами и местными народами на торгах в российских городах, нужно было докладывать местным начальникам, городовым, в Астрахани азиатскому суду и Калмыцкой канцелярии, которые должны были разбирать мелкие дела. Спорные дела рассматривал сам главный пристав. Если ответчиком был представитель местных народов, то тогда их начальники, владельцы улусов рассматривали дело на основании народного суда, если же это касалось русских, то решение принималось на основании российских законов. Уголовные дела рассматривались по согласованию с

---

¹²¹⁷ Там же. Л. 9.

¹²¹⁸ Там же. Л. 9 об.

¹²¹⁹ Там же. Л. 10–10 об.

астраханским военным или гражданским губернатором. Если ссора происходила между представителями местных народов и казаками, то дело рассматривалось в Астрахани военным или гражданским губернатором¹²²⁰.

Одним из сложных вопросов было разрешение жалоб калмыков и ногайцев на русских жителей, которые не позволяли им ловить рыбу в реках, рубить дрова, пасти скот, насильственно увозить детей и людей из улусов. Для решения этой проблемы главному приставу было дано указание, чтобы эти народы наравне с российским подданными могли пользоваться реками, лесом, вольными местами. При возникновении препятствий разрешения данного вопроса нужно было сообщить астраханскому военному или гражданскому губернатору. Обо всех нарушениях обязаны были докладывать в КИД¹²²¹. Если кто-либо из местных владельцев или старшин жаловался на крещение калмыков в городах, то нужно было разъяснять, что это делается по желанию самого человека¹²²².

Вопрос отправки делегаций в столицу от подвластных ему народов находился также под юрисдикцией главного пристава. При желании местных владельцев отправить от себя к императорскому дворцу посланцев или депутатов главный пристав доносил об этом в КИД, но при этом узнавал цель поездки. Если это были «излишние требования», то главный пристав «пристойным» образом затягивал дело, уверяя владельцев улусов, что он «не оставит приложить старание к доставлению им удовлетворения от военного или гражданского губернатора», дабы не утруждать Высочайший двор такими посольствами¹²²³. Интересным является тот факт, что такие делегации сопровождали приставы, кандидатуры которых назначались российской администрацией региона.

Казахстанский ученый Г.С. Султангалиева обратила внимание на деятельность приставов при казахских делегациях в Санкт-Петербург¹²²⁴. Интересным является инструкция, данная приставу, сопровождавшему казахскую делегацию в 1859–1860 гг. в столицу. Он отвечал за всю сумму, выделенную

---

¹²²⁰ Там же. Л. 11–12.

¹²²¹ Там же. Л. 12.

¹²²² Там же. Л. 12 об.

¹²²³ Там же. Л. 13.

¹²²⁴ Султангалиева Г.С. От пристава к приставству. С. 250–257.

казахской элите, сопровождавших их казакам, за наем транспорта, жилья и т.д. В отдельной тетради расходов он должен был вести записи и по возвращении в Оренбург представить полный отчет¹²²⁵. Путь путешественников пролегал через города Симбирск, Арзамас, Нижний Новгород, Владимир и Москву. В Нижнем Новгороде предлагалось остановиться на двое суток и посмотреть знаменитую ярмарку.

По прибытии в Петербург пристав должен был прибыть к директору департамента общих дел МВД. Два султана Внутренней Орды должны были быть представлены министру государственных имуществ, а казахи Зауральской Орды (10 чел.) – министру иностранных дел. Затем все вместе должны были представиться петербургскому военному генерал-губернатору¹²²⁶. Пристав должен был сопровождать казахскую депутацию на все мероприятия, во время прогулок на острова Елагин, Каменный, Крестовский, во время поездок в Кронштадт и Петергоф, в Царское село, Павловск, Гатчину и т.д.¹²²⁷. В столице планировалось находиться один месяц.

На обратном пути в Москве депутация должна была посетить Грановитую палату Московского Кремля, дворцы, частные фабрики и т.д. Во время путешествия учитывалось то, что казахи как мусульмане употребляют мясо «мусульманского резания», т.е. чтением определенных хадисов Корана при зарезке барана, халяльное мясо. Нужно было внимательно присматривать за ними во время поездки на поезде, смотреть, чтобы при расчетах не взяли лишних денег. Пристав должен был внимательно наблюдать, чтобы казахи не простудились, не пили слишком холодной воды, не ели сырых плодов, вообще тяжелой и вредной пищи. При малейшей простуде нужно было оказать немедленно медицинскую помощь. Английская мята, мятные капли и простейшие лекарства должны были быть всегда под рукой¹²²⁸. Путешествия должны были оставить приятные и благодарные воспоминания.

¹²²⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2983. Л. 90–90 об.

¹²²⁶ Там же. Л. 91.

¹²²⁷ Там же. Л. 91 об.

¹²²⁸ Там же. Л. 92–93 об.

КИДу подчинялся и коллежский советник Макаров, и мог рассчитывать на покровительство данной организации. Инструкция определяла его отношения между чиновниками региона. Вопросы, касающиеся по гражданской части, он должен был доносить астраханскому военному и гражданскому губернаторам и требовать от них наставлений и советов. Если их не будет на месте, то главный пристав должен был доносить тому чиновнику, кому начальство поручит. В случае необходимости предписаний, указов, Макарову следовало представить свое мнение и подробную информацию о деле в КИД¹²²⁹.

«Создание новой властной структуры во главе с Макаровым завершает собой череду преобразований калмыцкого управления в XVIII веке, характерная черта которого – отсутствие системности и вообще государственной программы преобразований управления калмыцким народом. После откочевки калмыков российские власти оказались не готовы предложить программу преобразований, соответствующую изменившейся исторической обстановке. Они решили, что единственным и наиболее действенным средством избежать подобных акций в будущем является всесторонняя интеграция калмыцкого народа в российское общество. Поставленная задача полностью вписывалась в начатую еще Петром I и продолженную его преемниками политику по вовлечению нерусских народов в российское государственно-правовое и социокультурное пространство»¹²³⁰.

Назначение главного пристава, как регулирующего взаимоотношения нескольких народов в сходной географической среде, в одном поясе, в нашем случае кабардинцев, ногайцев, туркмен, калмыков, подталкивает нас к мысли, что центр рассматривал эту часть империи как определенный регион с кочевым населением, но с разным конфессиональным составом. При главном приставе создается штат, он управляет подвластными народами через частных приставов. Но со временем будут назначены главные приставы отдельно для каждого народа.

26 октября 1801 г. вышел указ императора «О утверждении прав и преимуществ калмыцкому народу присвоенных; о возстановлении всех сношений

---

¹²²⁹ ГААстрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1638. Л. 15.

¹²³⁰ История Калмыкии. Т. 1. С. 463.

по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от внешних начальств, кроме сей Коллегии, независимом»¹²³¹. Согласно прошению наместника калмыцкого народа Чучея Тундутава был определен главный пристав калмыцкому народу, в обязанности которого входило представление интересов калмыцкого народа перед русскими властями. Им стал коллежский советник Николай Страхов, ранее служивший в Мануфактур-конторе. Являясь директором шелководства на Ахтубе, он часто находился в кочевьях калмыков и был хорошо известен их элите¹²³². Как главный пристав при калмыцком народе Н. Страхов наблюдал за деятельностью наместника, Шажин-ламы, Зарго и калмыцких нойонов, подчиняясь КИД, а позднее Министерству внутренних дел. Помощниками главного пристава были определенные по штату частные приставы улусов. Они должны были осуществлять надзор, участвовать в судебных разбирательствах.

Таким образом, приставство кочевых народов было разделено на два: одно – для калмыков, второе – для всех остальных, ногайцев, туркмен, кабардинцев, абазин и др. Макаров остался в должности главного пристава для второй группы народов региона. Главному приставу в помощь по делам полицейским были определены четыре частных пристава, состоявшие при номадах. Они исполняли в своих кочевьях обязанности земской полиции, а также функции «по сохранению благочиния, охраны и защиты польз и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности, и внушению преимуществ постоянного жительства как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее; но сии внушения не должны иметь вида принуждения», им вменялось производство следствия по уголовным делам, надзор за исполнением решений окружного суда¹²³³.

Постепенно назначались главные приставы для каждого народа. В 1803 г. князь П.Д. Цицианов докладывал императору о жалобе бештовых ногайцев на их пристава Г.С. Корнилова в «отягощении их непозволительными работами и

¹²³¹ ПСЗРИ – 1. СПб., 1830. Т. 26. № 20037. С. 810.

¹²³² Там же.

¹²³³ Абрамян Л.П. Государственное управление внутренними инородцами. С. 78.

всякого рода мздоимствами». По окончании следствия по этому делу Цицианов представил императору на утверждение кандидатуру султана Менгли-Гирея. При этом он просил «определить его в виде пристава, который подчиняется главному приставу Макарову, но [является] начальником над бештовскими ногайскими татарами в непосредственной зависимости от главного на Линии начальника». Вскоре ногайский князь Менгли-Гирей был назначен приставом со званием генерал-майора¹²³⁴. Затем главный пристав появился и у караногайцев.

По новой инструкции, утвержденной 18 мая 1802 г., главные приставы были обязаны «составить подробное описание народов и имеющегося управления ими», собрав и систематизировав сведения о законах и обычаях степных народов, регулировав права отдельных лиц, родителей и родственников, духовных особ и начальников, полномочия и организацию суда, употребление присяги, ее формы, наказания за нарушение правил веры, неповиновение и буйство, кражи, обман, взыскание долгов и т.д.¹²³⁵.

Приставы приступили к сбору материалов об обычаях, быте, социальной структуре, судебной системе подчиненных народов. В 1810 г. в Санкт-Петербурге вышел труд главного пристава Н.И. Стрехова, где он описал краткую историю калмыков, их жизнедеятельность, изменения, произошедшие после трагического перехода их в Джунгарию в 1771 г.¹²³⁶. Н.И. Стрехов писал, что «дербетовская Орда всех многочисленнее и простирается до 10000 кибиток, по ней следует торгоутовская, а самая малая хошоутовская», по его мнению, основанному на «достоверных разведываниях и примечаниях», общее количество кибиток доходило до 20 тыс.¹²³⁷ Он высоко оценивает хозяйственную, кочевую жизнь калмыков. «Сей народ по справедливости можно назвать переделывателями пропадающей травы в живой скот. Миллионы десятин земли бесплодной и

---

¹²³⁴ Там же. С. 112.

¹²³⁵ Потрихальская А.А. Приставства как форма организации управления кочевыми народами Степного Предкавказья / Социально-экономическое развитие Северного Кавказа и местное самоуправление: сб. статей. Ставрополь, 2005. С. 104.

¹²³⁶ Стрехов Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительные повести, сказки, пословицы и песни Савардин. СПб., 1810. 96 с.

¹²³⁷ Там же. С. 17–18.

изсушенной солнечным зноем, калмыки обращают в миллионные табуны и стада, обращают пустую степь в надежный богатый конный и скотный двор для целой России», – так описывает главный пристав приспособленный к аридной зоне кочевой и полукочевой способ жизнедеятельности и развитие скотоводства у калмыков. По его мнению, калмыки «умалившись в числе, умалились и в духе, отучились от войны», и поэтому они уже не могли обеспечить безопасность границы¹²³⁸.

Назначенный в 1822 г. главным приставом ногайского народа надворный советник П.С. Балувев и его помощники собрали обширный материал о численности населения, этнографии и социальной организации ногайцев. В дальнейшем он лег в основу разработанного в 1827 г. «Положения о кочующих народах»¹²³⁹.

Институт приставства получил распространение и в других регионах. В 1802 г. по инициативе КИД управление северокавказскими народами было изъято из подчинения начальника Кавказской линии и передано приставам¹²⁴⁰. В 1807 г. для усиления контроля над чеченской территорией надзор «за поведением» чеченцев и кумыков поручили главному калмыкскому приставу¹²⁴¹. В 1817 г. приставство ввели в бывшем Мехтулинском ханстве в Дагестане, в 1818 году – у чеченцев, проживавших по правому берегу Терека, и у назрановских ингушей, в 1830 г. – в Осетии и Ингушетии¹²⁴². В 1841 году во время восстания на Кавказе часть карабулаков была переселена и управлялась назрановским приставом. Но отличия обычаев, прав от местного населения, а также столкновения за землю, стало причиной обращения кавказского наместника о переселении карабулаков. Новый указ гласил: «назначить им для жительства окрестности укреплений: Нестеровского и Ачхоевского, равно поста Казак-Кичу, и все вообще пространство на правом берегу Сунжи, от п. Эльдырхановского до

¹²³⁸ Там же. С. 41–44.

¹²³⁹ Магаяева П.И. Административные и судебные реформы... С. 15.

¹²⁴⁰ Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII–1860 год) // <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-pristavstva-na-kavkaze-sozdanie-deyatelnost-evolyutsiya-vtoraya-polovina-XVIII-veka-1860-god>

¹²⁴¹ Блиева З.М. Становление российского бюрократического аппарата... С. 95.

¹²⁴² Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе. С. 97, 99.

Верхней Индырки, и определить к ним особого пристава, под названием пристава над карабулаками и чеченцами¹²⁴³. Приставу определялось жалованье по 228 руб. 57 коп. в год, переводчику – 57 руб. 14 коп., на канцелярские расходы – 28 руб. 57 коп.¹²⁴⁴ Данная сумма выдавалась приставам Владикавказского округа. 10 октября 1848 г. вышел указ императора Николая I «О учреждении особого приставства над карабулаками и чеченцами».

В 1822 г. генерал А.П. Ермолов выработал для приставов специальный «Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области», а в 1827 г. наказ был утвержден как «Устав». Согласно этому документу на территории кочевых народов основными институтами управления оставались приставства. Здесь были утверждены функции главного и частных приставов, определялся штат, жалованье и источники финансирования.

1 марта 1827 г. частный пристав был направлен к откочевавшим от своих улусов калмыкам, проживавшим в устье р. Волги и при главных почтовых и проезжих дорогах¹²⁴⁵. По данным МВД, множество беднейших калмыков со всех улусов избрали местом своего пребывания мочаги – неприступные места по берегам Каспийского моря (от Волжской дельты почти до Кизляра). Их обитатели занимались на рыбные промыслы и на другие работы, а также, пользуясь недоступностью и отдаленностью от улусов, часто делали набеги, грабили, скрывали преступников. При приближении казаков или чиновников они уплывали на лодках и избавлялись от погони и наказания. Для подчинения этих калмыков Астраханская комиссия калмыцких дел, по предложению главного пристава, признала необходимым назначить особого частного пристава с грамотным толмачем и командой из 25 казаков. 25 февраля 1827 г. император Николай I утвердил штат частного калмыцкого пристава при мочагах Каспийского моря¹²⁴⁶. Учитывая трудность и опасность данной должности, жалованье частного пристава составляло 700 руб., толмачу калмыцкого языка, исполнявшему также должность

---

¹²⁴³ ПСЗРИ – 2. Т. XXIII. СПб., 1849. № 22641. С. 640.

¹²⁴⁴ Там же.

¹²⁴⁵ ПСЗРИ – 2. Т. 2. 1827 год. СПб., 1830 – 1885. № 036.

¹²⁴⁶ Там же.

писаря при приставе, полагалось 400 руб. Команде пристава для строительства лодки было выделено одновременно 250 руб., на ее ремонт – по 60 руб. в год. Улусам следовало ежегодно выдавать 4 кибитки для квартирования пристава и казаков. Данный пристав был определен для разрешения конкретной проблемы – остановить грабеж, нападение на жителей и подчинить окончательно их российским законам и порядкам.

В 1848 году была учреждена должность пристава при казаках Большой Орды, который подчинялся генерал-губернатору Западной Сибири. Пристав находился в укреплении Капал. Как утверждает Г.С. Султангалиева, пристав Старшего жуза стал частью военного аппарата управления Казахской степью и был первым административным управлением, созданным российской властью на территории данного жуза¹²⁴⁷.

Таким образом, институт приставства имел широкое распространение среди народов Кавказа (кабардинцы, ингуши, чеченцы, карабулаки, ногайцы, кумыки и др.), Северного Прикаспия (калмыки) в XVIII – середине XIX вв. В 20-е годы XIX в. на окраинах Российской империи сложилась уже система управления – приставство со штатом. В штат входили: главный пристав, помощник главного пристава, письмоводитель, письменный и словесный переводчики, частные приставы и их помощники, медицинские работники и т.д. Государственным служащим было определено жалование из государственного казначейства. Приставы выполняли в основном посреднические функции между местным населением и правительственной администрацией, имели постоянный контакт с местным населением, его элитой, изучали быт подвластных народов, собирали различные сведения этнографического, демографического, социально-экономического характера, занимались их обработкой. Но они не обладали властными полномочиями и авторитетом у местного населения для обеспечения порядка. Нередко правители кочевых обществ обвиняли их в незнании обычаев.

---

¹²⁴⁷ Султангалиева Г.С. От пристава к приставству. С. 258.

Кавказские ученые В.Н. Мальцев и А.Ю. Чирг выделили несколько этапов в столетнем существовании приставской системы на Кавказе¹²⁴⁸. Появившись в XVIII в. на Кавказе, она просуществовала до 1860 года. Но, в конечном счете, Кавказская война так и не дала ей развиваться в сильный административно-управленческий институт. Приставской системе удалось выполнить главное: распространить основы российской административной власти в регионе¹²⁴⁹.

В 20-е годы XIX в. при казахском хане Шергазы Айшуакове появился пристав, основной обязанностью которого была охрана хана и сбор информации о казахской Степи, а приставов на Кавказе – обеспечение охраны порядка, организация исполнения законов, координирование политики кавказской элиты по отношению к России, соседям и т.д.

Приставы при казахском хане подчинялись ОПК, оренбургскому военному губернатору, главный пристав и частные приставы у кочевых народов Кавказа выполняли распоряжения КИД, позже Министерства иностранных дел и были его представителями на окраине. Чуть позже на Кавказе приставы стали подчиняться военному командованию, получив военно-полицейские функции.

Так или иначе, институт приставства, формируясь на окраинах Российской империи, пройдя путь от административного лица при ханах до административно-территориальной единицы со своей организацией и штатом, постепенно сложился в определенную переходную систему управления, учитывавшую хозяйственный тип, географические, исторические особенности развития народов.

---

¹²⁴⁸ Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII – 1860 год) // <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-pristavstva-na-kavkaze-sozhdanie-deyatelnost-evolyutsiya-vtoraya-polovina-XVIII-veka-1860-god>

¹²⁴⁹ Там же.

ГЛАВА 4. ИНСТИТУТЫ И СТРУКТУРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕФОРМЫ 1824 г.

4.1. Институт султанов-правителей

Господствовавшее на протяжении всего имперского периода представление об империи как о едином мире, сообществе, объединяющем народы и территории, а также прагматические соображения власти требовали взаимодействия русской элиты с национальными элитами окраин. Так, увеличение на протяжении XVIII – XIX веков территории страны, наряду с нехваткой квалифицированных кадров и в сочетании с особенностями политики на национальных окраинах, делали необходимым привлечение к управлению на местах представителей местного податного населения и национальных элит, постоянно рекрутировавшихся и инкорпорировавшихся¹²⁵⁰. Как отмечает московский ученый Н.И. Цимбаев: «Стержнем российской политики в отношении присоединяемых народов была не национальная, не религиозная, а социальная ассимиляция, когда местные правящие верхи не уничтожались, не выдворялись, не лишались своего привилегированного положения (разумеется, всегда бывали и исключения), а входили в состав господствующих в России сословий, сохраняя, как правило, свою веру, свои особые права и преимущества. В обмен они обязаны были верно служить великому государю или, иными словами, России»¹²⁵¹.

В формировании новой политической казахской элиты в составе Российской империи, в их будущей деятельности немаловажную роль играло их социальное происхождение. В принципах привлечения коренного населения на государственную службу юридически была закреплена выборная система занятия должностей, а в Оренбургском ведомстве сложилась система назначения на

---

¹²⁵⁰ Каменский А. Элиты Российской империи и механизмы административного управления // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 121.

¹²⁵¹ Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 26.

должность. Оренбургская администрация использовала практику приоритетного привлечения традиционной казахской знати – султанов – Чингизидов.

В вопросе подготовки казахских чиновников можно выделить несколько этапов политики российской администрации. На первом этапе оренбургская администрация занимается сбором информации о влиятельнейших людях в Орде, об их способностях. Здесь в первую очередь оказывалось почтение представителям казахской элиты – Чингизидам. В частности, обращалось внимание дому Абулхаира, которому от «русского правительства было даровано наследственное право заведовать Малой Ордой»¹²⁵².

Были определены критерии к представителям казахского чиновничества, среди которых выделяются знание татарского и русского языков и стремление преданно служить русской власти. Вторым этапом была подготовка управленцев со знанием русского и татарского языков. В формировании и подготовке новой социальной группы немаловажную роль сыграл Неплюевский кадетский корпус¹²⁵³.

9 февраля 1824 года вышло постановление и был утвержден штат Неплюевского училища, а открытие его произошло 2 января 1825 года. На данном мероприятии присутствовал хан Шергазы Айшуаков. Открытие Неплюевского

¹²⁵² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 3.

¹²⁵³ И.И. Неплюеву приписывается мысль открыть среднее учебное заведение в основанном им городе Оренбурге. 15 августа 1801 года император Александр I возвращается к идее открыть учебное заведение. В своем рескрипте оренбургскому военному губернатору генерал-майору Бахметеву он поднимает этот вопрос. Идея связать учреждение первого в Оренбурге среднего учебного заведения с именем строителя Оренбургского края, действительного тайного советника И.И. Неплюева принадлежит оренбургскому военному губернатору князю Волконскому. В 1806 г. он обратился за содействием в деле ее исполнения к родственникам И.И. Неплюева и от его родного внука получил для этой цели 11000 руб. ассигнациями, а затем открыл и всеобщую подписку. При Эссене «общий сбор пожертвований на устройство Неплюевского военного училища достиг 152000 руб. ассигнациями, и сверх того П.К. Эссен исходатайствовал Высочайшее разрешение ежегодно отчислять на содержание училища некоторую часть из разных местных сумм. Задачею его была поставлено ... доставлять этому отдаленному краю просвещенных чиновников по разным частям военной и гражданской службы». П.К. Эссен 2 января 1825 года торжественно открыл Неплюевское военное училище // Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Оренбург: Тип. А.Н. Гаврилова, 1913. С. 4, 5. Неплюевский кадетский корпус образован на базе Неплюевского училища. В училище изучались языки «тюрки», арабский и персидский. Цели и задачи училища были определены следующим образом: «Училище сие есть первое в своем роде. Преподавание восточных языков составляет один из главных элементов учения, образование переводчиков, офицеров для иррегулярных войск среднего корпуса и распространение просвещения между азиатами есть цель заведения» // Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972. С. 169–170. В 1844 году училище преобразовано в кадетский корпус, а в 1866 году – в военную гимназию.

училища в Оренбурге имело целью подготовку управленцев из среды казахов, особенное внимание уделялось потомкам хана Абулхаира.

Обучение их русской грамоте ставилось одной из первоочередных задач. «Султаны сии, сообразно дальнейшим видам по управлению киргизами (казахами – Г.И.), должны приобрести основательно знание не только в языках татарском, арабском и Алкоране, но обязаны также выучиться языку российскому с возможным успехом, а равно и др. полезным знаниям», – писал К.В.Нессельроде¹²⁵⁴. Знание русского языка, по мнению руководителя МИД, даст большие преимущества. «К непосредственным объяснениям с начальником, они найдутся в возможности раскрывать свои нужды и намерения во всей точности, и не будут жертвою своих переводчиков, кои незнанием или по умыслу всегда могут находить случаи, превратным толкованием разговоров или бумаг, давать повод сбивчивости в понятиях и даже к недоразумениям, обращающимся более во вред самих ордынцев», – писал он¹²⁵⁵.

Первоначально приглашались пять молодых способнейших султанов из потомков умершего хана Джанторе, султана Мендиара, Темира и др. Но на первом этапе представители ханского дома различными причинами отказываются отправлять своих детей на учебу. Оренбургская пограничная комиссия приглашала хана Шергазы Айшуакова, султанов Темира Ералиева и Каратая Нуралиева, чтобы они прислали сюда своих сыновей для обучения наукам. «Но первые двое по разным причинам отказались от сего, а от последнего не получено еще ответа», – сообщал в своем письме от 9 января 1824 года П.К. Эссен в МИД¹²⁵⁶. Оренбургский военный губернатор писал К.В. Нессельроде, что хан Шергазы «даже оказал свое нерасположение, чтобы существовало такое училище, уклоняясь от отправки в Оренбург сыновей покойного хана Джанторе, находящихся у него на воспитании»¹²⁵⁷. Темир Ералиев сообщал, что его дети еще малы и здоровье у них неважное, в частности у самого младшего плохое зрение, а

¹²⁵⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 4.

¹²⁵⁵ Там же. Л. 5 об.

¹²⁵⁶ Там же. Л. 7.

¹²⁵⁷ Там же. Л. 7 об.

старший сын помогает ему в препровождении купеческих караванов¹²⁵⁸, а султан Каратай вообще не дал ответа¹²⁵⁹.

Мулле Сеитовской слободы Абдурахману поручалось, чтобы он внушил молодым султанам пользу обучения русскому языку и склонил их к учебе. В 1823 году оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену МИД поручил выбор места для обучения: Оренбург или Сеитовская слобода¹²⁶⁰.

Оренбургская пограничная комиссия распорядилась, чтобы дети Тауке, Токкоры и Отебаля Айшуаковых были отправлены для обучения в Оренбург. Сын хана Шергазы – Едиге, изъявил желание обучиться Корану, татарской грамоте. Позже он был отправлен в Сеитовскую слободу для обучения к мулле Абдурахману.

В первый год открытия Неплюевского училища было принято 80 человек. Это были дети бедных дворян, раненных офицеров, умерших переводчиков, служивших в Пограничной комиссии и т.д. Также архивные источники сообщают о трех мальчиках, доставленных в Оренбург для учебы ханом Внутренней Орды Джангиром Букеевым. Это были султаны Кучукгалий, сын Шигая Нуралиева из Букеевской Орды, Шамсиддин Досказиев¹²⁶¹, сын старшины Зауральской Орды¹²⁶², а также кожа Копболсын Караулов¹²⁶³.

На содержание султанских детей в Неплюевском училище, на покупку учебных пособий для них и на различные расходы отпускались деньги из Азиатского департамента¹²⁶⁴. А также на содержание училища выделялись деньги в сумме 38298 руб. из денег, пожертвованных родственниками тайного советника И.И. Неплюева. В пользу училища перечислялись деньги из пошлин за билеты,

¹²⁵⁸ Там же. Л. 11 об.

¹²⁵⁹ Там же. Л. 12.

¹²⁶⁰ Там же. Л. 6 об.

¹²⁶¹ Все трое были отправлены в училище по решению хана, несмотря на недовольства родителей. К. Шигаев после окончания курса состоял в офицерских чинах и занимал различные должности. Ш. Досказиев не закончил обучение. К. Караулов после окончания служил при хане, был правителем его канцелярии, умер в 1844 г. Он был братом Салиха Бабаджанова (советник Временного совета управления Внутренней Ордой) // Заметки киргиза о киргизах / Северная пчела. 1861. № 4. 5 янв. С. 2.

¹²⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 99. Л. 15, 18.

¹²⁶³ Заметки киргиза о киргизах // Северная пчела. 1861. № 4. 5 января. С. 2.

¹²⁶⁴ Там же. Л. 6.

выдаваемые казахам при найме их на линейные работы. В целом только в 1825 году Пограничная комиссия ведала суммой 200 тыс. рублей¹²⁶⁵. В период с 1825–1866 гг. данное училище окончили 21 человек султанского происхождения¹²⁶⁶.

Одним из мероприятий, направленных на распространение русского языка в кочевой среде, было назначение на должность мулл, людей, знающих русский язык, умеющих читать и писать по-русски. Данный вопрос активно обсуждался в 1824–1827 годах в Министерстве народного просвещения, Департаменте Главного управления духовных дел иностранных исповеданий¹²⁶⁷, МИДе. Управляющий МИД 24 июля 1824 года писал министру народного просвещения и управляющему делами иностранных дел А.С. Шишкову: «Многие опыты показали, сколь нужно, чтобы муллы, определяемые к кочующим народам, состоящие в ведении Министерства иностранных дел, знали российский язык, могли не только говорить, но и читать и писать по-русски». От назначаемых в Степь мулл требовалось выступать переводчиками при судопроизводстве, допросах и подтверждать подписью все сказанное и письменно представленные показания кочевников, так как казахи нередко отказывались от своих показаний, выражая сомнение на счет честности переводчика при допросах или знания им языка в совершенстве. К.В. Нессельроде предлагал для достижения поставленной

---

¹²⁶⁵ Там же. Л. 14.

¹²⁶⁶ Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) // Journal of Slavic Research Center. Acta Slavica Iaponica. Т. 27. С. 84.

¹²⁶⁷ Главное Управление духовных дел иностранных исповеданий (1810–1817; 1824–1832), образовано на основании манифеста от 25 июля 1810 г. в целях рассмотрения дел духовенства различных религий и исповеданий, ранее находившихся в ведении Министерства юстиции, Римско-католической духовной коллегии и Юстиц-коллегии, за исключением судебных, состоявших в ведении Сената.

24 октября 1817 г. Главное управление духовных дел иностранных исповеданий было объединено с Министерством народного просвещения и образовано Министерство духовных дел и народного просвещения.

В 1824 г. Министерство духовных дел и народного просвещения было разделено на составные части: указ от 15 мая 1824 г. предписывал привести управление делами иностранных исповеданий в состояние, в котором оно находилось до 1817 г., при этом 1-е отделение бывшего Департамента духовных дел министерства было передано в Синод в качестве отделения духовных дел греко-российского исповедания при обер-прокуроре Синода. Так управление делами иностранных исповеданий вновь выделялось в самостоятельное ведомство.

На практике разделение двух ведомств произошло не сразу. Назначенный министром народного просвещения А. С. Шишков одновременно являлся главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий, т. е. возглавлял оба ведомства. 25 апреля 1828 г. в связи с назначением главноуправляющим духовных дел иностранных исповеданий Д. Н. Блудова произошло окончательное разделение двух ведомств // [http://russiahistory.ru/glavnoe_upravlenie_duhovnyih_del_inostrannyih_ispovedaniy_](http://russiahistory.ru/glavnoe_upravlenie_duhovnyih_del_inostrannyih_ispovedaniy/)

цели, «чтоб никто не был облакаем муфтием в звание муллы к кочующим народам, буде не знает говорить, читать и писать по-русски»¹²⁶⁸. Данное правило вступило в силу 1 января 1832 года, для будущих мулл выделялось 4 года на изучение русской грамоты¹²⁶⁹.

После введения реформы 1824 г. продолжается процесс формирования казахского чиновничества, служащих в административном аппарате Российской империи¹²⁷⁰. Так появившийся после вышеуказанной реформы институт султанов-правителей стал первым звеном кооптации Чингизидов в имперское пространство власти.

Организация государственной службы в России имеет тесную связь с обретением ею статуса империи в 1721 году. Именно Петр I ввел законодательный акт «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины...», который определял иерархическую систему чинов, титулов и званий. На казахский социум распространялся закон Петра I, где четко прописывался принцип и структура продвижения по служебной лестнице, механизм получения чина. Новые служащие власти получали согласно рангу, должности жалованье¹²⁷¹. Так, например, султанам-правителям было назначено жалованье по 100 руб. серебром в месяц и 60 кулей ржаной муки в год¹²⁷², позже сумма возросла до 1200 руб. серебром. Хотя в начале века, в 1808 году, рассматривалось награждение султанов и старшин мукой, чтобы приучить кочующих казахов к употреблению «в жизнь хлеба, а потом и земледелию»¹²⁷³.

Наряду с этим султаны-правители получали офицерские чины от сотника до генерал-майора. Например, султан Баймухаммед Айшуаков с 1836 года имел офицерские звания и дослужился до чина генерал-майора. 22 января 1836 г. ему за освобождения группы российских подданных, проданных в рабство из Бухары,

¹²⁶⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1828 год. Д. 126. Л. 2.

¹²⁶⁹ Там же. Л. 2 об.

¹²⁷⁰ См. подробнее: Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства. С. 77–101.

¹²⁷¹ Там же. С. 77.

¹²⁷² 1824 г. января 31. – Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя. С. 209.

¹²⁷³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1808 год. Д. 22. Л. 1.

был пожалован чин войскового старшины¹²⁷⁴, далее за верную службу 8 января 1839 г. – чин подполковника, 17 сентября 1840 г. – полковника¹²⁷⁵. 27 февраля 1847 г. во время аудиенции императора Николая I за оказанную ревность в службе и прилежность Б. Айшуакову был пожалован чин генерал-майора¹²⁷⁶.

За особые заслуги казахские султаны, старшины награждались медалями и орденами. После восшествия на престол Екатерина II пожелала учредить исключительно военный орден, тогда же был составлен проект статута Екатерининского военного ордена. Но орден этот учрежден не был. 23 ноября 1769 года установлен орден Св. Георгия для награждения военных заслуг, а 22 сентября 1782 года – орден Св. Владимира для награждения заслуг гражданских. Так как в царствование Екатерины впервые возникла необходимость пожалования лиц нехристианских исповеданий, то проектирован был «орден заслуг», статут (или особые правила) которого тот же, что и ордена Владимира, но знаки состояли из медальонов. Проект не получил Высочайшего одобрения¹²⁷⁷.

Часто участники казахских deputаций в столицу награждались медалями. Так, например, Ялпык Тайланов в 1819 г., посетивший с ханом Шергазы Айшуаковым Санкт-Петербург, был награжден серебряной медалью на аннинской ленте. За спасение 24 марта 1847 г. бывшего помощника султана-правителя Средней части, есаула Махмуда Алгазыева с семейством во время наводнения, в августе 1848 г. были награждены серебряной медалью с надписью: «За спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте султан Бексултан Джантюрин, кожа Аймухамед Ишмухамедов и простой кочевник Абаз

¹²⁷⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1617. Л. 8–9.

¹²⁷⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2465. Л. 1, 1 об.

¹²⁷⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6. Л. 29; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1617. Л. 9.

¹²⁷⁷ П. фон-Винклер. Очерки истории орденов и знаков отличия в России от Петра Великого до наших дней. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1899. С. 13–15.

Старшинство орденов выглядит следующим образом: Св. Андрея, Св. Владимира I-й степени, Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й и Св. Анны 4-й степени.

Статуты имеются для ордена Св. Георгия 1769 и 1833 гг., Св. Владимира 1782 и 1845 гг. Св. Анны – 1735 (голштинский), 1829 и 1845 гг., Св. Станислава – 1839 г. и установление Российского кавалерского ордена (Андрея Первозванного, Св. Екатерины, Св. Александра Невского и Св. Анны) 1797 г.

Касанбаев¹²⁷⁸. Будущий султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин в 1830 г. за усердие во время нахождения его в отряде Лебедева был награжден серебряной медалью на анненской ленте¹²⁷⁹.

Султан-правитель Западной части Б. Айшуаков 22 декабря 1832 г. за отличие по службе был награжден золотой медалью на александровской ленте для ношения на шее. Высочайшим повелением от 11 мая 1837 г. был награжден орденом святого Станислава 3 степени¹²⁸⁰. 18 апреля 1842 года за усердие и преданность Всемилоостивейше награжден орденом св. Анны 2 степени¹²⁸¹, а также 1 июля 1846 года Б. Айшуаков получил тот же орден 2 степени, украшенный алмазами¹²⁸².

9 августа 1844 г. был принят Именной указ «О помещении на орденах, жалуемых мусульманам, вместо изображения св. Георгия на кресте императорского орла»¹²⁸³. В 1844 г. начальник 31 дистанции, султан Асфендияр Сюгалин, султан Мухамед-Галий Тяукин были представлены к ордену св. Станислава 3 степени за усердную службу¹²⁸⁴.

¹²⁷⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1848 год. Д. 204. Л. 1–4.

¹²⁷⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2319. Л. 2.

¹²⁸⁰ Орден св. Станислава учрежден 7 мая 1765 года польским королем Станиславом Августом (Понятовским) в память его патрона. После раздела Польши пожалование ордена было прекращено. Александр I начал жаловать орден польским уроженцам и 1 декабря 1815 года утвердил статут, по которому орден был разделен на четыре степени. 17 ноября 1831 года Николай I причислил орден к российским орденам, а 28 мая 1839 года, по новому статуту, 4-я степень была упразднена. Девиз ордена: «Награждая, поощряет». При ордене 2-й степени была звезда для награждения иностранцев // Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. М.–СПб., 2004. С. 154.

¹²⁸¹ Орден св. Анны учрежден в 1735 году герцогом Голштейн-Готторпским Карлом Фридрихом, отцом будущего императора Петра III в память своей жены Анны Петровны. Для орденского девиза он заимствовал надпись первоначальных букв имени своей супруги А.И.Р.Ф., т.е. «Анна, Императора Петра Дщерь», который расшифровал как «Любящим правду, благочестие, верность» (Amantibus Justitiam, Pietatem, Fidem).

Несмотря на то, что гроссмейстер ордена уже в 1742 г. перенес его в Россию, орден так и остался иностранным и в состав российских орденов был включен только в 1797 г. Павлом I. Первоначально орден имел три степени, причем знак 3-й степени предназначался только для военных и носился в виде финифтяного крестика на эфесе шпаги. Знак II степени в виде креста красной эмали или красного стекла, золотыми фигурными украшениями в углах, носилась на шее на красной с золотыми каймами по краям «анненской» ленте. Вторая, как и первая степень, могла быть украшена драгоценными камнями. С 1815 года 3-я степень начала именоваться 4-й, а ее место занял крест, тоже предназначенный для награждения военных, получивших в 1828 г. бант на ленте // Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды. С. 152, 153.

¹²⁸² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2465. Л. 1, 1 об.

¹²⁸³ ПСЗРИ. СПб, 1844. Т. 19. Ч. 1. № 18137. С. 499.

¹²⁸⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2303. Л. 34–36.

Султаны-правители имели символические знаки власти – знамя с императорским гербом, золотые сабли, высылаемые МИДОМ¹²⁸⁵. После 1826 года они начали получать золотые печати. При назначении нового султана-правителя ему передавалось знамя части, а сабля и грамота доставлялись новые, так как на грамотах писались имена правителей части, а сабли были именные, они оставались в семьях бывших султанов-правителей¹²⁸⁶.

Казахская элита начала перенимать «модели» и знаки российского чиновничества, в том числе и ношение мундира чиновника. «Наглядным выражением принадлежности к государственной службе была форменная одежда, в особенности главный ее элемент – мундир (фр. *monture* – снаряжение, амуниция)». В «Уставе о службе гражданской» говорилось: «Форменная одежда (мундир) означает место служения, а также степень звания и должности». Мундиры служили отличием агентов государственной власти, выделяли их из состава всего населения страны, также указывали на род службы (гражданская, военная, придворная), ведомство (учреждение) и на старшинство (ранг) их обладателей¹²⁸⁷.

В 1838 г. МИД ходатайствовал перед Военным министром А.И. Чернышовым разрешить носить мундир Уральскому казачьему войску Баймухаммеду Айшуакову за поимку родственников руководителя восстания И. Тайманова¹²⁸⁸. 20 мая 1838 г. Б. Айшуаков был пожалован в чин хорунжего с правом носить вышеназванный мундир¹²⁸⁹. Примерил российский казачий мундир и хан Внутренней Орды Джангир Букеев. 27 октября 1840 г. он был пожалован в генерал-майоры за оказание помощи при походе В.А. Перовского в Хиву в 1839–1840 году. Д. Букееву было разрешено носить «казацкий мундир, если он того пожелает, но с тем, чтобы он брил бороду»¹²⁹⁰. Хан не раз носил свою казачью форму, которая очень шла ему.

¹²⁸⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 5.

¹²⁸⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 б. Л. 115.

¹²⁸⁷ Шепелев Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начала XX вв. СПб., 1999. С. 191.

¹²⁸⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 1366. Л. 70.

¹²⁸⁹ Там же. Л. 41 б.

¹²⁹⁰ РГВИА. Ф. 395. Оп. 31. Д. 203. 1840 год. Л. 1–2.

Ахмет Джантюрин выступил инициатором создания мундира казахского чиновника. Получив повышение в чине войскового старшины, он при встрече с губернским секретарем Г.Ф. Генсом сказал о своем желании иметь соответствующий его новому званию мундир. А. Джантюрин обратил внимание на то, что «по снисхождению к непривычке азиатцев носить европейскую одежду, неудобную для каждого из них, кроме стеснительного покроя, еще и тем, что при мундире необходимо воспрещаемое Кораном отращивание головных волос, неудобством заменяемое париком, – дозволено было ему некоторое отступление от общей казачьей формы, то он почел бы это за особенную милость, и с удовольствием принял бы за образец военное одеяние, которое было разрешено последнему хану Внутренней Орды Джангиру Букееву»¹²⁹¹. Далее выяснилось, что все султаны-правители также поддерживают идею А. Джантюрина.

Председатель ОПК М.В. Ладыженский в декабре 1846 г. доносил в Азиатский Департамент о предложении султана-правителя Восточной Орды с приложением рисунка мундира казахского чиновника, который был подготовлен Г.Ф. Генсом. Данное предложение было одобрено, и мундир стал частью одежды казахского чиновничества [Приложение № 4, 5].

ОПК имела собственный пенсионный капитал, из которого производились пособия семьям умерших или вышедших в отставку казахских чиновников. Так, например, в 1846 году по сообщению Пограничной комиссии ежегодные пособия получали 35 семей в числе 760 руб. серебром¹²⁹². После смерти генерал-майора Б. Айшуакова по Высочайшему повелению с 5 мая 1848 г. семейству бывшего правителя Западной части Орды была назначена пенсия – полный оклад жалованья, которое он получал, т.е. по 1200 руб. сер. в год¹²⁹³. В 1852 году вдова султана-правителя Восточной части Орды Ахмеда Джантюрина, султанша Башеке Шотаева, просила ОПК выдачу ей с пятью маленькими детьми пенсию за службу мужа. Она хлопотала себе по 400 руб. сер., а детям 200 руб. сер. в год. Башеке Шотаева просила выдавать ей пенсию до смерти или до выхода замуж, детям

¹²⁹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1847 год. Д. 200. Л. 1.

¹²⁹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 121.

¹²⁹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1852 год. Д. 7. Л. 1 об.

женского пола также до выхода замуж, а мужского пола до поступления в казенное учебное заведение или до совершеннолетия¹²⁹⁴. 2 мая 1852 г. император подписал указ о выдаче семье Ахмета Джантюрина пенсии 600 руб. сер. в год¹²⁹⁵.

Институт султанов-правителей стал первым этапом формирования казахского чиновничества после реформы 1824 г. Это был период, когда российская администрация уже целенаправленно вела работу по созданию управленческого аппарата из представителей степи, «впитавших» и воспитанных в духе времени. Именно выходцы из данной среды были устроителями и преобразователями казахской степи. Но были еще одни категории чиновников – исправляющие должность султана-правителя и помощники старших султанов, т.е. султанов-правителей. К первой группе относились султаны, которые для назначения их на должность султана-правителя части своей службой в течение нескольких лет доказывали умение управлять кочевыми соплеменниками и подтверждали верность императорскому двору. Так, например, Юсуф Нуралиев в течение 10 лет был исправляющим должность султана-правителя Средней части. За свою службу эта категория чиновников не получала жалованье. Согласно указу императора от 5 марта 1829 г. султанам Младшего жуза, исправляющим временно должности султанов-правителей, за успешное исполнение их обязанностей выдавалось по усмотрению оренбургского военного губернатора награждение деньгами или вещами¹²⁹⁶.

Оренбургские начальники не раз поднимали вопрос о выдаче денег в виде поощрения для данной категории чиновников, из той суммы, которая оставалась неиспользованной от вакантного места султана-правителя¹²⁹⁷. «Если чиновник находится на должности исполняющего обязанности султана-правителя какой-либо части не менее полугода, то выдавать ему в виде единовременного награждения подарки или деньги на сумму тысяча руб., за весь год – на 2 тыс. руб. из жалованья старшего султана. Это бы способствовало более усердной

---

¹²⁹⁴ Там же. Л. 1.

¹²⁹⁵ Там же. Л. 6.

¹²⁹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 б. Л. 155.

¹²⁹⁷ Там же. Л. 106 об.–107.

работе чиновника, исполняющего обязанности султана-правителя», – писал П.К. Эссен¹²⁹⁸. «С другой стороны, – рассуждал военный губернатор, – назначение султана-правителя части и в связи с этим уменьшение своего жалованья чиновник воспринимал бы как должное»¹²⁹⁹.

Помощники султанам-правителям назначались по ходатайству правителя части. Первоначально ими являлись султаны, т.е. чингизиды, позже они могли быть назначены и из «черной кости», но из числа самых авторитетных правителей, биев и т.д. Для этой категории также была составлена инструкция. Они были обязаны: а) исполнять поручения не только султанов-правителей, но и «предписания пограничного начальства, если оно в каких-либо случаях признает нужным сделать оные прямо на имя Ваше»; б) следить за спокойствием и внушать населению, что виновные «не только сами строго будут преследуемы и наказуемы, но и ордынцев своих и кочующих с ними в одних аулах будут подвергать ответственности»; в) задерживать и доставлять «злодеев» к ближайшему линейному начальнику; г) разбирать ссоры по мелким делам, а по уголовным делам препровождать в Пограничную комиссию¹³⁰⁰.

Для формирования образа империи, как могущественного и сильного государства в глазах кочевников, а в первую очередь в глазах казахской администрации – султанов-правителей, предлагалась целая система мероприятий, среди которых было посещение столицы и знакомство с ее блеском. Казахские делегации вызывались в Москву и Петербург во время коронации императора, их поездки приурочивались к военным победам империи, торжественным датам и т.д.

Впервые представители казахской делегации присутствовали на коронации Николая I в 1826 году. Возглавлял делегацию хан Внутренней Орды Джангир Букеев, в составе были его супруга (ханша Фатима – И.Г.) и ее мать, было

¹²⁹⁸ Там же. Л. 107.

¹²⁹⁹ Там же.

¹³⁰⁰ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 276–277.

несколько султанов и биев, также султан Среднего жуза Сартай¹³⁰¹. Они не участвовали в церемониальном шествии в день коронавания, но были расположены в «лучших местах», откуда могли видеть все торжество. После торжества они были приглашены на празднества при Дворе. Хан присутствовал со своей свитой при маневрах и смотрах¹³⁰².

Джангир хан был представлен со свитой 1 августа в Чудов монастыре Николаю Павловичу. Хорошее знание русского языка позволило хану лично беседовать с императором Николаем Павловичем. 2 августа хан со свитой были представлены императрице Марии Федоровне в Кремлевском дворце. 13 августа хан и супруга посетили Оружейную палату. 18 августа хан был на маневрах. 21 августа Джангир хан и его свита были представлены великой княгине Елене Павловне. 22 августа Джангир хан и ханша Фатима и казахская депутация были при коронации императора.

После отмены ханской власти в 1822 г. в Среднем, а в 1824 г. в Младшем жузах казахские депутации пытались в Петербурге лично от императора получить высочайшие грамоты, которые бы гарантировали права казахского народа. Прибывшая в 1830 г. в Петербург казахская депутация Среднего жуза предъявила «особые требования: 1) возведение старших султанов-правителей в ханское достоинство; 2) оставление в противном случае звания старших султанов наследственным в роде, ныне облеченных оным султанов: Турсуна Чингизова и Аблая Аббасова, и 3) присвоение княжеского достоинства всем султанам, происходящим от родов Вали хана и Букей хана»¹³⁰³.

Султаны-правители Западной и Восточной части Зауральской Орды также были в столице, поднимая разные злободневные вопросы перед высшими сановниками. В 1847 г. Б. Айшуаков и зимой 1849–1850 г. А. Джантюрин, возглавив казахские депутации, были на аудиенции императора.

¹³⁰¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1858 год. Д. 243. Л. 4.

¹³⁰² Там же. Л. 4.

¹³⁰³ Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 136.

Султаны-правители имели ставки – центры того пространства, где кочевали им подвластные племена и роды, но они не были постоянными. Постоянное изменение места выбора ставок способствовало назначению ОПК и военным губернатором в 1847 г. постоянных мест. Ставка султана-правителя Западной части находилась против Затонной, Средней части – против форпоста Изобильной, Восточной части – против Усть-Уйской крепости¹³⁰⁴. 1 января 1866 года ставка султана-правителя Западной части была перенесена в Илецкий городок¹³⁰⁵. [Приложение № 6].

Близкое расположение ставок к линии и относительно друг к другу, а следовательно, и отряда казаков, выделенных для султанов-правителей, приводило к тому, что определенная часть Степи оставалась без контроля со стороны правителей. Так, например, очень близко были расположены ставки султана-правителя Западной и Средней частей, тогда как ставка султана-правителя Восточной части была удалена от них на весьма большое пространство. Еще ряд обстоятельств (устройство новой Оренбургской линии и заселение пространства между Новой и Старой линией, возведение в Степи новых укреплений по рекам Ирғиз и Турғай) требовали пересмотра и перемещения ставок султанов-правителей¹³⁰⁶.

Были рассмотрены варианты перемещения ставки султана-правителя Восточной части в Николаевскую станицу, а правителя Средней части – к Орской крепости¹³⁰⁷. Перемещение ставки последнего, по доводам Пограничной комиссии, привело бы отдалению султана-правителя от той части казахов, которые кочевали у границ с Западной частью, а это было чревато возникновением беспорядков у границ двух частей. Перемещение султана-правителя Восточной части против Николаевской станицы рассматривалось неудобным как для кочевания правителя, так и должностных лиц и большого числа аулов, располагавшихся обычно при ставке. Географическое расположение

¹³⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 162.

¹³⁰⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4413. Л. 127.

¹³⁰⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40 об.

¹³⁰⁷ Там же. Л. 41. Забегая вперед, скажем, что ставка первого султана-правителя Средней части находилась против Орской крепости.

данной станицы также рассматривалась против нее. От Николаевской станицы на юг шла голая степь, где ни один аул никогда не зимовал и не мог зимовать. Река Тобол в этих местах была довольно узкой, поэтому казахи изредка пускали здесь на тебеневку баранов. Далее до Тургая, и Николаевской до Константиновской станицы не существовало ни одной зимовки. По р. Аят, на которой находилась станица Николаевская, с левой стороны местами был небольшой лес, а с правой голая степь¹³⁰⁸. Это все вызывало неудобства для расположения здесь ставки правителя части.

Таким образом, географическое расположение ставок, дальность от кочующих казахов, голая степь и т.д. были главными мотивами перемещения ставок султанов-правителей.

Для чиновников султанов-правителей были построены казенные дома. Этот вопрос был поднят султаном-правителем Западной части Б. Айшуаковым в период его пребывания в Петербурге. Он просил МИД дать ему разрешение на строительство дома близ линии, а также отвести для этого земли и выдать пособие. МИД рассмотрел просьбу, но не удовлетворил ее в связи с правилами «не отводить киргизам земель в собственность», представил доклад императору о строительстве казенных домов для султанов-правителей частей¹³⁰⁹.

В данном докладе предлагалось построить дома для трех султанов-правителей, но с тем условием, что эти дома не передавались в их собственность, а были бы им служебным зимним помещением. При отставке султана-правителя по любым причинам или же его смерти в дом переезжал бы его преемник. Строительство деревянного дома предполагалось вести за счет кибиточного налога. Предлагалось приступить к строительству постепенно, начав строительство дома для султана-правителя Западной части Б. Айшуакова как самого старшего из султанов, затем уже предлагалось построить для двух других¹³¹⁰.

---

¹³⁰⁸ Там же. Л. 41–41 об.

¹³⁰⁹ Там же. Л. 66.

¹³¹⁰ Там же. Л. 66 об.

Император одобрил предложение, но требовал: 1) определить, в каком именно месте при линии можно построить дом для султана-правителя Западной части дом; 2) Выяснить, сколько нужно отвести земли для дома и хозяйственных построек, наблюдая при этом, «чтобы во всем было приличное и удобное для султана помещение, и чтобы отведенное пространство было ясно отмежевано и отделено от других земель; 3) Сделать смету.

После получения ответов на эти вопросы и рассмотрения их в МИД можно было приступать к строительству¹³¹¹. МИД поручил изучить данные вопросы оренбургскому военному губернатору.

Определение места и земли для строительства казенных домов было поручено военным губернатором ОПК, а составление сметы и плана дома – начальнику инженеров Оренбургского корпуса генерал-майору Зейдлицу¹³¹².

ОПК составила план строительства дома для султана-правителя Западной части в следующем виде: «А) дом для султана-правителя с семейством; В) флигель для его помощника; С) другой флигель для письмоводителя, писца и канцелярии султана-правителя; Д) казарма 20 казакам с цейхгаузом и кухней; Е) амбар и кладовая; F) навес для экипажей и 50 лошадей, и для сена; D) баня; кругом же всех строений вал со рвом, вместо забора, для защиты зимою от буранов, а весною от степных палов, с двумя воротами»¹³¹³.

Но в 1847 г. скончался инициатор строительства дома султан-правитель Западной части Б. Айшуаков. В связи с этим было решено начать строительство казенного дома для султана-правителя Восточной части А. Джантюрина. В апреле 1847 года Ахмет Джантюрин обращался к военному губернатору с просьбой построить дом близ Усть-Уйской станицы, на урочище Умуртай¹³¹⁴.

Интересная история при желании строительства дома произошла с исправляющим должность султана-правителя Восточной части Мухаммедом Джантюриным. В 1854 году он обратился к начальнику штаба Оренбургского

¹³¹¹ Там же. Л. 66 об; РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1847 год. Д. 3. Л. 4–4 об.

¹³¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 67.

¹³¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1847 год. Д. 3. Л. 5.

¹³¹⁴ Там же. Л. 5.

казацкого войска о пропуске 10 крестьян Вятской губернии для постройки ему дома. Это вызвало интерес со стороны оренбургских властей. В связи с тем, что никакого разрешения на строительство дома не поступало в канцелярию военного губернатора, и не было ясно, на каком месте он собирался строить дом и по какому плану, Пограничная комиссия потребовала разъяснения ситуации у М. Джантюрина. Исправляющий должность султана-правителя объяснив, что весной из-за сильного разлива были разрушены дома и землянки в ставке, которая находилась в 25 верстах на р. Тобол, хотел сам построить небольшой дом на том же месте, где он раньше и стоял без разрешения. Собирался он построить 4-комнатный дом, где зимой расположились бы здесь письмоводитель и вся канцелярия. Вызов 10 рабочих крестьян был основан на разрешении Пограничной комиссии, «если султаны-правители встретили нужду в некоторых казаках для исправления домашних у себя потребностей, то на это могут благовременно испрашивать разрешения главного начальства, но так как нельзя было приискать казаков для означенной постройки, то и решился исходатайствовать для выиграния времени, чрез казацье начальство, о пропуске вместо их крестьян»¹³¹⁵.

Итак, строительство домов находилось под пристальным вниманием оренбургского начальства, учитывалось, что нельзя строить дома близ линии. Земля не выдавалась в собственность казакам. Даже ремонт дома должен быть согласован с начальством.

Далее мы рассмотрим проблему привлечения казахских Чингизидов к российской службе, изучим вопрос, как меняется роль и статус Чингизидов Младшего жуза в связи с изменением функций государственных систем, как индивид становится субъектом политической деятельности. Проанализируем службу всех султанов-правителей трех частей Орды по реализации региональной политики имперской администрации и изучим биографические данные казахских чиновников – султанов-правителей из среды Чингизидов. Выдвинув гипотезу, что первый султан-правитель Каратай Нуралиев отождествлял свою должность с

---

¹³¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 159 об.

властью хана, но измененной в сложившейся исторической ситуации, постараемся ее доказать.

4.1.1 Западная часть Зауральской Орды и ее правители (1824–1867)

Обсуждавшийся в правительстве с начала XIX в. вопрос об административно-территориальном устройстве и управления казахским социумом нашел свое решение в реформе 1824 года. Так как казахи являлись юридически подданными Российской империи, то это давало ей право «с важными обоюдными выгодами как для России, так и для киргиз-кайсаков (казахи – Г.И.) по действительному праву, увеличить влияние Российского правительства на дела во внутренности занимаемых киргизских земель»¹³¹⁶. Как указывалось ранее, законодательное закрепление внутреннего устройства казахской степи Младшего жуза и административных порядков было регламентировано «Утвержденным мнением Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 г. По данной реформе территория Младшего жуза была разделена на две части, и та часть казахов Среднего жуза, которая перешла под управление начальников Оренбургского края, составила третью.

Как отмечал А. Каппелер, «ключевым элементом прагматической линии в политике в отношении к нерусским народам империи было сотрудничество с нерусскими элитами периферий. Им обычно были гарантированы их статус-кво, привилегии, имущество и вера. В ответ на это они должны были обеспечить порядок в своих регионах, особенно покорность нерусских масс»¹³¹⁷.

Если опорой самодержавия в центральных губерниях Российской империи было дворянство, то на окраине оно нашло ее в лице Чингизидов. В свою очередь Чингизиды в изменившихся условиях искали поддержку своей власти в имперской администрации.

---

¹³¹⁶ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 319. Л. 8 об.

¹³¹⁷ Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI – XIX вв. (краткий обзор проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV – сер. XIX в. Международная конференция – Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. М., 1994. Ч. 2. С. 215.

1 августа 1824 г. султаном-правителем Западной части был назначен известный российской администрации «буйным» характером Каратай Нуралиев (ок. 1746/1747–1826)¹³¹⁸. [Приложение № 7]. По желанию султана Каратай оренбургский военный губернатор назначил помощником Шингали Орманова. Шингалий был сыном председателя ханского совета Ормана¹³¹⁹, внуком хана Нуралы, правнуком хана Абулхаира.

Главной функцией помощников было подчинение правителю части, исполнение всех его требований на основе решений Пограничной комиссии, но самое главное – сохранение спокойствия в Степи. За свою деятельность они награждались подарками региональной администрации. О его власти в Степи сообщал знаток казахского общества А.И. Левшин: «Второй (имеется в виду Каратай – Г.И.) почитается главою всех 12 родов Байулинских, не объявляя себя самовластным повелителем их и уступая первенство хану, которой взаимно уважает его как старшего брата двоюродного и боится как человека опасного по силе и уму»¹³²⁰. По характеристике И.М. Казанцева, он «имел наружность незавидную, грамот не знал, но бумаги к начальству диктовал письмоводителю сам. Характера был решительного, гордого, но справедливого и предприимчивого»¹³²¹.

После утверждения в должности султанов-правителей каждому из них были вручены символические знаки власти. «Каждый правитель части при возведении их в это достоинство получил от оренбургского военного губернатора графа Эссена грамоту, знамя с императорским гербом и золотую саблю, высланную МИД»¹³²².

¹³¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 273.

¹³¹⁹ Орман (в источниках Урман) – сын хана Нуралы. Управлял казахами рода байбакты. В октябре 1805 г. при поддержке хана Жанторе был назначен председателем Ханского совета. В 1806 г. ОПК прекратила выдачу жалованья ему в связи с его конфликтом с ханом. Орман – один из инициаторов убийства хана Жанторе. 11 марта 1810 г. судом Оренбургской Пограничной комиссии приговорен к лишению султанского звания и ссылке в Иркутскую губернию, которая была заменена заключением в крепости в Санкт-Петербурге, где и умер в декабре 1813 г.

¹³²⁰ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. IV. Л. 437.

¹³²¹ Казанцев И. М. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867. С. 75.

¹³²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 5.

Султанам-правителям было назначено жалованье по 100 руб. серебром в месяц и 60 кулей ржаной муки в год¹³²³.

Западная часть прилегала к Каспийскому морю и отделялась от Средней части чертой проходившей от Илецкого городка через реку Темир к Аральскому морю [Приложение 15]. На данной территории располагались кочевья племен поколения Байулы: маскар, алаша, кызылкурт, тана, батак-байбакты, ысык, серкес, адай, бериш, есентемир, таз, уак (перешедшее из Среднего жуза), поколения Жетыру: табын, тама, кердеры, подотделения поколения Алимұлы аккете, ожырай кете, шурен¹³²⁴.

Каратай Нуралиев с 1824 по 1826 гг. находился летом по р. Калдыгайты, Булдурты и Илеку, а зимой против крепости Калмыковской¹³²⁵. Для оказания помощи султану-правителю был назначен казачий отряд, который вначале содержался в Калмыковской крепости из казаков Уральского войска¹³²⁶. При Баймухаммеде Айшуакове ставка была перемещена в Затонскую крепость¹³²⁷.

К моменту своего назначения Каратай был в глубоком возрасте, но он старался выполнять все распоряжения начальства. Весной 1825 года султан Каратай с отрядом подполковника Щапова участвовал в разгроме казахских аулов рода табын. Они, стесненные в своих кочевьях учреждением Ново-Илецкой линии, под предводительством Жоламана Тленши выступили против политики Российской империи¹³²⁸.

При Каратае Нуралиеве находился письмоводителем и муллой башкир 9 кантона Абубакир Кунгурбаев. С 1821 г. в чине пятидесятника он служил у Каратая¹³²⁹.

ОПК согласно правилам выдавала казахам определенное количество илецкой соли, и для уточнения численности населения начала сбор сведений о числе кибиток кочевников. Несмотря на все старания председателя ОПК

¹³²³ Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 209.

¹³²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 321.

¹³²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 39 об.

¹³²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 29, 60.

¹³²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹³²⁸ Материалы по истории КазССР (1785–1828). Т. 4. С. 491–492.

¹³²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2246. Л. 42 об.

Г.Ф. Генса, не удалось приобрести точные данные о числе подведомственных казахов. К концу 20-х годов эти сведения были неполны и неточны. Для достижения этой цели Г.Ф. Генс отправил всем султанам-правителям распоряжение об уточнении численности населения, находящегося под их управлением, требовал списки, по которым потом собирался делать раскладку. Без их содействия казахам не отпускалась соль¹³³⁰. В результате были получены сведения. Так, в Средней части к 1825 г. кочевало 21000 кибиток, а в Западной в 1828 г. было 77700 кибиток¹³³¹. По данным ОПК, в 1843 г. в последней кочевало 76000 кибиток¹³³².

24 марта 1825 г. военный губернатор П.К. Эссен обратил внимание на приложенную печать в письме султана-правителя Каратая, которая содержала надпись: «Хан Каратай сын Нуралиханов». Оказалось, что это не единственный случай. Оренбургский военный губернатор срочно потребовал от султана переписать письма и сообщил, что назначение ханов – это прерогатива правительства¹³³³. П.К. Эссен сообщал султану-правителю, что он не может именовать себя ханом, «самопроизвольным званием», так как он назначен султаном-правителем Западной части¹³³⁴. Оренбургский военный губернатор рассматривал этот факт как «недоразумение, нежели прямое намерение». В то же время П.К. Эссен сообщал в ОПК о получении двух донесений от Каратая Нуралиева, где были приложены печати, несоответствующие его званию¹³³⁵.

В 1826 г. в следующем письме в Пограничную комиссию П.К. Эссен, рассуждая об уничтоженной уже печати, писал: «Отнес я к недоразумению, произошедшему от того, что не было дано султанам-правителям от начальства надлежащих печатей». В скором времени по приказу оренбургского военного губернатора были изготовлены две печати с изображением полного имени и

¹³³⁰ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 46.

¹³³¹ Там же. С. 46.

¹³³² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 1 об.

¹³³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3247. Л. 3–3 об.

¹³³⁴ Там же. Л. 3 об.

¹³³⁵ Там же. Л. 14.

статуса султана на русском и татарском языках. Одну такую позолоченную печать получил Каратай Нуралиев¹³³⁶.

П.К. Эссен сообщал главе ведомства иностранных дел К.В. Нессельроде о роли и форме печатей у казахских султанов и старшин, указывая, что форма печати является отличительной частью их званий и показывает статус его хозяина. Наряду с этим золотые и серебряные печати султанов и старшин служили наградой за их усердную службу¹³³⁷. По степным законам казахов султаны имели печати, где один угол кверху острый, а продолженные бока его книзу сходятся и образуют полукруг, т.е. имели каплевидную форму¹³³⁸. Четырехугольные, круглые, овальные печати имели старшины. Султаны никогда не прикладывали к своим бумагам печати вышеперечисленных форм, считая это неприличным. В случае если султан не имел печать, то ставил тамгу. В свою очередь представители других слоев общества не могли использовать печати, форма которых была схожей с Чингизидской¹³³⁹.

Таким образом, каплевидная форма печати казахских ханов и султанов наглядно показывала, что обладатель этой печати имеет высокий статус, принадлежит к правящей верхушке казахского общества, имеет особые привилегии и статус в сфере политического управления казахским социумом.

Факт использования печати с надписью «хан» наталкивает нас на мысль, что султан-правитель Каратай рассматривал свою власть в определенной части Младшего жуза как ханскую, но уже измененную с требованиями жизни. Во-первых, начиная с его отца хана Нуралы, высшая власть в Степи назначалась российской администрацией. Во-вторых, отправляя письма оренбургской администрации с данной печатью, он уже легитимизировал свою власть перед ней. Казахстанский ученый И.В. Ерофеева, исследуя металлические печати казахских ханов, пришла к выводу, что они были главным знаковым символом традиционной казахской государственности. Эти удостоверительные знаки

¹³³⁶ Там же. Л. 18.

¹³³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 116. Л. 1.

¹³³⁸ Определение И.В. Ерофеевой.

¹³³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 116. Д. 116. Л. 1 об.

употреблялись казахскими правителями для заверения различных актов документов внутреннего пользования и международных договоров¹³⁴⁰. В-третьих, сам П.К. Эссен воспринял данную печать как символ власти Каратая и сделал замечание. В-четвертых, «Содержательным ядром каждой персональной ханской или султанской печати являлось текстовое обозначение личности ее владельца, состоявшее из имени и титула последнего. Присутствие данного компонента в удостоверительной надписи, состоявшего, в свою очередь, из двух удостоверительных знаков: собственного имени владельца и его легитимного титула, признаваемого как внутри, так и за пределами Казахской степи, было обязательным для всех представителей правящей чингизидской династии. Собственное имя обозначенного в печати правителя непременно упоминалось в сочетании с его общепринятым статусным рангом или титулом. Таковыми были высший титул у казахов – «хан»», – отмечает И. В. Ерофеева¹³⁴¹. В нашем случае, в печати Каратая четко указан его статус – хан. И еще один факт, учитывая, что еще при жизни Нуралы хан назначил его правителем поколения Байулы, а теперь по реформе 1824 г. это поколение находилось под его управлением, Каратай считал себя ханом этой части Младшего жуза. В-шестых, Каратай уже был признан ранее ханом некоторыми родами и племенами казахов. Как говорилось ранее, в 1806 г. на курултае его признали ханом большинство родов Байулы и Жетыру. До 1823 г. он распространял свою власть на них, но был не признан российской администрацией. В-седьмых, для казахской Степи было характерно правление в одно и то же время нескольких ханов, по моему мнению, и это тоже дало ему повод не усомниться в своей власти.

И, наконец, он прошел церемониал возведения в должность, который был схож с церемониалом при назначении казахских ханов. В зале хан, в нашем случае султан, становился на колени на раскинутом ковре, текст присяги читался при ахуне, и хан приводился к присяге. Эта же процедура была проведена при назначении султанов-правителей в присутствии военного губернатора и всех

---

¹³⁴⁰ Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (позднее Средневековье и Новое время). Алматы, 2001. С. 5.

¹³⁴¹ Она же. С. 21.

чиновников. После произношения присяги хан, в нашем случае султан-правитель, принимал Высочайшую грамоту и саблю. Затем давали праздничный обед у военного губернатора. Схожесть процедуры возведения в ханы с возведением в султаны-правители, видимо, тоже подтолкнула его к созданию печати с званием «Хан».

Таким образом, султан Каратай Нуралиев свое назначение в Западной части Младшего жуза воспринял как высшую, т.е. ханскую власть над определенной частью, на определенной территории, но трансформированную в условиях нового времени. И поэтому он использовал сохранившуюся в традиционном обществе символ власти – каплевидную печать с его именем и статусом. П.К. Эссен отмечал, что одной из недоработок во время назначения султанов-правителей было то, что не были изготовлены печати для них.

8 июня 1826 года по болезни и старости скончался султан Каратай Нуралиев. П.К. Эссен, характеризуя данного султана-правителя, как отличившегося «деятельностью к пользе народной и усердием правительству», сообщал графу К.В. Нессельроде, что временно управление Западной частью возложено на помощника султана-правителя Шингалия Орманова¹³⁴². Еще в ноябре 1825 года за усердие к службе султан Ш. Орманов был представлен оренбургским военным губернатором к награждению золотой медалью для ношения на шее¹³⁴³.

В январе 1827 г. оренбургский военный губернатор сообщал в столицу, что пока не может назначить султана-правителя в Западной части, так как это невозможно сделать зимой. В это время года казахи «почти неподвижно остаются в кочевьях своих, а будет оно совершено летом сего года при собрании значительных людей Западной части»¹³⁴⁴.

23 августа 1827 г. Шингалий Орманов был утвержден в звании султана-правителя Западной части Младшего жуза. Был приведен к присяге и получил знамя с императорским гербом, золотую саблю и инструкцию, как и его

---

¹³⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 106.

¹³⁴³ Там же. Л. 113.

¹³⁴⁴ Там же. Л. 128.

предшественник¹³⁴⁵. Ставка Шингалия Орманова с 1827 по 1830 гг. летом находилась на р. Анкота около Черхальского озера¹³⁴⁶, а зимой против Каршинского форпоста¹³⁴⁷.

Султан Шингалий Орманов занимался выкупом пленных россиян из Хивы. Так, например, временно исполняя должность султана-правителя, в ноябре 1826 года отправил к хивинскому хану Аллакулу людей с просьбой о позволении ему выкупать россиян из Хивы, просил запретить хивинцам покупать пленных и возвращать тех казахов, которые привозили русских для продажи¹³⁴⁸.

В августе 1826 г. Шингали Орманов, собрав 3 тыс. казахов, взяв отряд из 500 казаков Уральского войска, с двумя орудиями выступил вглубь Степи для умирения беспокойных родов¹³⁴⁹.

Но уже в 1830 г. председатель ОПК Г.Ф. Генс сообщал, что не доволен службой данного султана-правителя и ставил вопрос о смене его старшим сыном Каратая – Иркенгалием¹³⁵⁰. Беспокойство, создаваемое действиями султана Каипгали Ишимова¹³⁵¹, «двусмысленное, подозрительное» поведение султана-правителя Шингали Орманова требовали скорейшего разрешения вопроса. В начале марта 1830 г. Шингали содействовал через посланного с деньгами в Оренбург племянника своего султана Токжана Мучагалиева побегу из тюрьмы султана Каипгали, содержавшегося там за вторичное подстрекательство казахов Внутренней Орды к переходу на внешнюю сторону¹³⁵².

Современники характеризовали Шингали как одного из наиболее «хищных» представителей фамилии хана Нуралы. «Он не только, как и другие султаны-правители, собирал в свою пользу зякет и другие поборы, не только

¹³⁴⁵ Там же. Л. 141, 142.

¹³⁴⁶ Речь об озере Шалкар (Челкар, Черхал, Чархал – в русских источниках XIX в.) на территории современной Западно-Казахстанской области.

¹³⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40; Каршинский форпост входил в состав Нижне-Яицкой линии.

¹³⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 1. Л. 129, 131.

¹³⁴⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1825 год. Д. 107. Л. 8.

¹³⁵⁰ 1830 г. июня 2. – Письмо председателя ОПК Г. Генса оренбургскому военному губернатору о домогательстве верхушки уральского казачества на земли казахов // КРО – 2. С. 240 – 241.

¹³⁵¹ Каипгали – сын хана Ишима, убитого Срымом Датовым. С его именем связаны крупные выступления казахов в 1827 и 1829 гг. в Букеевской Орде.

¹³⁵² Генс Г.Ф. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 1. Алматы, 2011. С. 85.

организовывал против казахов, не желавших ему покориться, карательные экспедиции, но довел казахов до того, что они, по словам старшины многочисленного рода адай, не могли иметь в Орде дорогих шуб, хороших лошадей и красивых верблюдов, так как все это Шингали отбирал в свою пользу»¹³⁵³. Его насилия побудили адаевцев отдалиться от России.

В октябре 1830 г. оренбургский военный губернатор П. Сухтелен предписал направиться председателю ОПК Г.Ф. Генсу вместе с командующим Уральским казачьим войском полковником Покатиловым, двумя или тремя уральскими чиновниками, чиновником МИД 9 класса Потаповым, тарханом Ныгыметуллой Фейзуллиным в Западную часть Орды. Он советовал также для скрытия настоящей цели поездки взять одного лекаря из Уральска, толмача и необходимых канцелярских служителей. Официальной причиной отправки председателя Пограничной комиссии в казахскую степь было ухудшение положения дел в этой части Младшего жуза, а казахам же предложено было объявить, что поездка это совершается, чтобы узнать положение в степи после холеры и наблюдения за допуском к линии для зимнего кочевания.

По прибытии к месту, против которого кочует Шингали Орманов, Г. Генсу нужно было вызвать его для встречи. Надлежало объяснить султану-правителю неприличность его поведения со времени побега Каипгали. Ему необходимо было объяснить также недовольство султанов дома Айшуака, внутренних казахов и главного начальника края, который может лишить его покровительства и отозвать отряд казаков, находящийся при нем¹³⁵⁴. Г.Ф. Генсу в случае раскаяния Ш. Орманова предлагалось совместными усилиями предпринять поход далее в степь для поимки Каипгали и его сторонников. В противном случае председатель ОПК был уполномочен задержать его. «Заставьте его самого объявить по Орде, что он идет для свидания со мною (П. Сухтелен – Г.И.) в Уральск, куда и отправить его

---

¹³⁵³ Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. Т.1. С древнейших времен до 1870 года. ОГИЗ. Госполитиздат, 1941. С. 243.

¹³⁵⁴ 1830 г. октябрь – Предписание оренбургского военного губернатора П. Сухтелена председателю ОПК о мерах борьбы с султаном К. Ишимовым // КРО – 2. С. 243 – 245.

за строгим присмотром в виде почетного конвоя», – писал оренбургский военный губернатор¹³⁵⁵.

В конечном счете Шингали был обвинен в сообщничестве с восставшим против политики империи Каипгали Ишимовым и арестован в 1830 г. Сослан в апреле 1831 года в Уфу, затем в конце 1832 г. по просьбе родственников отправлен во Внутреннюю (Букеевскую) Орду на поруки хану Жангиру и принимал активное участие в борьбе против Исатая Тайманова.

По мнению С.В. Горбуновой, «складывается впечатление, что Пограничная комиссия воспользовалась обвинением как предлогом, чтобы избавиться от султана, на которого скопилось множество жалоб от подведомственных ему казахов»¹³⁵⁶.

21 марта 1831 г. было сообщено оренбургскому военному губернатору П.П. Сухтелену о «Высочайше утвержденном заключении» Азиатского комитета. Ему доносили о назначении султаном-правителем Западной части Баймухаммеда Айшуакова (ок. 1790–1847) по выбору самого военного губернатора¹³⁵⁷. Согласно обрядам, установленным при назначении султанов-правителей, новый правитель получал инвеститурные знаки должности: знамя, саблю, грамоту. Из столицы передали золотую саблю с таким же шнуром в сафьяновом футляре, пергаментный лист для грамоты, а знамя части было вручено то, что в свое время было выдано Каратаю Нуралиеву¹³⁵⁸.

Как говорилось выше, султанов-правителей возводили на должность согласно церемониалу. Так, например, при назначении на должность Баймухаммеда Айшуакова оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен, ознакомившись с текстом проведения церемониала, присланным из Пограничной комиссии полковником Г.Ф. Генсом, утвердил ее с некоторыми изменениями¹³⁵⁹.

¹³⁵⁵ Там же. С. 244.

¹³⁵⁶ Горбунова С. В. Султаны-правители Младшего казахского жуза // Научные труды Нижневартковского госпединститута. Серия История. Вып. 1. Нижневартовск, 1999. С. 46.

¹³⁵⁷ В послужном списке Б. Айшуакова за апрель 1847 года указывается возраст 57 лет // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 76. В архивном деле, где идет речь о пребывании Баймухаммеда в столице, указывается возраст 60 лет // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6. Л. 20 об.

¹³⁵⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 1. Л. 160.

¹³⁵⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 303. Л. 4, 12.

2 октября 1831 г. султан Баймухаммед Айшуаков выехал из Озерского форпоста. Он планировал 5 октября быть уже в Оренбурге. Для приведения султана к присяге был вызван ахун¹³⁶⁰. 6 октября 1831 г. состоялось церемония возведения Баймухаммеда Айшуакова в должность с вручением инвеститурных знаков. Султан был приведен к присяге в доме оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена¹³⁶¹.

В послужном списке генерал-майора султана Баймухаммеда Айшуакова за апрель 1847 г. приводятся следующие данные: «назначен исправляющим должность правителя западной части оренбургских киргизов – 1830 г., ноября 25. Утвержден в должности правителя – 1831 г., сентября 1»¹³⁶².

Баймухаммед Айшуаков был уважаемым султаном в Степи и в оренбургской администрации. Он в 1841 г. сопровождал бухарскую и хивинскую миссию до р. Сырдарья. Сам султан, а также казахи, находившиеся при данной миссии, пребывали на собственном содержании без всяких пособий от правительства¹³⁶³. За время его отсутствия должность правителя части с 22 мая по 2 сентября 1841 г. исправлял его сын Мухамеджан Баймухамедов¹³⁶⁴. Баймухаммед Айшуаков знал «татарскую грамоту», читал и писал¹³⁶⁵. Понимал и отчасти говорил по-русски¹³⁶⁶. Он отдал трех своих сыновей для обучения в Неплюевский кадетский корпус. В 1837 г. Б. Айшуаков просил Пограничную комиссию отправить ему «Свод законов Российской империи» для глубокого его изучения. Данный вопрос получил положительное решение в Азиатском департаменте МИД. Были выделены деньги 150 руб. ассигнациями за полный свод законов и за переплет в корешке 35 руб. ассигнациями¹³⁶⁷.

Ф.М. Лазаревский высоко оценивал службу Баймухаммеда Айшуакова. Он писал, что в 1835 году во время разделения Младшего жуза на дистанции

¹³⁶⁰ Там же. Л. 11 – 11 об., 14.

¹³⁶¹ Там же. Л. 14, 16.

¹³⁶² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 77.

¹³⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 94.

¹³⁶⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 37.

¹³⁶⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 16 об.

¹³⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6. Л. 21.

¹³⁶⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1837 год. Д. 165. Л. 1, 3.

Баймухаммед Айчуваков назначил верных и достойных людей. Например, он назначил управляющим степными родами части: китинским (кете – Г.И.), уджраевским (ожырай – Г.И.), тазларским (таз – Г.И.), черкесским (серкеш – Г.И.), исыковым (ысык – Г.И.), исентемировским (есентемир – Г.И.) и даже адаевским есаула султана Асфендияра Сюгалина¹³⁶⁸. Данный султан был известен тем, что хорошо знал казахские обычаи и народное судопроизводство. Был прекрасным оратором, что высоко ценилось кочевниками¹³⁶⁹. Население подчиненной ему дистанции уважало его за справедливость.

«По отзыву самих киргизов (казахов – Г.И.), при Баймухаммеде было гораздо меньше беспорядков в степи, нежели после его смерти. Причину сего объясняют тем, что Баймухаммеда любили и боялись. Взаимные несогласия киргизы старались прекращать прежде, нежели узнавал о них Баймухаммед; иначе он строго взыскивал с виновных, а более серьезных преступников выдавал Пограничному начальству», – писал Ф. Лазаревский¹³⁷⁰. «Баймухаммет пользовался любовью и привязанностью ордынцев, которые называли его не иначе, как Байака (хороший и добрый отец)»¹³⁷¹. При Баймухаммеде род шумекти-табын (до 6 тыс. кибиток) состоял в составе Западной части Орды. Но после его смерти они не раз отправляли просьбу о переводе их под власть правителя Средней части и добились этого¹³⁷².

Зимой 1831 г. туркмены под нажимом хивинцев напали на аулы батыра рода адай Сугонкара, ограбили их и погнали на лед Каспийского моря. Они хотели заставить адаевцев заплатить зякет¹³⁷³ хивинскому хану. Сугонкара в то время не признавал власти ни Хивы, ни султана-правителя. Он, собрав с султаном Каип-Алием, батырами Кульбараком и другими 800 человек, бросился

¹³⁶⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 3 об.

¹³⁶⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 83.

¹³⁷⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 3 об.

¹³⁷¹ Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. СПб., 1867. С. 76.

¹³⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 2.

¹³⁷³ Зякет – подать, установленная Кораном и обязательная для всех мусульман, обладающих известным имуществом, приносящим доход. Со скота, например, полагался зякет при наличии не менее 5 голов верблюдов, 30 голов рогатого скота и 40 овец, в размере: с 5 верблюдов – 10 овец, с 30 голов рогатого скота – 1 теленок и с 40 овец – 1 овца // Материалы по истории КазССР. Т. IV. С. 496.

преследовать хивинцев, однако, потеряв половину своего ополчения, вынужден был бежать обратно.

Вследствие этого, увидев невозможность бороться с врагами собственными силами, он переходит под покровительство султана-правителя Баймухаммеда Айчувакова, но за ним последовала самая незначительная часть адаевских аулов, большее же число подчинилось Хиве¹³⁷⁴.

Частыми были нападения на аулы казахов и со стороны Коканда. В 1833 г. кокандцы ограбили аулы рода шумекей, угнали 800 верблюдов, 150 лошадей и 6000 баранов. Однако шумекеевцы, находившиеся под натиском Акмечетских беков, не повиновались влиянию Коканда.

30 июля 1834 г. казахи рода адай обратились к коллежскому асессору Карелину (в период открытия Ново-Александровского укрепления) с просьбами: 1) защитить их от Хивы; 2) старшины просили дать им особого начальника, который бы заведовал между заливами Мертвый Култук и Киндерли, а если можно, от первого на север, до устьев р. Эмбы. Они выдвигали кандидатуру султана Каипгали Ишимова, но просили на это совета и наставления¹³⁷⁵.

В. Перовский дал распоряжение Карелину воспользоваться их просьбой для «восстановления над ними зависящей от нас власти, как начало водворению между ними порядка». Кандидатура султана Каипгали как «человека малоспособного, и сверх того возмутителя, преступника, бежавшего из Оренбурга от заслуженного наказания», была отклонена¹³⁷⁶.

В поисках соответствующего лица военный губернатор поручил узнать, где находятся сыновья умершего хана Пирали Нуралиева, который был назначен в это звание российским государством и управлял как туркменами, кочевавшими около Мангышлака, так и казахами рода адай. Одного из его сыновей, по мнению В. Перовского, полезно было бы определить правителем новой приморской части оренбургских казахов. Это дало бы повод для России к сближению с туркменами

¹³⁷⁴ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 47.

¹³⁷⁵ 1843 г. июля 30. – Сообщение оренбургского военного губернатора В. Перовского директору Азиатского департамента МИД К. Родофиникину о просьбе казахов адаевского рода оказать им помощь в защите от Хивы // КРО – 2. С. 270.

¹³⁷⁶ Там же.

и возобновлению с ними отношений. Военный губернатор рассуждал, что если среди сыновей Пиралы не найдется способного и склонного действовать в интересах империи, то можно было дать ему наставления и даже наставника. Его чингизидское происхождение и то, что он потомок Пиралы, «должно было ему казаться естественным следствием его назначения»¹³⁷⁷.

В середине 30-х гг. Хива претендует на часть земель казахов. Проживавший в Калуге некоторое время вместе с Арынгазы султаном Юсуп – сын руководителя восстания 1783–1797 гг. Сырыма Датова, в 1836 году начал склонять казахов к принятию подданства Хивы и подчиниться Каипгали Ишимову, возведенного Хивой ханом казахов. Ему удалось принудить аулы откочевать далее от российских пределов на р. Уил, собрать зякет с казахов рода шекты¹³⁷⁸. Хива начала распространять свое влияние и на те казахские роды, которые постоянно кочевали вблизи линии.

В 1842 и 1843 гг. с казахов рода адай и шумешки-табын не смогли собрать положенный кибиточный сбор. Это объяснялось сильным влиянием Хивы, которая, отправив военные отряды, собирала зякет у казахов. Тогда ОПК объявила казахам рода адай, что если они не заплатят положенных за кочевание денег, то должны оставить навсегда земли, принадлежащих Западной части Орды. Но это не повлияло на суть дела. Кибиточный сбор со степных казахов Западной части с 1843 г. оказался менее 5000 руб. сер.¹³⁷⁹

Адаевцы были последним родом поколения Байулы, инкорпорированным в состав Российской империи. По сведениям Ф.М. Лазаревского, они затем составили особую 52 дистанцию, общее число кибиток составляло 43 тыс.¹³⁸⁰ По документам Пограничной комиссии, начальником данной дистанции был бий

¹³⁷⁷ 1742 г. ноября 18 – Донесение начальника Оренбургской комиссии И. Неплюева КИД о мерах, предпринятых в отношении хана Абулмамбета в связи с его намерением принять джунгарское подданство // КРО – 2. С. 271.

¹³⁷⁸ 1836 г. июня 20. – Письмо оренбургского военного губернатора В. Перовского директору Азиатского департамента К. Родофиникину о вмешательстве хивинского хана в дела казахов // КРО – 2. С. 276 – 277.

¹³⁷⁹ 1847 г. – Из отчета ОПК за 1847 год // КРО – 2. С. 347.

¹³⁸⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 3.

Есенжан Абызов, но почти все распоряжения начальства выполнял султан Асфендияр Сюгалин¹³⁸¹, так как адаевцы не признавали власти первого¹³⁸².

В 1828 г. председатель ОПК вошел с представлением оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену об определении в Младший жуз оспопрививателей из казахов. Были сделаны приглашения для обучения к данной работе, но казахи не проявили интерес. Тогда граф П.К. Эссен предложил Пограничной комиссии склонить находящихся в Орде письмоводителей и мулл, чтобы они прислали своих сыновей для обучения оспопрививанию.

Письмоводитель Западной части Орды Богданов изъявил желание обучить этому занятию своего брата Ахмеда. Мещеряк 5-го кантона А. Богданов был отправлен к оренбургскому уездному врачу. После окончания кратких курсов, получив рекомендацию врача, по предписанию П.К. Эссена Ахмед Богданов был отправлен 17 декабря 1829 г. в Орду¹³⁸³. После 8 лет службы оспопрививатель был уволен по собственному желанию.

Также выделялась определенная сумма на покупку лекарств для казахов. Так, например, в 1839 г. было выделено 1685 руб. 36 коп., а израсходовано 1449 руб. 1 коп.¹³⁸⁴. В 1840 году сумма расходов представляла 284 руб 49 3/7 коп.¹³⁸⁵, а в 1842 г. – 518 руб. 52 коп. сер.¹³⁸⁶

В 1844 году письмоводителем к султану-правителю Западной части направлен А. Субханкулов¹³⁸⁷. Во время правления П.П. Сухтелена были сделаны

¹³⁸¹ По формулярному списку за январь 1842 г. Асфендияру Сюгалину 35 лет, т.е. 1807 г.р. В службу вступил 17 июля 1832 г. Управлял казахами, кочующими по берегу Каспийского моря, т.е. бериш, серкеш, таз и др. В августе 1836 года произведен в хорунжие, 22 января 1839 г. – в сотники. В 1840 г. определен начальником 31 дистанции оренбургских казахов. 17 февраля 1842 г. произведен в есаулы. Грамоты и наук не знает // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 139.

¹³⁸² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 2 об.

¹³⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4620. Л. 2.

¹³⁸⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2052. Л. 17 – 17 об.

¹³⁸⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2217. Л. 20

¹³⁸⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2088. Л. 19.

¹³⁸⁷ Субханкулов Абдул-Кадыр Фейзуллинович (род. в 1818 г.) – из обер офицерских детей. После окончания Неплюевского училища в ноябре 1838 г. был направлен на службу в ОПК. В марте 1839 г. произведен в коллежские регистраторы. В 1841–1842 гг. находился при чиновнике МИД А.Т. Ларионове, командированном для разграничения земель между оренбургскими и сибирскими казахами // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 569.

попытки через султана-правителя Баймухаммеда Айчувакова прививать оспу казахам, но успех был ничтожен.

Султаны-правители выступали против отправления «летучих», т.е. карательных отрядов в Степь. В 1841 г. в ответ на совершение кражи у прилинейных жителей в Казахскую степь был выслан карательный отряд. Султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин доносил в ОПК, что данный отряд, прибыв в Каракумы, где кочевал род табын, разорил 17 аулов, затем, напав на аулы рода шомекей, разграбил 30 аулов. Жестокость отряда не знала предела: были убиты и сожжены старики, женщины и дети. «В этих аулах так беспощадно прибиты люди, что весьма незначительное число из них остались живыми и то спаслись кое-как бегством. По собранным мною сведениям, подвергшиеся этому несчастью киргизы никогда к линии не прикочевывали, а всегда находились близ Сыр-Дарьи», – сообщал султан-правитель¹³⁸⁸. Позже выяснилось, что эти казахские аулы не были причастны в нападении на прилинейных жителей. По сообщению Б. Айшуакова в ОПК, эта команда «без всякой пощады побила всех тех, кои могли ей встретиться в глаза. Из этой гибели спаслась самая малая часть, которая успела скрыться... в густом саксауле. Затем женский пол весь предан был ею позорному посрамлению... После этого всякого возраста их дети, до самых грудных, давно лишённые уже одним страхом всяких чувств, изрублены и сожжены в огонь, и кибитки их с имуществом, какое только они смогли взять с собою, обращены в пепел»¹³⁸⁹. Сообщая о таких ужасных действиях карательных отрядов, султан-правитель говорил об их жестокости, о том, что не всегда эти аулы были виновными в нападениях. Он призывал, как ранее и хан Шергазы Айшуаков, привлечению к ответственности начальников отрядов, допустивших такие нечеловеческие действия.

Б. Айшуаков поднимал вопрос о развитии хлебопашества у казахов, но военный губернатор придерживался убеждения, что хлебопашество

---

¹³⁸⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2003. Л. 3.

¹³⁸⁹ Там же. Л. 15.

несвойственно казахам, но в то же время не позволял казакам распахивать земли за Уралом, считая их собственностью киргизского народа»¹³⁹⁰.

В 1837 г. при В.А. Перовском был учрежден денежный сбор с кибитки по 1 руб. 50 коп. серебром¹³⁹¹. Сбор этот был учрежден «взамен покровительства, оказываемого киргизам (казахам – Г.И.) в продолжение зимней тебеневки их по линии и аманатов, которые брались от них на это время»¹³⁹². Это был один из сложных вопросов. Казахи, отказывались платить подать, откочевывали в дальние районы или даже убивали сборщиков. Так, например, сборщик государственной подати Хаджисамай Ханходжин во время исполнения служебных обязанностей в 1847 г. был убит в роде таз¹³⁹³.

В период Хивинского похода (1839–1840 гг.) В.А. Перовского Западная часть Орды отличилась четкостью действий султана-правителя. В этот период казахи данной части поставили большое число верблюдов для экспедиции, некоторые казахи выступили жожаками. К отряду В.А. Перовского присоединился также султан Баймухаммед Айшуаков¹³⁹⁴.

В.А. Перовский в «Отчете по управлению киргизским краем» за 1839 год сообщал, что «султаны-правители в течение 1839 года старались сколько обстоятельства Орды позволяли оказывать свое усердие, исполняя посылаемые к ним от пограничного начальства предписания, особенно из них отличается деятельностью и усердием правитель Западной части Орды султан Баймухаммед Айшуваков»¹³⁹⁵.

Сбор кибиточной подати требовал уточнения точного количества населения степи. Чиновники ОПК собирали сведения о населении через султанов-правителей. В 1841 г. по данным ОПК в Оренбургском ведомстве не было определено точное количество населения. Но, по предположениям, оно

¹³⁹⁰ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 49.

¹³⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4903. Л. 47.

¹³⁹² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 53.

¹³⁹³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5027. Л. 20.

¹³⁹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4903. Л. 51 об.

¹³⁹⁵ Там же. Л. 39.

составляло примерно 200 тыс. кибиток, т.е. примерно 1000000 чел.¹³⁹⁶. К 1843 году Западная часть охватывала территорию с населением 76 тыс. кибиток¹³⁹⁷.

В начале 1845 г. султан-правитель согласно предписанию Пограничной комиссии представил две кандидатуры для назначения одного из них себе в помощники. Это были есаул Мухамед-Галий Тяукин и начальник 8-й дистанции сотник Мухамеджан Айшуаков (в поздних документах Баймухамедов – Г.И.). Председатель ОПК М.В. Ладыженский остановился на кандидатуре «оказавшего более услуг» М. Тяукина¹³⁹⁸. М. Тяукин в то время кочевал вместе с отцом надворным советником Тауке Айшуаковым¹³⁹⁹. Мухамед-Галия характеризовали как человека миролюбивого и мягкого характера¹⁴⁰⁰.

В 1846 году в Казахской степи был вице-директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов¹⁴⁰¹. Полковник Б. Айшуаков сообщил посетившему казахскую степь вице-директору о желании увидеть столицу и представиться императору. Об этом было сообщено в МИД и уже 7 декабря 1846 г. император Николай I разрешил приезд в столицу казахской депутации во главе

¹³⁹⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 1–1 об.

¹³⁹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹³⁹⁸ ГАОО. Ф. Оп. 10. Д. 5574. Л. 1–1 об.

¹³⁹⁹ Султан Тауке (Тяуке) Айшуаков был заседателем в Пограничной комиссии с апреля 1810 по июль 1817 года, а в 1808 году за усердную службу и за разные заслуги произведен в надворные советники. В 1814 и 1815 гг. доставил на линию разного сословия 20 человек. В 1823 году за отыскание угнанного с линии в разное время скота награжден золотой именной печатью. В 1830 г. за содействие взысканию с казахов 6 тыс. руб. и 108 лошадей на удовлетворение претензий прилинейных жителей награжден сукном на кафтан с золотым голуном. В том же году за оказание усердия во время карантинного оцепления бухарско-хивинского каравана награжден золотой медалью на анненской ленте. С 1830 г. управлял 9-й дистанцией. В конце сентября 1845 года умер от преклонных лет и болезни.

Т. Айшуаков имел три жены. В 1845 году Алтын было 49 лет, Жансае – 47 и Акжан – 22 года. После смерти у султана остались восемь сыновей: Мухамед-Галию – 32 года, Мухамед-Хасану – 23, Мухамеду – 18, Исалию – 12, Исенгалия – 11, Сулейману – 5, Сагиту – 3, Джумагалию 1 год и дочь Алтын 8 лет. По ходатайству генерал-адъютанта В.А. Перовского, с 6 марта 1839 года награжден пожизненной пенсией по 100 руб. сер. в год // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 113, 120.

¹⁴⁰⁰ ГАОО. Ф. Оп. 10. Д. 5574. Л. 2 об.

¹⁴⁰¹ Любимов Николай Иванович – вице-директор Азиатского департамента МИД, действительный статский советник. В конце весны в начале июня 1846 года совершил поездку от Оренбурга до Илецкого городка, через Илецкую защиту, проехал по территории Западной части Младшего жуза казахов. Лично встречался с султаном-правителем Б. Айшуаковым. 25 июня 1846 г. в Петербурге представил управляющему МИД Л.Г. Сенявину записку. «Докладная записка чиновника Любимова управляющему МИД относительно некоторых вопросов государственного управления у казахов Оренбургского ведомства» является результатом его поездки. Л.Г. Сенявин отправил копию с этого документа председателю ОПК М.В. Ладыженскому. На страницах «Материалов по истории политического строя Казахстана» приведены «Докладная», ответ на нее М.В. Ладыженского // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 220–233.

В данном источнике на С. 226, 233, 245 ошибочно приведены инициалы Любимова.

с султаном-правителем Б. Айшуаковым¹⁴⁰². С 20 января по 10 февраля 1847 г. казахская депутация находилась в Санкт-Петербурге и на их содержание было выделено 352 руб. сер.¹⁴⁰³. Каждому члену депутации давали характеристику. О службе Б. Айшуакова сообщали, что он «усердием выполняет все предначертания правительства, облегчая своею благоразумною распорядительностью всякие действия наши по управлению киргизами (казахами – Г.И.)»¹⁴⁰⁴. Также было высоко оценено усердие Б. Айшуакова при образовании на Мангышлаке в 1846 г. Новопетровского укрепления. В разное время его стараниями было освобождено до 60 русских подданных от казахов и из хивинского плена¹⁴⁰⁵.

В составе делегации были будущие султаны-правители: Мухамедгалий Тяукин (Западная часть), сын Баймухаммеда – Мухамеджан Баймухаммедов (Средняя часть). Баймухаммед Айшуаков и члены его делегации были представлены императору Николаю I. Ему был пожалован чин генерал-майора¹⁴⁰⁶.

Во время пребывания в столице султан-правитель поднял вопрос о строительстве ему дома. Эта проблема была не новая. Вопрос строительства домов для назначенных трех султанов-правителей был поднят еще на заседании «Комитета, учрежденного для разделения Орды оренбургских киргизов». Вопрос о строительстве домов для ханов поднимался еще в XVIII в. Так, например, для Нуралы хана планировалось строительство дома на р. Эмба. При утверждении султана Есима ханом в Оренбурге было решено построить дом в окрестностях озера Тайсуган-Каракуль, лежащего недалеко от Нижнеуральской линии.

Возвращаясь из Петербурга 30 марта 1847 г. при переправе через реку Илек близ Затонного форпоста, Баймухаммед Айшуаков¹⁴⁰⁷ утонул, удалось спасти его сына и других членов депутации.

¹⁴⁰² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6. Л. 1, 3.

¹⁴⁰³ Там же. Л. 10 об.

¹⁴⁰⁴ Там же. Л. 14.

¹⁴⁰⁵ Там же. Л. 19.

¹⁴⁰⁶ Там же. Л. 22.

¹⁴⁰⁷ В формулярном списке за 1837 год содержатся нижеследующие сведения о его семье: «Имеет трех жен: первая Ханча Тан-Ярыкова, вторая Чулпан Перимова и третья Халифа Табулдина; сыновей: Мухамеджана 21 года, Давлет-Галия 19 лет, Рынгалия 16 лет, Кулмухаммеда 13 лет, Досмухаммеда 11 лет,

Неожиданная смерть Баймухаммеда Айшуакова поставила перед оренбургской администрацией вопрос выбора на должность султана-правителя. В апреле 1847 г. рассматривались кандидатуры близких умершему султану людей: сына Мухамеджана Баймухаммедова и помощника Мухамед-Галия Тяукина. Председатель ОПК М.В. Ладыженский предложил кандидатуру Мухамеджана Баймухаммедова, как доказавшего свою верность империи в нескольких случаях. Отозвался о нем как о чиновнике, который преимущественно достоин перед другими Чингизидами. В то же время было обращено внимание и на М. Тяукина. Он во время отсутствия или болезни Баймухаммеда Айшуакова всегда управлял делами Западной части. Чингизид, войсковой старшина М. Тяукин уже в течение двух лет являясь помощником султана-правителя, был также хорошо знаком с делопроизводством¹⁴⁰⁸. Как отмечали в канцелярии оренбургского военного губернатора, по «своим качествам может вполне соответствовать этому назначению»¹⁴⁰⁹. Выбор был остановлен на второй кандидатуре.

Мухамед-Галий Тяукин (Мухамедгали, Мухамедкали, прим. 1813–1894)¹⁴¹⁰ внук хана Айшуака, сын начальника 9 дистанции, бывшего надворного советника султана Тяуке Айшуакова. Кочевал летом при р. Утва и вершинах Булдурты, а зимой – против Сухореченского форпоста. Умел писать и читать по-русски и по-татарски (письменный литературный язык тюрки использовался с XIII по начало XX в.). Поступил на службу в должность помощника султана-правителя Западной части 17 января 1845 г.¹⁴¹¹. В апреле 1847 г. Мухамед-Галий был назначен

Юсуфа 4 лет, Джангира 2 лет, дочерей: Гакыл 26 лет, Юпар 20 лет, Зулейху 18 лет, Джанбубек 17 лет, Балбубек 13 лет, Фатиму 12 лет, Куркям 8 лет // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1617. Л. 2–10.

¹⁴⁰⁸ В должность помощника султана-правителя Западной части назначен 17 января 1845 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1856 год. Д. 17. Л. 2.

¹⁴⁰⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6. Л. 36 об. – 37 об.

¹⁴¹⁰ Приведена дата года рождения 1813 на основании документа 1844 года, где в рапорте правителя Западной части полковника Б. Айшуакова в списке рекомендованных к награде казахов встречается имя М. Тяукина и указан возраст 31 год // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 35. В литературе встречается еще одна дата года рождения. Так, по А. Добросмыслову, М. Тяукин скончался в 1894 г. в возрасте 85 лет. Тогда получается, наш субъект родился в 1809 году. По данным Пограничной комиссии за 1846 год, М. Тяукину было 30 лет // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 68.

¹⁴¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1856 год. Д. 17. Л. 2.

временно управляющим Западной части Орды¹⁴¹². 2 января 1851 г. был утвержден в должности султана-правителя¹⁴¹³. Учился в Неплюевском военном училище (в 1844 г. преобразован в Неплюевский кадетский корпус), но не закончил его¹⁴¹⁴. В 1848 г. отправил своего сына Шангирея для обучения в Неплюевский кадетский корпус.

В офицерском чине с 20 июня 1837 г. За поимку двух дезертиров согласно заключению Пограничной комиссии 8 февраля 1830 года произведен в зауряд-сотники; за содействие сбора денег с казахов за кочевание в 1836 г. произведен в хорунжии (9 июня 1837 г., в другом документе – 20 июня того же года)¹⁴¹⁵.

По представлению ОПК 20 сентября 1838 г. оренбургским военным губернатором награжден золотым перстнем за содействие во время преследования в декабре 1837 г. и в январе 1838 г. руководителя восстания Исатая Тайманова. 24 января 1839 г. за содействие отряду полковника Геке, посланному в степь в 1838 г., награжден золотой медалью на анненской ленте¹⁴¹⁶.

М. Тяукину Ф. Лазаревский давал следующую характеристику: «Правитель Западной части султан Мухаммед-Галий Тяукин благодуннейший и благонамеренный из людей, подобной доброты я не встречал между киргизами, но доброта его переходит в слабость до того, что ему нельзя поручить никакого управления»¹⁴¹⁷.

В следующем документе за 1850 год М. Тяукина характеризуют как «весьма хорошего ума и способностей, с превосходным, добрым, благородным, но доверчивым и несколько мягким и нерешительным характером. Гостеприимство одно из добродетелей киргизов (казахов – Г.И.), но Тяукин гостеприимен по

¹⁴¹² По архивным документам, военный губернатор В. А. Обручев от 11 апреля 1847 г. предложил Пограничной комиссии допустить временному исправлению должности правителя Западной части помощника войскового старшину М. Тяукина // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 20.; По документу 1856 года он вступил в должность 12 апреля 1847 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1856 год. Д. 17. Л. 2.

По документу № 234 от 10 сентября 1847 года // ИКРИ Т. VIII. Ч. 2. С. 78.

¹⁴¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 93.

¹⁴¹⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 125.

¹⁴¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1856 год. Д. 17. Л. 2 об.

¹⁴¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5574. Л. 2 об. – 3.

¹⁴¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 19.

превосходству. Один из любимых в Орде султанов за свой благородный характер, участие к нуждам киргизов и неизменное расположение к добру»¹⁴¹⁸.

Султан М. Тяукин дважды был в столице и имел возможность быть представленным российским императорам Николаю I и Александру II. Как говорилось выше, в первый раз он был в составе казахской делегации во главе с султаном Баймухаммедом Айшуаковым зимой 1847 г. и был произведен в чин войскового старшины. В 1853 г. был произведен в подполковники. Во второй раз был в составе делегации 1860 г. При представлении императору Александру II 13 августа 1860 г. пожалован в чин полковника¹⁴¹⁹.

Новый султан-правитель не получил инвеститурных знаков, так как в 1850 г. из МИД поступило распоряжение о прекращении их выдачи. Сабля и грамота, выданная в свое время Баймухаммеду Айшуакову, осталась в его семье¹⁴²⁰.

Еще 10 февраля 1849 г. Пограничная комиссия в представлении генералу В.А. Обручеву ходатайствовала временно исполняющему обязанность султана-правителя М. Тяукину выдачи полного оклада, т.е. 1200 руб. сер., хотя по инструкции это не предусматривалось. Ему ранее было назначено жалование в 600 руб., а затем 1000 руб. сер., полный оклад султана-правителя он начал получать после утверждения в этой должности¹⁴²¹.

В 1839 и 1840 гг. он был в хивинской экспедиции. В 1841 г. сопровождал до р. Сырдарьи русскую миссию, следовавшую в Бухару. 28 октября 1840 г. за усердие в ходе хивинской экспедиции награжден чином сотника. За отличную службу при бухарской и хивинской миссиях в 1842 г. награжден золотой медалью для ношения на шее на анненской ленте¹⁴²².

11 апреля 1844 г. получил чин есаула за службу в отряде полковника Бизянова, который в 1843 г. преследовал султана Кенесары Касымова. В том же году находился при правителе Западной части Орды султанине Баймухаммеде

¹⁴¹⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 125.

¹⁴¹⁹ Там же. С. 347.

¹⁴²⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 7.

¹⁴²¹ Там же. Л. 19 – 19 об., 20 об.

¹⁴²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5574. Л. 3.

Айшуакове с военным отрядом при реках Илек, Большой и Малой Хобде¹⁴²³. В 1847 г. за усердие и преданность получил чин войскового старшины, а в 1853 г. за усердие к службе – чин подполковника¹⁴²⁴.

В 1856 г. в период устройства управления в адаевском роде, которые не признавали российской власти, за верную службу был награжден орденом Святой Анны 3 степени для нехристиан установленный¹⁴²⁵. Тогда же ему в помощники был назначен зауряд-хорунжий Шолак Айбасов, который в 1859 г. посетил столицу в составе казахской депутации¹⁴²⁶.

В начале 1847 г. султан Асфендияр Сюгалин назначен был начальником в районе Уральского укрепления. Управлявший тогда Западной частью султан М. Тяукин разделил 31 дистанцию на несколько отдельных управлений. И в каждом роде ее поставил особого управляющего: в 5 родах султанов, а в роде серкеш – бия. М. Тяукин не донес о своем распоряжении в Пограничную комиссию. Об этом Комиссия узнала только после посещения Ф. Лазаревского Западной части Младшего жуза¹⁴²⁷. В дальнейшем это сыграло для него роковую роль, этот факт был рассмотрен как нарушение.

По распоряжению оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского М. Тяукин 28 октября 1865 г. был отозван от должности с оставлением по делам службы в Оренбурге. 21 марта 1866 г. приказом по Военному ведомству согласно прошению самого султана он был уволен от должности¹⁴²⁸.

С 5 июля 1866 г. он находился под следствием, султан был обвинен в разных злоупотреблениях властью, будто бы допущенных во время управления им Западной частью оренбургских казахов. Но по отсутствию в деле имеющих юридическую силу доказательств тех обвинений оно было прекращено с разрешения министра внутренних дел в 1869 г.¹⁴²⁹. Но султану М. Тяукину не было суждено еще вернуться на родину. 12 лет его не было в Степи. Он проживал

¹⁴²³ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 35–36.

¹⁴²⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1856 год. Д. 17. Л. 2 об.

¹⁴²⁵ Там же. Л. 4.

¹⁴²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 25. Л. 7–7 об.; ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 263.

¹⁴²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 3 об.–4.

¹⁴²⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 347, 348.

¹⁴²⁹ Там же. С. 348.

сперва в Оренбурге, затем в Уфе. 14 ноября 1869 г. был выслан в с. Холмогоры Архангельской губернии, в 1870 г. в Екатеринославскую губернию. Прослужив более 30 лет на благо империи, но незаконно осужденный султан, некогда бывший богатым скотовладельцем, к концу жизни был разорен. Годы скитания с женой и маленьким сыном в неизвестных для них местах в конечном счете привели к разорению семьи. В своих письмах он просил восстановить ему пенсию в сумме 1200 руб. сер. Умер султан М. Тяукин 20 февраля 1894 г.

13 марта 1866 г. исправляющим должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов был назначен Чингизид штабс-ротмистр Альмухамед Сейдалин¹⁴³⁰ (1836–1898). В 1848 г. он поступил в Азиатское отделение Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. В 1853 г. пожалован в чин унтер-офицера. В 1855 г. закончив свое обучение, был произведен в прапорщики.

7 марта 1867 г. в рапорте в областное правление оренбургскими казахами он подписывается как правитель Западной части, ротмистр султан А. Сейдалин. В ротмистры он был произведен 20 мая 1866 г. Мы можем предположить, что он был назначен на должность султана-правителя Западной части где-то в промежутке с мая 1866 по март 1867 г. К этому моменту церемониал возведения в должность, вручение инвеститурных знаков власти были отменены.

Чингизид А. Сейдалин был уже известен российской администрации своими заслугами. С 31 августа по 7 октября 1857 г. во время обозрения председателя ОПК В. Григорьева Восточной части Орды и района Новой линии А. Сейдалин сопровождал его в качестве переводчика¹⁴³¹. По распоряжению оренбургского и самарского генерал-губернатора султан был назначен в помощь к приставу при бухарском посольстве, и с 16 октября 1857 г. по 6 февраля 1858 г. А. Сейдалин был отправлен в Санкт-Петербург к Высочайшему двору.

---

¹⁴³⁰ Альмухамед Кунтореулы Сейдалин – внук султана Сейдалы, правнук хана Нуралы. Имел чин статского советника и орден Св. Владимира 4 степени. Скончался в 1898 году и похоронен в Иргизе на территории Актюбинской области.

¹⁴³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7429. Л. 6.

Он в качестве переводчика с 17 апреля по 21 сентября 1858 г. сопровождал генерал-губернатора Катенина во время его поездки в Казахскую степь для обозрения возведенных там укреплений и фортов на Сырдарьинской линии¹⁴³².

В 1859 г. был командирован в экспедицию начальника Аральской флотилии капитана 1-го ранга Бутакова к г. Кунграду. Находился в разных командировках для производства следствия и розысков по делам казахов, при разделении земли старшины бия Жанбуршина (1859 г.), участвовал при разборе претензий уральских казаков на казахов по увозам и потравам сена (1862 г.) и т.д.

Находился в качестве переводчика при казахской депутации, отправленной летом 1860 г. к Высочайшему двору. Осенью 1865 г. сопровождал генерал-губернатора Н.А. Крыжановского по время обозрения Туркестанской области.

К 60-м годам XIX в. привилегии и права, данные местной элите, становятся препятствием для систематизации Российского государства в ходе его модернизации¹⁴³³. По «Временному положению об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях», утвержденному 21 октября 1868 г., должность султана-правителя с 1 января 1869 года упразднялась.

Военный губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в своем письме оренбургскому генерал-губернатору высказал ряд соображений по поводу дальнейшей службы султанов-правителей. Он высоко оценивал двухлетнюю службу ротмистра А. Сейдалина в качестве султана-правителя, предлагал его произвести в майоры и назначить уездным судьей в Николаевский уезд. «Такое назначение не будет противоречить положению, в котором сказано, "что судьями могут быть назначаемы только лица, получившие образование в высших учебных заведениях, или в средних, но занимавшие такие должности, в которых они могли приобрести достаточно опытности по судебным делам"», – писал Л.Ф. Баллюзек¹⁴³⁴. А. Сейдалин состоя на службе при областном правлении, был замечен как справедливый чиновник при разборе тяжб и исков как между

¹⁴³² Там же. Л. 5, 14.

¹⁴³³ Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. С. 222.

¹⁴³⁴ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 3.

казахами, так и между казахами и прилинейными жителями. По мнению военного губернатора Тургайской области, назначение его на должность судьи «докажет киргизскому (казахскому – Г.И.) народу, что и киргизы (казахи – Г.И.) могут быть определяемы на важные должности, если только они по образованию и умственному развитию соответствуют современным требованиям службы»¹⁴³⁵.

11 февраля 1869 г. приказом по ведомству Министерства юстиции А. Сейдалин был определен уездным судьей Николаевского уезда Тургайской области¹⁴³⁶. 31 марта 1869 г. из канцелярии управления оренбургского генерал-губернатора сообщали об увольнении султанов-правителей. Им были Высочайше пожалованы награды, присвоены следующие чины и назначены пенсии. А. Сейдалин был произведен в майоры с оставлением по армейской кавалерии¹⁴³⁷. Около 20 лет он прослужил в должности мирового судьи в Кустанайском и Иргизском уездах Тургайской области.

Таким образом, на территории, подвластной оренбургскому военному губернатору, по реформе 1824 г. было образовано три части. Выбор султанов-правителей возлагался на местных главных начальников края П.К. Эссена, П.П. Сухтелена, В.А. Обручева, Н.А. Крыжановского. Султанами-правителями и исправляющими эту должность на территории Западной части Зауральской Орды назначались чингизиды из дома Абулхаира.

Оренбургская система – система пограничного управления, в отличие от Сибирской, основной упор делала в частном управлении на назначение местного управления правительством, а не по выбору народа. Служба местных начальников была бессрочна и зависела от решения начальства. Западная часть, примыкающая на юге к хивинским владениям, не имела прямого сообщения с Оренбургом. Распоряжения областного управления и главного начальника края доставлялись через Уральское войско, на линии которого находилась ставка султана-правителя. Казахи, кочующие на южных окраинах, номинально признавали российскую власть. Они в случае недовольства, в случае отказа уплаты кибиточного налога

---

¹⁴³⁵ Там же.

¹⁴³⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 333–335.

¹⁴³⁷ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 6.

имели возможность уйти на Устюрт, а оттуда в хивинские пределы. Для полного подчинения края и распространения российского законодательства в Степи правительство понимало, что нужно доработать реформу 1824 г. Это стало возможным только в 1844 г.

4.1.2 Средняя часть казахов Зауральской Орды и ее правители (1824–1869)

13 августа 1824 г. султан Темир Ералиев¹⁴³⁸ был возведен в должность султана-правителя Средней части. Ему были вручены инвеститурные знаки власти: знамя, золотая сабля, грамота. Кандидатуру султана Темира рассматривали как известнейшего с лучшей стороны среди Чингизидов Средней части. Как и другим двум султанам-правителям, Темиру Ералиеву был назначен помощник. Им стал Медетгали Турдагалиев¹⁴³⁹. [Приложения № 8. О султанах-правителях Средней части].

Султан Темир Ералиев был правителем рода шомекей¹⁴⁴⁰. При определении к нему казахов поколения Алимуды высказал сомнение о полном подчинении их, так как многие роды этого поколения находились под властью султанов из дома Каипа, давнего соперника дома Абулхаира. Под управление Темира Ералиева отошли роды шекты, торткара, каракесек, карасакал, подотделение кара-кете данного поколения¹⁴⁴¹. Темир не желал принимать под свое управление эти племена. Племя шекты характеризуют как самый сильнейший, многочисленный и беспокойный из всех племен. Именно они участвовали в ограблении хивинского каравана на сумму 12000 руб.¹⁴⁴² В связи с этим Азиатский комитет 28 марта 1825 года ходатайствовал перед Генеральным штабом об отправке 200 казаков

¹⁴³⁸ Темир Ералиев (умер после 1852 г.) – сын хана Ералы, внук Абулхаир хана. В 1817–1824 годах хан части родов, кочевавших в районе нижнего течения р. Сырдарья.

¹⁴³⁹ Медетгали Турдагалиев – правнук султана Булхаира (младшего брата Абулхаир хана), председатель Ханского совета Младшего жуза (1812–1818), управляющий родом жагалбайлы. В 1825–1827 гг. был правителем Средней части оренбургских казахов.

¹⁴⁴⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 А. Л. 284.

¹⁴⁴¹ Там же. Л. 293 об.

¹⁴⁴² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 Б (часть 2). Л. 29.

Оренбургского казачьего войска в Орскую крепость сроком не на 6 месяцев, как предполагалось ранее, а на 1 год¹⁴⁴³.

Каждая часть, как указывалось ранее, согласно решению «Комитета» под руководством Берга имела установленные границы. Средняя часть отделялась с восточной стороны от Восточной части, чертой, которая проходила в направлении к югу от Степной крепости, через хребет гор Джабук-Карагай, через озеро Карсак-Баши и через реку Сырдарью. [Приложение 13]. На этой полосе располагались кочевья родов поколения Байулы: жаппас, алтын, части подотделения алтыбас; поколения Жетыру: жагалбайлы, керейт, части тама; перечисленные выше племена поколения Алимуды, а также байгуши, кочующие при верхней Оренбургской линии¹⁴⁴⁴. Если в Средней части к 1825 г. было 21000 кибиток¹⁴⁴⁵, то по данным ОПК, в 1843 г. здесь кочевало 22205 кибиток, а население составляло 52330 чел.¹⁴⁴⁶

Ставка султана-правителя Темира Ералиева находилась с 1824 по 1825 гг. летом на р. Кумак и Камысаклы, а зимой р. Сувундуку¹⁴⁴⁷. В декабре 1825 года П.К. Эссен сообщал К.В. Нессельроде, что продолжительная болезнь султана-правителя Средней части Темира Ералиева вынудила написать прошение об освобождении от должности. Он обещал беспрекословно повиноваться преемнику, а также просил оставить данное ему знамя в Орской крепости¹⁴⁴⁸.

Оренбургский военный губернатор, учитывая эти обстоятельства и остановку дел по его части, уволил султана-правителя. До избрания нового начальника части исправляющим должность султана-правителя 12 августа 1825 г. был назначен Медетгалий Турдагалиев¹⁴⁴⁹. Ставка его с 1825 по 1827 гг. находилась по р. Ори, зимой близ Орской крепости¹⁴⁵⁰. Согласие на назначение его кандидатуры султаном-правителем дал и хан Шергазы Айшуаков, приложив

¹⁴⁴³ Там же. Л. 60.

¹⁴⁴⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 А. Л. 321 – 321 об.

¹⁴⁴⁵ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 46.

¹⁴⁴⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 1 об.

¹⁴⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 39 об.

¹⁴⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 Б (часть 2). Л. 92.

¹⁴⁴⁹ Генс Г.Ф. Из краткого обозрения управления Оренбургскими киргизами. 1844 г. С. 83.

¹⁴⁵⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 39 об.

свою печать¹⁴⁵¹. Интересным является тот факт, что в этот период Шергазы отбыв из Оренбурга, присоединился к хивинскому каравану, препровождаемому представителями рода тлеу-кабак, и остался в их отделении, заявив, будто ему поручено управление Средней части после увольнения Темира¹⁴⁵².

Значение официального российского документа было уже столь сильно в Степи, что когда Шергазы Айшуаков хотел вместе с семьей выехать с караваном в Хиву, бий рода шекты Еманче Сангрыков и мулла Каражигит Бекбауов потребовали Высочайшую волю или предписание от начальства¹⁴⁵³.

В связи с поиском новой кандидатуры для назначения султаном-правителем Средней части Орды оренбургский военный губернатор П.К. Эссен в очередной раз обращает внимание столицы на потомка Каип хана – Арынгазы, сосланного в Калугу. Вопрос о назначении Арынгазы на должность султана-правителя выдвигался оренбургским военным губернатором несколько раз. Так, например, в 1826 г. П.К. Эссен, прибыв в столицу, возобновил свое предложение о возвращении в Степь Арынгазы Абулгазиева и назначении его султаном-правителем Средней части¹⁴⁵⁴. По этому вопросу в журнале заседания Азиатского комитета от 8 сентября 1826 г. сказано: «до решения отъезда онаго султана, Высочайше повелено, назначить султаном правителем Средней части Орды брата его, султана Арду, от поведения коего и от мер, кои он примет к введению устройства и водворению спокойства, зависеть будет и скорейшее отправление его Арынгазы в Орду, а потому и пригласить его, дабы он обо всем о том написал к брату своему»¹⁴⁵⁵. Но как говорилось ранее, в столице было решено не отпускать султана Арынгазы в Степь.

В Оренбурге очень долго решался вопрос назначения нового султана-правителя. Петербург возложил ответственность за новую кандидатуру на военного губернатора. Ему предлагали присмотреться к султанам из дома Каипа, так как аулы султана Арынгазы располагались в данной части. В 1826 г.

¹⁴⁵¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 Б (часть 2). Л. 92 об.

¹⁴⁵² Там же. Л. 92 об. – 93.

¹⁴⁵³ Там же. Л. 95 об. – 96.

¹⁴⁵⁴ Там же. Л. 101.

¹⁴⁵⁵ Там же. Л. 101.

П.К. Эссен рассматривал две кандидатуры на эту должность. Первой была кандидатура султана Сейдалы Нуралиева, второй – племянника его Мяття Мухаметгалиева. Два претендента были вызваны в Оренбург, но из-за отдаленности кочевий за озером Аксакал-барби султаны запаздывали¹⁴⁵⁶.

1 февраля 1827 г. на место султана Медетгали Турдагалиева, уволенного за недеятельность, назначен был исправляющим обязанности султана-правителя Мяттий Мухамедгалиев¹⁴⁵⁷. Ставка его находилась в 1827–1829 гг. на вершинах рек Тобола, Кумака, зимой на р. Аят и Тугузак¹⁴⁵⁸.

В 1827 г. ОПК предписывала султану Мяттию Мухамедгалиеву принять все меры для поиска и возвращения оставшихся в плену с 1823 г.¹⁴⁵⁹ в казахской степи 9 башкир и тептярей; взыскать платеж за ограбленное имущество на общую сумму 12855 руб. 63 $\frac{1}{4}$ коп., задержать и представить Пограничной комиссии казахов, участвовавших в этом нападении¹⁴⁶⁰. В связи невыполнением предписаний начальства и за неправильные сборы с казахов кибиточного налога Мяттий Мухамедгалиев в декабре 1829 года был уволен¹⁴⁶¹. Новым правителем Средней части был назначен Юсуф Нуралиев.

Юсуф Нуралиев – сын хана Нуралы, 1786/1787 года рождения¹⁴⁶². 22 апреля 1830 года был назначен исправляющим должность правителя Средней части оренбургских казахов. Ставка его находилась с 1829 по 1841 год летом по рекам Бурты, Хобда и Илеку, а зимой неподалеку от Красногорской крепости¹⁴⁶³. 22 января 1836 года за отличную службу был пожалован в чин войскового старшины¹⁴⁶⁴. Знал татарскую грамоту, а русской не знал¹⁴⁶⁵.

¹⁴⁵⁶ Там же. Л. 106.

¹⁴⁵⁷ Мяттий Мухамедгалиев – внук хана Нуралы.

¹⁴⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁴⁵⁹ Речь идет о нападении в июне 1823 г. казахов под руководством Жоламана Тленши на военный отряд под командованием Милорадовича. Тогда были захвачены в плен 22 человека военного отряда и отогнано 154 лошади стоимостью 16340 руб. Позже 13 человек удалось вернуть, а Шингали Орманов взыскал 36 лошадей // КРО – 2. С. 241.

¹⁴⁶⁰ 1830 г. июля 12. – Предписание ОПК и. д. правителя Средней части оренбургских казахов // КРО – 2. С. 241.

¹⁴⁶¹ Генс Г.Ф. Из краткого исторического обозрения. С. 85.

¹⁴⁶² В формулярном списке о службе за 1841 год указан возраст 54 года // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1831 год. Д. 145. Л. 8.

¹⁴⁶³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁴⁶⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 18.

С 12 сентября 1817 г. заседающий в ОПК от казахов по неявке его в течение трех лет в ОПК для исполнения обязанностей потерял ее. С 10 февраля 1821 г. был управляющим родами табын и тама поколения Жетыру, которые в дальнейшем вошли в состав Средней части¹⁴⁶⁶.

Юсуф Нуралиев 29 ноября 1830 г. был награжден золотой медалью на анненской ленте за усердную службу. В 1829 г. за склонение казахов к возврату лошадей и удовлетворению претензий войскового старшины Сильнова, Ю. Нуралиеву был вручен похвальный лист и две штуки кирпичного чая¹⁴⁶⁷.

Хотелось бы, остановиться о распространении чая в казахской степи в XIX в., связав его с политикой империи на окраине. В 1829 г. в Азиатском департаменте МИД встал вопрос об увеличении торговли с Китайской империей. Основными товарами, поступавшими тогда в Россию, были чай и шелк. Чай поступал двух сортов: настоящий и кирпичный. На первый потребность была большой, на второй же предложение всегда превышало спрос, и значительное количество этого чая оставалось необменным, т.к. потребителями его являлись почти исключительно народы Сибири. Россия разменивала до 1849 года чай в Кяхте на сибирские меха и произведения московских и владимирских фабрик (сукно, парча, тюль и др.). Но в 1849 г. основанная Петром I и укрепленная Екатериной II разменная торговля уступила место покупке чая в Кяхте на золото и серебро. Вскоре после этого разрешается ввоз китайского чая по всем «заграничным западным таможенным и в портах морей Балтийского и Черного». По мнению казанского купца В.А. Кокорева, отмена меновой торговли чаем стала одним из экономических провалов России¹⁴⁶⁸.

В 20-е годы XIX в. в МИДе возник вопрос: «нельзя ли обучить и других инородцев, обитавших в России, к употреблению кирпичного чая?»¹⁴⁶⁹. Внимание было обращено на казахов. В Государственном архиве Оренбургской области

¹⁴⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1831 год. Д. 145. Л. 8.

¹⁴⁶⁶ Там же. Л. 8 – 8 об.

¹⁴⁶⁷ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 19.

¹⁴⁶⁸ Кокорев В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года В.А. Кокорева. Восточная война и ее особенности // Русский архив. 1887. Кн.1. Вып. 4. С. 514.

¹⁴⁶⁹ Распространение кирпичного чая среди киргизского населения // Тургайская газета. 1903. № 22. 25 мая. С. 3.

сохранилось письмо вице-канцлера графа К.В. Нессельроде, направленное оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену от 20 февраля 1829 г., где говорилось о необходимости «ввести между кочевыми народами (казахами и башкирами – Г.И.), обитающими за Уралом, привычку употребления кирпичного чая, которая должна принести выгоду казне Российского государства в торговле с Китаем, в частности на Кяхтинской таможене»¹⁴⁷⁰. Главным аргументом явилось то, что такие подвластные России кочевые народы «монгольского племени Буряты и Калмыки силою времени и обычая получили к такому чаю охоту, что ныне находят в ней почти классный предмет пищи и питья трезвого, здорового и дешевого. Даже наши поселяне, живущие в смежности с ними, заимствовали от них ту же привычку, способствующую при том и к сбереженью стад, ибо как те, так и другие употребляют кирпичный чай, легко обходятся без мяса»¹⁴⁷¹. Он рекомендует «искать новые пути для продажи китайского чая. В семь отношений представляется новый многочисленный класс потребителей: кочевые народы, за Уралом обитающие, коих и нужно приучать, подобно вышеуказанным племенам, пить тот чай», и предлагает выдавать казахам, «в Оренбург приезжающим, для возбуждения в них охоты, в виде подарков по несколько брусков кирпичного чая»¹⁴⁷².

Начальник края П.К. Эссен, получив предложение содействовать развитию торговли кирпичным чаем, сделал распоряжение об ассигновании 1000 рублей из сумм на подарки «азиатцам», чтобы на эти деньги покупали кирпичный чай для раздачи отличившимся усердием казахам. Предполагалось, что те, в свою очередь, привыкнув к его употреблению, будут распространять эту привычку среди соплеменников¹⁴⁷³. Оренбургская администрация приступила к выполнению поставленной задачи, выдавая казахам за услуги, оказываемые по службе, чай вместо денег и вещей. Так, например, казахский старшина из рода тама Ыклас Тулеев за оказанную помощь войсковому старшине Аржанухину в

¹⁴⁷⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3487. Л. 1.

¹⁴⁷¹ Там же.

¹⁴⁷² Там же. Л. 2 об.

¹⁴⁷³ Распространение кирпичного чая. С. 3.

доставлении денег 6000 руб и 108 лошадей на удовлетворение линейных жителей 26 июня 1830 г. был награжден в 3 руб. 50 коп. и одним кирпичным чаем¹⁴⁷⁴.

Но, как показывают источники, «кирпичный чай не вошел в обиход»¹⁴⁷⁵. Среди провалов данного мероприятия администрация упоминает два фактора: привычка у кочевников употреблять кумыс в большом количестве и недостаток в степи топлива, необходимого для разведения твердо сбитого кирпичного чая¹⁴⁷⁶.

В 1832 г. директор Азиатского департамента обращался с напоминанием к графу П.П. Сухтелену, заменившему на посту военного губернатора графа П.К. Эссена. «Убеждаясь пользою приучения киргизов к кирпичному чаю, истинно отечественного, и по неизвестности, до какой степени оказался успешным первый опыт, учиненный графом Эссеном, я обязанностью поставляю покорнейше просить Вас, почтить меня по сему предмету Вашим уведомлением и буде выше изъясненные меры ко введению кирпичного чая между киргизским народом оказались недействительными, то употребить другие средства, какие по усмотрению признаете наивернейшими и как удобнейшими... Введение между киргизами кирпичного чая, без сомнения, увеличило бы самые требования на него и, таким образом, отрасль сея торговли получила бы новую силу для вечной пользы отечественной промышленности», – писал представитель МИД¹⁴⁷⁷.

Граф П.П. Сухтелен выяснил, что сумма, ассигнованная П.К. Эссеном, была не использована полностью. Всего было роздано на подарки 22 штуки кирпичного чая стоимостью по 3 рубля 50 копеек. Данная раздача не принесла успехов. В 1830 г. ОПК не отправила в казахскую степь кирпичного чая, тогда как в 1829 г. было отправлено 21 пуд 38 фунта. Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен пишет полковнику Г.Ф. Генсу: «подтвердить, дабы продолжали знакомить киргизов с кирпичным чаем, и, когда оно не будет доставать, то из суммы на угощения опять оным заплатить».

¹⁴⁷⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 40.

¹⁴⁷⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3487. Л. 9 об.

¹⁴⁷⁶ Там же. Л. 20.

¹⁴⁷⁷ Распространение кирпичного чая. С. 3.

Таким образом, данный документ показывает активное участие административного аппарата империи по внедрению чая в среду казахов Младшего жуза, но чай и чаепитие не получили своего распространения в 30–40 годы XIX века. Вручение кирпичного чая в качестве благодарности за услуги султанам, в том числе и Юсуфу Нуралиеву, не принесло желаемого успеха.

О деятельности султана Юсуфа Нуралиева часто писали, что он усерден и деятелен¹⁴⁷⁸. В августе 1830 г. казахи Средней части напали на пикет близ Баксайского отряда Нижнеуральской линии, захватили хорунжего Кошигина. В тот же период казахи племени жагалбайлы в 200 верстах от Троицка разграбили русский караван, следовавший из Бухары. По показаниям купцов убытки составили 84836 руб.¹⁴⁷⁹. В степь был выслан военный отряд во главе с капитаном Жемчужниковым. Ю. Нуралиев изъявил готовность содействовать возвращению товаров и отправился в аулы жагалбайлы. С ним выехали влиятельные султаны и старшины. После встречи Ю. Нуралиева с представителями жагалбайлы их управляющий султан Медетгалий Турдагалиев объявил о готовности возратить товар. Он предлагал купцам прибыть к ним и получить вещи. П. Сухтелен выступил против этого и потребовал, чтобы они представили товары в Орскую таможенную заставу, туда же приказал прибыть и купцам¹⁴⁸⁰.

Переговоры не дали результата, тогда Ю. Нуралиев попросил усилить казачий отряд, состоящий при нем, с небольшим числом пехоты. Было решено отправить военный отряд во главе с офицером Генштаба капитаном Жемчужниковым для разыскания виновных. Оперативность и удовлетворительное решение вопроса было возложено на Г.Ф. Генса. Председатель Пограничной комиссии, пригласив к себе коменданта Орской крепости подполковника Исаева со всеми офицерами, исправляющего должность султана-правителя Средней части Ю. Нуралиева, Медетгалия Турдагалиева, влиятельнейших султанов, биев, старшин племени жагалбайлы, объявил казахам

¹⁴⁷⁸ 1830 г. июня 2. – Письмо председателя ОПК Г. Генса оренбургскому военному губернатору о домогательстве верхушки уральского казачества на земли казахов // КРО – 2. С. 240–241.

¹⁴⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 135. Л. 1–9.

¹⁴⁸⁰ Там же. Л. 13 – 13 об.

вернуть к 1 марта (1831 г.) оставшуюся часть товара на сумму 37122 руб. 73 коп. Представители племени жагалбайлы 5 почетнейших старшин, 10 биев обязались вернуть товар, и свое обязательство подтвердили подписью и печатями¹⁴⁸¹.

Но в период решения данного вопроса 5 июня 1831 года жагалбайлинцы, собравшись числом 1000 чел., напали на аул Медеткалия и верных ему султанов и старшин. М. Турдагалиев и старшая его жена были убиты. Две дочери и другая жена управляющего были увезены в плен¹⁴⁸².

На это оренбургский военный губернатор Павел Петрович Сухтелен отреагировал жестко. Было разослано объявление старшинам, биям и всему населению племени жагалбайлы, где он, перечислив убийство старшины Д. Бикбова в 1829 г., ограбление каравана, шедшего к г. Троицку, убийство султана М. Турдагалиева и его жены, требовал выдачи на линию виновных казахов ормановского отделения Макабая, Тана Сагынбаева, Токбулата Карнакова. Военный губернатор настаивал немедленно возвратить задержанного торговца Н. Паникаровского и выдачи увезенных женщин¹⁴⁸³. Все это должно было исполниться в течение 2-х месяцев, до 15 августа 1831 г. За отличное исполнение возложенного на него поручения касательно усмирения казахов рода жагалбайлы 13 октября 1831 г. Г.Ф. Генсу было объявлено Высочайшая благодарность.

Ю. Нуралиев не справился с возложенной на него задачей и просил военный отряд. В этот период также выяснилось, что казачий отряд, который имел дислокацию зимой в Орской, а весной Таналыцкой крепостях, не может своевременно выехать по требованию исправляющего должность султана-правителя Ю. Нуралиева, так как он находился против Красногорской крепости¹⁴⁸⁴. Султан Юсуф Нуралиев ходатайствовал, чтобы в следующую зиму 1832 г. содержать отряд в Красногорской и Верхне-Озерной крепостях, так как дальность

¹⁴⁸¹ Там же. Л. 19–20.

¹⁴⁸² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 135. Л. 34.

¹⁴⁸³ Там же. Л. 40 – 40 об.

¹⁴⁸⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 300. Л. 3 – 3 об.

расстояний вызывало неудобство для правителя части¹⁴⁸⁵. Также исправляющий должность султана-правителя просил председателя Пограничной комиссии предписать комендантам допустить к сенокосению как казахов, так и казаков для сбора корма на зиму.

Юсуф Нуралиев в 1831 г. писал председателю Оренбургской пограничной комиссии о том, что казахи Средней и Западной частей, не учитывая установленные границы, самовольно переходят ее, производя беспорядки. Он просил определить всем родам согласно установленному «Комитетом» во главе с Бергом в 1824 г. место кочевания. Исправляющий должность султана-правителя сообщал, что без содействия султана-правителя Западной части Баймухаммеда Айшуакова он сам не может решить данный вопрос¹⁴⁸⁶. Неясность у казахов вызывал район кочевания у Илецкого городка, хотя согласно решению «Комитета» во главе с Бергом еще в 1824 г. было определено, что здесь проходит граница между Средней и Западной частями. Нехватка земель вызвала спор у кочевников за этот регион. Ю. Нуралиев рассматривал эти земли как территорию своей части, так как здесь располагались в основном роды и племена, находившееся под его властью. Пограничная комиссия уточняла, что границу между Средней и Западной частями составляет устье р. Хобда¹⁴⁸⁷. После встречи двух султанов-правителей было решено, что граница, как было определено ранее, будет проходить с устья р. Хобда. Правители частей пришли к соглашению о том, что учитывая то, что казахи рода табын под управлением старшин Кулбаба Джантуова, Бектаса Матянова, Мыктыбая Таймукана, Тажик Бишбаева, кочующие с устья р. Хобда к ее верховьям, оказались на территории Средней части, то они, с их согласия, переходят под власть Ю. Нуралиева¹⁴⁸⁸. ОПК предписала султану-правителю Западной части находиться около Нижне-Уральской линии, чтобы удерживать подвластных ему казахов от нападений¹⁴⁸⁹.

---

¹⁴⁸⁵ Там же. Л. 4.

¹⁴⁸⁶ Там же. Л. 1 об.

¹⁴⁸⁷ Там же. Л. 11.

¹⁴⁸⁸ Там же. Л. 11 об.

¹⁴⁸⁹ Там же. Л. 5 об.

Так, разрешив спор за землю в пользу Средней части, Ю. Нуралиев назначил местных и дистаночных начальников, начиная от Изобильного отряда до Угольного. Дистаночным начальникам были определены их задачи. Ю. Нуралиев просил назначить ему в помощники султана Махмута Алгазыева¹⁴⁹⁰, 15 августа 1830 г. это было исполнено. 20 ноября 1831 г. М. Алгазыев определен управляющим 8 дистанции оренбургских прилинейных казахов¹⁴⁹¹.

Междоусобицы, барымта усиливали претензии казахских племен и родов друг к другу. В сентябре 1831 г. отряд под командованием полковника Г.Ф. Генса в составе 50 пехотинцев, 100 казаков Оренбургского казачьего войска, 300 казаков башкирского кантона участвовал в разборе междоусобных претензий казахских родов. 30 августа было открыто заседание народного суда, где выбранные «почетные казахи» по несколько человек с обеих сторон занялись разбором дел в суде¹⁴⁹². В работе суда приняли участие султаны-правители Восточной и Средней частей. Здесь рассматривались претензии и споры казахов между племенами кыпчак, керей, жагалбайлы, тама, табын, шурен¹⁴⁹³. Во время разбирательства уже не простые кочевники, а старшины жаловались на некоторых султанов, обвиняя их в несправедливости. Но не смотря на все претензии, в конечном счете все пришли к примирению. На общем собрании при султанах-правителях было принято решение: вернуть угнанный скот, военную добычу за последние 3 года¹⁴⁹⁴. На суде выяснилось, что основными виновниками сложившейся ситуации в Восточной и Средней частях являются султаны Саналий Мурзагалиев и Уса Алавшин. По распоряжению оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена они были выселены с семьями и имуществом на жительство в Букеевскую Орду¹⁴⁹⁵. Семье и родственникам убитого Медетгалия выплатили «кун».

¹⁴⁹⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 300. Л. 12; Махмут Алгазыев – сын майора Алгазыя Айшуакова, 1798 года рождения. 4 ноября 1830 г. произведен зауряд-есаулом, 20 мая 1836 г. – в есаулы // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 9.

¹⁴⁹¹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 9.

¹⁴⁹² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 135. Л. 52–52 об.

¹⁴⁹³ Там же. Л. 55 об.

¹⁴⁹⁴ Там же. Л. 55–55 об.

¹⁴⁹⁵ Там же. Л. 56.

На место Медетгалия Турдагалиева управляющим рода жагалбайлы был избран султан Кадыр Мурзагалиев, а помощником его – старшина Сютей Исентаев. За услуги, оказанные во время проведения народного суда, последний был награжден серебряной медалью¹⁴⁹⁶. Учитывая опыт предыдущих лет, по линии были назначены местные старшины и дистаночные начальники.

Ю. Нуралиев был скудного материального состояния, не имел возможности содержать себя соответственно возложенной на него новой должности. По мнению оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена, «от чего не может сохранять приличие в глазах подведомственных ему ордынцев и уважения, каковое по мнению их приобретает более людьми состоятельными»¹⁴⁹⁷. Учитывая бедность и усердие, с которым он выполнял свою службу, П.П. Сухтелен ходатайствовал перед графом К.В. Нессельроде разрешить Ю. Нуралиеву выдавать оклад и ежегодно отпускаемое султанам-правителям из казны содержание, пока он был на этой должности. 12 мая 1831 г. такое разрешение было получено¹⁴⁹⁸.

Нападения соседних среднеазиатских ханств на подвластных империи казахов стало причиной обращения в 1832 г. оренбургского военного губернатора графа П. Сухтелена в столицу. Он просил разрешения назначить четвертого султана-правителя для сырдарьинских казахов и по одному помощнику к бывшим тогда уже трем правителям. Получив на это разрешение, он ограничился на первый случай назначением помощника к исправляющему должность султана-правителя Средней части Ю. Нуралиеву, поручив ему сырдарьинских казахов¹⁴⁹⁹.

15 марта 1832 г. император утвердил решение Азиатского комитета об избрании для управления южной частью Младшего жуза, т.е. казахами, кочующими около Сырдарьи, султана Апия Жолбарысова. Характеризуя его как весьма благонадежного, его назначили в виде помощника султана-правителя Средней части. Была составлена специальная инструкция. Граф П.П. Сухтелен

¹⁴⁹⁶ Там же. Л. 56 об.

¹⁴⁹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1831 год. Д. 145. Л. 1.

¹⁴⁹⁸ Там же. Д. 145. Л. 3.

¹⁴⁹⁹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 47, 48.

выдал ему 250 руб. серебром из суммы, определенной для четвертого султана-правителя¹⁵⁰⁰.

Азиатский комитет на своем заседании 28 февраля 1832 г., рассматривая вопрос о назначении А. Жолбарысова, обращал внимание на то, что назначаемый чиновник должен пользоваться уважением народа, но также должен быть «приверженцем, ...готовым действовать по указанию начальства и верным переводчиком»¹⁵⁰¹. Г.Ф. Генс вместе с султаном-правителем Средней части должен был определить роды и племена, отходящие под управление помощника султана-правителя в Южной части. В обязанности Апия Жолбарысова входило сдерживание казахов от взаимных набегов, междоусобиц, собрание сведений о местностях, об Орде, о приграничных государствах и т.д.¹⁵⁰²

В 1838 г. во время подготовки экспедиции графа В.А. Перовского в Хиву казахи, услышав о готовящемся походе, собирались откочевать в среднеазиатские ханства. Султан Юсуф Нуралиев просил военную помощь, чтоб удержать их силой, но Г. Генс отказал. Председатель Пограничной комиссии обещаниями и подарками удержал казахов.

Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский (1833–1842) 6 июня 1841 года сообщал в столицу, что исправляющий должность правителя Средней части войсковой старшина Ю. Нуралиев «оказывается слабым и упустительным по должности, и, отзываясь слабостью здоровья, остается в бездействии и допускает неблагонамеренных киргизов (казахов – Г.И.) до хищничества близ линии, по чему я согласно представлениям пограничной комиссии признал полезным для службы уволить его от занимаемой им должности»¹⁵⁰³. 6 июня 1841 г. Ю. Нуралиев был уволен с формулировкой «по слабости и недеятельности»¹⁵⁰⁴. Султан Юсуф Нуралиев, будучи удален от должности, согласно 1389 статье Свода устава о пенсиях потерял право на пенсию.

¹⁵⁰⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1832 год. Д. 152. Л. 1–1 об.

¹⁵⁰¹ Там же. Л. 2.

¹⁵⁰² Там же. Л. 2 об.

¹⁵⁰³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1831 год. Д. 145. Л. 5

¹⁵⁰⁴ Там же. Л. 8.

В 1841 г. Ю. Нуралиев обратился В.А. Перовскому с просьбой исходатайствовать ему с семейством «казенного содержания за долговременную службу»¹⁵⁰⁵. Он имел двух жен: Аппак Худайкулову и Тазию Медетову. Воспитывал дочь Сахибу. Султан Юсуф сообщал, что находясь на службе с 1821 г., исполнял различные должности с похвалой со стороны начальства, и так как не имеет достаточное состояние, то не может прожить без пособия правительства. Учитывая 20-летний срок его службы, 31 января 1842 г. было решено выдавать ему ежегодно в виде пособия до 200 руб. сер.¹⁵⁰⁶

По мнению Л. Мейера, весной 1841 г., по Г. Генсу в июле 1841 г. султан Юсуф Нуралиев был смнен, и на его место назначили Араслана Джантюрина¹⁵⁰⁷. Родился султан Араслан в 1811 году¹⁵⁰⁸. Он потомок хана Абулхаира, внук убитого хана Жанторе. Знал татарскую грамоту¹⁵⁰⁹.

Поступил на службу 23 июня 1830 г. 12 июня 1830 г. был назначен помощником начальника 9-й дистанции оренбургских казахов.

12 июня 1841 г. был назначен исправляющим должность султана-правителя Средней части оренбургских казахов¹⁵¹⁰. Ставка его находилась против форпоста Изобильной¹⁵¹¹. В 1843 году, по данным Оренбургской пограничной комиссии, население Средней части составляло 22206 кибиток и 52330 чел.¹⁵¹²

По распоряжению оренбургского военного губернатора с 14 августа по 23 сентября 1843 г. он находился с двухсотенной командой в степи. Араслан участвовал в преследовании отрядов султана Кенесары Касымова. В 1844 г. получил чин войскового старшины¹⁵¹³. В 1846 году был представлен к награде. Араслану Джантюрину была дана нижеследующая характеристика: «Невзирая на

¹⁵⁰⁵ Там же. Л. 6–6 об.

¹⁵⁰⁶ Там же. Л. 18.

¹⁵⁰⁷ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 57.; Генс Г.Ф. Из краткого исторического обозрения. С. 85.

¹⁵⁰⁸ Араслан (Арыстан) – сын убитого хана Жанторе, внук Айшуака, правнук Абулхаира. По формулярному списку в 1844 году ему было 33 года. Имел двух жен и сыновей – Хан-Алия 10 лет, Хан-гирея 8 лет, Бахтыгирея 4 лет, дочь Биби 2 лет // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 42.

¹⁵⁰⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 41–42.

¹⁵¹⁰ Там же.

¹⁵¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁵¹² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 1 об.

¹⁵¹³ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 41–42.

весьма важное затруднение, встречаемое этим правителем в исполнении распоряжений начальства по делам в орде за неграмотностью его, он, однако, усердием своим и ревностью успел устранять медленность в производстве дел, и все приказания, как председателя, так и комиссии, равно и распоряжения, основанные на воле военного губернатора, исполнялись им успешно и споро»¹⁵¹⁴. Араслан Джантюрин отличился во время решения взаимных междоусобных претензий казахов, сбора кибиточного налога с казахов. В отчете по управлению оренбургскими казахами за 1843 г. приводятся сведения о деятельности данного правителя по оказанию медицинской помощи населению своей части. В июне 1843 г. он сообщал, что среди населения кишкене-шектинского рода, мактыбаева отделения появилась болезнь, вследствие которой многие умерли. ОПК для определения болезни, причины ее возникновения и для оказания медицинской помощи казахам командировала туда находившегося при Комиссии лекаря, коллежского советника Рогая Левицкого. Но 8 июля, приехав в аул начальника 28 казахской дистанции Жатая Боранбаева, Р. Левицкий заболел. 10 июля выехав обратно, 11 июля лекарь прибыл в Ильинскую станицу, но рано утром скончался.

Араслан Джантюрин в следующем письме доносил, что от данной неизвестной болезни уже умерло 100 с лишним семейств, располагавшихся кочевьем на речке Терис-Бутак, близ вершины р. Ори. Аулы были обнаружены посланными Арасланом Джантюриным людьми, которые преследовали напавших на кочевья казахов рода тлеу. По сведениям казахов, кибитки умерших и их имущество не взяты ни однородцами, ни ближайшими родственниками. Данная болезнь быстро распространилась по степи. ОПК просила военного губернатора разрешить командировать в степь для изучения данной болезни врача из военного ведомства. Было решено отправить лекаря оренбургского казачьего войска фон Майделя, но беспокойная обстановка близ рек Жаман и Жаксы Каргалы требовала военного сопровождения. Для изучения обстановки в регионе Араслану Джантюрину предлагалось собрать сведения и уточнить, прекратилась ли

---

¹⁵¹⁴ Там же. С. 66.

болезнь, не пострадали ли другие аулы, нет ли каких-либо последствий¹⁵¹⁵. Предлагалось казахам после окончания вспышки приезжать в комиссию для лечения. К этому времени бедная часть кочевников получала от комиссии бесплатные лекарства, проходили лечение у лекаря комиссии.

В июне и сентябре 1843 г. на Верхней линии в станицах Озерной, Кочердыкской, Алабужской и Усть-Уйской вспыхнула болезнь у рогатого скота, которая затем перешла и на лошадей. Пограничная комиссия предписала принять все меры, чтобы эта болезнь не распространилась в степи¹⁵¹⁶. Прививка против оспы еще не получила широкого распространения, хотя султаны-правители Б. Айшуаков, Араслан и Ахмет Джантюрины делали все, чтобы ее распространить.

В середине 40-х годов XIX в. появляется новая группа чиновников – рассыльные, т.е. своего рода почтальоны. В 1845 году Араслану Джантюрину были назначены 5 рассыльных. Это были: Чанты Кутенев из бимишевского отделения рода жагалбайлы, Кысык Мусабеков из урмантаева отделения, рода жагалбайлы, Джиганбай Куканбаев из апючанского отделения, рода тама, Таймурза Алдаяров из отделения кызылкурт, рода тама, Биктурлы Насрипов кадырбаевского отделения, рода табын¹⁵¹⁷. В октябре 1848 года письмоводителем к Араслану Джантюрину был назначен К. Груздь¹⁵¹⁸.

Ф. Лазаревский высоко оценивал службу А. Джантюрина. Он писал: «Давая султанам-правителям так много власти, необходимо избирать на эти должности султанов самых достойнейших, благомыслящих, отличнейших по способностям и лучших по характеру.

¹⁵¹⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 5–8.

¹⁵¹⁶ Там же. Л. 8–9.

¹⁵¹⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4940. Л. 4.

¹⁵¹⁸ Груздь Константин Францевич (род. в 1821/1823) – из дворян, римско-католического вероисповедания. Получил домашнее воспитание. В январе 1840 г. по прошению принят старшим писцом в ОПК. В сентябре 1844 г. назначен исправляющим на должность помощника столоначальника. В октябре 1848 г. произведен в коллежские регистраторы, в сентябре – в губернские секретари, в сентябре 1850 г. – в коллежские секретари // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 570.

В настоящее время Орда имеет только одного султана-правителя с такими качествами, это Средней части султан Араслан Джантюрин. Все киргизы (казахи – Г.И.) отзываются о его честности и справедливости способного похвалою»¹⁵¹⁹.

Араслан Джантюрин был убит 8 июля 1855 г. при нападении отряда казахов под предводительством Есета Кутебарова¹⁵²⁰. Председатель ОПК В.В. Григорьев докладывал В.А. Перовскому, что после убийства султана-правителя управление этой частью перешло временно помощнику его, есаулу Махмуду Алгазыеву. Но не найдя подходящей кандидатуры в Средней части, которая по способностям и по усердию была бы равной А. Джантюрину, В. Григорьев предлагал назначить исправляющим должность султана-правителя Средней части Мухамеджана Баймухамедова. Нахождение его под следствием в тот период не могло быть затруднительным обстоятельством. Председатель Пограничной комиссии пояснял, что «киргиз (казах – Г.И.) умный и влиятельный никак не может прожить без того, чтоб не запутаться в какой-либо интриге, в том или другом случае не употребить влияния своего во зло и не подпасть вследствие того под ответственность»¹⁵²¹. Характеризуя М. Баймухамедова как человека умного, хорошо знающего порядок делопроизводства, имеющего опыт управления, успешно выполнявшего различные поручения российской администрации, знакомого населению Средней части Младшего жуза, В.В. Григорьев предлагал вызвать его в Оренбург, дать ему наставления и возможность оправдаться своей службой.

Мухамеджан Баймухамедов – сын султана-правителя Западной части Баймухамеда Айшуакова, 1815 года рождения¹⁵²². Начал службу 15 мая 1833 г., 22 января 1839 г. произведен в чин хорунжия. 28 (29) февраля 1841 г. назначен начальником 8 дистанции. В 1837 г. в период пребывания в Оренбурге цесаревича Александра Николаевича М. Баймухамедов был в числе казахов, представленных

---

¹⁵¹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 18 об.

¹⁵²⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2799. Л. 10.

¹⁵²¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 2.

¹⁵²² По рапорту В.А. Перовского к К.В. Нессельроде в 1841 году Мухамеджану 26 лет // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 132

великому князю. Он знал русский язык, умел писать и читать. Знал татарскую грамоту¹⁵²³.

Султан хорунжий М. Баймухамедов в период нахождения полковника Баймухаммеда Айшуакова с декабря 1839 по июнь 1840 г. в отряде войск Хивинской экспедиции, исправлял должность правителя и «все возлагаемые на него поручения выполнял с отличным усердием и деятельностью, в особенности же был полезен по сбору верблюдов для подъема тяжестей при возвращении из степи войск помянутой экспедиции»¹⁵²⁴. В апреле 1841 г. за усердие и деятельность по исправлению должности султана-правителя получил чин сотника. 14 ноября 1846 г. произведен в чин войскового старшины за преданность и за доставку в Новопетровское укрепление лошадей и вьючных верблюдов¹⁵²⁵.

15 ноября 1855 г. Мухамеджан Баймухамедов был назначен исправляющим должность султана-правителя Средней части Орды¹⁵²⁶. 25 февраля 1847 г. за усердие в службе награжден орденом Св. Анны 3 степени¹⁵²⁷. С января по сентябрь 1845 г. письмоводителем у султана-правителя Средней части был Григорий Петрович Половоротов.

В 1853 г. М. Баймухамедов участвовал при взятии кокандской крепости Акмечеть на Сырдарье. За преданность правительству, за старание, оказанное в походе, был пожалован в чин подполковника. В 1855 г. за прилежное исправление должности султана-правителя, за энергичность при восстановлении Орды после восстания 1855 г. под руководством Есета Котибарова был награжден орденом Св. Станислава 2 степени для нехристиан установленным¹⁵²⁸.

Сын убитого в 1855 году султана-правителя Араслана Джантюрина – сотник Хангали Арасланов, был назначен в 1857 г. помощником правителя части, а начал

¹⁵²³ Там же. Л. 132.

¹⁵²⁴ Там же. Л. 131 б.

¹⁵²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 2. 1856 год. Д. 17. Л. 3.

¹⁵²⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁵²⁷ Там же. Л. 3.

¹⁵²⁸ Там же. Л. 5.

службу в 1855 г. В 1856 г. был награжден серебряной медалью для ношения на шею¹⁵²⁹.

Кочевники-казахи в межплеменные или межродовые конфликты втягивали российскую администрацию, чтобы аннулировать невыгодные решения, добиться пересмотра дела и т.д. Казахи писали жалобы на своих султанов-правителей в ОПК. Так, например, против Мухаметжана Баймухамедова было возбуждено следствие. Его обвинили в том, что он: 1) в 1845 году отобрал у казаха Буранкула Карынова из рода табын 3-х лошадей и незаконно получил с него же 140 руб. и один халат; 2) такое же нарушение было произведено в отношении казаха Ералия Тебекова; 3) получал взятки при разборах дел о сенокосных угодьях¹⁵³⁰. Проверка данных фактов показала, что это было несправедливое обвинение султана-правителя.

В связи с проведением реформ 1867–1868 гг. должность султанов-правителей была сокращена. Генерал-губернатор Тургайской области Л.Ф. Баллюзек, высоко оценив труд султана-правителя Средней части М. Баймухамедова, предлагал наградить чином генерал-майора и оставить ему получаемое содержание. «Этим не только удовлетворится честолюбие этого ордынца, но полковник Баймухамедов действительно может быть весьма полезен при введении нового положения в тех степных родах Западной части, которые кочуют на Мангышлаке и на Усть-Урте, потому что он единственный ордынец, пользующийся некоторым весом между адаевцами», – писал Лев Федорович¹⁵³¹.

31 марта 1869 г. из канцелярии оренбургского генерал-губернатора сообщали, что по Высочайшему повелению М. Баймухамедову пожалован чин генерала и пожалована пенсия с выдачею ее из Оренбургского губернского казначейства¹⁵³².

Таким образом, правителями Средней части Младшего жуза были потомки хана Абулхайра, внуки старшего сына Нуралы и четвертого Айшуака. По

¹⁵²⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 25. Л. 7; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2983. Л. 52 об.

¹⁵³⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2841. Л. 6.

¹⁵³¹ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 2 об.–3.

¹⁵³² Там же. Л. 4, 5.

сравнению с Западной и Восточной частями, здесь только три султана с должности исправляющего были назначены в должность султана-правителя. Нужно отличать исправляющего, т.е. временно исполняющего должность султана-правителя, от назначенного на должность правителя части Орды. Жалованья этих двух категорий чиновников различались. Султаны-правители получали 1200 руб. сер. в год, а временно исполняющие получали за свой труд деньги и подарки.

В Средней части Юсуф Нуралиев, потомок хана Нуралы, не смог получить должность султана-правителя, хотя в течение 10 лет находился на службе. Если первые правители Орды сразу же были назначены султанами-правителями, то следующие властители проходили тщательнейший отбор. Изучение данного вопроса показывает, что кандидаты в султаны-правители, временно исполняющие должность султанов-правителей, в течение нескольких лет служа империи, находились под постоянным наблюдением ОПК и военного губернатора. Они доказывали империи и императорскому двору свою верность и возможность служить соответственно назначенной должности. Старость, слабое здоровье, уязвимость, двойственность поведения, слабое исполнение возложенных обязанностей были мотивами увольнения, хотя это не всегда распространялось на султанов-правителей. Так, например, ставленник Г.Ф. Генса, отлично прослуживший на должности исправляющего, Араслан Джантюрин лишь по истечении почти 5 лет был назначен султаном-правителем.

Имперская администрация уделяла внимание не только на Чингизидское происхождение, но и на материальное состояние султана после его избрания на должность. Для двух исправляющих должность султана-правителя, М. Тяукина (Западная часть) и Ю. Нуралиева (Средняя часть), ОПК ходатайствовала выдачи полного оклада султана-правителя. Во втором случае это было связано со скудным материальным положением султана.

Таким образом, после реформы 1824 года шел процесс формирования среднего звена управленцев в Степи. На первом этапе потомки хана Абулхаира, инициатора присоединения Младшего жуза казахов к российской империи, которым от «российского правительства было даровано наследственное право

заведовать Малой Ордой», занимали должности султанов-правителей и исправляющих эти должности. После введения должности дистаночных и аульных начальников к управленческому аппарату были привлечены как султаны других домов Чингизидов, также и представители группы «кара-суйек».

4.1.3 Восточная часть Зауральской Орды и ее правители (1824–1869)

Основные принципы преобразования казахского общества, как говорилось ранее, были определены в «Утвержденном мнении Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 г., которое разделило территорию Младшего жуза казахов на три части. Часть территории казахов Среднего жуза и ее население, которое перешло из Западносибирского в управление Оренбургского ведомства, вошла в состав Восточной части Орды вместе с племенами и родами Младшего жуза. Как говорилось выше, оренбургскому военному губернатору поручалось определить и назначить от правительства достойнейших султанов из дома Абулхаира, избрание же султанов-правителей рассматривалось «неудобным»¹⁵³³. Так, по реформе 1824 года в Младшем казахском жузе высшие должностные лица были назначены оренбургским военным губернатором.

Особенностью управления в Восточной части Орды было то, что здесь султанами-правителями были назначены потомки Каип хана из дома Жадика¹⁵³⁴. Основной территорией, где располагались потомки Каип хана, были земли Восточной и Средней частей Орды. На территории Восточной части проживали Кудайменди Батырулы (второй сын султана Батыра) и сыновья Каипа Батырулы: Жихангер, Баба, Аккан, Асфендияр и их потомки. Потомки султана Карабай

¹⁵³³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 165 об.

¹⁵³⁴ Родословная казахских чингизидов линии Жадик – Каип. Чингиз хан – Джучи хан – Орыс хан... Джанибек – Жадик – Шигай хан – Есим хан – Сырдак султан – Хусырау султан – Кайып хан (был ханом казахов после смерти Тауке с 1715 г.) – Батыр султан – Кайып хан (Хивинский хан). Подробнее см.: Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII – XIX вв. Алматы, 2003; П. Эссен приводит следующие данные: Чингиз хан – ...Джангир – Хусрау – Тауке – Ер Есим – Ер-гаиб – Батыр – Каип // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22.

Батырулы расположились во Внутренней Букеевской Орде. Сыновья Каип хана султаны Абулгазы, Жолбарыс, Тунгаша расположились со своими семействами в пределах Средней части¹⁵³⁵.

Султанами-правителями Восточной части, как показывают источники, были только потомки Батыра¹⁵³⁶ [Приложение № 9].

Имперская администрация впервые пошла на нарушение своего слова, данного Абулхаиру и его потомкам о том, что только они, его наследники, будут правителями Степи. Ранее, когда шел спор между оренбургским военным губернатором П.К. Эссеном и В. Тимковским о ликвидации ханской власти или замене хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова другим султаном из дома Каипа, МИД всегда выступал за сохранение власти хана за потомками Абулхаира.

Председатель ОПК В.Ф. Тимковский (1820–1822 гг.) высказывался за сохранение ханской власти за потомками Абулхаира, а не за фамилией Батыра Каипова. Он выступал против предложения П.К. Эссена о назначении Арынгазы представителя из дома Каипа, ханом Младшего жуза.

По мнению председателя Пограничной комиссии, если ханскую власть отдать потомкам Батыра, «такой пример...родил бы соблазн в киргизцах (казахах – Г.И.), привыкших уже к существующему порядку вещей, усилил бы могущество местных начальств, не всегда в пользу киргизцам (казахам – Г.И.) употребляемое, отнял бы у сего народа утешительные надежды в случае каких-либо претерпеваемых им стеснений, ослабил в нем доверие к твердости предначинаний верховной власти, и открыл бы пространное поприще для честолюбивцев. Сим правительство добровольно лишило бы себя полезных плодов почти столетнего опыта»¹⁵³⁷.

Но с другой стороны, в Степи родоначальниками в Среднем жузе были потомки Жадика. Так, например, в 1817 г. семью отделениями аргынов управлял султан Жума Кудаймендиев; десятью отделениями найманов – султан Баба

¹⁵³⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 280. Л. 213, 216.

¹⁵³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 280. Л. 213, 216

¹⁵³⁷ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 32. Л. 41.

Каипов; двенадцатью отделениями кыпчаков – султан Жанторе Жихангеров; четырьмя отделениями балта-керей – султан Шотай Бахтыгиреев¹⁵³⁸.

Таким образом, занимавшие последовательно один за другим должность султанов-правителей Чингизиды дома Жадик уже имели опыт управления.

Второй особенностью было то, что в состав Восточной части Орды вошли роды и племена Среднего жуза. Сюда отошли отделения шакшак, айдарка, кырык мылтык, караман, жар жетим племени аргын, а также кыпчаки, балта керей, елинши узак¹⁵³⁹.

В-третьих, это была малочисленная по своему составу и с небольшой территорией часть Оренбургского ведомства. В составе Восточной части в 1843 г. было около 18 876 кибиток и 90837 чел.¹⁵⁴⁰.

3 августа 1824 г. определилась граница между Средней и Восточной частями Орды. В решении Комитета под руководством Берга говорилось: «поставить черту, начиная от реки Уя, где находится Степная крепость, и провести по вершинам рек Тогузака, Кара Али Аята, Джикувара и Тобола таким образом, чтоб все течение тех заключалось в части восточной; потом продолжить черту сию от вершин Тобола, чрез озеро Карсак-Баши на переправу, называемую Калы, по прежним картам неизвестную, но действительно существующую на реке текущей по соединении Тургая с Ирғизом; от сей переправы провести на Сыр-Дарью к месту, где могила Кур-Кут, и наконец, по дороге, именуемой Епачка, через колодец Суз-кара до первого бухарского кочевья Киндерли»¹⁵⁴¹. Здесь возникла проблема неопределенности границы между кочевьями казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. Временно границей рассматривалась черта от Алабужского форпоста по источникам всех речек, впадающих в Убаган, и по источникам всех Тургаев до горы Улутау¹⁵⁴². Это стало началом длительного

¹⁵³⁸ Мейер Л. Киргизы Оренбургского ведомства. С. 35.

¹⁵³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 346.

¹⁵⁴⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 1 об.

¹⁵⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 342 об.

¹⁵⁴² Там же. Л. 325.

конфликта между оренбургскими военными губернаторами и западносибирскими генерал-губернаторами¹⁵⁴³.

В топографическом описании Восточной части Оренбургского ведомства, составленном корпуса топографов поручиком Яковлевым 2-м из полуинструментальной съемки и рекогносцировки, произведенных в 1851 и 1852 гг., пространство данной части описывается следующим образом: «Часть Киргизской степи Оренбургского ведомства, лежащая к северу и востоку между границею киргизов Сибирского и Оренбургского ведомства, гор Майтюбя, к югу – рекою Булантою, озером Чубар-Тенис, северными окраинами песков Каракум, озером Челкаром и протокам Карасу, а к западу – реками Улу-Тургаем и Сары-Тургаем до пределов Сибирской степи, что составляет площадь до 80 тыс. кв. верст»¹⁵⁴⁴.

Султаны-правители назначались как помощники ОПК в реализации политики империи на окраине. 31 января 1824 года на заседании Азиатского комитета была рассмотрена инструкция для новых правителей Орды.

«Принцип кооптирования нерусских элит в российское дворянство с XVI до середины XIX вв. был ключевым элементом стабилизации полиэтнической империи. При этих условиях нерусские аристократы иногда не только были уравнены с русским дворянством, но и были гарантированы вера, язык и особые привилегии, которыми даже русские дворяне не пользовались», – пишет А. Каппелер¹⁵⁴⁵. Реформа 1824 г. сделала упор на «белую кость» Степи – Чингизидов, в управлении кочевым казахским народом. Обязанности казахского социума по отношению к Российскому государству сводились к поддержанию правопорядка, безопасного проведения торговых караванов по территории казахов.

13 августа 1824 г. был назначен первый султан-правитель Восточной части. Им стал сын султана Кудай-Менде, внук хана Батыра Каипова – Жума

¹⁵⁴³ Избасарова Г.Б. Имперская власть и дебаты по определению границ земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств в I половине XIX века // Вестник Воронежского университета. Серия История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 13–21.

¹⁵⁴⁴ История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 209.

¹⁵⁴⁵ Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. С. 221, 222.

Кудаймендиев¹⁵⁴⁶. Он в свое время был избран кочевниками ханом племени аргын, власть и этот титул он сохранил до получения новой должности и звания¹⁵⁴⁷. Жума управлял также некоторыми родами Старшего жуза¹⁵⁴⁸.

Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен лично вручил грамоту, знамя с императорским гербом и золотую саблю, высланную МИД¹⁵⁴⁹. Султану-правителю по его просьбе был назначен помощником его брат султан Жаншуак Кудаймендиев¹⁵⁵⁰. Казачий отряд, выделенный для Жумы Кудаймендиева, находился в Троицкой крепости, там же султан получал определенное дополнение к жалованию – 60 четвертей ржаной муки в год¹⁵⁵¹. Ставка султана-правителя Восточной части до 1827 г. находилась против Троицкой крепости¹⁵⁵²

Жума Кудаймендиев с 1824 по 1828 гг. кочевал летом между р. Убаганом и Тоболом, зимой на оз. Каракамыш против Кочердыкской станицы¹⁵⁵³.

Султанам-правителям определялись письмоводители. Иногда они пытались добиться назначения на эту должность своих знакомых. Интересным является тот факт, что двое только что назначенных султанов-правителей, Темир Ералиев (Средняя часть) и Жума Кудаймендиев, изъявили желание, чтобы у них переводчиком и письмоводителем был Отдельного Оренбургского корпуса Троицкого батальона унтер-офицер Шахдели или Шагингерей Ахмеров. Изучение данного вопроса представителями Азиатского комитета выявило, что Шахдели Ахмеров и Шагингерей одно лицо. Троицкий комендант в своем рапорте к графу К.В. Нессельроде писал, что составление этих двух просьб от султанов-правителей было инициативой Ахмерова, который пытался занять при одном из них удобное для него место. Ш. Ахметов был уже замечен комендантом в предприимчивости, когда был использован в качестве переводчика¹⁵⁵⁴.

¹⁵⁴⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95а. Л. 273.

¹⁵⁴⁷ Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. С. 200.

¹⁵⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22.

¹⁵⁴⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 5.

¹⁵⁵⁰ Генс Г.Ф. Из краткого обозрения управления оренбургскими киргизами. С. 83.

¹⁵⁵¹ Там же. Л. 345.

¹⁵⁵² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95 б. Л. 75.

¹⁵⁵³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 39 об.

¹⁵⁵⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 4, 4 об., 72.

Ненадежное поведение унтер-офицера, а также военная служба стали помехой его назначения письмоводителем в Орду.

Смена султанов-правителей происходила часто. Это было связано с невыполнением обязательств, как, например, в случае с Ж. Кудаймендиевым. Граф П.К. Эссен был недоволен непрекращающейся барымтой¹⁵⁵⁵, ссылаясь на преклонный возраст Жумы, 7 августа 1828 г. он требовал от ОПК представить кандидатуры вместо Ж. Кудаймендиева. В тот же день председатель Пограничной комиссии Г.Ф. Генс предложил губернатору кандидатуры Жанторе Жихангерова, Шотая Бактыгереева (потомок Абылая) и Айторе Жаншуакулы (правнук Батыра, внук Кудайменди Батырулы) и рекомендовал кандидатуру Жанторе¹⁵⁵⁶.

По А.И. Добросмыслову, Жума Кудаймендиев был уволен с должности в 1830 г. по собственному желанию¹⁵⁵⁷, по нашим данным уволен решением П.К. Эссена в 1828 г.¹⁵⁵⁸

3 октября 1828 года оренбургский военный губернатор П.К. Эссен при личной встрече с султаном-правителем в Звериноголовской крепости сообщил Ж. Кудаймендиеву об отстранении его от должности за невыполнение своих обязанностей¹⁵⁵⁹. П.К. Эссен объяснял султану-правителю, что только из-за уважения к его возрасту (более 70 лет) он освобождается от строгого наказания¹⁵⁶⁰. При осмотре войск, находящихся по Оренбургской линии, напротив которых находились аулы Восточной части Орды, военный губернатор получил сведения от линейных начальников, от торгующих среднеазиатских купцов, от самих казахов, что султан Жума Кудаймендиев при «великой старости и

---

¹⁵⁵⁵ Барымта (баранта) – захват скота в возмещение причиненного ущерба. Барымту нельзя смешивать с грабежом. Американский ученый В. Мартин пишет: «для кочевников барымта была не преступлением; это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия». Устав 1822 года определял барымту как разбой или грабеж. См. подробнее: Мартин Вирджиния. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 360–388.

¹⁵⁵⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3444. Л. 5, 6.

¹⁵⁵⁷ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. С. 259.

¹⁵⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. О. 10. Д. 3444. Л. 31

¹⁵⁵⁹ Там же; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 144.

¹⁵⁶⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 144.

происходящей от того слабости здоровья, уже не в силах занимать трудную должность правителя киргизов».

В своем письме к графу К.В. Нессельроде от 7 ноября 1828 г. П.К. Эссен писал о причинах освобождения султана-правителя от должности. Одной из причин он указывал невыполнение требований Пограничной комиссии и несообщение своего месторасположения вооруженному отряду, направленному в Орду по его же требованию¹⁵⁶¹. Также он был обвинен в том, что тайно ездил к казаху Куандыку, с которого следовало взыскать платеж за украденных лошадей, а он взял с него лошадь и халат. Султан-правитель также приказал начальнику воинского отряда выпустить из-под стражи старшину Кудайшукура Кусатова, которого следовало отослать в ОПК для следствия. Ж. Кудаймендиева обвинили в том, что он допустил казахов Восточной части до того, что они вблизи города Троицка начали отнимать скот у других казахов, и это привело к уменьшению меновой торговли¹⁵⁶².

3 октября 1828 г. военный губернатор предписал султану-правителю Жуме Кудаймендиеву сдать дела помощнику его султану Жанторе Жихангерову, «известному с отличной стороны по усердию, удостоенному в 1826 г. Высочайшего награждения».

ОПК рассматривала вопрос удержания денег из жалованья Жумы Кудаймендиева на удовлетворение тех претензий, которые оставались без решения из-за его беспечности, но затем решила в связи с освобождением от должности не делать этого. Жума Кудаймендиев скончался в мае 1838 г., об этом сообщал 16 мая в Пограничную комиссию Шотай Бактыгереев¹⁵⁶³.

На место Жумы был назначен исправляющим должность султана-правителя Восточной части внук Каип хана – Жанторе Жихангеров, ранее управлявший родом кыпчак¹⁵⁶⁴. Ему была пожалована золотая сабля с булатным клинком в зеленых бархатных ножнях, с золотым поясом и серебряным темляком в красном

¹⁵⁶¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3444. Л.31.

¹⁵⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 143–143 об.

¹⁵⁶³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 16. Д.6. Л.1.

¹⁵⁶⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1609. Л. 1.

сафьянном футляре, составляющая инвеститурный знак его должности¹⁵⁶⁵. Ставку имел с 1828 по 1836 г. летом в окрестностях рек Тобола и Аята, на пространстве между Старой и Новой линией, а зимой против Усть-Уйской станицы¹⁵⁶⁶.

Султан Ж. Жихангеров был известен своей деятельностью оренбургской администрации. В 1820 г. он содействовал экспедиции инженер-поручика Тафаева, за что была объявлена ему благодарность¹⁵⁶⁷. При султানে находился письмоводителем и муллой до 1821 г. тептяр Зают Рафиков¹⁵⁶⁸. Султан Жанторе пользовался всеми льготами Пограничной комиссии. Так, например, летом 1821 г. султан Жанторе Жигангеров просил о присылке ему подорожной до города Уфы и обратно для свидания с родственником его оренбургским муфтием Гусейновым, но ему ответили, что подорожную может он получить на три почтовые лошади с платежом поперстных пошлин от троицкого коменданта¹⁵⁶⁹.

С 5 марта 1829 г. Высочайшим повелением султанам, временно исправляющим должности султанов-правителей Оренбургского ведомства, за успешное выполнение возложенных на них обязанностей выдавалось по усмотрению оренбургского военного губернатора приличное награждение деньгами или вещами¹⁵⁷⁰.

30 апреля 1829 г. П.К. Эссен вызывает Жанторе в Оренбург. 23 мая Жанторе Жихангеров прибывает в Оренбург вместе со своим сыном Ахметом и племянником Ермен Бабаулы. 29 мая 1829 г. его назначили султаном-правителем Восточной части¹⁵⁷¹. Он был приведен к присяге, этот обряд выполнял прибывший из Уфы муфтий Абдрахим¹⁵⁷². Граф П.К. Эссен лично вручил знамя, золотую саблю и грамоту на должность¹⁵⁷³.

¹⁵⁶⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 147.

¹⁵⁶⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁵⁶⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2246. Л. 39.

¹⁵⁶⁸ Там же. Л. 43. В другом месте Вают.

¹⁵⁶⁹ Там же. Л. 39.

¹⁵⁷⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 155.

¹⁵⁷¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3444. Л. 35, 38, 85, 88, 89.

¹⁵⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 159.

¹⁵⁷³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 6; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1823 год. Д. 95Б. Ч. 2. Л. 159.

Взаимные претензии казахов разных частей решались султанами-правителями, а особо сложные – при присутствии председателя Пограничной комиссии. Так, например, в июле 1831 г. председатель ОПК Г.Ф. Генс с разрешения оренбургского военного губернатора П.В. Сухтелена отправился в Степь для разбора дел и удовлетворения претензий казахов Средней и Восточной частей¹⁵⁷⁴.

В 1834 г. для устройства Новой линии, т.е. выбора места под новые укрепления и для расширения земель Оренбургского войска, был отправлен обер-квартирмейстер полковник Жемчужников. Ему было поручено помирить при посредничестве султанов-правителей Восточной части Жанторе Жигангерова и Средней части Юсуфа Нуралиева враждующих кыпчаков и джагалбайлинцев¹⁵⁷⁵.

В 1834 г. султана-правителя обвинили в уклонении исполнения обязанностей, и в центре начали рассматривать кандидатуру для замены Жанторе Жихангерова. Султан Шотай Бахтигереев был назначен в том же году помощником султана-правителя¹⁵⁷⁶. В то же время из Пограничной комиссии доносили, что во вверенной Жанторе части беспорядки и грабежи увеличились до такой степени, что из одного аула нельзя переехать безопасно в другой. Его уличили в противозаконном сборе денег с кочующих при линии казахов¹⁵⁷⁷. Непрекращающиеся набеги и барымта, сбор незаконных денег стали причиной увольнения 18 октября 1835 г. Ж. Жихангерова. Было сделано распоряжение о проведении над ним следствия. Если говорить о его семействе, то Жанторе Жихангеров был женат на Кузекке Букейхановой, сестре хана Внутренней Орды Джангира¹⁵⁷⁸. Их сын – Ахмет Джантюрин, спустя несколько лет займет место отца и будет отмечен за свои заслуги перед государством и императором орденом Св. Станислава 2 степени и серебряной медалью на анненской ленте¹⁵⁷⁹. Второй

¹⁵⁷⁴ 1831 г. июля 23. – Письмо председателя ОПК полковника Г. Генса тархану Бикбулату Бикбову о мерах по ликвидации баранты между казахами // КРО – 2. С. 252–253.

¹⁵⁷⁵ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 51.

¹⁵⁷⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1835 год. Д. 162. Л. 1.

¹⁵⁷⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁵⁷⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6485. Л. 1.

¹⁵⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1852 год. Д. 7. Л. 3.

его женой была сестра хана Шергазы Айшуакова – Мадеяр, от которой он имел сына Мухамеда¹⁵⁸⁰.

Исправляющим должность султана-правителя Восточной части 12 ноября 1835 года был назначен Шотай Бактыгереев¹⁵⁸¹. Так на территории Восточной части Орды к власти пришел потомок хана Среднего жуза Аблая¹⁵⁸², хотя данной территорией управляли ранее потомки Каип хана, но все они, в конечном счете, являются потомками Жадик султана. Ставка его с 1836 по 1841 гг. летом находилась между реками Убаган и Тобол, зимой на р. Тобол против Кочердыкской станицы¹⁵⁸³.

В августе 1837 г. письмоводителем ему был назначен Григорий Половоротов¹⁵⁸⁴. В своем рапорте от 15 января 1850 г. титулярный советник Г.П. Половоротов давал следующую характеристику бывшему своему руководителю: «отличных качеств ума, рассудителен, справедлив и разбирателен в делах; хороших способностей и образования, только древнего и азиатского; характера твердого и самостоятельного»¹⁵⁸⁵. Он также верно служил российской администрации. 31 марта 1812 г. за охрану солевозцев от нападений казахов получил благодарность от оренбургского военного губернатора. 25 октября 1821 г. за усердие в выручке из степи захваченного в плен крестьянина Егора Ситникова султан Шотай получил от ОПК похвальный лист¹⁵⁸⁶. За прилежность и старание в 1839 г. при найме верблюдов для экспедиции в Хиву Шотай Бактыгереев был награжден золотой медалью¹⁵⁸⁷.

По долгу своей службы султаны-правители представляли кандидатуру заседателей от своей части в Пограничную комиссию. Так, например, Шотай

¹⁵⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2045. Л. 1.

¹⁵⁸¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1835 год. Д. 162. Л. 1 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4101. Л. 21, 25.

¹⁵⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4101. Л. 11

¹⁵⁸³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁵⁸⁴ Половоротов Григорий Петрович (род. в 1819 г.) – из обер-офицерских детей, уроженец Оренбургской губернии, православный. По окончании Неплюевского военного училища в ноябре 1834 г. поступил на службу писцом с чином канцеляриста в Оренбургскую пограничную комиссию. В июне 1835 г. произведен в чин 14 класса. В 1839 г. произведен в губернские секретари // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2975. Л. 47–51.

¹⁵⁸⁵ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 120–121.

¹⁵⁸⁶ Там же. С.121.

¹⁵⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5067. Л. 3 об.

Бахтыгереев 15 июня 1836 г. получил предписание комиссии об отправлении достойного султана, а если такового не будет, то почетного и уважаемого старшину заседателем от Восточной части. Заседатели получали жалование по 600 руб. в год и по шесть четвертей ржаной муки¹⁵⁸⁸. Такое же сообщение было отправлено султану-правителю Западной части Баймухаммеду Айшуакову, который, получив сообщение, представил кандидатуру почетного бия Мунке Кулова¹⁵⁸⁹ вместо умершего его отца Кула Чикабаева, заседателя Пограничной комиссии с 1824 по 1836 г.¹⁵⁹⁰.

В 1838 г. ОПК требовала от Шотая Бахтыгереева и войскового старшины Лебедева спросить у старшин, биев и почетных казахов, кочующих на землях, отошедших в Оренбургское ведомство, но считающих себя подвластными Аман-Карагайскому приказу, желают ли они перейти в Сибирское ведомство или, оставшись на этих землях, будут подчиняться оренбургскому начальнику¹⁵⁹¹. В 1839 г. западносибирский генерал-губернатор Горчаков предложил отложить спрашивать у казахских правителей об их желании, где кочевать, так как еще не приступили к разграничению. По его мнению, после разграничения казахи получат возможность оценить свои выгоды, тогда же решат окончательно¹⁵⁹².

Исправляющий должность султана-правителя Ш. Бахтыгереев начал собирать деньги за кочевку при Оренбургской линии у казахов Аман-Карагайского приказа Сибирского ведомства. Только после жалоб казахов, рассмотренных в ОПК, оренбургский военный губернатор запретил ему такие действия¹⁵⁹³.

В 1840–1841 гг. активно шло размежевание территории казахов Оренбургского и Сибирского ведомств. В этот период в результате того, что часть

¹⁵⁸⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4668. Л. 3.

¹⁵⁸⁹ Мунке Кулов – 1800 г. рожд., бий, сын тархана, старшины рода табын, есаула Кула Чикабаева. Мунке назначен заседателем в Пограничную комиссию от Восточной части в августе 1837 года. Летом кочевал по р. Чингирлау, Анканы, Чиили, зимой – против Затонного форпоста. Был богатым. Говорил по-русски, но был неграмотным. Был влиятельным и известным человеком в Степи // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4668. Л. 8; Т. VIII. Ч. 2. С. 136.

¹⁵⁹⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4668. Л. 10.

¹⁵⁹¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 6 – 6 об.

¹⁵⁹² Там же. Л. 32.

¹⁵⁹³ Там же. Л. 10 – 11 об.

земель казахов Среднего жуза перешла под управление оренбургского военного губернатора, кочевники начали переселяться из Сибирского ведомства в Оренбургское. Это вызвало недоумение у сибирского начальства. Ответственность за такие переходы была возложена на султана-правителя. В связи с участвовавшими переходами было поручено султану-правителю Восточной части не принимать казахов Среднего жуза, если это невозможно, то представить рапорт о причинах перехода. Так, например, Ш. Бахтыгереев 9 июня 1841 г. в своем рапорте в ОПК сообщал, что султан Кенжалы Асфендияров подал прошение о перекочевке. Ш. Бахтыгереев сообщал, что в 1831 г. султан Кенжалы со своей семьей состоял в Сибирском ведомстве до открытия Аман-Карагайского окружного приказа в Канжигалинской волости, причисленной после открытия того приказа в его ведомство, кочуя при Пресногорьковской крепости Сибирской линии. В связи с тем, что, во-первых, его родственники Джанторе Джигангеров и др. остались в Оренбургском ведомстве, во-вторых, за невозможностью поддерживать свое хозяйство в связи с болезнью изъявил желание перейти во владение Восточной части¹⁵⁹⁴.

Восстание под руководством Кенесары Касымова (1837–1847) в Среднем жузе насторожило правителей Оренбургского края. От Шотая Бахтыгереева требовали контролировать и сохранить спокойствие в части, не допускать подвластных казахов к вторжению в земли Сибирского ведомства. Коллежскому секретарю Ларионову, войсковому старшине Лебедеву было поручено содействовать султану Шотаю советами. В 1839 г. сестра султана Кенесары намеревалась съездить к хану Джангиру и через него выпросить прощение брату. В связи с этим через исправляющего должность султана-правителя Шотая Бахтыгереева ОПК пыталась сообщить ей, что хан отсутствует в Орде, и что «искomое ею прощение может выпросить Его Превосходительство Василий Алексеевич (Перовский – Г.И.)» и лучше было бы ей приехать в Оренбург¹⁵⁹⁵.

¹⁵⁹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 35, 36.

¹⁵⁹⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 94 об.

Шотай Бактыгереев попадает в категорию «неверных султанов-правителей». 20 мая 1841 г. Пограничная комиссия предлагает оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому заменить «слабого и бессильного» султана Шотая, молодым и энергичным, знающим русский язык султаном Ахметом Джантюриным¹⁵⁹⁶.

29 мая 1841 г. Ахмет Джантюрин, правнук хивинского хана Каипа, был назначен исправляющим должность султана-правителя Восточной части¹⁵⁹⁷. После увольнения Ж. Жихангерова знамя переходило его преемникам, в числе которых был и Ахмет Джантюрин¹⁵⁹⁸. Лишь только 25 марта 1849 г. он был утвержден султаном-правителем Восточной части¹⁵⁹⁹. Вступив на должность, Ахмет Джантюрин просит ОПК о назначении ему помощником своего брата Мухаммеда Джантюрина. Пограничная комиссия ходатайствует перед В.А. Перовским, и 28 августа 1841 г. Мухаммед Джантюрин был назначен помощником султана-правителя Восточной части. Ставка Ахмеда Джантюрина в 1847 г. находилась между г. Троицком и границей с сибирскими казахами, против Усть-Уйской станицы¹⁶⁰⁰.

Ахмет Джантюрин (1810–1851) – султан из династии Жадик, потомок хивинского хана Каипа. Жена его Башеке Шотаева из потомков хана Среднего жуза Абылая, дочь султана-правителя Шотая Бактыгереева¹⁶⁰¹. В казахстанской историографии недостаточно изучена биография и вклад Ахмета Джантюрина в развитие казахского общества. Есть некоторая путаница в генеалогическом древе и определении потомков данного Чингизида. Имя его связывалось в основном с

¹⁵⁹⁶ О службе и потомках султана Ахмета Джантюрина см. подробнее: Избасарова Г. Б. Принципы функционирования властной элиты Степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2015. № 5–6. С. 64–80; Избасарова Г.Б. Формирование российской имперской идеи в Степи в середине XIX в. // Отан тарихы (Отечественная история). 2013. № 4 (63). С. 146–154; Избасарова Г.Б. Сеитхан Джантюрин и его труды: новые страницы истории // Отан тарихы (Отечественная история). 2012. № 3. С. 84–90.

¹⁵⁹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5155. Л. 1, 3.

¹⁵⁹⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 6.

¹⁵⁹⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1852 год. Д. 7. Л. 3.

¹⁶⁰⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 40.

¹⁶⁰¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4101. Л. 11.

подавлением восстания К. Касымова (1837–1847)¹⁶⁰². Так, в работе Е. Бекмаханова описаны события 1843 г., когда отряд А. Джантюрина участвовал в военных действиях против Кенесары¹⁶⁰³.

Вместе с тем архивы сохранили источники, которые показывают нам попытку А. Джантюрина примирить восставшего против политики империи Кенесары Касымова с правительством. В феврале 1841 г. султан Кенесары писал, что со времен его деда Аблая отношения между казахами и российской администрации были как отношения младшего брата со старшим. Но ограбление брата его Саржана 2 раза омскими и петропавловскими жителями, увоз 2-летнего сына Саржана и неизвестность его дальнейшей судьбы, по словам Кенесары, стали причиной его выступления¹⁶⁰⁴. В следующем письме К. Касымов просил освободить дядю его Губайдуллу, племянника султана Нурхана, султана Канжара Кучукова пойманных и увезенных в плен¹⁶⁰⁵. Отправленный ранее с письмом от Кенесары бий отделения крык-мылтык племени аргын Б. Дюнёнбаев был схвачен сибирскими казаками. Это тоже вызывало недовольство Чингизида. Захват данного лица, по сведениям войскового старшины Лебедева, породил слух среди аргынов, что с Сибирской линии скоро будут выступать войска в степь. Лебедев просил председателя ОПК ходатайствовать о скорейшем освобождении Б. Дюнёнбаева для успокоения аргынов¹⁶⁰⁶. В казахстанской историографии причины восстания под предводительством К. Касымова изучены основательно, поэтому мы упускаем этот сюжет.

К. Касымов именно в трудные минуты обращается к Ахмету Джантюрину. Чингизид написал два письма. Одно для А. Джантюрина, другое для оренбургского начальства. Письма были отправлены кочующему на Сарыкопе бию Алимбаю Байгузину¹⁶⁰⁷. Он в свою очередь переслал их А. Джантюрину,

¹⁶⁰² Кенесары Касымов (1802–1847) – чингизид, потомок казахского хана Аблая. В 1837–1847 гг. возглавил восстание казахов против административной политики империи, объединил все три казахских жуза.

¹⁶⁰³ Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1992.

¹⁶⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 59.

¹⁶⁰⁵ Там же. Л. 70.

¹⁶⁰⁶ Там же. Л. 92 об.

¹⁶⁰⁷ Внук знаменитого казахского бия Казыбека // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 65.

который перевел их на русский язык и отослал в ОПК генерал-майору Г.Ф. Генсу¹⁶⁰⁸. Одной из причин отправки письма к оренбургскому начальству было то, что Высочайшим повелением по предложению оренбургского военного губернатора было объявлено прощение всем казахам Оренбургского ведомства, участвовавшим в движении К. Касимова, поэтому Кенесары искал покровительства оренбургских начальников¹⁶⁰⁹. ОПК поручила А. Джантюрину и султану Язы Янову отправить проверенных людей, чтобы узнать, насколько К. Касимов готов к раскаянию.

К султану Кенесары от Ахмета Джантюрина были отправлены старшина Тлес Мангильдин и др. Исправляющий должность султана-правителя А. Джантюрин требовал от Кенесары отправить свою сестру или сына, или же кого-то из ближайших родственников в Оренбург (напоминает нам институт аманатства). Язы Янов отправил к султану К. Касимову его шурина султана Ертана Турсунова, который по возвращении сообщил, что Кенесары «чрезвычайно обрадовался, что получил надежду испросить себе прощение»¹⁶¹⁰. А. Джантюрину султан Кенесары направил своих доверенных Сейтена Абызова и Ажбая Манасова. Старшины сообщали, что Кенесары обещал отправить в другой раз кого-то из своего семейства¹⁶¹¹.

В то время как западносибирский генерал-губернатор П. Горчаков просил разрешения отправить карательные отряды к Улутаяу, оренбургский военный губернатор В.А. Перовский высказался против этого, мотивируя тем, что это вызовет новый всплеск недовольства со стороны кочевников¹⁶¹². В.А. Перовский обратился в Военное министерство с просьбой исходатайствовать Кенесары Всемиловейшее прощение и разрешение ему остаться в Оренбургском ведомстве¹⁶¹³. Так, в 1841 г. исправляющий должность султана-правителя

---

¹⁶⁰⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 57 об.

¹⁶⁰⁹ Там же. Л. 66.

¹⁶¹⁰ Там же. Л. 71.

¹⁶¹¹ Там же. Л. 78.

¹⁶¹² Там же. Л. 60 об. – 61.

¹⁶¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 88 об.

А. Джантюрин выступал в качестве дипломата, регулировавшего отношения между восставшим султаном Кенесары и оренбургскими властями.

В 1842 г. в период рекогносцировки земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств А. Джантюрину было поручено командировать и отправить в укрепление Джаркаин представителя от казахов и понятых, которые знали хорошо ту местность¹⁶¹⁴. Так местное население постепенно вовлекалось в имперское освоение региона.

В 1841 г. исправляющий должность султана-правителя Восточной части Ахмет Джантюрин ставил вопрос о вакцинации от оспы казахов его части, которое еще не получило широкого распространения, несмотря на все усилия Пограничной комиссии. При ставке начальника части был «оспопрививательный ученик». Он просил ОПК отправить к нему вакцины оспы, что было сделано¹⁶¹⁵.

Ахмет Джантюрин относился к числу представителей нового управленческого аппарата Степи, которые, получив русское образование¹⁶¹⁶, приняв новый имперский порядок управления, изменение политической системы, стремились оправдать надежды военного губернатора и ОПК.

Султан-правитель Ахмет Джантюрин, «научившись русской грамоте путем чтения русских книг, настолько развился и возвысился над толпой соплеменников, что его заветной мечтой стала мысль приобщения киргиз (казахов – Г.И.) русской культуре», – пишет А.И. Добросмыслов. Ахмет отдает в Неплюевский кадетский корпус своего сына Сеитхана, брата Махмута и племянника Омара, Альмухамеда Кунтореулы (был последним султаном-правителем Западной части) и Тлеумухамеда Айтореулы Сейдалиных¹⁶¹⁷, затем содействовал отправлению в оренбургские учебные заведения Ыбрая Алтынсарина (первый инспектор русско-казахских школ Тургайской области),

---

¹⁶¹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 185.

¹⁶¹⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 4 об.

¹⁶¹⁶ Ахмет Джантюрин самостоятельно выучил русский язык.

¹⁶¹⁷ Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Актобе, 2010. С. 396–397.

двух сыновей муллы Хисаметдина, находящегося в его ставке, братьев Калжана и Хамзу Каржасовых и еще 20 мальчиков¹⁶¹⁸.

Имя Ахмета Джантюрина мы встречаем в списке чиновников 1846 г., рекомендованных ОПК к награждению¹⁶¹⁹. В данном документе его характеризуют, как человека «по гибкости ума, сметливости, понятиям о вещах и предметах, очищенного от грубого невежества и закоснелого азиатского фанатизма, султан этот стоит выше всех в обеих ордах (Средней и Малой) соплеменных ему султанов и почетных ордынцев. Владея свободно русским языком как разговорным, так и письменным, он с большею легкостью понимает и использует распоряжения Комиссии по управлению вверенной ему части»¹⁶²⁰. Он отличался большими организаторскими способностями, уделял основное внимание делопроизводству. В 1842 г. он с большим успехом с помощью биев завершил спор и претензии, возникшие между оренбургскими и сибирскими казахами.

2 июля 1848 г. А. Джантюрин обратился к председателю ОПК генерал-майору и кавалеру М.В. Ладыженскому с просьбой о поездке в столицу. В своем письме он отмечал: «пользуясь примером тем, что покойный правитель Западной части Б. Айшуаков удостоился быть в Санкт-Петербурге, и имел счастье представиться Е.И.В., я имею честь покорнейше просить... соизволение на поездку мою с почетнейшими ордынцами в Санкт-Петербург»¹⁶²¹.

Зимой 1849–1850 г. Ахмет Джантюрин был приглашен в Петербург для аудиенции у императора. 12 января 1850 г. депутация во главе с султаном-правителем Восточной части Ахметом Джантюриным, в составе султана, начальника 53 дистанции есаула Сулеймена Жихангерулы, сотника, начальника отделения Узын рода кыпчак Балкожа би Жанбыршыулы (дед Ыбрая Алтынсарина), биев рода аргын Бегена Жазулы, Казыбека Шегенулы,

¹⁶¹⁸ Каржасов Х. Из воспоминаний о султанине Ахмете Джантюрине // Тургайская газета. 1895. № 28. С. 2.

¹⁶¹⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 65.

¹⁶²⁰ Там же. С. 67.

¹⁶²¹ ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 3519. Л. 1 – 1 об.

представителей рода кыпчак Косылбая Сатыбалдыулы, Ортеке Баубекулы и Шона Атаулы из рода керей выехала из Оренбурга в Петербург.

Казахская депутация была на приеме у императора. В Петербурге Ахмет Джантюрин получил чин полковника, султан Сулеймен был награжден орденом Св. Анны 3 степени, Балкожа би получил чин войскового старшины, Казыбек би чин есаула, Беген би чин сотника, а бывшему в составе депутации 12-летнему Сеитхану Ахметовичу были вручены золотые часы. Казахская депутация 10 апреля прибыла из Санкт-Петербурга в Оренбург¹⁶²².

Для формирования «образа империи» как могущественного и сильного государства в глазах казахов предлагалась целая система мероприятий. Так, например, для казахской депутации во главе с А. Джантюриным, прибывших 29 января 1850 г. в Санкт-Петербург, был составлен реестр на проезд. В числе мероприятий на февраль месяц перечисляются прогулки по городу Санкт-Петербургу, за Невою по городу, в зоопарк, в Ботанический сад, планировалось посещение Зимнего дворца, технологического института, Александровской мануфактуры, стеклянного завода, Михайловского и Александрийского театров, цирка, поездка на паровой машине в Царское село. На март было запланировано посещение музея Горного корпуса, Царскосельского дворца, императорского стеклянного и фарфорового заводов, музея Академии наук (Кунсткамера), Эрмитажа, земледельческого училища, Адмиралтейства, кадетских корпусов, Пулковской обсерватории, придворной конюшни, казарм конного полка и т.д. Главное – это аудиенция у императора¹⁶²³. Как показывают архивные источники, данный сценарий был единым для представителей всех восточных государств.

Изучая архивные материалы, посещения столицы империи А. Джантюриным, мы можем выделить цели, преследованные султаном-правителем. Это решение спорных вопросов, в первую очередь земельные проблемы.

А. Джантюрин и его свита при встрече с министром иностранных дел высказали просьбы об ограждении казахов от притеснения казаков, о разрешении

¹⁶²² ЦГА РК. Ф. 4. О. 1. Д. 3519. Л. 104, 117–120, 130, 135–138.

¹⁶²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 126, 127.

спора во время прикочевки казахов на линию, об оказании помощи казахам родов шекты, шомекей, торткара ¹⁶²⁴, пострадавшим от нападения хивинцев, определения границы между землями казахов и линейных жителей на степной стороне. Султан-правитель сообщал: «Линейные жители присваивают себе в отделении киргизов (казахов – Г.И) разные прилинейные угодья, на степной стороне находящиеся, и косят там сено в местах, которые должны принадлежать киргизам (казахов – Г.И.)». Он просил положить конец подобным действиям казаков и линейных жителей, и для прекращения всяких споров о землях и угодьях, находящихся при линии, определить ясную границу между землями казахов и линейных жителей, чтобы казахи точно знали, какими местами могут пользоваться казаки, а какими не должны. Ахмет Джантюрин рассматривал это как средство пресечения всяких взаимных неудовольствий, жалоб и тяжб, а с другой стороны как возможность поддержать и улучшить скотоводство как единственное достояние той части казахов, которые постоянно зимуют близ линии¹⁶²⁵.

Султан-правитель ходатайствовал дать распоряжение казачьему начальству между Старой и Новой линией, чтобы они беспрепятственно пропускали туда казахов на зимнюю кочевку, так как это разрешено правительством, при этом А. Джантюрин подчеркивал, чтобы было запрещено линейным казачьим начальникам и жителям взимать какую-либо денежную плату в общественный капитал. Он просил ответственных лиц, чтобы казахам разрешали прикочевать в район между Старой и Новой линией на зиму сразу после уборки казаками хлеба. Например, с 1 октября казахи могли бы уже расположиться в свободных местах этого района, оставаясь там до весны. Также он просил, чтобы после окончания казаками сенокосения позволено было казахам (до прикочевки их туда со стадами и аулами) докашивать оставшуюся казаками в сущности уже не нужную траву без всякой за это платы¹⁶²⁶.

¹⁶²⁴ Шекты и торткара самые многочисленные роды поколения Алимуды Младшего жуза.

¹⁶²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 163.

¹⁶²⁶ Там же. Д. 8. Л. 163 – 164 об.

Султан-правитель поднимал вопрос о выдаче пособия для посева, выдаче хлеба, земледельческих орудий, скота и войлока для юрты разоренным нападением хивинцев кочевникам.

Казахская депутация изложила еще одну просьбу, состоящую в том, чтобы не делать поселений внутри линии и не строить там укреплений, так как подобные меры стесняют казахов в местах их кочевков. Ахмет Джантюрин говорил, что казахи «благодаря попечительности главного начальства приведены теперь в совершенную покорность и кочуют там мирно и спокойно». Также он обратил внимание на то, что земля казахов «занимает обширное пространство, но мест привольных, удобных для летнего кочевания и зимовок вообще мало по сравнению с народонаселением, а потому казахи не могут не дорожить этими местами»¹⁶²⁷.

Просьба казахской депутации была доложена императору. Затем из МИД было отправлено оренбургскому военному губернатору В. Обручеву сообщение: дать по всем этим просьбам заключения как главному начальнику края. 25 июля 1850 г. военный губернатор дал ответ по всем вопросам. В частности, были высказаны проблемы землепользования не только казахов, но и казаков. Увеличение численности населения на линии привело к тому, что казаки начали ощущать нехватку в лугах. Но В. Обручев дополнил, что если «будет обнаружено, что жители самовольно захватят луга за линией или станичные начальники несправедливо донесут о нуждах казаков в пользовании залинейными покосами, то виновные в этом согласно положению Военного Совета 10 мая 1840 года подвергаются: казаки – взысканию на основании общих законов ст. 536 х.т. зак. гражд. и ст. 2098 и 2099 уложения о наказаниях, а станичные начальники – взысканию как за неправильные представления начальству; таким образом, с моей стороны принимаются все зависящие меры к ограждению киргизов (казахов – Г.И.) от стеснения их линейными жителями в пользовании поземельными

---

¹⁶²⁷ Там же. Л. 165 об.

угодьями, но чтобы устранить казаков во все от пользования сенокосами на заграничной стороне, то это оказывается невозможным»¹⁶²⁸.

По вопросу определения границы между землями казахов и линейных жителей на степной стороне он объявлял, что это может быть приведено в исполнение только тогда, когда войсковые сенокосные места с точностью будут определены и обмежеваны. В это время проект учреждения в войске Межевой Комиссии был создан и находился на рассмотрении Военного министерства¹⁶²⁹.

Об оказании пособия казахам родов шекти, шумекей, торткара, пострадавших от разорения хивинцев, военный губернатор распорядился собрать сведения, какое число казахов потерпели разорение, в чем заключается их потеря, какое пособие им необходимо оказать, какая сумма потребуется на это. После получения этих данных В. Обручев обещал сделать соответствующее распоряжение¹⁶³⁰.

По теме относительно возведенных в казахской степи поселений и укреплений военный губернатор сообщал, что в каждом из этих укреплений находятся гарнизоны в следующем количестве: в Оренбургском и Уральском – по 400 чел., а в Раимском – 900; поселено казахских семейств: при первых двух – по 10, а при последнем – 20 семейств; скотоводство у них: при Оренбургском укреплении – 68 голов, при Уральском – 286, а при Раимском – 315 голов»¹⁶³¹. По мнению В. Обручева таковое незначительное количество скота отнюдь не могло стеснять казахов. Он говорил о неосновательности претензий казахской депутации, тогда как казахи выступали вообще против строительства укреплений и поселений в Степи.

Оренбургские правители давали характеристику каждому члену депутации, писали об их заслугах. А. Джантюрин, по характеристике председателя Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженского, «мужчина среднего роста, лет 32 или 33, больной, худой, с продолговатым бледным лицом, с

¹⁶²⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 170 об.

¹⁶²⁹ Там же. Л. 171 об.

¹⁶³⁰ Там же. Л. 171 об.

¹⁶³¹ Там же. Л. 173.

небольшими серыми выразительными глазами, с черными бровями, небольшим круглым лбом и рыжими усами и бородою. Отец его Жанторе – человек слабый, мнительный, необразованный, не знавший русского языка, не понимавший целей правительства, беспрестанно попадавший в различные неприятные обстоятельства – был отстранен от должности султана-правителя. Ахмет видел неудачи своего отца султана-правителя, и поэтому еще 16-летним юношей, помогая своему отцу по незначительным торговым оборотам, разъезжая по меновым дворам и форпостам казачьим, знакомился с русскими, изучал их язык и вникал в дела канцелярии своего отца. Видя все неудачи отца, вполне постигнул, что при необразованности, или лучше сказать, незнании русского языка ни порядка русского производства, ему как происходящему от меньшей султанской линии трудно будет выйти из среды тех незначительных султанов, которых так много в настоящее время и которые не имеют никакого веса и влияния даже на простого киргиза (казахи – Г.И.)»¹⁶³².

Ученый-востоковед В.В. Григорьев, бывший на службе в Оренбургском крае, писал об Ахмете Джантюрине: «Этот похвальный памяти султан нашел средства выучиться по-русски, не выезжая из степи, и знал русский язык в такой степени, что совершенно свободно читал и понимал «Отечественные записки» и другие журналы, которые постоянно выписывал. В Петербурге живы еще многие, могущие свидетельствовать о том изумлении, в какое приводил он столичных ученых глубиной и проницательностью своих суждений и замечаний о явлениях европейской жизни и предметах науки»¹⁶³³.

Знакомство с русскими линейными чиновниками, знание русского языка помогло ему в приобретении веса между казаками. По сообщению представителей власти, каждый казах, имея какие бы то ни было дела на линии, обращался с просьбою к Ахмету, как «человеку имевшему значение и между русскими»¹⁶³⁴. «Свыкшийся с русской жизнью, но не для того, чтобы выпустить из виду быт

¹⁶³² Там же. Л. 27.

¹⁶³³ Пиралиев Мендали. Из Зауральской степи: письма к редактору «Дня» // День. 1862. № 28. С. 6. А. Ремнев сообщает, что В. Григорьев подписывался под этим именем.

¹⁶³⁴ РГИА. Ф.1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 27 об.

киргиза (казаха – Г.И.), умный, проницательный, но хитрый, уклончивый и вместе с тем самостоятельный человек, при ласковом, приветливом обращении, он в несколько лет сумел подчинить себе киргизов в полном значении этого слова»¹⁶³⁵. Восточная часть Орды быстро принимает новшества, которые были продиктованы временем. Появляются новые виды деятельности казахов: купечество, извозничество, солевозцы. «Ахмет Джантюрин, занимаясь сам торговлею, с готовностью предлагает свои деньги, конечно не без значительных для себя выгод, каждому казаху, желающему заняться каким-нибудь из вышеприведенных промыслов. Развитие торговли, по мнению Ладыженского, повлияло на образование, на манеры, на их обращение».

Хорошее знание русского языка и грамоты помогало Ахмету самому составлять важные бумаги и исправлять бумаги, составленные его письмоводителем Григорием Половоротовым¹⁶³⁶, который был известен как человек с деловыми качествами. А. Джантюрин старался искоренить некоторые обычаи, как например, жиендик, разрешающий потомкам дочерей (жиенам) самовольное завладение путем захвата из стад своих матерей любой лошади или другого предмета из имущества, что часто вело к обоюдной барымте близких родственников. Заботился о развитии крекешества (караванного промысла), так как казахи, владея большим количеством верблюдов, могли этим путем зарабатывать большие деньги, преследовал конокрадство и с его именем связано развитие сенокосения среди казахов Восточной части¹⁶³⁷.

В 1847 г. Ахмет Джантюрин за прекращение вражды и взаимных претензий казахов Восточной части Орды с сибирскими казахами был награжден орденом Св. Станислава 2 степени. На общем съезде казахов в Кусмуруне (на границе степей Сибирского и Оренбургского ведомства) был разрешен давний спор за

¹⁶³⁵ Там же. Л. 27 об.

¹⁶³⁶ Г.П. Половоротов с 1837 г. по январь 1845 г. был письмоводителем султана-правителя. После полугодового пребывания переводчиком при султানে-правителе Средней части в сентябре 1845 г. был обратно возвращен в Восточную часть на свою должность. В марте 1845 г. произведен в коллежские советники, в октябре 1848 г. – в титулярные советники. Уволен со службы в июне 1885 г.

¹⁶³⁷ Добросмыслов А.И. Тургайская область. С. 396.

землю. И, как сообщают нам источники, с тех пор несогласия и всякая барымта были прекращены¹⁶³⁸.

В октябре 1849 г. А. Джантюрин вышел с предложением председателю ОПК об учреждении при его ставке школы для казахских детей, так как «киргизы (казахи – Г.И.) вверенной ему части Орды, по своей дикости и значительной отдаленности кочевьев от Оренбурга, не решаются определять детей своих в учрежденную при Комиссии школу, между тем необходимость в грамотных людях, которых весьма немного в Восточной части, слишком ощутительна, с учреждением же при ставке школы, чего желают почти все киргизы Восточной части, устранится и то важное неудобство, что почетные и богатые ордынцы, имея под рукою заведение, куда с доверием могут отдавать детей своих, не станут поручать воспитание их полуграмотным муллам, которые, исполняя вообще дурно прямую свою обязанность, успевают внушать детям понятия неблагоприятные и вредные»¹⁶³⁹. Он предлагал открыть школу сначала для 40 мальчиков; курс школьного учения ограничить чтением и письмом на русском и татарском языках, толкованием основных начал мусульманской веры, четырьмя первыми действиями арифметики на счетах. Для преподавания он задумывал пригласить двух учителей, русского языка с жалованием в год – 160 руб. сер., и татарского с жалованием 100 руб. в год. Предлагался 3-годовалый срок обучения. Но предложения А. Джантюрина были отклонены. ОПК обратила внимание на то, что за неимением практики успехи в русском языке будут самые ничтожные, во-вторых, «утверждение этого предложения подаст повод к подобному же ходатайству и со стороны других султанов-правителей, и тогда во вновь учрежденную при Пограничной комиссии школу едва ли ордынцы захотят отдавать своих детей»¹⁶⁴⁰. Но султану-правителю А. Джантюрину было объявлено, что «хоть начало его и не признается теперь удобным привести в

---

¹⁶³⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 47 об.

¹⁶³⁹ Там же. Л. 47 об.

¹⁶⁴⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1849 год. Д. 3. Л. 1 – 1 об.

исполнение, но во всяком случае правительство видит в оном новое доказательство его усердия»¹⁶⁴¹.

Современники высоко оценили труд султана-правителя. Характеризуя эпоху правления Ахмета, кочевник Осеке написал песню, которая была распространена среди населения Восточной части:

«Ахмет хан болды да, дау кұрыды,
Тенеген ат кұлағын жау кұрыды.
Мына бір азғана ауыл Өтетлеу,
Мас болып дәулетіне тауға ұрынды».

«С восстановлением *ханства* (курсив мой – Г.И.) Ахмета, уничтожены споры, хищники, шедшие рядом с мирным киргизом, исчезли. А этот маленький аул Утетлеу, опьяненный своим богатством, соперничает с горою»¹⁶⁴². Автор службу Ахмета Джантюрина соотносит с ханской властью.

3 апреля 1847 г. в ОПК А. Джантюрин обращается с просьбой разрешить ему вырубить из Аман-Карагайского бора 350 бревен и выстроить из них дом близ Усть-Уйской станицы, на урочище Умуртай, как для помещения его канцелярии, так и для проживания в ней с семейством¹⁶⁴³. Объяснял он эту просьбу своим слабым здоровьем.

Наделение казахов землями при Оренбургской линии, для строительства на них оседлых жилищ, «признавалось несовместным с видами правительства и вредными для кочевого быта»¹⁶⁴⁴. Подобного рода просьбы всегда отклонялись, «как основанные более на корыстные видам и на желании извлечь из отведенных земель разные выгоды к вреду и стеснению прочих ордынцев». Но Ахмету Джантюрину удалось добиться разрешения.

25 мая из Петербурга за подписью директора Азиатского департамента МИД Л.Г. Сенявина был получен ответ с разрешением строительства дома, ссылкой на Высочайшее императорское повеление и письмо канцлера К.

¹⁶⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1849 год. Д. 3. Л. 4 об.

¹⁶⁴² Каржасов Х. Из воспоминаний о султанине Ахмете Джантюрине // Тургайская газета. 1895. № 28. С. 3.

¹⁶⁴³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1849 год. Д. 3. Л. 5.

¹⁶⁴⁴ Там же. Л. 5.

Нессельроде. Строительство дома для султанов-правителей уже рассматривалось как необходимость, так как нужно было обустроить канцелярию и «само приличие требует, чтобы султаны-правители имели более удобное помещение, нежели прочие киргизы или старшины их»¹⁶⁴⁵.

Строительство дома планировалось начать и закончить летом 1851 года на месте, предложенном А. Джантюриным, длиною по течению р. Тобола в 6, а шириною в 2 версты¹⁶⁴⁶. Он построил деревянный дом с баней, находившейся на урочище Кенарал Кенаральской волости Кустанайского уезда¹⁶⁴⁷.

В 1846 г. в виде опыта по предложению председателя ОПК оренбургским военным губернатором было дано разрешение на передвижение султанов-правителей с состоящим при них двухсотенным отрядом каждое лето вглубь степи. По мнению пограничной администрации, наблюдение за казахами в самих их кочевьях давало возможность быстро и своевременно рассматривать многочисленные родовые претензии, жалобы, раскрывать преступления, тем самым приводило к искоренению барымты и кровной мести¹⁶⁴⁸. Данный опыт был одобрен МИД в 1848 г.

Султаны-правители выступали инициаторами проведения чрезвычайных съездов казахов для решения обоюдных претензий. В 1849 г. султаны-правители Средней (Араслан Джантюрин) и Восточной (Ахмет Джантюрин) частей получили разрешение подойти с отрядами к границе двух частей для разбора дел между родами шумекей и торткара, не приступая лишь к окончанию дел по убийствам, грабежам и барымте¹⁶⁴⁹. В октябре 1849 г. с позволения императора МИД за невозможностью вызвать из орды для предания суду лиц, участвовавших в междоусобной барымте, так как в этом участвовали большею частью целые отделения и рода казахов, дало разрешение на все начавшиеся с 1832 г. по 22 июня 1849 г. дела об убийствах, барымте, грабежах, воровстве и исках разного

¹⁶⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1847 год. Д. 3. Л. 13.

¹⁶⁴⁶ Там же. Л. 1.

¹⁶⁴⁷ Данные об этом факте разные. По А.И. Добросмыслову Ахмет построил дом // Добросмыслов А.И. Тургайская область. С. 397. По архивным данным, этого не произошло // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 158.

¹⁶⁴⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 16, 16 об.

¹⁶⁴⁹ Там же. Л. 17.

рода во всех трех частях орды султанам-правителям и старейшинам претендующих сторон закончить разбор дел, освободив виновников преступлений от дальнейшего преследования судом. Султаны-правители Араслан Джантюрин, Ахмет Джантюрин сообщали, что в период передвижения по Степи они завершили разбор взаимных претензий казахов двух частей¹⁶⁵⁰.

В ночь на 2 августа 1851 г. скончался султан-правитель Ахмет Джантюрин. О том, с каким уважением казахи относились к султану-правителю, можно судить о поминках – ас, данных на годовщину смерти. Как сообщает Ф.М. Лазаревский, на ас собралось около 7000 чел. и было поставлено до 350 кибиток для приема гостей¹⁶⁵¹.

Если говорить о семье Ахмета Джантюрина, в браке с Башеке Шотаевой они родили Сеитхана, Сакыпкерея, Даулеткерея и двух дочерей. В формулярном списке Ахмета Джантюрина за 1851 г. значится: Сеитхану – 14, Сакыпкерею – 11, Давлеткерею – 7 лет, дочери Газизе (в другом месте Гайша) – 9 лет, Гафифе – 2 года¹⁶⁵². Потомки его пошли по следам отца. Сын Ахмета, Сеитхан, успешно окончив Неплюевский кадетский корпус, в 1860 г. поступил на службу заседателем от казахского народа в правление оренбургскими казахами. В 1869 г. был назначен младшим чиновником особых поручений при Тургайском военном губернаторе. В звании подполковника по болезни ушел в отставку в 1881 г.¹⁶⁵³.

После смерти полковника султана-правителя Ахмета бывший его помощник, брат Мухаммед Джантюрин, был назначен исправляющим должность. Лишь спустя 7 лет генерал-губернатор А. Катенин 30 ноября 1858 г. ставит перед МИД вопрос об утверждении Мухаммеда Джантюрина султаном-правителем Восточной части Орды. 23 декабря 1858 г. МИД дает свое согласие¹⁶⁵⁴.

¹⁶⁵⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 17 об. – 18 об.

¹⁶⁵¹ Лазаревский Ф.М. Очерки киргизов Оренбургского ведомства // Русский дневник. 1859 г. № 14. от 18 января.

¹⁶⁵² Формулярный список о службе за 1844 год // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2589. Л. 1, 3; за 1851 год // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1852 год. Д. 7. Л. 3.

¹⁶⁵³ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 258. Л. 3 об. Более подробно о его службе см.: Избасарова Г.Б. Сеитхан Джантюрин и его труды: новые страницы истории // Отан тарихы (Отечественная история). 2012. № 3. С. 84–90.

¹⁶⁵⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1858 год. Д. 11. Л. 1, 2.

Мухаммеду Джантюрину примерно 1808 года рождения, в 1844 г. было 36 лет. С 1841 г. был помощником султана-правителя Восточной части Орды. Знал татарскую и русскую грамоту. За усердие и преданность, оказанные во время нахождения его в отряде, бывшем под начальством войскового старшины Лебедева, при захвате и преследовании восставших аулов Сибирского ведомства был награжден в 1839 г. серебряной медалью на анненской ленте¹⁶⁵⁵.

Ф. Лазаревский не восторженно отзывался о нем. «Управляющий Восточной частью султан Мухаммед Джантюрин, которого я лично не знаю, по общему голосу не имеет качеств, нужных для правителя. Других достойных султанов тоже там не видно, впрочем, прежний султан-правитель Ахмед умел не позволить никому выказать свои достоинства и сделаться заметным в Орде», – писал он¹⁶⁵⁶.

Султаны-правители нередко становились объектом пристального внимания со стороны ОПК. Старшины, иногда почетные казахи обвиняли их в незаконном сборе денег. Изучив обстоятельства, Г.Ф. Генс решил лишить султанов-правителей участия в сборе кибиточной подати. Он предлагал поручить это дело старшинам и биям. Предложение председателя ОПК было рассмотрено в Оренбурге, но члены комиссии на это не согласились и подали сменившего В.А. Перовского 10 мая 1842 г. генерал-лейтенанту Обручеву особую докладную записку с изложением вреда, могущего произойти от этой меры. Обручев согласился с членами Комиссии, и султаны-правители продолжали иметь главный надзор за сбором подати¹⁶⁵⁷.

По реформе 1868 г. упразднялась должность султанов-правителей. Последнего правителя Восточной части Лев Федорович Баллюзек предлагал произвести в полковники с увольнением от службы. Также он предлагал назначить ему пожизненную пенсию в виде получаемого им оклада, т.е. 1200 руб. сер.¹⁶⁵⁸

¹⁶⁵⁵ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 31.

¹⁶⁵⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 19.

¹⁶⁵⁷ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 58.

¹⁶⁵⁸ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 260. Л. 2 об.

Таким образом, в эпоху усиления процесса включения в имперское пространство казахских земель российская имперская система управления казахской Степью определила главной социальной опорой государственной власти на первом этапе проведения административной политики представителей традиционной знати – султанов. При назначении на должность султанов-правителей учитывалось несколько факторов. Так, например, в 20-е – 30-е гг. XIX в. преимущественно учитывалось их влияние в Степи, первые султаны-правители были ханами определенных групп кочевников. По мере изучения их деятельности и определения обязанностей, главное – верой и правдой служить императору и Двору, постепенно усложняются критерии отбора правителя части. Теперь не только чингизидское происхождение, влияние среди населения части, но и четкое выполнение распоряжений ОПК и оренбургского военного губернатора, знание русского языка главенствуют при выборе кандидата. После первых трех султанов-правителей следующие проходят процедуру тщательного отбора, которая выражалась в исправлении должности султана-правителя некоторое время. За это время ОПК, наблюдая за его службой, обращала внимание и на такие моменты: спокойствие в степи, подчинение всех слоев населения ему, сбор кибиточного налога без нарушений, умелое проведение чрезвычайных съездов, когда слово султана-правителя было решающим, прекращение барымты.

Рассматривая деятельность султанов-правителей в политической организации Российской империи, мы можем утверждать, что представители местной элиты – Чингизиды, смогли найти свое место в системе государственности. Местная политическая элита интегрировалась во властные структуры и участвовала в процессе управления. Султаны-правители могли сохранить свои должности, служа «верой и правдой» империи. В то же время надо помнить, что в той ситуации, которая сложилась в Степи, прекращение междоусобиц, распрей, барымты давало более стабильное существование, что, в конечном счете, способствовало интересам казахского общества.

«Российское государство в первой половине XIX в. было зависимым от служб нерусских элит на местах и в центре империи. Только во второй половине

XIX в. ситуация постепенно меняется. Формирующиеся русские кадры стали соперниками нерусских элит. Национальные движения нерусских народов и самих русских начали ставить под вопрос наднациональную легитимизацию царизма, основанную на династии и сословиях»¹⁶⁵⁹.

Реформы XIX века привели к изменениям административного устройства Степи. Разделение института султанов на группу государственных служащих и активных противников нового режима, выступавших за возрождение института ханской власти, привело российское правительство в середине XIX в. к изменениям прежних политических ориентаций в Казахской степи. Оно решило отказаться от правовой и административной поддержки сословного престижа и имиджа казахских султанов и сделать ставку на представителей уже «черной кости», т.е. биев, баев, батыров и т.д.

Таким образом, проводимые российскими властями административно-политические мероприятия в Степи привели к ограничению традиционных прав и привилегий Чингизидов – степной аристократии, повышению социального статуса тех султанов, которые служили верой и правдой империи, и законодательному обеспечению высокого статуса для казахов «черной кости», кооптированных в состав российского административно-управленческого аппарата.

В конце 50-х – 60-е гг. XIX в., в период утверждения российской власти на всей территории казахских жузов, распространение российского законодательства и налоговой системы привело к острому соперничеству различных групп кочевников. В конце 60-х г. XIX в. в результате реформ российской администрации происходит отмена сословных привилегий всей элиты «белой кости» и генеалогической системы властного доминирования. Новое законодательство разрешает представителям «черной кости» и даже свободным общинникам выдвигать свои кандидатуры на выборные должности в государственно-административном аппарате края. Сложившаяся еще в XIII века система властвования Чингизидов теряет свои преимущества и постепенно исчезает.

---

¹⁶⁵⁹ Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. С. 222.

4.2. Нижнее звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства. Дистаночные начальники и аульные старшины

Незавершенность реформы 1824 года, неразработанность вопросов линейного управления, условия которого отличались от условий управления в степных районах, разрешение Азиатского комитета решать возникшие проблемы на местах самостоятельно позволили оренбургскому военному губернатору П.П. Сухтелену быть инициатором введения новых территориально-административных единиц.

5 июля 1830 г. оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен среди казахов, примыкавших своими кочевьями к пограничной полосе, приказал организовать административные участки, названные дистанциями. В 1831 г. появляются линейные, а в 1839 г. и степные дистанции. Степные дистанции превосходили линейных по обширности кочевых участков, но уступали в численности кибиток, которых насчитывалось сотнями¹⁶⁶⁰. Для быстрого доставления сведений обо всем случающемся в Степи и для скорейшего исполнения предписаний начальства, в особенности по претензиям прилинейных казахов и линейных жителей, были учреждены дистаночные и местные начальники. Данная категория чиновников избиралась из казахских султанов, старшин и биев. По всему пространству степи, прилегающей к линии от Звериноголовской крепости до Каспийского моря, были назначены местные начальники.

Как отмечает Г.С. Султангалиева, на каждого дистаночного начальника составлялся формулярный список, который включал все данные характеризующие чиновника Российской империи. На основе анализа послужных списков, казахстанский ученый отследила, что с середины 50-х годов XIX в. на

---

¹⁶⁶⁰ Зиманов С.З. Политический строй Казахстана. С. 206.

должности дистаночных начальников стали утверждать лиц, окончивших школу для казахских детей при Оренбургском правлении¹⁶⁶¹.

20 ноября 1831 г. оренбургским военным губернатором графом П.П. Сухтеленым была утверждена инструкция для дистаночных и местных начальников, подготовленная председателем ОПК Г.Ф. Генсом.

Предписания, составленные Г.Ф. Генсом, определяли круг обязанностей дистаночных начальников следующим образом:

1. главной обязанностью дистаночных начальников был контроль и недопуск до преступлений казахов вверенной ему дистанции, а также их защита от притеснений;

2. начальники часто должны были объезжать свою дистанцию, чтобы в совершенстве владеть ситуацией, происходящей в Степи, и лично удостовериться в исполнении местными старшинами своих обязанностей;

3. выполнять распоряжения султана-правителя, Пограничной комиссии, военного губернатора и линейных начальников (комендантов крепостей), доносить султану-правителю обо всех происшествиях, а важные сообщать в Пограничную комиссию через линейное начальство или прямо от себя;

4. предписания военного губернатора, Пограничной комиссии должны были исполняться неукоснительно, а содержание этих предписаний дистаночный начальник должен был донести до султана-правителя своей части;

5. дистаночный начальник нес ответственность за спокойствие на вверенной ему территории, должен был пресекать недружелюбные акты казахов по отношению к линейным жителям, извещать начальство о происшествиях в степи, о злонамеренных слухах и намерениях подданных¹⁶⁶².

Во время болезни и выезда за пределы дистанции начальник по своему выбору мог поручить исполнение своих функций надежному, почетному казаху,

---

¹⁶⁶¹ Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) // Journal of Slavic Research Center. Acta Slavica Iaponica. Tomus 27. С. 94.

¹⁶⁶² Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 214.

но о своем выборе он должен был сообщать как султану-правителю, так и линейному начальству¹⁶⁶³.

За свой труд дистаночные начальники получала благодарность и награду. Выдача жалованья начинается после реформы 1844 г.

Каждому дистаночному начальнику была назначена дистанция от одной крепости до другой. В 1831 г. было определено на протяжении всей линии 22 дистаночных и 115 местных начальников, в 1839 г. определены по Новой линии 5 дистаночных и 28 местных. В феврале 1841 г. назначены по р. Илеку 3 дистаночных и 8 местных начальников¹⁶⁶⁴. В 1842 г. был определен дистаночный начальник казахам рода адай и 10 местных начальников. Также были определены местные начальники против Ново-Александровского укрепления¹⁶⁶⁵. Данное укрепление было основано в 1834 г. на северо-восточном берегу Каспийского моря на урочище Кызылташ для защиты русских рыбопромышленников от нападения туркмен и казахов рода адай. В 1841 г. были определены в племя аргын 11 дистаночных и 10 местных начальников, в жаппас – 6 дистаночных, в алтын – 3 дистаночных начальника. В июне того же года кыпчакам были определены 1 дистаночный и 3 местных начальника. В январе 1842 г. назначено в род жаппас – 26, а алтын – 10 местных начальников. Всего же в 1844 г. было 52 дистаночных и 206 местных начальников¹⁶⁶⁶.

В конце 40-х годов XIX в. в Западной части было 8 дистанций, в Средней – 20 и в Восточной – 28. На территории Оренбургского ведомства имелись нижеследующие дистанции¹⁶⁶⁷:

Дистанции против Нижне-Уральской линии:

1-я дистанция находилась против Гурьева городка, Кандауровского, Редутского, Сорочинского форпостов и Сарайчиковой крепости. Здесь находилась

¹⁶⁶³ Там же. С. 215.

¹⁶⁶⁴ Генс Г.Ф. Из краткого обозрения управления оренбургскими киргизами. С. 87.

¹⁶⁶⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 55 – 55 об.

¹⁶⁶⁶ Генс Г.Ф. Из краткого обозрения управления Оренбургскими киргизами. С. 87.

¹⁶⁶⁷ Число указанных кибиток после территории дистанции относится к середине 50-х годов XIX в. Сведения о первых начальниках дистанций взяты из публикации: «К истории административного устройства у киргизов» // Тургайская газета. 1898. № 28. С. 1.

2351 кибитка ¹⁶⁶⁸. Первым начальником дистанции был султан Узбекгали Нуралиев, сын Нуралы хана, внук хана Абулхаира¹⁶⁶⁹. С 1836 года в источниках называют дистаночным начальником его сына – султана Муртазагалий Узбекгалиева (в Пограничной комиссии иногда его называли Аксартов), 1806 г. рожд. Летом кочевал в Дендерских горах, зимой – против Гурьев городка. Кочевал в основном среди казахов рода таз. Знал татарскую грамоту, умел читать и писать, но русскую знал хуже. Понимал русскую речь, но говорил по-русски только в крайнем случае. В 1844 г. был представлен к награждению чином хорунжего¹⁶⁷⁰. Чиновники ОПК давали высокую оценку его способностям и деятельности. Так, например, К.О. Каминский¹⁶⁷¹ отзывался о М. Узбекгалиеве, как о человеке «прекрасных свойств и хороших способностей, усердным к службе»¹⁶⁷². За 15 лет управления дистанцией не был награжден, хотя чиновник особых поручений В.М. Лазаревский характеризует его как деликатного, доброго, скромного, благоразумного султана с хорошими способностями. «Если дать этому султану более обширный круг действий и обязанностей, то он ...в короткое время оправдал бы всякое назначение», – писал о нем чиновник¹⁶⁷³. Его кандидатура в 1846 г. рассматривалась в числе казахских депутатов в свите Б. Айшуакова для отбытия в Санкт-Петербург¹⁶⁷⁴.

2-я – от Яманхалинского форпоста, Баксайской крепости, Кармановского форпоста, Тополинской крепости до Зеленовского форпоста. Общее количество кибиток составляло – 1387¹⁶⁷⁵. Первым начальником дистанции был султан Табулда Шахгазинов¹⁶⁷⁶.

¹⁶⁶⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4.

¹⁶⁶⁹ К истории административного устройства у киргизов // Тургайская газета. 1898. № 28. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁷⁰ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 37.

¹⁶⁷¹ Константин Осипович Каминский был исправляющим должность советника Оренбургской пограничной комиссии.

¹⁶⁷² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 84.

¹⁶⁷³ Там же. С. 126.

¹⁶⁷⁴ Там же. С. 68.

¹⁶⁷⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4.

¹⁶⁷⁶ К истории административного устройства у киргизов // Тургайская газета. 1898. № 28. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

3-я дистанция расположилась от Орловского форпоста, Кулагинской крепости, Гребенщиковского форпоста, Горской крепости до Харкинского и Красноярского форпостов включительно. Общее количество кибиток составляло 1928¹⁶⁷⁷. Первым начальником был султан старшина Каркын Бутантаев¹⁶⁷⁸. Затем долгое время правил дистанцией Мурзагельды Аралов из рода маскар, отделения бабаназар. М. Аралову в 1850 г. было под 80 лет. Летом кочевал против Харкинского форпоста, верстах в 30; зимой – на тех же местах. Был неграмотным¹⁶⁷⁹. Как сообщают источники, «для исполнения обязанности дистанционного начальника был достаточно умен. Нрава беспокойного и даже буйного». От должности начальника дистанции был удален по распоряжению начальства, причины неизвестны¹⁶⁸⁰.

4-я дистанция находилась от Калмыковской крепости, Котельного, Круглого, Антоновского, Лебяжинского и до Каленовского форпостов. Здесь общее количество кибиток составляло 1555¹⁶⁸¹. Первым начальником был старшина Есенгельды Янмурзин¹⁶⁸². Следующим начальником дистанции стал старшина Утебай Санкибаев, 1796 г. рожд. Происходил из рода тана, отделения калкаман. Летом кочевал на озерах Талпан и Тузмотыр, зимой – против Лебяжинского форпоста. Был неграмотным. Имел хорошее материальное состояние. Отличился во время сбора кибитичного налога в 1837 г., за что был награжден серебряной медалью на анненской ленте. В 1838 г. участвовал в преследовании отряда И. Тайманова, восставшего в Букеевской Орде. В 1839 г. пожалован чин зауряд-хорунжего¹⁶⁸³. В 1844 г. находился под следствием за взыскание с туркмен, приехавших на Уральский меновый двор, в виде пошлины 8000 руб. ассигнациями и за утайку кибиточного сбора денег.

5-я – против Сахарной крепости, Каршинского, Мергеновского, Горячинского, Лбищенского форпостов, по урочищам Дивана, Ащисай, Бекбулат, Туз-

¹⁶⁷⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л.4.

¹⁶⁷⁸ К истории административного устройства. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁷⁹ ИКРИ Т. VIII. Ч. 2. С. 169.

¹⁶⁸⁰ Там же.

¹⁶⁸¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4.

¹⁶⁸² К истории административного управления. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁸³ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 38.

Жилгасы, по реке Балыкты, против Кожехаровского и Бударинского форпостов, по рекам Анкатам. Общее количество кибиток составляло 5032¹⁶⁸⁴. В 40-е годы XIX в. начальником дистанции стал зауряд-хорунжий Алдзян (Алжан) Исергамышев, 1797 г. рожд., из рода байбакты. Летом кочевал при речках Уленты и Шедерты, а зимой – против Горячинского форпоста. Был неграмотным. В 1838 г. участвовал в команде Геке в преследовании И. Тайманова, за что был награжден чином зауряд-хорунжего¹⁶⁸⁵.

Начальником дистанции в 50-е годы XIX в. был назначен султан Кусяп-Галий Урманов¹⁶⁸⁶, 1803 г. рожд. Летом он кочевал при реках Булдурте и Калдыгайте, а зимой – против Каршинского форпоста. Его характеризуют как скромного человека, но усердного в службе. К. Урманов знал «татарскую» грамоту. Выдавал имперской администрации вышедших из среднеазиатских ханств русских пленных, а также взятых в плен на линии российских подданных, беглых. Несколько раз был награжден похвальными листами от Пограничной комиссии. В 1838 г. был пожалован в чин хорунжего. В 1839 г. был награжден оренбургским военным губернатором В.А. Перовским саблей за прекращение беспорядков в степи¹⁶⁸⁷.

6-я – от Кош-Уральского, против Богатинского и Скворкинского форпостов, по озеру Сюттыколь, против Чегановского и Круглоозерного форпостов, города Уральска, Гниловского и Рубежинского форпостов включительно¹⁶⁸⁸. Общее количество кибиток составляло 4263¹⁶⁸⁹. Первым начальником был султан Жаксылык Айшуаков¹⁶⁹⁰. В 50-е годы XIX в. начальником дистанции был хорунжий Джамамбай Кузбаков, 1803 г.р., из рода кердери. Образование получил от русских чиновников, хорошо говорил по-русски, но грамоты не знал. Был предан российскому государству. Был деятельным человеком. Имел печать начальника дистанции. Летом кочевал по трем речкам Анкатам, Шидерти, у оз.

¹⁶⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4.

¹⁶⁸⁵ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 39.

¹⁶⁸⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁸⁷ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 252.

¹⁶⁸⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁸⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4 об.

¹⁶⁹⁰ К истории административного управления. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

Шалкар и на урочищах Урюк и Кызыл-агаш. Зимовал против Бударинского форпоста, где имел деревянный дом. Имел сильное влияние на однородцев. В 1846 г. за усердную службу награжден ОПК аттестатом. В 1847 г. был в составе казахской делегации с правителем Западной части Баймухамедом Айшуаковым¹⁶⁹¹ во время поездки в Санкт-Петербург.

7-я – от Генерцевского, Кирсановского, Иртецкого, Бородинского и Киндерлинского форпостов. Общее количество кибиток составляло 2715¹⁶⁹². Первым начальником был султан Отепгали Айшуаков¹⁶⁹³. Начальником данной дистанции в 40-е годы XIX в. в источниках указывают старшину Ялпык Тайланова, 1791 г. рожд., представителя рода тама, кенжебаева отделения. Летом он кочевал при речках Анкате и Шыдырты, зимой – против Иртецкого форпоста. Был в составе свиты во время поездки хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова в Санкт-Петербург. Я. Тайланов в столице был награжден серебрянной медалью на анненской ленте. В 1837 г. за успешный сбор кибиточного налога получил саблю с портупеей. В 1844 г. был представлен к награждению чином зауряд-хорунжего. Но в 1845 г. за сбор с подведомственных ему казахов денег и принесение их в подарок следователю по делу об угоне у жителей Бузулуцкого уезда деревни Семеновой лошадей решением военного губернатора 18 ноября 1845 г. был лишен занимаемой должности и старшинского звания. Был отправлен на месяц на гаупвахту¹⁶⁹⁴.

8-я дистанция была самая большая по численности кибиток. Проходила она полосой в основном против Новоилецкой линии. Начальником был зауряд-есаул султан Махмуд Алгазиев¹⁶⁹⁵, 1798 г. рожд. Сын премьер-майора Алгазья Айшуакова. В 1830 г. пожалован в зауряд-есаулы. 20 ноября 1831 года был назначен начальником 8 дистанции. Он был известен тем, что оказал особенное усердие при сборе с казахов в 1832 и 1834 годах скота и денег на удовлетворение претензий прилинейных жителей. Находясь на службе при султানে-правителе

¹⁶⁹¹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 231.

¹⁶⁹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4 об.

¹⁶⁹³ К истории административного управления. С. 1.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12.

¹⁶⁹⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 39.

¹⁶⁹⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12 об.

Западной части Орды Баймухаммет Айшуакове, исполнял старательно все его поручения по управлению населением своей дистанции. 20 июня 1836 года был награждения чином есаула¹⁶⁹⁶. Махмуд Алгазыев был уволен со службы в 1857 году¹⁶⁹⁷.

В 1841 году Мухамеджан Баймухамедов (Айшуаков) был определен в начальники 8 дистанции¹⁶⁹⁸.

В 1856 г. правитель Западной части М. Таукин предложил кандидатуру М. Баймухамедова на назначение исправляющим должность султана-правителя Средней части. Также М. Таукин сообщал, что в 8-й дистанции 12 местных начальников, 2 сборщика и самое большое количество населения. В 1856 г. против станиц Буранной было 358 кибиток, Ново-Илецкой – 742, форпостов Линевского – 159, Озерского – 591, Сухореченского – 145, Затонного – 611, Илекского городка – 693, Студенского форпоста – 249, по рекам Чингирлау – 353, Хобде – 109, по озерам Джиреню и Менису – 165, в Оренбургском казачьем №2 полку – 31 и Бузулукском уезде – 34, а всего 4260 кибиток¹⁶⁹⁹. Тогда же он предложил разделить ее на 2 части.

В 1856 году правитель Западной части Орды М. Таукин предложил назначить начальником первой половины 8-й дистанции султана Исенали Абдулмукминова, правнука хана Айшуака. М. Таукин предлагал подчинить Исенали местных начальников против Буранной, Новоилецкой и Линевской станиц, по р. Хобда и по озерам Джиреню и Минесу (всего 1533 кибитки)¹⁷⁰⁰. Предложение было принято, так как Исенали упоминается в рапорте султана-правителя Западной части области А. Сейдалина в областное правление оренбургскими киргизами, когда у начальника дистанции султана Абдулмукминова уточняли, когда и кем был назначен на должность местного

---

¹⁶⁹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 26.

¹⁶⁹⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7269. Л. 25.

¹⁶⁹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1830 год. Д. 136 б. Л. 132.

¹⁶⁹⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 247–248.

¹⁷⁰⁰ Там же. С. 248.

начальника против Буранного отряда бий Нурмухамед Саламатов ¹⁷⁰¹. И. Абдулмукуминов читал и писал по-татарски.

Во вторую часть были отнесены местные начальники против Озерского, Сухореченского и Затонного форпостов, Илекского городка, Студенского форпоста, по р. Чингирлау и сборщики во 2-м полку и Бузулукском уезде (всего 2727 кибиток). Временно исполнял должность с 1856 г. хорунжий Исянгул Исбулаев ¹⁷⁰².

9-я дистанция расположилась против Изобильной станицы, Ветлянского и Мертвецовского отрядов, Илецкой защиты и Угольной станицы до Осторожного включительно. Общее количество кибиток составляло 1243 ¹⁷⁰³. Первым начальником дистанции был султан Тауке Айшуаков ¹⁷⁰⁴, 1778 г. рожд., надворный советник, сын хана Айшуака. С 1800 по 1818 гг. находился заседателем в Оренбургской пограничной комиссии. В 1821 г. за выполнение поручений хана Шергазы Айшуакова и пристава Корсакова награжден золотым перстнем. В 1830 г. за содействие возвращения денег 6000 руб., 108 лошадей на удовлетворение претензий линейных жителей награжден сукном на кафтан с золотым галуном. В том же году за оказанную помощь во время карантинного оцепления бухарского и хивинского каравана на урочище Ак-булак был награжден золотой медалью военным губернатором П.П. Сухтеленым ¹⁷⁰⁵. В источниках 1852 г. начальником дистанции назван Сафар Байтенов, 1816 г. рожд., из рода табын, адырбекова отделения. Кочевал постоянно против Ветлянской станицы. Имел посредственное материальное состояние. Грамоты не знал. Был уважаемым среди населения дистанции за свою справедливость. Отличился во время разбора взаимных претензий казахов различных родов ¹⁷⁰⁶.

¹⁷⁰¹ 1866 г. 7 ноября – Рапорт султана-правителя Западной части области в областное правление оренбургскими киргизами // Казахские чиновники на службе Российской империи. Сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева / сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербасова. Алматы, 2014. С. 60, 371.

¹⁷⁰² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 248.

¹⁷⁰³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 4 об.

¹⁷⁰⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12 об.

¹⁷⁰⁵ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 14.

¹⁷⁰⁶ Там же. С. 218.

10-я – от Куралинского форпоста, против Григорьевского отряда, между реками Илек и Акбулак, напротив станицы Благословенной, Нежинского отряда и включительно Каменноозерной станицы, т.е. на стыке Нижне-Уральской и Оренбургской линии. Общее количество кибиток составляло 1316¹⁷⁰⁷. Начальником дистанции в 40-е годы XIX в. был старшина Таджик Бишбаев (Бишбекаев)¹⁷⁰⁸, 1785 г. рожд., происходил из рода табын. Зимовал против Григорьевского форпоста, а летом кочевал по рекам Илек, Хобда. Имел хорошее состояние. Грамоты не знал. Был известен российской администрации усердной службой. Доставил на линию из степи беглых 5 человек, пленных рабочих Илецкого соляного ведомства Замятина и Горбунова, 2 башкирцев, священника Ивана Рязанова. Военный губернатор князь Волконский выдал аттестат об отличном усердии к службе. В 1838 г. награжден В.А. Перовским серебрянной медалью за выдачу бежавшего казака Силина и одной женщины. В 1839 г. награжден сукном на кафтан за доставление для Хивинской экспедиции верблюдов, и тем же в 1843 г. за успешный сбор кибиточного налога¹⁷⁰⁹. В 1859 г. кандидатура старшины Сагытдина Татжикова была представлена в ОПК для утверждения. Сагытдин Татжиков, 1819 г. рожд., зимой кочевал против Григорьевского отряда, а летом – по р. Ит-шашкан. Получил образование, но не известно какое. Материальное состояние оценивалось как хорошее. Под его ведением находилось 1219 кибиток¹⁷¹⁰.

11-я – от Вязовского и Островного отрядов, Красногорской крепости, Черкасского, Гирьяльского, Черкасского и до Алабайтальского отрядов. Общее количество кибиток составляло 1390¹⁷¹¹. Одним из первых начальников был старшина сотник Кунгурбай Бутбаев¹⁷¹², который в середине 30-х годов был в должности зауряд-чиновника. В 1836 г. исправляющий должность султана-правителя Средней части Юсуф Нуралиев доносил в ОПК, что сотник Кунгурбай

¹⁷⁰⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷⁰⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12 об.

¹⁷⁰⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 61.

¹⁷¹⁰ Там же. С. 265.

¹⁷¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷¹² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 12 об.

Бутбаев просит «объяснить должны ли именоваться дети его и оставшегося после умершего родственника его Шотая Утяпова 6-летний сын Юсуф, обер-офицерскими детьми или нет»¹⁷¹³. К. Бутбаев просил уточнить, в какой статье должны быть дети настоящих и зауряд-чиновников. Указ Правительствующего Сената от 5 июля 1828 г. гласил, что «находящиеся в казачьих войсках офицеры магометанского исповедания пользуются сим званием только сами, а дети их по издревле существующему порядку записываются наравне с казачьими детьми и начинают службу казаками, не имея никаких преимуществ по чинам отцов своих. Дети же зауряд-чиновников христианского вероисповедания, если они не из дворян, остаются в том же состоянии, в котором состояли прежде отцы их»¹⁷¹⁴.

В 1852 г. начальником дистанции в источниках назван 27-летний сын последнего хана Младшего жуза Шергазы – Мухаметгазы Шергазиев (Айшуаков), 1825 г. рожд., чингизид. Кочевал в роде тама, против Алабайтальской станицы. Относился к числу богатых султанов. Образование не получил. Был уважаемым среди казахов за справедливый приговор и разбирательство взаимных претензий кочевников. К этому времени не имел еще наград, но его кандидатура в 1846 г. рассматривалась как достойная посещения Высочайшего двора в свите полковника Б. Айшуакова¹⁷¹⁵.

12-я – от Верхнеозерной станицы Донского отряда, Никольской станицы, от устья реки Сары-куль до урочища Казыбай, в верховьях Средней Бурты на урочище Бульчак. Общее количество кибиток составляло 1017¹⁷¹⁶. Одним из первых начальников был старшина Сатыб-Алды¹⁷¹⁷. В 40-е годы XIX в. дистанцией управлял ходжа Якуп Худайкулов, 1799 г. рожд. Зимовал между Никольским и Донским отрядами, а летом – по р. Бурте. Знал татарскую грамоту. Имел хорошее состояние. В 1830 г. доставил кибитки за окурки караванов, за что получил похвальный лист от военного губернатора П.П. Сухтелена. Участвовал в

¹⁷¹³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2155. Л. 2.

¹⁷¹⁴ Там же. Л. 6 – 6 об.

¹⁷¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1846 год. Д. 6; ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 209.

¹⁷¹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷¹⁷ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 12 об.

сборе верблюдов для Хивинской экспедиции 1839 г., за что награжден был В.А. Перовским золотым перстнем¹⁷¹⁸.

13-я – напротив Ильинской станицы, по рекам Киялы-Борте и Сарыбу-лаку до Сынташа, по урочищам Турангалы и Сынташ, Абдам и Косынбай, против Подгорного и Сухореченского отрядов, Губерлинской крепости. Общее количество кибиток составляло 1252¹⁷¹⁹. Первым начальником был старшина Асан Ахметов¹⁷²⁰. В 1852 г. начальником дистанции назван 35 летний султан Суюнишгали Медетгалиев. 1817 г. рожд., кочевал среди казахов жагалбайлинского рода, билишевского отделения против Ильинской станицы. Был среднего материального достатка. Не получил образования, но природный ум, характер дали ему возможность утвердиться среди «буйных» кочевников. Не раз участвовал при разбирательствах междоусобных претензий кочевников и отличился справедливостью. Наград не имел. В 1859 г. временно управлял Средней частью оренбургских казахов с чином хорунжего¹⁷²¹.

14-я – напротив Хабарного отряда Орской крепости, Татарских хуторов, Банного и Калпацкого отрядов. Общее количество кибиток составляло 873¹⁷²². Первым начальником был старшина Дары Байтувов¹⁷²³.

15-я – от Тереклинского отряда Таналыцкой крепости, Орловского отряда до Уртазымской крепости, включительно Березовского отряда. Общее количество кибиток составляло 642¹⁷²⁴. Первым начальником дистанции был старшина Адиль Мучанов (Моншаков)¹⁷²⁵. В 1860 г. Дербисалы Беркимбаев был утвержден начальником 15 дистанции Средней части Орды. К этому моменту данная дистанция относилась к Кустанайскому уезду Тургайской области¹⁷²⁶.

¹⁷¹⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 60.

¹⁷¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷²⁰ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 12 об.

¹⁷²¹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 208, 264.

¹⁷²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷²³ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 12 об.

¹⁷²⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5.

¹⁷²⁵ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 12 об.

¹⁷²⁶ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 106. Л. 2.

16-я дистанция – против Грязнушевского отряда, около Измаильской крепости и напротив Кизильской крепостей, около Полоцкой и Новинской крепостей, против Увельского и Сыртинского отрядов. Общее количество кибиток составляло 624¹⁷²⁷. Начальником дистанции был старшина Иглик Кутлубаев¹⁷²⁸.

17-я – от Сыртинского, Браиловского отрядов, напротив Янгельской до Магнитной крепостей включительно. Общее количество кибиток составляло 470¹⁷²⁹. Одним из первых начальников был старшина Серкебай Каркынбаев¹⁷³⁰.

18-я – от Верхнекизильский станицы Спасского отряда, г. Верхнеуральска включительно. Общее количество кибиток составляло 581¹⁷³¹. Начальник старшина Джандырь Назаров¹⁷³². В 1866 г. в источниках упоминается начальником дистанции зауряд-сотник Качаров¹⁷³³.

Уйская линия имела протяженность 753 версты, она начиналась с Верхнеяицкой крепости и оканчивалась у Звериноголовской станицы. Дистанции напротив Уйской линии:

19-я дистанция – напротив Петропавловской крепости Кидыневского и Бирюковского отрядов, Степной крепости, около Полтавской, Великопетровской и Варнинской станиц. Общее количество кибиток составляло 747¹⁷³⁴. Первым начальником был старшина Тюлек Айдаров¹⁷³⁵. В 40–50-е годы XIX в. начальником дистанции был Турмамбет Кунбасов, 1785 г. рожд., происходил из рода кыпчак, устинского отделения. Летом кочевал между реками Аят и Тобол, а зимой между Старой и Новой линиями, против станицы Степной. Знал грамоту. Его характеризуют как человека аккуратного, опытного в делах (по источнику ему здесь 60 лет – Г.И.). В Степи его именовали биём. Хорошего материального

¹⁷²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷²⁸ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.

¹⁷²⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷³⁰ К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.

¹⁷³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷³² К истории административного управления. С. 1; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.

¹⁷³³ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 157.

¹⁷³⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷³⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.

состояния. Имел казенную печать. В 1812 г. раскрыл похищение лошадей у жителей деревни Аминовой. В 1815 г. участвовал в возвращении лошадей тептярю Верхнеуральского уезда Юмакаеву. В 1816 г. оказал усердие в поимке беглого старшинского сына Р. Даминева, в 1820 г. – в поимке беглого тептяря А. Абдулхалилева. Оказал помощь в 1839 г. при сборе верблюдов для Хивинской экспедиции, за что награжден Пограничной комиссией похвальным листом. Участвовал в 1843–1844 г. в отряде А. Джантюрина против восставших казахов под предводительством К. Касымова. В 1844 г. был представлен за усердную службу золотой медали. Имел жену, пять сыновей и одну дочь¹⁷³⁶. В 1863 году начальником дистанции был назначен Бейбит Даулбаев¹⁷³⁷. Был письмоводителем начальника 27 дистанции. Происходил из рода кыпчак карабалыкского отделения. Летом кочевал в разных местах степи за Новой линией, зимой – близ Михайловского укрепления. Знал русскую грамоту. Был сотрудником Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. В своей работе «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год»¹⁷³⁸, описал о существенных культурно-бытовых изменениях, происшедших в жизни казахов за 50 лет. За данную работу он получил серебряную медаль ИРГО (второй после С. Бабаджанова и последний из казахов, удостоенный этой медали).

20-я – напротив Стрелецкого, Чернореченского, Подгорного, Осиновского, Санарского отрядов, Троицкой крепости, Бобровского отряда, Ключевской крепости. Общее количество кибиток составляло 1481¹⁷³⁹. Предположительно, первым начальником был султан Кульмухаммед Бабин. Примерно с 1843 г. был определен на должность начальника дистанции старшина Матен Шотанов, 1794/1795 г. рожд., из рода кыпчак, отделения коккоз. В 30-е гг. был местным начальником против Бобровского отряда и Михайловского укрепления. Летом кочевал между Старой и Новой линией, а зимой – против Алексеевской станицы. В 1850 г. его материальное состояние

¹⁷³⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 21, 120.

¹⁷³⁷ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 363.

¹⁷³⁸ Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела ИРГО. 1881. Вып. 4. С. 98–117.

¹⁷³⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

оценивалось примерно в 2000 руб. сер. Грамоты не знал. В документе за 1837 г. значится местным начальником¹⁷⁴⁰. В 1834 г. в команде полковника Жемчужникова был сопровождающим, рассказал о географических особенностях региона, указал месторасположение леса. В 1835 г. за помощь в поиске виновных казахов из рода кыпчак, совершивших барымту на род жагалбайлы, М. Шотанов был награжден 5 аршинами сукна на кафтан, похвальным листом. При проведении Новой линии, закладки Михайловского и двух других форпостов за оказанное содействие был награжден сукном на кафтан¹⁷⁴¹. В 1839 г. при найме верблюдов для Хивинской экспедиции показал усердие и был награжден похвальным листом от Оренбургской пограничной комиссии. В 1844 г. представлен к серебряной медали за участие в отряде А. Джантюрина против казахов под предводительством К. Касимова и успешное исполнение своей должности¹⁷⁴². 22 ноября 1856 г. начальником дистанции назначен сотник Каумен Алдияров¹⁷⁴³. В рапорте попечителя прилинейных оренбургских казахов коллежского секретаря М.М. Лазаревского за 1849 г. К. Алдияров значится как местный начальник против Веринской станицы, 39 лет, т.е. 1810 г. рожд.¹⁷⁴⁴ Происходил из рода кыпчак, отделения колденен, подотделения арык. Сын простого кочевника. Имел казенную печать. Летом кочевал за Новой линией, зимой в разные годы кочевал близ Веринской и Надеждинской станиц. Соплеменники отмечали, что он хорошо знал казахские обычаи. Грамоты не знал. За усердие к службе два раза награждался похвальными листами, а в 1848 г. – суконным с галунами кафтаном¹⁷⁴⁵. В 1869 г. по новому положению был избран волостным Саройской волости Николаевского уезда Тургайской области.

¹⁷⁴⁰ 1837 г., 12 апреля – Рапорт заведующего 3, 4, 5 дистанциями Новой линии поручика Хомутичкина в Оренбургскую пограничную комиссию // Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 92–93.

¹⁷⁴¹ Там же.

¹⁷⁴² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 26.

¹⁷⁴³ Там же. С. 350.

¹⁷⁴⁴ Данные о времени рождения разные. В документе за 1872 год указывается дата рождения 1818 год // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 350–351.

¹⁷⁴⁵ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 89.

21-я – напротив Каракульской крепости, Березовского отряда, Крутоярской станицы, Луговского отряда, до Усть-Уйской крепости, по реке Тоболу. Общее количество кибиток составляло 1884¹⁷⁴⁶. Первым начальником был старшина Акбазар Мугалов¹⁷⁴⁷. С 1841 г. начальником дистанции был старшина Карагуша Каракаев, 1796/1797 г. рожд., из рода кыпчак, ташкуртского отделения. Летом кочевал в окрестностях р. Тобол, зимой – против Крутоярской станицы. По должности жил в Троицке. Грамоты не знал. Имел казенную печать. Был хорошего состояния, кроме скотоводства занимался земледелием. В 1836 г. за выдачу беглого татарина И. Темирбаева был награжден Пограничной комиссией похвальным листом и деньгами – 10 руб. ассигнациями. В 1839 г. за сбор верблюдов для Хивинской экспедиции награжден похвальным листом. С 1832 по 1841 гг. был местным начальником против Крутоярской станицы. В 1844 г. был представлен к чину хорунжего за усердие в службе. В 1849 г. – зауряд-хорунжий. Имел серебряную медаль на анненской ленте. Как дистаночный начальник пользовался доверием населения. Семья состояла из трех жен, четырех сыновей и шести дочерей¹⁷⁴⁸.

В 1850 г. начальником дистанции был султан Сермухаммед Джигангеров, 1794 г. рожд. Кочевал он в кыпчакском роде смежно с аулами султана-правителя Восточной части. Летом кочевал между реками Тоболом и Аятом, зимой на р.Тобол, проив Усть-Уйской станицы, в 25 верстах от нее. Имел хорошее образование. В 1846 г. с 9 мая по 22 июня за отсутствием султана-правителя Восточной части исполнял его обязанности. В 1847 г. оказал усердие при найме верблюдов для поднятия тяжестей в Раимское укрепление. Был уважаем народом и имел сильное влияние на окружающих¹⁷⁴⁹.

В 1858 г. на должность начальника дистанции был назначен Махмуд Джантюрин. Выпускник Неплюевского кадетского корпуса 1851 года. В 1857 г.

¹⁷⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷⁴⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1841. Л. 13.

¹⁷⁴⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 23, 90, 96.

¹⁷⁴⁹ Там же. С. 116–117.

получил чин сотника. В 1859 г. был в составе казахской делегации, отправленной в Санкт-Петербург¹⁷⁵⁰.

22-я – напротив Кочердыкской крепости, Прорывного и Озерного отряда, Звериноголовской крепости, Алабужского отряда. Общее количество кибиток составляло 1726¹⁷⁵¹. Одним из первых начальников дистанции был тархан Бикбулат Бикбов¹⁷⁵². Знал русский язык, вел знакомство с русскими линейными жителями. Видимо, это повлияло на то, что сын его Юсуф знал русский язык «совершенным акцентом русского линейного казака», который в 1844 г. стал начальником дистанции. Старшина Юсуф Бикбулатов, 1803 г. рожд., из рода керей, отделения балта. Летом кочевал между реками Тобол и Убаганом, а зимой – против Кочердыкской крепости. Происходил из почетных казахов. Был богатым человеком. Знал татарскую и русскую грамоту. Имел казенную печать. С 1832 г. находился в должности местного начальника. В 1837 г. за помощь, оказанную при тушении пожара в Усть-Уйской крепости, награжден серебряной медалью на анненской ленте. В 1839 г. был в экспедиции под начальством старшины Лебедева. В 1844 г. был представлен к чину зауряд-есаула. Имел золотую медаль. По характеристике письмоводителя при султানে-правителе Восточной части Григория Петровича Половоротова, Ю. Бикбулатов был человеком «завидных способностей, по образованию похожему несколько на европейское. Характера бойкого, имел особенную склонность к первенству»¹⁷⁵³. Высоко о нем отзывался и титулярный советник И.Я. Осмоловский, говоря, «Бикбулатов считается одним из деятельнейших, распорядительнейших и расторопнейших дистанционных начальников, за что и получил серебрянную медаль на анненской ленте с надписью «За усердие»»¹⁷⁵⁴. Освобожден от должности 5 июня 1865 г. по преклонности лет.

Краткое время дистанцией управлял зауряд-хорунжий султан Шалабаев, затем местный начальник Байимбет Алибеков. В 1866 г. начальником дистанции

¹⁷⁵⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 25. Л.6.

¹⁷⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 5 об.

¹⁷⁵² К истории административного управления. С. 1.

¹⁷⁵³ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 25, 100, 101, 122, 123.

¹⁷⁵⁴ Там же. С. 147.

был назначен Нарынбай Бикбулатов¹⁷⁵⁵, сын Юсуфа Бикбулатова, 1798 г. рожд. В 1840 г. он участвовал при проведении границы между оренбургскими и сибирскими казахами, за что был удостоен награды сукном на кафтан с серебряным позументом. В 1844 г. участвовал в экспедиции Ахмета Джантюрина против восставших казахов под предводительством К. Касымова. Получил чин зауряд-хорунжего¹⁷⁵⁶. В 1866 г. был освобожден от должности в связи с преклонностью лет и слабостью в управлении. Султан-правитель Восточной части подполковник М. Джантюрин ходатайствовал перед Оренбургским областным правлением об определении начальником 22-й дистанции представителя рода керей, зауряд-хорунжего Танаткана Самаева, который был уволен с должности управляющего керейским родом. Причиной его увольнения была жалоба, «скомплектованная» представителями рода керей во главе с Тлеу Бектемировым, за обвинение и предание суду его брата Журтушы. Попечитель прилинейных казахов, надворный советник Дионисий Станиславович Жуковский, характеризовал Т. Самаева как человека «опытного и энергичного», «сохранившего среди ордынцев свое влияние», «обладающего всеми полезными качествами» и т.д.¹⁷⁵⁷. К сожалению, мне не удалось восстановить дальнейшую судьбу данного чиновника.

Дистанции напротив Новой линии и внутри ее, от Орска до Березовского отряда:

23-я – напротив Кулацкой и Ново-Орской крепостей и Императорского укрепления. Общее количество кибиток составляло 1170¹⁷⁵⁸. С 1847 г. должность начальника дистанции занимал бий Утеген Казыбаев, 1806 г. рожд. Происходил из рода жагалбайлы, урмантаева отделения. Сын простого казаха. Имел казенную печать. Летом кочевал за Новой линией в степи, зимой – близ Ново-Орской станицы за Новой линией. Грамоты не знал. Был уважаем среди населения

¹⁷⁵⁵ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 59.

¹⁷⁵⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 25.

¹⁷⁵⁷ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 59.

¹⁷⁵⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 6.

дистанции¹⁷⁵⁹. В 1863 г. начальником был назначен бий Д. Беркимбаев¹⁷⁶⁰. Дербисалы Беркимбаевич Беркимбаев – зауряд-хорунжий, сверхштатный старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Тургайской области, родился в 1838/1839 г.¹⁷⁶¹ Обладатель множества орденов и медалей. В частности, «он имел знаки отличия: орден св. Владимира 4 степени, св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Станислава 2-й и 3-й степени; золотые медали на владимирской, анненской и станиславской лентах и серебряную медаль на станиславской ленте, все с надписью «За усердие» и для ношения на шее; серебряные медали на андреевской и александровской лентах и темно-бронзовую медаль на ленте государственных цветов для ношения в петлице и золотой с бриллиантами перстень, подаренный в 1891 г. его императорским высочеством государем наследником цесаревичем», – говорится в послужном списке Д. Беркимбаева, составленного в 1899 г.¹⁷⁶². Он был сыном зауряд-хорунжего Беркимбая Бучибаева. Имел каменный дом с пристройками на зимовке на р. Орь.

На него возлагались различные поручения, которые он выполнял добросовестно, доказывая свою преданность правительству. Так, например, Д. Беркимбаев провел успешную проверку сбора кибиточной подати в 23, 24, 25, 31, 54 и 56 дистанциях за 1856–1861 гг. и выявил недосдачу средств. За свою работу он был награжден в 1864 г. серебряной медалью на станиславской ленте для ношения на шее¹⁷⁶³. В предписании областного правления оренбургскими казаками попечителю прилинейных казахов Орской дистанции от 29 октября 1865 г. указано, что за оказанное участие во время зимнего похода роте солдат, следовавшей в форт Перовский, Д. Беркимбаев был произведен в зауряд-хорунжий.

¹⁷⁵⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 93.

¹⁷⁶⁰ О нем подробнее см.: Избасарова Г.Б. Д. Беркимбаев на службе Российской империи // Материалы региональной научно-практической конференции «Дербисалы Беркимбаев: историческая личность и его время». Актобе, 2017. С. 37–42.

¹⁷⁶¹ В послужном списке за 1899 год Д. Беркимбаев указан в возрасте 60 лет // ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 106. Л. 1.

¹⁷⁶² ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 106. Л. 1.

¹⁷⁶³ Там же. Л. 1 об.

В период проведения «Временного положения об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» от 21 октября 1868 года Д. Беркимбаев, состоя чиновником особых поручений при военном губернаторе Тургайской области, в 1869 г. был назначен членом организационной комиссии в г. Иргизе. Он участвовал в обсуждении вопросов судопроизводства, сбора кибиточной подати и т.д. Встречаясь с соплеменниками, вел разъяснительную работу. За службу был награжден серебряным под золотом ковшом для кумыса в 1870 г.¹⁷⁶⁴.

24-я – около Петровской и Елизаветинской крепостей, против Екатерининской, около Павловской и против Наследницкой крепостей. Общее количество кибиток составляло 410¹⁷⁶⁵. В 40-е годы начальником был Мусыргалий Кыдыров, 1817 г. рожд, чингизид. Летом кочевал по рекам Орь, Терекли, Ибет, зимой – близ Ильинской крепости. Его характеризовали как доброго человека. Имел порядочное благосостояние. Знал татарскую грамоту. В 1843 г. участвовал в экспедиции против отряда Кенесары Касымова, за что был произведен в чин зауряд-хорунжего в 1844 г. Имел большое влияние среди казахов рода жагалбайлы¹⁷⁶⁶.

25-я – напротив Атаманской и Мариинской крепостей, около Андреевской, Рымницкой, Варшавской, Полтавской и Великопетровской крепостей, по реке Тобол. Общее количество кибиток составляло 1295¹⁷⁶⁷. В 1845 г. начальником дистанции был Байтубет Уразалин, 1793 г. рожд. Происходил из рода жагалбайлы, билишевского отделения. Зимой кочевал по р. Каргала, а летом – по р. Орь. Имел хорошее материальное состояние. Грамоты не знал. За участие в отряде против восставших казахов под предводительством Кенесары Касымова был произведен в чин зауряд-хорунжего¹⁷⁶⁸.

26-я дистанция находилась против Анненской и Олегинской крепостей, около Георгиевской крепости, против Константиновского укрепления, Княжеской

¹⁷⁶⁴ Там же. Л. 1.

¹⁷⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 6.

¹⁷⁶⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 60, 91.

¹⁷⁶⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 6.

¹⁷⁶⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 62.

и Еленинской крепостей, около Владимирской и Александровской крепостей, против Николаевского укрепления и Софийской крепости. Общее количество кибиток составляло 2152¹⁷⁶⁹. В 1845 г. в источниках упоминается имя Суюнишгалия Янбурина как начальника дистанции, 1799/1800 г. рожд. Происходил из рода кыпчак, картинского отделения. Летом кочевал в окрестностях р. Тобол, а зимовал на р. Аят, против Николаевского укрепления. Имел хорошее состояние, грамоты не знал. Имел влияние на однородцев¹⁷⁷⁰. В 1850 г. титулярный советник И.Я. Осмоловский в своем рапорте на имя председателя Пограничной комиссии М.В. Ладыженского приводил интересные сведения об этом чиновнике. Он называет его бием и одним из полезнейших для орды людей. «Въезжая в его дистанцию, невольно бросается в глаза строгий порядок и удивительная заботливость и старание: поля под хлебом – выкошенные, луга – составляют резкий переход от голой степи к месту, как будто населенному», – сообщал чиновник. По словам И.Я. Осмоловского, 20 человек в его дистанции в этот период занимались хлебопашеством, казахи его дистанции имели достаточный запас сена на зиму¹⁷⁷¹.

27-я дистанция – напротив Натальинской крепости, около Алексеевской крепости, против Михайловского укрепления, около Кирилловской крепости, против Надеждинской, Веринской и Варваринской крепостей. Общее количество кибиток составляло 1358¹⁷⁷². С 1840 г. начальником дистанции был Каумен Алдияров, который позже был переведен начальником 20-й дистанции¹⁷⁷³. В 1850 г. состоял начальником дистанции бий Наурузбай Казыбаев, 1819 г. рожд. Мужчина высокого роста, с полным широким лицом. Имел казенную печать. Происходил из рода кыпчак, отделения танабуга, подотделения есенкелди. Летом кочевал по Аяту, зимой – по Новой линии, против Михайловского укрепления.

¹⁷⁶⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 6.

¹⁷⁷⁰ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 92.

¹⁷⁷¹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 148.

¹⁷⁷² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 6.

¹⁷⁷³ По Г.С. Султангалиевой, 22 ноября 1856 года Каумен Алдияров был назначен начальником 20-й дистанции // Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 373; В рапорте титулярного советника И.Я. Осмоловского от 12 марта 1850 года начальником 27 дистанции назван Наурузбай Казыбаев // ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 149, 116.

Состояние его составляло примерно 9000 руб. серебром. Грамоты не знал. Но был человеком тонкого и гибкого ума, обладал поэтическим даром. Его отмечали как хорошего знатока казахских обычаев. Соплеменники отмечали его как справедливого бия и ставили наравне со знаменитым бием Балкожой Жанбуршиным. Пограничная комиссия относила его к числу лучших, умных и распорядительных дистанчных начальников. В 1844 г. его кандидатура была представлена Пограничной комиссии для награждения чином хорунжего «за нелицемерную службу и преданность правительству»¹⁷⁷⁴. Какое-то время начальником дистанции был зауряд-хорунжий Тяукин и в 60-е годы Махамбет Умбаев¹⁷⁷⁵.

Степные дистанции:

28-я дистанция проходила по Жаксы-Каргале от Джулак-Тау до Джильды-Тау, затем по ней же до урочища Кызыл-Таш, по Жаман-Каргале от устья к верховьям, по Илеку от устья Жаксы-Каргалы до урочища Бестамак, затем до Коктобе и от урочища Курусай до верховьев Илека. В 50-е гг. начальник 28-й дистанции султан Мухаммедгазы Арунгазиев был назначен управляющим рода шумекей. В 1852 г. вместо него был определен управляющим дистанции султан Аймухамед Арунгазиев¹⁷⁷⁶. Кочевал он зимой при р. Каргалка на урочище Кызыл-яр, а летом – при р. Илек и частью Иргизе через Бутак. Умел писать и читать по-татарски. Отличался преданностью правительству, но наград не имел. Предполагалось, что под его управлением будет 687 кибиток¹⁷⁷⁷

29-я дистанция – от реки Ащибулак до урочища Кускуль Яр и до реки Аксу, от урочища Акчук до устья-реки Жаксы-Каргалы.

30-я дистанция – от реки Кызыл Яр до урочища Базар, от него до урочища Улу-Тамды, от реки Карабутак до реки Акбулак, от урочища Кут-Аралга-Тамды и реки Аксу до Муртука.

¹⁷⁷⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 26, 150.

¹⁷⁷⁵ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 151, 158.

¹⁷⁷⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 243.

¹⁷⁷⁷ Там же. С. 244.

31-я дистанция – по верховьям рек Ирғиз и Утенлы до реки Карабутак, около Карабутакского форта, от урочища Карасай до реки Шет-Ирғиз, по рекам Карасай, Кайрақты, до реки Кызыл Яр до Уральского укрепления. В 1844 г. начальником дистанции был султан Асфендияр Сюгалин, 1796 г. рожд. Сын султана Сюгали Айшуакова, внук Айшуака, правнук Абулхаир хана. Летом кочевал на речках Чингирлау и Булдырты, а зимой – близ Затонного форпоста. Был среднего материального достатка. Знал татарскую грамоту, владел русским языком. Известен был своим красноречием. Как старший в доме Айшуака имел влияние на других султанов этой фамилии. В 1826 г. был награжден серебряной именной печатью за содействие есаулу Аржухину и возмещение суммы в 1010 руб. за угнанный казахами скот у жителей Озерного форпоста. В 1836 г. получил похвальный лист от оренбургского военного губернатора за освобождение из плена астраханского мещанина Федора Леонтьева. 29 июля 1836 г. произведен в чин хорунжего. В 1838 г. находился в отряде Геке и преследовал восставших казахов под предводительством И. Тайманова, за что был произведен в сотники. В 1839 г. за оказанное содействие Хивинской экспедиции награжден золотым перстнем. В 1841 г. за успешный сбор кибиточного налога был произведен в есаулы. В 1844 г. за успешное исполнение обязанностей представлен к ордену Св. Станислава 3-й степени. В 1846 г. его кандидатура была включена в состав казахской депутации, отправляющейся к Высочайшему двору во главе с султаном-правителем Западной части Б. Айшуаковым. В 1847 г. освобожден от занимаемой должности¹⁷⁷⁸.

В 1847 г. для замены Асфендияра Сюгалина рассматривалась кандидатура сына султана Баймухаммеда Айшуакова – Кулмухаммеда Баймухаммедова, 1824 г. рожд. Учитывая молодой возраст и то, что 31-я дистанция по сравнению с другими была многочисленной, временно исполняющий должность султана-правителя Западной части М. Тяукин предложил назначить трех помощников: старшину зауряд-хорунжего Салия Кулчанова из рода кыпчак, бия Басыкару Танина, местного казахского начальника против Кирсановского форпоста сотника

¹⁷⁷⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 34, 69, 78.

Ыкласа Тулеева из рода тама. По неизвестным нам причинам кандидатура К. Баймухаммедова не была утверждена. В документе за 1850 г. Кулмухаммед значится как управляющий рода кете¹⁷⁷⁹.

В апреле 1841 г. было создано 10 дистанций (№32 – 41). К 1845 г. 22 дистанции находились по Старой, 5 дистанций по Новой линии, 24 дистанции в степных районах. В 1847 г. создано еще 4 дистанции (№52 – 55). В 1848 г. создана 56-я, в декабре 1850 г. – 57-я дистанция.

32 дистанция. Начальником дистанции в 40-х годах был прапорщик Тлемис Конгурчин, 1789 г. рожд., из рода аргын, утейского отделения. Летом кочевал около бора Аман-Карагая, а зимой – на р. Абуга, а иногда на р. Тургай. Имел хорошее состояние, грамоты не знал. В 1833 г. был произведен в прапорщики. В 1844 г. за усердие был представлен к чину сотника¹⁷⁸⁰. В источнике за 1866 г. начальником дистанции назван бий из рода аргын Сартбай Тлемисов. В этот период помощник султана-правителя Восточной части оренбургских казахов Тлеумухамед Сейдалин (Сейдалин 2-й) сообщал о возникшем споре за урочище Косколь между жителями 21-й и 22-й дистанций. Как представитель рода аргын бий Сартбай защищал интересы населения своей дистанции¹⁷⁸¹.

34 дистанция. В 40-х годах XIX в. начальником дистанции был Бабакай Абилов. Происходил из рода аргын, отделения таз, 1810 г. рожд. Летом кочевал между рек Тургаем и Тоболом, а зимой – на урочище Сары-копа. Имел посредственное состояние. Грамоты не знал. Правительству был известен по исполняемой должности. В 1845 году за усердие, оказанное при сборе денег за кочевание у казахов, был представлен к награде¹⁷⁸². 27 марта 1862 г. бий Бабакай Абилов за ложный донос и арест казаха Сибирского ведомства Тургунбая Шалабаева решением Оренбургского областного правления был освобожден от должности. На его место в том же году заступил султан Исемгазы Бабин¹⁷⁸³.

¹⁷⁷⁹ Там же. С. 79, 131.

¹⁷⁸⁰ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 28.

¹⁷⁸¹ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 155–156.

¹⁷⁸² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 28, 56.

¹⁷⁸³ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 146.

35 дистанция. Начальник дистанции Тултан Кучуков, 1810 г. рожд. Происходил из рода аргын, утейского отделения. Летом кочевал между рек Тургаем и Тоболом, а зимой – на урочище Сары-копа. Имел посредственное состояние. Грамоты не знал. В 1844 г. султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин представил его к награде – чину зауряд-хорунжего за усердие и характеризовал его как человека скромного¹⁷⁸⁴.

37 дистанция. В 1844 г. начальником дистанции был Шошак Тангабаев, 1808 г. рожд. Происходил из рода аргын, умбетейского отделения. Летом кочевал между Тургаем и Тоболом, а зимой – на р. Тургай. Имел хорошее состояние. Грамоты не знал. В 1844 г. был представлен к чину зауряд-хорунжего. Характеризовали его как человека хорошего и усердного к службе¹⁷⁸⁵.

38 дистанция. В 1850 г. начальником дистанции был бий Кулжабай Шарабасов, 1789 г. рожд. Происходил из рода аргын, отделения крык-мылтык. Летом кочевал по обе стороны р. Тобол, при урочище Аман-Козанбаш, на озере Бурлы-Шубар, а зимой – в песках Тусым, затем на р. Тургай. Был твердого характера, справедливый, но неуступчивый. Среди населения дистанции был знаменит как справедливый бий. Грамоты не знал. В 1849 году был награжден Оренбургской пограничной комиссией деньгами 50 руб. серебром за усердие, оказанное в том же году при найме верблюдов для перевозки продовольственных и других припасов в степные укрепления¹⁷⁸⁶.

40-я дистанция находилась в районе Оренбургского укрепления. Одним из первых начальников данной дистанции был зауряд-хорунжий Атан Исенев. Происходил он из рода аргын, кадрымбетова отделения. В 1849 г. начальником был назначен его 25-летний сын Кулжан Атанов. По характеристике, данной есаулом султаном Джигангеровым, имеет «хорошее влияние на подчиненных, напутствовал их к истинному познанию приближенных начальников и в особенности преданность правительству». Это было одним из показателей усердной службы чиновника. Отмечалось, что он отличился во время сбора

¹⁷⁸⁴ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 28.

¹⁷⁸⁵ Там же.

¹⁷⁸⁶ Там же. С. 82, 111.

кибиточного налога, найма верблюдов для экспедиций, транспортов. Особенно важным было доставление им сведений в 1853 г. о среднеазиатских владениях и вблизи лежащих с ним регионах¹⁷⁸⁷.

46-я дистанция. В 1850 г. начальником был бий Жанкабыл Толегенов, 1805 г. рожд. Происходил из рода жаппас, отделения каракоз. Имел именную печать. Летом кочевал по верхнему Тоболу, зимой – на Сырдарье. Его состояние оценивалось примерно в 2000 руб. серебром. Был неграмотен, но его уважали наравне с образованными султанами. Был только в Хиве, «умеет говорить обо всяком, даже не знакомом для него предмете», – писали представители власти¹⁷⁸⁸. В 1840 г. за содействие в найме верблюдов для Хивинской экспедиции был награжден чином зауряд-хорунжего.

53 дистанция находилась в районе Оренбургского укрепления. Начальником дистанции 27 января 1846 г. был назначен султан Сулейман Джигангеров, 1810 г. рожд., сын надворного советника Джигангера Каипова. Летом кочевал между реками Тобол и Аят, зимой – на р. Тобол против Усть-Уйской станицы. Кочевал в аргынском роде разных отделений. Знал татарскую и русскую грамоту. Зная письменность, он не прикладывал печать, а утверждал бумаги подписью. Современники отмечают его как аккуратного, привлекательного, имевшего особенные наклонности к хозяйству человека. 6 июля 1837 г. выдал на линию беглого рядового линейного оренбургского 12 батальона Х. Мученова, за что получил похвальный лист. Участвовал в экспедициях 1839, 1843, 1844 гг., направленных против восставших казахов под предводительством К. Касымова. В 1847 г. награжден чином сотника, в 1848 г. – есаул, в 1858 г. – войсковой старшина, в 1859 г. произведен в подполковники. В 1850 г. получил орден Св. Анны 3-й степени, в 1859 году – орден Св. Станислава 2-й степени, 1864 г. – орден Св. Станислава 2-й степени с императорской короной, в 1867 г. – орден Св. Анны 2-й степени, 1870 г. – орден Св. Владимира 4-й степени. По отзыву российской администрации, «честнейший, преданнейший России,

¹⁷⁸⁷ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 146–150. С. 113–114.

¹⁷⁸⁸ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 109, 152

распорядительный и умный султан, на которого начальство указывает всегда как пример для собратий»¹⁷⁸⁹. После реформы 1868 г. назначен членом Комиссии, учрежденной под председательством начальника Тургайского уезда для организации местного казахского управления и введения нового «Положения» от 21 октября 1868 года. В 1869 г. назначен младшим помощником начальника Тургайского уезда. В 1878 г. уволен со службы по собственному прошению и назначен сверхштатным чиновником особых поручений оренбургского генерал-губернатора¹⁷⁹⁰. В 1859 г. был в составе казахской депутации, отправленной в Санкт-Петербург¹⁷⁹¹.

54 дистанция была учреждена при Уральском укреплении. В связи с тем, что она была образована вблизи самого укрепления и состояла из незначительного количества населения (состояла из родов шумекей и торткара) правитель Средней части Араслан Джантюрин в 1852 г. предложил ее упразднить, оставив лишь одного местного начальника. В это время управляющим был бий Уатай Утегенов¹⁷⁹². Начальником дистанции 23 июня 1857 г. был назначен зауряд-хорунжий, бий рода шомекей Алмат Тобабергенов¹⁷⁹³, 1806 г. рожд. Был человеком высокого роста, крепкого телосложения. Имел именную печать. Летом кочевал по р. Орь, зимой – близ Уральского укрепления, на урочище Кок-шоке. В 1833–1834 гг. был главным караванным вожаком во время следования переводчика Оренбургской пограничной комиссии П.И. Демезона с секретной миссией в Бухару и обратно, за что был награжден серебряной медалью на анненской ленте и саблей при похвальном листе Оренбургской пограничной комиссии от 24 декабря 1834 г.¹⁷⁹⁴. В 1854 г. получил серебряную медаль. В 1855 г. оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин ходатайствовал о награждении его чином хорунжего¹⁷⁹⁵.

¹⁷⁸⁹ Там же. С. 56, 118, 263

¹⁷⁹⁰ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 263. Л. 1–6.

¹⁷⁹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 25. Л. 7 – 7 об.

¹⁷⁹² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 243.

¹⁷⁹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1855 год. Д. 2. Л. 103.

¹⁷⁹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2512. Л. 143.

¹⁷⁹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1855 год. Д. 2. Л. 101, 103.

В 40-е гг. встал вопрос о создании особой дистанции, расположенной напротив крепости Орь. Это был важный участок, локализованный напротив Новой линии (созд. в 1835 г.), по сведениям султана-правителя Средней части казахов Оренбургского ведомства войскового старшины Арслана Джантюрина от 3 января 1847 г. на территории р. Орь, от брода Тасты-чу до устья Тамды-Ур, и по тречкам Талдыку и Кайрактан, которые впадают в Ирғиз, кочевало более 700 кибиток разных отделений рода жагалбайлы, которые не вошли в состав ни одной из прилинейных дистанций¹⁷⁹⁶.

26 января 1848 г. распоряжением оренбургского генерал-губернатора была учреждена 56-я дистанция, в числе 885 казахских кибиток, кочующих по р. Орь, от брода Тастычу до устья Тамдыур, и по речкам Талдыку и Кайрактам, впадающих в Ирғиз. 10 февраля 1848 г. начальником 56-й дистанции был назначен бий Беркимбай Бучибаев, отец Дербисалы Беркимбаева. Как начальнику дистанции Беркимбай Бучибаеву заказали именную печать и назначили жалование в размере 50 рублей серебром в год. Султан-правитель Средней части Араслан Джантюрин принял присягу на верность службе у Бучибаева и представил в ОПК присяжный лист¹⁷⁹⁷.

В 1850 г. была образована 57-я дистанция, которая находилась по реке Хобде, от реки Тамды до реки Тересакан, далее до реки Кызылчак, реки Ащисай, реки Ак-сай, реки Тиндяк-кара, от реки Каражал до реки Ильбулды и затем до реки Кокбекты.

О размере прилинейных дистанций некоторое представление дает нижеследующая таблица, данные которой относятся к 1854 г.¹⁷⁹⁸:

Нумерация, присвоенная дистанции	Укрепления и станицы, в районе которых находились владения дистанций	Число хозяйств, кочевавших вблизи указанных пунктов и составляющих дистанцию
----------------------------------	--	--

¹⁷⁹⁶ См. подробнее: Султангалиева Г.С. Династия Беркимбаевых: от зауряд-хорунжего до дворянина Российской империи. Актобе, 2017. С. 22–26.

¹⁷⁹⁷ Там же. С. 24.

¹⁷⁹⁸ Зиманов С. Политический строй Казахстана. С. 205.

1	Форпост Кошевский Форпост Чеганский Форпост Круглоозерный	1303
3	Форпост Орловский Форпост Кулагинский Форпост Гребенщиковский Форпост Горск Форпост Харкинк Форпост Красноярск	140 210 276 122 217 331 ВСЕГО 1296
4	Форпост Котельный Форпост Кругловский Форпост Антоновск Форпост Лебяжинский Форпост Каленовский Крепость Калмыковская	148 258 189 136 131 261 ВСЕГО 1123
5	Крепость Сахарная Форпост Карцинский Форпост Мергеновский Форпост Горячинский Форпост Лбищенск Форпост Кожехаровск Форпост Бударинский На урочищах Диван, Ащисай, Туз-Жилга	176 177 395 327 298 353 777 105

Таким образом, недоработанность и незавершенность реформы 1824 г., потребность определения точного количества населения в степи для сбора кибиточного налога, необходимость регулирования взаимоотношений казахов с

линейными жителями вызвало введение дистанчной системы управления. Дистанции создавались между крепостями, от одной крепости до другой.

Как показывают приведенные выше данные, дистанции против Оренбургской линии были разделены неравномерно. Количество кибиток варьировалось от сотен до тысяч. После реформы 1844 г. эта проблема встанет остро и уже в 50-е – 60-е годы XIX в. Оренбургское правление будет ставить вопрос о новом перераспределении территории дистанций с учетом количества населения.

Процедура назначения дистанчных начальников проходила следующим образом. 1. Кочевники-казахи представляли «приговор», т.е. свое прошение, где перечисляя достоинства будущего дистанчного начальника, просили султана-правителя представить данную кандидатуру оренбургскому начальству. 2. Султан-правитель части представлял в Оренбургскую пограничную комиссию сведения по форме, где перечислялись данные о кандидате: происхождение, место кочевания, заслуги кандидата, его усердие к службе, способности, поведение, отношение с другими чиновниками. 3. В свою очередь, для утверждения кандидата Пограничная комиссия представляла такие сведения о претенденте оренбургскому военному губернатору, иногда дополняя ее известными для нее сведениями. 4. Решение вопроса оставалось за главным начальником края. Так, например, султан-правитель Восточной части Ахмед Джантюрин в 1847 г. вышел с инициативой открытия новой дистанции среди племени аргын, жогары-шектинского отделения, и предложил кандидатуру бия племени аргын Кудабая Кучбина на должность дистанчного начальника¹⁷⁹⁹. Докладывая, что бий Кучбин известен Пограничной комиссии по прежним представлениям, перечислил его заслуги¹⁸⁰⁰.

---

¹⁷⁹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5842. Л. 17–17 об.

¹⁸⁰⁰ Кудабай Кучбин 1811 г. рожд. – бий урджанского отделения, племени аргын. Летом кочевал между реками Тоболом и Тургаем, а зимой на Тургае. Имел хорошее состояние. Грамоты не знал. В 1846 г. в октябре месяце за усердную службу награжден с разрешения оренбургского военного губернатора Пограничной комиссией 30 руб. сереб. В 1844 г. был в отряде Ахмета Джантюрина, участвовал в преследовании Кенесары Касымова // ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5842. Л. 18 – 18 об.

В 1865 г. казахи 22 дистанции, где находились кочевники матайского отделения рода керей Восточной части, представили в своем «приговоре» желание иметь своим дистанчным начальником Юлмухамета Байжанова¹⁸⁰¹. Они писали, что «служивший при форте №1 бий Ю. Байжанов, человек воспитанный в русских заведениях, хорошего образования, совершенно безукоризненного поведения и твердой воли и энергии, а потому нет сомнения, может среди нас быть наставником и представителем нашим пред правительством, наставляя нас на хорошую жизнь, обучая детей, одним словом, правя нами. Такого рода установившееся нами мнение и взгляд на г. Байжанова дает нам право обстоятельство это на высокое благоусмотрение правительства и предстательствовать перед ним, прося, если только наша просьба не будет вопреки законам нашего Государя, назначить г. Байжанова нашим дистанчным начальником»¹⁸⁰².

Безупречная служба была одним из главных критерием при назначении на должность дистанчного начальника. Любые нарушения при выполнении предыдущих обязанностей, которые приводили к освобождению от должности, могли сыграть отрицательную роль при получении новой.

В обязанности дистанчных начальников входило представление сведений о численности населения, количестве кибиток, скота и т.д. на вверенной им территории. Их отчеты перепроверялись должностными лицами разных уровней. Во время таких проверок, когда представители власти приезжали на дистанции, местные жители могли напрямую высказать свои требования, жалобы, просьбы. Так, например, в 1855 г. заседатель ОПК (с 29 мая 1837 года), султан, хорунжий Тлеукабыл Абултаев был командирован в 57-й дистанцию для проверки представленных сведений аульными старшинами и дистанчным начальником. В это время мулла данной дистанции Хайрулла Габдуллин просил освободить мечеть от кибиточной подати¹⁸⁰³.

---

¹⁸⁰¹ Юлмухамет Байжанов – сын бия, в 1862 году закончил казахскую школу при ОПК. С сентября этого же года младший толмач Оренбургского областного правления казахами.

¹⁸⁰² Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 58.

¹⁸⁰³ Там же. С. 118.

Во время перекочевки дистанционные начальники беспокоились о своевременном получении корреспонденции и указывали заранее новый пункт пребывания. Просили оренбургскую администрацию сообщить об изменении места дислокации всем официальным лицам. Например, начальник 18-й дистанции зауряд-сотник Качаров сообщал, что во время перехода за черту Новой линии на летнюю кочевку он получал корреспонденцию с большой задержкой. Предписание управляющего областью от 13 июня было получено им 17 августа и т.д. Такие факты беспокоили его. Он писал, чтобы «не подвергнуть себя ответственности в отношении исполнения», чтобы своевременно получать распоряжения, письма, я заранее сообщаю о своем будущем месте летней кочевки и т.д.¹⁸⁰⁴. Введение во второй половине XIX в. административного наказания за несвоевременное исполнение обязанностей, халатности возымело свое действие.

Данная категория начальников имела право на отпуск. Во время болезни или выезда за пределы Степи, а также отпуска, их увольняли с должности на определенное время и назначали временно исполняющих. Так, например, начальник 54-й дистанции А. Тобабергенов, отправляясь на 28 дневной отпуск, просил назначить на свое место сына – Шахмурата Алматова¹⁸⁰⁵.

Дистанционные начальники не получали жалованья. За усердную службу их награждали похвальными листами, медалями, переводили в следующий чин. Не все начальники были людьми высокого достатка, хорошего материального состояния. Так, например, начальник 9-й дистанции Тауке Айшуаков в 1838 году, в возрасте 60 лет, писал, что «не получая от казны никакого содержания, крайне стесняюсь в содержании себя с семейством». Он имел трех жен, семь сыновей, трех дочерей. Дистанционный начальник просил правителя Западной части Б. Айшуакова ходатайствовать ему пенсии для содержания семьи¹⁸⁰⁶.

Внутри дистанции были образованы аулы или местности. Аулы казахов Оренбургского ведомства отличались от аулов Сибирского, где было четко определено количество кибиток, тогда как в аулах казахов Оренбургского

¹⁸⁰⁴ Там же. С. 157.

¹⁸⁰⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4413. Л. 147.

¹⁸⁰⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 14–15.

ведомства количество кибиток могло варьироваться и зависело от родорасселения. Родоначальник не всегда назначался аульным старшиной. Поэтому сохранилось характерное для традиционного казахского общества управление родами, отделениями и подотделениями биев и старшин. Местные начальники, т.е. аульные старшины, были определены против каждого отряда или форпоста.

Положение для аульных старшин разработал председатель ОПК Г.Ф. Генс¹⁸⁰⁷. Правила состояли из 36 пунктов. Здесь выстраивалась вертикальная линия власти. Определялось, когда, кому, в каких случаях аульный старшина должен был представлять сведения. Он как начальник определенной местности нес обязательства за спокойствие вверенной ему территории. Аульный старшина отвечал перед законом за несвоевременное донесение жалоб вверенных ему казахов в соответствующий орган, за невыполнение распоряжений начальства (§ 24, 36)¹⁸⁰⁸. «Вы подчиняетесь, как ближайшему начальнику (имеется в виду комендант крепости, главный линейный начальник – Г.И.), дистанчному начальнику А дистанции оренбургских местных киргизов, но если случится, что Вы получите предписания прямо от султана-правителя, Пограничной комиссии или от его сиятельства господина оренбургского военного губернатора, то Вы должны исполнять оные неукоснительно, объявляя о содержании оных немедленно дистанчному начальнику», – говорилось в документе (§ 32)¹⁸⁰⁹.

Линейное начальство могло объявить о распоряжении Пограничной комиссии, военного губернатора напрямую аульному старшине, а последний должен был доложить об этом дистанчному начальнику (§ 33)¹⁸¹⁰. Линейное начальство по делам казахов обращалось только к аульному старшине, требуя содействия, но оказывая защиту и выдавая в случае необходимости пособия (§ 35)¹⁸¹¹. О слухах, чрезвычайных происшествиях аульный старшина должен был доносить дистанчному и местному линейному начальнику (коменданту крепости) (§ 30)¹⁸¹².

¹⁸⁰⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 1; Материалы по политической истории Казахстана. С. 210–215.

¹⁸⁰⁸ Там же. Л. 20, 22 об.

¹⁸⁰⁹ Там же. Л. 22.

¹⁸¹⁰ Там же. Л. 22.

¹⁸¹¹ Там же. Л. 22 об.

¹⁸¹² Там же. Л. 21 об.

Аульный старшина должен был вовремя докладывать дистанчному и местному линейному начальнику обо всех сделках между линейными жителями и казахами (§ 23)¹⁸¹³.

Местный начальник выступал регулятором отношений казахов с линейными жителями и начальством. Он должен был участвовать в следствиях над казахами как их представитель, свидетельствовать потравы, рубку леса, выдавать беглецов и чужой скот. Аульный старшина нес ответственность за поступки населения вверенной ему территории (§ 28)¹⁸¹⁴.

Обо всех ситуациях, происходивших на вверенной ему территории, он докладывал им параллельно, но о нуждах, стеснениях, претерпеваемых казахами, он докладывал по инструкции только дистанчному начальнику (§31)¹⁸¹⁵.

Таким образом, местный начальник был ответственен за население определенного аула, располагавшегося возле определенной крепости. Имел двойное, параллельное подчинение как местному казахскому (дистанчному начальнику), так и российскому (линейному) начальнику. Он мог сообщать сведения как письменно, если у него были средства, так и устно через верных и надежных людей.

Основное содержание инструкции сводилось к нижеследующим пунктам. В подчинение аульного старшины переходили все казахи, независимо от различия родов, отделений и званий, кочующие в пределах вверенного ему пространства степи (§ 1)¹⁸¹⁶. Местный начальник должен был содержать их в повиновении, не допуская междоусобных ссор, нападения на линейных жителей и т.д. (§ 14)¹⁸¹⁷. Так как аульный старшина назначался начальником над кочевниками определенной крепости, то никто из посторонних султанов, дистанчных начальников, султанов-правителей не имел права вмешиваться в его дела, делать распоряжения (§ 27)¹⁸¹⁸.

---

¹⁸¹³ Там же. Л. 20.

¹⁸¹⁴ Там же. Л. 21–21 об.

¹⁸¹⁵ Там же. Л. 21 об.–22.

¹⁸¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁸¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸¹⁸ Там же. Л. 21.

Если кто-то из казахов по каким-либо причинам отказывался подчиняться, то предлагалось их *выслать или удалить* (выделено мною – Г.И.) от вверяемого начальнику пространства. Данной категории лиц предлагался *выбор местожительства и начальника* (выделено мною – Г.И.) (§ 2)¹⁸¹⁹.

Никто не мог поселиться без согласия аульного старшины на вверенной ему для управления территории (§ 3)¹⁸²⁰. Посторонние люди, не имеющие письменные разрешения или особые устные распоряжения от российской администрации, не могли находиться в Степи (§ 29)¹⁸²¹.

Аульные старшины должны были наблюдать за поведением населения, чтобы оно было благонадежным, лояльным и сдерживать казахов от нападения на линии (§ 4, 5, 25)¹⁸²².

О неповиновении аульному старшине, замыслу кочевников напасть на линию или о совершенном нарушении старшина должен был докладывать дистанчному начальнику, а также содействовать поимке виновных (§ 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14)¹⁸²³.

Об оказании сопротивления местному начальнику и неоказании помощи населения в поимке или задержании виновных старшина должен был сообщить начальнику линии для взятия под стражу виновных (§ 9)¹⁸²⁴. В случае, если произошла кража, нападение на линии, аульный старшина обязан был похищенное представить местному линейному начальнику, а самого преступника выдать (§ 13)¹⁸²⁵.

Пограничная комиссия рассматривала взаимные между казахами и линейными жителями иски, притязания. Никто не мог взыскивать с казахов деньги, скот, имущество без предписания комиссии. Предписания делались султанам-правителям, а они делали указания дистанчным начальникам,

---

¹⁸¹⁹ Там же. Л. 16.

¹⁸²⁰ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁸²¹ Там же. Л. 21 об.

¹⁸²² Там же. Л. 16 об., 20 об.

¹⁸²³ Там же. Л. 16 об.–18.

¹⁸²⁴ Там же. Л. 17.

¹⁸²⁵ Там же. Л. 17 об.–18.

последние в свою очередь аульным старшинам (§ 15)¹⁸²⁶. По всем взысканиям аульный старшина должен был собрать необходимое и сдать под расписку начальнику коменданта крепости, против которой он находился. Затем эти расписки старшина должен был передать дистанчному начальнику, тот в свою очередь султану-правителю, а последний – Пограничной комиссии для сопоставления данных, переданных линейными начальниками (§ 16, 17, 20, 21)¹⁸²⁷. Никакое имущество или скот аульный старшина не мог отдавать для удовлетворения иска без указаний Пограничной комиссии и мимо местного линейного начальника (§ 18, 19)¹⁸²⁸. Хотя § 15 предполагал, что взыскание денег, имущества, скота идет по распоряжению Оренбургской комиссии, но в случае, если линейное начальство настоятельно требовало этого, то аульный старшина должен был сделать все требуемое и сдать все имущество по расписке (§22)¹⁸²⁹.

Сохранялся институт аманатства. Аманаты служили залогом спокойного кочевания казахов при линии. Они не могли вмешиваться ни в какие дела и не могли участвовать в решении вопросов. Аульный старшина по требованию российской администрации беспрекословно должен был представлять аманатов на линию.

Таким образом, составленная председателем ОПК Г.Ф. Генсом инструкция для аульных старшин определяла обязанности, ответственность, подотчетность начальника аула как казахским, так и российским начальникам. Аульные старшины не получали жалованья. За верную службу они получали денежные награды и подарки.

Назначение аульного старшины проходило следующие этапы. 1. Казахи определенной территориальной единицы – аула, выбирали аульного старшину и представляли его кандидатуру дистанчному начальнику. 2. Дистанционный начальник просил о назначении выбранной кандидатуры султана-правителя части. 3. Султан-правитель на основании поступивших сведений (если устные, то

---

¹⁸²⁶ Там же. Л. 18–18 об.

¹⁸²⁷ Там же. Л. 18 об., 19 об.

¹⁸²⁸ Там же. Л. 19–19 об.

¹⁸²⁹ Там же. Л. 20.

его письмоводитель записывал сведения о кандидате), отправлял ходатайство на имя председателя Оренбургской пограничной комиссии, прилагая послужной список кандидата. 4. Председатель Пограничной комиссии готовил соответствующую документацию начальнику края, который принимал окончательное решение¹⁸³⁰. Например, в июне 1835 г. казахи утебаева отделения рода маскар, кочующие при Харкинском форпосте, представили «приговор»¹⁸³¹ дистанчному начальнику, где сообщали, что по предписанию начальника, в связи со смертью своего отца, Таттимбек Аллабергенов выполнял функции местного начальника с 13 мая 1834 по 2 июня 1835 г. Дав положительную характеристику юноше, с эпитетами «достоен сей должности», «мы все его желаем», «избираем вместо отца его», просили утвердить его¹⁸³².

Со своей стороны, начальник 3 дистанции линейных казахов Каркын Бутантаев просил в своем рапорте султана-правителя Баймухаммеда Айшуакова «учинить зависящее распоряжение» и представил избирательный лист казахов об избрании на место умершего местного начальника Аллабергена Тогузакова его сына Таттимбека¹⁸³³. Баймухаммед Айшуаков представил на рассмотрение Пограничной комиссии рапорт начальника дистанции, избирательный лист казахов, кочующих при Харкинском форпосте, и просил сделать распоряжение об определении на место умершего местного начальника его сына¹⁸³⁴.

После назначения Пограничной комиссией новый местный начальник Таттимбек Аллабергенов получил предписания для руководства и приступил к исполнению своей должности¹⁸³⁵.

По предписанию оренбургского военного губернатора назначение дистанционных и аульных начальников должно было производиться постепенно, а не одновременно, чтобы можно было выбрать людей достойных и благонадежных правительству.

¹⁸³⁰ Иногда в документах указывается, что после назначения ОПК приступил к должности.

¹⁸³¹ Имеется в виду прошение

¹⁸³² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4659. Л. 6.

¹⁸³³ Там же. Л. 3.

¹⁸³⁴ Там же. Л. 2.

¹⁸³⁵ Там же. Л. 10.

Не всегда освобожденные от должности дистанционные или местные начальники с уважением относились к своим преемникам. Так, например, заступивший в 1862 г. на должность начальника 34 дистанции султан И. Бабин в своем рапорте на имя управляющего Областью оренбургских казахов, объясняя причины своих неудач в управлении, связывал это с деятельностью бывшего дистанционного начальника Бабакай Абилева, его соплеменников – управляющего родом томенги-шекты Бигена Языева¹⁸³⁶ и его сына Байжана Бигенова. Исемгазы Бабин – воспитанник Оренбургского Неплюевского училища, был воспринят населением как «чужестранец», «русский»¹⁸³⁷. Бий Бабакай, по словам нового дистанционного начальника, распространял среди населения племени аргын, подотделения таз, что только представители своего рода и племени могут управлять ими, призывал не подчиняться новому начальнику. Когда новый начальник собирался сделать проверку сбора кибиточного налога за прошедшие годы, то Бабакай Абилев прислал ему повестку, приложив именную печать. Он сообщал, что не имеет права без особого предписания начальства разъезжать по дистанции и проверять платежные квитанции. Бий заявил, что запрещено при объездах взимать с дистанции подводы и обременять народ неосновательными распоряжениями¹⁸³⁸. Это вызвало растерянность у И. Бабина, и он обратился к султану-правителю части с просьбой выдать такое разрешение. Новый начальник несколько раз письменно и устно докладывал султану-правителю сложившуюся ситуацию в его дистанции. Просил оказать содействие, но не получил этого. Страх потерять доверие в лице российской администрации побудил И. Бабина обратиться в Оренбургское правление. «Все должностные лица и родоначальники вообще не расположены к подобным мне чиновникам, воспитывавшимся в

---

¹⁸³⁶ Биген Языев – хорунжий, бий, сын знаменитого бия Язы Янова, участвовавшего при разграничении земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств в 40-е гг. XIX в. Биген Языев был в составе казахской делегации, отправившихся вместе с А. Джантюриным в Санкт-Петербург // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 40. В 1845 г. за усердие и преданность Биген был награжден Пограничной комиссией бархатным кафтаном. В 1847 г. получил за службу пару дуствольных пистолетов с прибором. В 1848 г. награжден чином хорунжия. В январе того же года назначен управляющим // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3519. Л. 118–118 об.

¹⁸³⁷ Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 146.

¹⁸³⁸ Там же. С. 147, 149.

Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, на которых смотрят с неприятием и с отвращением, подозревая в них для себя какую-то опасность, одним словом, не дают хода воспитывавшимся киргизам в русских заведениях», — писал И. Бабин.

Этот случай показывает нам стремление начальников низового звена не допустить в свою «нишу» представителей других местностей. Против нового дистаночного начальника объединились три представителя отделения таз, которые занимали разные должности. Возможно, что донос со стороны этих чиновников повлиял на отношение к нему султана-правителя. Но последнее обвинение, что в Степи «видят опасность», «не расположены к подобным мне чиновникам» не согласуется со взглядом трансформированного казахского общества на выпускников Оренбургского военного училища, а затем Неплюевского кадетского корпуса, школы в Сеитовской слободе, казахской школы при Оренбургской Пограничной комиссии, которые представляли собой новую плеяду казахских чиновников с прекрасным знанием русского языка. К этому времени выпускники этих учебных заведений занимали должности султанов-правителей, их помощников, дистаночных начальников и т.д. Например, в письме к оренбургскому военному губернатору генералу от инфантерии В.А. Обручеву две жены умершего есаула Караул-ходжи Бабаджанова¹⁸³⁹ в 1850 г. просили определить малолетних сыновей и внуков в Неплюевский корпус. Они сообщали, что покойный их муж с 30 до 75 лет (до самой смерти в марте 1850 г.) верно служил императорскому Двору. Жамиля Пиралиханова¹⁸⁴⁰ и Улбиби Данишмендова¹⁸⁴¹ сообщали, что К. Бабаджанов в свое время определил трех сыновей в Неплюевский кадетский корпус. К этому времени двое старших умерли, а третий — Мухамед-Салих Бабаджанов, учился в данном корпусе. Перечисляя преимущества выпускников этого учебного заведения, в числе которых они особо выделяли «преимущество пред простолюдинами и не

¹⁸³⁹ Караул-ходжа Бабаджанов — есаул, управляющий 1-й частью приморских казахов и частью рода адай Букеевской Орды.

¹⁸⁴⁰ Жамиля Пиралиханова — дочь туркменского хана Пиралы, внучка хана Нуралы, правнучка хана Абулхаира.

¹⁸⁴¹ Улбиби Джанишмендова — старшая жена.

должностными султанами», женщины просили оренбургского начальника «осчастливить» их тем, чтобы дети их были приняты в корпус, а затем допущены для исполнения различных должностей¹⁸⁴².

Следующий пример. Едиге Айтукин – выпускник казахской школы при Оренбургской пограничной комиссии в 1865 году писал управляющему Областью оренбургских казахов (1865–1868) Льву Федоровичу Баллюзеку, что после окончания школы он вернулся на некоторое время в Степь. Но затем, вернувшись в Оренбург, он просил в Оренбургском правлении должность местного или дистанчного начальника. Правление предписало правителю Восточной части при появлении первой же вакансии назначить Е. Айтукина на должность¹⁸⁴³. Этот пример, как и вышеописанный, ярко свидетельствует, что получившие образование в российских учебных заведениях казахи после окончания обучения могли смело претендовать на определенные должности. Выпускники могли в своих письмах к представителям российской администрации просить определить их на службу империи.

Если сделать анализ социальному составу чиновников, выполнявших должность дистанчного начальника, то в начале 30-х г. XIX в. многие из них были Чингизидами, но уже в 40-е гг. ситуация изменилась. В этот период среди дистанчных начальников мы встречаем представителей «черной кости» – биев, старшин, которые имели большое влияние среди соплеменников, стали известны российской администрации только после назначения и исправления должности. Они были рекомендованы населением дистанции, их кандидатуры были поддержаны султанами-правителями, а затем председателем ОПК. Многие из них были среднего материального состояния. Ситуация с образовательным уровнем не изменилась. Избранные из числа «черной кости» в основном не знали грамоты, из султанов знали татарскую грамоту, а уже с середины 40-х годов выпускники российских образовательных учреждений, вернувшись в Степь, занимают место в управленческом аппарате среднего и нижнего звена власти.

---

¹⁸⁴² Казахские чиновники на службе Российской империи. С. 24–25.

¹⁸⁴³ Там же. С. 194–195.

Следующей проблемой, на который мы остановимся, будет принятие «Положения» 1844 года, которое разрешило многие вопросы, утвердило положения реформы 1824 года. «Пограничная» система управления сохранилась. Высшее звено в системе военно-административного управления Казахской степью принадлежало российскому государственному аппарату, представленному на месте оренбургским генерал-губернатором, Оренбургской пограничной комиссией. К структуре власти среднего уровня относились должности султанов-правителей, а низового – дистанчных начальников и аульных старшин. Большие изменения будут внесены именно в инструкции чиновников нижнего уровня власти, а также пересмотрены деления на дистанции.

ГЛАВА 5 КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ НА КАРТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

5.1 Топографо-геодезические исследования северо-западных регионов Казахской степи в XVIII – первой половине XIX века

Картографические материалы XVIII – XIX вв. являются одним из важных источников по изучению истории, исторической географии, топонимики, этнографии казахского народа. Чертежи (так в прошлом назывались карты – Г.И.), возникшие в результате путешествий, экспедиций или же по инициативе центральной администрации, стали значительной вехой в процессе освоения казахских степей Российской империей. Важным направлением имперской географии власти являлось «научное завоевание» новых территорий и народов: «землеведение», картографирование, статистические описания, этнография¹⁸⁴⁴. Карты играют большую роль в истории управления России, являясь мощным инструментом на службе государства. По словам Валери Кивельсон, карты выступают как средство установления права собственности на землю или обозначения имущественных границ¹⁸⁴⁵.

В первой половине XIX в. ведется порайонное картографирование территории казахских земель. Карты возникли на основе материалов геодезических съемок, основанных на астрономических опорных пунктах. Отдельный Оренбургский корпус военных топографов и геодезистов состоял из выпускников военно-топографического депо, т.е. из квалифицированных специалистов-картографов, которые в основном и выполняли картографирование.

После решения Петра I о начале активной работы геодезистов по составлению региональных чертежей карты стали не просто новой вехой в истории управления России, а целостным механизмом наглядного закрепления,

¹⁸⁴⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. С. 23.

¹⁸⁴⁵ Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / научный ред. перевода М. Кром. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 43.

формализации государственной границы¹⁸⁴⁶. Карты были мощным инструментом на службе государства. Общее мнение, основанное на приравнивании знания к власти Мишеля Фуко, по-видимому, состоит в том, что карты служили интересам государства, представляя на обозрение центра все значимые особенности и предавая забвению то, что считалось несущественным¹⁸⁴⁷.

«Известно, что хорошая, т.е. составленная с полным знанием современных источников, карта страны всего лучше выражает состояние географических сведений об этой стране. Точные топографические карты существуют лишь там, где уже были произведены обширные геодезические операции; напротив, страны хуже известные должны довольствоваться картами географическими, небольшого масштаба, а земли едва осмотренные – даже плохими чертежами, в которых положение одних предметов неверно, а других и вовсе гадательно», – писал в свое время М.И. Венюков¹⁸⁴⁸.

Именно при Петре I печатались в России и за рубежом географические карты и книги, стали составляться карты крупных районов империи. Были организованы экспедиции для изучения Сибири, стран Центральной Азии (Хивинское и Бухарское ханство) и т.д. Но большую часть картографических материалов еще составляли чертежи, которые не имели астрономически определенных мест положений.

Важную роль при составлении карт играла квартирмейстерская часть, которая возникла в эпоху Петра I¹⁸⁴⁹. Картографирование в следующее столетие стало неотъемлемой частью военного управления Российской империи¹⁸⁵⁰.

---

¹⁸⁴⁶ Бобров Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. С. 115.

¹⁸⁴⁷ Кивельсон В. Картографии царства... С. 53.

¹⁸⁴⁸ Венюков М. И. Очерк географических исследований в Азиатской России // Военный сборник. 1877. № 7. С. 54.

¹⁸⁴⁹ Квартирмейстерская часть – вспомогательный орган высшего командования. В «Воинском уставе» 1716 года был начертан круг деятельности квартирмейстерской части. Одной из функций данной части было «ланд картою нарисовать и изобразить должен» // Столетие Военного Министерства. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального Штаба в 1802–1902 гг. / глав. ред. Скалон Д.А.; сост. Гейсман П.А. СПб.: Тип. поставщиков Двора ЕИВ тов-ва М. О. Вольф, 1902. Т. IV. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. С. 93–97, 200–202. Император Павел Петрович учредил в 1796 году, собственно для Особы Е.И.В. чертежную, а в августе 1797 г. было образовано Депо карт и этим положено начало

В 1741 году при Оренбургской комиссии был учрежден Географический департамент, сотрудники которого в 1744 году составили атлас новообразованной Оренбургской губернии, включавший генеральную карту и 11 региональных карт. Однако информационная нагрузка их была еще очень незначительной¹⁸⁵¹.

В 1752 году Оренбургская губернская канцелярия поручила геодезисту Ивану Красильникову составить генеральную карту Оренбургской губернии с прилегающими к ней территориями, изобразив на юге значительную часть Азии. В 1755 году геодезист составил атлас Оренбургской губернии с «прежних ландкарт, журналов и рапортов», а «дальнейшие заграничные места» – отчасти с иностранных карт, и по данным устных опросов осведомленных людей. Этот атлас состоял из генеральной и 10 частных карт Оренбургской губернии и одной карты Средней Азии¹⁸⁵².

26 ноября 1810 года была создана Канцелярия управляющего квартирмейстерской частью Свиты Е.И.В. Военно-научной работой ведали 2-е Топографическое¹⁸⁵³ и 3-е Маршрутное¹⁸⁵⁴. Офицеры данной части командировались на Кавказскую линию, в Оренбургский край, на Дальний Восток.

Военно-топографического отдела Главного штаба. 28 февраля 1812 года Депо приняло название военно-топографического депо и поступило в непосредственное начальство Военного министра // Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов (1822–1872). СПб., 1872. С. 27, 33.

¹⁸⁵⁰ Квартирмейстерская часть достигла возможной по тому времени степени совершенства в царствование императора Александра I. П.К. фон Сухтелен 31 июля 1801 года был назначен генерал-квартирмейстером. Его деятельность была направлена на привлечение в свиту наиболее образованных и способных людей и образовать из них хороших съемщиков и картографов. Заслуга его заключалась в том, что он основал российскую картографию, положив начало двум важным для войск картам: специальной (столистой) и маршрутной. Он положил начало геодезическим работам // Столетие Военного Министерства. Исторический очерк. С. 200–202, 244.

¹⁸⁵¹ Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 270, 271.

¹⁸⁵² Там же. С. 271.

¹⁸⁵³ В 1812 году было учреждено Военное министерство. При его первом руководителе генерале от инфантерии Барклая де Толли было образовано военно-топографическое депо, «учрежденное под непосредственным начальством военного министра для собрания, составления и хранения карт, планов, чертежей, топографических и статистических описаний...» // Столетие Военного Министерства. Исторический очерк. С. 267–268.

¹⁸⁵⁴ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Главная ред. вост. литературы, 1990. С. 174.

В 1803–1804 гг. офицер Генерального штаба поручик Я.П. Гавердовский и колонновожатые Г. Иванов и И. Богданович занимались описанием казахской степи¹⁸⁵⁵. Инструкция министра коммерции графа Н. П. Румянцева от 19 ноября 1802 г., выданная Я.П. Гавердовскому, ставила задачи: выяснить проблемы и факторы, препятствующие процессам нормализации транзитной торговли между Российской империей и Бухарой. Вместе с тем поручику вверялось собрать сведения о казахских родах, о месте кочевки казахов, кто из султанов управляет и преданы ли они Российской державе; имеются ли месторождения полезных ископаемых в Мугоджарских горах у верховьев рек Орь и Эмбы и т.д.¹⁸⁵⁶.

23 июля 1803 года посольство выехало из Оренбурга, но не достигло Бухары, караван был разграблен. Результатом работы членов посольства стал «Журнал, веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению чрез Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями, с описанием всех случившихся происшествий, равно как и о возвращении в Россию в 1803 году, с кратким уведомлением об отправлении посольства в азиатское владение»¹⁸⁵⁷.

Журнал был разделен на две части. К обеим частям были приложены карты. К первой части – карта маршрута посольства, а ко второй – карта всей казахской степи, которая была составлена из прежних карт с исправлениями и с примечаниями¹⁸⁵⁸.

---

¹⁸⁵⁵ Яков Петрович Гавердовский – военный офицер, с конца 1789 по 1800 г. постоянно служил в Оренбурге и на Оренбургской пограничной линии. Государственную службу он начал с гражданской должности канцеляриста в Оренбургском пограничном суде, затем перешел на военную службу в армейских частях той же Оренбургской губернии. В конце 1800 г. он был уволен с регулярной военной службы поручиком и полгода спустя 23.08.1801 г. определен на службу подпоручиком в Петербург в состав свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части. 12 декабря 1802 г. император Александр I своей официальной резолюцией на докладе министра коммерции санкционировал создание комиссии для подготовки посольства в Бухарское ханство, руководителем был назначен Я. Гавердовский / Ерофеева И.В. Рукописное наследие поручика Я.П. Гавердовского по истории, географии и этнографии Казахской степи // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Том V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. Алматы. Дайк-пресс. 2007.

¹⁸⁵⁶ ИКРИ – 5. С. 496–503.

¹⁸⁵⁷ Там же. С. 17–154.

¹⁸⁵⁸ Там же. С. 25.

Съемка казахских степей и маршрутная съемка шла по степи от Орска. Была составлена карта в масштабе 1:1.134000 с пятнадцатью видами и приложена к статистическому описанию казахской степи. Маршрутная съемка на 6 листах составлена в масштабе 1:232000¹⁸⁵⁹. В 1816 году была составлена карта части Средней Азии при Депо карт¹⁸⁶⁰.

В 1819–1825 гг. были составлены подробные инструкции для офицеров, которые должны были заниматься составлением свода военно-топографических описаний по сопредельным с Россией государствам. В 1822 году при Главном штабе был учрежден корпус военных топографов с целью осуществления наиболее эффективных съемок местности¹⁸⁶¹. С 1819 по 1826 годы была инструментально снята Сибирская линия топографами под руководством полковника Генерального штаба Дьяконова. Эти же топографы инструментально сняли в 1832 г. 1-ю часть военно-топографической рекогносцировки Омской области¹⁸⁶².

В 1832 году был упразднен Главный штаб Е.И.В. и Высшее военное управление вновь перешло к Военному министерству. 1 мая 1832 г. был создан Департамент Генерального штаба. В функции 2-го отделения Департамента входило собирание и рассмотрение военно-исторических, военно-топографических и военно-статистических обзоров о России и иностранных государствах, а также составление карт и планов¹⁸⁶³.

В 1820–1825 гг. в Оренбургском крае и в Сибири производились по преимуществу только рекогносцировки и маршрутные съемки. До 30-х годов XIX в. особенно интенсивно исследовалась северная часть Казахстана до линии

¹⁸⁵⁹ Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк. СПб., 1872. С. 53.

¹⁸⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20305.

¹⁸⁶¹ Сыздыкова Е. С. Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII – XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М.: Реклама Мастер, 2005. 246 с. С. 43.

¹⁸⁶² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20305.

¹⁸⁶³ История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука. Глав. ред. вост. литературы, 1990. С. 183.

устье р. Эмбы – северное побережье Аральского моря – северная часть оз. Балхаш¹⁸⁶⁴.

Вошедшая в историю под названием «миссия Негри», или экспедиция в Бухару под руководством статского советника МИД, дипломата Александра Федоровича Негри, сыграла видную роль в истории географических исследований Западного Казахстана и всего Арало-Каспийского края. Император Александр I направил данное посольство в ответ на неоднократные обращения бухарского хана, через своих посланцев выразившего желание укрепить давно сложившиеся дружественные отношения между государствами. В инструкции, данной Негри, говорилось, что при миссии «будут находиться четыре военных офицера для осмотра киргизских (казахских – Г.И.) степей, рек Улу Тургая и Сира, а также самой Бухарии» и ему предлагалось «доставить им возможные пособия к успешнейшему исполнению возложенного на них поручения, которое нужно сохранять в тайне».

Вышедший 10 октября 1820 года из Оренбурга караван имел цель изучить возможности расширения торговли Российской империи с Бухарой. В составе экспедиции были гвардейского Генштаба капитан Е.К. Мейендорф и поручик В. Д. Вольховский, по квартирмейстерской части поручик А. К. Тимофеев, инженеры Отдельного Оренбургского корпуса подпоручики К.М. Тафаев и К.Д. Артюхов¹⁸⁶⁵, натуралисты Э.А. Эверсман и Х.Г. Пандер, секретарь русского посольства П. Яковлев.

Барон Мейендорф просил включить в экспедицию инженер-капитана Г.Ф. Генса. Григорий Федорович Генс вложил много труда для изучения Оренбургского края. В государственном архиве Оренбургской области сохранился уникальный источник – расспросные сведения, создателем которых

---

¹⁸⁶⁴ Экспедиционными исследованиями были охвачены междуречье рек Урала и Эмбы (Берг, Тимофеев, Карелин и др. – 1823 г.), Мугоджары и Тургай (Артюхов, Тафаев – 1821 г.; Жемчужин, Балкашин – 1824 г.), казахский мелкосопочник и северо-восточная часть Казахстана (съёмки под руководством Дьяконова в 1819–1826 гг., Лещеева – 1821 г., Шахматова и Зибберштейна – в 1825 г. и др.). Эти исследования в основном выявили общегеографический характер этой территории, ее орографию, гидрографию, почвенный покров и т.п. // Есаков В. А. География в России в XIX – начале XX века (открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М.: Наука, 1978. С. 112.

¹⁸⁶⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 14, 19.

является Г.Ф. Генс. Я.В. Ханыков, говоря об этих сведениях, как о важном источнике географических знаний по Средней Азии, высоко ценил труды Г.Ф. Генса. Он писал: «Но преимущественно обязана география в этом отношении председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсу. Прибыв на службу в Оренбург в первые годы настоящего столетия (XIX) в качестве инженерного офицера и с отличным университетским образованием, Генс неоднократно был посылаем в степь, а в 1815 г. сопровождал экспедицию к Свинцовым горам, вследствие чего составил весьма отчетливое обозрение совершенно неизвестного тогда пространства между Тоболом и Тургаем. В 1818 году он был употреблен для произведения в порядок архива Оренбургской пограничной комиссии, что ознакомило его с имевшимися прежде данными о Средней Азии, а вслед затем Генс назначен председателем этой комиссии, кем и оставался в продолжении слишком 20 лет»¹⁸⁶⁶.

Г.Ф. Генс сделал много для развития географии края. Он в составе двух экспедиций под командованием коменданта города Троицка ФеофилаТЬева принял участие в отыскании на р. КараторгаЙ месторождения «свинцовых руд». С 16 мая по 1 сентября 1814 года Г.Ф. Генс был командирован вверх по Оренбургской линии до Звериноголовской крепости для осмотра инженерных команд и в степь для поиска находящегося в 700 верстах от границы по р. Тургаю свинцового рудника. С 15 мая 1815 года находился в Звериноголовской крепости, а оттуда опять направился в казахскую степь с военной экспедицией для дальнейшего освидетельствования найденной Свинцовой горы и прочих рудников, открытых казахами. Экспедиция привезла образцы медной и свинцовой руд. 16 января 1820 года Г.Ф. Генс был назначен начальником инженеров отдельного Оренбургского корпуса¹⁸⁶⁷.

Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен в своем письме от 29 сентября 1820 года объявил Мейендорфу о невозможности отправки Г.Ф. Генса в степь. Вместо него был командирован подпоручик К. М. Тафаев, как «известный

¹⁸⁶⁶ Попов А. Рукописи Г. Ф. Генса // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург: типо-лит. «Г-ва Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. С. 175–176.

¹⁸⁶⁷ Там же. С. 180.

по своим способностям с весьма хорошей стороны», также по предложению самого барона был включен подпоручик К.Д. Артюхов¹⁸⁶⁸.

Военным во главе с Е.К. Мейендорфом ставились задачи: «обозрение Киргизской степи» – от Троицка до Сырдарьи и далее, определение мест, удобных для создания крепостей между Троицком, Орском и Сырдарьей. Постройка укрепления на этой реке должна была «обезопасить караванные пути в Бухарию и Хиву». Наряду с этим предлагалось составить маршруты путей и общую генеральную карту дороги в Бухару и обратно¹⁸⁶⁹.

Маршрут экспедиции проходил по р. Бердянка, Карабутак, Илек, горам Босага, Мугоджары, далее караван пересек Большие и Малые Барсуки, Приаральские Каракумы, Сырдарью, русла Куандарьи и Жанадарьи, Кызылкумы, Юз-кудук, пески Баткак и далее направился в Бухару¹⁸⁷⁰. Офицер Генштаба Е.К. Мейендорф провел рекогносцировки в казахской степи. В результате экспедиции была составлена карта, которая была опубликована в книге Е.К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» в Париже в 1826 году. Здесь были показаны озера с пресной и соленой водой, реки, колодцы, ручьи, развалины, элементы рельефа и т.д.

Труды ученых, которые вошли в состав экспедиции А.Ф. Негри, содержали исторические, географические, топографические, этнографические, геологические сведения о казахской степи.

В ноябре 1820 года по велению императора в столице начинает обсуждаться вопрос об отправке экспедиции в казахскую степь для военно-топографического обозрения¹⁸⁷¹. Еще до отправки в Бухару Е.К. Мейендорф планировал осмотр и определение других мест, которые не лежали на пути экспедиции. Возложить данную работу он планировал на инженерных офицеров, которых собирался отправить весной 1821 года в степь, одного из Троицка, а другого из Орска¹⁸⁷². Выполнение этой миссии было поручено инженерам Отдельного Оренбургского

¹⁸⁶⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 14, 14 об.

¹⁸⁶⁹ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М.: Наука, 1974. С. 161.

¹⁸⁷⁰ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих... С. 98–100.

¹⁸⁷¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 693.

¹⁸⁷² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 19.

корпуса поручикам К.Д. Артюхову и К.М. Тафаеву. Время нахождения их в казахской степи определялось первой половиной мая по начало декабря 1821 года. Еще перед началом экспедиции был составлен план продвижения в Степь и его изучение. Перед экспедицией были поставлены следующие задачи:

- 1) обращать особенное внимание на общее местоположение степи;
- 2) рассматривать направление и связь горных хребтов и общее склонение земли, выражаемое течением рек;
- 3) определить все урочища, удобные для поселения, в том числе определить качество воды и воздуха, плодородие почвы, леса, годные для строительства и дров, изобилие в зверях, птице, рыбе и т.д.;
- 4) определить качество почвы земли для развития хлебопашества в регионе;
- 5) вдоль р. Большой (Улу) Тургай определить места для строительства крепостей, редутов;
- 6) для обеспечения безопасности караванных путей установить места для будущих крепостей вдоль по дорогам от г. Троицка к р. Улу Тургай;
- 7) особое внимание уделялось изучению урочища Тюгушкан и тех мест по р. Улу Тургай, где переходили караванные пути в Бухару¹⁸⁷³.

Обозрение пространства между Орской и Троицкой крепостями, Свинцовою горою, р. Тургаем и направление от оз. Аксакал-Барби к Орской крепости являлось целью изучения подпоручика К.Д. Артюхова¹⁸⁷⁴.

Инженерные офицеры К.Д. Артюхов и К.М. Тафаев должны были выступить двумя отрядами из Орской крепости. Поручик К.Д. Артюхов направлялся через озеро Карсак Баши на озеро Эбелей, которое находилось в 420 верстах, а оттуда на устье р. Кабыр, впадающей в Большой Тургай, проходя 450 верст. В это время К.М. Тафаев двигался к Троицкой крепости до р. Аят, где пересекалась караванная дорога из Троицка, ведущая в Бухару, для соединения там с остальной частью эскорта. К.Д. Артюхов дальше должен был направиться к

---

¹⁸⁷³ Там же. Л. 6 об. – 9.

¹⁸⁷⁴ Там же. Л. 6.

устью р. Кабыр и там дожидаться отряд К.М. Тафаева, который от р. Аята должен был направиться в урочище Тюгушкан, а оттуда, поднявшись вверх по Тургаю, соединиться с ним. Далее разделившись здесь, отряд К.Д. Артюхова должен был следовать вдоль Большого Тургая, а отряд К.М. Тафаева через речку Улу, Малый и Кара-Тургай к Свинцовой горе. В этой местности отряды, вновь соединившись, получив провиант, снова отправлялись в путь. Команда К.Д. Артюхова отправлялась в Орскую крепость, а К.М. Тафаева в Кизильскую крепость¹⁸⁷⁵.

Но как в дальнейшем в своем рапорте сообщал поручик К.Д. Артюхов, знойная жара, вызвавшая недостаток в подножном корме, неправильно и неточно отмеченные пункты направлений отрядов, взятые из карты Средней Азии, нападения со стороны кочевников привели к изменению маршрута экспедиции¹⁸⁷⁶.

Поручик К.Д. Артюхов сообщал, что оз. Карсак Баши, отмеченное на карте Средней Азии, оказалось не на прямой линии от Орской крепости к оз. Эбелей, а клонилось от нее к югу. Прибыв к озерам, поручик определил, что находится в 80 верстах от озера Аксакал, лежащим в урочище Тюгушкан. Как говорилось выше, рекогносцировку этой местности должен был сделать отряд под руководством К. М. Тафаева, но прибывший первым на эту местность К.Д. Артюхов увидев совершенно бесплодную землю, лишенную подножного корма, отправился к р. Аят. Нападения кочевников на отряды топографов привело к решению совместного выступления команд.

Команда К.Д. Артюхова соединилась в конце июня с командой поручика К.М. Тафаева при р. Тобол. Два отряда вместе отправились к Свинцовой горе¹⁸⁷⁷. Оттуда намеревались отправиться к оз. Аксакал, затем вдоль р. Кара-Тургай дойти до устья р. Яллама-Тургай. Но казахи, сопровождавшие отряды, сообщили, что на этом пространстве нет воды, что глинистый грунт земли привел к отсутствию растительности и т.д. Описание бесплодной почвы ниже по реке

¹⁸⁷⁵ Там же. Л. 116 – 117 об., 679 об.

¹⁸⁷⁶ Там же. Л. 679–680.

¹⁸⁷⁷ В источниках сообщают, что гора величественная, подобная верблюду – Кургаттау, находится на р. Кара-Тургай в расстоянии 500 верст от Троицкой крепости.

Кара-Тургай, недостаток подножного корма, опасность лишиться лошадей и верблюдов приводит к принятию решения двигаться к Сары-Кун для обозрения Сары Коттор-тау и Теке-Турмас¹⁸⁷⁸.

Таким образом, экспедиция инженеров Отдельного Оренбургского корпуса поручиков К.Д. Артюхова и К.М. Тафаева выполнила основную часть поставленной задачи. Объясненные выше обстоятельства не дали возможности изучить р. Кара-Тургай. Но как сообщают источники, инженеры-поручики собрали подробные сведения об этом регионе у местных казахов.

Они составили генеральную карту и общие замечания части казахской степи. Была составлена топографическая карта на 123 листах, астрономически была определена широта Свинцовой горы¹⁸⁷⁹. За свои труды 28 июня 1822 года оба поручика были награждены орденом Св. Анны 3 степени¹⁸⁸⁰.

Рекогносцировки в 1823 г. в степях Младшего казахского жуза, а в 1825 году пространства между Аральским и Каспийскими морями производила команда полковника Ф.Ф. Берга.

Отправленная в 1823 году военно-топографическая экспедиция рассматривалась как единственное средство приведения «в спокойствие и порядок» Младший жуз казахов. Еще в начале ноября 1822 г. управляющий делами Азиатского комитета К.К. Родофиникин в своем отношении к оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену сообщал о причинах волнений казахов и о необходимости посылки в степь войск¹⁸⁸¹. Военному губернатору предлагалось разработать подробный план военной экспедиции, назначаемой в Младший жуз казахов. Требовалось уточнить: из какого войска должен состоять отряд, какова должна быть его численность, кому можно верить этот отряд, когда выгодно отправиться и на какое время и т.д.¹⁸⁸² Комитет обращал внимание на то, чтобы в составе отряда не было ни башкирцев, ни тептярей, ни мещеряков. «Неоднократные опыты прежних лет довольно показали силу отвращения и, так

¹⁸⁷⁸ Там же. Л. 680 – 680 об.

¹⁸⁷⁹ Там же. Л. 679, 694.

¹⁸⁸⁰ Там же. Л. 704.

¹⁸⁸¹ Материалы по истории КазССР (1785–1828). Т. 4. С. 413–414.

¹⁸⁸² Там же. С. 414.

сказать, врожденную ненависть сих поколений против единоплеменных им киргизцев (казахов – Г.И.). Допущение их внутрь киргизских кочевьев может дать повод к явлениям кровавым жестокости и мщениа», – говорилось в отношении¹⁸⁸³.

С 22 мая по начало июля 1823 года экспедиция под руководством Ф.Ф. Берга участвовала в подавлении движения казахских родов табын, тама, адай, выступивших против строительства Новой линии, под предводительством Жоламана Тленши (1822–1825). Перед отправкой в казахскую степь полковник Ф.Ф. Берг получил инструкцию МИД. Так, например, 2 пункт инструкции предписывал Ф.Ф. Бергу собрать сведения, «существуют ли какие-либо родовые между ими (казахами – Г. И.) распри и какими средствами всего удобнее можно было бы склонить их к примирению, обеспечив оное на долгое время»¹⁸⁸⁴. 5 пункт инструкции содержал вопрос, «полезно ли будет для киргизов (казахов – Г. И.), если бы правительство, сменив настоящего хана, облекло сим саном его сына или другого султана из рода Абулхайрова»¹⁸⁸⁵. В 6 пункте содержатся интересные мысли, что произойдет, если вместо хана Шергазы назначить Арынгазы? «В том же отношении, до какой степени было бы полезно возведение самого султана Арынгазы в достоинство хана, прекратятся ли при сем событии вражды народные, будут ли ему повиноваться известные по богатству султаны Темир, Каратай и другие, как равно и аулы нынешнего хана, движение караванов будет ли свободно и безопасно? Неприятные опыты показали уже всю меру закоренелой вражды сего султана с хивинцами: если он будет чем-либо стеснять проходящие караваны хивинские, то хан сего народа, конечно, не преминет нападать на отправляемые из России. Чем отвратить можно будет сей сугубый вред?»¹⁸⁸⁶

Помимо вопроса усмирения восставших казахов, отряду поручался сбор топографических, статистических сведений о тех местах, по которым будут проходить команды.

¹⁸⁸³ Там же.

¹⁸⁸⁴ Там же. Примеч. С. 498–499.

¹⁸⁸⁵ Там же. Примеч. С. 499.

¹⁸⁸⁶ Там же.

В состав экспедиции вошли свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части капитан А.К. Тимофеев и прапорщик Н.В. Балкашин, инженер-поручики Отдельного Оренбургского корпуса К.Д. Артюхов и К.М. Тафаев, прапорщик артиллерийского гарнизона Г.С. Карелин.

Отряды должны были сделать съемку рек: А.К. Тимофеев – Темира, Г.С. Карелин – Терисаккана, Н.В. Балкашин – Эмбы. 14 июня 1823 года полковник С. Ф. Циолковский¹⁸⁸⁷ послал донесение Ф.Ф. Бергу. Он сообщал о неверности карт и определенного ранее расстояния между пунктами, о невозможности отправить капитана А.К. Тимофеева и прапорщика Г.С. Карелина для съемки намеченных рек, так как на карте неверно были расположены р. Темир и Терисаккан. Он отмечал, что на карте отмеченное как озеро Тайсуган (Тайсойган – Г.И.), есть на самом деле пески и т.д.

Члены экспедиции исследовали по ходу своего маршрута р. Уил, урочище Мурзантай, оз. Куз, р. Янkelди, Сагыз, Эмбу, пески Тайсуган, Бараньи и Дюковы горы, р. Ащы-Бутак, Орь. Команда Ф.Ф. Берга произвела съемки 40 тыс. кв. верст.

23 и 26 февраля 1824 года в казахскую степь была отправлена еще одна военная экспедиция двумя колоннами.

Первый отряд под командованием Назарова, в составе которого были штабс-капитан Генерального штаба В.Д. Вольховский и Свиты Е.И.В. по квартирмейстерской части подпоручик Н.В. Балкашин, должны были выступить из Кожехаровского форпоста. Второй отряд выступал под руководством С.Ф. Циолковского. Первый отряд должен был идти по Нижне-Уральской линии, второй направлялся к берегам Каспийского моря. Члены экспедиции должны были проверить имеющиеся сведения о юго-западной части казахской степи. В задачи экспедиции входило: точно определить проходимое расстояние; узнать, верно ли обозначены урочища на картах; стараться собрать достоверные сведения об устье р. Эмбы, о горных кряжах Кара, Туман, Карауметтау и простирающихся вдоль восточного берега Каспийского моря, о соединении их

---

¹⁸⁸⁷ Экспедиция Ф. Ф. Берга состояла из трех отрядов, один из которых состоял из 2-х команд. Руководили отрядами полковник Циолковский, полковник Берг, полковник Милорадович.

между собой и горами Мугоджар; узнать о западных пределах песков Большие Барсуки; проверять по расспросам у местного населения сведения о караванных путях в Хиву, об астраханской дороге. Если отряд будет проходить по известным путям, то нужно было проверить ранее сделанные съемки. Особое внимание уделялось пространству между Каспийским и Аральским морями. Предлагалось собрать сведения о качестве воды, почвы, узнать о возможности соединить водными путями эти моря и т.д. В задачи экспедиции также входило определение отделений казахов, кочующих вдоль маршрута экспедиций. Также нужно было узнать, где заканчиваются к югу их кочевья и начинаются кочевья туркмен¹⁸⁸⁸.

Но из-за рано наступивших оттепелей, таяния снега почва стала топкой и непроходимой. Команды были вынуждены вернуться, но топографы сделали часть своей работы.

Как отмечает А.И. Макшеев: «В 1824 году ходили в степь три отряда в 2220 человек и 6 орудий, причем штабс-капитан Вольховский составил также военное обозрение части киргизской степи. Все движения отрядов доставляли некоторые весьма отрывочные сведения о степях и приучали прилинейные войска к степным походам, но, конечно, не могли водворить порядок и спокойствие в степи»¹⁸⁸⁹.

В результате при экспедиции 1824 года была составлена капитаном В.Д. Вольховским и подпоручиком Н.В. Балкашином карта военно-топографического обозрения части казахской степи Малой Орды. Топографы отмечали, что «течение р. Урала взято с карты Средней части Азии, течение Утвы, вершины Уила, течение Сагыза, включая вершины онаго, Большой Каракуль и Сары-Куль означены сходно с картами, составленными при экспедициях 1824 года, снято посредством компаса и одометра, пространства не пройденные нанесены по расспросам. Оз. Челкар нанесено по расспросам, но кажется, оно назначено достоверно на карте Средней части Азии»¹⁸⁹⁰.

¹⁸⁸⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3040а. Л. 7–12.

¹⁸⁸⁹ Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб.: Военная типография, 1890. С. 115.

¹⁸⁹⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20651. Карта военно-топографического обозрения части степи киргизкайсаков Малой Орды. Рукопись. М. 10 в.

Важные сведения были добыты в результате экспедиции полковника Ф.Ф. Берга на Устюрт зимой 1825–1826 гг. Эта зимняя экспедиция опровергла мнение о невозможности изучения степи в холодное время года. Изучив территорию между Каспийским и Аральским морями, она представила важные картографические результаты.

Как отмечали исследователи XIX в.: «Сравнительная карта Аральского моря, с кратким изложением его экспедиции, важной в географическом отношении, относится к литографической работе»¹⁸⁹¹. В этих работах принимали участие офицеры Генерального штаба В.Д. Вольховский, П.Д. Анжу, капитан Загоскин, подпоручик А.О. Дюгамель.

Созданный во время экспедиции «Топографический журнал пространства Киргизской (казахской – Г. И.) степи между Каспийским и Аральским морями экспедиции в 1825 по 1826 года» является одним из источников изучения топонимики, гидрографии, орографии казахской степи.

В 1831 году А.К. Тимофеев, участник ряда среднеазиатских экспедиций, приступает к созданию общей карты казахских степей и среднеазиатских территорий¹⁸⁹². Маршрутные обозрения, съёмки экспедиций Ф.Ф. Берга, А.Ф. Негри, Е.К. Мейендорфа (1820–1821) и других послужили основой для составления «Карты земель, принадлежавших киргиз-кайсакам, и Туркестана».

В 1831 году была издана карта Оренбургской губернии и Уральского казачьего войска, масштаб 1:2100000, на 1 листе. Она принадлежит к литографической работе¹⁸⁹³.

В 1833 году в Омске топографом Бабиковым под руководством Бутовского была создана «Карта Средней Киргиз-Кайсацкой орды и сопредельных с оною орд и владений»¹⁸⁹⁴. Характер, районы исследования диктовались возникшей необходимостью разграничения территории оренбургских и сибирских казахов.

¹⁸⁹¹ Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов (1822–1872). СПб., 1872. С. 462.

¹⁸⁹² Есаков В.А. География в России в XIX – начале XX века (открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии). М.: Наука, 1978. С. 113.

¹⁸⁹³ Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк деятельности... С. 462.

¹⁸⁹⁴ Есаков В. А. География в России в XIX – начале XX века. С. 114.

Данную карту чертили топографы Цыкарев, Майоров и Лебедев. При составлении карты были приняты во внимание описи карт, сочинения инструментальных съемок, глазомерных маршрутов. Так, например, были изучены топографами: описание чиновника 12 класса Лещева в 1821 году от крепости Семипалатинской по направлению к городу Кашкару до хребта снежных гор Алатау; маршрут с описанием топографа Козлова, снятый в 1824 году от крепости Петропавловской до гор Кокшетау; маршрут с описанием сотника Шахматова, снятый в 1825 году от крепости Семипалатинской до семи рек (Жетысу – Г.И.) и замечания о сем же штабс-лекаря Зибберштейна; маршрут и описание топографов Козлова и Кокоулина, снятый в 1827 году от форпоста Семиарского до р. Чу; маршрут и описание есаула Н. Потанина, снятый в 1829 году от крепости Семипалатинской в Кокандское ханство; маршрут и описание сотника Шахматова и топографа Козлова, снятый в 1830 году от крепости Петропавловской до окрестностей оз. Кургалджина; маршрут и описание хорунжего Рыбина, снятый в 1830 году от редута Сибирского до урочища Аман-Карагая; маршрут сотника Петрова, снятый в 1830 году от крепости Николаевской до оз. Чаптырган и др.¹⁸⁹⁵

До 30-х годов XIX в. топографические съемки в больших размерах за Старой линией не производились, и карты Степи были составлены или по расспросам, или по маршрутам путешественников. С этого же времени начали делать рекогносцировки внутри степи, но к систематической съемке приступили только с 1841 г. Работы эти производились полуинструментально, за исключением немногих пространств, которые были только обрекогносцированы. Съемки делались в следующем порядке: снято полуинструментально в 1841 году пространство между Старой и Новой линией. По распоряжению военного губернатора В.А. Обручева с весны 1843 года была проведена систематическая и подробная съемка всей казахской земли Оренбургского ведомства, в 1843 году – пространство по левому берегу Тобола. В 1844 году из корпуса топографов на съемки степи Оренбургского ведомства отправляются капитан Емельянов и

---

¹⁸⁹⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20305.

подпоручик Бабилов¹⁸⁹⁶. В 1844 году полковником И.Ф. Бларамбергом исследовалось пространство на юг от Оренбурга. Он занимался изучением географического пространства Внутренней Орды и смежных с ней Западной и Средней частей Оренбургского воеводства. Топографы К.И. Герн и В. Васильев исследовали северо-западные земли казахских кочевий¹⁸⁹⁷. Как отмечали авторы последней работы, «из всех частей, составляющих обширную Российскую империю, Оренбургский край заслуживает наибольшего внимания». Это они объясняли пестрым этническим составом региона, различиями в религии. Причину недостатков своего труда авторы «Военно-статистического обозрения Оренбургской губернии» видели в том, что «при составлении его часто должно было довольствоваться сведениями, которые доставлялись от различных управлений страны и которые во многом не имели достаточной полноты. Большая разность существует в числах народонаселения, которые взяты из сведений, представленных оренбургским гражданским губернатором и полученных от частных начальников края»¹⁸⁹⁸. В 1845 году было снято полуинструментально пространство по левому берегу Урала до Гурьева и до р. Сагиза. В 1847 году прапорщиками корпуса топографов Яковлевым и Петровым снято пространство от Уральского укрепления до песков Каракум, местность от Каракумов до Аральского укрепления и уроч. Майлибаш на Сыре.

В 1849 году корпус топографов во главе подпоручиком Яковлевым снимает пространство от реки Тобола до Оренбургского укрепления, а в 1850 году пространство от Аральского укрепления через пески Барсуки до левого берега Эмбы. В 1851 году подпоручиком корпуса топографов Яковлевым, прапорщиками Рыбиным и Малышковым была произведена съемка и рекогносцировка по Сырдарье до уроч. Кармакчи.

В 1852 году офицеры корпуса топографов поручик Яковлев, прапорщики Алексеев, Голов и Малышков сделали съемку на юг от Оренбургского укрепления

---

¹⁸⁹⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5594. Л. 2.

¹⁸⁹⁷ Герн Г.И., Васильев В. Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 2. СПб., 1848. 121 с.

¹⁸⁹⁸ Там же. С. 2.

до уроч. Мынбулак. В этом же году топографы Сибирского ведомства сняли долину р. Сарысу.

В 1853 году прапорщик корпуса топографов Христофоров произвел рекогносцировку и съемку у форта Перовский. В 1855 году офицеры корпуса топографов подпоручик Алексеев и прапорщик Недорезов сняли Голодную степь на север от форта Перовский. В том же году прапорщик Недорезов произвел съемку между Сырдарьей и Куандарьей.

В 1856 году прапорщик корпуса топографов Иванов снял левый берег Куандарьи и часть течения Яныдарьи. В 1858 году поручиком корпуса топографов Скрябиным снята Восточная часть Устюрта.

В 1859 году офицерами корпуса топографов поручиком Скрябиным, подпоручиком Рыбиным и прапорщиком Алексеевым была произведена съемка и рекогносцировка западной части Устюрта и восточного берега Каспийского моря, под главным начальством полковника Генерального штаба Дандевилля¹⁸⁹⁹.

В 1860 году поручиком Генерального штаба Мейером, офицерами корпуса топографов штабс-капитаном Головым и поручиком Рыбиным было обрекогносцировано и снято пространство от Куандарьи на юг до разливов Амударьи.

В 1861 году штабс-капитаном Мейером была произведена съемка и рекогносцировка западной оконечности Каратауских гор, правого берега Сырдарьи от Джулека до Джити-тюбя.

Все эти труды по обширности своей были весьма неточны и частью неверны. И это не зависело от работы офицеров корпуса топографов¹⁹⁰⁰. Трудности заключались в том, что почва некоторых районов не позволяла работать долго в одном месте. Так, например, летом из-за соленых грязей вовсе нельзя было проникнуть в пространство по берегу Каспийского моря между низовьями Урала и Эмбы. Также местное население воспринимало топографические работы на ее территории кочевания как угрозу, в результате

---

¹⁸⁹⁹ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского. Географическое описание. С. 2.

¹⁹⁰⁰ Там же. С. 3.

инструментальных съемок которых правительство удаляло их с занимаемых земель и заселяло последние казаками. Ярким примером такого заселения являются земли по Илеку¹⁹⁰¹. Топографы также не могли из-за недостатка корма для лошадей и воды оставаться долго на одном месте. «Неверности в названиях происходят не от съемщика, так как в этом случае он зависит совершенно от доброй воли проводника – киргиза (казаха – Г.И.)», – указывал Л. Мейер¹⁹⁰². Казахи-проводники экспедиций часто давали свое «знание местности», тогда как представители другого племени или рода могли именовать по-иному данную местность, в частности урочища. Это создавало дополнительные трудности для топографов, а иногда приводило к путанице.

В первой половине XIX в. идет определение границ традиционных ареалов кочевий казахов. После проведения реформ 1822 и 1824 годов на территории Младшего и Среднего жузов вводятся налоги (кибиточная подать в Младшем жузе и ясак в Среднем), которые требуют определения точного количества кибиток и населения Степи. В связи с этим впервые проводится разграничение территорий кочевий двух жузов, которое прошло очень сложно¹⁹⁰³.

В целом с 1843 г. по 1848 г. было снято более 300 тыс. кв. верст, не считая многочисленные маршруты отрядов, с разными целями и по разным направлениям степи. Если быть точнее, в это время было снято в губернии инструментально 45271 кв. верст, и в Казахской степи, включая и Мангышлакский полуостров, 326129 кв. верст¹⁹⁰⁴. В 1846 году по просьбе оренбургского военного губернатора из Генерального штаба был откомандирован в Казахскую степь астроном корпуса военных топографов подполковник Лемм, который определил 66 пунктов, начиная от Орской крепости до р. Сырдарьи,

¹⁹⁰¹ 1845 г. июля 4. – Предписание оренбургского военного губернатора В. Обручева председателю ОПК в связи с беспокойством казахов за свои земли // КРО – 2. С. 306–307.

¹⁹⁰² Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 3.

¹⁹⁰³ Избасарова Г. Б. Имперская власть и дебаты по определению границ земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств в I половине XIX в. // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. 2016. № 3. С. 13–21.

¹⁹⁰⁴ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 7. Л. 6 об.–7.

Аральского моря и до гор Улутау, на границе казахов Оренбургского ведомства с Сибирскими¹⁹⁰⁵.

В целом в этот период в степи астрономически было определено 100 пунктов, в том числе Оренбургское, Уральское и Улутауское укрепления, урочище Раим (сняты инструментально его окрестности по правому берегу до устья р. Сырдарьи), также была произведена рекогносцировка путям, идущим по Каракуму от Уральского укрепления к этой же реке. Была составлена и отлитографирована при корпусном штабе карта Оренбургского края в масштабе 20 верст в англ. дюйме¹⁹⁰⁶.

Карты создавались по необходимости, для решения определенных задач. Поэтому включения характеристик местности, изучение особенностей региона требовало вовлечение в создание карты местных жителей. «Только (местные жители) могли предоставить местные документы, назвать людей, могущих отвести топографа на местные высоты, указать местные ориентиры, а в некоторых случаях и собрать средства», – пишет Питер Барбер¹⁹⁰⁷. Так, например, еще в 1815 году при экспедиции к Свинцовой горе проводниками выступили старшины отделения сары-жетим, рода аргын Яны Язов, Алтай Меняшев, Кайдагул Алтаев¹⁹⁰⁸.

Экспедицию К.Д. Артюхова и К.М. Тафаева в 1821 году сопровождали пятеро казахов. В частности, в составе команды К.Д. Артюхова были султан манатаевского отделения, рода джагалбайлы Абдулла Сеитгалиев и кочевник этого же рода Бута-кара Бурнаков. В отряд инженер поручика К.М. Тафаева входили казахи манатаевского отделения, рода джагалбайлы Баянды Курмантаев, бишкуртского отделения того же рода Баюзак Бекарасланов и Мусереп Кунаев из рода кыпчак¹⁹⁰⁹. Они не только сообщали об опасностях определенных участков пути, но в дальнейшем после завершения экспедиции были вызваны по

¹⁹⁰⁵ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) Орды и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848. Т. 14. Ч. 3. С. 2.

¹⁹⁰⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 8. Д. 7. Л. 7.

¹⁹⁰⁷ Цит. по: Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. С. 54.

¹⁹⁰⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 69.

¹⁹⁰⁹ Там же. Л. 612.

предложению К.Д. Артюхова в Оренбург. Как писал в своем рапорте поручик: «Для дополнительных сведений к обозренной мною и инженер-поручиком Тафаевым части киргиз-кайсацкой степи и для верного собрания всех пунктов, находящихся между пройденных нами путей, нужны бывшие с нами вожатые киргизцы»¹⁹¹⁰. Вызванные султан Абдулла Сеитгалиев, Бута-кара Бурнаков, Баянды Курмантаев, Баязак Бекарасланов были размещены на квартире. На содержание султан получал по 25 коп. в сутки, а простые кочевники по 5 коп.¹⁹¹¹

В дальнейшем военный губернатор в своих донесениях, рапортах в центр, сообщая о службе бывших при экспедициях казахов, просил награды. Так, например, в «Записке о султанах...» о деятельности султана Медетгалия Турдалиева сообщалось, что он до отправления экспедиции известил о готовящихся казахами нападениях на нее, сам сопровождал отряд от линии до места сбора, нашел других вожаков, на место отказавшихся и т.д.¹⁹¹². Султан Абдулла Сеитгалиев, обязавшись сопровождать экспедицию без всякой оплаты, выполнил ее, прослужив в составе экспедиции с самого начала до ее возвращения¹⁹¹³. За этот труд военный губернатор просил наградить султана похвальным листом и медалью.

По ходатайству полковника И.Ф. Бларамберга в мае 1845 года бывшие во время топографических съемок жожаками Чиргай Чигатаев, Юлбарс Турыев, Кульджан Баваев, Джуналы Казаев и Бикмурза Тоткамбетев были награждены званием почетных старшин¹⁹¹⁴. Как указывается в архивном документе, перечисленные казахи и ранее участвовали в экспедициях и миссиях российских ученых, военных¹⁹¹⁵.

В 1848 году по Высочайшему повелению приступили к производству съемок для составления по губерниям межевых атласов совместными действиями чинов корпуса топографов и межевого ведомства. Съёмки эти имели своим

¹⁹¹⁰ Там же. Л. 612.

¹⁹¹¹ Там же. Л. 632 об.

¹⁹¹² Там же. Л. 636 – 636 об.

¹⁹¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2318. Л. 636 об.

¹⁹¹⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5594. Л. 1.

¹⁹¹⁵ Там же.

основанием астрономически определенные пункты¹⁹¹⁶. Оренбургская губерния и Западно-Сибирское генерал-губернаторство в этот период не попали в список подготовки межевого атласа. Но топографы продолжали свои работы. Топографические съемки Сибирской линии были завершены в 1863 году¹⁹¹⁷.

Нельзя оставлять без внимания тех людей, которые осуществляли государственную политику. Изучая биографические данные военных топографов, приходим к выводу, что это были в основном дети служилых людей (офицеров, солдат, мещан и т.д.).

Таким образом, география, этнография, топография и история Степи развиваются по запросам имперской практики. Топографы, исследовавшие разные регионы кочевий казахов, имели особые инструкции, выполняли широкий круг исследовательских задач. Изучая природные ресурсы Степи, они также собирали этнографические, статистические, исторические данные о ее населении. Поэтому изучая этот вид исторических источников, мы встречаем сведения об орографии, гидрографии, хозяйстве, о родоплеменном составе жузов, исторические сведения о великих личностях Степи. Результаты их работ определяли будущее направление хозяйственного освоения края, учитывая этно-социокультурную специфику региона, центр определял стратегию управленческого поведения в отношении кочевых казахов. Образованные, прошедшие специальное обучение в центре топографы создали труды, которые не потеряли историческую ценность и в наше время.

Политические или территориальные разделительные линии могут в разной степени совпадать с распределением географических или этно-лингвистических характеристик. В иных случаях граница может иметь слабое отношение к географии или культуре или вовсе не иметь его, но служить обозначением пределов военного завоевания¹⁹¹⁸.

---

¹⁹¹⁶ Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов (1822–1872). СПб., 1872. С. 336.

¹⁹¹⁷ Там же. С. 203.

¹⁹¹⁸ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический... С. 203.

В XVIII в. главной целью империи на юго-восточной окраине было включение в имперское пространство территории Младшего жуза казахов. Изучение топографо-геодезических данных региона было направлено на хозяйственное освоение региона.

Административные границы XIX в. не были устойчивыми. Они могли меняться под влиянием некоторых факторов. В частности, при определении границ казахов Оренбургского и Сибирского ведомств произошло перемещение родов Среднего жуза на территорию Младшего, которая находилась под ведомством Оренбургского начальства.

5.2 Кочевая ментальная карта пространства.

Понятие границы и пространства у кочевников-казахов

В центре внимания данного параграфа традиционное казахское общество XIX в. Здесь рассматриваются такие понятия как граница и пространство и их трансформация в казахском обществе XIX в. Также изучается влияние факта проведения границы между оренбургскими и сибирскими казахами на восприятие в целом территории кочевания, влияние административных карт на представления казахов о границе, столкновение представлений российской администрации и кочевых казахов по пониманию границы. Речь будет идти только о внутренних границах в Казахской степи, появившихся после реформ 1822–1824 гг.

Вводится понятие кочевая ментальная карта пространства, которая возникла в результате многовековой связиномада с окружающей природой и начала меняться с проведением административно-территориальных реформ (1822–1824 гг.).

Понятие граница включает в себя множество представлений. В науке есть понятия государственная граница, евразийская, азиатская граница и т. д., которые характеризуют разные географические образы и типы границ. История границы

есть история попыток зафиксировать внешние пределы социальных общностей и государственных образований¹⁹¹⁹.

В западной исторической науке широко распространена теория «фронтира», разработанная американским историком Ф. Тернером в конце XIX в. Основная мысль данной теории в том, что в отличие от линейных границ фронтиры представляют собой зоны, в которых происходит взаимодействие или столкновение между различными культурами или политическими структурами.

Традиционно граница понимается как линия, имеющая определенные образы. Например, по определению С.А. Королева: «Граница – это не только линия на географической карте. Это, с одной стороны, не просто край, рубеж некоего географического пространства, территории, а некий край пространства власти, т.е. территории, стратифицированной при помощи властных технологий, а с другой – это зона соприкосновения, пресечения, наложения различных, часто разнотипных, пространств и столкновения различных структур власти»¹⁹²⁰. Соглашаясь с мнением автора, мы можем дополнить, что граница Российской империи с Казахской степью – это также зона пересечения различных образов мышления и мировоззрений.

Восприятие и осмысление географического пространства, формирование образов и пространственных представлений у казахов-кочевников было связано в первую очередь с окружающей природой и знаниями номадов о ней. Требование самой природы определить сезонные пастбища кочевания со скотом вложило в систему с самого раннего периода определение четкой территории. Веками кочевники закрепляли за собой определенные территории. При этом не было ни грамот, ни книг, где были бы даны ответы на следующие вопросы: «Чья это территория?», «С какого времени?». Устная историология закрепляла в памяти номадов районы кочевания.

Употребляемый в работе термин «кочевая ментальная карта пространства» включает в себя такие понятия как определение номадами в пространстве границ

¹⁹¹⁹ Там же. С. 199.

¹⁹²⁰ Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 5.

своих кочевий, понятие границы у казаха-кочевника. Кочевая ментальная карта пространства возникла вместе с формированием способа кочевания казахов. Образ пространства включал в себя сведения о характере местности, состоянии и составе травяного покрова, водных источников. Кочевая ментальная карта пространства – это умственный конструкт. Казахи все пространство степи разделили между собой по родам. «При этом каждый род, отделение и подотделение рода присвоили себе с потребностями степного скотоводства местности двух различных видов: годных для пастьбы скота летом и годных для тебеневки его зимою»¹⁹²¹. «...Казахи не люди науки, знают где и в какое время можно кочевать и где можно от нищей земли взять огромную пользу стадам и табунам», – указывалось, например, в Тургайской газете¹⁹²².

При определении пригодности местности к кочеванию в первую очередь учитывалось наличие водных бассейнов. При кочевом скотоводстве в аридной и полуаридной зонах решающее значение в оценке земли, т. е. пастбищ, приобретала не столько сама земля, сколько наличие на ней источников воды для водопоя скота¹⁹²³. П.П. Румянцев сформулировал это очень отчетливо: «В это время земли было так много, что прав собственности на нее не существовало, и если между отдельными родами происходили споры за право кочевания на известной территории, то дело шло не о земле, а исключительно о водных источниках, которыми степь не богата и которые поэтому ценятся весьма высоко»¹⁹²⁴.

В генезисе пространственных представлений в процессе развития различных культур отмечается явление «овременения» пространства, свойственное кочевникам, а также «пространствление» времени, присущее оседлым земледельцам¹⁹²⁵. Так, например, кочевники-казахи, рассказывая о

¹⁹²¹ РГИА. Ф. 863. Оп. 2. Д. 65.Л. 92 об.

¹⁹²² Кванин И. Несколько слов о Тургайских кочевниках // Тургайская газета. 1903. 9 ноября. № 46. С. 5.

¹⁹²³ Курьлев В. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века). СПб: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1998. С. 12.

¹⁹²⁴ Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб.: Переселенческое управление главного управления землеустройства и земледелия, 1910. С. 52.

¹⁹²⁵ Кобзев А.И. Понимание мира как единства времени и пространства в традиционном Китае // Антропология культуры / отв. ред. В. В. Иванов. Вып. 1. М.: ОГИ, 2002. С. 181.

расстоянии до своих кочевьев, могли использовать такие выражения: қас қағымда – моргнуть глазом, үш күндік жер – расстояние в три дня, тай шаптырым – дистанция для скачки молодой лошади-двухлетки, ара қонып жететін жер – переход с одной кочевкой, путь в одну кочевку, қиян – дальний путь, крайний, край земли, шет-шегі жоқ – шестимесячный путь, бесконечный и т. д., т.е. использовали «овременение» пространства. Учитывалось и средство передвижения: пешком, на коне или на верблюде. Измерение пространства временными маркерами не передает ее реальную протяженность.

Номады проводили точные границы своего радиуса кочевания, хорошо знали небесную астрологию и определяли стороны света. «Особенно часто кочевник-казах пользовался как временным ориентиром экологическими ситуациями. Например, в третьей четверти новой луны, во время пика Плеяд, когда загорится Венера, во время пятого перекрещивания луны, после первого весеннего грома», – замечает казахстанский ученый Акселеу Сейдимбек¹⁹²⁶. Созвездие Большой медведицы (Жеті қарақшы), Венера (Шолпан) были ориентирами в ночное время. Созвездие Большой медведицы, указывая постоянно на север, помогало кочевникам определить стороны света.

У кочевников-казахов формировалось пространственное мышление. Помещая себя в пространстве, представители рода могли заявить о своем положении в кочевом обществе. Казахи создали свой особый способ использования и понимания пространства и смысла. Номады выработали свое юридическое и социальное понимание пространства, в первую очередь, ассоциируя ее с территориями кочевков. Святые места, могилы предков, географические объекты – урочища, горы, реки, колодцы были ориентиром при определении территории кочевания. «Самые границы также отличаются разнообразием: в иных случаях это горный хребет или течение реки, ручья, в других – это просто ряд урочищ, разграничивающих смежные владения и используемых сообща их стадами; иногда показателями границ служат сопки,

---

¹⁹²⁶ Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. Астана: Фолиант, 2011. С. 223.

выходы камней, одинокое дерево и т.п., иногда же искусственные сооружения в виде кучи камня или ямы. Нередко также пограничными пунктами являются могилы», – писали члены экспедиции, изучавшие киргизское землепользование¹⁹²⁷. Места своего пребывания иногда казахи называли именами выдающихся людей или умерших предков. Это давало им преимущество при спорах за место обитания. Так, например, казахи рода Матай имели первоначально места кочевий на территории Сырдарьинской области, в дальнейшем переселились на свободные земли у Чингизских гор. Памятниками их пребывания у Чингизских гор служат урочища, названные по имени умерших там известных казахов: Маян-Корук, Калыбай-белт и т. д.¹⁹²⁸

В 1866 году А.К. Гейнс совершил поездку по территории современного Западного и Юго-Западного Казахстана. Он встречался с местным населением и во время одной из встреч 25 июня казах по имени Табулгин, отвечая на вопросы, говорил ему: «Во время летних кочевок мы двигаемся всюду, однако не по произволу, а согласно пространству летовок, определенных обычаем для нашего рода семиродцев. Каждый род кочует летом по одним и тем же урочищам»¹⁹²⁹.

Известный советский этнограф В.П. Курылев указывал, что на летовках казахи применяли оригинальный способ определения границ, который был характерен только для скотоводов, и привел интересный рассказ. «Когда при обследовании площади летовок по Кокчетавской волости (Кокчетавский уезд, экспедиция 1896 г.) было констатировано, что площадью этой пользуются пять общинно-аульных групп и что каждая группа останавливается на определенных местах, меняясь по годам этими местами, смотря по тому, кто первым занял то или другое место; тогда, естественно, возник вопрос о том, каким образом разграничиваются эти пять площадей во время самого их использования. На

¹⁹²⁷ Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область. Т. 9: Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905. С. 16.

¹⁹²⁸ Там же. Прим. С.67.

¹⁹²⁹ Гейнс А. К. Дневник 1865 года. Путешествие по киргизским степям. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб., 1897. С. 333; Его же. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан. Собрание литературных трудов. Т. 2. СПб., 1898. С. 46.

вопрос о том, есть ли постоянные признаки границ между этими площадями, киргизы ответили «нет», и пояснили при этом, что нет этих признаков, потому что «Бог не сделал их: не поставил курганов, не провел борозды в виде реки, не отграничил их горою или озером» и т.п. На второй вопрос о том, как же киргизы разбираются при этом в границах пяти описываемых площадей и кто указывает им на границы? Киргизы ответили категорически: «лошадь» и пояснили ответ следующим образом. Общая площадь летовок граничит с двух сторон ясно очерченными урочищами – с запада р. Кильчакты и с востока оз. Саумалкуль. Отдельными частями, на которые делится летовка, общинно-аульные группы ежегодно пользуются по праву первой заимки. Оседают же заимщики рядами аулов по берегам с одной стороны р. Кильчакты, а с другой – оз. Саумалкуль. Первым поэтому приходится выпасывать скот, гоня его в одном направлении на восток, а вторым – на запад. Так как аулы смежных общин бывают размещены линией вдоль реки и озера, то, следовательно, у каждой общины образуется площадь в виде четырехугольника, в котором одну сторону, где расположены стойбища, составляет река или озеро, две другие образуются по прямой линии вследствие того, что каждая община гоняет пастбища лошадей в одном и том же направлении, и, наконец, последнюю четвертую границу «показывает» также, по выражению киргиза, лошадь. Лошадей, преимущественно дойных кобылиц, держат днем возле стойбища, гоня на пастьбу ночью. Вечером гонят табун по направлению от стойбища в степь... И вот те крайние пункты пастбищ, до которых доходят в течение ночи лошади, и считаются границами. Там, где лошади сходятся ночью из двух противоположных стойбищ, и должны быть границы летовки для каждой общины.

Если площадь пастбищ велика и лошади различных общин не сходятся ночью, то свободное пространство выпасает третья общинно-аульная группа, располагая стойбища сбоку перпендикулярно к линиям остальных двух общин, расположенных на противоположных границах общей летовочной площади, и гоняя, следовательно, на ночь лошадей не на восток или на запад, а с севера на юг или обратно. Таким образом, границы площадей киргизского землепользования в

данном случае определяются условиями выпаса скота и зависят, конечно, как от размеров площади, так и от качества пастбищ¹⁹³⁰.

Итак, для кочевников-казахов границей служили разнообразные природные объекты, места захоронения предков. Реки рассматриваются как удобные маркеры границы. Границы казахских кочевий не имели значения меж и межевых признаков. Они определялись установленными обычно правовыми нормами казахов и каждый род имел право кочевать на определенных землях, а «земли считались принадлежащими роду по праву фактического владения и давности»¹⁹³¹. Использование животных, в первую очередь лошади, знание природных условий местности также помогало определить границы кочевий.

Понятие казахов о границе кочевания изменяется в XIX в. Как известно, усиление позиций Российской империи в казахских жузах ознаменовалось проведением реформ в 1822–1824 гг. Определяя границы кочевий казахов, данная реформа ввела новые административно-территориальные единицы.

Расширение империи требовало определения четких административных границ на картах, что способствовало развитию картографии. Способность карт юридически трансформировать территорию давно была известна в истории русского государства. Карты заняли свое место наряду с описаниями, документами о передаче прав собственности, купчими и административными указами, как средство установления права собственности на землю или обозначения имущественных границ¹⁹³². Они были мощным инструментом на службе государства.

Появление карт, а также изображение на них границ, отражают потребность государства в определении пределов своей власти. По мнению А.В. Ремнева, территория власти нуждается в своих маркерах, включающих идеологически и политически окрашенные топонимы, знаковые фигуры исторических региональных деятелей. Параллельно с имперским административным

---

¹⁹³⁰ Курьлев В. П. Указ. соч. С. 190–191.

¹⁹³¹ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. С. 106.

¹⁹³² Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. С. 43.

строительством шел процесс вербального присвоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах¹⁹³³.

Проведение картографирования районов кочевок казахов вызвало у кочевников недоумение. Но по происшествию некоторого времени, после проведения реформ 1822–1824 гг., а затем и 1844 г., когда начали ощущаться земельная теснота и вызванное этим притеснение кочевьев одних родов другими, казахи были вынуждены обращаться уже к третьей стороне, посреднику для решения их возникших вопросов – к приграничной администрации империи. Так, например, отголоски разграничения земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств доходили до конца XIX в. С 15 июня 1864 года в течение недели работала комиссия в составе представителей приграничной российской администрации и казахских султанов, назначенная для разбора взаимных претензий между сибирскими и оренбургскими казахами. Разбирательство и окончательное решение по вопросам проводилось на основе народных обычаев, но два вопроса остались вне их компетенции. Это касалось спора за землю на урочище Джиты-Кыз между оренбургскими и сибирскими казахами. Первое дело касалось бия Бокончина и началось оно в 1851 году. Дело было связано с тем, что пограничный начальник Области сибирских киргизов (казахов – Г. И.) разрешил Бокончину построить дом на р. Джиты-Кыз и заниматься здесь земледелием. Пограничное начальство в этом случае руководствовалось удостоверением, сделанным бывшим заседателем Кокчетавского окружного приказа Мельниковым, который к свидетельству о принадлежности мест бию Бокончину пригласил лишь казахов сибирского ведомства. В результате разбора дела выяснилось, что р. Джиты-Кыз берет начало в пределах Сибири, но бий занял земли, принадлежавшие оренбургским казахам. Неприглашение представителей Зауральской Орды (так называлась территория Младшего казахского жуза с 1824 г. – Г.И.) и незнание мест кочевок казахов Младшего жуза в конечном результате

---

¹⁹³³ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 31.

привело к переносу дома бия Бокончина на вершину реки¹⁹³⁴. Также в этом примере мы можем видеть различное представление понятия граница. Для представителя российской администрации река в целом есть граница. Тогда как кочевники-казахи учитывали все разделы реки – исток, устье, середину, приток и т. д.

Но наряду с этим, пока были устойчивы обычно правовые нормы, казахи в разрешении земельных споров обращались к биям и новым местным казахским чиновникам, в лице султанов правителей.

До введения кибиточного налога в Младшем жузе и ясака в Среднем жузе приграничные администрации не сильно были заинтересованы в проведении четких границ, но введение налогообложения населения Степи потребовало определения количества населения и территории. Оренбургские военные губернаторы П.П. Сухтелен (1830–1833), В.А. Перовский (1833–1842), В.А. Обручев (1842–1851) настаивали на срочном проведении границ. Определять границы нужно было четко, учитывая географические особенности региона. По мнению оренбургского военного губернатора В.А. Перовского, «реки степные составляют самую дурную и неудобную границу», так как высыхают летом. Граница должна была проходить по голым и сухим возвышенностям, которые всегда остаются пустыми и не занятыми, и не привлекали бы к себе кочевых казахов¹⁹³⁵.

При открытии внешних округов на территории Среднего жуза, подведомственного западносибирскому губернатору, начались первые столкновения казахов за землю между собой, а также оренбургских и сибирских начальников.

При разделении границы двух ведомств выяснилось, что рода Среднего жуза будут отделены от своих соплеменников. Западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков предложил приграничные земли с населением отвести в его управление. Отстаивая земли кочевьев родов Среднего жуза, перешедших к

---

¹⁹³⁴ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО–2. С. 503.

¹⁹³⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1. Л. 62 об.

Оренбургскому ведомству, оренбургский начальник сообщал своему коллеге в Сибири, что требуемая уступка земель никаким образом от него не зависит, «ибо земли эти составляют принадлежность кочующих на них киргизов, следовательно, и должны принадлежать к тому ведомству, к коему причислены последние»¹⁹³⁶.

Таким образом, В.А. Перовский учитывал при разделении границ двух ведомств территорию кочевания родов Младшего и Среднего жуза, исторические традиции. Представитель российской администрации на окраине видел внутреннюю связь между людьми и конкретными территориями.

Казахам был дан выбор при определении ведомства. Например, переход кыпчаков отделения кидель в Сибирское ведомство привел бы, с одной стороны, к их расставанию с родственниками из племени кыпчаков Оренбургского ведомства, а другой стороны, требовал бы их присоединения к каким-либо иным родам. Между тем, они еще в 1841 году, когда представляли собой часть Кызыл-Таз Кокан-Джирык-Байназаровской волости, хлопотали об образовании с узун- и таз-кыпчаками особой Кидель-Узун-Кыпчаковской волости, но только вследствие малочисленности их получили отказ в своей просьбе¹⁹³⁷.

Кидель-кыпчаки, пользовавшиеся с баганалинцами поземельными угодьями на Тургаях и Ишиме, почти одновременно поступили на положение сибирских казахов Кокчетавского округа. Во время проведения границ, убедившись, что не могут пользоваться кочевыми местами на Тургаях, они отказались от земель по Ишиму и перешли в Оренбургское ведомство.

Проведение официальной границы между кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов привело население к определению своей принадлежности. Основной упор делается на идентичности (самосознании населения трех частей Младшего жуза, о чувстве принадлежности индивида и группы людей к конкретному роду, жузу, к своему сообществу), а не на перемещениях формально правовых границ. Казахи как представители определенного рода имели

---

¹⁹³⁶ Там же. Л. 32 об.

¹⁹³⁷ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО–2. С. 512.

конкретную территорию кочевания. Один род не мог претендовать на территорию кочевания другого рода. В случае войн, джута с согласования со старейшинами, биями рода представители определенного рода могли пройти по территории кочевков первого ¹⁹³⁸. Как писал оренбургский военный губернатор В.А. Перовский: «Киргизы (казахи – Г.И.) одного и других ведомств искони кочевали на своих местах, и те и другие знали во всей подробности пределы кочевьев своих» ¹⁹³⁹. Как указывалось выше, границы родовых земель проходили по известным могилам, памятным места и урочищам и т. п.

Реформа 1824 года подтолкнула казахов Младшего и Среднего жузов к «конструированию» новой идентичности как представителей определенной части Зауральских казахов (Восточной, Западной или Средней части). Интересным, на наш взгляд, является появление в этот период новой идентичности, новых общностей – «казахи Оренбургского ведомства», «казахи Сибирского ведомства». В этот период в официальных российских документах постепенно исчезают понятия и термины «Малая Орда», «Средняя Орда».

Введенные по реформам 1822 и 1824 гг. новые административно-территориальные деления способствуют возникновению новой идентичности. В русских документах XVII–XVIII вв. определялась точная идентичность населения Степи согласно жузовой принадлежности, она же и нашла отражение в источниках с использованием понятий «Орда». Административно-территориальные реформы 20-х годов подтолкнули к формированию идентичности у казахов по принадлежности к ведомствам, но этот процесс не завершился в связи с проведением новых реформ. Но как бы то ни было казахи пореформенный период начинают себя относить или к казахам Оренбургского ведомства, или же Сибирского ведомства. В русских источниках появляются выражения «киргизы прежних Малой и Средней Орд» ¹⁹⁴⁰. Так, например, в период определения границ Оренбургского и Сибирского ведомства, в период

¹⁹³⁸ Чорманов М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. 1906. Кн. 32. С. 3.

¹⁹³⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1. Л. 32.

¹⁹⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 88 об.

восстания Кенесары Касымова казахи определяют свою идентичность по принадлежности к определенному ведомству.

«Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» регламентировало разделение территории Младшего жуза в зависимости от традиционных зимних кочевок на аулы, племена и орды¹⁹⁴¹, сохраняя солидарность родственных групп, т. е. деление осуществлялось по родовому принципу. С одной стороны, как представители определенной части Орды, казахи должны были кочевать на установленной им территории, но с другой стороны, идентифицируя себя с определенным родом, воспроизводя в исторической памяти территорию кочевок своих предков, они переходили иногда границу части, что приводило к различным конфликтам. Место кочевания определяло идентичность человека.

У казахов в то время возникает «сложносоставная идентичность». С точки зрения кочевника, он – казах, который принадлежит к определенному жузу, племени, роду. С другой стороны, учитывая факт разделения территории Младшего и части Среднего жуза по реформе 1824 года на три части, он принадлежал к определенной части, определенного ведомства, в нашем случае, Оренбургского.

Новые реформы создают новые типы идентичностей. Реформы 1867–1868 гг. дают толчок появлению новых общностей казахов согласно делению на уезды, области, но это не приживается в кочевой среде. Она сохраняет в своей «памяти» свою жузовую, племенную, родовую принадлежность. В то же время массовое сознание сохранило определенную границу кочевок рода, жуза.

При разделении границы казахов Оренбургского и Сибирского ведомств возникли споры о приграничных землях. В эти дебаты были вовлечены как представители российской администрации, так же и казахи разных социальных групп как Оренбургского, так и Сибирского ведомств. К примеру, при разграничении земель Оренбургского и Сибирского ведомств в 1840–1842 гг. со

---

¹⁹⁴¹ 1824 г. 31 января – Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 206.

стороны казахов Младшего жуза участвовал родоначальник аргынцев Язы Янов, но наряду с ним источники указывают еще имена других казахов, представителей разных родов¹⁹⁴².

Карта разделения территории Оренбургского и Сибирского ведомства обозначала и устанавливала лимиты власти. Пространства реальных взаимоотношений между индивидами и их объединениями далеко не всегда совпадают с юридически закрепленными границами¹⁹⁴³. Приграничная зона кочевания казахов двух ведомств иногда приводила к тому, что находясь в управлении одного ведомства, но пройдя границу ведомства для кочевки, казахи попадали в пределы соседнего ведомства. Зачастую это приводило к разного рода конфликтам. Например, в мае 1841 года обнаружилось, что 80 кибиток аргынов Оренбургского ведомства, которые в 1840 году перешли из Сибирского ведомства, вернулись обратно. При изучении причин обратного перехода выяснилось, что они были поставлены перед необходимостью выполнения Аман Карагайского окружного приказа Сибирского ведомства. По мнению султана Шотая Бахтыгереева и управляющего 5 казачьей дистанцией войскового старшины Лебедева Оренбургского ведомства, постоянные притеснения со стороны Аман Карагайского окружного приказа, задержка под стражу аргынов, перешедших из пределов Сибирского ведомства в Оренбургское за неповиновение, привели к такому результату¹⁹⁴⁴.

Во время размежевания казахи кулукаева отделения племени аргын в числе 60 кибиток, чтобы перезимовать зиму 1840–1841 гг. на отошедшей к сибирской стороне земле, взяли разрешение от казахов уак-киреевского рода, кочующих на земле Сибирского ведомства. Старшина последних Чингиз Валеев дал подписку о разрешении аргынам кочевать зимой на данной территории, но заседатель Аман Карагайского окружного приказа арестовал одного из прибывших для объяснения

---

¹⁹⁴² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5076а. Л. 2 об.

¹⁹⁴³ Баранов А.В. Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах юга России) // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. С. 70.

¹⁹⁴⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 119.

данной ситуации в приказ аргынцев и держал его девять дней. Заседатель требовал с представителей аргынов подписку, что они заново перейдут в Сибирское ведомство, но если это условие не будет выполнено, то они должны были удалиться в Оренбургское ведомство зимой ¹⁹⁴⁵. Вмешательство оренбургского военного губернатора В.А. Перовского разрешило некоторые проблемы кочевников племени аргын.

В 1845 г. шла обширная переписка между правителями двух ведомств о возврате 40 кибиток казахов племени аргын из Оренбургского ведомства в Сибирское. Главным аргументом требования возвращения была подписка, данная старшиной Сакынбаем Джаркынбаевым и правителем Акташы-Аргыновской волости от 12 августа 1840 г., где они при проведении границы пожелали остаться в составе Сибирского ведомства ¹⁹⁴⁶. С 1841 по 1845 год 460 кибиток казахов племени аргын, 64 кибиток казахов племен томенги и жогары шекти перешли в Оренбургское ведомство для совместного кочевания с родственниками ¹⁹⁴⁷. Вместе с тем, как отмечал генерал-губернатор Западной Сибири, генерал от инфантерии князь Горчаков, перешедшие в Оренбургское ведомство казахи должны были заплатить свои долги по ясаку, чтобы «не подать повода другим сибирским казахам во избежание платежа его переходить в Оренбургское ведомство» ¹⁹⁴⁸.

Губернаторы двух ведомств, определяя административные границы своих владений, включились в защиту за спорную землю своих подвластных. Карта, возникшая для разрешения спора, показала, что губернаторы защищали местные интересы и местное видение.

Изучение карт, возникших в результате разграничения земель двух ведомств, подталкивает нас к размышлению о том, как карта способствовала кочевникам приспособиться к изменяющемуся пространству. Карта помогает администрации двух ведомств определять, где кочевникам можно находиться, а где нет, и где заканчивается граница их ведомств. Оренбургский военный

---

¹⁹⁴⁵ Там же. Л. 120–120 об.

¹⁹⁴⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5606. Л. 1–1 об.

¹⁹⁴⁷ Там же. Л. 40.

¹⁹⁴⁸ Там же. Л. 40 об.

губернатор и Западно-Сибирский генерал-губернатор рассматривали границы собственности своих подчиненных казахов как гаранты подтверждения прав на сбор налогов. Как утверждает известный специалист по культурной географии, теории городского планирования Э. Сойя, «дисциплинарная власть осуществляется главным образом через организацию, ограничение и контролирование людей в пространстве»¹⁹⁴⁹.

Кочевники-казахи в свою очередь сначала не воспринимали созданную российской администрацией карту за закон, который регулировал их маршруты кочевок. Также по «Уставу о сибирских киргизах» в пограничных округах определялись пределы казахских земель, где им можно было кочевать. Выход за пределы запрещался¹⁹⁵⁰. Представители казахов считали землю своей. Право собственности на землю воспринималось казахами однозначно. Собственность на определенную территорию кочевания рода определялась кочевниками историей использования данной земли их предками, устной генеалогией – шежире, которая наряду с генеалогией рода определяла и территорию ее кочевания. Но в изменившихся условиях кочевник-казах стал приспосабливаться к новым правилам.

Возникшая нехватка земли привела к тому, что некоторые роды или части родов вынуждены были иметь свои зимовья в весьма дальнем расстоянии от летних кочевьев. Перекочевка с первых на последние и обратно занимала несколько сот верст. Иногда приходилось совершать переходы через кочевья других родов. Так, например, в Восточной части Оренбургского ведомства род жаппас, имея летние кочевья около новой линии по р. Тогузаку, Аятам и Тоболу и между Тоболом и Тургаем, откочевывал к зиме на берега Сырдарьи и частью в Каракумские пески, делая переход от 500 до 900 верст¹⁹⁵¹. Таким же образом в Средней части области отделение шурен рода шекти, проводя лето в верховьях р.

---

¹⁹⁴⁹ Цит. по Кивельсон В. Указ. соч. С. 113.

¹⁹⁵⁰ 1822 г. 22 июля – Указ о введении в действие устава о сибирских казахах // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 97.

¹⁹⁵¹ РГИА. Ф. 863. Оп. 2. Д. 65. Л. 93.

Эмбы, Темира, Ори и Илека, зимовки имели в 500 верстах, около берегов Каспийского моря и по северо-западной окраине Устюрта¹⁹⁵².

Административные границы, введенные на территории казахов двух ведомств, привели в конечном счете к трансформации казахского общества. Казахстанский исследователь С. Ажигали определяет середину XIX в. как «период историко-культурного перелома, когда наметились важные изменения в структуре кочевого хозяйства...»¹⁹⁵³. Сокращение земельных наделов в связи с проведением административных границ приводит к оседанию кочевников, «в степи почти нет уголка, годного под зимовье, который бы оставался свободен», – пишут представители российской администрации¹⁹⁵⁴. Родовые связи казахов начали постепенно стираться. В прилинейных дистанциях образовалось смешанное народонаселение, которое не связывало себя родственными узами¹⁹⁵⁵.

Научное топографическое картографирование XIX в., введение реформ 1822–1824 гг. ограничило кочевников, в большинстве случаев, в географических передвижениях. «Устав о сибирских киргизах» ввел запрет кочевникам переходить из одного округа в другой «без точного позволения местного начальства». В пограничных округах предлагалось постоянными знаками утвердить пределы земель, принадлежавшие казахам¹⁹⁵⁶.

В 50-е годы XIX в. обсуждается вопрос об обозначении границ между кочевьями казахов. В источниках пишут, что пространства казахов не отделены никакими межевыми знаками. Гранью служили либо живые урочища, либо воображаемые прямые линии от одного заметного предмета до другого. Теперь же для того, чтобы не было споров между владельцами определенных участков, предлагалось обозначить границы вспашкою или другими межевыми знаками и

¹⁹⁵² Там же. Л. 93 об.

¹⁹⁵³ Аджигалиев С.Е. Культурно-исторические инновации в традиционной системе скотоводческого поселения казахов середины XIX века (к вопросу о генезисе стационарных кыстау) // Культура кочевников на рубеже веков (XIX – XX, XX – XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации: материалы международной научной конференции. Алматы, 1995. С. 133–135.

¹⁹⁵⁴ РГИА. Ф. 863. Оп. 2. Д. 65. Л. 93 об.

¹⁹⁵⁵ Там же.

¹⁹⁵⁶ 1822 г. 22 июля – Указ о введении в действие устава о сибирских казахах // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 97.

выдавать крупным владельцам свидетельства с указанием границы и площади пространства¹⁹⁵⁷.

Таким образом, представление казахов о границе (в новом понимании), осмысление разницы между межой и пастбищной границей начинает приходить к середине XIX века. Казахское культурное понимание границы, приспособившись к новому контексту, продолжает существовать. Граница как пространство была осмыслена номадами на основании связи со способом кочевания. Гибкое значение границы постепенно исчезает у номадов. Проведение границ, административно-территориальное деление трансформируют понимание границ кочевниками. Карты, предназначенные для административного подчинения номадов, меняют территории кочевания и использование природных ресурсов. Земельная теснота, появившаяся после разделения территории, приводит к постепенному оседанию кочевников. Кочевники стали адаптироваться к новым требованиям. Они начали участвовать при пограничной делимитации, защищая интересы своего рода.

При решении спорных вопросов для защиты своих земель в середине XIX в. казахи начинали обращаться к русским чиновникам. Забегая вперед, скажем, что после проведения реформ 1867–1868 гг., 1883 и 1891 гг. граница стала восприниматься казахами как инструмент разрешения споров. В начале XX в. появляется выражение «тыныштыққа грань жақсы», т. е. «границы хороши для мира». Появление данного высказывания будет связано с тем, что после реформ 1867–1868 гг. началось переселение русского крестьянства в казахскую степь, что привело к новым земельным спорам между казахами и русскими переселенцами.

5.3. Разграничение земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств

После принятия «Устава о сибирских киргизах» (1822 г.) возник вопрос об определении границ казахов Среднего и Младшего жузов между Сибирским и Оренбургским ведомствами. Это было связано с тем, что часть сибирских казахов

---

¹⁹⁵⁷ РГИА. Ф. 863. Оп. 2. Д. 65. Л. 95 об.

кочевала постоянно против левого фланга Оренбургской линии на протяжении свыше 300 км. Отсутствие межевых знаков затрудняло определение принадлежности некоторых пограничных районов.

В 1824 г. открываются первые внешние округа на территории Среднего казахского жуза. При открытии Кокчетавского и Каркаралинского внешних округов (1824 г.) Сибирского ведомства появились первые затруднения чиновников по определению казахских родов Среднего жуза в состав ведомства. Так, например, султан Жума Кудаймендиев с подвластными аргынами изъявил желание перейти в Западно-Сибирское ведомство, хотя по реформе 1824 г. территория аргынов вошла в состав Восточной части Малой Орды. 50 тыс. аргынов, кочующих против Звериноголовской и Пресногорьковской крепостей по р. Абуга, должны были перейти под власть сибирского генерал-губернатора¹⁹⁵⁸.

Генерал-губернатор П.К. Капцевич (1822–1827) по данному вопросу спрашивает мнение своего коллеги оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, но через некоторое время султан изменил свое решение и остался в составе Восточной части Оренбургского ведомства¹⁹⁵⁹. Граница оставалась неопределенной. В 1831 году была составлена карта, где граница обозначалась линией, которая проходила от редута Сибирского по истокам рек Тургаев до гор Улутау¹⁹⁶⁰.

В 30-годы XIX в. широко обсуждается вопрос о проведении границы между двумя ведомствами. Оренбургский начальник дважды обращался к генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову (первый раз 18 мая 1834 года) с данным вопросом, приводя подробные замечания и пояснения на сомнительные статьи. Граница между ведомствами была обозначена генеральным межеванием и известна была она под именем Красного Столба¹⁹⁶¹.

Спор о границе между ведомствами начался еще в 1818 году из-за рыболовных озер между оренбургскими и сибирскими казаками. С согласия

¹⁹⁵⁸ ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 365. Л. 120.

¹⁹⁵⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 327. Л. 111.

¹⁹⁶⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20654. Карта Оренбургской губернии и земли Уральского казачьего войска. 1831 г.

¹⁹⁶¹ Красный столб был расположен между Алабужским и Сибирским редутами.

оренбургского военного губернатора П.К. Эссена и генерал-губернатора Западной Сибири Г.И. Глазенапа была определена граница между ведомствами. «Назначить черту, начиная с вершины реки Каракундузлы Джимат, впадающей в реку Абугу до вершины реки Алабуги, проходя вниз до озера Улукуля, лежащего от редута Сибирского в 30 верстах, потом, оставя влево, до впадения в Тобол, откол на вершину речки Алабуги до пикета Тычка, со всеми лежащими на левой стороне берегов тех рек озерами, оставить в пользу жителей Оренбургской линии, а на правой для жителей Сибирской линии», – так гласил документ определяющий границу¹⁹⁶². Данное разграничение касалось прав рыбопромышленников, но не относилось к земельным правам кочующих здесь казахов¹⁹⁶³.

По мнению Альфреда Рибера, «в реальности пограничные линии, будь то территориальная граница или социальная, склонны быть скорее пористыми, нежели непроницаемыми»¹⁹⁶⁴.

9 ноября 1832 г. оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен сообщал директору Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникину, что «Сибирское начальство, простирая влияние своих распоряжений по принятой правительством системы для образования сибирских народов, виды оного начали достигать некоторую часть земель ордынцев Оренбургского пограничного края. Генерал Вельяминов¹⁹⁶⁵, полагая полезным основать наблюдательный пост при реках Тургаях, принял во внимание предложение султана Жумы Кудаймендиева, бывшего султана правителя Восточной части оренбургских киргизов, освобожденного от должности в 1828 году»¹⁹⁶⁶.

Согласно § 285 и 314 «Устава о сибирских киргизах» 1822 года генерал-губернаторам Западной Сибири разрешалось открывать внешние округа во всех кочевьях Среднего казахского жуза. § 318-м не допускалось перенесение линии на границу без разрешения Высшего правительства¹⁹⁶⁷.

¹⁹⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1. Л. 49 об.

¹⁹⁶³ Там же. Л. 50.

¹⁹⁶⁴ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта. С. 199.

¹⁹⁶⁵ Иван Алексеевич, генерал- губернатор Западной Сибири в 1827–1834 гг.

¹⁹⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. (1830 год). Д. 1. Л. 22.

¹⁹⁶⁷ Там же. Л. 37 об.

В 1832 году военный министр А.И. Чернышев разрешил генералу И.А. Вельяминову провести рекогносцировку внешних округов Омской области¹⁹⁶⁸. Согласно этому подполковник Генерального штаба, начальник данной рекогносцировки Бутовский, в команде которого было 120 человек, в том же году закончил 1 часть работы. Он докладывал, что аргыны подрода жогары-шекты и кыпчаки подрода кидель дали разрешение на учреждение в их волостях нового порядка управления¹⁹⁶⁹. Но осенью того же года по Высочайшему повелению было отменено военно-топографическое и статистическое рекогносцирование внешних округов, запланированные на 1833–1835 гг. Это объяснялось тем, что цель подобных экспедиций не была ясна казахам и могла поселить в них недоверчивость и даже вражду¹⁹⁷⁰.

Генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-лейтенант Н.С. Сулима (1834–1836), в 1835 году сообщал, что с этого времени Сибирское начальство не проводило разграничения земель и определения новой линии.

Возникшая надобность разграничения земель 2-х ведомств, со слов Н.С. Сулимы, объяснялась тем, что они необходимы для управления внешними округами, а также для прекращения распри между казахами. Для дальнейшей реализации положений «Устава о сибирских киргизах», он предлагал основать крепости на вновь избранных пунктах. В усилении старых крепостей, «признаков древних укреплений»¹⁹⁷¹, находившихся в непосредственном распоряжении командира Отдельного Сибирского корпуса, не было необходимости в связи с возможностью перенесения линии¹⁹⁷².

---

¹⁹⁶⁸ Там же. Л. 38.

¹⁹⁶⁹ Там же.

¹⁹⁷⁰ Там же. Л. 39.

¹⁹⁷¹ Речь идет о 9 крепостях, в которых были расположены войска, но не было комендантских управлений. Это Кабанья, Пресновская, Становая, Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Железинская, Бийская и Кузнецкая. Они были отделены в 1818 г. в непосредственное распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса. Старые строения не ремонтировались и пришли в ветхое состояние. Ежегодно с 1819 г. выделялось 37 тыс. руб. на содержание крепостей, но начальники Сибирского края воздерживались от полного получения всей суммы, в связи с тем, что «они в последствии могут быть оставлены» // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. (1830 год). Д. 1. Л. 39 об.–40.

¹⁹⁷² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. (1830 год). Д. 1. Л. 39 об.

Возникновение внешних округов увеличило территорию Омской области более чем на 775 тыс. кв. верст, а численность населения края на полмиллиона. Эти факты, а также близкое расположение других восточных стран, ведущих торговлю с Россией, требовало переноса главного управления Западной Сибирью в Омск. Это также объяснялось и тем, что Омск был расположен почти в середине от Тобольска и Томска и был удобным для управления¹⁹⁷³.

Но часть казахов Среднего жуза, кочующая против Оренбургской линии, в 1824 г. вошла в состав Восточной части Оренбургских казахов. Это были роды Чакчак, Айдарка, Крыкмултук, Караман, Джар-жетим племени аргын, племя кыпчак, род Балта-гирей племени керей, род иленчи-увак племени уак¹⁹⁷⁴. Согласно «Уставу о сибирских киргизах» были открыты Каркаралинский и Кокчетавский (1824 г.), Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1832 г.), Баянаульский (1833 г.), Уч-Булакский (1833 г.), Аман-Карагайский (1834 г.), Кокпектинский (1844 г.) округа¹⁹⁷⁵.

Выражение Западно-Сибирского генерал-губернатора, что оно «приобретает новых подданных» при открытии Аман Карагайского округа вызвало раздражение Петербурга¹⁹⁷⁶. «...В каком смысле теперь роды и племена Малой Орды приглашены будучи к переходу под другое начальство одной и той же империи могут называться новыми подданными», – возмущались в центре. Перемещение казахов от одного ведомства в другое рассматривалось как вредное действие. «Оно дает невежественному народу превратные и невыгодные понятия о взаимном отношении двух начальников одной и той же нераздельной империи, представляя в глазах их начальства эти как будто образующими два отделения владения, из коих каждое старается приобретать подчиненных на счет другого», – писали чиновники¹⁹⁷⁷.

¹⁹⁷³ Там же. Л. 42.

¹⁹⁷⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20639. Л. 1.

¹⁹⁷⁵ Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. Отд. 2. С. 15, 153, 161, 163–164, 187–188.

¹⁹⁷⁶ Начальнику Западной Сибири напоминали, что казахи Младшего жуза в 1731 году стали подданными империи, тогда как казахи Среднего жуза присоединились в 1740 году.

¹⁹⁷⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. (1830 год). Д. 1. Л. 64 об.

Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен высказался против открытия Аман-Карагайского округа¹⁹⁷⁸ на границе с его подвластными казахами и внутри кочевок Восточной части оренбургских киргизов, выделяя несколько причин¹⁹⁷⁹. «Если управление Сибирского начальства распространит свою власть на казахов Восточной части, которые, имея летние и зимние кочевья по всей степи вдоль Оренбургской линии, на расстоянии более 300 верст, завели на оной с жителями взаимно не бесполезные сношения и приняли навик повиновения здешнему начальству, однако ж не должен скрывать от Вашего Превосходительства убеждение мое, что от одного шага к распространению далее на запад системы Сибирского окружного управления зависеть может и разрушение всего настоящего распорядка дела и управление Оренбургского пограничного края», – писал граф П.П. Сухтелен К.К. Родофиникину¹⁹⁸⁰.

Оренбургский военный губернатор, выступая против открытия нового внешнего округа около рек Малый и Большой Тургай, обосновывал свое видение еще и тем, что казахи Оренбургского ведомства не стали еще надежными подданными империи¹⁹⁸¹.

Его беспокоило и то, что казахи данного жуза находились под некоторым влиянием Хивы, и что в случае недовольств они могли перекочевать в это ханство. Откочевка у номадов представляется как один из видов протеста.

Лучшие кочевья казахов Восточной части находились в местностях рек Тургаев, и открытие здесь внешнего округа требовало бы перехода казахов, кочующих до г. Троицка, перейти в управление генерал-губернатора Западной Сибири. Это также беспокоило оренбургского начальника.

Далее граф П.П. Сухтелен обосновывал, что развитие торговли со среднеазиатскими ханствами призывало обеспечения ее безопасности русскими военными отрядами, и в случае необходимости войска Отдельного Оренбургского корпуса, расположенные близко к данной местности, могли бы выступить сразу.

¹⁹⁷⁸ Аман-Карагайский внешний округ открылся в 1834 году. Указом от 26 февраля 1843 года перемещен к югу в урочище Куш-Мурун.

¹⁹⁷⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. (1830 год). Д. 1. Л. 23–23 об., 24.

¹⁹⁸⁰ Там же. Л. 23 об.

¹⁹⁸¹ Там же. Л. 24.

Следующим аргументом было то, что нужно было учитывать направления торговых караванов. Бухарские и хивинские караваны ежегодно направлялись в Оренбург, а небольшой бухарский караван в Орск. Другие же восточные караваны, отдыхая и меняя возчиков на берегах Тургая, определяли здесь дальнейшее свое направление: в Сибирь или Оренбург, а преимущественно в г. Троицк. По мнению начальника Оренбургского края, если попечение о следовании данных караванов поступит в распоряжение его «противника», то это пагубно скажется на оренбургском купечестве. «Выгодно ли империи будет, если обороты азиатской торговли, уже по роду своему столь затруднительные, еще удалены были от средоточия общенародной промышленности, переносом оных с Оренбургской линии на Сибирскую?», – рассуждал он. Если учитывать, что развитие торговли с ханствами Центральной Азии было одним из направлений внешней политики Российской империи, то данный аргумент был важнейшим.

После смерти П.П. Сухтелена в 1833 году оренбургским военным губернатором был назначен В.А. Перовский. Он сообщал в Азиатский департамент Л.Г. Сеньявину, что необходимо срочно провести разграничение земель двух ведомств, и был раздражен тем, что сибирское начальство рассматривало только казахов Среднего жуза как подданных империи, не обращая внимания на то, что казахи Младшего жуза раньше вошли в состав России. В.А. Перовский обращал внимания также и на «разнохарактерность управления в обоих ведомствах». «Одно из самых важных и вреднейших несогласий составляет разность наказания за воровство. Оренбургские киргизы подвергаются за него по всей строгости уголовных законов наших, у сибирских же кража считается делом исковым, что и побуждает их безнаказанно обогащаться на счет первых», – заявлял он¹⁹⁸².

По вопросу проведения границы он признавал право на речки Тургаи Оренбургского ведомства и предложил провести границу по водоразделу рек, впадающих в Ишим и Тургай. Генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов выступал против этого, так как при осуществлении

---

¹⁹⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5071. Л. 51.

предложения оренбургского военного губернатора граница Оренбургского края расширилась бы на 50 км на восток и 270 км к югу, захватывая территорию Омской области. Он настаивал на точном размежевании границ по речкам и урочищам¹⁹⁸³.

В 1835 году В.А. Перовский снова возвращается к проблеме неопределенности границ двух ведомств. По его мнению, неопределенность эта основывалась на том, что не было верной карты¹⁹⁸⁴ упоминаемых мест, «пределы были не ясны только на бумаге», тогда как номады четко знали границы своего кочевания¹⁹⁸⁵.

Искаженность карты, неправильное обозначение знаков на ней вызвало возмущение нового начальника Оренбургского края. «Неверность карт, сообщенных сибирским начальством моему предшественнику, с означением требуемой границы новой простирались до того, что крепость Звериноголовская была показана на левом берегу Тобола, тогда как она стоит на правом, реки Абуги или Убаган отнесены на верст 40 восточнее настоящего», – сообщал он К.К. Родофиникину. Искаженность географических данных на карте было предметом незнания местности или же была сделано намеренно, если это так, то тогда оно показывает нам заинтересованность сибирского начальства в землях Оренбургского ведомства. Подчиненность двух казахских жузов разным административным центрам (Оренбургу и Омску) было неэффективным в управлении окраиной, то, что не было единой политики на местах, привело к затруднениям в использовании приграничных земель казахов двух ведомств.

В 1836 г. В.А. Перовский представил «Записку» военному министру, где говорил об ошибочности создания Аман-Карагайского приказа и предлагал его упразднить. Военный министр передал «Записку» в Сибирский и Азиатский комитеты. Но вопрос о разграничении земель казахов двух ведомств был отложен до 1837 года.

¹⁹⁸³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 71.

¹⁹⁸⁴ В 1832 году по приказу И.А. Вельяминова подполковник Бутовский составил карту спорных земель // Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. С. 89.

¹⁹⁸⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1. Л. 32.

Кочевая элита пыталась использовать сложившуюся ситуацию для получения определенной выгоды. «Старшины, казалось, полагали, что от них зависит, повиноваться ли или нет прямому начальству своему, или избрать иное», – писал В.А. Перовский. Бий Балкожа¹⁹⁸⁶, кочевья которого находились на р. Тобол, вызвал возмущение оренбургского военного губернатора тем, что он при разговоре с ним высказал предложение «перейти вновь под Оренбургское начальство, если он будет сделан старшиною»¹⁹⁸⁷. «Кажется ясно и неоспоримо, что подчиненные должны знать одно начальство и не могут признавать над собою по произволу одно или другое, думая тем заслужить благоволение избранного ими, или надеясь получить какие-либо подарки», – писал В.А. Перовский¹⁹⁸⁸. Также, например, 14 июня 1841 года пограничное управление сибирских казахов доносило исполняющему должность пограничного начальника полковнику Фалецкому, что бий Оренбургского ведомства поручик Яны Язов неоднократно посылал в Аман-Карагайский округ к аргынам отделения токал¹⁹⁸⁹ и отделения можакай рода керей разных биев, которые уговаривали названных казахов перейти в Оренбургское ведомство, обещая ходатайствовать перед начальствам о наградах и о наделении хорошими пастбищами. Из числа этих биев Утеген Рысов и Майман Айбасов были схвачены в волостях и препровождены к коллежскому советнику Ларионову, командированному от Оренбургской пограничной комиссии для присутствия при разграничении земель между казахами двух ведомств¹⁹⁹⁰. Однако бий не прекратил своих действий.

В 1843 году Пограничное управление сибирских казахов, а также чиновник особых поручений Сотников, докладывали, что поручик Язы Янов и правитель Восточной части оренбургских казахов султан Ахмет Джантюрин приглашали родоначальников двух волостей перейти в Оренбургское ведомство, прельщая их

¹⁹⁸⁶ Балкожа – бий, дед первого казахского просветителя Ы. Алтынсарина, в составе казахской делегации во главе с А. Джантюриным был в столице зимой 1849/1850 г. // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1848 год). Д. 8. Л. 100 об.; ЦГА РК. Ф. 4. О. 1. Д. 3519. Л. 1, 5.

¹⁹⁸⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1. Л. 34.

¹⁹⁸⁸ Там же. Л. 34.

¹⁹⁸⁹ Речь идет о подроде токал аргын племени аргын.

¹⁹⁹⁰ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО – 2. С. 514.

удобством земель и привольной жизнью. Султан Ахмет Джантюрин принял даже прошение от баганалинцев¹⁹⁹¹. Они приглашали перейти в Оренбургское ведомство и казахов других родов. Данный факт свидетельствует о попытке представителей Восточной части увеличить количество людей в своем регионе, так как именно эта часть Оренбургского ведомства отличалась малым количеством кочевников в своем составе. В свою очередь, приумножение численности кочевников части дало бы возможность султану-правителю этого региона увеличить объем собираемого кибиточного налога, что повысило бы его в глазах региональной администрации и позволило бы ему претендовать на определенные награды, т.е. это были, скорее всего, личные мотивы. С другой стороны, в период определения границы представители одного племени или рода были разделены между двумя ведомствами. Учитывая кочевой тип хозяйства, при котором каждый член семьи имел свое определенное место в иерархии отношений и в хозяйственной деятельности, возможно, султан-правитель не хотел раздробления племен и родов.

Управляющий узын-кыпчакской волостью бий Балкожа Ямгурчин в январе 1839 г. объяснял исправляющему должность султана-правителя Шотаю Бахтыгерееву свое положение. В связи с тем, что кыпчаки кочуют на оренбургских землях, он желает быть с однородцами, но не может пока этого сделать, так как управляющий Омской областью распорядился, что только по его разрешению и по отзыву Аман-Карагайского приказа казахам, ранее находившимся под управлением сибирского начальства, можно переходить в состав Оренбургского ведомства¹⁹⁹².

ОПК предписала Шотаю Бахтыгерееву собрать отзывы у казахов, кочующих на землях, отходящих в Оренбургское ведомство, объяснив им, что никакого разрешения Аман-Карагайского окружного приказа не нужно, «должно быть одно собственное желание каждого из них остаться в заведывании сибирского начальства и перейти на земли, отходящие по разделению к оной, или

---

¹⁹⁹¹ Там же.

¹⁹⁹² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 329. Л. 40.

подчинить себя оренбургскому начальству, оставаясь кочевьем на занимаемых ныне местах»¹⁹⁹³. В апреле 1839 г. в ОПК поступило распоряжение В.А. Перовского об остановке сбора заявлений о переходе в состав Оренбургского ведомства от казахов, находившихся ранее в составе Аман-Карагайского приказа. Это было связано с тем, что генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков направил своему коллеге отношение, где просил остановить это мероприятие до проведения окончательного разделения границы¹⁹⁹⁴.

Следующей причиной перехода казахов из Сибирского ведомства в Оренбургское было восстание под руководством Кенесары Касымова. Оренбургский военный губернатор сообщал, что «многие киргизцы (казахи – Г.И.) удаляются от Кенесары. Бий аргынов Шеген Мусин, которого Кенесары приглашал присоединиться к нему, прикочевал к Тоболу, удаляясь от опасного соседства. Туда же прикочевал и по той же причине заседатель Аман-Карагайского приказа подполковник Язы Янов со своими казахами¹⁹⁹⁵.

Переход из одного ведомства в другое создавал трудности для кочевников. Например, в сентябре 1839 г. временно управляющий 5 дистанцией хорунжий Чернышев представлял в ОПК отзыв бия Тонача Янгузина и двадцати почетных казахов, кочевавших на землях, отошедших в Оренбургское ведомство, когда-то подвластных Аман-Карагайскому приказу. Население 100 кибиток во главе с названным бием решили остаться на своих землях и перейти под власть оренбургского начальника, но когда они прикочевали к своим зимовкам и хотели приступить к сенокосению, начальник 22 дистанции Бикбулат Бикбов не допустил их, сославшись на то, что он не имеет соответствующего предписания¹⁹⁹⁶.

Следующий факт, убийство летом 1840 г. бия Мактыбая и разграбление кыпчаков Оренбургского ведомства сибирскими казаками, вызвало возмущение у

---

¹⁹⁹³ Там же. Л. 42 об.

¹⁹⁹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 329. Л. 57–57 об.

¹⁹⁹⁵ 1831 г. июля 4. – Письмо оренбургского военного губернатора в Азиатский департамент МИД о разгроме царским карательным отрядом казахских аулов, поддерживавших султана К. Касымова // КРО – 2. С. 252.

¹⁹⁹⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 29.

оренбургского начальства. Как докладывал исполняющий должность султана-правителя Восточной части Шотай Бахтыгереев, казахи племени кыпчак, подрода китаба находились летом по Тоболу, а зимой по Сары-копе, ближе к Большому Тургаю¹⁹⁹⁷, и всегда кочевали с аргынами во главе с бием Чигенем Мусиным. Данная группа кыпчаков никогда не находилась под управлением сибирского начальника. Когда сибирские казаки напали на них, кыпчаки находились на урочище Кунграулы. Мактыбай бий, увидев казаков, сам выехал к ним навстречу и был убит, когда показывал письмо войскового старшины Лебедева¹⁹⁹⁸.

Летом 1835 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, объезжая вновь учрежденную между Орской и Троицкой крепостями линию, встретил урядника и казаков Сибирского ведомства на левом берегу Тобола, при озере Копа¹⁹⁹⁹. Урядник имел письменное предписание, которое разрешало ему обращаться с казаками, подведомственными Оренбургу, кочевать вместе с бием Балкожой. К этому времени бий считался подданным сибирского начальства. Предписывалось уряднику «разведывать из-под руки, не намерены ли киргизы (казахи – Г.И.) бия Балгуджи (Балкожа – Г.И.) удалиться из округа», также предписание разрешало уряднику «действовать в защиту бия силою оружия»²⁰⁰⁰. Возмущенный действиями сибирских чиновников, В.А. Перовский писал: «Для благоденствия державы нашей, конечно, все равно, которые из двух смежных начальств будут заведовать тем или другим племенем кайсаков (казахов – Г.И.), но дело должно быть решено и определено в возможно скором времени, потому что подавало и подает непрестанные поводы к беспорядкам. Сибирское начальство, по неизвестным для меня видам, старается приобщать кайсаков Оренбургского ведомства составу Омской области»²⁰⁰¹. Он выступал против перехода казахов Восточной части в Сибирское ведомство. Образование Аман-

¹⁹⁹⁷ рек Тургаев два, ближний к Сары-копе назывался Большой или Сары Тургай, а дальний – Кара Тургай / Объяснение Шотая Бахтыгереева // ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 334. Л. 125.

¹⁹⁹⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 125.

¹⁹⁹⁹ Ни один из генерал-губернаторов Сибири не распространял претензий своих на р. Тобол, которая не входит в пределы Омской области // РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1 Л. 33.

²⁰⁰⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1830 год. Д. 1 Л. 33.

²⁰⁰¹ Там же. Л. 33 об.

Карагайского внешнего округа вдали от центра Сибири В.А. Перовский считал ошибкой.

Возмущение В.А. Перовского вызывало задержание казахов Оренбургского ведомства на своей территории сибирскими казаками. Так, например, в период регулирования отношений с восставшими казаками под руководством К. Касымова он сообщал К.В. Нессельроде о задержании казаха Б. Дюненбаева около Наурузума, посланного Кенесары к оренбургскому начальству. «Разграничение сибирских и оренбургских кайсаков (казахов – Г.И.), не прекращаются, кажется, потому, что сибирское начальство не признает всех киргизов (казахов – Г.И.) не вошедших в его ведомство оренбургскими», – размышлял В.А. Перовский ²⁰⁰². Оренбургский военный губернатор просил объяснить сибирскому коллеге, что «все киргизы (казахи – Г.И.) прежних Малой и Средней Орд, кочующие вне границы Сибирского ведомства, подчинены оренбургскому начальству»²⁰⁰³.

Султан-правитель Восточной части А. Джантюрин весной 1841 года сообщал, что сибирские казаки с казаками рода уак-керей в количестве 15 человек разъезжают по аулам аргынцев, кочующих около Наурузум Карагая, по какому-то иску на них уаковцев, и делая с них взыскания, причиняют аргынам насилие и притеснения» ²⁰⁰⁴. Подобного рода рапорты свидетельствуют, что проблема разграничения границы двух ведомств стояла остро.

С приходом к управлению Западной Сибирью П.Д. Горчакова ²⁰⁰⁵ возобновился вопрос о разделении границы двух ведомств. Он признавал, что расположение округа неудачное и предлагал также срочно решить данный вопрос. В 1838 году по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири был составлен предварительный чертеж намеченной границы [Приложение № 13]. Его подписали два начальника ведомств.

²⁰⁰² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 89.

²⁰⁰³ Там же. Л. 89 об.

²⁰⁰⁴ Там же. Л. 98 об.

²⁰⁰⁵ Петр Дмитриевич Горчаков – генерал-губернатор Западной Сибири в 1836–1850 гг.

7 июня 1838 года были Высочайше утверждены положения Комитета министров «О разграничении земель киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомств». Для проведения границы была образована специальная комиссия, где участвовали офицеры Генерального штаба, чиновники МИД, а также депутаты от казахов. В 1838 г. 2-я полурота топографов роты №4 при Отдельном Сибирском корпусе была увеличена 12 топографами²⁰⁰⁶.

Топографические съемки были назначены на лето 1838 года, но работа эта так и не состоялась. Как сообщается в «Отчете об управлении киргизской степью» за 1840 год, в 1839 году была проведена часть пограничной черты между сибирскими и оренбургскими киргизами (казахами – Г.И.) особо командированными чиновниками с обеих сторон²⁰⁰⁷. К проведению пограничной черты вследствие начавшегося в 1837 году восстания под руководством К. Касымова и продолжавшихся в степи беспоконийств в течение 1839 г. предстала возможность приступить только в конце июля 1840 года, поэтому работы комиссии по проведению черты ограничились местностью от так называемого Красного Столба (между Алабужским и Сибирским редутами) до впадения Верхней Абуги в оз. Дженгиз. В то время грань коснулась лишь племени аргын, состоявших в ведении бывшего Аман Карагайского приказа²⁰⁰⁸. При проведении границы до 3 тыс. кибиток казахов аргынского рода перешли из Сибирского ведомства в Оренбургское²⁰⁰⁹.

Оренбургский военный губернатор В.А. Перовский активно участвовал в разрешении вопроса, требуя начать разграничение в 1838 г. Тогда как сибирский начальник «не только не старается о скорейшем произведении разграничения, напротив, желает отложить дело это на будущее время, и для лучшего в том успеха хочет возложить на ответственность оренбургского начальства беспоконийства, могущие происходить от мятежных киргизов, скрывающихся будто

²⁰⁰⁶ Заблоцкий-Десятовский А.П. Исторический очерк деятельности корпуса... С. 195.

²⁰⁰⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 146. Л. 9.

²⁰⁰⁸ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО – 2. С. 511; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 19 об.

²⁰⁰⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 1 об.

на землях Оренбургского ведомства»²⁰¹⁰. В.А. Перовский требовал от председателя ОПК Г.Ф. Генса участия при проведении границы офицера Генштаба при Отдельном Оренбургском корпусе, чиновника ОПК.

15 июня 1840 г. с оренбургской стороны для проведения разграничения были отправлены представитель МИД в ОПК коллежский секретарь Ларионов и корпуса топографов поручик Иванов. С сибирской стороны были направлены чиновник Пограничного управления Сотников и корпуса топографов прапорщик Семенов. Проведение границы в 1840 г. проходило под прикрытием отряда казаков²⁰¹¹.

30 июля 1840 г. началось разграничение земель казахов двух ведомств от Красного столба до озера Тылюк. При разграничении участвовали и представители казахов. В частности, депутатами со стороны Оренбургского ведомства были: почетный киргиз Балтакирейского рода Нарынбай Бикбулатов и со стороны сибирской старшина Аргынского рода прапорщик Телемис Кунгурчин. Были также и понятые: со стороны Оренбургского ведомства Алибек Казыбаев, Аманюл Джумагулов, Тактар Кунаев, Тютөбай Джуманов, Мурзабай Мамаев, Сукур Кичкентаев, с Сибирской стороны: старшины Чекай Балканов, Ордабай Даинов, киргизы: Атамбоз Упенев, Кагашбай Джаикбаев, Капсытбай Кувандыков, Сарт Утевлин.

Черта границы началась от так называемого Красного Столба, определенного при Генеральном межевании. Данные места показали старики Алабужского и Сибирского редутов, а также некоторые казахи, бывшие при раннем межевании²⁰¹². Далее граница шла от Тылюка до западного берега озера Шаврин. Расстояние от этого озера до Сибирского редута было промерено цепью в 1832 году подполковником Бутовским²⁰¹³. 31 июля граница была проведена от озера Шаврин на южный берег озера Рябова через оконечность дубровы Рябовой. 1 августа – от озера Рябова между озерами Большим и

---

²⁰¹⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 94.

²⁰¹¹ Там же. Л. 73, 100–100 об.

²⁰¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5076а. Л. 1, 1 об.

²⁰¹³ Там же. Л. 2 об.

Малым Соболевыми. С правой стороны черты земля принадлежала Оренбургскому ведомству, а с левой – Сибирскому²⁰¹⁴. 2 августа черта границы определена была с промежутка озер Соболевых и направлена на оконечность Займища Улукульского. Черта границы пролегла совершенно по ровному местоположению, Займище и озеро Улукульское оставались в Сибирском ведомстве²⁰¹⁵. 3 августа граница была проведена от займища Улукульского к западной оконечности дубравы Коян агач. От Коян агача далее она проходила между озерами Тоскабен и Яркуль, далее от озера Кускуля до р. Абуги. С 5 по 15 августа граница была определена по реке Абуге до озера Денгиз. Граница шла 100 верст разными изгибами до озера Денгиз, левый берег по течению речки Абуга был определен Оренбургскому ведомству, а правый – Сибирскому²⁰¹⁶. С 15 по 18 августа границу провели по озеру Денгиз. Половина озера к правому берегу была определена Оренбургскому ведомству, а левая – Сибирскому²⁰¹⁷. 18 августа граница прошла от озера Денгиз до брода Карауткуль²⁰¹⁸.

4 сентября 1840 г. войсковой старшина Лебедев сообщал в Оренбургский штаб, что границу провели до брода Карауткуль, а далее предписание идти на юг до Кара-Салды-Тургая нарушалось решением западносибирского генерал-губернатора, который рассматривал проведение границы от брода Карауткуль вправо на юго-запад до вершин Тобола невозможным²⁰¹⁹. Причину этого коллежский советник Ларионов видел в том, что сибирское начальство надеялось отвлечь казахов от поступления их в Оренбургское ведомство, так как в это время среди казахов был также распространен слух, что межа начата поздно и ее больше не будут проводить²⁰²⁰.

---

²⁰¹⁴ Там же. Л. 3, 3 об.

²⁰¹⁵ Там же. Л. 4.

²⁰¹⁶ Там же. Л. 6.

²⁰¹⁷ Там же. Л. 6 об., 7.

²⁰¹⁸ В другом документе сообщается, что проведение межи до брода Карауткуль завершено 16 августа 1840 г. // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 119.

²⁰¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 20 об.; ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5076а. Л. 22.

²⁰²⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 334. Л. 130–130 об.

В августе 1840 г. генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-лейтенант князь П.Д. Горчаков вышел с предложением к военному министру отложить разграничение на юг от озера Денгиз, связывая это с восстанием Кенесары Касымова на территории Среднего жуза²⁰²¹. На что последовала критика со стороны оренбургского военного губернатора, который подчеркнул, что переписка о разграничении земель оренбургских и сибирских казахов длится 22 года и, перечислив причины скорейшего решения данного вопроса, высказывался за срочное его решение.

Доводы П.Д. Горчакова были раскритикованы оренбургским начальником. Его обвинение в том, что оренбургское начальство слабо содействует поиску Кенесары и его сподвижников, было опровергнуто В.А. Перовским. По словам оренбургского начальника, лишь один раз сибирское начальство обратилось к своему коллеге за помощью. В тот же период, весной 1839 года, отряд под командованием войскового старшины Лебедева был отправлен с Уйской линии на помощь сибирскому начальству²⁰²². В.А. Перовский высказал недоумение по вопросу задержки проведения границы между двумя ведомствами. Так как при личной встрече двух губернаторов в Омске генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков дал согласие при первой же возможности отправить с обеих сторон чиновников к спорной меже²⁰²³. Оговорка сибирского начальника, что все урочища, орошаемые р. Тургаями и прилегающие с запада к горам Улу-тау, всегда были убежищем Кенесары Касымова и его сообщников, были аргументированно сведены на нет²⁰²⁴. «Я вполне убежден в необходимости и возможности разграничения в настоящее время», – писал В.А. Перовский²⁰²⁵.

Оренбургский военный губернатор также был обеспокоен вмешательством сибирского начальника в дела оренбургских казахов и незаконным

²⁰²¹ Кенесары Касымов (1802–1847) – султан Среднего жуза казахов, внук знаменитого хана Аблая. Он возглавил восстание казахов в 1837–1847 гг. против российского присутствия в Казахской степи. С 1841 г. хан большой группы казахов Среднего и Младшего казахского жузов. См. подробнее: Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 400 с.

²⁰²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 17 об.

²⁰²³ Там же. Л. 15 об.

²⁰²⁴ Там же. Л. 13 об., 18 об.

²⁰²⁵ Там же. Л. 16.

распространением их власти частично на территорию Восточной части. В частности, полковник Набоков в 1830 г., подполковник Бутовский в 1832 г., сибирские начальники при учреждении Аман-Карагайского приказа в 1835 г. пытались склонить оренбургских казахов к самовольному переходу в Сибирское ведомство²⁰²⁶. Но и в 1841 г. сибирские казаки, находившиеся в кочевьях оренбургских казахов, по неизвестной Оренбургу причине захватили казаха из рода аргын Бейсенбая Дюнёнбаева, посланника Кенесары с письмом к оренбургскому начальству²⁰²⁷. Также были обнаружены факты, что в начале апреля 1841 года 15 сибирских казаков с казахами рода уак, разъезжали по аулам аргынов, кочующих около Наурузум Карагая, и делали взыскание по неизвестному аргынам иска на них уаковцев²⁰²⁸.

12 августа 1840 г. волостные правители аргынов²⁰²⁹ в присутствии коллежского советника Ларионова, коллежского асессора Патриченко и 14 кл. Сотникова, после прочтения им отношения военного министра к генерал-губернатору Западной Сибири, объявили, что после проведения границы между Оренбургским и Сибирским ведомствами они со своими подчиненными желают поступить в ведение оренбургского начальства²⁰³⁰. Представителям местного населения было предложено четко определиться, к какому ведомству они желают перейти. После проведения границы между двумя ведомствами казахам запрещалось переходить через проведенную черту, в противном случае они подвергались наказанию по закону. В 1840 г. вместе с аргынцами, 22 кибитки канжигалинского рода во главе с бием Тлек, его братьями Байтемир и Жантемир Райынбековыми перекочевали в Оренбургское ведомство. Начальник Аман-

---

²⁰²⁶ Там же. Л. 17.

²⁰²⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4875. Л. 89.

²⁰²⁸ Там же. Л. 98 об.

²⁰²⁹ Заседатель от аргынов старшина поручик Язы Янов, управитель Таз-аргыновской волости старшина Шокай Балканов, управитель Кулукай-аргыновской волости старшина Т. Мурзабаев, Отей-аргынской волости старшина прапорщик Тилемис Конурганов, а также управитель Узынторе-кыпчакской волости бий Балкожа Ямгурчин поставили печати под этим документом.

²⁰³⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 110.

Карагайского приказа обвинил их в переходе весной 1841 г., требовал от них возвращения на Сибирскую линию²⁰³¹.

15 июля 1841 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский сообщал председателю ОПК: «принять за неперемное правило, чтобы киргизы (казахи – Г.И.), объявившие один раз желание остаться в Сибирском или Оренбургском ведомстве, не были ни под каким предлогом допускаемы к перемене этого намерения»²⁰³². В декабре 1841 г. чиновник МИД, коллежский секретарь Ларионов представил рапорт в ОПК с предложением, что все население племени аргын должно перейти беспрепятственно в состав оренбургских казахов²⁰³³.

В апреле 1841 г. поручик Генштаба Оренбургского отделения Пеховский, вместо бывшего в 1840 г. Иванова, и коллежский секретарь Ларионов были командированы со стороны оренбургского начальника для разграничения земель Оренбургского и Сибирского ведомств. Со стороны Сибирского ведомства были назначены чиновник корпуса топографов подпоручик Елизаров и заседатель Аман-Карагайского приказа Краузе²⁰³⁴. В мае в Усть-Уйскую крепость прибыли все ответственные лица за разграничение, а также войсковой старшина Лебедев с трехсотенным отрядом. В его отряде были 8 зауряд-чиновников, 12 урядников, 1 фельдшер, 1 фейерверкер и 307 рядовых, назначенных для проведения работ. 18 мая отряд направился к месту, где в 1840 г. была остановлена межа, т.е. вверх по Тоболу к Аман-Карагайскому приказу²⁰³⁵. 8 июня 1841 г. приступили дальнейшему проведению границы²⁰³⁶. В 1841 году граница от Карауткульского брода пошла до р. Верхней Абуги и Барынкуль-тал до ее истока, потом по хребту, отделяющему р. Тургай от вод, впадающих в Ишим до вершин речки Карын-Салды-Тургай, а от вершин ее по тому же хребту, отделяющий Тургай от речек впадающих в Ишим, до гор Улу-тау, и наконец, от них в прямом направлении на

---

²⁰³¹ Там же. Л. 125.

²⁰³² Там же. Л. 41.

²⁰³³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 109.

²⁰³⁴ Там же. Л. 10, 12, 17, 166.

²⁰³⁵ Там же. Л. 24 – 24 об.

²⁰³⁶ Там же. Л. 39.

юг до озера Телекуль-тата²⁰³⁷. В 1842 году граница была доведена до горы (сопки) Майтюбе и у вершины р. Карын-Салды Тургай²⁰³⁸. Проведенная граница, отделяющему земли сибирских казахов от оренбургских, составила протяжение в степь на 945 верст²⁰³⁹. Оставалось пройти только последнюю часть разграничения – от горы Майтюбе провести границу до озера Телекуль-тата²⁰⁴⁰.

4 июля отряды вернулись в Аман-Карагайский приказ. Протяжение проведенной границы, начиная от брода Карауткуль до вершины р. Карын-Салды Тургая, составило 275 верст²⁰⁴¹. 7 июля представитель ОПК докладывал о завершении работ. Пеховский, сообщая о заслугах казахов племени аргын и керей во время проведения границы, просил о награждении особо отличившихся Мамета Кунакова и Нарынбая Бикбулатова²⁰⁴².

Прошедшая в 1841 году раздельная черта от Карауткельского брода до вершины р. Карын-Салды-Тургая²⁰⁴³ коснулась земель, где баганалинские волости издавна имели пастбища для своего скота, и им было запрещено переходить в оренбургскую степь²⁰⁴⁴. Но баганалинцы не до конца придерживались предписаний российской администрации. Беспорядки, по мнению оренбургского и самарского генерал-губернатора, производились казахами Баганалинской волости преимущественно при перекочевке их с летних кочевьев на зимние²⁰⁴⁵.

Для окончательного разграничения территории в 1843 году по распоряжению оренбургского военного губернатора, согласованно с генерал-губернатором Западной Сибири П.Д. Горчаковым, были командированы на Сибирскую линию до укрепления Джаркаин со стороны Оренбурга офицер Генштаба, чиновник Пограничной комиссии губернский секретарь В. Григорьев,

²⁰³⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 346. Л. 2 об.

²⁰³⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 3.

²⁰³⁹ Там же. Л. 3.

²⁰⁴⁰ Там же. Л. 3 об.

²⁰⁴¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 39. В другом месте этого документа сообщается, что длина составляет 271 версту 55 сажень // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 51.

²⁰⁴² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 352. Л. 91.

²⁰⁴³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 106. Л. 4 об.

²⁰⁴⁴ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО – 2. С. 507.

²⁰⁴⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 11.

писец Полозов. Следовавшие к горам Улутая в Аман-Карагайский округ в 80 верстах от этого приказа, они 11 июня 1843 года попали в плен восставшим казахам под руководством Кенесары Касымова. Сибирской администрацией были отправлены письма к брату Кенесары Кошеку Касымову и родоначальнику Байкадаму Сарыкину с просьбой выдать русских пленных. Через некоторое время пленники были возвращены и доставлены в Джергаин-агачское укрепление²⁰⁴⁶. Хотя они и были освобождены, но слабое здоровье В.В. Григорьева не дало ему возможности продолжить путь. Окончательное проведение границы было отложено до весны 1844 года²⁰⁴⁷. По мнению Н.Е. Бекмахановой, окончательное разграничение от горы Майтюбе до оз. Телекуль-Тата было проведено в 1844–1845 гг.²⁰⁴⁸ Но изученные автором архивные материалы свидетельствуют, что в течение с 1843 по 1852 гг. не проводилось разграничения земель между оренбургскими и сибирскими казахами. Разделительная черта осталась такой, какой она была проведена в 1842 году, т. е. от вершины Карын-Салды-Тургая до сопки Майтюбе²⁰⁴⁹.

В топографическом описании Восточной части Оренбургского ведомства, составленным корпуса топографов поручиком Яковлевым 2-м из полуинструментальной съемки и рекогносцировки, произведенных в 1851 и 1852 годах, граница между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств описывается следующим образом: «Пределы киргизов, подведомственных Сибирскому и Оренбургскому пограничным управлениям, отделяются между собою границею, которая проведена от редута Алабужского до вершин р. Алабуги степным и пространством до реки Абугана, озером Денгизкулем, реки Буруктытал, по хребту гор, отделяющему истоки рек Ишима и Тургая, горами Каинды-Чеку, Якши-Арганаты, Сарытау, Сары-Баш, Байкунура и Майтюбе. За

²⁰⁴⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 98. (1844 год). Л. 8.

²⁰⁴⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 4.

²⁰⁴⁸ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана. С. 91.

²⁰⁴⁹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 98. (1844 год). Л. 6 об.; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 121 (1846 год). Л. 7; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 95 (1848 год). Л. 5 об.; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 96. (1849 год). Л. 5 об.

исключением жилых урочищ, по всей черте выставлены довольно большие пирамиды, сделанные из дерна каменника и окопанные рвами»²⁰⁵⁰.

Отголоски разграничения земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств доходили до 60-х годов XIX в. С 15 июня 1864 г. в течение недели работала комиссия, назначенная для разбора взаимных претензий между сибирскими и оренбургскими казахами. Разбирательство и окончательное решение по вопросам проводилось на основе народных обычаев, но два вопроса остались вне их компетенции. Это касалось спора за землю на урочище Джиты-Кыз между оренбургскими и сибирскими казахами. Второе дело было связано со стеснением баганалинцев²⁰⁵¹ Атбасарского округа Актазбадансеитовской волости Сибирского ведомства в зимовках казахами Оренбургского ведомства²⁰⁵². В октябре 1860 года волостной управитель Чигырев обратился в местный окружной приказ с тем, что казахи Оренбургского ведомства племени аргын и кыпчак стесняют казахов рода баганалы, находящихся под его управлением в пользовании урочищами Майтюбе, Бай-Кунгур, Джийдалы, Мулдур, Чубар-Тениз, Киик и Куяк-Карта. В ходе разбирательства выяснилось, что казахи Атбасарского округа, присваивающие себе горные хребты Бай-Кунгур и Май-Тюбе, имеют право пользоваться только незначительной его частью, а именно: логами и оврагами в самом соединении названных хребтов с главной цепью гор, склон же хребтов был весь отрезан границей в область оренбургских казахов. Другие же вышеназванные урочища лежали вне пределов земель Сибирского

²⁰⁵⁰ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 209.

²⁰⁵¹ Баганалинцы – род в составе племени найман Среднего жуза. Как указывалось в тексте, в 1840 году во время проведения границы между сибирскими и оренбургскими казахами было разрешено казахам выбрать по удобству то или другое ведомство. Баганалинцы перешли в Сибирское ведомство в состав Кокчетавского округа. От лица приграничного начальника баганалинцам было послано два пригласительных письма от двух приказов: Аман-Карагайского и Кокчетавского, они сами выбрали последний. В тот же год им были назначены места летних кочевок и зимовые стойбища в пределах сибирской степи. Причина перехода их в Сибирское ведомство была связана с тем, что после восстания Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) произошло значительное опустошение земель на территории Среднего жуза, центра восстания. Многие казахские роды переселились на территорию за р. Чу поэтому, когда часть их вернулась обратно в свои кочевья, баганалинцы были вынуждены вернуться на маршруты кочеванья через оренбургскую степь // 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО – 2. С. 508. В 1841 году отделение кидель кыпчаков кочевало в 264 кибитки // Там же. С. 512.

²⁰⁵² Там же. С. 504.

ведомства. Комиссия решила, что баганалинцы не могут претендовать на владения урочищами Джийдалы, Мулдур, Чубар-Тениз, Киик и Куяк-Карта, также склонами горных хребтов Байконура и Май-Тюбе, отошедшими по разграничению земель в Оренбургское ведомство²⁰⁵³.

Баганалинцы кочевали летом от верховьев Тургаев и направлялись к р. Ишиму. А зиму проводили на Тургаях, затем частью – в окрестностях Улу-тау, частью же в Каракумах. Рядом с ними находились кочевки кыпчаков и табынцев. Баганалинцы после перехода в Сибирское ведомство начали переходить в летнее время в Ишим и располагаться на правом берегу данной реки по 2–3 месяца. Но с переходом их в другое ведомство изменились их маршруты кочевания. В 1845 году возникла Улутауская станица и устроена была дорога от Атбасара до Улутау с расположением многих пикетов по р. Терс-Аккан, а в 1848–1849 годах были введены внутрь Акмолинского округа 4 кыпчакские волости, кочевавшие прежде на правой стороне Иртыша и продвинувшие Алеке-Байдалинскую волость к баганалинцам. Они были вынуждены проходить узкую и маловодную полосу с Ишима на Сары-Ченгир. Стеснение в кочевании баганалинцев привело к тому, что они силой прокладывали путь для летних переходов через земли Оренбургского ведомства. В 1848 году начались столкновения между оренбургскими и сибирскими казаками. Волостным правителям и заседателям от баганалинцев было объявлено, что в случае повторения самовольных переходов баганалинских казахов в оренбургскую степь, они за слабый надзор и неисполнение своих служебных обязанностей будут освобождены от должностей и преданы суду²⁰⁵⁴. Это должно было привести заново к пересмотру границы Оренбургского и Сибирского ведомств. Но этого не случилось²⁰⁵⁵.

Со своей стороны, и казахи Оренбургского ведомства жаловались ежегодно сибирскому начальству, что баганалинцы переходят с их летних кочевок на зимние и обратно по р. Терис-Аккан. Оренбургские казахи считали места по этой реке своими, а баганалинцы уверяли, что пространство, по которому они проходят,

---

²⁰⁵³ Там же.

²⁰⁵⁴ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 11 об.

²⁰⁵⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 95 (1848 год). Л. 5 об.

им принадлежало издревле. Последние, в свою очередь, также обратились к своему сибирскому начальству о возвращении этих земель. Они признались, что во время разграничения земель Оренбургского и Сибирского ведомств сделали подарок родоначальнику племени аргын Язы Янову, находившегося при разграничении земель депутатом со стороны оренбургских казахов. Баганалинцы, думая остаться в Оренбургском ведомстве, просили Я. Янова углубиться в сибирскую степь, чтобы как можно больше земель отрезать оренбургскому ведомству, но, в конечном счете, лишились мест, где находились могилы их дедов и отцов.

Начальники двух ведомств выступили с критикой этого случая, рассматривая ее как выдумку. Сибирские чиновники писали: «Как на проектном плане, так и в натуре граница от брода Карауткуль на р. Убогане проведена по черте разделения вод, принадлежащих, с одной стороны, бассейну Тургаев, а с другой, бассейну р. Ишима, и только в видах учреждения военного поста в Улутау допущено отклонение ее от нормального направления против Улутауских гор, да и то не в пользу оренбургской степи. Следовательно, бий Язы не в состоянии был отвести границы по той простой причине, что не мог изменить течение рек»²⁰⁵⁶. Здесь, по-видимому, кочевники распространив такой слух, хотели скорее всего пересмотра проведения границы.

Каждый из начальников ведомств, высказывая заинтересованность в определенных землях своих подвластных казахских племен и родов, защищает их интересы.

Изыскивая возможности решения устройства пути для перехода казахов баганалинского рода с летних кочевок на зимние стойбища и обратно внутри сибирской степи, сибирское начальство обнаружило в 1864 году, что «ни в канцелярии военного губернатора, ни в областном правлении нет даже

---

²⁰⁵⁶ 1864 г. августа 21. – Рапорт членов комиссии по разбору земельных споров между казахами оренбургского и сибирского ведомств генерал-губернатору Западной Сибири // КРО – 2. С. 509.

удовлетворительной географической карты области»²⁰⁵⁷. Лишь после этого в 1864 году появилась карта разграничения земель казахов двух ведомств²⁰⁵⁸.

Новой институциональной формой для решения взаимных споров, возникших по вопросу территории кочевания между казахами Младшего и Среднего жузов, стал съезд, собиравшийся при посредничестве представителей приграничной администрации Оренбурга и Омска. Центральная власть могла влиять на решение вопросов, не вмешиваясь в них напрямую через Азиатский департамент МИД, представители которого отвечали за правосудие на съезде. Все вопросы с организацией съезда обсуждались и решались в МИД. Целью таких съездов было: прекращение барымты, решение территориальных претензий, водворение в степи тишины и спокойствия²⁰⁵⁹.

В 1841 году при разграничении земель двух ведомств начальники данных ведомств признали нужным сделать по междоусобным претензиям казахов разбирательства на съезде при посредничестве старшин, султанов-правителей и российских чиновников. Основными направлениями конфликта были территориальные претензии, барымта и др. В том же году при Звериноголовской крепости состоялось разбирательство взаимных претензий казахов двух ведомств. С сибирской стороны производил разбирательство исправляющий должность чиновника особых поручений при пограничном начальнике 14 класса А. Сотников, а от Оренбургской пограничной комиссии – коллежский советник Ларионов²⁰⁶⁰. Со стороны казахов участвовали исполняющий должность султана-правителя Восточной части Оренбургского ведомства Шотай Бахтыгереев, а с сибирской стороны – российский заседатель старший султан Чингиз Валиев²⁰⁶¹.

Первоначально планировалось произвести разбор в Пресногорьковской крепости, затем в Аман-Карагае, но коллежский советник Ларионов предложил провести мероприятие в Звериноголовской крепости. На съезде рассматривались претензии казахов друг на друга с 1824 г. по май 1841 г. Как докладывал

---

²⁰⁵⁷ Там же. С. 515.

²⁰⁵⁸ ЦГА РК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

²⁰⁵⁹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 21.

²⁰⁶⁰ Там же. Л. 2.

²⁰⁶¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2201. Л. 2.

Ларионов, разбирательство было закончено в январе 1842 г. с большим успехом²⁰⁶².

В 1846 году генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков вышел с инициативой в МИД о проведении съезда на границе Оренбургской и Сибирской степи для разбора 39 новых дел, возникших после съезда 1841 года между казаками двух ведомств²⁰⁶³. В том же году император одобрил предложение князя П.Д. Горчакова²⁰⁶⁴.

В июле 1846 года для разбирательства претензий между казаками Оренбургского ведомства аргынского и кыпчакского родов и Сибирского ведомства Кокчетавского округа Атагаевских и Караульских волостей прибыл с оренбургской стороны состоящий при председателе ОПК чиновник Азиатского департамента, губернский секретарь Г.Ф. Генс²⁰⁶⁵. Султан-правитель Восточной части Оренбургского ведомства Ахмет Джантюрин был назначен ему помощником. П.Д. Горчаков лично встречался с двумя представителями Оренбургской администрации²⁰⁶⁶. С сибирской стороны прибыли на съезд исправляющий должность асессора пограничного управления сибирскими казаками Сотников, старший султан майор Валиев²⁰⁶⁷.

15 сентября 1846 года Ахмед Джантюрин и губернский секретарь Г.Ф. Генс донесли, что все взаимные претензии между киргизами Оренбургского и Сибирского ведомств окончательно прекращены. В связи с неявкой баганалинцев и казахов некоторых волостей Акмолинского и Куш-Мурунского округов и по причине наступившего осеннего времени (у кочевников в это время начинаются откочевки на зимние стоянки – Г.И.), по общему совещанию сибирских и оренбургских чиновников, с согласия губернатора Западной Сибири

---

²⁰⁶² Там же. Л. 113.

²⁰⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1846 год. Д. 1926. Л. 2, 6.

²⁰⁶⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5027. Л. 19.

²⁰⁶⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 5, 30.

²⁰⁶⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1846 год. Д. 1926. Л. 27.

²⁰⁶⁷ Там же. Л. 27 об.

и пограничного начальства сибирских киргизов, следующее собрание было отложено до июня 1847 года²⁰⁶⁸.

Следующий съезд начался 20 июня 1847 года. Сибирское ведомство представлял генерал-майор Вишнеvский. Председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Ладыженский не прибыл на съезд, в связи с экстренными делами в Оренбурге²⁰⁶⁹. Со стороны Оренбургского ведомства были командированы войсковой старшина Ахмет Джантюрин, попечитель прилинейных киргизов, надворный советник Александрийский, старший переводчик Костромитинов²⁰⁷⁰. А. Джантюрин был назначен председателем собрания со стороны оренбургских казахов²⁰⁷¹. Под его руководством были разрешены все претензии и споры.

26 июня разбирали дела между аргынами Оренбургского ведомства и их однородцами Сибирского ведомства, 28 июня кыпчаков с баганалинцами, 29-го жаппасцев с кушмуруновскими казахами, 30-го числа керейцев с казахами разных волостей²⁰⁷².

В 1849 году были произведены султанами-правителями разбирательства между казахами Средней и Восточной частями Оренбургского ведомства²⁰⁷³. В 1850 и 1851 гг. такая же работа была проведена султанами-правителями между казахами Средней и Западной частей²⁰⁷⁴.

Таким образом, внутреннее административно-территориальное устройство Казахской степи как региона империи было одной из задач по пути организации единого имперского пространства. Возникший после реформ 1822–1824 гг. вопрос о разграничении земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств рассматривался как один из путей имперской интеграции региона.

Введенный кибиточный налог у казахов Младшего жуза и ясак в Сибирском ведомстве показывает, что казахи начали «включаться» в функционирующий

---

²⁰⁶⁸ Там же.

²⁰⁶⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1846 год. Д. 1926. Л. 34.

²⁰⁷⁰ Там же. Л. 36 об.

²⁰⁷¹ Там же. Л. 49 об.

²⁰⁷² Там же. Л. 50.

²⁰⁷³ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 41. Л. 6 об.

²⁰⁷⁴ Там же. Л. 7.

государственный строй. Введение налогов требовало знания не только точного количества коренного населения, но и территории его кочевания. Оренбургский военный губернатор и западносибирский генерал-губернатор рассматривали границы собственности своих подчиненных казахов как гаранты подтверждения права на сбор налогов.

При определении границы казахов двух ведомств возникли споры о приграничных землях. В эти дебаты были вовлечены как представители российской администрации, так и казахи разных социальных групп Оренбургского и Сибирского ведомств.

Разграничение территорий двух ведомств решалось на самых верхах власти. Личные позиции сановников Петербурга, местных начальников региона влияли на процесс проведения границы между землями казахов Младшего и Среднего жузов. Административная граница прошла по рекам, озерам, урочищам, т. е. по природному ландшафту.

Контроль со стороны МИД, Военного министерства, Генштаба позволил главным начальникам окраины решить вопрос безболезненно для пограничной администрации, тогда как местное население начало испытывать нужду в пастбищах в связи с нарушением маршрутов кочевков, установленных их предками. Учитывая родственные связи, казахи Среднего жуза рода аргын, кыпчаки переселились в Оренбургское ведомство, тогда как баганалинцы остались в ведомстве Сибирского начальника.

Данная проблема, впервые возникшая в 1818 году, так и не была разрешена в первой половине XIX в. Возникшие в 30-е годы вопросы нехватки земли для кочевания дошли до 60-х годов XIX в. и стали одной из острых проблем номадов.

ГЛАВА 6 РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ОРЕНБУРГСКИМИ КИРГИЗАМИ» 1844 г.

6.1 Основные статьи и нововведения

Половинчатость, неразработанность реформы 1824 г. потребовала дальнейшего совершенствования законодательной базы по управлению регионом. 14 июня 1844 года был Высочайше утвержден указ о введении в действие «Положения об управлении оренбургскими киргизами» (казахами – Г.И.). Учитывая, что данный закон «есть дело новое и что в ближайшем применении своем оно может встретить необходимость в каких-либо дополнениях или изменениях», он вводился в виде опыта сроком на 5 лет²⁰⁷⁵.

«Положения»²⁰⁷⁶ были составлены МИДом. 8 апреля 1844 г. на заседании Комитета, высочайше утвержденного по делам управления оренбургскими казахами, было окончательно утверждено решение по проекту нового Положения, составленного для управления этой частью Степи²⁰⁷⁷. Затем они были представлены в Сенат и получили одобрение Государственного Совета.

По указу императора на Оренбургскую пограничную комиссию была возложена обязанность в течение пяти лет «озаботиться определением простейших и кратчайших форм производства всяких дел» о казахах Младшего жуза и представить это оренбургскому военному губернатору для сообщения на дальнейшее рассмотрение МИДа. 3 пункт указа велел оренбургскому военному губернатору, не дожидаясь истечения пятилетнего срока, представить свое видение и предложения по изменению положения в МИД²⁰⁷⁸.

---

²⁰⁷⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 56.

²⁰⁷⁶ Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Сб. документов / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1960. С. 216–226.

²⁰⁷⁷ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 51.

²⁰⁷⁸ Указ Е.И.В., самодержца Всероссийского, из Правительствующего Сената. Положение об управлении оренбургскими киргизами. Санкт-Петербург: тип. Journal Saint-Petersburg, 1844. С. 3.

Руководитель МИД К.В. Нессельроде в письме к председателю ОПК М.В. Ладыженскому так определил цели данной реформы: «Во-первых, привести в лучшее устройство самое управление в Орде, не делая, однако же, коренного преобразования, а оставляя тот же порядок, какой до сего был, в главных его основаниях; во-вторых, дать Оренбургской пограничной комиссии (далее – ОПК), заведующей сими киргизами, большие средства для наблюдения за успешнейшим течением всех дел по Пограничному управлению»²⁰⁷⁹.

Общее управление казахами Оренбургского ведомства было сосредоточено в ОПК. Основными новшествами данного «Положения» были: увеличение числа чиновников ОПК и статей ее расходов; к имеющимся трем султанам-правителям предложено прибавить еще четвертого султана-правителя; но МИД представил на рассмотрение оренбургского военного губернатора вопрос: в какой именно части орды должен находиться четвертый султан-правитель с подведомственными ему родами и когда произвести его разделение. Свое мнение оренбургский начальник должен был сообщить после введения реформы²⁰⁸⁰.

На нового председателя ОПК М.В. Ладыженского, ознакомившегося в Азиатском департаменте положением дел в Степи на основании рапортов и дел, хранившихся в архиве ведомства, было возложено не только обстоятельное изучение положения дел в Казахской степи Оренбургского ведомства, но и представление мнения о назначении четвертого султана-правителя в Степь²⁰⁸¹. К этому времени рассматривалось три варианта о местности, где будет образована эта часть. Первым рассматривалась зона Сырдарьи, вторым – назначение особого султана-правителя на Устюрте и соединении под его управление адаевцев и некоторых племен туркмен, третьим – назначение особого правителя казахам, кочующим около вершин Тобола, и создание Верхне-Тобольского отделения²⁰⁸².

Для лучшего контроля за Степью предполагалось увеличить число дистаночных и аульных начальников. Вводился институт попечителей из шести

---

²⁰⁷⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5516а. Л. 103 об.; ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 51 об.

²⁰⁸⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 52–52 об.

²⁰⁸¹ Там же. Л. 6, 8 об.

²⁰⁸² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 9–9 об.

русских чиновников. Это было предложено ранее бывшим военным губернатором генерал-адъютантом В.А. Перовским, который указывал, что «старшины и другие начальники киргизов не могут быть для них достаточными защитниками по всяким делам их и сношениям с линейными жителями и с линейным начальством. С назначением сих попечителей из русских /преимущественно из отставных/ чиновников, можно вообще ожидать гораздо большего порядка по линии»²⁰⁸³.

Следующим нововведением было открытие при ОПК школы для казахских детей, главной целью которой была «подготовка способных и нужных людей для письмоводства в Орде».

На все вышеперечисленные новые статьи расходов по управлению казахами Оренбургского ведомства, а также на разные расходы собственно Пограничной комиссии, выделялось 64454 руб. серебром. Из них 18579 руб. 64 коп. сер. выделялись, как и ранее, из Государственного казначейства, остальные же 45874 руб. 36 коп. сер. МИД предлагал взять из суммы кибиточного сбора с оренбургских казахов²⁰⁸⁴. Проведение новой реформы, увеличение средств Пограничной комиссии должно было проводиться без обременения Государственного казначейства.

Итак, по «Положению» 1844 г. казахи Младшего жуза и часть казахов Среднего жуза, которые перешли под власть оренбургского главного начальника под названием «оренбургские киргизы», состояли в ведении Азиатского департамента МИД, непосредственное правление находилось в руках оренбургского военного губернатора (§ 1, 4)²⁰⁸⁵. Общее управление осуществляла Оренбургская пограничная комиссия, а частное находилось внутри кочевий казахов (§ 3, 5). В состав ОПК входили: председатель, его товарищ (заместитель), четыре советника, четыре заседателя от казахов, канцелярия. При ОПК состояли: врач (в обязанности которого входило наблюдение за состоянием здоровья

²⁰⁸³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 53–53 об.

²⁰⁸⁴ Там же. Л. 54–54 об.

²⁰⁸⁵ Положение об управлении Оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 216–217.

населения Степи), один фельдшер и десять учеников из казахов, которые, пройдя обучение в оренбургском военном госпитале, отправлялись в Степь в качестве оспопрививателей, ветеринар и его помощник (§ 6, 7, 8). При председателе ОПК был один чиновник особых поручений.

Частное управление, как и ранее, было представлено в лице султанов-правителей, дистанчных начальников и начальников аулов. При каждом султане-правителе²⁰⁸⁶ были один помощник, штатный письмоводитель, писец, пять рассыльных, фельдшер для прививания от оспы и казачий отряд из 100 чел. (§ 10, 11, 12, 13). Особое внимание уделялось письмоводителям.

По новому «Положению» 1844 года предполагалось, что дистанчных начальников будет примерно 75 человек (§ 14). Они делились на разряды, число же разрядов и лиц, состоящих в каждом из них, определялось оренбургским военным губернатором по представлению Пограничной комиссии²⁰⁸⁷.

В 1845 г. дистанчных начальников над казахами, кочующими при линии, было 22 по Старой и 5 по Новой линии, и над степными – 24²⁰⁸⁸. Число аульных или местных начальников не определялось. Это зависело от военного губернатора, который должен был определить их количество после предложений Пограничной комиссии (§ 15). Предполагалось, что их будет около 400 человек (§ 19). В 1851 г. аульных начальников было 218 человек²⁰⁸⁹. На жалованье дистанчным начальникам и их письмоводителям, а также на денежные вознаграждения аульным начальникам теперь выделялось 12000 руб. серебром ежегодно²⁰⁹⁰.

Деление на разряды дистанчных начальников признавалось необходимым, но это также было в компетенции оренбургского военного губернатора²⁰⁹¹.

²⁰⁸⁶ По реформе 1824 г. было определено 3 султана-правителя, а во Внутренней Орде еще один. Теперь же по новому «Положению об управлении оренбургскими киргизами» было предусмотрено введение четвертого в Зауральской Орде // РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

²⁰⁸⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 7.

²⁰⁸⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 19.

²⁰⁸⁹ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 25. Л. 2 об.

²⁰⁹⁰ Генс Г.Ф. Из краткого обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. // История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 1. Алматы: Изд-во LEM, 2011. С. 87.

²⁰⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 7 об.

Как и ранее по реформе 1824 года, начальникам аулов жалованье не полагалось, но за усердную службу они могли рассчитывать по представлению ОПК на денежные награды²⁰⁹².

Как говорилось выше, нововведением реформы было учреждение школы для казахских детей, главной целью которой была подготовка писемоводителей для частного управления (§ 17). Был определен штат школы: надзиратель, два учителя и учитель законов «магометанского исповедания».

Новшеством также было и то, что вводился институт попечителей. Ранее по реформе 1824 года защита интересов кочевников-казахов была прерогативой местных старшин. «Для заступления за киргизов (казахов – Г.И.), при линии находящихся, по делам их с линейными жителями, назначается к ним шесть попечителей из русских чиновников, преимущественно из отставных военных. Сии попечители распределены будут по усмотрению Пограничной комиссии, с утверждения оренбургского военного губернатора», – говорилось в «Положении»²⁰⁹³.

Реформа четко показала порядок определения и увольнения чинов, степень власти, порядок подчинения. Председатель ОПК определялся и увольнялся императором по представлению МИД; товарищ председателя назначался МИДом; советники ОПК – оренбургским военным губернатором по согласованию с МИДом; чиновник для особых поручений, заседатели из казахов, секретари канцелярии и врач ОПК, помощники султанов-правителей, надзиратель школы для казахских детей – по представлению председателя ОПК назначались военным губернатором (§ 20–23). Остальные чины общего и частного управления определялись ОПК, и об их назначении доводили до военного губернатора (§ 24). Чиновники ОПК носили мундир МИД (§ 26).

²⁰⁹²Одному только местному начальнику против Ново-Петровского укрепления Баймухамеду Маяеву, по предложению оренбургского военного губернатора, с 1 апреля 1851 г. производилось содержание наравне с дистанционными начальниками 1-го разряда. Это объяснялось его усердием, преданностью и важностью данного укрепления // РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 25. Л. 2 об.

²⁰⁹³ Положение об управлении Оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 218.

Оренбургский военный губернатор был главным начальником края и руководствовался наставлениями МИД. Все проекты, положения, новые предложения по вопросам управления оренбургскими казаками и их землями оренбургский военный губернатор должен был вносить в МИД, а последнее докладывало императору (§ 27, 28). Председатель ОПК находился под непосредственным начальством оренбургского военного губернатора. Председатель все вопросы, касающиеся управления казаками Оренбургского ведомства, решал коллегиально в Пограничной комиссии (§ 29, 30). Пограничная комиссия представляла собой государственный орган, который соединил в себе власть и обязанности губернского правления, казенной палаты, палаты государственных имуществ, гражданского и уголовного судов.

ОПК к оренбургскому военному губернатору, в Азиатский департамент входила с представлениями и донесениями; с равными ей губернскими присутственными местами переписывалась отношениями, с уездными начальниками в делопроизводстве применялись такие виды документов как донесения и представления, от частных линейных казачьих начальников получала рапорты (§ 35).

Все лица частного управления подчинялись непосредственно Пограничной комиссии (§37). Представителям частного управления ОПК посылала предписания, а получала в качестве ответа документы в форме донесения (§ 38).

Реформа 1844 г. предусматривала три типа судов для местного населения: военный, суд Пограничной комиссии и народный суд. Казахов Оренбургского ведомства по делам в измене, убийстве, разбоях, барымте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судили военным судом (§ 56). Уголовный суд производился по предварительному следствию. Для производства следствий в степи по перечисленным выше преступлениям комиссия по своему усмотрению могла командировать своих чиновников (§ 71, 72).

За воровство-кражу, воровство-мошенничество у прилинейных и других жителей свыше 20 руб. сер., кормчество, насилие всякого рода и тайный переход

через линию казахов судили в Пограничной комиссии гражданским уголовным судом, на основании общих законов (§ 57). Иски между казахами, превышающие 50 руб. сер., также решались в комиссии по государственным законам (§ 58). По всем другим маловажным преступлениям и по искам ниже 50 руб. сер. казахи могли производить судопроизводство на основе народного суда, по обычаям (§ 59). Народный суд мог определить следующие виды наказания: отдача под надзор; заключение под стражу; возмещение убытков; публичная временная работа; телесное наказание розгами. По более важным преступлениям к виновнику могли быть применены следующие виды наказания: отдача в солдаты по приговору казахского общества и ссылка в Сибирь на поселение. Но эти два вида наказания могли приводиться в исполнение после утверждения его оренбургским военным губернатором (§78)²⁰⁹⁴.

По желанию казахов, дела такого рода, как указанные в § 58, могли рассматриваться словесным мировым судом при Пограничной комиссии. Данный вид суда составляли: один из казахских заседателей в Пограничной комиссии и посредники, избираемые самими тяжущимися. Решение суда сразу же приводилось в исполнение, жалобы на решения данного типа суда нигде не принимались (§ 59, 60, 61, 63). Словесному суду могли также обращаться казахи в случае недовольства решением народного суда по делам, указанным в § 59. Им предоставлялось право приносить словесные жалобы в ОПК (§ 65). По маловажным поступкам, кражам ниже 20 руб. сер. и искам ниже 50 руб. сер. Пограничная комиссия принимала словесные жалобы казахов как на своих соплеменников, так и на посторонних людей, и обратно (§ 66)²⁰⁹⁵.

Следующим пунктом, который четко регулировал виды налогов, собираемых с казахов, был VIII раздел о «Доходах и отчетности». Собиралось три вида налогов: 1) плакатный сбор. Он представлял собой вид налога, который собирался на линии начальниками станиц за билеты, выдаваемые казахам, нанимающимся в работники к линейным и внутренним жителям, вне степи в

---

²⁰⁹⁴ Положение об управлении Оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 224.

²⁰⁹⁵ Там же. С. 223.

размере 15 коп. сер. в месяц. Эта сумма доставлялась по почте через полковые правления Оренбургского и дистанционные управления Уральского войска в Пограничную комиссию. Плакатный сбор причислялся к капиталу Оренбургского Неплюевского военного училища, который состоял в ведении департамента Военных поселений Военного министерства. Пограничная комиссия каждые 4 месяца собранные деньги передавала в Военное ведомство (§ 79, 80, 83). 2) Сбор штрафных денег за просрочку билетов, составлял по 30 коп. сер. за каждый месяц. Штрафные деньги ранее употреблялись на изготовление билетов различных канцелярских бланков, а теперь согласно «Положению» сумма поступала в пенсионный капитал (§ 81). 3) Кибиточный сбор собирался с каждой кибитки по 1 руб. 50 коп. сер. в год (§ 79). Он находился в исключительном ведении Азиатского департамента МИД, и расходы с него производились с разрешения императора, по докладу МИД. Пограничная комиссия отчитывалась за сбор кибиточной подати перед Азиатским департаментом МИД (§ 82, 98). Кибиточный сбор собирался начальниками аулов, дистанционными начальниками и доставлялся в Пограничную комиссию.

Казахи, заплатившие налог, получали квитанцию. Она представляла собой печатный бланк с номером²⁰⁹⁶ на русском и татарском языках (т.е. чагатайским – единым литературным языком для всех тюркских народов), подписанный одним из советников, с приложением печати комиссии. Дистанционные и аульные начальники на выдаваемых казахам квитанциях записывали род, отделение, имя и фамилия плательщика, указывали внесенную сумму и с какого числа кибиток сделан взнос денег. Все это записывалось в шнуровые книги. В случае потери квитанции казахи объявляли об этом своему начальнику, который, сделав запись в шнуровой книге, выдавал копию квитанции. Шнуровые книги по истечении года представлялись в Пограничную комиссию для ревизии (§ 84, 86, 87, 88, 89)²⁰⁹⁷. Султаны-правители должны были строго наблюдать за ходом сбора кибиточного налога, чтобы не было притеснений и злоупотреблений (§ 85).

²⁰⁹⁶ Каждая квитанция имела порядковый номер и записывалась в особую шнуровую книгу при ОПК.

²⁰⁹⁷ Положение об управлении Оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 224–225.

Новшеством данной реформы было создание пенсионного капитала. Он предназначался на пенсии и единовременные пособия казахам, оказавшим услуги и особенную преданность государству. Пенсия, сумма которой не превышала 150 руб. сер., и единовременные пособия не выше 300 руб. сер. на одно лицо определялись военным губернатором по предварительному соглашению с МИДом. Пенсии и пособия выше указанных сумм, выдавались с разрешения императора по ходатайству МИД (§94, 95). По новому «Положению» сохранилась выдача пенсий и пособий: 1) семейству султана Арынгазы – 1000 руб. сер.; 2) султану Ильджану Абулгазиеву – 300 руб.; 3) старшине Нарынбаю Джанжигитову – 60 руб.; 4) султану Тауке Айшуакову – 100 руб.; 5) султану Юсуфу Нуралиеву – 200 руб.; 6) хану Шергазы Айшуакову – 857 руб. 10 коп. сер.²⁰⁹⁸

Кандидатуры султанов-правителей представлял председатель ОПК оренбургскому военному губернатору, который в свою очередь их назначение согласовывал с МИДом (§ 22)²⁰⁹⁹. Главной обязанностью султанов-правителей, подчиненных им дистанчных и аульных начальников оставался надзор за поведением казахов, содержание их в порядке, в верности империи, собрание сведений о народонаселении, числе кибиток, скота, исполнение предписаний ОПК. В «Положении» 1844 г. были доработаны обязанности султанов-правителей, ставился вопрос пересмотра деления дистанций и т.д. Инвеститурные знаки потеряли свое значение.

В реализации новой реформы сыграли важную роль чиновники ОПК. 3 мая 1844 г. был назначен новый председатель ОПК. Им стал дворянин Смоленской губернии, выпускник Московского училища колонновожатых, исправлявший с 1840 г. должность тобольского гражданского губернатора Михаил Васильевич Ладыженский, который уже имел опыт работы в Казахской степи²¹⁰⁰.

²⁰⁹⁸ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 373. Л. 13 об.

²⁰⁹⁹ Положение об управлении Оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 218.

²¹⁰⁰ После окончания Московского училища колонновожатых произведен в прапорщики 12 марта 1820 г. в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. 23 июня 1821 г. произведен в подпоручики, а 25 марта 1823 г. – в поручики. В июле 1825 г. переведен в канцелярию генерал-квартирмейстера Главного штаба. Участвовал в составлении карт Валахии, Болгарии и Румынии. В ноябре 1828 г. произведен в капитаны, а в сентябре 1829 г. – в подполковники. В январе 1833 г. произведен в полковники за сопровождение

В 1845 г. М.В. Ладыженский, проработав более года в должности председателя ОПК и участвуя в реализации «Положения», выделил несколько «Замечаний», высказав ряд замечаний по улучшению положения в Казахской степи. Одним из сложных вопросов оставался контроль над степным пространством и ее населением. Для наблюдения за степью и установления спокойствия, прекращения барымты он предлагал отправлять каждое лето султанов-правителей с состоящими при них двухсотенными отрядами в глубину степи. Он высказался о необходимости, чтобы состоящие при султанах-правителях отряды были всегда в полной готовности, имели одно орудие и были снабжены всем необходимым, «для укрытия от непогоды и зноя палатками или джуламейками»²¹⁰¹. Он предлагал выделять этим отрядам на содержание деньги наравне с выделявшейся суммы для поимки руководителя восстания 1837–1847 гг. Кенесары Касымова. Сумма должна была покрываться за счет кибиточного налога с кочевников²¹⁰².

С 1845 г. султаны-правители по решению оренбургского военного губернатора начали передвижение по степи. Данный опыт дал положительные результаты. В отчете ОПК за 1849 год говорится: «Киргизы (казахи – Г.И.), опасаясь присутствия в орде военной силы, не всегда решаются на преступления, а разбор, производимый султанами-правителями при подобных передвижениях, многочисленных родовых претензий и частных исков прежнего времени

духовной миссии в Пекин и возвращавшейся в Россию миссии. Михаил Васильевич Ладыженский прослужил долгое время в Казахской степи. В апреле 1838 г. назначен офицером для особых поручений при командире Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанте князе П.Д. Горчакове. 23 июля 1838 г. назначен исправляющим должность пограничного начальника сибирских казахов. 18 июля 1840 г. из полковников переименован в статские советники с назначением исправляющим должность тобольского гражданского губернатора, 3 мая 1844 г. произведен в генерал-майоры с назначением председателем ОПК. 26 декабря 1853 г. назначен оренбургским комендантом. В апреле 1858 г. назначен для особых поручений к командиру Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютанту А.А. Катенину, в августе того же года произведен в генерал-лейтенанты. В 1862–1863 гг. исправлял должность оренбургского и самарского генерал-губернатора в связи с отсутствием генерал-адъютанта А.П. Безака. 1 мая 1863 г. назначен управляющим областью оренбургских казахов // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2813. Л. 166 – 175 об.

²¹⁰¹ Джуламейка (по казахски жол уй) – это казахская юрта в миниатюре. Уральские казаки ее называли шатер, кибитка. Джуламейка широко использовалась российской армией в походных условиях в казахской степи.

²¹⁰² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 16–16 об.

искореняет, заметно, баранту и кровную месть, два гибельнейших по своим последствиям начала всякого беспорядка в орде»²¹⁰³.

МИД в 1848 году одобрил данный опыт и исходатайствовал, чтобы «часть потребной ежегодно на наем верблюдов для поднятия тяжестей и продовольствия отрядов султанов-правителей суммы 2875 руб. сер. отнесены были на остатки от ассигнуемых, 6573 руб. 85 ½ коп. [из денег выделенных на] улучшенное довольство отрядов, 1500 руб. сер. в год, пополнять из кибиточного сбора»²¹⁰⁴.

Еще одним мероприятием, где решались претензии казахских родов друг к другу, был съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов. Данная мера также была предложена чиновниками Пограничной комиссии оренбургскому военному губернатору и МИД с представления султанов-правителей. В 1849 году правителям Средней и Восточной частей было разрешено на границе разобрать претензии казахов родов шомекей и торткара и принять решительные меры к разбору всех возникших на них до того претензий со стороны других родов, не приступая лишь к окончанию дел по убийствам, грабежам и барымте. В конце 1849 г. султаны-правители Ахмед Джантюрин (Восточная часть) и Араслан Джантюрин (Средняя часть) донесли о прекращении множества дел по претензиям казахов двух частей друг к другу²¹⁰⁵.

Управляющему Западной частью М. Тяукину было поручено заняться соглашением казахов рода адай, кете и других с издавна враждующими между собою родами. Для оказания ему помощи был отправлен состоящий при председателе ОПК чиновник особых поручений Ф.М. Лазаревский²¹⁰⁶.

По результатам донесений султанов-правителей выяснилось, что невозможно потребовать выдачи из степи для предания суду лиц, виновных в проведении междоусобной барымты, так как в этом участвовали большею частью целые отделения и роды. М. Ладыженский предложил военному губернатору рассмотреть вопрос о предоставлении султанам-правителям и старейшинам

²¹⁰³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 16 об.

²¹⁰⁴ Там же. Л. 17.

²¹⁰⁵ Там же. Л. 18 об.

²¹⁰⁶ Там же. Л. 17–17 об.

претендующих сторон все начавшиеся с 1832 года по 22 июня 1849 года дела об убийствах, барымте, грабежах, воровстве и исках разного рода во всех трех частях орды. Он предлагал закончить эти дела на тех же основаниях, на каких Высочайше было разрешено в 1846 году произвести разбирательства обоюдных споров у оренбургских казахов с сибирскими соплеменниками, освободив и виновников преступлений от дальнейшего преследования судом. Было получено разрешение МИД, и летом следующего года прошел съезд почетнейших биев и старшин враждующих родов во главе с султанами-правителями²¹⁰⁷.

Вопрос разрешения споров и претензий казахских родов к казахам рода адай, и наоборот, оставался открытым в течение многих лет. Это объяснялось отдаленностью кочевий адаевцев, неповиновением их местному начальнику и отказом явиться к управляющему частью для окончания вражды с другими родами. По показанию биев обеих сторон, «вражда эта продолжалась, как например, с алимцами (алимулы – Г.И.), более 60 лет»²¹⁰⁸. В разрешении этого вопроса большого успеха достиг съезд почетнейших биев и старшин, проходивший в 1850 г. Султан-правитель Западной части М.-Г. Тяукин направил к адаевцам для убеждения их явиться к соглашению султана Асфендияр Сюгалина. Ему, как «человеку с сильным и стойким характером, обладающему даром слова и весьма уважаемому в Орде», удалось убедить явиться на этот съезд 12 почетных биев и более 200 адаевцев. В присутствии этих биев и многих почетнейших ордынцев враждующих сторон султаны-правители, открыв заседание, добились решения, по которому казахи родов адай и шекти решили прекратить взаимные иски²¹⁰⁹.

Проведение следствия, суда на основе казахского обычного права было одним из главных направлений региональной политики империи в Казахской степи Оренбургского ведомства.

Особое внимание уделялось письмоводителям, так как в период проведения реформы 1844 г. из трех султанов-правителей только один Ахмет Джантюрин

²¹⁰⁷ Там же. Л. 17 об.–18.

²¹⁰⁸ Там же. Л. 19.

²¹⁰⁹ Там же. Л. 74 об.

хорошо говорил и писал по-русски, султан-правитель Средней части Арыслан Джантюрин вовсе не знал грамоты, правитель Западной части Баймухаммед Айшуаков читал по-татарски²¹¹⁰. Как указывал председатель ОПК, «как письмоводители, так и самые правители (имеются в виду султаны-правители трех частей – Г.И.) весьма затруднены в производстве дел, не имея при канцеляриях своих переводчиков, хотя Комиссия важнейшие свои распоряжения отсылает на двух языках, но это мало их облегчает по невозможности передать своей мысли письмоводителю, не знающему киргизского разговора. Это поставляет в необходимость прибегать для перевода своих слов к знающим кое-как татарскую и русскую грамоту или простым киргизам или казакам, которые часто искажают переводимое и, разумеется, толкуют по-своему о том, что узнали из бумаги, содержание которой не должно бы быть известно посторонним»²¹¹¹. Для решения данного вопроса он предлагал назначить в канцелярии султанов-правителей по одному переводчику из числа детей казаков, выпускников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса.

Рассуждая о статье «Положения» 1844 г. о фельдшерах из казахов при султанах-правителях, М. Ладыженский сообщал, что при султানে-правителе Восточной части есть фельдшер, который был «одобрен» врачом Комиссии и получил «словесное и письменное наставление». В связи с необходимостью в Среднюю часть был отправлен фельдшер из казахов, а в Западной части таковой отсутствовал²¹¹². Оспопрививание не было проведено в 1845 году, и вопрос подготовки фельдшеров оставался актуальным.

По «Положению об управлении оренбургскими киргизами (казахами)» от 14 июня 1844 года ОПК вменялось «озаботиться собранием и приведением в порядок киргизских обычаев, имеющих в орде силу закона, дабы составить из оных род особого свода для руководства при производстве и решении тех дел, которые должны разбираться и судиться на основании сих народных обычаев». Согласно 64 параграфу «Положения» данный свод должен был быть представлен

---

²¹¹⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 16 об.

²¹¹¹ Там же. Л. 17–18.

²¹¹² Там же. Л. 18 об–19.

на рассмотрение и утверждение правительству²¹¹³. Для реализации данной статьи закона председатель Пограничной комиссии М.В. Ладыженский распорядился с наступлением лета командировать чиновников особых поручений комиссии в степь. Пограничная комиссия предварительно циркулярами предписала пяти попечителям, чиновникам, находящимся в Уральском и Оренбургском укреплениях, чиновникам для производства следствий и переводчикам, находящимся среди казахов, к 1 апреля собрать и представить М.В. Ладыженскому замечания на составленную программу ОПК по данному вопросу. Программа требовала обратить внимание на то, чтобы собиратели казахских обычаев указывали, «чем отличаются в своих обычаях и обрядах одни казахские роды и племена от других, а также кто из биев в тех родах более уважаем, более ответственный»²¹¹⁴.

Для осуществления данного пункта «Положения» был отправлен в казахскую степь чиновник ОПК Л.И. д'Андре. С 13 июля по 21 сентября 1846 года он был командирован в Западную и Среднюю части Оренбургского ведомства. В этот период он записал материалы по казахскому обычному праву при личной встрече со степными судьями – биями²¹¹⁵. 3 ноября 1846 г. д'Андре представил в ОПК свой вариант свода обычного права, но его труд был раскритикован и назван «вздором»²¹¹⁶.

Б. Айшуаков, Ахмет Джантюрин как знатоки степных законов, известные интерпретаторы степных обычаев выступили информаторами чиновника ОПК, участвовали в сборе и систематизации обычного права казахов.

В связи со смертью д'Андре это дело было поручено далее чиновнику особых поручений Ф. Лазаревскому, а с 1849 года с разрешения оренбургского военного губернатора в Восточную часть Орды был командирован переводчик Азиатского департамента, знаток казахского языка, профессиональный

²¹¹³ Положение об управлении оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 223.

²¹¹⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 36.

²¹¹⁵ Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948. С. 119–150.

²¹¹⁶ Подробнее см.: Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в казахской степи // *Ab imperio*. 2015. № 2. С. 80.

востоковед И.Я. Осмоловский. Ему предлагалось все лето провести в этой части Орды, проверить сведения, собранные Л.И. д'Андре, дополнить, исправить их недостатки. И.Я. Осмоловский, вернувшись в Оренбург в конце года, занялся обработкой информации. Для большей точности и определенности фактов ему поручили следовать в Западную и Среднюю части. Всем султанам-правителям как знающим, опытным представителям казахского народа было предписано сообщить в Пограничную комиссию сведения о народных обычаях, т.е. о казахском обычном праве. В июне 1848 года это сделал только Ахмет Джантюрин²¹¹⁷.

В целом Ефим Яковлевич (Иосиф Иоакимович) Осмоловский (1820–1862) посвятил сбору, обработке, изучению казахского обычного права несколько лет. В 1849–1850 гг. он совершил поездки к казахам Зауральской и Букеевской Орды, затем работал над сверкой и систематизацией материалов. В ноябре 1850 г. востоковед сразу же приступил к подготовке сборника, редакция которого сохранилась под названием «Киргизские обычаи, имеющие в Орде силу закона»²¹¹⁸. В 1852 г. Осмоловскому представилась возможность отправиться вглубь Казахской степи к границам среднеазиатских ханств, здесь он собрал, видимо, материал по обычаям присырдарьинских казахов²¹¹⁹. Но автору так и не удалось опубликовать свой труд. Данный труд его сохранился в фонде В. Григорьева в РГИА.

«Положение» 1844 г. вменяло султанам-правителям в неперемнную обязанность строго соблюдать за правильным взиманием кибиточного сбора (§ 85). М.В. Ладыженский сообщает нам информацию о времени и о самом процессе сбора кибиточного налога. Итак, сбор с казахов денег за кочевание производился в два срока, с прилинейных казахов – в зимнее время с декабря по март, а со степных – с июня по август. Первые приходили к линии и располагались у станиц и форпостов на зимовку, а последние, зимующие в дальнем расстоянии от линии, с началом весны начинали приближаться к линии,

²¹¹⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 9 об.

²¹¹⁸ Сартори П., Шаблей П. Судьба имперских кодификационных проектов. С. 86.

²¹¹⁹ Там же. С. 85.

и в июне подходили на расстояние 100 и даже 75 верст, располагаясь по речкам, притокам и озерам.

В первом случае в декабре через посланцев рассылались всем дистаночным и местным начальникам печатные циркулярные предписания на двух языках, излагающие ясно и подробно возлагаемые на них обязанности по кибиточному сбору с приложением нужного количества печатных квитанций на двух языках и для их записи шнуровых книг. Султанам-правителям сообщалось об этом и предписывалось через доверенных и испытанных кочевников наблюдать за правильностью этого сбора.

Но до отсылки всей этой финансовой документации Пограничная комиссия собирала от всех станичных и форпостных начальников рапорты с указанием, сколько прикочевало на зимовку к станицам, укреплениям, форпостам казахских кибиток, с обозначением числа населения, пола, числа разного скота. Как пишет М.В. Ладыженский, обычно линейные начальники показывают меньшее количество кибиток против того количества, с которого местные или аульные начальники представляют в комиссию собранные ими деньги за кочевание. Комиссия после получения денег и ведомости наводит справку, сколько в прошлом году кочевало против тех же форпостов или станиц казахских кибиток. Если в настоящем году окажется в представлении их менее, то требует дополнительного взыскания. Пограничная комиссия давала предписание, чтобы сбор денег был по сумме не больше предыдущего года. Кроме этого, посылались для проверки численности кибиток казахские заседатели.

Вопрос открытия школы для казахских детей при Оренбургской Пограничной комиссии оставался еще не решенным. Это было связано с тем, что в Оренбурге лес свободно не продавался, т.е. не было в наличии материала для отделки дома. К весне 1845 г. из штата школы был определен только надзиратель, на которого было возложено наблюдение за работами по отделке дома для школы, также дома и для Пограничной комиссии. Он же составлял смету на заготовление

всего необходимого к открытию и содержанию школы²¹²⁰. По мнению чиновника особых поручений при председателе ОПК Ф.М. Лазаревского, «учреждением киргизской (казахской – Г.Б.) школы положена прочная ступень к этому, от мальчиков, которые из нее выйдут, должно ожидать в будущем многого для степи»²¹²¹. Школа для казахских детей при ОПК была открыта 22 августа 1850 г., и это было большой заслугой М. Ладыженского. С 1850 по 1868 гг. в данной школе получили образование 48 казахских мальчиков.

По вопросу наблюдения за законностью действий лиц, составляющих частное казахское управление, М.В. Ладыженский сообщал, что по данному вопросу ведется работа и что наблюдение поручалось командируемым чиновникам для следствий, чиновникам особых поручений. Так, например, смотреть за действиями султанов-правителей Средней и Восточной частей было поручено Генсу, который целое лето, находясь в степи, лично встречался с султанами-правителями, старшинами и т.д. За действиями султана-правителя Западной части было поручено наблюдать поручику Аитову, попечителю Долгову, переводчику Первухину и хорунжему Китеченкову. Для ревизии дел султана-правителя Средней части был командирован чиновник ОПК Пилинский²¹²².

Служба чиновников Пограничной комиссии была опасной. Так, например, чиновник особых поручений Лев д'Андре и Дмитрий Генс (сын Г.Ф. Генса) скончались после заражения холерой в степи. Нередко чиновники попадали в плен казахам. Так, например, в 1843 г. губернский секретарь В. Григорьев во время отправки в степь для проведения границы между Оренбургским ведомством и Сибирским попал в плен к восставшим казахам под руководством К. Касымова.

Внимание председателя было также устремлено на выполнение § 43, 44 «Положения», которые требовали надзор за содержанием арестантов и еженедельное посещение тюрем товарищем председателя, осмотра чиновниками

²¹²⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 25.

²¹²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 г. Д. 222. Л. 11 об.

²¹²² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 26 об – 27.

Пограничной комиссии два раза в год по линии тюрем или арестантских изб, в которых содержались казахи. За неимением товарища М.В. Ладыженский поручил своему советнику Бикмаеву посещение тюремного замка, а ежедневный контроль был поручен бывшему в остроге²¹²³ доктору Пограничной комиссии Майделю²¹²⁴, который ежедневно сообщал председателю о заболевших арестантах, даже о том, какая пища представлялась арестантам. Посещение тюрем и арестантских изб на линии возлагалось на чиновников комиссии, посылаемых по делам службы, на попечителей, советника комиссии Каминского и переводчика Первухина. О замеченных ими неисправностях было сообщено наказным атаманам, а чтобы дела арестантов быстро решались, комиссия требовала от следователей через две недели отчеты об их действиях. Также Пограничная комиссия исходатайствовала у оренбургского военного губернатора разрешение попечителям брать арестантские дела для личного просмотра. Попечители рассматривали дела, которые затянулись по разбору линейными начальниками. Для быстрого расследования дел М.В. Ладыженский предлагал пятерых чиновников, определенных по штату для производства следствий, переименовать в младших помощников, с определением к ним шестого, а также определить шесть старшин с приличным содержанием на помощь попечителям²¹²⁵.

После введения «Положения об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. дистанции были образованы по всей Степи, включая отдаленные казахские аулы. В 1847 году генерал от инфантерии В. Обручев утвердил «расписание» жалованья дистанционных начальников. Согласно данному

²¹²³ В XVIII – XIX веках словом «острог» называли тюрьму, обнесенную стеной.

²¹²⁴ Майдель Петр-Фридрих Астафьевич (1819–1884) – доктор медицины, врач Оренбургской Пограничной комиссии. Он происходил из беспоместных дворян. В 1843 г. после окончания курса медицинских наук в Дерптском университете был определен младшим лекарем в войсковую врачебную управу Оренбургского казачьего войска. В том же году по его прошению переведен в штат Оренбургской Пограничной комиссии на вакантную должность врача. Он изучил болезни, бытовавшие в степи, и нашел способы их лечения. В 1848 г. во время холеры в Оренбурге лечил и бедняков, и недостаточно обеспеченных людей за свой счет. В 1849 г. сдал в Дерптском университете экзамены на степень доктора медицины и был утвержден в этом звании. В том же году получил чин коллежского асессора // ГАОО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17; Ф. 222. Оп. 1. Д. 30.; Ф. 6. Оп. 6. Д. 11812.

²¹²⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 27 об., 31 об.

распоряжению дистанции были разделены на три разряда. К 1 разряду относились те, которые имели под управлением более 1000 кибиток, ко 2-му – с населением от 500 до 1000 кибиток, к 3-му – где число кибиток не переходит за 500²¹²⁶. Как сообщает Л. Мейер, в Степи было образовано 54 дистанции, разделенные на три разряда. В 1-й разряд входило 14 дистанций, начальник каждой получал по 75 руб. в год жалованья и 30 руб. на наем письмоводителя; во 2-й разряд было определено 13 дистанций, где начальнику было назначено жалованье 50 руб., а на письмоводителя 25 руб.; в 3-й разряд входило 27 дистанций, где начальники получали жалованье 30 руб., а на письмоводителя 20 руб. Весь расход ежегодно предполагал 3660 руб. серебром²¹²⁷. Исключение из этого правила составляли 53-я и 54-я дистанции около Уральского и Оренбургского укрепления, начальникам которых из-за обширности дистанций было назначено жалованье по 125 руб. и 50 руб. на наем письмоводителей. В. Григорьев приводит другие данные²¹²⁸.

Организация дистанции осуществлялась на основе территориальной определенности населения. Смещение родовых групп произошло в особенно значительных размерах в прилинейных дистанциях.

М.В. Ладыженский обратил внимание на то, что большая часть дистанционных начальников не соответствует своему назначению, решительно уклоняясь от исполнения распоряжений султанов-правителей. Это объяснялось как географической отдаленностью начальников, так и тем, что они не имели никакого влияния на кочевников. Он сообщает, что независимо от дистанционных начальников в каждой части над степными казахами, не включенными в дистанции, были еще управляющие отделениями, родами и племенами. Так, например, в 1845 г. в Средней части таких управляющих было – 3, в Восточной – 6, в Западной – 1. Из них важнейшими в Средней части он называет управляющего родом жагалбайлы, кочующего между Старой и Новой линиями султана Мирхайдара Темирова. В Восточной части, по его мнению, управляющий

²¹²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 1 об.

²¹²⁷ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. С. 69.

²¹²⁸ По данным В. Григорьева, в 1847 г. в Орде было 15 дистанций 1-го разряда, 14 дистанций 2-го разряда, 28 дистанций 3-го разряда // РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 25. Л. 5.

родом жогары шекти, племени аргын бий Чигень Мусин; рода томенги шекти бий Бигень Язов; управляющий родом жаппас Баялий Мухамедгалиев, а в Западной части управляющий родом адай бий Ильджан Абызов являлись наиболее уважаемыми казахами правителями²¹²⁹.

М.В. Ладыженский отмечал, что влияние на отдаленные казахские роды султанов-правителей и самой Пограничной комиссии ничтожно. Это объяснялось тем, что ставка правителей частей находилась почти у линии, а султаны-правители были неподвижны, не выезжали часто в степь. Во-вторых, во время восстания под руководством К. Касымова отдаленные казахские аулы попали под влияние Кенесары и его сардарбеков. В-третьих, хивинцы часто совершали опустошительные набеги, грабя аулы и захватывая в рабство население.

В 1845 г. были образованы новые дистанции в районе Уральского и Оренбургского укреплений²¹³⁰. По данным местных начальников, в зиму 1845–1846 гг. здесь кочевало до 7 тыс. кибиток. М.В. Ладыженский сообщал также, что пользуясь пребыванием летом в глубине степи султанов-правителей, имеет желание открыть в Западной и Средней частях еще несколько дистанций и местных начальств по р. Хобда, Уил, Сагыз, Эмба, Орь, а также впадающим в них речкам и озерам, где преимущественно кочевало значительное количество степных казахов²¹³¹.

Для разделения дистанций на разряды Пограничная комиссия собрала мнения султанов-правителей и «другими путями» подробные сведения. Так как с распределением также было связано назначение жалованья дистанционным начальникам, это требовало более глубокого изучения проблемы. Как сообщали чиновники ОПК, так как «нужные сведения уже собраны, Комиссия находится в возможности заняться им немедленно», начав с прилинейных казахов.

²¹²⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 19 об. – 20 об.

²¹³⁰ В 1845 г. были построены два укрепления – Уральское на р. Иргиз и Оренбургское на р. Тургай. В 1847 г. в низовьях Сырдарьи было построено Раимское укрепление, а в 1848 г. между Уральским укреплением и Орской крепостью – форт Карабутак. Ново-Александровское было переименовано в Ново-Петровское и перенесено в 1846 г. на Мангышлак.

²¹³¹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 21 об.–22.

М.В. Ладыженский дает интересное определение термину «местные начальники». По его мнению: «местные начальники (название действительно уже укоренившееся) наименованы аульными, но первое, кажется, более выражает их обязанности, потому что они заведывают по всем делам киргизов, какого бы они рода и племени не были – прикочевывающим к границе, пространству земель, лежащих около станицы, форпоста или крепости, невзирая на количество их. Под аулом же разумеется от 5 до 15 кибиток вместе кочующих»²¹³².

17 июня 1845 г. председатель ОПК генерал-майор М.В. Ладыженский представил оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву новую инструкцию для местных казахских начальников. Как объяснял председатель, «Положение» 1844 г. внесло изменения в управление казахами Оренбургского ведомства, дополнения и уточнения в судопроизводство в Орде, поэтому потребовалось внести изменения и в инструкцию для местных начальников²¹³³. Автор отмечает также три причины, повлиявшие на возникновение данного документа. «Во-первых, с 1831 года значительно изменились взаимные отношения линейных жителей и казахов, а с тем вместе и начальства их одного к другому. Во-вторых, после 1831 года был введен новый сбор за кочевание²¹³⁴. В-третьих, в инструкции, утвержденной в 1831 году графом Сухтеленем, в разных пунктах повторяются одни и те же правила, которые бесполезно утомляют внимание и память того, кто обязан знать эту инструкцию», – писал председатель Оренбургской пограничной комиссии²¹³⁵.

Для того чтобы новая инструкция была краткой и ясной, для аульных старшин были исключены повторения, новые обязанности были выделены в новые пункты. Она состояла из 23 пунктов, вместо 36 пунктов в 1831 г. Инструкция была введена 26 февраля 1846 года²¹³⁶.

Главной обязанностью местных начальников было: управление всеми кочевниками-казахами без исключения и без различия родов, отделений и званий,

²¹³² ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 22.

²¹³³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 1.

²¹³⁴ В 1837 году вводится кибиточный налог.

²¹³⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 9–9 об.

²¹³⁶ Там же.

кочующими в пределах вверенного пространства степи (§1), т.е. данный пункт предусматривал смещение родов, отделений.

Если ранее казахский аул состоял из родственных групп, т.е. из представителей одного рода, из представителей одной большой семьи, то теперь происходило перемещение родовых групп.

Местный начальник должен был наблюдать за сохранением общественного порядка и спокойствия, стараться, в частности, водворять между казахами согласие, и в случае ссор, обид и другого вида неудовольствий, примирять ссорящихся (§12)²¹³⁷. Он подчинялся начальнику дистанции, султану-правителю части, и никакой другой посторонний султан, старшина или другой местный начальник не имел права вмешиваться в его дела и распоряжения (§ 18)²¹³⁸. О слухах, разглашениях, чрезвычайных происшествиях он должен был докладывать как дистанчному, так и местному линейному начальникам, а также султану-правителю части и Пограничной комиссии (§ 20). Донесения дистанчному начальнику и султану-правителю могли быть устными, а в Пограничную комиссию непременно письменные (§ 22).

В ауле не мог находиться посторонний человек без письменного разрешения начальства. Если таковые находились, то нужно было их задерживать и выдавать на линию (§ 19).

Были внесены следующие изменения. Если ранее в § 2 говорилось, что отказывающихся подчиняться казахов нужно *выслать или удалить* (выделено мною – Г.И.) от вверяемого начальнику пространства, а теперь о таком должны были *донести* дистанчному начальнику и султану-правителю, которые должны были принять все меры к приведению в повиновение, или же должны были донести в Пограничную комиссию. Данный параграф объединил в себя и 6 пункт предыдущей инструкции²¹³⁹.

Если ранее в § 6 «замысел кочевников напасть на линию или же уже совершившееся нарушение старшина должен был докладывать дистанчному

²¹³⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 2, 4, 4 об., 17 об.

²¹³⁸ Там же. Л. 27.

²¹³⁹ Там же. Л. 16, 25.

начальнику», то теперь «если кто-либо обнаружит намерение произвести злодейство, то не допуская его до совершения оно», местный начальник должен был «донести дистаночному начальнику, и не ожидая от него ответа, задержать его и отправить на линию, донеся в то же время Пограничной комиссии и правителю. В другой части документа, сказано: арестовать²¹⁴⁰.

При оказании виновными сопротивления, местный начальник должен был опереться на подведомственных казахов, но если они не оказывали содействия, не теряя времени должен был объявить местному линейному начальнику и просить содействия (§ 7). При «дурном» поведении кого-либо из кочевников, при связях с подозрительными людьми местный начальник должен был донести дистаночному начальнику для принятия решения (§ 8)²¹⁴¹.

Покровительство и укрытие воров строго наказывалось. Местный начальник был обязан сообщать о намерениях подчиненных совершить набеги на линию без промедления местному линейному начальнику, в случае требования линейного начальства задержать или выдать кого-либо из преступников, местный начальник должен был исполнить это требование и доносить об этом дистаночному начальнику, султану-правителю, Пограничной комиссии (§ 8).

Новшеством данной инструкции было то, что некоторые дела разрешалось разбирать биям по степным обычаям. Так, например, в случае несогласия ссорящихся сторон на примирение, а сумма претензии не превышает 50 руб. серебром, то такие дела могли разбирать бии по степным обычаям. Если же претензии превышали такую сумму, то об этом должны были сообщить Пограничной комиссии и ожидать ее распоряжений (§ 13). Маловажные преступления, происходящие между казахами, а к таковым относились кража, мошенничество, обманы разного рода, где сумма ниже 20 руб. сер., легкие побои и оскорбления, причиненные во время драки или ссоры, пьянство, своеволие, непослушание старших в семье могли разбираться также по казахским обычаям. Важные преступления (превышающие сумму 50 руб. сер.) должны были доносить

---

²¹⁴⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 16 об., 25 об.

²¹⁴¹ Там же.

Комиссии, с преступниками же предлагалось поступать согласно § 8 данной инструкции (§ 14)²¹⁴².

Так как кибиточный налог был введен в 1837 году, новшеством данной инструкции были положения: иметь точные сведения о числе людей, кибиток и скота на вверенном управлению пространстве (§ 10); производить в удобное время положенный кибиточный сбор, и деньги без утайки представлять по заведенному порядку (§ 11)²¹⁴³.

Пограничная комиссия оставалась главным органом управления оренбургскими казахами, недовольные решением местного начальства и суда биев кочевники могли приносить в комиссию свои жалобы (§ 15). Местный начальник должен был разрешать жалобы казахов на отнятие линейными или внутренними жителями их имущества и др. обиды и доносить об этом начальству. Он должен был устранить необходимость обиженных казахов самим обращаться с жалобами к попечителю, дистанчному начальству, султану-правителю или в Пограничную комиссию (§ 17)²¹⁴⁴.

Расписка остается отчетным документом, подтверждающим передачу местным начальником суммы кибиточного налога, требуемых по закону сумм, имущества и т.д. «Все решения комиссии и биев, определяющие взыскания личные и по имуществу, в точности и немедленно приводить в исполнение, ни с кого не взыскивая больше, чем положено, под строгою вашей ответственностью, и отдавая взысканное именно тем лицам, которым оно присуждено, с распискою о получении», – говорилось в § 16 документа.

Местный начальник в случае отъезда из кочевья обязан был поручить свою должность надежному человеку и сообщить об этом дистанчному начальнику. Инструкция не предусматривала выплаты жалования местным начальникам. За свою службу они могли получить награду в виде подарков, благодарственных грамот и т.д. ОПК имела опыт награждения казахов за усердную службу, преданность правительству медалями, орденами, единовременными денежными

---

²¹⁴² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5615. Л. 5, 26, 26 об.

²¹⁴³ Там же. Л. 4, 18.

²¹⁴⁴ Там же. Л. 26 об.

выдачами и т.д. Так, например, в отчете ОПК за 1849 г. сообщается, что были награждены: серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее – 1; серебряными медалями для ношения в петлице с надписью «За спасение погибавших» – 2; почетными кафтанами и сукном на них – 10; единовременными денежными выдачами – 21; похвальными листами – 7²¹⁴⁵, а в 1850 году: похвальными листами – 1; единовременными денежными выдачами – 17; золотыми часами – 1; суконными кафтанами – 19; почетными саблями – 4; серебряною медалью – 1; золотыми медалями – 2; орденом св. Анны 3 степени – 1²¹⁴⁶. Также ОПК награждала военными чинами. Если в 1849 г. чин хорунжего был присвоен 2-м, то в 1850 г. были пожалованы чины: полковника – 2; войскового старшины – 1; есаула – 1; сотника – 1²¹⁴⁷.

По долгу службы действительный статский советник Николай Иванович Любимов²¹⁴⁸ был в казахской степи весной и летом 1846 года. Во время проезда по Оренбургской линии вице-директор Н.И. Любимов встречался с султанами-правителями Западной и Средней частей Младшего жуза. Проведя весну и начало лета в Казахской Степи, изучая положение дел после введения реформы, подметил

²¹⁴⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 40.

²¹⁴⁶ Там же. Л. 92 об.

²¹⁴⁷ Там же. Л. 40, 92 об.

²¹⁴⁸ Автор сборника «Материалы по истории политического строя Казахстана» М.Г. Масевич допустила опечатку в инициалах автора «Записки» Николая Ивановича Любимова (в документе на С. 226, 233, 245 указывается Н.С. Любимов).

Любимов Николай Иванович, сенатор, тайный советник, происходил из духовного звания, родился 4 декабря 1811 г. Получив образование в Московском университете со степенью кандидата, он поступил 21 декабря 1828 г. на службу в Азиатский департамент МИД, где 25 апреля 1830 г. занял должность столоначальника, а 18 января 1836 г. начальника отделения. Одновременно Любимов (с 1833 по 1838 г.) занимал должность правителя дел Высочайше утвержденного комитета об изыскании новых источников доходов и сокращении расходов С-Петербургской столицы. Всемиловнейше пожалованный указом 22 декабря 1839 г. в коллежские советники, Любимов 8 апреля 1840 г. был по избранию МИД отправлен в качестве пристава для сопровождения российской духовной миссии в Пекин, откуда возвратился 18 февраля 1842 г. За свой труд, указом от 10 марта он был пожалован в статские советники. 10 апреля 1843 г. Любимов был назначен вице-директором Азиатского департамента. В 1846 г. награжден чином статского советника и орденом Владимира 3 ст., а 26 февраля 1852 г. назначен директором Азиатского департамента. В 1856 г. пожалованный (15 апреля) в тайные советники, Любимов был назначен (20 сентября) к присутствованию в Правительствующем Сенате. С 28 октября 1856 г. по 2 января 1858 г. он присутствовал в 1 отделении 5-го департамента Правительствующего Сената. Затем был переведен в 4-й департамент, а с 13 октября 1858 г. – в 1-й департамент Сената. За время службы в сенате он получил ордена Белого Орла и св. Александра Невского, а за полезные труды при приведении в действие положений 19 февраля 1861 г. был удостоен знаком отличия, учрежденным в память успешного введения положений. Скончался Любимов 20 августа 1875 г. // Русский биографический словарь. Изд. Императорским Русским Историческим Обществом: под ред. Н.Д. Чечулина и М.Г. Курдюмова. СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1914. Т. 10. С. 805.

трудности. Во время встреч и бесед с султаном-правителем Б. Айшуаковым он выявил некоторые недоработки «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами – Г.И.)» 1844 г. В частности, Б. Айшуаков обратил внимание вице-директора на большой объем делопроизводства, на положения нового следственного порядка, на сбор степных законов и обычаев и т. д.

Н.И. Любимов выявил непрофессионализм письмоводителей, выделил незнание ими языка коренного населения, которое сдерживало проведение быстрого следствия и вообще разбора дел. Согласно § 58, где иск превышал 50 руб. сер., дела должны были рассматриваться в Пограничной комиссии. Следственный порядок, переписка, опросы, формы ведения следствия по незнанию султанами-правителями, дистанчными начальниками российского законодательства, иногда и русского языка приводило, со слов Н.И. Любимова, к накопчиванию дел, к медленному их разрешению, «а на киргизов все это производило самодурное впечатление»²¹⁴⁹. Предписания дистанчным начальникам писались на русском языке, а многие из них не знали даже татарской грамоты.

Местные начальники жаловались, что пока идет переписка по одному делу, можно было бы решить 20 дел по казахскому народному суду. Н.И. Любимов критиковал лишнюю переписку, которая, по его словам, «ставит султанов-правителей в невозможность даже выполнять требования комиссии и никакой существенной пользы не приносит». Предлагал вести дела в отношении к казахам проще, приравнивая к быту и избегая по возможности лишней переписки. Лучшим методом управления Н.И. Любимов считал делать по возможности частые поездки в степь, командировать туда в определенное время опытных и благонадежных чиновников, и таким образом удостоверяться положением всех дел в Орде и «давать на месте нужные советы и желаемое всему направлению»²¹⁵⁰.

---

²¹⁴⁹ Докладная записка чиновника Н.С. Любимова управляющему МИД относительно некоторых вопросов государственного управления у казахов Оренбургского ведомства // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 227.

²¹⁵⁰ Там же.

Вице-директор Азиатского департамента высказался об изменении 58 параграфа «Положения», предлагая предоставить всякие исковые и тому подобные дела между казахами словесному разбирательству в Орде и решению на основе обычного права казахов. По его мнению, от этого никаких «дурных последствий» не будет, а наоборот, все судопроизводство будет идти быстро, согласно нравам и обычаям казахов, и это приведет к исчезновению «того ропота, который производит нынешний порядок»²¹⁵¹.

Н.И. Любимов поддерживал мысль Г.Ф. Генса о создании *советов*. По его мнению, для разбора и решения дел (кроме рассматриваемых военным судом), учредить при султанах-правителях *советы*, которые состояли бы из казахских старшин. Во-вторых, он призывал к скорейшему окончанию сбора казахских законов и обычаев, которые должны были приниматься «в основание при всяких подобных разбирательствах»²¹⁵².

В случае поддержания правительством мысли о создании советов при султанах-правителях, Н.И. Любимов предлагал, определив число заседателей из старшин, назначить им жалованье, так как данная обязанность требовала нахождения их при ставках султанов-правителей, т.е. вдали от дома, и отрывала кочевников от хозяйственных дел. Без назначения жалованья старшинам, было бы трудно найти желающих принять на себя такую обязанность. Он обратил внимание и на решение вопросов: как производить выбор казахских старейшин для советов, на какой срок они могли быть избраны, функции и степень власти султана-правителя при совете и т.д.²¹⁵³. Вице-директор рекомендовал, не дожидаясь собрания и приведения в порядок степных законов и обычаев, так как это не могло производиться в спешке и не могло дать скорейшего результата, начать работу советов без собрания законов, так как в советах заседали бы почетнейшие старшины, знающие казахские обычаи. С другой стороны, коллегиальное решение не могло привести к неудовлетворению исков со стороны казахов.

---

²¹⁵¹ Н.И. Любимов имеет в виду мнение казахов, «что их хотят во всем подчинить нашему порядку и что это только первый шаг к будущим переменам» // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 227.

²¹⁵² Там же. С. 228.

²¹⁵³ Там же.

Н.И. Любимов во время поездки по Степи подчеркнул, что решение вопроса сбора казахских степных законов и обычаев ждет своего решения. Он поддержал точку зрения султана-правителя Западной части Б. Айшуакова о том, что для успеха этого дела надо сбор и истолкование законов поручить нескольким казахским старшинам, выбрав их из разных родов. Назначенные должны были быть опытными и отличаться от других знанием казахских обычаев. Чиновники ОПК должны были, по его мнению, участвовать в проверке и издании этих законов²¹⁵⁴.

Вице-директор Азиатского департамента обратил внимание и на то, что кибиточный налог, собираемый с казахов по 1 руб. 50 коп. сер. в год, не может быть равным для различных категорий населения. Для бедного кочевника это была большая сумма, и он вынужден был продавать свое имущество (таганы, котлы и т.д.), тогда как для богатого скотовладельца он был нечувствительным.

Председатель ОПК М.В. Ладыженский согласился с мнением петербургского начальника и высказал мнение, что нужно определить сперва точное количество кибиток в каждом районе и определить общую сумму годового сбора, а затем предоставить казахам возможность делать между собой раскладку подати, чтобы «каждый платил сообразно своим состоянием: богатый – более, не имеющий – менее»²¹⁵⁵. Он дает следующее объяснение состоянию кочевников: под бедными подразумевает тех, у кого было менее 25 лошадей, посредственным тех, у кого – менее 100 лошадей, достаточным – более 100 лошадей, богатым – более 200 лошадей, весьма богатым – более 500 лошадей, богачом – более 1000 лошадей²¹⁵⁶.

Собрание сведений о числе кибиток предусматривалось возложить на родоначальников и на начальников разных отделений казахов, так как только они могли представить верную информацию. Отсюда вытекала следующая задача, чтобы родоначальники были усердными исполнителями правительственных задач, определять их в дистаночные и местные начальники.

---

²¹⁵⁴ Там же. С. 229.

²¹⁵⁵ Там же.

²¹⁵⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 124.

Мнение это было основано на том, что, во-первых, большим влиянием и уважением между казахами пользовались родоначальники, именно они могли безболезненно собрать налоги, исполнить другие виды поставленных задач. Во-вторых, они владели сведениями о состоянии каждого казаха своего рода.

Н.И. Любимов поддерживал мысль Б. Айшуакова, что определение дистанции на основании местности, т.е. по территориальному принципу, было бы ошибкой. Так как назначенный дистанционный начальник в таком случае, в связи с определением в состав его дистанции представителей других казахских родов, не владел бы ситуацией, не знал бы состояние и нужды каждого казаха, а значит и не будет уважаемым среди населения. Назначение дистанционных начальников не из родоначальников влекло за собой также неподчинение кочевников такому управителю.

Перед оренбургскими начальниками края (председатель ОПК и военный губернатор) ставились задачи: изменить систему сбора кибиточного налога, для этого назначить местными начальниками родоправителей и через них собрать информацию о числе кибиток каждого района как необходимой меры, определить места для кочевков казахов каждого района в соответствии с числом людей, скота и др. обстоятельствами. Численность кибиток можно было определить только зимой, когда казахи прикочевывали к линии.

Главной целью податной системы было ее уравнительность и облегчение для бедных. Б. Айшуаков во время встречи с Н.И. Любимовым указывал, что кибиточный налог одинаков как для бедняка, так и для богача. Он как один из знатоков положения казахов предложил освободить бедных кочевников от налогов. К категории бедных Б. Айшуаков относил кочевника, имеющего 20 баранов, 5 коров и 1 верблюда, так как это число скота могло дать кочевнику возможность существования его с семейством²¹⁵⁷. Только имея точное количество кибиток, можно было отрегулировать сбор кибиточной подати.

---

²¹⁵⁷ Докладная записка чиновника Н.С. Любимова управляющему МИД относительно некоторых вопросов государственного управления у казахов Оренбургского ведомства // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 230.

Казахские султаны обратили внимание вице-директора на то, что «они поставлены в этой подати наравне с простыми киргизами», т.е. «Положение» 1844 г. не учитывало их привилегированное, чингизидское происхождение. Представители «белой кости» были готовы платить больше, лишь бы не быть на одном уровне с представителями «черной кости», так как это унижало первых в понятии народа. Султаны-правители просили освободить их от уплаты кибиточного налога. Н.И. Любимов высказался за удовлетворение просьбы, так как, учитывая то, что число султанов в трех частях Орды незначительно, то потери и ущерб в освобождении их предвиделся небольшим.

Н.И. Любимов был сторонником скорейшего назначения жалованья дистаночным и аульным начальникам. Он поддерживал мысль Б. Айшуакова о том, что получение жалованья стимулировало бы местных начальников к точному исполнению возложенных на них обязанностей²¹⁵⁸.

Представитель МИД поднимал вопрос рассмотрения оренбургским начальством дел о претензиях казахов и казаков на прилинейные земли. Это было связано с тем, что во время его поездки казахи часто жаловались, что казаки отняли у них все лучшие сенокосные места за линией. Он предлагал для отвращения на будущее время споров за землю между казахами и казаками и всяких насилий со стороны казаков точно определить и выяснить права казахов и казаков на прилинейные места, чтобы каждый знал, что кому принадлежит.

Сложным на линии оставался вопрос взаимоотношений казахов с казаками. Еще в мае 1844 г. МИД отправило оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву дело о выяснении взаимных прав казахов и казаков на прилинейные земли. Нессельроде указывал, что нужно немедленно собрать сведения о сенокосных местах линейных жителей внутри линии, чтобы «можно было определить степень действительной их надобности в местах, какими теперь пользуются за линией, и сообразно тому сделать окончательную разборку и

---

²¹⁵⁸ Там же. С. 231.

положить конец всяким притязаниям и тяжбам между линейными жителями и киргизами (казахам – Г.И.)»²¹⁵⁹.

Сенокосение линейными жителями за чертой линии военный губернатор объяснял нехваткой сенокосных мест на внутренней стороне при некоторых станицах на Старой линии. По его мнению, увеличение количества жителей на линии от переселения туда казаков Оренбургского войска из внутренних кантонов и причисление лиц других сословий привело к увеличению пользования залинейными сенокосными местами. Оренбургский военный губернатор сообщал, что он поручил оренбургскому войсковому начальству «собрать и предоставить мне сведения о количестве сенокосных угодий, владеемых казаками прилинейными станицами на внутренней стороне, дабы можно было видеть действительную необходимость наделения казаков луговыми местами за чертой линии»²¹⁶⁰.

Также военный губернатор писал в МИД, что поручил и ОПК собрать эти сведения. Он отчитывался, что направлено председателю ОПК М. Ладыженскому 6 сентября, 10 декабря 1844 г., 12 января, 28 апреля, 26 мая 1845 г., 6 марта, 14 июня и 30 июля 1846 г. письма с требованием о выяснении взаимных прав казахов и казаков на прилинейные земли²¹⁶¹.

Но вопрос о сенокосных местах линейных жителей внутри линии не был решен. Доставленные сведения не были основательными и достаточными для разрешения вопроса о необходимости станицам в сенокосах за линией, поэтому главный начальник края требовал не раз у оренбургского войскового начальства представить точные сведения.

Надо отметить, что данная проблема поднималась казахскими депутациями во время поездки в столицу. Так, например, султан-правитель Восточной части Ахмет Джантюрин в феврале 1850 г. представил министру иностранных дел записку с несколькими просьбами. Среди которых была просьба определить четкую границу между землями казаков и казахами, «дабы киргизы (казахи –

---

²¹⁵⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5607. Л. 7.

²¹⁶⁰ Там же. Л. 2 об.

²¹⁶¹ Там же. Л. 35.

Г.И.) положительно уже знали бы, какими местами прилинейные казаки могут пользоваться и какими не должны. Это – одно средство чтобы: во-первых, пресечь всякие взаимные неудовольствия, жалобы, тяжбы, а во-вторых, дать киргизам (казахам – Г.И.), близ линии обыкновенно и постоянно зимующим, возможность поддержать и улучшить свое скотоводство, составляющее единственное их достояние», – писал Ахмет Джантюрин²¹⁶².

Н.И. Любимов, проанализировав собранный материал, «увиденное и услышанное» в виде докладной записки представил управляющему МИД Л.Г. Сенявину²¹⁶³. «Записка» статского советника Н.И. Любимова 5 июля 1846 г. была отправлена председателю ОПК М.В. Ладыженскому для изучения и представления мнения по проблемам, поднятым в документе.

Председатель ОПК потребовал от состоявшего при нем чиновника по особым поручениям д'Андре²¹⁶⁴ рассмотреть «Записку» и представить разъяснения.

3 ноября 1846 г. д'Андре представил некоторые замечания по работе Н.И. Любимова. Ссылаясь на то, что он в течение всего лета и часть осени прожил среди казахов, чиновник ОПК по особым поручениям раскритиковал высказывания вице-директора о том, что на казахов «производят дурное впечатление затруднения в производстве», а «ропот, возбуждаемый нынешним порядком в производстве дел» им не был замечен в Казахской Степи. Л. д'Андре высказался против отмены переписки ОПК с султанами-правителями, ибо это значило бы «почти отдать всю Орду на произвол судьбы». Переписка «не только в

²¹⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1848 год. Д. 8. Л. 163 – 163 об.

²¹⁶³ Лев Григорьевич Сенявин начал службу в 1817 г. по Министерству финансов, где числился в департаменте государственных имуществ. Вскоре был переведен в Азиатский департамент МИД, где оставался на службе с 1822 по 1848 гг., управляя данной структурой в должности директора с 16.04.1841 г. 14 апреля 1840 произведен в действительные статские советники, 21 апреля 1847 г. пожалован тайным советником. 6 декабря 1848 г. покинул должность директора Азиатского департамента и был назначен членом совета МИД (1848–1850), а 6 апреля 1850 г. стал товарищем министра. Два раза за отсутствием графа К.В. Нессельроде, первый раз до своего назначения его товарищем, а в другой раз после этого назначения, Л.Г. Сенявин временно управлял МИД. В конце 1850 г., по ходатайству К.В. Нессельроде, ему было предписано продолжать управлять Министерством и во время пребывания самого министра в Петербурге, оставаясь под его главным начальством.

²¹⁶⁴ д'Андре записал материалы по казахскому обычному праву при личной встрече со степными судьями – биями, когда он был командирован в Западную и Среднюю части Орды.

состоянии принести существенную пользу, ...упрочивает то влияние, которое необходимо для приведения киргизов (казахов – Г.И.) в совершенное подданство»²¹⁶⁵.

По мнению автора источника, из 1500 или 2000 номеров исходящих документов, представленных султанами-правителями Н.И. Любимову, только 500 составляют таковые, а остальные – это номера билетов, расписок, которые не относятся к переписке и не могут обременять канцелярию султанов-правителей.

Сомнительным для д'Андре было предложение: делать по возможности частые поездки в степь, командировать туда в определенное время опытных и благонадежных чиновников и таким образом удостоверяться положения всех дел в Орде и давать на месте нужные советы и желаемое всему направление. «Чтобы ехать в степь для подобных наблюдений, слишком много представляется затруднений, поездки эти не могли бы быть частыми и притом какими путями может командированный чиновник удостовериться в положении дел, производимых в неизвестности от пограничного начальства? Примут ли советы, даваемые этими чиновниками, лица, коим будет предоставлена полная власть производить дела по-своему? И при том, какое можно будет давать всему желаемое направление? Изменить в орде образ судопроизводства – значило бы изменить народные обычаи, а наблюдать за правильностью всех исковых дел, производящихся в глубине степи, невозможно», – размышлял чиновник ОПК²¹⁶⁶.

Вызывало колебание у чиновника предложение об изменении 58 параграфа «Положения». Представление Н.И. Любимова об учреждении при султанах-правителях советов, по мнению д'Андре, имело бы пользу 20 лет тому назад, но в этом учреждении находили бы себе пользу члены совета, а не простые кочевники-казахи. Это нововведение, по мнению чиновника ОПК, можно было рассматривать «как отнятие власти Пограничной комиссии и передачи таковой лицам, кои доселе по-настоящему не в состоянии еще пользоваться полным

²¹⁶⁵ Докладная записка чиновника д'Андре по поводу вопросов, изложенных в Записке чиновника Н.С. Любимова, написанная председателю ОПК // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 246.

²¹⁶⁶ Там же. С. 247.

доверием русского правительства». Состав совета также вызывал раздумье у чиновника по особым поручениям. По его мнению, трудно будет найти старшину, который согласится покинуть аул, поменять кочевую жизнь из-за жалованья на оседлую. Как чиновник, изучивший судопроизводство казахов, он писал: «В Орде дела судятся и решаются не старшинами, а биями, людьми, избранными самими ордынцами, предполагая, что вместо старшин будут участвовать и бии, то прежде чем приступить к выборам, необходимо иметь в виду то, что голос бия силен в народе лишь потому, что подобный человек, пользующийся всеобщим и справедливым уважением, избирается в судьи произвольно, со стороны спорящихся или претендентов²¹⁶⁷; никто сим последним не указывает, у кого следует искать правосудия, и потому как бы ни было решено дело, обе спорящие стороны остаются всегда довольными. Бии, весьма естественно, дорожат этим доверием и добрым мнением, которое имеют о них киргизы: следовательно, не предвидится вовсе причины, по которой бы эти избранные ордынцы желали кривить душой ради какого-нибудь возмездия. Суд их всегда будет скорее правильным, чем несправедливым. Здесь бий знает и что оно почти свято: производя суд на обычаях своего народа, нередко здравый рассудок и чистая совесть руководствуют ему при затруднениях, часто встречающихся в разбирательстве или приговоре, но можно ли предполагать, чтобы совет весь состоял из подобных людей?»²¹⁶⁸.

Л.И. д'Андре раскритиковал предложение Б. Айшуакова, высказанное в «Записках» Н.И. Любимова, о поручении собрания степных законов нескольким старшинам. «Как бы не был опытен киргизский старшина, изложить с должною точностью обычаи, имеющие силу закона, и сверх того еще истолковать их – дело, не по силам и недоступно для киргизского образа мысли. Старшина (отличающийся в весьма ничтожных отношениях от простого киргизца) никогда не будет в состоянии изложить что-либо о законе: смысл этого слова для него

²¹⁶⁷ т.е. потерпевший.

²¹⁶⁸ Докладная записка чиновника д'Андре по поводу вопросов, изложенных в Записке чиновника Н.С. Любимова, написанная председателю ОПК // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 248.

чужд»²¹⁶⁹. Но и чиновнику ОПК не стоило поручать составление описания казахских обычаев. Как человек, не знающий сути обычаев, он бы, по словам д'Андре, занимался бы только «извлечением мысли из непонятных, пустых повествований безграмотных киргизов».

Относительно кибиточного сбора, т.е. приведения его в большую уравнительность, он поддерживал мнение вице-директора Азиатского департамента, д'Андре дополнял, что для этого нужно было определить не только точное количество кибиток, но также и имущество каждого казаха. Он поддержал мысль об освобождении султанов от кибиточного налога²¹⁷⁰.

23 января 1847 г. председатель ОПК М.В. Ладыженский представил ответ в МИД. Кратко изложив ход реализации «Положения об управлении оренбургскими киргизами», он докладывал, что попытку ОПК упростить ордынское делопроизводство не поддержал оренбургский военный губернатор. Он отчитывался, что в первой половине 1845 г. ОПК вышла с представлением военному губернатору о необходимости движения султанов-правителей в глубину степей для упрочения власти в более отдаленных от линии местах. В марте 1846 г. ОПК ходатайствовала о поощрении казахских начальников единовременными наградами. Но еще не был решен вопрос о выдаче чинов и медалей, этот вид поощрения рассматривался как наиболее важный по сравнению с денежными вознаграждениями.

По вопросу делопроизводства частных начальников²¹⁷¹ М.В. Ладыженский соглашался, что есть некоторое отягощение в канцелярии султанов-правителей и у местных начальников. Он предлагал усилить «письменными средствами» частных начальников. Во-первых, назначить при каждом султানে-правителе по одному штатному переводчику и по одному татарскому писцу с жалованьем, первому – 350 руб., а второму – 200 руб. Лиц, избранных дистанчными начальниками на должность письмоводителей, считать находящимися на государственной службе. Во-вторых, изменить §58 «Положения», с

²¹⁶⁹ Там же. С. 249.

²¹⁷⁰ Там же.

²¹⁷¹ Султаны-правители, дистанчные начальники, начальники аулов.

представлением всех исковых дел разбирательству казахов по своим народным обычаям. Данный опыт существовал веками в степи, сохранился среди отдаленных от линии кочевников. Прекратить такое судопроизводство председатель ОПК рассматривал невозможным, пока бии совершенно не потеряют своего векового в народе значения судей. Забегая вперед, скажем, что реформа 1867–1868 гг. рассматривала суд биев как нижнее звено судопроизводства в Степи. В-третьих, надо было срочно учредить для султанов-правителей постоянные зимние и летние ставки. Данный вопрос находился еще на рассмотрении оренбургского военного губернатора. М.В. Ладыженский считал полезным до разрешения этого вопроса начальником края дать средства султанам-правителям для строительства домов в местах, где обыкновенно находились их зимние ставки.

Султаны-правители начали объезжать с 1846 г. свои территории, охватывая аулы, находящиеся в глубине степи, и это дало результаты. Многие дела по жалобам купцов на ограбление караванов, претензии казахов между собой султаны-правители рассмотрели во время своих поездок.

Вопрос назначения жалованья дистанчным начальником не был решен, так как не было заключения о разделе дистанций и определении разряда каждой дистанции.

В вопросе назначения денежных наград аульным начальникам М.В. Ладыженский обратил внимание на то, что начальники отдаленных казахских аулов предпочитают в виде награды получать монеты, а не бумажные деньги. «Вообще киргизы (казахи – Г.И.) смотрят на наши денежные награды, как на задаток будущей их зависимости и оттого ставят их ниже всякого другого возмездия за свои заслуги», – писал он²¹⁷². Награждение казахов чинами и медалями рассматривалось как одно из средств для привлечения на должности казахов, соответствующих видам правительства²¹⁷³.

---

²¹⁷² Ответ председателя Оренбургской пограничной комиссии на письмо управляющего МИД относительно вопросов, изложенных в докладной записке чиновника Н.С. Любимова // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 237.

²¹⁷³ Там же. С. 238.

Он, объяснив толкование слова бий (степные юристы, по определению М.В. Ладыженского), расписав деятельность суда биев и сравнив его с предлагаемым советом при султанах-правителях, увидел негативные стороны и выступил против образования таких советов²¹⁷⁴.

Кибиточный сбор, по его мнению, несправедлив и не согласуется с шариатом, так как бедный обязан платить наравне с богатым. В самой сути сбора этого вида налога он увидел противоречия. «Если принять в соображение, что основанием учреждения кибиточного сбора было взимание с ордынцев подати собственно за пользование степными угодьями, а не за право раскинуть над семейством своим шалаш, каков бы он ни был: самый роскошный, или самый нищенский. Если согласиться, что сбор с киргизов должен иметь вид народной дани за свободное кочевание на нашей степи, а не поголовной подати, то усмотрим, что обложение каждой кибитки как бы пошлиною – есть суцая несправедливость. Обложить платою землю, которую зажиточный киргиз, заплативши 1 ½ руб. сер., волен за эту сумму занимать под свои тысячные табуны и стада неопределенное пространство степи, а не кибитку нищего, занимающую не более трех квадратных сажень, которой владелец часто не имеет ни одной скотины и все таки платит 1 ½ руб. сер.», – писал М.В. Ладыженский²¹⁷⁵.

По его мнению, плата налога с каждой кибитки противоречила общим государственным постановлениям. В городах владелец дома платит по мере того, какое пространство занимает его дом. Также должна была рассматриваться кибитка казаха, имеющая при себе пастбищные угодья.

Таким образом, он предлагал этот вид налога собирать за землю с общины, где сумма налога делилась бы среди кочевников по имущественному состоянию так, чтобы даже самый беднейший входил в разряд податных. Учитывая, что споры за землю между представителями одного аула почти отсутствуют, он предполагал это удобнейшим механизмом сбора налога.

---

²¹⁷⁴ Там же. С. 239.

²¹⁷⁵ Там же. С. 240.

Для контроля кибиточного сбора и уменьшения письменных свидетельств председатель ОПК предлагал вместо печатных квитанций создать картонные ярлыки малого объема, разного цвета (выпускать каждый год только одного цвета), с краткой надписью дистанчного начальника на каждом. Такие ярлыки выдавались бы Пограничной комиссией в нужном количестве дистанчным начальникам, с ее печатью и указанием года по христианскому и мусульманскому летоисчислению. Дистанчные начальники снабжали бы ими каждого заплатившего подать по раскладке²¹⁷⁶.

М.В. Ладыженский поднял проблему о выборе на должности дистанчных начальников. Назначение на эти должности родоначальников (по М.В. Ладыженскому – природных киргизских начальников) он считал правильным, так как им были доступны сведения о состоянии населения. По его мнению, в степи уже не было родоначальников или, точнее, природных потомственных правителей родов. Он обратил внимание именно на наследственное управление родом, которое к этому времени сохранилось только у двух родов племени аргын: томенги-шекте и жогаргы-шекте. Первым управлял Беген Языев²¹⁷⁷, а вторым – Шеген Мусин²¹⁷⁸. Главным принципом управления ОПК в Степи было: «не вводить у них русского управления, а предоставить им вестись своими властями»²¹⁷⁹.

Интересны по этому поводу мысли Г.Ф. Генса, как бывшего председателя ОПК, управлявшего почти двадцать лет Младшим казахским жузом. Он заслужил репутацию разумного и справедливого администратора, сумевшего завоевать доверие и симпатию у подведомственных казахов. Г.Ф. Генс писал: «Народ киргизский подразделяется на роды, а роды на отделения, ордынцы, принадлежащие к одному отделению и даже к одному роду, почитаются между

---

²¹⁷⁶ Там же. С. 241.

²¹⁷⁷ Томенги-шектеинцами управляли Яны, затем его сын Язы Янов, внук Беген Языев, т.е. три колена: дед, сын, внук.

²¹⁷⁸ Шеген Мусин скончался в 1846 г. и на его место был назначен сын его Казыбек с производством в зауряд-хорунжие.

²¹⁷⁹ Ответ председателя Оренбургской пограничной комиссии на письмо управляющего МИД относительно вопросов, изложенных в докладной записке чиновника Н.С. Любимова // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 243.

собой родственниками, и ими управляет почтеннейший из них в виде главы семейства; очень естественно, что такой начальник скрывает преступления подчиненных своих, состоящих с ним в родстве, и неохотно их выдает в посторонние руки для наказания. Пограничная комиссия постепенно приучила народных старшин искать утверждения в звании сем, и теперь уже никто не почитает себя вправе управлять родом или отделением, не получив указа от комиссии или лишившись его по отрешению от должности.

Таким образом, установлена зависимость старшин от начальства, но легко понять можно, что они исполняют предписания против подчиненных своих в такой только мере, сколько нужно, чтобы не обличиться в непослушании. По этому обстоятельству нужно, чтобы юртовые начальники управляли киргизами не по родству и происхождению их, но определенным числом кибиток, помещающихся на известных участках земли, отчего со временем совершенно уничтожится разделение народа на роды и отделения, которое между внешними киргизами есть главная причина баранты и везде имеет то важное неудобство, что всякая мера строгости против какого-либо киргиза в орде вооружает все соседние аулы, почитающие себя обязанными защищать родственника»²¹⁸⁰. Ф.Г. Генс выступал за управление аулами человека, не имеющего родственного отношения к населению. Здесь его видение вступило в противоречие со взглядом М.В. Ладыженского. По мнению последнего, выбор местных начальников всегда основан на отзывах султанов-правителей и предписаниях ОПК. Но назначение представителей коренного населения на должности частного управления, по его мнению, не только не гарантирует эффективности управления, но содержит угрозу продолжения междоусобиц. «Поэтому комиссия основывается на выборе в дистаночные начальники благонадежных людей, но исполняет это исподволь, чтобы всякий повод к ропоту в киргизских родах был прикрыт постепенностью действия», – пишет М.В. Ладыженский²¹⁸¹.

---

²¹⁸⁰ Там же. С. 243.

²¹⁸¹ Там же. С. 244.

Изучив ответ председателя ОПК на письмо управляющего МИД относительно вопросов, изложенных в докладной записке Н.С. Любимова, можно сделать выводы, что М.В. Ладыженский изучил объект своей деятельности глубоко. Многолетний опыт, знание характера и привычек казахского народа, народных обычаев, деятельность института суда биев, личное знакомство по ходу своей деятельности с султанами-правителями, дистанчными начальниками позволили ему дать глубокий анализ по предмету исследования. Председатель поддержал в основном идеи действительного статского советника Н.В. Любимова, назвав их «справедливыми, основательными, полезными».

Отличились в реализации новой реформы ставленники Г.Ф. Генса: Баймухаммед Айшуаков, Ахмет и Арыслан Джантюрины. Зимой 1850 года султаны-правители Средней и Восточной части Оренбургского ведомства Арыслан и Ахмед Джантюрины при личном свидании с председателем ОПК генерал-майором М.В. Ладыженским объявили о желании иметь, кроме знамени, золотую саблю с грамотой²¹⁸². Председатель ОПК сообщил об этом военному губернатору В.А. Обручеву, который в свою очередь доложил государственному канцлеру К.В. Нессельроде.

Председатель ОПК писал, «что при настоящей покорности и видимом повиновении киргизов к нашему Правительству и уважении к поставленному над ними местному начальству, он признает со своей стороны совершенно излишним снабжать султанов-правителей при утверждении их в настоящих должностях золотыми саблями и Высочайшими грамотами»²¹⁸³.

Перечисляя причины на прекращение выдачи инвеститур, он выделял также, что при определении султанов на должности правителей «киргизы (казахи – Г.И) поставляются об этом в известность через посылаемые пограничную комиссию по всей орде письменные объявления, к которым ордынцы совершенно привыкли и большая часть, в особенности из кочующих из них близ линии,

---

²¹⁸² ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6528. Л. 11.

²¹⁸³ Там же. Л. 11 об.

начинают уже вполне постигать о делаемых высшим Правительством распоряжениях, клонящихся к собственному их благосостоянию»²¹⁸⁴.

Султаны-правители, отмечалось в документе, за особенные услуги и примерное усердие по занимаемым должностям награждаются военными чинами, орденами и другими знаками, и «следовательно, в награде особенными Высочайшими грамотами и золотыми саблями в настоящее время не стоит уже той существенной надобности, какая прежде считалась необходимою по местным обстоятельствам и духу народа»²¹⁸⁵.

Из МИД пришел ответ, где граф Карл Васильевич от 3 мая 1850 года сообщал, что он также считает лишним снабжать теперь султанов-правителей при утверждении их в настоящих должностях вышеназванными символами власти. Тем более, пишет автор, что об этом «умолчено в Высочайше утвержденном «Положении об управлении оренбургскими киргизами», с изданием коего означенная мера (снабжение султанов-правителей инвеститурными знаками), как прежде делалась, уже сама собою прекратилась»²¹⁸⁶.

Этот отзыв стал руководством при утверждении в 1850 году султана Мухамедгалия Тяукина в должности правителя Западной части. По распоряжению генерала В.А. Обручева от 13 февраля 1850 года знамя данной части Орды, принадлежащее Б. Айшуакову, было передано для хранения в Оренбургский артиллерийский гарнизон²¹⁸⁷.

Если говорить о награждениях султанов-правителей, то после смерти кавалеров орденов награды изымались у семейства. Основанием были статьи 262, 701 и 707 1-го тома Свода законов учреждения орденов и других знаков отличия. Согласно ст.262 орденские знаки, остающиеся после смерти кавалеров, должны были быть возвращены губернскими правлениями и другими начальствами в

---

²¹⁸⁴ Там же. Л. 11.

²¹⁸⁵ Там же. Л. 12.

²¹⁸⁶ Там же. Л. 13.

²¹⁸⁷ Там же. Л. 7.

капитул с уведомлениями о числе и месяце смерти, осталась ли после него вдова и где она проживает²¹⁸⁸.

По реформе 1824 года султаны-правители трех частей Орды определялись в это звание оренбургским военным губернатором, и поэтому на основании общих правил увольнение в отпуск султанов-правителей зависело от разрешений главного начальника края. Теперь же по «Положению об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. оренбургский военный губернатор хотя и определял султана-правителя, но все действия, связанные с их увольнением и представлением отпуска, зависели от МИД. Так, например, когда султан-правитель Ахмед Джантюрин в августе 1844 года просил отпуск на 28 дней, возник вопрос: как поступить с заявлением?²¹⁸⁹ Так как «Положение» 1844 года еще не вступило в силу (по указу императора официально вводится с 1 сентября) и пока можно было его решить без вмешательства Министерства, оренбургский военный губернатор дал разрешение²¹⁹⁰. 19 сентября 1844 года Ахмет уехал в отпуск для лечения в Троицкий уезд Оренбургской губернии, а затем в Екатеринбургский уезд Пермской губернии, и вернулся к исполнению должности 13 ноября²¹⁹¹.

Уже в следующем рапорте от 7 декабря 1844 года Ахмед Джантюрин согласно «Положению» 1844 г. представил в Пограничную комиссию медицинское свидетельство о болезненном его состоянии и просил исходатайствовать ему 2-месячный отпуск. Султан собирался на лечение в Пермскую губернию в Невьянской завод, где он намеревался лечиться зимой у находящегося там лекаря²¹⁹².

После необходимых делопроизводственных процедур, согласовав с МИД, оренбургский военный губернатор В. Обручев 28 декабря 1844 года дал

---

²¹⁸⁸ Там же. Л. 1, 17.

²¹⁸⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5525. Л. 1.

²¹⁹⁰ Там же. Л. 2 – 2 об.

²¹⁹¹ Там же. Л. 10.

²¹⁹² Там же. Л. 11.

разрешение на выезд и лечение сроком на 2 месяца. Ахмет 12 января 1845 года отбыв на лечение, вернулся 16 марта и вступил в управление²¹⁹³.

Султаны-правители согласно своей должности занимались розыском виновных и следствием. Канцелярия не успевала выполнять свои функции. О сложном положении с делопроизводством у султанов-правителей сообщали председатели ОПК Г.Ф. Генс (16 января 1825 – май 1844), М.В. Ладыженский (1844–1854). Они выступали за увеличение чинов и усиление материальных средств в канцеляриях султанов-правителей, за предоставление султанам-правителям больше прав и свобод по разбору дел между казаками, решению этих разборов на основании народных обычаев, народного суда. По отчету Оренбургской пограничной комиссии за 1849 год видно, что неразрешенных дел с каждым годом становилось все больше и больше. Хотя, «Положение об управлении оренбургскими киргизами» предусматривало облегчение делопроизводства, но ситуация выглядела тягостной, это нам ярко показывает нижеследующий документ.

Ведомость о движении дел по канцелярии султана-правителя

Восточной части казахов за 1849 год²¹⁹⁴

Предметы дела	От 1848 к 1849 г. осталось / арестанты	В течение 1849 г. поступило / арестанты	Всего / арестан тов	В течение 1849 года	
				решено дел	оставлено на 1850 год
1. Уголовные					
Связь казахов с восставшими	1		1	-	-
Убийство	7	3	10	4	6
Грабеж	10	7	17	6	11
Барымта	15	5	20/5	6/1 бежал	14/4
Пленение людей	1		1	1	-
Пропавшие без вести	1	-	1	-	1

²¹⁹³ Там же. Л. 12, 14.

²¹⁹⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 57–58.

Кражи	60	40	100	25	75
Растление	1	-	1	-	1
Беглые и беспаспортные	10	3	13	10	3
2. Спорные					
Кочевья и сенокосные места	8	6	14	2	12
3. Исковые					
Неплатеж долгов	3	10	13	7	6
Обиды	4	6	10	3	7
Потравы хлеба, сена и лугов	1	4	5	1	4
4. Распорядительные					
Требования разных присутственных мест и должностных лиц	138	125	263	55	208
Предметы полицейские		25	25	25	-
ИТОГО	260	234/5	494/5	146/ 1 бежал	348/4

Данные таблицы показывают, что самыми многочисленными были дела, связанные с кражей и барымтой. Султан-правитель Восточной части Орды Ахмет Джантюрин не успел рассмотреть за год даже 2/3 всех дел.

В целом делопроизводство в канцеляриях султанов-правителей по отчету ОПК за 1849 год выглядело следующим образом²¹⁹⁵.

Таблица 6.2 – Делопроизводство в канцеляриях султанов-правителей

	В Восточной части	В Средней части	В Западной Части	Всего
Оставилось к 1849 году дел	260	2383	430	3073
К тому	234	241	291	766

²¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 15.

Поступило				
	494	2624	721	3839
В продолжение года решено	146	58	218	422
К 1850 году осталось	348	2566	503	3417

Султаны-правители были обременены перепиской по исковым и уголовным делам. ОПК так же не успевала рассмотреть иски. Среди казахов появилась поговорка «Если имеешь в русском суде дело на 100 руб., дай еще 50 и откажись от дела»²¹⁹⁶. Султаны-правители говорили: «Иногда преступник заслуживает, чтобы отдать под русский суд; представишь его на линию, донесешь до Комиссии (имеется ввиду ОПК – Г.И.); Комиссия тянет дело несколько лет и тебя же тормозит: давай людей к следствию; шлют замечания, выговоры, подумаешь, подумаешь – накажешь его сам и отпустишь»²¹⁹⁷.

По мнению чиновника ОПК Л.И. д'Андре, скоплению большого количества дел в канцеляриях султанов-правителей способствовало: постоянное отсутствие султанов-правителей в ставках, кочевая жизнь султанов и должностных лиц, неаккуратное отношение со стороны казахских чиновников к корреспонденции²¹⁹⁸. Лев Иванович выступал против изменения в Орде судопроизводства, по его мнению, это «значило бы изменить народные обычаи». Чиновник также высказался, что наблюдать за правильностью всех исковых дел, производящихся в глубине степи, невозможно²¹⁹⁹.

В феврале 1846 г. в Кабинете министров был рассмотрен вопрос о найме писмоводителей дистанчным начальникам казахов Оренбургского ведомства. Оренбургский военный губернатор В.А. Обручев вошел в МИД с представлением

²¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 10 об.

²¹⁹⁷ Там же. Л. 10 об.

²¹⁹⁸ Докладная записка чиновника д'Андре по поводу вопросов, изложенных в записке чиновника Н.С. Любимова, написанная председателю ОПК //Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 246.

²¹⁹⁹ Там же. С. 246–247.

о необходимости в письмоводителях при дистанчных начальниках казахов, находящихся в его ведомстве, и о недостатках в Орде знающих грамоту лиц, которых можно было бы употребить для письмоводства. Генерал Обручев ходатайствовал о разрешении до открытия школы для казахских детей при Оренбургской Пограничной комиссии, которые по «Положению об управлении оренбургскими киргизами» должны были поступать в письмоводители, допустить «к исправлению сих должностей по найму лиц из разных свободных званий и между прочим из мещан»²²⁰⁰. Учитывая трудности, с которыми сталкивались дистанчные начальники, МИД вышел с предложением «до образования письмоводителей из воспитанников киргизской школы разрешить в виде временной меры Оренбургской Пограничной комиссии, чтобы она допускала к занятиям письмоводством при дистанчных начальниках и др. должностных лицах в Малой Киргизской Орде благонадежных, грамотных людей свободного состояния на положении вольнонаемных писарей, с тем, что 1) люди эти не будут пользоваться никакими правами государственной службы, 2) жалованье производить им по назначению Пограничной комиссии и с утверждения оренбургского военного губернатора»²²⁰¹. Комитет министров поддержал решение МИД.

Совершенствование системы государственных политических институтов и органов власти, определенной административной организации в Казахской Степи после реформы 1844 г. было поручено чиновникам Оренбургской Пограничной комиссии (далее – ОПК).

В период руководства ОПК М.В. Ладыженским (1844–1854) разрабатываются конкретные меры по совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства, поступают разные предложения по созданию и выработке правовой нормы управления окраиной. Представители пограничной администрации специально изучали социальную структуру, политическую жизнь кочевого казахского общества. Чиновник Оренбургской

---

²²⁰⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1846 год. Д. 197. Л. 2.

²²⁰¹ Там же. Л. 5 об.

пограничной комиссии Ф.М. Лазаревский был одним из таких имперских чиновников.

Федор Матвеевич Лазаревский (1820–1890) родился в мелкопоместной дворянской семье Конотопского уезда Черниговской губернии. С окончанием университетского курса, по собственному желанию, был вызван на службу в Оренбургскую губернию и зачислен в штат Пограничной комиссии (сентябрь 1845). Три месяца спустя, в январе 1846, его допустили к исполнению должности столоначальника, а в мае того же года утвердили в этой должности. «Способнейший и усерднейший из столоначальников, таких чиновников желательно бы побольше привлечь в комиссию», – говорится в характеристике данной ему²²⁰².

Получив в июле 1848 чин коллежского секретаря, Ф.М. Лазаревский вскоре был назначен чиновником особых поручений при председателе Пограничной комиссии²²⁰³ и одновременно исправлял должность заведующего Временным столом по управлению Внутреннею ордою²²⁰⁴. Прослужив 6 лет в ОПК, разъезжая по долгу службы по Уральской линии, живя среди казахов Западной части Орды, получил достаточную возможность изучить управление как линейными, так и степными казахами. С 1854 г. Ф. Лазаревский служил в Петербурге (чиновником особых поручений при губернаторе, а затем в департаменте уделов); с 1859 г. он управлял удельными конторами в Орле и Ставрополе.

В 1849 году он был направлен в Западную часть Орды для изучения положения дел. В 1852 году Ф.М. Лазаревский представил «Записку о состоянии Западной части Орды и Уральской линии» как итог своей деятельности в Степи.

По оценке председателя ОПК М.В. Ладыженского: «Вообще командирование в степь Лазаревского, кончившего по возможности большую часть порученных ему дел, на производство коих обыкновенным путем без подобной посылки чиновника потребовались бы целые года, принесло немалую

²²⁰² Оренбургская Шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: Энциклопедия одиннадцати лет: 1847–1858 / авт. и сост. Большаков Л.Н. Оренбург: ДИМУР, 1997. С. 197.

²²⁰³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1849 год. Д. 215. Л. 9.

²²⁰⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 60576. Л. 6, 14–16; Оп. 10. Д. 5912. Л. 47–50; Оп. 10. Д. 6745. Л. 8–19.

пользу и самой Комиссии, ознакомив ее гораздо ближе со многими местными обстоятельствами и влиятельнейшими ордынцами Западной части, через посредство систематических донесений и добросовестных и просвещенных заметок этого чиновника. Но он, к сожалению, не мог только быть между киргизами Адаевского рода за отдаленностью их кочевий и прямым с их стороны отказом, по непослушанию местному ордынскому начальству явиться к управляющему частью для миролюбного окончания вражды своей с прочими киргизскими родами»²²⁰⁵.

Ф. Лазаревскому удалось раскрыть мотивы и убийство ходжи Самая. Это было совершено тазларцем Тюремуратом Тайсембековым с двумя его однородцами, вследствие жестокостей самого ходжи при сборе с тазларовцев покибиточной подати. Чиновником было установлено, что сопротивление войсковому старшине Тяукину было оказано по подстрекательству убийц Самая, опасавшихся захвата.

Назначение его в 1852 г. советником Уголовного отделения ОПК²²⁰⁶ показывает, насколько он глубоко изучил судопроизводство коренного населения Степи. Это нашло отражение в его представлениях об изменении и искоренении некоторых обычаев казахов.

Итак, чиновники ОПК искали ответы на вопросы, поставленные МИДом о совершенствовании управления казахами Оренбургского ведомства, о судопроизводстве среди казахов, о сохранении казахских обычаев, имевших силу закона в Орде и т.д.

Ф.М. Лазаревский, указывая, что линейные казахи управляются дистанчными и местными начальниками, обратил внимание на руководство степных казахов биями и управляющими родами. В 1835 году, когда Западная часть Оренбургского ведомства была разделена на дистанции, султан-правитель Б. Айшуаков назначил управляющих для степных родов поколения байулы: таз, ожырай, серкеш, ысык, есентемир, адай. Чуть позже они были объединены в

---

²²⁰⁵ Там же. Л. 18 об.–19.

²²⁰⁶ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2695. Л. 14–15.

дистанции, но сохранили родовых правителей. По мнению Ф. Лазаревского, эти родоправители не имели никакого влияния среди сородичей, не утвержденные Пограничной комиссией, они продолжали свое правление. По мнению чиновника ОПК, в степных районах надо было вводить внутреннее управление. «Для степи необходимо внутреннее управление, необходима власть, обязательная для ордынцев, поставленная пограничным начальством, от него вполне зависящая и обязанная ему отчетом в своих действиях», – рассуждает он. Ф. Лазаревский предлагал Пограничной комиссии назначать управленцев из числа биев и требовать от них отчета, а также выделяет несколько причин в пользу назначения биев:

- не имея вне степи той опоры, какую, по родству и связям своим имеют султаны, необходимо должны держать себя ровно, скромно и будут жить в ладу с родом;

- бий в отношении к своей общине самый попечительный отец; он знает свой род, его нужды, отношение, знает средства, как предупредить и отворотить эти нужды;

- он постоянно кочует с родовичами и доступ их к нему легче, чем к султану²²⁰⁷.

Таким образом, управление родами через биев рассматривался как самый верный путь. Но избрать сразу бия и назначить его руководителем нескольких родов было невозможно, так как это привело бы к различным интригам, сопротивлениям других биев и т.д.

Для реализации своей идеи Ф. Лазаревский предлагает переходную ступень, где, во-первых, власть в степи принадлежала бы как и ранее султанам, так как казахи давно привыкли им повиноваться, особенно если султаны поставлены были пограничным начальством, но родовых биев назначать им в помощники. Во-вторых, при назначении султана управляющим родом, первым условием его назначения должен быть наказ, чтобы он постоянно, летом и зимою кочевал в управляемом им роде, ибо управление родом издали не может принести народу

---

²²⁰⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 6 – 6 об.

ожидаемой пользы. В-третьих, со временем бий, под руководством султана ознакомившись со своими обязанностями, будет выполнять значительную часть работы. Султаны не покинут своих кочевков, будут только временно наведываться в роды. В таком случае однородцы в силу привычек и ближайших родственных отношений признали бы за ним власть²²⁰⁸.

Биям автор выделяет главенствующее место и при назначении начальников отделений, которые бы избирались в двух-трех отделениях с учетом количества кибиток. По мнению автора, «родоправитель в степи будет тем, что на линии дистаночный начальник. Начальник отделения, что на линии местный начальник. По этой параллели определяются с небольшими изменениями обязанности тех и других»²²⁰⁹.

По мнению чиновника ОПК, для родоправителей и начальников отделений нужно было составить инструкции и изготовить печати. Жалованья он предлагал назначить после 5–6 лет службы. Лучшим родоправителям предлагалось назначить единовременные денежные награды, это бы помогло отличить усердного от неисполнительного. «Неисполнительных и слабых управляющих родами и начальников отделений вызывать в ставку султана-правителя или в Оренбург, делать им внушения, наставления, подвергать исправительным наказаниям: выговорам с опубликованием по Орде, заключению под арест, и потом уже замеченных не один раз в неспособности и равнодушии к своим обязанностям удалять от должностей. Вообще удаление от должностей должно быть самою крайнею мерою, ибо удалить легко, но найти лучшего тяжело», – утверждал чиновник ОПК²²¹⁰. Уделялось внимание и награждению казахов чинами, медалями за оказанные услуги. В отчете ОПК за 1849 год указывается, что за преданность правительству, поимку беглых и за другие поступки были награждены: чинами хорунжего – 2; серебряными медалями с надписью «За усердие» для ношения на шее – 1; серебряными медалями для ношения в петлице с надписью «За спасение погибавших» – 2; почетными кафтанами и сукном на

²²⁰⁸ Там же. Л. 7 – 7 об.

²²⁰⁹ Там же. Л. 8.

²²¹⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 8 об.

них – 10; единовременными денежными выдачами – 21; похвальными листами – 7²²¹¹.

Одной из главных статей «Положения» 1844 г. был вопрос о судопроизводстве у казахов Оренбургского ведомства. Напомним, что 56 параграф данной реформы гласил: «киргизы (казахи – Г.И.) Оренбургского ведомства по делам в измене, убийстве, разбоях, баранте, захвате русских и в возмущении своих соплеменников против правительства судятся военным судом»²²¹².

Ф. Лазаревский выступает за пересмотр данной статьи и приводит в пример казахов Сибирского ведомства, где за такие преступления судят гражданским судом. Отмену военного суда он объяснял тем, что когда вводились эти законы, были часты нападения казахов на линию, захват русских, разбои и т.д., а теперь, когда это прекратилось, можно было и пересмотреть данную статью²²¹³.

Он отмечает, что самым лучшим управлением для казахов является управление, основанное на обычаях страны, в которых казахи выросли и к которым привыкли. Суд казахов, по его предложению, должен проходить согласно обычаям кочевников, но в то же время он выступает против оплаты куна²²¹⁴ и айпа (айыпа).

Кун, по его мнению, несправедлив по отношению к бедным казахам, беременным женщинам, малолетним детям, так как за смерть задавленных лошадыми детей, выкидышей беременных женщин от испугов во время ужасных преступлений не всегда платится кун, по крайней мере, не всегда он выплачивается в полной мере²²¹⁵. Учитывая тот факт, что кун платил не только

²²¹¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 40.

²²¹² Положение об управлении оренбургскими казаками // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 222.

²²¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 19 об.–20.

²²¹⁴ Полный кун за простого казаха: лучший одногорбный верблюд (кара-нар), покрытый ковром, джаулык (женский головной убор), несколько халатов – обыкновенно три: хороший, посредственный и худой, шуба, пояс, шаровары, сапоги, оружие убийцы и лошадь, которая была под ним. Затем 1000 баранов, 40 кобыл и кул (невольник), если не было кула, то выплачивали 10 верблюдов или 100 лошадей. За смерть ходжи кун составлял 3000 баранов, за смерть султана, смотря по важности, до 7000 баранов.

²²¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 20 об.–22.

убийца, а все родные, а при значительности взыскания все отделение и даже целый род, и то, что он ложился бременем на беднейшее население, Ф. Лазаревский предлагал искоренить его. «Убийца обыкновенно платит до 50 баранов (верблюда), лошадь, весьма редко больше и часто меньше. Ближайший родственник 25 баранов, менее близкий родственник меньше, и наконец, каждая кибитка отделения по одному, по два барана, смотря по великости отделения и значительности куна. Случается, бедняк променивает последнего теленка на 4–5 баранов и одного из них со слезами и плачем отдает в уплату куна, в противном случае есаулы сами распорядятся его имуществом.

В ином роде в один год взыскивают 2, 3, 4 куна, значит, на кибитку придется 2, 3, 4 барана. И это должен заплатить часто бедняк, которому есть нечего, нечем детей кормить. Таких бедняков в степи и на линии очень много, и год от году становится больше. Пограничная комиссия несмотря на свою заботливость, частые предписания и подтверждения султанам-правителям не взыскивать кунов, весьма мало могла еще успеть в уничтожении этого обычая», – пишет с досадой чиновник²²¹⁶. Ф. Лазаревский, выступая за ликвидацию этого обычая, приводит в пример Внутреннюю Орду, где этот обычай был уничтожен, и Западную часть Орды в период правления Б. Айшуакова, когда сам султан-правитель добился его значительного ослабления.

Чиновник Оренбургской Пограничной комиссии предлагает следующие меры для искоренения куна:

1) в инструкции султанам-правителям, помощникам их, родоправителям, дистаночным начальникам, начальникам отделений и местным начальникам особенно поставить на вид, что взыскание куна есть важное преступление, строго запретить это, неослабно следить за исполнением предписания;

2) объявить по Орде циркулярно, чтобы несмотря на распоряжение ордынской власти, никто не платил кун и не помогал в уплате его убийцы;

3) судей, присуждающих к уплате куна, родоправителей, дистаночных и местных начальников, в ведомстве которых взыскивают, и есаулов,

---

²²¹⁶ Там же. Л. 22 об.–23 об.

взыскивающих кун, подвергать заключению под арестом в Оренбурге на гауптвахте или в тюрьме. Более трех раз замеченных в этом судить как попустителей убийства, баранов же и другой скот, собранный для уплаты куна, продавать с аукционного торга и вырученную сумму причислять к суммам на расходы по степи. Этот пункт также объявить по Орде циркулярно;

4) семейству убитого можно определять, как бы взамен куна, единовременное пособие, смотря по значению в Орде и важности для семейства потерянному члена от 25 – 200 руб. сер. из тех же сумм на расходы по степи.

Определять взысканный кун он предлагал на основании верных донесений и розысках ордынских чиновников или русских, без производства формального следствия²²¹⁷.

Чиновник ОПК Ф. Лазаревский выступает также за уничтожение айыпов. По казахским обычаям, вор, уличенный в краже, должен был возвратить краденное имущество и потом быть наказанным. Преступник за свою вину платил айып трех тогузов (девять) скота, т. е. 27 голов скота. «По силе обычая ни истец, ни родные его не могут взять себе ничего из назначаемых тогузов: все они должны быть разделены между султанами и биями, разбиравшими дело, а иногда и родственники вора, истец, не исполнивший сего, считается человеком бесчестным», – пишет Ф. Лазаревский²²¹⁸.

«Вор, решающийся на кражу, чаще всего вынуждается к этому бедностью. Разорить-то его они действительно разорят, но чем виновато семейство вора, у которого отнимают последние средства к существованию и пускают его по миру? И будто разорением его достигается цель? Вору, у которого отняли все, терять нечего, и он нищий, конечно, решительнее пойдет уже на всякое преступление. Подобные люди вредные во всяком обществе, особенно вредны в степи: они рады пристать ко всякой воровской шайке, уходят в отдаленные дикие рода, делаются вожаками барантовщиков, мстят, по

²²¹⁷ Там же. Л. 24–25.

²²¹⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 25 об.–26.

возможности, за свое разорение, и гораздо более приносят вреда обществу, нежели сколько султаны или бии сделали ему пользы разорением преступника.

Обычай взыскания айыпов выполняется преимущественно в отношении самых незащищенных и бедняков, богатый вор, который в состоянии, не разоряя себя, заплатить тогузы, непременно подкупит или задобрит бия, и дело поведет так, что не отдаст не только тогузов, но даже и украденного», – продолжает автор²²¹⁹. Он предлагает публично наказывать воров. Несмотря на то, что бии будут против искоренения этого обычая, автор считал, что от его уничтожения выиграет общество.

Чиновник ОПК выступает также против барымты²²²⁰, осуждает барантовщиков. Удивляясь, что «барантовщик в степи не только не считается человеком безчестным, как вор, но пользуется некоторого рода уважением. О нем не говорят, что он ограбил, отбарантовал, а говорят: взял барантою, разумея под этим, что на взятие баранты он имел право», – пишет Ф. Лазаревский. По его мнению, «необходимо, чтобы родоправители, начальники отделений и местные бии схватывали барантовщиков и отбарантованный скот немедленно возвращали хозяевам, а барантовщиков выдавали на линию, как бы ни законны по народным понятиям были права на баранту. Неисполнивших сего до 3-х раз подвергать взысканиям и потом судить, как участников в баранте»²²²¹.

Таким образом, чиновник ОПК выступает за проведение судопроизводства у казахов на основе их обычаев, но искоренением выплаты куна, айыпа и

²²¹⁹ Там же. Л. 26 об.–27.

²²²⁰ Российской администрацией барымта рассматривалась как разбой или грабеж, акт дестабилизирующий, затрудняющий управление и контроль над степью и препятствующий торговле в этом регионе. Барымта для кочевников не была преступлением; это был скорее легитимный правовой обычай, коренившийся в свойственном казахской культуре понимании несправедливости, чести и возмездия. Хотя ее обычно воспринимали как увод домашнего скота другого кочевника, барымта не была простой кражей, поскольку уведенный скот в конечном итоге возвращался владельцу. Она расценивалась как акт самосуда, целью которого было вынудить пересмотр несправедливо решенного или вообще нерешенного дела, и если она осуществлялась успешно, то рассматривалась как достойное и даже героическое деяние // Мартин В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи. В кн.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. М., 2005. С. 361.

²²²¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 28 об.

уничтожения барымты как обычаев несправедливых, которые ложатся бременем на беднейшее население Степи.

Ф. Лазаревский критиковал суды, которые проводила Оренбургская Пограничная комиссия. Он считает, что медленность в производстве дел, которая следует из предписанного ей порядка делопроизводства, дает возможность султанам-правителям и биям не доносить обо всех делах в ОПК. По его мнению, из 50 преступлений казахов ОПК узнает только об одном. 49 дел разбираются и решаются без предупреждения комиссии, по народным обычаям, а пятидесятое комиссия узнает не от потерпевшего, а чаще всего по донесению лица постороннего²²²².

Комиссия, получив информацию, предписывает султану-правителю о скорейшем его окончании – большей частью производстве формального следствия – и выдать на линию преступников, а к этому времени дело получается уже закончено по народным обычаям. «Правитель знает об этом, но боится сказать об этом ОПК, потому что комиссия непременно потребует объяснения: на каком основании он допустил превышения власти? Вот он и начинает известные ему извороты: то преступник откочевал к пределам Хивы, то место кочевания его неизвестно, то он бежал неизвестно куда. Переписки, таким образом, по делам уже оконченным в Орде тянутся по несколько лет в комиссии», накапливая неразрешенные дела.

Среди казахов появились выражения «лучше ничего не получить по суду народному, чем жаловаться русскому начальству, являться несколько раз к допросам и все-таки ничего не получить», «Русский суд – большая дорога, откуда дело назад не приходит»²²²³.

---

²²²² Если случается, что сами киргизы жалуются Пограничному начальству, то можно утвердительно сказать, что жалоба была уже разбираема биями, но истец или ответчик судом их остался недоволен, или что жалующийся сам кругом виноват и из боязни суда биев предупреждает этот суд. Если султан-правитель доносит Комиссии о преступлении, это значит, что он не надеется или не может окончить его по народным обычаям, или что преступление сделано киргизами, над которыми он не имеет власти, или что он не желает шадить преступника, или наконец, что дело было уже разбираемо, но враждующие отказались исполнить решение биев // РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 9.

²²²³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 10 об.

Он пишет: «Нам следовало бы спуститься до киргизского обычая, примирить русский закон с обычаем страны и потом, заискавши более к себе доверия, шаг за шагом вести народ к той степени общественного устройства, на котором желаем его видеть»²²²⁴.

Автор уделил внимание проведению следствия у казахов. По его мнению, для казахов неудобны и невыгодны формальные следствия. Очень тяжелым для следствия был вызов людей и соблюдение законных форм. Это объяснялось тем, что, во-первых, казахи, не зная русского языка, наслушавшись различных историй, боялись русского чиновника, боялись следствия, боялись быть задержанным. Во-вторых, так как следствие российские чиновники проводили на линии, за несколько десятков, а иногда даже и сот верст от аулов, прикосновенных к делу лиц как богатому, так и бедному казаху было трудно явиться к ним. «Богатому по той причине, что он пастух своих стад и при частых в степи разъездах воровских шаек бережет их день и ночь; бедному потому, что он часто не имеет даже коня для поездки; при том, что русские чиновники, по ходу ли самого дела, или занятые другими срочными делами, держат иногда киргиза (казаха – Г.И.) на линии по несколько дней и даже недель. Киргизу (казаху – Г.И.) все это время нужно иметь квартиру, кормить себя и лошадь. Лошадь, положим, он оставит в ближнем ауле, но сам часто по целым дням, иногда на холоде пред квартирою следователя, в ожидании спросов, остается без пищи; купить ее ему не за что, да иногда и негде. Уральский казак не пожалует бедняка. Он считает поганую ту вещь, к которой прикоснулся киргиз и не станет уже употреблять ее, а байгуши-киргизы, кочующие около форпоста, сами не едят иногда по целым дням, потому что нечего есть. Случается, наконец, что киргизы явятся к следователю в назначенный срок, а следователь или сам уехал куда-нибудь, или не явились еще люди, с которыми им нужно дать, например, очную ставку. Киргизы (казахи – Г.И.) ждут иногда очень долго и уезжают не дождавшись. Нужно видеть нетерпение холодного и голодного киргиза (казаха –

---

²²²⁴ Там же. Л. 11 об.

Г.И.) скорее вырваться с форпоста в свой аул, чтобы иметь понятие о желании его явиться к следствию в другой раз»²²²⁵.

Следствие российских чиновников длилось годами, тогда как по казахским обычаям самое сложное дело заканчивалось в несколько дней. Эти факторы, запечатленные автором, по его суждению требовали пересмотра проведения следствия.

Он предлагал ввести следующие правила.

1. Дела по преступлениям казахов о неповиновении властям, убийстве, барымте ²²²⁶, возмущении, разбое, захвате русских, измены, изготовлении фальшивой монеты, утайке более трех раз кибиточного сбора разбирать формальным порядком, в присутствии казахского депутата со стороны обвиняемого, и виновных судить по общим законам империи.

2. Все другие уголовные и исковые дела казахов со своими соплеменниками предоставить разбирать и заканчивать по народным обычаям султану-правителю в Степи и о каждом разбирательстве доносить Пограничной комиссии с кратким изложением сущности дела и решения биев.

Если султан-правитель решал, что дело требует дальнейшего рассмотрения, то он, разобрав дело по народным обычаям, мог прислать виновных в Пограничную комиссию вместе с протоколом разбирательства и просить комиссию судить их по законам империи. К таким разбирательствам Пограничная комиссия по своему усмотрению могла командировать чиновника: а) когда того пожелают истец или ответчик; в) в делах по кибиточному сбору и в других особой важности и с) когда истец и ответчик были не довольны судом биев и просили пересмотра дела.

Командированный чиновник при разбирательстве не имел голоса, но по окончании суда был обязан донести комиссии. От султана-правителя требовали

²²²⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 14–15.

²²²⁶ Ф.М. Лазаревский обращал внимание на то, что «в делах необходимо отличать первоначальную баранту – первый повод к вражде, и баранту последующую, как следствие первой. На начинающего должно быть налагаемо самое строгое наказание, потому что он беспричинным захватом чужого, при нетерпении киргизов и нежелании их видеть собственность в пользовании недруга, как бы вынуждает потерявшего отомстить врагу и возратить свое тою же барантою, особенно если бии не дают скорого суда или барантовщики не слушают бия» // Там же.

представления обстоятельств дела и решения биев со своим мнением. Если дела разбирались пристрастными и несправедливыми людьми, то султан-правитель должен был указать султанов или биев, которым могло быть доверено пересмотр дела.

После рассмотрения представленных султаном-правителем и чиновником донесений о произведенных разбирательствах, Пограничная Комиссия, если признавала нужным, то могла предписать султану-правителю подвергнуть дело новому разбирательству через биев, которых она сама укажет, опять в присутствии русского чиновника.

3. Дела по преступлениям, означенным во 2-м пункте казахов против неказахов, смотря по желанию истца, можно было бы разбирать казахским судом при чиновнике комиссии, или раскрывать чрез формальное следствие и в обоих случаях виновных отдавать на суд султана-правителя. И по таким делам султан-правитель мог прислать виновных в Пограничную комиссию вместе с протоколом расследования для разбирательства их по российским законам.

Дело, отданное по желанию истца на казахский суд, в случае неудовольствия одного из тяжущихся на первое разбирательство, могло быть, если неудовлетворение основательно, подвергнуто вторичному разбирательству назначенными комиссиею биев, но формальным порядком уже не могло быть расследовано.

Если признавалось неудобным предоставление султану-правителю разбирать и заканчивать по народным обычаям дела, означенные во 2-м и 3-м пунктах, то полезно было, по мнению Ф. Лазаревского, предоставить султану-правителю разбирать те дела по народным обычаям. Важнейшие из них или когда того пожелают истец или ответчик разбирать при русском чиновнике, тяжущихся удовлетворять по народным же обычаям, а виновных – ежели таковые по делу будут, судить в Пограничной комиссии по законам империи²²²⁷.

Бия, замеченного в пристрастном или несправедливом решении дел до трех раз, Ф. Лазаревский предлагал подвергать исправительным наказаниям:

---

²²²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 16 об.–17 об.

выговорам с опубликованием по Орде, содержанию под арестом. Замеченного в этом более 3-х раз предлагалось лишать звания бия, не давать в Орде ему никаких поручений, не допускать к должностям и разбирательствам.

Ф. Лазаревский надеялся, что с приведением в исполнение объясненных выше правил ОПК много выиграет. Сократились бы переписки и было бы приобретено доверие казахов как к российским чиновникам, так и российскому законодательству.

Чиновник ОПК считал, что посылать в степь российского чиновника было существенно необходимо. Одной из главнейших обязанностей российского чиновника в степи, по его мнению, должно было быть разбирательство всех жалоб казахов.

Ф.М. Лазаревский предлагал вместо чиновников для производства следствий в степи назначить чиновников особых поручений при Пограничной Комиссии. При ОПК состояли пять чиновников для производства следствий в степи, с ежегодным содержанием 1750 руб. сер. Автор указывал, что чиновники эти не были употреблены по своему назначению. Со времени утверждения штата, они не произвели ни одного следствия в степи, что указывало на то, что не было потребности в чиновниках данной категории для степи. Большею частью они были заняты делами по линии, и иногда посылались в степные укрепления.

Вместо этих пяти чиновников для производства следствий в степи он предлагал назначить четырех чиновников особых поручений при Пограничной Комиссии: одного старшего и трех младших. Старшему чиновнику он предлагал присвоить VIII класс и 500 руб. содержания. Трем младшим, каждому IX класс и 400 руб. сер. содержания, что составило бы всего 1700 руб. сер. в год²²²⁸.

Учитывая, что должности чиновников особых поручений были в почете, Ф.М. Лазаревский предполагал, что этих должностей будут искать люди способные, знающие, учившиеся в высших заведениях. Он видел больше пользы от службы таких чиновников, чем от службы чиновников для производства следствий в степи.

---

²²²⁸ Там же. Л. 42.

Знание казахского языка для должности чиновника особых поручений при Пограничной комиссии не было обязательной. «Хороший чиновник поймет, как это знание важно для его службы, и при частом обращении с киргизами (казахами – Г.И.) легко может изучить язык, по крайней мере, настолько, чтобы понимать разговор и не быть обманутым толмачом», – писал чиновник ОПК²²²⁹. Интересно, что спустя 50 лет в Оренбурге поднимается вопрос об открытии курсов казахского языка. Инициаторами выступили чиновники Тургайской межевой партии, которым приходилось в летнее время работать среди казахов. Их поддержали чиновники других учреждений и учителя городских школ. Преподавать казахский язык согласился Г.Б. Балгинбаев, который имел педагогический опыт²²³⁰.

В «Записке» он обращает внимание на роль султанов-правителей в усилении российской власти в Степи и отношении к ней казахов. По его мнению, султаны-правители получили огромную власть, поэтому «необходимо избирать на эти должности султанов самых достойнейших, благомыслящих, отличнейших по способностям и лучших по характеру»²²³¹.

Известны примеры, когда казахи доносили на своих султанов-правителей, например, на султана-правителя Восточной части Ахмета Джантюрина. Его обвинили в превышении полномочий, и пока ОПК разобралась в его невиновности, он был ущемлен в своих правах. В период командировки Ф. Лазаревского по Западной части оказалось, что едва ли не все должностные лица этой части находились под следствиями, некоторые следствия тянулись несколько лет.

Ф. Лазаревский пишет: «В Орде всякий донос Пограничному начальству основан на расчетах, на отношениях и можно быть уверенным, киргиз (казак – Г.И.) не пустится в дела из одной любви к истине и справедливости. Большею

²²²⁹ Там же. Л. 42 об.

²²³⁰ Областные хроники. Курсы киргизского языка // Тургайская газета. Иллюстрированное приложение. 1905. 16 января. № 3. С. 3.

²²³¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 18 об.

частью доносят на тех, кто лучше служит Пограничному начальству, киргизы (казахи – Г.И.) таких не любят»²²³².

По мнению чиновника ОПК, следствие над должностными ордынцами «сделалось мерою такого обыкновенного, что оно потеряло уже свою нравственную сторону». На все доносы и жалобы казахов друг на друга, по суждению Ф. Лазаревского, необходимо было предварительно провести розыск или дознание чрез благонадежного русского чиновника.

Он призывал должностных и вообще обязанных службою ордынцев за неисполнительность и упущения по службе сначала подвергать внушениям, наставлениям, исправительным взысканиям, и потом уже неисправимых – наказаниям более строгим, на основании законов²²³³.

О том, насколько нахождение под следствием влияет на казахских чиновников, он писал: «Некоторые из находящихся под следствиями превосходно служат и заслугами своими имеют право на внимание и отличие начальства, но подсудность препятствует отличию их, не видя конца следствиям, не ожидая поощрения за службу, они становятся равнодушны к ней и жертвуют интересами ее личным расчетам»²²³⁴.

Он предлагал: следствие над казахскими чиновниками заканчивать в кратчайшие сроки (в 1–2 месяца); над особо запутанными или трудными делами, жертвуя некоторыми формальностями, производить суд на основании тех данных, сколько необходимо для раскрытия истины; о решении суда над подсудимом публиковать по Степи, чтобы казахи поняли, «сделавши преступление, они не будут оставаться по нескольку лет не наказанными и добрые последствия этой меры не замедлят обнаружиться»²²³⁵.

Следующей проблемой, на которую обратил внимание чиновник ОПК, был вопрос о разрешении дистанчным и местным начальникам во время исполнения должностей пользоваться чинами зауряд. Это было необходимо, по мнению Ф.

---

²²³² Там же. Л. 43.

²²³³ Там же. Л. 42 об.

²²³⁴ Там же. Л. 43 об.

²²³⁵ Там же. Л. 43 об.–44.

Лазаревского, для возвышения должностей дистанчных и местных казахских начальников, для того, чтобы при первом занятии ими тех должностей дать им очевидные преимущества перед другими и в особенности для внушения казакам, от которых иногда местные начальники терпели и побои, разрешить дистанчным начальникам во время прохождения своей службы пользоваться чином зауряд-сотника, а местным начальникам зауряд-хорунжего.

Он предлагал дистанчного начальника через 8 лет безукоризненной и беспорочной службы наградить чином хорунжего, а второго за такую же службу – чином хорунжего через 15 лет, но отличные заслуги давали им право раньше этого срока получить эти чины. Управляющих степными родами за 12 лет безукоризненной и беспорочной службы можно было награждать золотыми медалями, начальников отделений за столько же лет такой же службы серебряными медалями, но те и другие имели право получить награды раньше назначенного срока, если покажут усердие и отличные качества²²³⁶.

С каждым годом увеличивалось количество населения, которое прикочевывало к линии. Так, например, в 1849 г. к линии прикочевало 26546 кибиток, с населением 91189 чел., и за этот год было собрано 74 тыс. руб. серебром. В 1850 г. прикочевало 50 тыс. кибиток²²³⁷. Собрание данной подати зависело от знания точного количества людей, поэтому в этом вопросе уделялось большое внимание компетентности, добросовестности султанов-правителей, дистанчных и местных начальников. ОПК предстояло собрать не только точные сведения о населении степи, но и проверить прозрачность сбора. Ф. Лазаревский предлагал внести изменения в 79, 84, 86, 87 параграфы «Положения об управлении оренбургскими киргизами (казахами – Г.И) 1844 г. Так, например, в 79 параграфе «Положения» говорится: «Доход по ведомству управления оренбургскими киргизами суть следующие.

Плакатный сбор по 15 к. сер. в месяц, за билеты, выдаваемые киргизам, нанимающимся у линейных и внутренних жителей в работники и находящимся

²²³⁶ Там же. Л. 45–45 об.

²²³⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 г. Д. 215. Л. 39.

вне степи в отлучке от своих жилищ»²²³⁸. Он считал удобным разделить билеты работников от билетов «на отлучки от жилищ». Первые, по заведенному порядку, выдавались казачьим начальством. Вторые он предлагал выдавать дистаночным начальникам и султанам-правителям, а не линейным начальникам. Последние, не зная казахов, не зная тонкости дела, не должны выдавать ему билет на нахождение вне степи. Казаху также трудно и не выгодно было сперва брать «свидетельство от своей ордынской власти в том, что к отлучке из Орды нет препятствий и потом ехать к линейному начальнику для получения билета».

Параграф 84 того же «Положения», который звучал: «Кибиточный сбор производится киргизскими дистаночными начальниками и начальниками аулов и доставляется в комиссию установленным для сего порядком»²²³⁹, Ф. Лазаревский предлагал изменить. По его мнению, кибиточный сбор должен был собираться начальниками аулов под ближайшим наблюдением дистаночных начальников на линии и родоправителями в степи. Он считал, что одно и то же лицо должно производить сбор, так как если сбор начнут собирать и дистаночный, и аульный начальники, проверить их уже было бы трудно.

86 параграф «Положения» гласил: «Для предупреждения злоупотреблений при сем сборе Пограничная комиссия снабжает дистаночных и аульных начальников печатными бланковыми квитанциями на русском и татарском языках за подписью одного из советников, с приложением печати комиссии, для выдачи оных киргизам, внесшим деньги, и шнуровыми книгами на записку сих квитанций»²²⁴⁰. Сюда он предлагал внести изменения следующего характера: указывать в квитанциях каждую кибитку, заплатившую кибиточный сбор, и показывать точно, с «чьих именно кибиток сделан взнос денег». Выдача квитанций на несколько кибиток, согласно 87 параграфу «Положения», без указания хозяев этих кибиток, вызывало трудности для контроля сбора. Комиссия

²²³⁸ Положение об управлении оренбургскими казахами // Материалы по истории политического строя. С. 224.

²²³⁹ Там же. С. 224.

²²⁴⁰ Там же. С. 225.

имела уже такие случаи. Все эти мероприятия должны были улучшить контроль за взиманием кибиточного налога с казахов Оренбургского ведомства²²⁴¹.

Таким образом, Федор Матвеевич Лазаревский предстает перед нами как человек, глубоко изучивший кочевую жизнь, судопроизводство казахов. Он, детально описывая обычаи казахов, сочувствуя беднейшему населению Степи, предлагает искоренить такие обычаи как кун, айып, барымту. Назначение родоправителями биев, имевших влияние в обществе, рассматривается им как один из путей совершенствования управления регионом. Прослужив в Оренбургской Пограничной комиссии от простого чиновника до чиновника особых поручений, а затем и до советника Уголовного отделения, изучив Степь «изнутри», он выдвинул реальные пути совершенствования управления казахами Оренбургского ведомства.

Местное население на изменение жизненных устоев реагировало как активно, которое выражалось в восстаниях, так и пассивно. Пол Верт призывает уделять больше внимания пассивной оппозиционности местных национальных сообществ по отношению к разнообразным инициативам имперского центра. По его мнению, «мирное сопротивление», формами которого могли быть подача прошений, распространение слухов, «непонимание» правительственных предписаний, давали возможность уклониться от их выполнения, что существенно затрудняло действия властей, заставляя их в некоторых случаях отказаться от той или иной акции²²⁴².

Так, например, в мае 1845 г. председатель Пограничной комиссии М.В. Ладыженский сообщал в Азиатский департамент МИД о распространении слуха среди казахов Западной части, что «будто русское правительство намерено брать насильно киргизских детей для воспитания в школе, а взрослых киргиз, до 1 000 человек – для формирования отряда против черкесов, и что слухам этим

---

²²⁴¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 год. Д. 222. Л. 46 об.–47.

²²⁴² Верт П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности». С. 58.

многие поверили и кочуют вдаль от линии»²²⁴³. Для прекращения распространения таких слухов М.В. Ладыженский сделал распоряжение султанам-правителям лично принять меры по водворению спокойствия, разъяснению населения сущности дела, раскрытию виновных в разглашении слухов. В то же время попечителям прилинейных казахов были даны установки «внушать киргизам недоверие нелепым толкам и стараться открыть распространяющих оные».

Следующим слухом, распространенным в 1845 г. среди казахов Западной и Средней части, была «молва о сильном отряде, предназначенном в степь, об устройстве укрепления и о новых военных поселениях». Попечитель прилинейных казахов Александрийский, находясь по делам службы в Орской крепости, доносил, что этот слух принят казахами почти за факт и что «они заключают, что все приготовления имеют целью поиск Кенесары». Также казахов встревожил тот факт, что российская администрация собирается производить инструментальные съемки. Имея горький опыт изъятия земель по Илеку после проведения инструментальных работ, казахи начали беспокоиться за свои земли. Этим воспользовались среднеазиатские соседи. Хивинский хан приглашал казахов покориться его власти. В это же время были распространены слухи, что в Бухаре есть хорошие места, на которые приглашаются казахи к кочеванию. Это обеспокоило не только Пограничную комиссию, но и главного начальника края В. Обручева²²⁴⁴. Оренбургский военный губернатор распорядился уточнить о степени влияния слухов на казахов и о страхе казахов за свои земли из-за проведения инструментальных съемок.

Таким образом, изучение положения дел казахов Оренбургского ведомства позволяет нам сделать вывод о том, что ОПК руководствовалась идеей управления Степью на основании народных обычаев, казахского

---

²²⁴³ 1845 г. мая 23. – Донесение председателя Оренбургской пограничной комиссии М. Ладыженского в Азиатский департамент МИД о мерах против ложных слухов среди казахского населения // КРО–2. С. 309.

²²⁴⁴ 1845 г. июля 4. – Предписание оренбургского военного губернатора В. Обручева председателю ОПК в связи с беспокойством казахов за свои земли // КРО–2. С. 307.

судопроизводства и назначения местных начальников из среды кочевого населения.

Утвержденное 14 июня 1844 г. сроком на пять лет «Положение об управлении оренбургскими киргизами» действовало до 1 сентября 1849 г. Указом Правительствующего Сената от 13 декабря 1849 г. оно было продлено еще на один год. В начале февраля 1850 г. ОПК представила оренбургскому военному губернатору генералу от инфантерии В. Обручеву свои дополнения и изменения в статье «Положения» 1844 г. Здесь указывалась необходимость представить «ордынскому начальству более прежнего власти по решению гражданских и уголовных дел между казахами, а на линии, для окончания возникающих дел по обоюдным претензиям ее поселенцев и казахов друг на друга, ввести разбирательство: словесное и по правилам суда третейского»²²⁴⁵. 14 февраля 1850 г. В. Обручев внес замечания на представленный ОПК проект. В апреле 1851 г. по докладу К.В. Нессельроде Николай I повелел оставить в силе действующий закон на неопределенное время до введения нового. «Положение» 1844 г. оставалось без существенного изменения до реформ 1867–1868 гг.

Таким образом, по реформе 1844 г. местная власть состояла из трех звеньев управления: султаны-правители (правители 3-х частей), дистаночные начальники, аульные начальники (местные начальники). «Положение» внесло изменения в судопроизводство казахов, ввело институт попечительства, был усилен штат ОПК, пересмотрены пункты распределения бюджета.

Н.И. Любимов как представитель МИД сформулировал дальнейшую политику освоения казахской Степи на основании сохранения традиций и обычаев казахского народа, проведения судопроизводства на основе народного суда, т.е. минимального вмешательства в дела казахов. «Положение» 1844 г. не предусматривало изменения прежней системы в отношении казахов, введения у них российского управления. Управление Степью сохранялось в руках местной администрации, но под наблюдением Оренбургской пограничной комиссии.

---

²²⁴⁵ РГИА. Ф. 853. Оп. 1. Д. 25. Л. 6 об.–7.

В 1850 г. была учреждена должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, а в 1865 г. Оренбургского губернатора. В 1851 г. В.А. Перовский во второй раз отправляется в Оренбургский край. На него была возложена ответственность за разработку оптимальной модели управления казахами Младшего жуза, с учетом результатов предыдущих законов. С В.А. Перовским в край направляется чиновник МИД, историк-востоковед В.В. Григорьев²²⁴⁶.

Прибыв в Казахскую и изучив ситуацию на месте, В. Григорьев стал инициатором нововведений по управлению казахами Оренбургского ведомства. Он предлагал провести новое разделение прилинейных казахов на дистанции, с увеличением численности кибиток в каждой и с увеличением жалованья дистанционным начальникам. В. Григорьев писал, что перераспределение дистанций не приведет к передвижению казахов, а лишь будут изменены номера дистанций и местные начальники перейдут из ведомства одного дистанционного начальника в ведомство другого. Нормой кибиток в составе одной дистанции рассматривалась цифра от 1500 до 2500, т.е. в ведомстве каждого дистанционного начальника находилось бы от 7500 до 12500 чел. обоего пола²²⁴⁷.

Неудобное географическое расположение большей части степных дистанций также стало причиной поднятия вопроса о пересмотре разделения дистанций. Но управление степными дистанциями требовало более глубокого и детального изучения, так как применение уравнения численности кибиток в прилинейных дистанциях не подходило для степных. Здесь требовалось коренное преобразование. В. Григорьев предлагал всю Среднюю часть устроить по дистанционному принципу вместо родового порядка²²⁴⁸. Но собрание статистических данных, проверка различных сведений требовали времени.

В 1858 г. по отчету ОПК в Степи было следующее количество начальников (табл. 6.3).

²²⁴⁶ Василий Васильевич Григорьев 1 декабря 1851 г. был командирован в распоряжение Оренбургского и Самарского генерал-губернатора В.А. Перовского. До 1854 г. находился в должности чиновника особых поручений при В.А. Перовском. 12 января 1854 г. назначен председателем Пограничной комиссии // Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам. 1816–1881. СПб., 1887. С. 107, 113.

²²⁴⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 2.

²²⁴⁸ Там же. Л. 2 об.

Таблица 6.3 – Количество начальников в Степи

	Западная часть	Средняя часть	Восточная часть
Дистаночных начальников	9	17	28
Местных начальников	50/57	99/100	75/74
Родоправителей	20	1	4
Управляющих отделениями и подотделениями	67	6	7

В течение 1858 г. в связи со смертью, увольнением, переводом на высшие должности открылось нижеследующее число должностных вакансий:

начальник дистанции – 2/6;

местный начальник – 6/15;

управляющий отделением – 1/5.

На эти вакантные и новые места были назначены: начальников дистанции – 3, местных начальников – 7, управляющих родами – 11, управляющих отделениями и подотделениями – 26²²⁴⁹.

Сумма, выделяемая на жалованье чиновникам нижнего звена, уменьшилась до 10735 руб. сер. к 60-м годам XIX в. В этот период из общей суммы 6000 руб. сер. по штату 1844 года выделялось на жалованье дистаночным начальникам и письмоводителям. Из них на 27 прилинейных дистанций расходовалось 2360 руб. сер., на 28 степных дистанций – 1850, на жалованье родоправителям 405 руб. сер.; 120 руб. шло в жалованье прикомандированному к Правлению воспитаннику киргизской (казахской) школы²²⁵⁰.

В 1862 году встал вопрос о новом разделении территории казахов, зимующих постоянно против Оренбургской линии и далее вглубь степи. Это объяснялось тем, что в 1830-е годы, не имея ранее опыта деления на дистанции, деление произвели неравномерно. Так, например, в 1862 году во время исследования Степи в Западной части каждая дистанция включала не менее 1500

²²⁴⁹ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2848. Л. 94.

²²⁵⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7784. Л. 2 об.

кибиток, а были и такие, которые состояли из 5000 кибиток. В Восточной части, наоборот, население нескольких дистанций не превышало 400 кибиток. В Средней части были дистанции, которые состояли из 2000 кибиток, но одновременно с такими были и те, которые включали в себя менее 500²²⁵¹. Это объяснялось не местными обстоятельствами, например, скоплением большого числа кибиток на относительно тесном пространстве или рассеянностью меньшего числа кибиток на большом пространстве, а просто случайностью. Неравномерность населения дистанций привела к тому, что некоторые дистанционные начальники в связи с перенаселением трудно справлялись со своими обязанностями, а другие почти ничего не делали.

Следующей причиной было то, что письмоводители дистанционных начальников 1 категории не соглашались на службу в дистанции 3-го разряда, где их жалованье составляло менее 25 руб. в год.

Забегая вперед, скажем, что все эти предложения будут рассмотрены комиссией, созданной в 1865 г. для разработки нового «Положения» управления Степью.

6.2 Казахские депутации в столице: церемониал власти и его влияние на восприятие казахами «образа» империи

Различные по своему содержанию и форме (коронация монархов, аудиенции, дипломатические приемы) государственные церемонии играли важную роль в формировании у подданных империи образа государства. Приглашение и участие казахских депутаций в мероприятиях такого масштаба выполняло несколько функций. С одной стороны, оно знакомило подданных с могуществом империи, внушая им уважение к России, а с другой, оно показывало ее многообразие.

Со своей стороны казахская элита для возвышения среди кочевого населения, а с XIX в. и казахские чиновники для поднятия своего престижа среди

---

²²⁵¹ Там же. Л. 1.

других султанов-правителей, султанов, дистаночных начальников, аульных старшин, биев и т.д., просили разрешения для посещения Москвы и Петербурга.

Еще в 1756 году КИД разрешила хану Младшего жуза посылать делегации в столицу через каждые 2–3 года для приветствия императрицы²²⁵². В 1762 г. ко времени восшествия на престол императрицы Екатерины II прибыли в Санкт-Петербург посланцы от хана Нуралы во главе с Жанибеком, от султана Аблая и его брата – султаны Баир и Урус, от султана Абулфеиса – Баймурза батыр и Кудайберген. Делегация была щедро одарена, казахским владельцам были переданы подарки. Посланцы Аблая и его брата были оставлены для присутствия при коронации императрицы. В память об этом торжественном событии казахам в первый раз были выданы медали. Баир и Урус получили золотые медали и по двадцать червонных, а пятеро старшин – серебряные медали. При выдаче медалей разъяснялось, что они выдаются «в достопамятство» и должны передаваться потомству «в немалую честь и знатность»²²⁵³.

Как указывалось ранее, в сентябре 1826 г. хан Внутренней Орды Джангир, ханша Фатима²²⁵⁴, свита хана в составе Каипгали (сын хана Есима) Ишимханова, Чуки Нуралиханова, Сююнучгали Джаналиева, ходжи Караул Бабаджанова, старшины Серкеша Ялшибаева и других присутствовала на коронации Николая I в Москве²²⁵⁵.

Джангир хан со свитой был представлен директором Азиатского департамента 1 августа императору. Переводчиком был назначен титулярный советник Бикмаев²²⁵⁶. Но свободное владение русским языком позволило хану беседовать с Николаем Павловичем без посторонней помощи²²⁵⁷.

²²⁵² Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1901. Т. 1. Вып. 2. С. 132.

²²⁵³ Там же. С. 139.

²²⁵⁴ Фатима была дочерью Мухаммеджана Хусаинова. Мухаммеджан – ахун при Оренбургкой пограничной комиссии (с 1785 г.), оренбургский муфтий (1789–1824), член Ханского совета Младшего жуза (с 1787 г.).

²²⁵⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 118. Л. 4, 15 об.

²²⁵⁶ Бикмаев Ибниамин Магомедович (1796/1798 – 1.03. 1853) – из мурз, мусульманин. Воспитывался в Омском сиротском отделении, но курса наук не закончил. Службу начал в государственной Коллегии иностранных дел в июле 1813 г. В июне 1820 г. за успешное сопровождение в 1819 г. в Санкт-Петербург казахских султанов произведен в переводчики государственной Коллегии иностранных дел. В январе 1822 г. переведен из Сибирского корпуса в Азиатский департамент МИД на вакансию переводчика татарского языка. В 1832 г. переведен советником в Оренбургскую пограничную комиссию. В июне

Для отправки в столицу в составе казахской делегации надо было иметь большие заслуги перед государством. Так, например, хан Внутренней Орды Джангир за свой счет 5 ноября 1824 года отправил ходжу Караул Бабаджанова с вооруженным караваном для изучения в Бухарии содержания верблюдов и возможности их покупки, для того, чтобы избежать больших издержек, требующих на наем их у казахов²²⁵⁸. С 4 февраля 1825 года по распоряжению хана Джангира в Орде вводится прививание от коровьей оспы²²⁵⁹. Хан в 1825 году по приглашению оренбургского военного губернатора П.К. Эссена первый прислал в Неплюевское училище из своей Орды детей для получения образования, тогда как никто из султанов-правителей Орды не сделал этого. Он определил два места для обмена и покупки у казахов скота, так как увидел обман и несправедливость со стороны купцов²²⁶⁰. Джангир заботился о развитии земледелия и скотоводства во Внутренней Орде. В период его управления Орда находилась в самом цветущем положении.

Приглашение и поездки казахской знати в Петербург изначально решали две задачи империи: во-первых, намерение развить в казахах стремление к улучшению степного хозяйства на началах земледелия и промышленности (цивилизаторская деятельность), во-вторых, показ величия и могущества России (формирование «образа» империи).

Цели и задачи отправки казахских делегаций в Петербург меняются с середины XIX века. С 40-х годов берет начало практика приглашения в столицу казахов с экскурсионными целями²²⁶¹. Согласно «Положению об управлении оренбургскими киргизами» 1844 года, признано было полезным и принято за правило посылать в Санкт-Петербург время от времени для ознакомления с

1834 г. произведен в надворные советники, в 1840 г. – в коллежские советники, в октябре 1848 г – в статские советники. Жена Фатима Шангиреевна Тевкелева. Сын Кутлуг-Мухаммед // ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1540. Л. 36–42; Ф. 4. Оп. 1. Д. 2730. Л. 10–23.

²²⁵⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1859 год. Д. 243. Л. 4.

²²⁵⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1826 год. Д. 118. Л. 10а.

²²⁵⁹ Там же. Л. 13.

²²⁶⁰ Там же.

²²⁶¹ Ремнев А., Сухих О. Казахские делегации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским репрезентациям // *Ab Imperio*. 2006 № 1. С. 139.

могуществом и блеском империи тех или иных из почетнейших и влиятельнейших казахов из Зауральской степи. «Периодически вызов этих полудикарей был, между тем, мерою весьма полезною, и как теперь видно, имел весьма хорошие последствия. Чего именно не достает многим из влиятельнейших сынов степи, чтобы сделать их вполне верными и преданными подданными – это сознание величия и могущества империи», – сообщалось в документе²²⁶².

Практически реализация имперской политики была тесно связана с задачей выстраивания отношений власти с мусульманской элитой Российского государства. Важное значение здесь придавалось инкорпорированным в состав русского дворянства чингизидам – представителям белой кости. Как и говорилось выше, коронация императора была главным событием имперского сценария власти, а его участники были не только главными свидетелями мероприятия, но и носителями идеи, что Россия является великой империей в ряду других европейских колониальных держав и имеет цивилизирующую миссию. Участники депутаций отбирались местными властями – султанами-правителями частей, а затем их кандидатуры пересматривались в Оренбурге, и после подтверждения, утверждались в Петербурге.

В основном это были люди, имеющие заслуги перед Россией, или же наоборот, как случаи с Есетом Кутебаровым (был в составе депутации 1859 года, возглавил восстание казахов в 1855 г.) и Азбергенем Мунайпасовым (был в составе депутации 1860 года, родственник Есета Кутебарова, один из его сподвижников), когда-то выступавшим против политики империи. Включение последних в состав депутации оренбургский генерал-губернатор объяснял тем, чтобы вкоренить казахам «понятия о невозможности даже помышлять о неповиновении русской власти»²²⁶³.

Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин в своем письме И.М. Толстому, обосновывая возобновление в 1859 году поездки казахской депутации в Петербург, пишет: «Человек необразованный судит по преимуществу

---

²²⁶² РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 1. Л. 1, 1 об.

²²⁶³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1860 год. Д. 1. Л. 1.

на основании свидетельства глаз, а потому неудивительно, что большинство ордынцев, зная Россию и судя о ней только по Оренбургу, Троицку или Уральску, думает, что мы не много сильнее хивинцев, а Бухарский эмир будет, по их понятиям, могущественнее государя Русского. Чтобы вывести добрых людей из этого заблуждения, не представляется лучшего и вернейшего средства, как некоторым из них, умнейшим и способнейшим, действовать на остальных, показывать Россию лицом к лицу, провезя их от Оренбурга до Санкт-Петербурга и обратно через Москву, Нижний Новгород, Казань и другие города и поразив их в обеих столицах зрелищем парадов, театральных представлений, фабричной деятельности, арсеналов и др. коллекций»²²⁶⁴.

Как представители депутатий принимали навязываемый им образ, как осмысливали и представляли по возвращении на родину «виденное и услышанное»? Оренбургский генерал-губернатор А. Катенин писал: «Опыт свидетельствует, что те из киргизов, которые прошли такой курс наглядного ознакомления с Россией, возвратились в степь с совершенно другими понятиями, нежели с какими ее оставляли, и распространением этих понятий между единоплеменниками, посредством рассказов, весьма много содействовали утверждению в степи уважения к силам России, а потому и покорности распоряжениям Правительства»²²⁶⁵.

Б. Айчуваков и А. Джантюрин по возвращении из поездок в Петербург скончались. Б. Айчуваков, переполненный эмоциями пребывания в Петербурге, несмотря на предупреждения соплеменников, переправляясь через бурлящую реку Илек 30 марта 1847 года утонул, не доехав до своего аула. Какие обстоятельства и соображения были в Министерстве иностранных дел, неизвестно, но после этих случаев перестали приглашать казахов в столицу. Представители Степи не участвовали даже на коронации Александра II в 1856 году. Возобновляются приглашения лишь начиная с 1859 года, после писем оренбургского генерал-губернатора А. Катенина.

---

²²⁶⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 1. Л. 2.

²²⁶⁵ Там же. Л. 2 об.

Члены казахской делегации, бывшие в 1860 году в двух столицах империи, Илекей Касымов²²⁶⁶ и бий рода шекти отделения кабака Азберген Мунайпасов вели беседу, возвращаясь с Петербурга в Москву. Султан Илекей сказал: «Какие, посмотришь, были мы с тобой безумцы, мечтая когда-то потягаться с русскими; вот только и делаем, что едем чуть не две недели день и ночь, а конца русскому царству не видим»²²⁶⁷. Ознакомление казахов с военными силами и гражданским развитием империи постепенно давало свои результаты.

Сердалы Бекчурин (бий рода торткара, был в составе делегации в 1860 году, писал по-казахски) рисовал по-своему все, что видел: дорогу, локомотив, несколько вагонов, побывав в Эрмитаже, принялся копировать на память «Последний день Помпеи». В дни нахождения в Петербурге поделился со своими мыслями с приставом Львом Плотниковым сопровождавшим делегацию: «Оренбург – наша киргизская степь, все его жители – наши дюрткаринцы, не более; вот здесь живут настоящие люди»²²⁶⁸.

Просмотр казахами разных мануфактурных, хозяйственных и промышленных заведений не производил сильного впечатления на них. Слабо развитое в степи земледелие мало вызывало интерес у казахов к новым земледельческим орудиям. Поэтому эта часть сценария не приводила к изменениям в хозяйственной жизни казахов. Вторая цель – показать могущество и блеск империи – имела свое воздействие, о чем свидетельствуют слова Илекея Касымова (см. выше).

Общий психологический и моральный эффект этих поездок имел место среди казахов. Громадное впечатление произвели на казахов переезд по железной дороге, изящество, богатство и роскошь императорских дворцов, выправка и

---

²²⁶⁶ Илекей Касымов – праправнук хана Младшего жуза Абулхаира, правнук его второго сына Ералы, в 1846 году провозгласил себя ханом Зауральской степи, затем в 1847 году ушел в Хиву под патронат хана Мухаммед-Эмина (1846–1855). Затем был задержан в Хиве по подозрению в сношениях с бухарским эмиром и заключен в тюрьму. В 1852 году бежал из Хивы и явился с повинной в Оренбург. 19 марта 1852 году отказался от ханского титула и выразил желание служить империи. Был прощен за свои действия. Осенью 1859 году истребил казахов, поддержавших восстание Жанкожи Досмухамедова и ушедшего за Сырдарью к бухарским пределам самого руководителя.

²²⁶⁷ Плотников Л. По поводу статьи «Путешествующие киргизы» // Русский вестник. 1860. Т. 30. С. 275.

²²⁶⁸ Там же.

блестящие мундиры гвардейцев во время парада, поездка на пароходе в Кронштадт, экспонаты Арсенала, механизм изготовления денег на монетном дворе. Поездки достигли своей цели.

Салих Бабаджанов²²⁶⁹ рассказывал об изменениях в Букеевской Орде после поездок хана Джангира в Петербург и в Пятигорские горячие ключи. Хан выписывал из русских заводов и Кавказа лучшие породы лошадей, хороших жеребцов и дарил их усерднейшим и почетнейшим казахам. По его приказу занимались улучшением породы верблюдов. «Хан приглашал в ставку и показывал казахам труппу акробатов, гимнастов и вольтижеров. Это вместе с музыкальными инструментами (орган и фортепиано) очень заняло киргизов (казахов – Г.И.) и дало их воображению новое движение. В ставке в день именин и коронации государя делались великолепные фейерверки, что казалось киргизам (казахам – Г.И.) чудом области неведомого им мира. При хане посещали ставку небольшие зверинцы... В доме хан поставил бильярд, имелся также русский буфет со всеми принадлежностями лучшего гастрономического стола. Прислужники были все из киргизов, кроме одного татарина и русского; были у него и горничные девки из русских. При нем чрезвычайно улучшился и переменялся женский костюм киргизок (казашек – Г.И.), он представлял среднее между русским и татарским одеянием женщины»²²⁷⁰.

О результатах поездок казахов в столицы писал А. Артемьев: «Опыт доказал, что эти путешественники приносили несомненную пользу: те из киргизов, которые прошли такой курс наглядного ознакомления с Россией, возвращались в степь с совершенно другими понятиями, нежели с какими оставляли ее, проникались расположением ко всему русскому в замене прежнего пристрастия к своему кочевому и мухаммеданскому, и распространяя более здравые понятия между единоплеменниками, весьма много содействовали

²²⁶⁹ Бабаджанов Салих – советник Временного Совета управления Букеевской Орды, хорунжий и кавалер, получил образование в Оренбургском кадетском корпусе, член казахской депутации в Петербург в 1860 г.

²²⁷⁰ Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах // Северная пчела. 1861. № 4. С. 3.

утверждению в степи уважения к силам России, а потому и покорности распоряжениям Правительства.

Нет никакого сомнения, что они возвратились в свою родную степь под влиянием разнообразных и надолго неизгладимых впечатлений. Во время пребывания своего в столице они были очевидцами стольких явлений, которых никогда не могла создать их фантазия, что разговоры о них надолго будут любимым предметом бесед киргизов и весьма вероятно, что новый есаул поэт пир Мухаммед Куланбаев воспевает все эти чудеса в песнях, которые потом будут повторяться в разных концах степи под звуки кобыза, туземного инструмента»²²⁷¹.

Безусловно, некоторые мероприятия, проводимые российскими властями, оставались в некоторых случаях не понятыми казахами. Например, казахи, побывавшие в земледельческой школе, посетившие разные мануфактурные и промышленные заведения, иногда отказывались от некоторых мероприятий, объясняя это тем, что это им не нужно. Так, например, увидев усовершенствованные земледельческие орудия, они заинтересовались покосной машиной, но узнав стоимость и учитывая неудобство перевозки данной машины, отказались от ее приобретения. Так же следует учесть, что сенокосение начало развиваться в степи только с 30-х годов XIX века, и пока надобности в таких машинах не было. Не понимали казахи иногда цели поездок и посещения различных мест. Так, например, султан Илекей не понял значения посещения ботанического сада. «Мы видели травки, цветочки, а что в них толку – этого мы не поняли. Бывало, придешь...в любой сад в Хиве – сейчас тебе, с разными вежливостями, подадут сочную дыню, которая так сама, еще в руках, и тает; подадут огромную кисть чудного винограда, урюку, шапталы, али-бухары: ну, и чувствуешь, осязательно понимаешь положительную пользу садов, их тень, их прохладу, их пользу человеку; а тут что?»²²⁷². Побывав на скачках, у них появился вопрос, почему призовой приз дается лошади, ее хозяину, тогда как «по нашим понятиям, приз этот должен принадлежать не неразумному животному, не одному

²²⁷¹ Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства // Журнал Министерства внутренних дел, 1859. Т. 38. № 10. Отд. 3. С. 9, 13.

²²⁷² Небольсин П. Путешествующие киргизы // Русский вестник. 1860. № 9. С. 48.

ее хозяину, а целому отделению родовичей хозяина, выигравшего приз скакуна»²²⁷³.

Завоевание Россией Центральной Азии способствовало тому, что Казахская степь стала внутренней областью империи. Степная угроза исчезла, и стали меняться сценарии власти. Приезды казахских делегаций в Петербург приурочиваются к важным событиям, в числе которых остается и коронация. «В этих условиях коронация становилась не только актом демонстрации могущества монархии, преданности ей всех сословий, единения царя и народа, но и своего рода этнографической выставкой, представлявшей культурное многообразие Российской империи и ее цивилизационное превосходство», – пишет Н. Найт²²⁷⁴.

В последующий период в 80–90-е годы XIX в. российские власти диктуют условия при выборе кандидатов в состав делегаций, одним из которых было знание русского языка. Кандидатуры депутатов согласовывались в Земском отделе МВД, где казахов курировал четвертый сын хана Джангира, генерал от кавалерии Султан Хаджи Губайдулла Джангир-оглы Чингиз-хан (первый казах, получивший генеральское звание не за административные заслуги, а за воинское отличие). Основным критерием отбора была степень «интегрированности» депутата в империю и его пригодность для цивилизаторских усилий. На коронации Николая II в 1896 г. среди представителей от степных областей было всего 3 депутата от казахов.

Постепенно включая окраины (имеется в виду центральноазиатский регион), центр расширяет символические границы своих властных пределов, изменяя статус периферии и превращая их во внутренние провинции.

К концу XIX в. сначала в научном сообществе, а затем и в широкой среде стала утверждаться мысль, что Россия выполнила свою миссию: кочевые народы стали оседлыми, прекратились разбои, исчезло рабство. Российское общество постепенно подталкивалось к мысли, что пора игры в цивилизаторство проходит,

---

²²⁷³ Там же. С. 47.

²²⁷⁴ Найт Н. Империя напоказ: всероссийская этнографическая выставка 1867 года // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 121.

а на смену приходит имперское желание использовать «туземцев» в экономических интересах.

6.3 Институт российских попечителей в Казахской Степи Оренбургского ведомства

Подготовка специалистов, которые активно овладевали наукой эффективного управления, была одной из актуальных задач империи за весь период ее существования. Это было ярко выражено и в период назначения попечителей для прилинейных казахов после реформы 1844 г.

Если рассмотреть значение термина попечитель, то его можно понимать в двух аспектах, во-первых, как государственная служба, во-вторых, как опека над нуждающимися. Понятие «попечителя» дано в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля и имеет следующее значение «попечитель – пекущийся о ком или о чем-либо; старатель, заботник, радетель. Попечительство – место, должность, званье, округ попечителя; весь состав его управленья»²²⁷⁵.

Как указывалось ранее, центр использовал механизмы и методы управления на окраинах, которые прошли апробацию в различных частях обширной империи. Одним из таких институтов был институт попечительства, который был известен в практике административного управления окраиной. Он имел распространение на территории Южного Урала и Среднего Поволжья, Северного Прикаспия, Кавказа, Казахской степи. В Калмыкии в середине 30-х гг. XIX в. институт приставства был преобразован в институт попечительской опеки²²⁷⁶. В 1830 г. в 9-й башкирский кантон был назначен попечителем майор Середа²²⁷⁷. В 1835 г. в башкиро-мещерякском войске было образовано 6 попечительств.

Институт попечителей был образован в Казахской степи Оренбургского ведомства по «Положению об управлении оренбургскими киргизами (казахами –

²²⁷⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание. М., 2009. Т. 3. С. 506.

²²⁷⁶ Кундакбаева Ж.Б. От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления. С. 195.

²²⁷⁷ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 3.

Г.И.)» 1844 года. Появлению данного института способствовали нескончаемые претензии казахов и линейных жителей друг на друга. Основными причинами столкновений было сенокосение линейными жителями за чертой линии. Изучение данных вопросов, причин претензий МИД поручил оренбургскому военному губернатору В.А. Обручеву, который в 1846 г. объяснял это нехваткой сенокосных мест на внутренней стороне при некоторых станицах на Старой линии. По его мнению, увеличение количества жителей на линии от переселения туда казахов оренбургского войска из внутренних кантонов и причисление лиц других сословий, привело к увеличению пользования залинейными сенокосными местами. В.А. Обручев сообщал, что он поручил оренбургскому войсковому начальству «собрать и предоставить сведения о количестве сенокосных угодий, владеемых казаками прилинейными станицами на внутренней стороне, дабы можно было видеть действительную необходимость наделения казаков луговыми местами за чертой линии»²²⁷⁸.

Поэтому главные начальники Оренбургского края возлагали большую надежду на институт попечителей при решении этих вопросов. § 69 «Положения» гласил: «Защитение прилинейных киргизов (казахов – Г.И.) от линейных жителей как по личным обидам, так и по имуществу, возлагается на попечителей, которые, по надлежащем исследовании обстоятельств, при депутате от полковых командиров Оренбургского и дистанчных начальников Уральского войска, представляют дело в ОПК, для рассмотрения и поступления с виновными по законам»²²⁷⁹.

До образования института попечительства вопрос разбирательства таких дел ОПК поручала начальникам линейных дистанций.

Институт попечительства возникает в 30-е годы XIX в. в Башкирии, а в 1844 г. – на территории казахов Оренбургского ведомства. Попытаемся сравнить должностные обязанности, правовое положение попечителей на двух окраинах империи. Итак, 27 ноября 1830 г. в 9-й башкирский кантон был назначен

²²⁷⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 2 об.

²²⁷⁹ Положение об управлении оренбургскими казаками // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 223.

попечителем находившийся на службе в Тифлисском пехотном полку майор Середа. Он получил должность чиновника для особых поручений при оренбургском военном губернаторе с жалованьем 780 руб. ассиг.²²⁸⁰. 9-й башкирский кантон включал территорию Оренбургского и Бузулукского уездов Оренбургской губернии²²⁸¹.

Причинами назначения попечителя башкирам 9-го кантона, как утверждают архивные источники, были злоупотребления кантонных начальников, избираемых из среды башкирских чиновников. Хотя башкиры и их «местные управления подчинялись полицейскому надзору, а в отношении отправления службы Военному начальству, но по степени вкравшихся уже беспорядков с давнего времени таковой надзор суть токмо поверхностный, недостаточен, не только к искоренению зла, но и к предупреждению оно», – констатировал начальник Оренбургского края²²⁸².

Следующей причиной особенного внимания к 9 кантону было то, что он в основном состоял из кочевников, которые имели постоянные контакты с кочевыми казаками. Эти контакты нередко выливались в столкновения. Общее количество населения кантона было 13600 человек и по описаниям оренбургского начальства это был «народ буйный»²²⁸³.

Вопрос об определении попечителей прилинейным казакам поднимается также в этот период. В 1838 г. командующий Оренбургского казачьего войска в своем письме военному губернатору писал, что при осмотре Оренбургской линии он увидел сверхзанятость начальников линейных дистанций. Они, «управляя казаками, живущими в 56 местах по крепостям и отрядам, и командуя кордонами, сверх этой настоящей своей обязанности, получают... прямо от ОПК многочисленные поручения, заключающиеся в производстве следствий и в разбирательствах всякого рода между киргизами (казаками – Г.И.), которыми до такой степени обременены, что весьма мало остается им времени с надлежащею

---

²²⁸⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 3.

²²⁸¹ Там же. Л. 1 об.

²²⁸² Там же. Л. 1.

²²⁸³ Там же. Л. 1 об. – 2.

точностью исполнять предписания войскового начальства и бдительно смотреть за кордонами по линии...»²²⁸⁴. Командующий просил, чтобы для своевременного исполнения линейными казачьими начальниками требований ОПК «приказать, чтобы в дальнейшем вся переписка ОПК была направлена к войсковому начальству»²²⁸⁵. В таком случае войсковое начальство постоянно находилось бы в известности о степени занятости линейных дистанчных и станичных начальников. Данное предложение было рассмотрено оренбургским военным губернатором и ОПК.

Вслед за этим ОПК распорядилась, чтобы жалобы и дела, связанные с претензиями казахов друг на друга, рассматривали султаны-правители трех частей²²⁸⁶. Председатель ОПК Г.Ф. Генс (1825–1844) в том же 1838 году сообщал, что ОПК ранее вышла с предложением об утверждении в ее штате попечителей, которые будут разбирать жалобы между казахами²²⁸⁷. Шесть попечителей из числа отставных военных по представлению председателя ОПК, должны были назначаться оренбургским военным губернатором для решения вопросов прилинейных казахов.

В 1835 г. башкиро-мещеряжское войско, состоявшее из 17 кантонов, было разделено на 6 попечительств, которое возглавляли русские штаб-офицеры.

В 1830 г. под руководством оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена была создана инструкция для попечителя 9-го башкирского кантона²²⁸⁸. Она состояла из трех разделов: общей, по войсковой части, по гражданской части, и включала 22 параграфа. Инструкция давала большие полномочия данной категории чиновникам. Попечители для разъездов по делам службы могли употреблять башкирские подводы, единственно следя за тем, чтобы повинность эта лежала на башкирах поочередно (§ 21)²²⁸⁹. Для более

---

²²⁸⁴ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4799. Л. 1 – 1 об.

²²⁸⁵ Там же. Л. 2.

²²⁸⁶ Там же. Л. 5 об.

²²⁸⁷ Там же. Л. 6.

²²⁸⁸ Кантонная система управления в Башкирии действовала в 1798–1865 гг.

²²⁸⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 12 об.

тщательного знакомства с функциями кантонных начальников майор Середа получил инструкцию, составленную графом О.А. Игельстромом²²⁹⁰.

Кантонный начальник был главным должностным лицом, «хозяином» в кантоне. В своем кантоне он был наделен большими правами в военной, политико-административной, судебной-полицейской и хозяйственной сфере, выполнял распоряжения и указы вышестоящих властей. Составлял и представлял военному губернатору ведомости о количестве чиновников, рядовых, представителей духовенства, дворов в своем кантоне, контролировал набор служащих на линейную службу, назначал походных чиновников. Наблюдал за продажей и сдачей в аренду башкирских земель, выполнением государственных и земских повинностей, сбором налогов, имел право вмешиваться в хозяйственную деятельность.

Попечителю согласно инструкции поручалось наблюдать за его действиями, чтобы разбирательства по жалобам чиновников и башкир производились кантонным начальником беспристрастно, справедливо и без замедления. В случае, если кантонный начальник вел разбирательства с нарушениями, то попечитель мог сам произвести расследование дела, и смотря по важности дела, обязан был доносить оренбургскому военному губернатору с изложением своего мнения (§ 1). Попечитель был обязан наблюдать за успешным и точным исполнением посылаемых к нему от начальства и присутственных мест предписаний, а также следить за исправным составлением месячных и годовых отчетов о состоянии кантона (§ 2)²²⁹¹. Поручалось ему также наблюдение за действиями помощника кантонного начальника и юртовыми старшинами (§ 3).

По военной части попечителю поручалось проверять у кантонного начальника и юртовых старшин формулярные списки чиновников и списки башкир, а если таковых не было, то поручалось составить вновь. Строго поручалось следить, чтобы назначение людей на службу проходило справедливо. Также попечитель был обязан проверять людей и команды, назначенные на

---

²²⁹⁰ Там же. Л. 13.

²²⁹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 167. Л. 5 – 5 об.

службу, «осматривать все команды инспекторским смотром и предъявляемые на оном претензии по рассмотрении удовлетворять на месте»²²⁹². Четко должны были быть составлены списки будущих служащих. С наступлением 17 лет молодые башкиры, кроме неспособных или неизлечимо больных, назначались на службу. Список последних должен был быть составлен кантонным начальником и засвидетельствован медицинским чиновником. Также попечители проверяли списки башкир, отправляемых в отставку и причину, например, за старостью лет (§ 6). Молодые парни зачислялись на службу в 17 лет, но командировались в различные регионы, в основном в Казахскую степь или в центральноазиатские ханства, по достижении 20 лет (§ 7)²²⁹³.

Попечителю поручалось также подтверждать кандидатуры чиновников и служилых башкир, представленных кантонным начальником к повышению чина или к награде. Он должен был удостовериться в способностях, достоинствах, в знании русской и татарской грамоты, хорошей службы кандидатов (§8). Попечитель обязан был присутствовать и наблюдать на общественных собраниях выборы кантонного начальника чиновниками, а юртовых старшин простыми башкирами. Ему поручалось следить, чтобы избираемые в должности не были судимы, не имели штрафы, были уважаемы в народе. Формулярные списки об их службе должны были быть доставлены главному оренбургскому начальнику (§ 9)²²⁹⁴.

В инструкции уделяется внимание деятельности попечителя по прекращению преступлений, воровства между башкирами и другими жителями. Для этого попечителю предлагалось завести особенные списки, или штрафные журналы, куда вводились бы имена чиновников и башкир, находящихся в подозрении за проступки. Такие люди не должны были быть допущены ни к каким общественным выборам, а также должностям (§ 12). В обязанности попечителя входило: а) наблюдение за башкирскими чиновниками, чтобы они не помогали укрывать воров, так как угон лошадей был одним из незаконных

---

²²⁹² Там же. Л. 6–6 об.

²²⁹³ Там же. Л. 7–7 об.

²²⁹⁴ Там же. Л. 8–8 об.

промыслов кочевников; б) стараться по горячим следам отыскивать лошадей и воров; в) обвиняемых в преступлении представлять в земской суд и наблюдать, чтобы их не отпускали на поруки; г) поощрять людей, раскрывающих воров, и защищать их от клеветы (§ 11)²²⁹⁵.

За маловажные проступки чиновники могли быть арестованы, а представители нижних чинов подвергались наказаньям казачьими плетьюми (§ 20)²²⁹⁶.

Для прекращения распрей и тяжб между башкирами и казаками и вытекающих отсюда судебных волокит и разорений предлагалось ввести словесный суд, приглашая на него уважаемых среди башкир и казахов чиновников (§ 14)²²⁹⁷.

В инструкции делается упор на регулирование вопроса взаимоотношений башкир с каргалинскими татарами, который рассматривается как вредное для первых. Вредность его заключалась в том, что во время кочевок башкир татары, разъезжая по их аулам, давали в долг вещи. Когда наступала пора возврата долга, они забирали у башкир скот, который превышал в несколько раз стоимость товара. Попечителю поручалось добиться прекращения таких поборов. Для этого ему предлагалось провести проверку торговых билетов у купцов, так как многие татары проводили торг без законного разрешения (§18)²²⁹⁸. В инструкции уделялось внимание развитию промышленности, хозяйства башкир (§ 22)²²⁹⁹.

Таким образом, проведенный анализ инструкции для попечителя 9-го башкирского кантона майора Середы показывает, что основным объектом наблюдения были кантонные начальники. Введенная в 1798 г. с целью укрепления юго-восточных границ империи и прекращения восстания башкир военная форма управления дала свои результаты. Башкиры были переведены в служилое сословие. Но злоупотребления, произвол со стороны кантонных начальников, иногда укрывательство ими находящихся под следствием людей

²²⁹⁵ Там же. Л. 9–9 об.

²²⁹⁶ Там же. Л. 12 об.

²²⁹⁷ Там же. Л. 10 об.

²²⁹⁸ Там же. Л. 11 об.

²²⁹⁹ Там же. Л. 13.

подтолкнуло оренбургскую администрацию к контролю действий высших начальников башкирского общества.

В 1844 г. по «Положению об управлении оренбургскими киргизами» (казахами – Г.И.) было предусмотрено создание института попечителей для прилинейных казахов, для регулирования отношений жителей линии, в первую очередь казаков с казахами. До утверждения инструкции для попечителей попечители действовали на правах чиновников особых поручений. Их служба проверялась чиновниками Оренбургской пограничной комиссии через представленные ведомости, где они еженедельно записывали свои действия. Функции определялись статьями «Положения» 1844 г.

Главной обязанностью попечителей прилинейных казахов была защита и ограждение казахов по всяким делам их с линейными жителями, наблюдение, чтобы казахи со своей стороны не подавали повода к законным на них жалобам линейных жителей (§ 16, 48). Попечители рассматривали личные обиды, имущественные претензии казахов на линейных жителей. Исследование обстоятельств должно было проходить при депутате от полковых командиров Оренбургского и дистанчных начальников Уральского войска, затем дело отправлялось в Оренбургскую пограничную комиссию для рассмотрения и вынесения приговора (§ 69). Следствие в преступлениях, учиненных посторонними людьми против казахов, Пограничная комиссия посылала для вынесения приговора в те места, которым были подсудны обвиняемые, и требовала о последующем ее уведомлении (§ 75). По мнению М.В. Ладыженского, исполнить добросовестно все эти функции одному лицу, т.е. попечителю, невозможно. Это было связано тем, что налагаемая «Положением» 1844 г. обязанность производить следствие всякого рода, по обширности попечительских дистанций, по многочисленности дел, возникающих по потравам, кражам, угонам, было выше сил одного человека, как бы он не был проворен²³⁰⁰. Председатель Пограничной комиссии предлагал назначить двух помощников к каждому попечителю для проведения следствий. Эти же помощники выступали

---

²³⁰⁰ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 32 об.

бы депутатами по всем уголовным и исковым делам особой важности. М.В. Ладыженский выступал за то, чтобы попечителям дать право ревизии всех дел, производимых заседателями Оренбургского казачьего войска и дистаночными начальниками Уральскаго войска, к которым причастны казахи. Также, по его мнению, попечителям нужно было дозволять назначать депутатов из своих помощников, местных казахских начальников или даже почетных ордынцев, а также дать право попечителям «побуждать делопроизводителей освобождать из-под стражи, отдавать на поручительство киргиз» и надзор за их действиями. Обязанность попечителей, по мнению М.В. Ладыженскаго, не должна была приковывать их к одному месту. Он предлагал попечителей рассматривать как агентов Пограничной комиссии, через которых она могла бы действовать на прилинейных казахов и частное управление²³⁰¹.

Наблюдение за ходом меновой торговли казахов вне Оренбурга было возложено на попечителей. Чиновники комиссии, казахские заседатели, переводчики, толмачи, постоянно находящиеся целое лето при меновом дворе, наблюдали за ходом торговли в Оренбурге²³⁰². На попечителей также было возложено наблюдение за сбором плакатных денег, которые при ревизии шнуровых книг у станичных начальников, сопоставив их данные с наличными билетами, открыли много злоупотреблений. Выяснилось, что были выданы билеты под одним номером нескольким казахам, обнаружались утайки денег и т.д. Проверка кибиточнаго сбора с прилинейных казахов была поручена заседателям от казахскаго народа и другим благонадежным ордынцам, испытанным российской администрацией в честности. Русские чиновники к этому не допускались²³⁰³.

Распределение попечителей входило в функцию ОПК²³⁰⁴. Увольнение этих чиновников также было в ее руках и в ведении военного губернатора. Но в период

---

²³⁰¹ Там же. Л. 34–35.

²³⁰² Там же. Л. 28 об.

²³⁰³ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 28 об. – 29.

²³⁰⁴ Положение об управлении оренбургскими казахами // Материалы по истории политическаго строя Казахстана. С. 218.

определения количества попечителей на линии, подготовки инструкции для этих должностных лиц возникло несколько точек зрения.

15 января 1846 г. оренбургский военный губернатор В.А. Обручев отправил инструкцию для попечителей и свое мнение о ней графу Ивану Илларионовичу Воронцову-Дашкову в МИД, обратив особое внимание на взаимоотношения казаков и прилинейных казахов²³⁰⁵. Отметим, что одной из причин учреждения попечителей был постоянный конфликт между казаками и казахами за сенокосные земли, жалобы казахов на захват казаками и линейными жителями земель за чертой линии²³⁰⁶.

Основной функцией попечителей была защита и ограждение прилинейных казахов от притеснений линейных жителей. Инструкцию для попечителей должна была составить Пограничная комиссия. Утверждение ее находилось в прерогативе военного губернатора, который заранее должен был согласовать текст с МИДом²³⁰⁷.

Вскоре из МИД поступил ответ, где предлагалось составить новую инструкцию с учетом высказанных замечаний. К.В. Нессельроде, изучив документ, высказал свое видение нескольких пунктов инструкции.

1. Учитывая обширность попечительских дистанций и множество дел на линии, он предлагал не возлагать на попечителей обязанность самим производить следствия по каждому делу казаха с линейным жителем. По его мнению, в обязанность попечителей нужно было включить только наблюдение за правильным течением всех дел по линии и надзор за действиями следователей. В случае необходимости попечители могли сами производить следствие. Данное право предлагалось оставить в инструкции. В целом это дало бы попечителям возможность больше контролировать ситуацию на линии и не быть привязанными к одному месту²³⁰⁸.

---

²³⁰⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 2–3.

²³⁰⁶ Там же. Л. 6 об.

²³⁰⁷ Там же. Л. 2.

²³⁰⁸ Там же. Л. 5–5 об.

Попечители рассматривались в качестве «ока» Пограничной комиссии на линии, которые бы следили, чтобы казахам не причинялись никакие обиды, несправедливости как со стороны линейных жителей, так и со стороны линейных начальников, чтобы дела, к которым были причастны казахи, решались быстро, справедливо и номады бы не содержались напрасно под стражей, не томились под следствием²³⁰⁹.

2. Следующим пунктом, на которое обращал внимание начальник МИД, был вопрос разрешения конфликта по сенокосным землям. Важнейшей обязанностью попечителей, по мнению К.В. Нессельроде, было наблюдение, чтобы линейные жители не захватывали сенокосные или другие места за чертой линии. Он писал, что «это одна из важнейших обязанностей, которые побудили к самому учреждению попечителей»²³¹⁰.

3. Он предлагал исключить из инструкции все то, что не относится к прямым обязанностям попечителей. Среди которых были: наблюдение за мнением казахов об управлении, за действиями дистанчных и местных начальников и т.д. «Вообще все, что происходит за линией, не должно официально относиться к их обязанностям, ...они не должны вмешиваться ни в какие дела киргизов (казахов – Г.И.) между киргизами (казахами – Г.И.)», – писал главный начальник МИД²³¹¹.

4. Мир и спокойствие на линии через «содержание казахов в миролюбивом отношении к жителям линии» – еще один пункт инструкции, который должен был быть включен в инструкцию. Попечители должны были пресекать возможные конфликты, а если таковые возникали, то, не доводя до следствия и суда, решать их быстро. Суд рассматривался как крайняя мера решения возникших спорных вопросов.

5. К.В. Нессельроде обращал внимание еще на одно обстоятельство, чтобы «попечители и линейное начальство не находились в таких между собою отношениях как две противные стороны, а всегда помнили бы, что служат одному

---

²³⁰⁹ Там же. Л. 6.

²³¹⁰ Там же. Л. 6 об.

²³¹¹ Там же.

государю». Он напоминал, что казахи как и казаки – подданные российского государства, и в установлении мира на линии, в прекращении жалоб, претензий, ссор должны быть заинтересованы все стороны²³¹².

По мнению К.В. Нессельроде в назначении попечителей более нуждались на Оренбургской линии, где столкновения казахов с линейными жителями происходили чаще, чем на Уральской линии²³¹³. Он предлагал ограничиться пока назначением попечителей только на Оренбургской линии, сократив предполагаемые попечительские дистанции²³¹⁴.

Таким образом, К.В. Нессельроде, предлагал составить новую инструкцию для попечителей и разбить ее на статьи и параграфы.

В августе 1846 года оренбургский военный губернатор В.А. Обручев направил в ОПК указания по составлению и дополнению инструкции для попечителей, с учетом высказанных предложений²³¹⁵. Военный губернатор отмечал, что он, предварительно отправив проект инструкции государственному канцлеру К.В. Нессельроде и получив от него отзыв, согласен с его предложениями. Перечислив предложения К.В. Нессельроде, В.А. Обручев включил свое видение. Он предлагал включить пункт, где попечителям запрещалось «требовать к себе находившихся в полковых правлениях или у членов их следствия для рассмотрения и принятия на себя самого производства». В этом он видел ряд недостатков. Во-первых, остановился бы ход следствия; во-вторых, попечители бы подвергли ревизии служебные действия лиц другого ведомства²³¹⁶.

В случае, если попечители видели беспорядки, упущения в делах следователей, они должны были в письменном виде сообщить это следователю, а также донести ОПК, которая принимала решение по этому вопросу. ОПК в зависимости от важности дела могла принять следующие меры: поручить попечителю самому вести следствие или же командировать для этого особого

---

²³¹² Там же. Л. 8.

²³¹³ Там же. Л. 7 об.

²³¹⁴ Там же. Л. 7 об.

²³¹⁵ Там же. Л. 27–31 об.

²³¹⁶ Там же. Л. 30 об.–31.

чиновника от себя²³¹⁷. Военный губернатор поддержал мнение К.В. Нессельроде о назначении попечителей только на Оренбургской линии, где чаще бывали столкновения казахов с линейными жителями.

30 января 1847 г. ОПК представила новый вариант инструкции. Как отмечал председатель этого учреждения М. Ладыженский, изучив предложения К.В. Нессельроде и В.А. Обручева, была составлена новая инструкция, но в то же время он высказал мнение, которое противоречило предложению главного начальника МИД, в частности, председатель ОПК предлагал назначить попечителей на Уральской линии. Он отмечал, что в архиве ОПК и в текущих делах учреждения имеются множество дел о претензиях казахов на уральских казаков. В момент отправки документа в Оренбург в ОПК содержались 4 арестанта и находилось на следствии 188 дел²³¹⁸. По мнению председателя ОПК, если бы на Уральской линии имелись попечители, многие дела можно было бы разобрать в самом начале и прийти к миролюбивому соглашению.

Для изучения ситуации на линии, об отношении казаков к казахам, а последних к своим дистаночным и местным начальникам, зимой 1844–1845 гг. и весной 1846 г. был командирован на Уральскую линию советник ОПК К.О. Каминский. В своих донесениях он доносил, что угон скота и кража лошадей казахами есть ответ на невежество и корыстолюбие казаков. Также описывал факты угнетения казахов на линии. «Казаки, накашивая летом за р. Урал и за сухою чертою линии значительное количество травы, зимой, когда киргизы (казахи – Г.И.) имеют неизбежную нужду в прикормлении своего скота, продают ее ордынцам. Эта строго воспрещаемая начальством продажа сена существует повсюду, в обоих войсках на линии, бывают случаи, что казаки в зимнее время стесняют киргиз даже в топливе», – приводил пример из донесения К.О. Каминского председатель ОПК²³¹⁹.

По мнению М. Ладыженского, для прекращения всех таких бед на линии нужны были попечители. «Он (попечитель – Г.И.), будучи выше казачьих

---

²³¹⁷ Там же. Л. 31.

²³¹⁸ Там же. Л. 40 об.

²³¹⁹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 41–41 об.

форпостных и станичных начальников образованием и вообще понятиями, а также киргизских (казахских – Г.И.) прилинейных дистанчных и аульных (начальников – Г.И.), должен и может предупреждать обоюдные ссоры и водворять спокойствие на линии», – писал он. Причинами, побудившими назначить попечителей на линии, были:

1. Большое количество дел на линии, требующих быстрого решения. Например, отнятие или выкошение казаками у казахов травы, которое влекло в конечном итоге гибель казахского скота или же дела об отнятии у казахов иногда последней лошади, верблюда или коровы, не могли ожидать коллегиального решения и окончания.

2. Казаки часто обсчитывали казахских работников, последние попадали из-за этого в кабалу.

3. Уральские казаки подвергали казахов зимой на Каспийском море опасности на аханном рыболовстве, «приказывая им открывать опасный перед весною путь к возвращению на берег», где тонули ежегодно многие казахи.

4. Казаки часто косили траву за Уралом у самых кибиток казахов, а зимой кроме продажи ее последним, брали с них суммы за перепуск их табунов на внутреннюю сторону для тебеновки²³²⁰.

Такие примеры приводил К.О. Каминский в своих донесениях, которые подтверждались отчетами других чиновников ОПК.

По мнению К.О. Каминского, изучившего обстановку в степи, особенно попечители нужны были в Уральске и Гурьев городке, в главных пунктах, куда казахи прикочевывали большими массами для меновой торговли и найма в работники. Наем казахами в работники в основном в рыболовный промысел шел по всей Уральской линии, на пространстве около 700 верст. Перечисляя вышеназванные факты, М. Ладыженский высказался о назначении двух попечителей на Уральской линии. По его мнению, они будут «законными и уполномоченными от Комиссии защитниками» казахов от линейных жителей, с другой стороны, будут следить за действиями местных начальников, не

---

²³²⁰ Там же. Л. 42–43.

вмешиваясь в их дела. Сбор сведений о способностях и «нравственных» качествах дистанционных и местных начальников был необходим ОПК для контроля за их действиями.

По мнению М. Ладыженского, замена попечителей временным присутствием чиновников комиссии на линии вызвал бы ряд затруднений. Во-первых, они не могли бы вникнуть в суть дела подробно и быстро, тогда как находящийся постоянно там попечитель имел бы время узнать местные условия, также ежедневно следя за событиями на линии, вовремя смог бы предотвратить или выявить нарушения. Во-вторых, сумма, выделяемая для отправки в командировку на линию чиновников, по мнению председателя ОПК, превышала сумму, выплачиваемую попечителю. Отправка разных временных лиц в разное время на линию не способствовала успеху дела²³²¹. Председатель ОПК считал более полезным нахождение попечителей как агентов ОПК на Уральской линии.

Подготовленная ОПК инструкция для попечителей состояла из 5 разделов и 36 параграфов. I раздел «Обязанности попечителей» состоял из 27 параграфов; II раздел «Порядок судопроизводства и сношении попечителей» – из 5 параграфов; III раздел «Отчетность» – из 1 параграфа; IV раздел «Пределы власти» – из 2; V раздел «Ответственность» состоял из 1 параграфа.

Что же представлял собой главный нормативный документ – инструкция для попечителей? Главная обязанность попечителей заключалась в защите казахов по всем делам от линейных жителей (§ 1), поддержание всеми средствами мира на линии (§ 3), а также наблюдение за действиями казахов, чтобы линейные жители не жаловались на них (§ 2). Охрана права казахов на сенокосения и др. места за чертою линии, и следить, чтобы казаки не захватывали эти земли, также входило в их функции (§ 8). В период перепуска казахского скота через линию на внутреннюю сторону для зимней тебеневки попечители должны были следить, чтобы казаки не притесняли казахов. Если замечали обиды, попечители должны были вступить за притесняемых и оказывать им защиту (§ 16)²³²².

---

²³²¹ Там же. Л. 44 об.

²³²² Там же. Л. 101, 103 об.

В случае поступления жалоб от казахов на линейных жителей, и наоборот, попечители должны были стараться прекратить такие дела мировым соглашением, устным разбирательством. Следствие рассматривалось как крайняя мера в разбирательствах (§ 4)²³²³. В случае, если стороны не могли прийти к соглашению или претензии заключали особенную важность, попечитель мог требовать, чтобы эти дела проводились соответственно установленным порядкам (§ 5).

Линейное начальство должно было присматривать за производством всех дел казахов с казаками и не допустить со стороны следователей ни малейших проволочек, несправедливости, отступления от закона, следить, чтобы казахи не томились под следствиями, не содержались без следствия под стражей (§ 6). Попечитель мог прибыть на любое место, где проводилось следствие или где стороны пришли к соглашению. В случае, если он замечал пристрастное отношение или нарушение закона, то попечитель мог предложить устно или письменно следователю исправить допущенную ошибку, донеся в ОПК. В случае необходимости принятия следствия по делу, попечитель должен был спросить разрешение ОПК (§ 7)²³²⁴.

В случае жалоб линейных жителей на потраву заготовленного сена и хлеба в скирдах и кладях, попечители должны были удостовериться: было ли потравленное огорожено или окопано, если эти меры не были соблюдены, предлагалось оставлять жалобы без рассмотрения (§ 10). Если были приняты все меры для охраны сена и хлеба, но ответчики не соглашались на мировую сделку, то попечитель должен был отправиться на место происшествия с заседателем полковых правлений, или местным линейным начальником, и понятыми двух сторон для оценки убытков²³²⁵.

Свидетелей потравы предлагалось отправить в ОПК для дальнейшего расследования дела (§ 11).

---

²³²³ Там же. Л. 100.

²³²⁴ Там же. Л. 100 об.–101.

²³²⁵ Оценка производилась на основании справочных цен, представляемых полковыми правлениями, которые ежемесячно сообщали по требованию ОПК.

Компенсация ущерба сеном рассматривалась предпочтительней, чем другие виды (§ 13). Жалобы на рубку леса рассматривались согласно 11 параграфу, а оценка производилась на основе цен, поставленных в Оренбургском войсковом правлении и Уральской войсковой канцелярии (§ 14)²³²⁶.

Попечители обязаны были следить за торговлей казахов с другими народами. Они должны были подсказывать казахам, где выгодно приобретать тот или иной товар, где лучше сбывать (§ 15). Попечители также должны были наблюдать, чтобы при меновой торговле казахи не подвергались обманам и не терпели от того убытков (§ 24).

Следующий круг обязанностей попечителей касался контроля за выдачей на линии плакатных билетов казахам, находившимся в работниках у линейных жителей. Согласно 17 параграфу при выдаче билетов взнос должны были заплатить за своих работников хозяева. Местные линейные начальники должны были следить, чтобы не было допущено ущерба государственной казне, наблюдать за своевременной выдачей билетов и строго наказывать безбилетных. Выручаемые деньги как за билеты, так и за штрафные деньги должны были вовремя отсылаться в ОПК.

Попечители имели право проводить ревизию книг билетного сбора, если были подозрения на злоупотребления на лиц, ответственных за выдачу билетов (§18). Они также могли требовать от высшего линейного начальства преследования и искоренения злоупотреблений, донеся об этом в ОПК (§ 19).

Попечители также были обязаны наблюдать за процессом передачи дистаночными начальниками собранного кибиточного налога линейным начальникам, чтобы последние не создавали искусственных проволочек и выдавали в тот же час квитанции о получении суммы. Наряду с этим попечитель должен был смотреть, чтобы эти деньги без промедления отсылались в ОПК (§ 20)²³²⁷. В случае обнаружения несправедливых, незаконных действий со стороны

---

²³²⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5607. Л. 102–103.

²³²⁷ Там же. Л. 104 об.

местных линейных начальников, попечитель мог требовать от высшего линейного начальства исправления ситуации (§ 21).

Попечители отвечали также за контроль вывоза леса линейными жителями. Казаки без разрешения ОПК не могли вывозить лес, растущий вне их дач (§ 22)²³²⁸. В случае обнаружения нарушения данной статьи, попечитель мог требовать от местного начальства, чтобы вывезенный без разрешения лес был взят под контроль, пока ОПК не даст распоряжения по этому делу (§ 23).

В случае появления на линии опасных болезней и падежа скота, попечители обязаны были предупредить через дистаночных начальников казахов, кочующих на линии. Они должны были дать советы и инструкции по профилактике и лечению этих болезней (§ 25)²³²⁹.

В целом, отношения попечителей с казахами должны были строиться на сочувствии, благожелательности. Попечители должны были выслушивать жалобы казахов и принимать участие в разрешении их проблем в рамках закона, если же это было невозможно, то «вразумительно объяснить», почему нельзя сделать (§ 26). Они должны были внушать казахам повиноваться начальству, исполнять их требования, воздержаться от барымты, хищений, грабежей, объясняя, что виновные будут наказаны и преданы российскому суду (§ 27).

Инструкция определяла порядок делопроизводства и отношений попечителей с различными инстанциями власти. Попечители по делам службы посылали донесения в ОПК, губернские присутственные места, к лицам губернского управления; а к полковым командирам казачьего войска, в полковые правления, в уездные управления адресовали отношения; к станичным, форпостным и отрядным войсковым начальникам, также к дистаночным и местным казахским начальникам относились с предложениями (§ 32)²³³⁰.

ОПК выделяла шнуrowые книги попечителям для записи устных просьб и жалоб казахов (§28). В книге должны были быть записаны кратко, но вместе с тем четко и отчетливо обстоятельства дела, доказательства, на которых иск был

---

²³²⁸ Там же. Л. 104 об.

²³²⁹ Там же. Л. 105.

²³³⁰ Там же. Л. 106 об.

основан, и последовавшее решение. Такие статьи должны были быть подписаны депутатами споривших сторон и попечителем (§ 29)²³³¹.

Также попечители должны были иметь реестры для записи получаемых ими и отправляемых от них бумаг по формам, которые присылались из ОПК (§ 30).

Инструкция предусматривала четкую структуру отчетности попечителей и требовала ежемесячное представление в ОПК:

– перечневых ведомостей с указанием количества устных разбирательств, сделанных ими по жалобам казахов на линейных жителей, и наоборот. В примечании под ведомостью попечители должны были показывать число жалоб, по которым не сделано разбирательства, объясняя причины этого;

– именных ведомостей о состоящих в производстве уголовных делах;

– статейных списков об арестантах, содержащихся под стражею²³³².

Власть попечителей прилинейных казахов распространялась только на дела, которые касались жалоб казахов на линейных жителей, и наоборот. Дела, где речь шла о жалобах казахов на своих соплеменников, дистанчных и местных начальников, находились в прерогативе ОПК (§ 34, 35). За неисполнение своих обязанностей попечители могли подвергаться ответственности на основании общих узаконений (§ 36).

В июне 1847 г. инструкция для попечителей была отправлена в МИД, лично К.В. Нессельроде²³³³. После обсуждения она была утверждена.

В 1844–1846 гг. вся линия была разделена на 6 попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое и Михайловское. Попечителям полагалось жалованье 775 руб. сер. в год. На Уральской линии в 1846 г. было только 2 попечителя²³³⁴.

Начиная с 1845 г. были определены попечители прилинейных оренбургских казахов. К сожалению, нам пока не удалось восстановить имена всех попечителей. Как сообщает М.В. Ладыженский, все попечители были

---

²³³¹ Там же. Л. 106.

²³³² Там же. Л. 107.

²³³³ Там же. Л. 54 – 56 об.

²³³⁴ Там же. Л. 7 об.

определены, но один из них по семейным обстоятельствам (неуплата долга) отправился в Санкт-Петербург, подав прошение об увольнении со службы, а другой не прибыл еще с места жительства²³³⁵.

Попечителями были назначены чиновники, служившие в различных регионах империи, и офицеры. Так, первыми попечителями прилинейных оренбургских казахов были определены: титулярный советник, заседатель Кокчетавского внешнего окружного приказа Сибирского ведомства Тимофей Петрович Редькин, коллежский асессор, заседатель Каркаралинского внешнего окружного приказа Сибирского ведомства Николай Николаевич Баталин, губернский секретарь, заседатель Акмолинского внешнего окружного приказа Григорий Федорович Костырко, коллежский асессор Александрийский, Д. Долгов, В. Жуковский²³³⁶.

Первые три чиновника перевелись на службу в Оренбургский край из Западной Сибири вместе с новым председателем ОПК М. Ладыженским, под чьим руководством они служили ранее. Приведем биографические сведения данных лиц.

Редькин Тимофей Петрович (род. 1801/1804) происходил из дворян, был православного вероисповедания. Службу начал в Кролевецком поветовом суде Малороссийско-Черниговской губернии в мае 1818 г. Был произведен в коллежские регистраторы 31 декабря 1821 г. Приказом генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича от 23 июля 1825 г., по прошению, определен на службу в Омскую область. Указом Правительствующего Сената от 27 августа 1825 г. произведен за поездку в Сибирь в губернские секретари. В июле 1827 г. определен в канцелярию Омского областного правления. В декабре того же года был произведен в коллежские секретари. В апреле 1829 года назначен заседателем Омского земского суда. С декабря 1831 г. – титулярный советник. 16 июля 1836 г. переведен на должность заседателя Кокчетавского внешнего окружного приказа. В декабре 1845 г. по приглашению М.В. Ладыженского перевелся в Оренбургское

---

²³³⁵ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 389. Л. 24.

²³³⁶ К сожалению, нам не удалось найти биографические сведения о некоторых попечителях прилинейных казахов.

ведомство, служил попечителем прилинейных оренбургских казахов. В сентябре 1849 г. произведен в коллежские асессоры, в сентябре 1850 г. – в надворные советники²³³⁷.

Баталин Николай Николаевич (1800 – 29.09.1857) происходил из обер-офицерских детей, был православного вероисповедания. Службу начал подканцеляристом в Березовском земском суде в декабре 1811 г. В декабре 1812 г. был переведен в Деншиковское комиссионерство Тобольского округа. В декабре 1814 г. произведен в канцеляристы, с декабря 1819 г. – коллежский регистратор. В ноябре 1820 г. был переведен в Тобольское губернское управление. В декабре 1822 г. произведен в губернские секретари. В апреле 1825 г. назначен секретарем Ишимского земского суда. В декабре 1825 г. произведен в коллежские секретари, с декабря 1828 г. – титулярный советник. В марте 1833 г. переведен в Тобольское губернское правление. В декабре 1838 г. произведен в коллежские асессоры. В августе 1842 г. назначен заседателем Баян-Аульского внешнего окружного приказа. В марте 1844 г. переведен на должность заседателя Каркаралинского внешнего окружного приказа. В январе 1845 г. уволился со службы в связи с болезнью. В марте 1845 г. перевелся в Оренбургское ведомство и назначен на должность попечителя прилинейных оренбургских казахов. В марте 1857 г. уволен в отставку с мундиром в чине коллежского советника²³³⁸.

Костырко Григорий Федорович (род. в 1814 г.) происходил из дворян, был православного вероисповедания. Получил домашнее воспитание. Службу начал в Кролевецком уездном суде в декабре 1828 г. В марте 1831 г. был переведен в канцелярию черниговского гражданского губернатора. В июле 1832 г. произведен в коллежские регистраторы, а в декабре 1835 г. – в губернские секретари. В 1836 г. переведен на службу в Западную Сибирь и определен в штат Омского областного правления. В октябре 1838 г. назначен столоначальником Омского окружного суда. В декабре 1838 г. по прошению был уволен со службы, а в феврале 1839 г. принят на службу помощником секретаря в канцелярию

---

²³³⁷ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 523.

²³³⁸ Там же. С. 529–530.

пограничного управления сибирскими казахами. В октябре 1839 г. назначен заседателем Акмолинского внешнего окружного приказа. В 1844 г. перевелся на службу в Оренбургское ведомство и в декабре того же года был назначен попечителем прилинейных казахов. В октябре 1848 г. произведен в коллежские асессоры. В сентябре 1852 г. назначен советником Тобольского губернского правления²³³⁹.

Позже на должность попечителей в разные годы были назначены: А.Г. Шершеневич (с 1848 г.), М.-Ш.Р. Аитов (с ноября 1849 г.), Г.Ф. Лукин (с августа 1851 г.), К.Ф. Груздзь (с 1855 г.), М.М. Лазаревский (с 1848 г.) и др.

Это были знакомые с обычаями и жизнью казахов, прослужившие несколько десятилетий в крае чиновники. Так, например, Андрей Григорьевич Шершеневич был из дворян, выпускник Одесского училища восточных языков. В январе 1841 г. был принят исправляющим должность тобольского гражданского губернатора М.В. Ладыженским на должность переводчика в губернское правление. В 1842 г. произведен в губернские секретари. В июне 1844 г. назначен чиновником особых поручений Тобольского общего губернского управления. По заданию М.В. Ладыженского занимался составлением проекта закона «для кочевых и бродячих инородцев Тобольской губернии». В январе 1845 г. по прошению уволен со службы и в марте того же года назначен чиновником особых поручений при председателе ОПК М.В. Ладыженском. В мае 1847 г. переведен на должность столоначальника в канцелярию оренбургского военного губернатора. В октябре 1848 г. назначен попечителем прилинейных оренбургских казахов²³⁴⁰.

Следующий попечитель Мухамед-Шариф Рахметуллинович Аитов родился в семье потомственного дворянина Оренбургской губернии, мусульманин. В учебных заведениях не обучался. В декабре 1817 г. службу начал подканцеляристом в Бугульминском уезде Оренбургской губернии. С января 1818 г. канцелярист. В ноябре 1820 г. переведен на должность толмача в Оренбургскую пограничную комиссию. В декабре 1821 г. произведен в

---

²³³⁹ Там же. С. 563–564.

²³⁴⁰ Там же. С. 568–569.

коллежские регистраторы. В феврале 1828 г. назначен чиновником для употребления по делам в орде. В мае 1837 г. произведен в губернские секретари. В январе 1839 г. переименован в корнеты за освобождение из плена зауряд-хорунжего В. Шустикова и 5 казаков²³⁴¹.

В 1839 г. начался поход В.А. Перовского в Хиву. В конце ноября 1839 г. оренбургский военный губернатор писал из степи председателю ОПК генерал-майору Г.Ф. Генсу о необходимости собрать для отряда еще не менее 2000 верблюдов. Эта миссия была поручена служащему в ОПК корнету М.-Ш. Аитову. По поручению Г.Ф. Генса он должен был отправиться на Нижне-Уральскую линию до Гурьев городка, а оттуда в степь к казахам, кочующим по берегу Каспийского моря, и собрать 2000 верблюдов с извозчиками. Плату извозчики должны были получить после доставления верблюдов на Эмбенское укрепление, на Шошка-коль²³⁴². Ему удалось собрать 500 верблюдов, но жизни его грозила опасность. Проводник, указывавший дорогу, Еламан предупреждает его о замыслах кочевников убить его²³⁴³. Казахи напали на корнета Аитова, забрали одежду, жолум уй и решили отправить его в Хиву. С декабря 1839 г. по август 1840 г. он находился в Хиве. Там М.-Ш. Аитова привезли к хану Аллакули. Хивинский хан не желал осложнять отношения с Россией. В беседе с ханом корнет Аитов, рассказывая о военной мощи империи, советовал хану установить новые дипломатические отношения. Хивинский хан, объявив, что желает мира с Россией, приказал отпустить всех русских пленных. М.-Ш. Аитов начал переписывать их, откуда они, кто такие, откуда взяты в плен, кем и когда. Ему удалось составить список из 500 чел. Летом 1840 г. он отправил их из Хивы в Ново-Александровское укрепление²³⁴⁴. Хивинский хан Аллакули отпускает корнета с письмом к императору.

Находясь в Хиве, М.-Ш. Аитов собрал сведения также об англичанах, находящихся в стране и об их службе. За работу, проведенную в Хиве, в сентябре

²³⁴¹ Там же. С. 571.

²³⁴² ГАОО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 24. Л. 5 об.

²³⁴³ Там же. Л. 7 об.–8.

²³⁴⁴ Там же. Л. 21–23.

1840 г. М.-Ш. Аитов был произведен в поручики и получил денежное награждение в размере 1000 руб.²³⁴⁵. В сентябре того же года он сопровождал хивинского посланника Атанияза Афендия в Санкт-Петербург. В мае 1841 г. был командирован в помощь капитану Генерального штаба П. Никифорову, бывшему с миссией в Хиве. В 1847 г. сопровождал в качестве пристава хивинское посольство в столицу²³⁴⁶. В июне 1848 г. произведен в штабс-капитаны. В ноябре 1849 г. назначен попечителем прилинейных казахов²³⁴⁷.

Один из представителей семьи Лазаревских, Михаил Матвеевич (1818–1867), с середины 1845 г. находился в Оренбурге столоначальником, попечителем прилинейных киргизов. Начал он свою службу в Западной Сибири. При тобольском гражданском губернаторе М.В. Ладыженском (1802–1875) в 1841–1845 гг. он состоял на службе сначала в канцелярии общего губернского правления, а затем смотрителем заведений экспедиции о ссыльных. За это время он получил два очередных чина – дослужился до коллежского секретаря. «С определением его в штат Пограничной комиссии, в должности столоначальника, исполнял должность свою с отличным усердием и неусыпную деятельностью, с назначением в должность попечителя оказывал тоже постоянное усердие в прекращении миролюбиво многих возникавших между ордынцами и прилинейными жителями претензий...», – указывается в характеристике, данной в 1848 г.²³⁴⁸ В 1850 он был переведен на должность советника Петербургского губернского правления. Впоследствии, уйдя с государственной службы, являлся управляющим делами и именьями графа Уварова.

Григорий Флегонтович Лукин (род. 1823 г.) был из дворян, православного вероисповедания. В феврале 1844 г. после окончания Оренбургского Неплюевского военного училища был определен на службу в чине губернского секретаря в ОПК. В сентябре того же года был назначен на должность младшего толмача. В октябре 1849 г. назначен чиновником для производства следствия в

²³⁴⁵ Там же. Л. 28.

²³⁴⁶ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 571.

²³⁴⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1850 год. Д. 215. Л. 6.

²³⁴⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп.10. Д.5680. Л. 50–54; Д. 50576. Л. 6.

степи. В сентябре 1850 г. произведен в коллежские секретари. В августе 1851 г. был командирован в Гурьев городок для исправления должности попечителя прилинейных оренбургских казахов. В феврале 1854 г. по прошению уволен со службы²³⁴⁹.

Константин Францевич Груздзь (род. 1821/1823) происходил из дворян, римско-католического вероисповедания. Получил домашнее воспитание. По прошению в январе 1840 г. был принят старшим писцом в ОПК. В сентябре 1844 г. был назначен исправляющим должность помощника столоначальника. В сентябре 1848 г. переведен на должность письмоводителя при султানে-правителе Средней части Араслане Джантюрине. В октябре 1848 г. произведен в коллежские регистраторы, в сентябре 1849 г. – в губернские секретари, в сентябре 1850 г. – в коллежские секретари. В сентябре 1854 г. произведен в титулярные советники. В марте 1855 г. назначен чиновником для производства следствия в степи. В 1855–1857 гг. исправлял должность попечителя прилинейных оренбургских казахов Новолинейной и Уральской дистанций, а с марта 1858 г. утвержден в этой должности. В октябре 1857 г. был произведен в коллежские ассессоры²³⁵⁰.

Таким образом, попечителями назначались чиновники, знакомые с жизнью казахов, с бытом, с обстановкой в Степи, с их правителями.

Попечители прилинейных казахов как знатоки местности принимали активное участие при определении места для ставок султанов-правителей²³⁵¹. Отправлялись как представители власти вглубь степи для регулирования или решения ряда вопросов. Так, например, попечитель Д. Долгов, назначенный попечителем прилинейных оренбургских казахов в 1845 г., в том же году с 13 февраля по 24 мая совершил поездку в ставку чингизида, руководителя восстания 1837–1847 гг. Кенесары Касымова. Его сопровождали письмоводитель султана-правителя Западной части А.-К.Ф. Субханкулов, старшина Таджик

---

²³⁴⁹ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 567–568.

²³⁵⁰ ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 570–571.

²³⁵¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5634. Л. 41.

Башбаев, хорунжий султан Тлеукабыл Абултаев, участвовавший в переговорах с Кенесары²³⁵².

Попечители представляли сведения в ОПК о влиятельнейших и почетных казахах, которых можно было бы привлечь на службу Российской империи, или же наоборот, сообщали о неблагонадежных, предупреждая ОПК. В таких донесениях сообщались сведения о происхождении, т.е. фамилия и имя, если имелись, то сведения о его известных империи предках, родственниках, о месте кочевания, об экономическом положении. Также приводились сведения о семье, заслугах его, характере, об отношении к нему сородичей, наградах и т.д. При возможности приводились сведения о родовых тамгах.

Попечители сообщали об обстановке на линии, о социальном и экономическом положении населения. Так, например, попечитель прилинейных оренбургских казахов, ответственный за часть кочующих казахов при линии Нижней дистанции Уральской линии, центром которого был г. Гурьев, А.Г. Шершеневич сообщал о народонаселении его дистанции. По его мнению, они делились на простолюдинов, в основном очень бедного состояния, которые представляли собой отрывки от родов, кочующих в глубине степи, и на семейства султанов, которые были малочисленны и также бедны²³⁵³.

В 1850 г. он привел сведения о четырех казахах, которые были уважаемы среди номадов, но неблагонадежны для империи. Так, например, о бывшем начальнике 3-й дистанции Мурзагельды Аралове сообщал, что он «между прилинейными однородцами и доселе имеет первый голос», но значение свое всегда употребляет во зло. «На Нижнеуральской линии слывет первым коноводом в барантах и грабежах между киргизами (казахами – Г.И.)», – пишет чиновник ОПК²³⁵⁴. О другом представителе казахов – Турлане Асавове из рода серкеш, сыне почетного бия – сообщал, что «от природы умен выше простолюдина-

²³⁵² ИКРИ. Т. VIII. Ч. 2. С. 69, 73, 569.

²³⁵³ Там же. С. 167.

²³⁵⁴ Там же. С. 169.

ордынца; но нерассудителен и честолюбив, так нрав его есть нрав вполне батырский. Всегда готов на баранту и грабеж»²³⁵⁵.

О султানে Кадыргали (в народе – Кодар) Узбекгалиеве, потомке Нуралы хана сообщал, что он уважаем родами таз, бериш, адай. «Строг, исполнительен и рад всякому поручению от начальства, более по честолюбию и стремлению к деятельности. При хорошем надзоре и под влиянием благих советов мог бы быть весьма полезным. В особенности между тазларцами уважается как султан, знакомый с линейными делами и лицами. Строгостью своей внушает в ордынках уважение, вероятно, и в поле храбр. Показывает желание быть полезным и известным начальству», – сообщал Шершеневич²³⁵⁶.

В 1852 г. попечитель прилинейных казахов Гурьевской дистанции Г.Ф. Лукин сообщал в ОПК о службе казахских биев Елекея Атантаева, Кусумбая Тавасарова, простых казахов Жумабая Елекеева, Машака Байнакова. Он отмечал, что вышеназванные лица во время его проверки казахских кибиток в феврале – марте 1852 г. оказали усердие и просил о награждении этих ордынцев. Г.Ф. Лукин указывал также, что бий Елекей Атантаев из рода байбакты с 1848 г. служил толмачем при попечителях Гурьевской дистанции. Бий Кусумбай Тавасаров, происходивший из отделения жастабан рода таз, находился с 1846 г. при попечителях Гурьевской дистанции толмачем. Он отличился во время командировки Ф. Лазаревского в Западную часть Орды. Знал татарскую и русскую грамоту²³⁵⁷.

Отношение казахов к данному институту было различным. «Султаны-правители и вообще должностные ордынцы и того меньше расположены к попечителям, потому что в этой власти они видят ограничение собственных прав. Киргизы (казахи – Г.И.) сознаются сами, что когда у них было одно начальство – казаки, они знали только их и только им должны были и старались угождать. Теперь же по учреждении попечителей они должны угождать и попечителю, и

---

²³⁵⁵ Там же.

²³⁵⁶ Там же. С. 171.

²³⁵⁷ Там же. С. 245.

казаку. За лишнее внимание к одному обижается другой, а сохранить равно их интерес дело весьма трудное.

Умный и честный попечитель для нас клад, говорят простые киргизы», – писал чиновник особых поручений при председателе Пограничной комиссии Ф. Лазаревский²³⁵⁸.

Ф.М. Лазаревский, лично знавший многих правителей Степи, прилинейных попечителей, летом 1852 г. в своей «Записке» высказал несколько мнений об институте попечителей. По его мнению, учреждение попечителей было одним из благотельных мероприятий для казахов, но имело ряд недостатков. Причина этого кроилась в том, что попечителями иногда назначались малограмотные, не знающие сути дела люди. «Теперь на линии казак делает что хочет и попечитель ни в чем не имеет права остановить его. Он может только войти в переписку с Пограничной комиссией, а пока кончатся формальности переписки, казак продолжает свое и кончит тем, что заставит киргиза (казаха – Г.И.) примириться, причем, конечно, в накладе останется киргиз же. Попечитель иногда равнодушен к своим обязанностям, к положению киргиза (казаха – Г.И.), или он не желает вступаться за киргизов, чтоб не разладить с казаком, или боится, что за донесение его казаки оплатят доносом на него», – писал Ф.М. Лазаревский²³⁵⁹.

Следующей причиной неэффективности власти попечителей была «засиженность», невыезд ими по полгода и более на пункты своей дистанции, т.е. невладение ситуацией. «Главнейшую причину сего должно отнести к желанию его сберець прогоны. Теперь попечитель получает безотчетные в свое распоряжение на канцелярию и разъезды 150 руб. сер. в год. Попечители привыкли считать эти деньги как бы своим жалованием. Каждый выезд его с места жительства необходимо сопряжен с издержками, и для избежания этого он вместо поездки туда, где присутствие его необходимо, ограничивается перепискою», – сожалел Ф.М. Лазаревский²³⁶⁰.

---

²³⁵⁸ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1852 г. Д. 222. Л. 38.

²³⁵⁹ Там же. Л. 37.

²³⁶⁰ Там же. Л. 37 об.

Он высказывался за сохранение этого института в виде опыта на 4 года²³⁶¹. «Каким бы не был попечитель, казахи знали, что он поставлен для защиты их от притеснений линейных жителей и обращались к нему со своими жалобами. С другой стороны, казаки при нем держали себя осторожнее», – писал он. Ликвидация данного института, по мнению чиновника особых поручений, могла усилить убеждение казаков об отдаче казахов в их распоряжение. Также в это время казахи остались бы без защиты, «жалобе казаха трудно будет дойти до пограничного начальства. Султан-правитель проедет по линии в год или два – один раз, один же раз в год, положим, проедет и чиновник Комиссии», – рассуждал чиновник ОПК²³⁶².

По мнению Ф.М. Лазаревского, польза нахождения этих лиц на линии несомненно будет достигнута при исполнении следующих требований.

1. Когда попечителями будут назначаться чиновники с большею разборчивостью, знающие дело и благонамеренные, с доверием пограничного начальства. Если они будут иметь достаточно независимости и самостоятельности для тех действий в кругу их обязанностей, которые они будут находить справедливыми и полезными для народа.

2. Главными обязанностями попечителей должно было быть наблюдение за правильностью действий казачьего начальства по делам казахов; предупреждение и удержание казахов от своевольных действий в отношении к линейным жителям; разбирательство маловажных претензий уголовных, исковых дел между линейными жителями и казахами. По его мнению, казачье начальство обязано было оказывать зависящее от него содействие к исполнению попечителями своих обязанностей. Попечитель отвечал за всякое распоряжение, а его распоряжения казачье начальство обязано было исполнить под страхом строгого взыскания.

3. Ф.М. Лазаревский предлагал вменить в обязанность попечителей объезжать свою дистанцию по крайней мере 3 раза в год и преимущественно во время сенокосения, во время прихода казахов на зимовки и выхода из них. Во

---

²³⁶¹ Там же. Л. 41.

²³⁶² Там же. Л. 38 об.

время проездов попечитель должен был рассмотреть все следствия находящиеся на производстве у казачьего начальства, к которым имели отношение казахи, и непременно в каждом деле должен был отметить: что следствие, им было тогда-то рассмотрено и по нему он признал нужным сделать то и то, или что производство дела он находит правильным. В случае особой важности дела он мог просить Комиссию командировать для производства дела особого чиновника.

4. Он предлагал не давать попечителям разъездных денег, а передавать их в войсковые суммы Оренбургского и Уральского войск, в пользу казаков, и взамен этого дать право попечителям разъезжать по линии на казачьих лошадях, без прогонов. Это было бы весьма полезным для большей подвижности попечителей.

5. Чиновник особых поручений советовал строго следить и наблюдать за действиями попечителей, по крайней мере, один раз в год посылать от генерал-губернатора или Пограничной комиссии чиновника для ревизии их действий. Также он рекомендовал дать право наказным атаманам Оренбургского и Уральского войск и начальнику штаба Оренбургского казачьего войска во время проезда по линии и вообще по местам расположений войск, проверять действия попечителей, по делам к которым причастны казаки, и замечания свои передавать на распоряжение Пограничной комиссии²³⁶³.

Ф.М. Лазаревский обратил внимание на еще одну категорию чиновников – толмачей при попечителях. По его мнению, значение толмача при попечителе было очень важным, так как он был ближайшим посредником между казаками и попечителем, но жалованье для него 50 руб. сер. было очень малым. Поэтому «попечители иногда сквозь пальцы смотрят на мелкие злоупотребления толмачей», – писал он. Ф.М. Лазаревский предлагал назначать на эту должность знающего, толкового, честного казаха, а также прибавить им жалованья еще 50 руб. сер. «Или же, – писал он, – оставив им прежнее жалованье, службу их считать наравне со службою местных начальников и достойнейших среди них поощрять подарками и наградами»²³⁶⁴.

---

²³⁶³ Там же. Л. 39–41.

²³⁶⁴ Там же. Л. 41–41 об.

Во второй половине 50-х гг. XIX в., по мнению начальника областного правления казахов В.В. Григорьева, деятельность попечителей была эффективной. Он писал, что «они почти не подают повода к жалобам на них киргизов (казахов – Г.И.)», и что за его время правления «немногие жалобы на них, имевшие место, оказывались почти всегда безосновательными»²³⁶⁵. Попечители за упущения в своих делах получали замечания и выговоры.

Попечители сообщали в ОПК об обстановке в степи. Так, например, в конце 1857 г. попечитель и представители 800 кибиток казахов рода таз, кочевавших близ Гурьева, сообщали, что «начальник Гурьев городка вопреки разрешению Уральской войсковой канцелярии не допускал казахов к кочеванию на землях, им занимаемых, единственно по просьбе 8 богатых гурьевских торговцев»²³⁶⁶.

В ноябре 1858 г. попечитель снова поднимает этот вопрос, предвидя, что тазларовцы прикочуют к старым зимовкам, «куда их снова не будут пускать, а потому им придется остаться на зиму в открытых местах, от чего могут погибнуть скот и самые семейства»²³⁶⁷. По его прошениям областное правление начало изучать вопрос права на зимовку на левом берегу Урала казахов рода таз, но дело так и не было завершено.

Итак, заканчивая анализ деятельности института попечителей в Казахской степи XIX в., подчеркнем, что основная деятельность их была связана с решением вопросов прилинейных казахов. Апробированные в разных частях империи механизмы управления окраинами совершенствовались, дополнялись и вводились в новых регионах. Так было и с институтом попечительства, который прошел испытание в Калмыкии, а в 30–40-е годы XIX в. был введен у башкир и в середине 40-х годов того же века у казахов Оренбургского ведомства.

Изучение двух инструкций, созданных для попечителей, показывает нам, что функции данной категории чиновников в целом были схожи. Это – контроль, наблюдение, слежка, регулирование отношений жителей региона. В Башкирии попечители в основном контролировали местное кантонное управление и их

---

²³⁶⁵ Веселовский Н.И. В.В. Григорьев по его письмам и трудам (1816–1881). Приложения. С. 44.

²³⁶⁶ Там же. С. 28, 53.

²³⁶⁷ Там же. С. 28.

начальников, а попечители прилинейных казахов регулировали отношения казахов с линейными жителями, в первую очередь, с казаками.

Попечителем в 9-й башкирский кантон был назначен российский офицер, т.е. здесь учитывается военная система управления, установленная в Башкирии. В Казахской степи Оренбургского ведомства попечителями были чиновники края, закончившие службу, т.е. гражданские лица. Те и другие получали жалованье за свою службу. Попечитель 9-го башкирского кантона подчинялся непосредственно оренбургскому военному губернатору, а попечители прилинейных казахов подчинялись председателю Оренбургской пограничной комиссии и оренбургскому военному губернатору. Последние могли получать распоряжения с двух инстанций власти, а майор Серета только от военного губернатора.

Майору Серета разрешалось во время командировок использовать башкирские подводы, а попечителям прилинейных казахов выделялась определенная сумма.

Институт попечительства выполняет свою функцию, дополняя функции казачьих начальников. Попечители выступали как «око» оренбургских начальников, регулируя взаимоотношения населения края.

Главным условием деятельности прилинейных попечителей в Степи была забота о населении линии, решение конфликтных вопросов с учетом обстановки дела. Инструкция, нормативные акты, регулировавшие деятельность попечителей прилинейных казахов, подготавливались в Оренбургской пограничной комиссии, затем проходили обсуждение в канцелярии оренбургского военного губернатора, после резолюции главного начальника края отправлялись для одобрения в МИД. Они готовились с учетом особенностей положения дел в крае. Попечители как представители российской власти на линии вели контроль за жизнью номадов, с другой стороны, они решали все вопросы, которые касались их взаимоотношений с казаками. Знакомые с жизнью, обычаями казахов не понаслышке, а в реальной жизни, прослужившие в крае несколько десятилетий, ощутившие на себе опасности и тягость службы на линии, попечители старались выполнять свои

функции на благо кочевого населения Степи, а в целом для блага российского государства.

Со второй половины 40-х годов XIX в. начинается продвижение Российской империи в глубь Центральной Азии. В 1847 году российские войска захватили устье Сырдарьи и построили укрепление Раим, а в 1848 г. форт Казалы. 28 июня 1853 г. было завоевано кокандское укрепление Ак-Мечеть. Территория до низовьев Сырдарьи перешла под управление России. 5 июля 1854 года было учреждено командование Сырдарьинской линии²³⁶⁸. Данная линия была открытой для перекочевков казахов как в среднеазиатские ханства, так и в империю. Как утверждает Д.В. Васильев, «сама российская граница в регионе не воспринималась еще как вполне стабильная и признанная граница государства»²³⁶⁹. Причиной этому было внешнеполитическое положение России, которая, проиграв в Крымской войне, не была готова к активным действиям в Центральной Азии²³⁷⁰.

В 1859 г. председатель ОПК В.В. Григорьев предложил переименовать свое ведомство. При обсуждении его представления возник вопрос о передаче Пограничной комиссии из ведения МИД в МВД. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Катенин считал это преждевременным и ходатайствовал только о переименовании Пограничной комиссии²³⁷¹. В марте 1859 г. высшее управление Младшим жузом, или «Зауральской Ордой», было передано из ведения МИД в МВД²³⁷². 9 декабря 1859 года на основании представления МВД Сенат издал указ «О переименовании степи Зауральских киргизов, именуемой Малой Ордою, в область Оренбургских киргизов и о новом порядке управления сею областью»²³⁷³. По данному указу Пограничная комиссия переименовывалась в Областное правление.

²³⁶⁸ 1854 г. июля 5. О командующем Сыр-Дарьинскою линиею // ПСЗРИ – II. Т. XXIX-1. №28392. С. 679.

²³⁶⁹ Васильев Д.В. Россия и Казахская степь. С. 277.

²³⁷⁰ Там же.

²³⁷¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 6. Л. 76.

²³⁷² ПСЗРИ – II. Т. XXXIV. Отд. Первое. № 34270.

²³⁷³ ПСЗРИ – II. Т. XXXIV. Отд. Второе. № 35223..

Чиновники МВД меняют политику империи в Степи. Если ранее МИД стоял на позиции «менее входить во внутренний распорядок» казахов, «предоставить им управляться и ведаться внутри степи своими обычаями, сколько это будет возможно и своими властями»²³⁷⁴, то представители МВД, напротив, указывали на слияние казахов Младшего и Среднего жузов с Россией. «Цель эта может быть достигнута только введением внутри степи прочной русской администрации, сообразной в главных началах с общественными учреждениями империи», – писали ее чиновники²³⁷⁵.

В январе 1860 года оренбургский и самарский генерал-губернатор Александр Андреевич Катенин вышел с предложением к министру МВД С.С. Ланскому об изменении порядка доставления Областным правлением Оренбургских казахов сведений касательно заграничных дел, в том числе о торговле с государствами Средней Азии и меновой торговле²³⁷⁶.

А.А. Катенин, обратив внимание на удачное расположение Оренбургского края, граница которого проходила от восточного побережья Каспия до среднего течения Сырдарьи и позволяла собрать сведения о положении дел в Афганистане, Индии, о странах Средней Азии, предлагал превратить Оренбург в центр сбора сведений и регулирования отношений с государствами Центральной Азии. Указывая, что по заведенному ранее порядку все сведения по заграничным делам поступали в разные ведомства: канцелярию генерал-губернатора, Пограничную комиссию и др. - он рекомендует сосредоточить все материалы для изучения края и соседних владений в одном ведомстве – в своей канцелярии.

Согласно предложению оренбургского начальника, дела о сырдарьинских казахах, о среднеазиатских ханствах, предложения о расширении границ, о различных правительственных и ученых экспедициях, о снаряжении и отправке посольств, военных отрядов могли обсуждаться в различных ведомствах, отдельными лицами, но все сведения должны были быть сосредоточены в одном

²³⁷⁴ ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2510. Л. 286; Д. 2265. Л. 39.

²³⁷⁵ Выписка из объяснительной записки комиссии по проекту положения об управлении в казахских степях // Материалы по истории политического строя Казахстана. С. 261–262.

²³⁷⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1859 год. Д. 6. Л. 53–55 об.

месте. Решение возникших в крае вопросов по этим направлениям должно было стать прерогативой генерал-губернатора²³⁷⁷. Он выступил против отправления напрямую областным правлением (бывшей ОПК) таких сведений в Азиатский департамент.

Министр МВД поддержал А. Катенина и представил его предложения на рассмотрение Комитета министров. На его заседаниях 16 февраля и 1 марта 1860 года «Записка» министра МВД была одобрена и вскоре утверждена императором²³⁷⁸.

Таким образом, областное правление лишалось права напрямую отправлять сведения касательно казахов Младшего жуза, среднеазиатских ханств и т.д. в МИД. Все дела, касающиеся управления казахами Оренбургского ведомства, отношений России с государствами Средней Азии, стали прерогативой канцелярии генерал-губернатора.

Учрежденная в конце XVIII века Оренбургская пограничная комиссия выполнила свою миссию. Название «пограничное» не соответствовало положению дел. Если ранее граница проходила по Уралу, то теперь империя укрепилась на Устюрте и Сырдарье. Земли населенные казахами Младшего жуза стали «внутренней» частью империи. С возникновением Сырдарьинской линии Россия получила возможность усилить политическое давление на Хиву и Коканд. В середине XIX века Центральная Азия стала ареной политического и экономического соперничества между Россией и Великобританией.

Введенная в 1868 г. реформа вносит большие преобразования в Степи. Политика сотрудничества с казахской элитой – чингизидами сменяется на проект, где «черная кость», т.е. различные слои казахского социума рассматриваются как реализаторы имперских идей. Активно внедряются прямые имперские институты управления. Казахская степь Оренбургского ведомства стала внутренней окраиной.

---

²³⁷⁷ Там же. Л. 54–55 об.

²³⁷⁸ Там же. Л. 63–63 об.

2 января 1869 года Областное правление оренбургскими киргизами было ликвидировано, функции его на правах преемственности были переданы Тургайскому областному правлению, которое было образовано тогда же²³⁷⁹.

---

²³⁷⁹ ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российское государство имело многолетний опыт контакта с кочевым миром. В ее составе были территории с разным этническим, конфессиональным, социокультурным составом. По выражению императрицы Екатерины, в России было представлено разнообразие народов «от мраморных дворцов до пещер». Кочевые народы калмыки, башкиры, казахи, туркмены, ногайцы и др. вошли в состав империи в разные хронологические периоды (с XVI в. по XVIII в.). Интегрируя вновь присоединенные территории и народы в имперскую модель административного управления, Российское государство учитывало их различные формы государственной власти (княжество, ханство и т.д.), региональные особенности, социально-экономические и социокультурные отличия.

Кочевая казахская элита в лице ханов, султанов, батыров ранее вступала в контакт не с центром империи, а с её окраинным населением – калмыками, башкирами. Прозрачность, полная неопределенность границ в XVII – 20-е годы XVIII века между казахами, башкирами, калмыками приводила часто к вооруженным конфликтам из-за пастбищ. Решение таких конфликтов происходило на встрече элит кочевых обществ, мирное регулирование скреплялось брачными союзами детей ханов, тайш, батыров, обменом аманатами – равноправными представителями социумов (характерно для казахско-калмыцких отношений).

С XVIII века во внутренней политике Российской империи существовало стремление создать однородное государственное пространство. Империя начинала с периода властного освоения региона, который затягивался иногда на длительное время, но постепенно модернизировала принципы управления, судебную систему и т.д.

XVIII век в истории калмыков, башкир, т.е. подданных Российской империи, уже включенных в административную систему, характеризуется тем, что в этот период продолжился процесс их дальнейшей интеграции. Башкиры сохранили свое особое положение в социальном отношении. С конца XVII в., а

затем активно в 1704–1711, 1735–1740, 1745, 1755 гг. произошел ряд башкирских восстаний, направленных против насильственной христианизации, изъятия земель. В октябре 1771 года было ликвидировано Калмыцкое ханство, улусы были подчинены астраханскому губернатору, а часть вошла в состав Донского казачьего войска.

В 1731 г. был присоединен Младший и частично Средний жуз казахов в состав Российской империи. Инициатором этого процесса стал хан Абулхаир Кажыулы, потомок основателя Казахского ханства Жанибека. Различные факторы, в том числе обострение отношений с подвластными империи башкирами, подтолкнули хана обратиться с просьбой о присоединении жуза к императрице. Отношения между империей и казахами с этого момента можно рассматривать как вассальные, что было знакомономадам и соответствовало политическим особенностям кочевого общества. Российская империя в свою очередь, включив новые территории, искала приемлемую модель административно-территориального устройства и определяла их статус. По отношению к Казахской степи был выбран путь инкорпорации. В 1734 г. была определена граница между кочевыми народами. Пограничной чертой между калмыками, башкирами, яицкими казаками, с одной стороны, и казахами Младшего жуза была определена по реке Яик, почти на всем ее протяжении.

В начальный период инкорпорации сохраняются традиционные административные структуры: институт ханской власти, правление родами и племенами султанов, выполнение судебных функций биями, так как это облегчало адаптацию присоединенных народов к жизни в пределах России.

Единая система управления периферией отсутствовала, а методы зависели от местных особенностей. Существовало разнообразие методов и механизмов управления перифериями.

В начальный период присоединения казахов к империи российская администрация заимствовала методы, использованные ранее на ее окраинах. Учитывая малочисленность русского населения края, используется политика «разделяй и властвуй» и «натравливание одного народа против другого».

«Трактование» как способ налаживания контакта с казахской элитой, одаривание подарками сохраняется и в более поздний период, но меняется состав подарков. Церемония возведения в ханы меняется на церемониал возведения в султаны-правители с вручением знамени, сабли, грамоты и приведением к присяге.

Должны отметить, что одним из способов закрепления подданства был институт аманатства-заложенничества. Он широко практиковался империей по отношению к покоренным народам, был характерен для начального периода освоения имперского пространства. Данный институт прошел апробацию в отношении с народами Кавказа, Сибири, Южного Урала (башкирами), Северного Прикаспия (калмыками), в 30-е годы XVIII века начал применяться и к кочевым казахам. Казахский хан Абулхаир отдавал в аманаты одного за другим своих сыновей, рожденных от Бопай ханым. Различное толкование значения института аманатства российской администрацией и казахским кочевым социумом привело к обострению конфликтов между Абулхаиром и оренбургской администрацией. Институт аманатства был элитарным в начальный период присоединения, но уже с 60-х годов XVIII в. при переходе за Яик казахи начали оставлять аманатов из числа «черной кости».

Для закрепления позиций в присоединенных территориях была образована в мае 1734 г. Оренбургская экспедиция во главе с обер-секретарем Сената И.К. Кириловым. Период его правления характеризуется подавлением башкирского восстания, вспыхнувшего как ответ на замыслы центра начать строительство крепостей. Окончательное усмирение края произошло в период правления первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева. В период возникновения острых конфликтов между казахским ханом и оренбургской администрацией в Казахскую степь отправляли давнего друга, человека, имевшего вес среди элиты кочевого общества, – А.И. Тевкелева.

Он с самого начала занимался реализацией юго-восточной политики Петра I. Сотрудник КИД, в прошлом старший переводчик Петра I по секретным делам, Кутлу-Мухаммед Мамешев, или Алексей Иванович Тевкелев (1674/1675–1766), прошел службу на границе с Казахской степью. «Птенец гнезда Петрова» прошел

путь от переводчика «ориентальных языков» до одного из «устроителей» Оренбургского края. Он принимал присягу на подданство России от казахов Младшего жуза в октябре 1731 г. в Майтобе – в ставке хана, участвовал в разрешении конфликта между ханом Абулхаиром и оренбургским губернатором И.И. Неплюевым, он был отправлен для подавления башкирских восстаний середины XVIII в., а в 1755 г. – в Казахскую степь для достижения выдачи казахами бежавших башкир в поколения Жетыру.

За приведение к присяге казахского хана Абулхаира и успешную работу был в 1734 г. пожалован императрицей Анной Иоанновной из переводчиков в полковники с полным армейским жалованием. В 1742 г. за прекращение восстания под предводительством Карасакала А. Тевкелев получил чин бригадира, а в 1755 г. произведен в генерал-майоры. Так, все звания и награды А.И. Тевкелев получил за службу в Оренбургском крае.

Особенностью регионального административного устройства была Оренбургская Пограничная комиссия, которая выступала как особый орган управления казахским Младшим жузом. Данный орган был создан в 1799 г. на базе Пограничного суда и Пограничной экспедиции по предложению оренбургского военного губернатора Н.Н. Бахметева. Объединенная в единое целое, 27 мая того же года «Оренбургская комиссия пограничных дел» приступила к своей главной обязанности – разрешению пограничных конфликтов и осуществлению связи с кочевой элитой ханом, султанами, старшинами.

В «Положении об управлении оренбургскими киргизами» 1844 г. были четко определены функции Пограничной комиссии. Она выполняла административно-политическую (сохранение благоустройства и тишины в Степи, сбор сведений о среднеазиатских ханствах, освобождение русских пленных и т.д.), социально-экономическую (попечительство, выдача пособия казахам в годы бедствий, развитие образования, оспопрививания и т.д.), финансовую (контроль за сбором налогов, счетоводство), судебную (разбор дел между казахами и линейными жителями и т.д.) функции.

Пограничная комиссия стала органом, которая привлекала на службу представителей казахской элиты для решения проблем кочевого населения, и именно эта особенность позволила выстроить «гибкую» политику империи на окраине. ОПК пыталась «прислушаться» к проблемам местного населения и стала органом, который представлял их интересы.

Сотрудники ОПК, несмотря на различные опасности, отправлялись в Степь для изучения её политического состояния, сбора определенных материалов, проверки деятельности местных правителей и т.д. Председатели Пограничной комиссии В.Ф. Тимковский, Г.Ф. Генс, М.В. Ладыженский, В.В. Григорьев, изучив положение в Казахской степи, предпринимали конкретные меры по совершенствованию организации управления казахами Оренбургского ведомства.

Чиновники Оренбургской Пограничной комиссии влияли на формирование политики империи на окраине, зачастую выступали инициаторами введения новых законопроектов, с их мнением считались не только в Оренбурге, но и в столице. Они как представители центральной власти в Оренбурге, непосредственно сталкиваясь с различными трудностями, предлагали разноплановые варианты управления Степью и совершенствовали административную политику империи на окраине, указывали пути преодоления имеющихся недостатков. Как знатоки местных условий иногда получали прерогативы по решению некоторых вопросов.

Более тесные контакты представителей Оренбургской Пограничной комиссии с населением Степи и ее элитой, в силу функциональных обязанностей и знания внутреннего состояния кочевого социума, привели к тому, что они зачастую играли большую роль в жизни казахов, чем далекие столичные начальники.

Как указывалось выше, империя использовала апробированные методы, системы управления. Залогом устойчивости империи явилась гибкость и вариативность правительственной политики. Не всегда совпадали позиции центральных и местных оренбургских властей и, как показывает пример В.Ф. Тимковского и П.К. Эссена, даже внутри местной администрации края.

Военный губернатор в России представлял реального начальника губернии. Введенное в эпоху Павла I на беспокойных окраинах военное управление имело функцию контроля над всеми учреждениями края. Его решения были обязательными для всех русских чиновников и подданных. Поэтому несвоевременное представление инструкции для пристава к хану Младшего жуза Шергазы Айшуакова, которая должна была быть подготовлена Оренбургской пограничной комиссией, а затем и критика В.Ф. Тимковским дополнений к данному документу, сделанных военным губернатором, привели к конфликту между П.К. Эссеном и В.Ф. Тимковским. Спор об инструкции в действительности был спором о характере отношений с подвластными казахами.

Военный губернатор П.К. Эссен был ставленником императора Александра I в Оренбургском крае, а с другой стороны, находился под контролем Военного министерства. Председатель Оренбургской Пограничной комиссии тоже имел двойное подчинение. Он как чиновник Азиатского департамента подчинялся Министерству иностранных дел, а с другой стороны, как председатель Пограничной комиссии находился в повиновении оренбургского военного губернатора. В случае с В.Ф. Тимковским двойное подчинение позволило ему выходить на прямую связь с директором Азиатского департамента К.К. Родофиникиным.

В 1821 году первый пристав – Павел Карсаков – появился в ставке казахского хана Младшего жуза Шергазы Айшуакова. Институт приставства имел широкое распространение среди народов Кавказа (кабардинцы, ингуши, чеченцы, карабулаки, ногайцы, кумыки и др.), Северного Прикаспия (калмыки) в XVIII – середине XIX века.

Основной обязанностью пристава при казахском хане была охрана хана и сбор информации о Казахской степи, а приставов на Кавказе – обеспечение охраны порядка, организация исполнения законов, координирование политики кавказской элиты по отношению к России, соседям и т.д. Приставы выполняли распоряжения КИД и были его представителями на окраине.

Д. Бахметев при хане Аюке в целом выполняет те же функции приставов, отправленных к казахскому хану Шергазы в 1821–1823 гг. В это время правительство еще четко не сформулировало свою политику по отношению к калмыкам. Институт приставства возникает в переходный период.

26 января (7 февраля) 1820 г. по указу Александра I был создан новый Азиатский комитет в расширенном составе для решения всех дел по азиатской границе. В его заседаниях принимали участие управляющий МИД, министры внутренних дел и финансов, начальник Главного штаба, а с июля 1821 г. – генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский. Управление делами Комитета было поручено директору Азиатского департамента К.К. Родофиникину. В 20-е годы XIX века на заседаниях Азиатского комитета – межведомственного органа, ответственного за политику в Степи, решались вопросы управления Младшим жузом казахов.

Первая половина XIX века – это период глубокой интеграции кочевого казахского социума в российское имперское пространство. В этот период были определены дальнейшие пути реформирования административного и территориального устройства Младшего казахского жуза. Законодательное закрепление внутреннего устройства казахской Степи и административных порядков было регламентировано «Утвержденным мнением Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» 1824 года. Данная реформа была половинчатой, многие вопросы, к примеру, выбор и назначение султанов-правителей в трех частях Орды, судьба института ханской власти, в частности, хана Шергазы Айшуакова, была представлена на рассмотрение оренбургскому военному губернатору П.К. Эссену. Данная реформа привела к ликвидации ханской власти, изменению политической системы и административного, судебного, территориального управления на территории Младшего жуза.

Территория Младшего жуза казахов, или Малая Орда, была разделена на две части во главе с султанами-правителями. Надо отметить, что в этот период часть территории Среднего жуза отошла в ведомство оренбургского военного

губернатора и составила третью – Восточную часть Орды. Территория казахов, находившихся под управлением оренбургского военного губернатора, в российских законодательных актах получила название «Зауральская Орда».

Реформа 1824 г. была направлена на постепенное приспособление правящей элиты кочевников – чингизидов к вводимым новшествам. Если опорой самодержавия в центральных губерниях Российской империи было дворянство, то на окраине оно нашло ее в лице султанов. В свою очередь, чингизиды в изменившихся условиях искали поддержку своей власти в имперской администрации.

В начале введения института султанов-правителей наиболее авторитетные, а затем получившие русское образование, наиболее перспективные из их числа были включены в сословно-бюрократическую систему империи. Чингизиды, в свою очередь, в изменившихся условиях проявляли готовность верно служить Российскому императору.

Вручение на первых этапах инвеститурных знаков (золотой сабли, особой грамоты, знамени части) возвышало султанов-правителей среди чингизидов и всего населения Степи. Награждение их орденами и медалями, назначение жалования, на позднем этапе особенно отличившиеся верной службой чингизиды были включены в состав потомственного дворянства Российской империи, все это давало представителям «белой кости» сделать выбор служить Российской империи или же оставаться уже простым чингизидом в Степи. Многие представители «ак суйек», выбрав первый вариант, вошли в состав группы государственных служащих имперской администрации. Чингизиды Степи дома Абулхаира и Каипа были кооптированы в российское дворянство.

Летом 1824 г. были назначены все три султана-правителя. Султанами-правителями Западной и Средней частей стали в основном потомки хана Абулхаира, в Восточной – потомки Каип хана. Этот принцип сохранился и в дальнейшем. Султаны-правители назначались как помощники Оренбургской Пограничной комиссии в реализации политики империи на окраине. 31 января

1824 года на заседании Азиатского комитета была рассмотрена инструкция для новых правителей Орды.

1 августа 1824 г. Каратай Нуралиев был назначен султаном-правителем Западной части, 13 августа – Жума Кудаймендиев назначен султаном-правителем Восточной части, а Темир Ералиев – Средней части. Был создан Комитет во главе с Ф. Бергом для реализации данной реформы. В его состав вошли Ф. Берг, три султана-правителя, начальник инженеров отдельного Оренбургского корпуса, инженер-полковник Г.Ф. Генс и управляющий Пограничной канцелярией военного губернатора титулярный советник Оводов. Комитету были предписаны правила к руководству в вопросе определения территории трех частей, родорасселения казахских племен и родов, ставок для султанов-правителей. Комитет с 23 июля по 6 августа 1824 г. провел 10 заседаний, где были разрешены все поставленные вопросы.

Султан-правитель Западной части Каратай Нуралиев отождествлял свою должность с властью хана, но измененной в сложившейся исторической ситуации. Он изготовил печать и использовал характерную для традиционного общества символ власти – каплевидную печать с его именем и статусом «Хан Каратай сын Нуралиханов». После требования П.К. Эссена данная печать уже не использовалась ханом. Оренбургский военный губернатор, заметив свою погрешность, просит столицу изготовить печати для султанов-правителей.

Султаны-правители Б. Айшуаков, Ахмет Джантюрин с большим успехом с помощью биев завершали многолетние споры и претензии как между племенами и родами своих частей, так и между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств. Они первыми ввели оспопрививание среди казахов. Ставили вопрос об открытии на территории своих частей школ для казахских мальчиков, указывая на дальность учебных центров и на нежелание кочевников отпускать своих детей далеко.

Неизученность деятельности султанов-правителей, их биографий привела к недоразумению. Существующая путаница в определении генеалогии Ахмета и Араслана Джантюрина подтолкнула нас к изучению их биографий. Ахмет

Джантюрин (1810–1851) – сын султана-правителя Жанторе Жихангерова, султан из династии Жадик, потомок хивинского хана Каипа. Араслан Джантюрин был сыном убитого хана Жанторе, внуком хана Айшуака, правнуком хана Абулхаира.

Следующей категорией казахских чиновников были исправляющие должность султана-правителя. Это были чингизиды, которые в течение нескольких лет неся службу и выполняя функции султанов-правителей, доказывали свою верность империи. Введению данной промежуточной ступени послужила причиной поддержка некоторыми султанами-правителями восстания К. Касимова, слабое выполнение обязанностей и т.д. С 5 марта 1829 г. Высочайшим повелением султанам, временно исправляющим должности султанов-правителей Оренбургского ведомства, за успешное выполнение возложенных на них обязанностей выдавалось, по усмотрению оренбургского военного губернатора, приличное награждение деньгами или вещами.

Двенадцать чингизидов состояли на службе в должности султанов-правителей, а четверо выполняя ее функции, так и не получили эту должность, оставаясь исправляющими.

По реформе 1824 года ханская власть была упразднена в Младшем жузе, а ее последний хан Шергазы Айшуаков был приглашен в Оренбург и назначен первоприсутствующим в Оренбургской пограничной комиссии с жалованьем 150 рублей в год.

Униженный хан Шергазы не раз писал в Санкт-Петербург о своем положении, но его успокаивали тем, что он – главный правитель Степи, решающий нужды кочевников в Оренбурге. В сентябре 1825 года Шергазы выехал на три недели в Степь и не вернулся. Шергазы бежал и отдался под покровительство хивинского хана, но через некоторое время вернулся на линию.

Инициатором ликвидации ханской власти был П.К. Эссен. Еще в 1818 году он доносил управляющему иностранной коллегии К. В. Нессельроде о состоянии дел в Казахской степи и предлагал уволить хана Шергазы Айшуакова от управления жузом, назначить ему с семейством пребывание в Уфе или Мензелинске с выплатой пенсии по 2000 руб. в год.

После ряда таких сообщений, где Шергазы рассматривался слабым ханом, в столице было собрано заседание Азиатского комитета, где решалась судьба казахского хана. Было несколько предложений: ликвидировать ханскую власть или назначить двух ханов. Оренбургский военный губернатор П.К. Эссен предлагал заменить хана Шергазы другим чингизидом – Арынгазы Абулгазиевым.

Хан Шергазы одним из способов своей защиты избрал написание писем в КИД, позже в Азиатский департамент и лично императору. Следующим способом защиты своей власти хан считал аудиенцию у императора или отправку своих верных людей в столицу. Обсуждение некоторых важных вопросов, которые не решались в Оренбурге, хан намеревался рассмотреть в Петербурге. Присутствие на аудиенции императора имело в глазах соотечественников хана весомую роль. В 1819 году Шергазы со своим сыном Едиге и другими подданными были в Петербурге.

В социальной организации номадов механизм властного доминирования складывался по принципу патронатно-клиентных отношений²³⁸⁰. Данный тип функционирования власти был нарушен историческим ходом развития казахского общества в XIX в., который, в свою очередь, был связан с политикой империи на окраине. Вмешательство в принцип отбора ханов, назначение себе угодных ханов привело к тому, что после Абулхаира все ханы были ставленниками центра. Упор, сделанный на избрание ханов из дома Абулхаира, игнорирование сильных и авторитетных претендентов, выбор послушных кандидатур постепенно приводит к изменению отношения к институту ханской власти как у кочевников, так и у пограничной администрации.

Следующая категория нижнего звена управления: дистаночные начальники могли назначаться из числа представителей «кара суйек», хотя первые были из числа султанов.

---

²³⁸⁰ Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов. (Основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы, 1995. С. 127–128.

Процедура назначения дистаночных начальников проходила следующим образом. 1. Кочевники-казахи представляли «приговор», т.е. свое прошение, где, перечисляя достоинства будущего дистаночного начальника, просили султана-правителя представить данную кандидатуру оренбургскому начальству. 2. Султан-правитель части представлял в Оренбургскую пограничную комиссию сведения по форме, где перечислялись данные о кандидате: происхождение, место кочевания, заслуги кандидата, его усердие к службе, способности, поведение, отношение с другими чиновниками. 3. В свою очередь, для утверждения кандидата Пограничная комиссия представляла такие сведения о претенденте оренбургскому военному губернатору, иногда дополняя ее известными для нее сведениями. 4. Решение вопроса оставалось за главным начальником края.

Безупречная служба была одним из главных критериев при назначении на должность дистаночного начальника. Любые нарушения при выполнении предыдущих обязанностей, которые приводили к освобождению от должности, могли сыграть отрицательную роль при получении новой.

Данная категория начальников имела право на отпуск. Во время болезни или выезда за пределы Степи, а также отпуска их увольняли с должности на определенное время и назначали временно исполняющих. Дистаночные начальники не получали жалованья. За усердную службу их награждали похвальными листами, медалями, переводили в следующий чин.

Внутри дистанции были образованы аулы, или местности. Аулы казахов Оренбургского ведомства отличались от аулов Сибирского, где было четко определено количество кибиток, тогда как в аулах казахов Оренбургского ведомства количество кибиток могло варьироваться и зависело от родорасселения. Родоначальник не всегда назначался аульным старшиной. Поэтому сохранилось характерное для традиционного казахского общества управление родами, отделениями и подотделениями биев и старшин. Местные начальники, т.е. аульные старшины, были определены против каждого отряда или форпоста.

Местный начальник был ответственен за население определенного аула, располагавшегося возле определенной крепости. Имел двойное, параллельное подчинение как местному казахскому (дистанчному начальнику), так и российскому (линейному) начальнику.

Назначение аульного старшины проходило следующие этапы. 1. Казахи определенной территориальной единицы – аула, выбирали аульного старшину и представляли его кандидатуру дистанчному начальнику. 2. Дистанчный начальник просил о назначении выбранной кандидатуры султана-правителя части. 3. Султан-правитель на основании поступивших сведений (если устные, то его письмоводитель записывал сведения о кандидате), отправлял ходатайство на имя председателя Оренбургской пограничной комиссии, прилагая послужной список кандидата. 4. Председатель Пограничной комиссии готовил соответствующую документацию начальнику края, который принимал окончательное решение.

В заключение нельзя не отметить, что рассматривая деятельность султанов-правителей трех частей, дистанчных и аульных начальников в политической организации Российской империи, мы можем утверждать, что представители местной элиты – чингизиды, а также чиновники из числа «кара сүйек» смогли найти свое место в системе государственности. Местная политическая элита интегрировалась во властные структуры и участвовала в процессе управления. Сложившийся в советской историографии неверный взгляд на султанов-правителей как угнетателей, грабителей казахского народа требует пересмотра. Исследование деятельности султанов-правителей Баймухаммеда Айшуакова, Ахмета Джантюрина, Мухамеджана Баймухаммедова и других показывает нам, что это были достойные люди, которые защищали интересы подведомственных им казахов, находясь на службе, внесли новые веяния и успели преобразовать Степь.

Султаны-правители могли сохранить свои должности, служа верой и правдой империи. В то же время надо помнить, что в той ситуации, которая сложилась в Степи, прекращение междоусобиц, распри, барымты давало более

стабильное существование, что, в конечном счете, способствовало интересам казахского общества.

Несомненно, сложен и весьма труден вопрос об оценке тех преобразований, которые происходили в традиционном казахском обществе. В последнее время высказывается сомнение в прогрессивности отказа от традиционных форм. Этот момент остается предметом спора. В то же время сама жизнь требовала определенной модернизации, которая в тех конкретных исторических условиях могла идти по линии постепенного усвоения европейских начал.

XIX век стал для казахов эпохой фактического закрепления имперской власти на территории Степи. Проведение реформ 1824 и 1844 гг., введение кибиточного налога в 1837 г. потребовало четкого определения границ казахов Оренбургского и Сибирского ведомств, так как от этого зависело уточнение количества населения, облагаемого налогом.

В 30-годы XIX в. широко обсуждался вопрос о проведении границы между двумя ведомствами. Спор о границе между ведомствами начался еще в 1818 году из-за рыболовных озер между оренбургскими и сибирскими казаками. В 1835 году оренбургский военный губернатор В.А. Перовский снова возвращается к проблеме неопределенности границ двух ведомств. По его мнению, неопределенность эта основывалась на том, что не было верной карты.

7 июня 1838 года были Высочайше утверждены положения Комитета министров «О разграничении земель киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомств». Для проведения границы была образована специальная комиссия, где участвовали офицеры Генерального штаба, чиновники МИДа, а также депутаты от казахов. Начавшееся в Среднем жузе восстание казахов под руководством К. Касымова отложило начало работ до 1840 г. Поэтапно каждое лето проводилось определение границ. В 1842 году граница была доведена до горы (сопки) Майтюбе и вершины р. Карын-Салды Тургай. В связи с активизацией действий повстанцев окончательное проведение границы было отложено до весны 1844 года. Изученные автором архивные материалы

свидетельствуют, что с 1843 по 1852 гг. не проводилось разграничения земель между оренбургскими и сибирскими казаками.

В период определения границ двух ведомств началось переселение кочевых племен из одной в другую. Переход части населения Среднего жуза, располагавшихся на приграничной территории с Младшим жузом, в Оренбургское ведомство объясняется исторически сложившейся территорией кочевания племен на этих землях и нежеланием потерять родственные связи с соплеменниками.

«Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» регламентировало разделение территории Зауральской Орды в зависимости от традиционных зимних кочевок на аулы, сохраняя солидарность родственных групп, т.е. он был разделен по родовому принципу. Как представители определенной части Орды казахи должны были кочевать на установленной им территории, но идентифицируя себя с определенным родом, воспроизводя в исторической памяти территорию кочевок своих предков, они переходили иногда границу части, а иногда и ведомства и это приводило к различным конфликтам. Место кочевания определяло идентичность человека. У казахов в то время возникает «сложносоставная идентичность».

Казахам был дан выбор при определении ведомства, им разрешили перекочевку из одного ведомства в другое. Проведение официальной границы между кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов привело население к определению своей принадлежности, так как этого требовала российская региональная администрация. Основной упор делается на идентичности (самосознании населения трех частей Зауральской Орды, о чувстве принадлежности индивида и группы людей к конкретному роду, жузу, к своему сообществу), а не на перемещениях формально-правовых границ. Казахи как представители определенного рода имели конкретную территорию кочевания. Один род не мог претендовать на территорию кочевания другого рода. В случае войн или джута с согласования со старейшинами, биями рода представители определенного рода могли пройти по территории кочевок первого. Границы

родовых земель проходили по известным могилам, памятным места и урочищам и т. п.

В.А. Перовский учитывал при разделении границ двух ведомств территорию кочевания родов Младшего и Среднего жуза, исторические традиции. Представитель российской администрации на окраине видел внутреннюю связь между людьми и конкретными территориями. Он не раз указывал, что казахи знают точно пределы своих кочевий.

В середине XIX века параллельно с родоплеменной идентичностью появляется новая, которая определяется местом его кочевки, соответственно определенной частью Оренбургского ведомства, с именем султана-правителя части, с названием дистанции. Это проявляется как в делопроизводственной документации российской региональной администрации, так и в письмах и жалобах кочевого населения, однако доминантой остается идентификация личности по родоплеменной принадлежности.

Восприятие и осмысление географического пространства, формирование образов и пространственных представлений у казахов-кочевников было связано в первую очередь с окружающей природой и знаниями номадов о ней. Требование самой природы определить сезонные пастбища кочевания со скотом вложило в систему с самого раннего периода определение четкой территории. Веками кочевники закрепляли за собой определенные территории. При этом не было ни грамот, ни книг, где были бы даны ответы на следующие вопросы: «Чья это территория?», «С какого времени?». Устная историология закрепляла в памяти номадов районы кочевания.

Употребляемый в работе термин «кочевая ментальная карта пространства» включает в себя такие понятия как определение номадами в пространстве границ своих кочевий, понятие границы у казаха-кочевника. Кочевая ментальная карта пространства возникла вместе с формированием способа кочевания казахов. Образ пространства включал в себя сведения о характере местности, состоянии и составе травяного покрова, водных источников. Кочевая ментальная карта

пространства – это умственный конструкт. Все пространство степи казахи разделили между собой по родам.

В генезисе пространственных представлений в процессе развития различных культур отмечается явление «овременения» пространства, свойственное кочевникам, а также «пространствление» времени, присущее оседлым земледельцам²³⁸¹. Так, например, кочевники-казахи, рассказывая о расстоянии до своих кочевьев, могли использовать такие выражения: қас қағымда – моргнуть глазом, үш күндік жер – расстояние в три дня и т.д.

Учитывалось и средство передвижения: пешком, на коне или на верблюде. Измерение пространства временными маркерами не передает ее реальную протяженность. Номады проводили точные границы своего радиуса кочевания, хорошо знали небесную астрологию и определяли стороны света. Особенно часто кочевник-казак пользовался как временным ориентиром экологическими ситуациями.

У кочевников-казахов формировалось пространственное мышление. Помещая себя в пространстве, представители рода могли заявить о своем положении в кочевом обществе. Казахи создали свой особый способ использования и понимания пространства и его смысла. Номады выработали свое юридическое и социальное понимание пространства, в первую очередь, ассоциируя ее с территориями кочевков. Святые места, могилы предков, географические объекты – урочища, горы, реки, колодцы – были ориентиром при определении территории кочевания.

Границы казахских кочевий не имели значения межевых признаков. Они определялись установленными обычно-правовыми нормами казахов, и каждый род имел право кочевать на определенных землях, а «земли считались принадлежащими роду по праву фактического владения и давности».

Регион не менее важная категория восприятия и описания империи. Регионы складывались исторически, создавались в результате административных

---

²³⁸¹ Кобзев А.И. Понимание мира как единства времени и пространства в традиционном Китае // Антропология культуры / отв. ред. В. В. Иванов. М., 2002. Вып. 1. С. 181.

реформ, оформлялись в силу географических причин. Так, например, Казахская степь Оренбургского ведомства – это конструкт, возникший после реформ 20-х гг. XIX в., когда в результате данных законов произошло смешение территории исторически сложившихся Младшего и Среднего жузов казахов, когда часть казахов Среднего жуза, не желая расставаться с частью родственных племен и родов, перешедших в состав Оренбургского ведомства и своими кочевьями, покинула Сибирское ведомство. Главные начальники Оренбургского и Западносибирского края разработали несколько положений, регулирующих переход казахов с одного ведомства в другое.

Главными итогами «Положения об управлении оренбургскими киргизами» 1844 года были: определение функции и увеличение штата Оренбургской Пограничной комиссии, введение института попечительства, дальнейшее совершенствование и изменения в судебной системе, открытие школы для казахских детей при Оренбургской Пограничной комиссии.

Институт попечительства, прошедший проверку временем в Калмыкии, Башкирии, был введен и в Казахской степи. Основная его деятельность была связана с решением вопросов прилинейных казахов. Попечители подчинялись председателю Оренбургской Пограничной комиссии и оренбургскому военному губернатору. Они выступали как «око» оренбургских начальников, регулируя взаимоотношения населения края.

Главным условием деятельности прилинейных попечителей в Степи была забота о населении линии, решение конфликтных вопросов с учетом обстановки дела. Инструкция, нормативные акты, регулировавшие деятельность попечителей прилинейных казахов, подготавливались в Оренбургской Пограничной комиссии, затем проходили обсуждение в канцелярии оренбургского военного губернатора, после резолюции главного начальника края отправлялись для одобрения в МИД. Они готовились с учетом особенностей положения дел в крае. Попечители как представители российской власти на линии вели контроль за жизнью номадов, с другой стороны, они решали все вопросы, которые касались их взаимоотношений с казаками.

Попечителями были назначены чиновники и офицеры, служившие ранее в различных регионах империи. Так, первыми попечителями прилинейных оренбургских казахов были определены: титулярный советник, заседатель Кокчетавского внешнего окружного приказа Сибирского ведомства Тимофей Петрович Редькин; коллежский асессор, заседатель Каркаралинского внешнего окружного приказа Сибирского ведомства Николай Николаевич Баталин; губернский секретарь, заседатель Акмолинского внешнего окружного приказа Григорий Федорович Костырко; коллежский асессор Александрийский, Д. Долгов, В. Жуковский. Первые попечители прибыли в Оренбургское ведомство из Сибирского вслед за председателем ОПК М.В. Ладыженским.

Знакомые с жизнью и обычаями казахов не понаслышке, а реально, прослужившие в крае несколько десятилетий, ощутившие на себе опасности и тяготы службы на линии, попечители старались выполнять свои функции на благо кочевого населения Степи, а в целом для блага российского государства.

Утвержденное 14 июня 1844 г. сроком на пять лет «Положение» действовало до 1 сентября 1849 г. Указом Правительствующего Сената от 13 декабря 1849 г. оно было продлено еще на один год. В целом данная реформа с 1844 г. оставалась без существенного изменения до реформы 1868 года.

Для формирования образа империи как могущественного и сильного государства в глазах кочевников, а в первую очередь в глазах казахской администрации – султанов-правителей, предлагалась целая система мероприятий, среди которых было посещение столицы и знакомство с ее блеском. Казахские делегации вызывались в Москву и Петербург во время коронации императора, их поездки приурочивались к военным победам империи, торжественным датам и т.д.

Впервые представители казахской делегации присутствовали на коронации Николая I в 1826 году. Возглавлял делегацию хан Внутренней Орды Джангир Букеев, в её составе были также ханша Фатима, её мать, несколько султанов и биев.

Джангир хан был представлен со свитой 1 августа в Чудовом монастыре Николаю Павловичу. Хорошее знание русского языка позволило хану лично беседовать с императором Николаем Павловичем. 2 августа хан со свитой были представлены императрице Марии Федоровне в Кремлевском дворце.

После отмены ханской власти в 1822 г. в Среднем, а в 1824 г. в Младшем жузах казахские делегации пытались в Петербурге лично от императора получить высочайшие грамоты, которые гарантировали бы права казахского народа. Прибывшая в 1830 г. в Петербург казахская делегация Среднего жуза просила возведения старших султанов в ханское достоинство, оставить звания старших султанов наследственным в роде.

Султаны-правители Западной и Восточной части Зауральской Орды также были в столице, поднимая разные злободневные вопросы перед высшими сановниками. В 1847 г. Баймухаммед Айшуаков и зимой 1849–1850 г. Ахмет Джантюрин, возглавив казахские делегации, были на аудиенции императора.

Для казахской делегации во главе с А. Джантюриным, прибывшим 29 января 1850 г. в Санкт-Петербург, был составлен реестр на проезд. В числе мероприятий перечисляются прогулки по городу Санкт-Петербургу, за рекой Невой, по городу, в зоопарк, в Ботанический сад, Монетный двор, по городу к Таврическому саду, планировалось посещение Зимнего дворца, технологического института, Александровской мануфактуры, стекольного завода, Михайловского и Александрийского театров, цирка, поездки на паровой машине в Царское село, посещение музея Горного корпуса, Царскосельского дворца, императорского стекольного и фарфорового заводов, музея Академии наук (Кунсткамера), Эрмитажа, земледельческого училища, Адмиралтейства, кадетских корпусов, Пулковской обсерватории, придворной конюшни, казарм конного полка и т.д. Главное – это аудиенция у императора. Как показывают архивные источники, данный сценарий был единым для представителей всех восточных государств.

Изучая архивные материалы посещения столицы империи А. Джантюриным, мы можем выделить цели, которые преследовал султан-правитель. Это решение спорных вопросов, в первую очередь земельные

проблемы. А. Джантюрин и его свита при встрече с министром иностранных дел высказали просьбы об ограждении казахов от притеснения казаков, разрешении спора во время прикочевки казахов на линию, об оказании помощи казахам родов шекты, шомекей, торткара, пострадавшим от нападения хивинцев, определения границы между землями казахов и линейных жителей на степной стороне. Он говорил, что казахи точно должны знать, какими местами могут пользоваться казаки, а какими не должны. Ахмет Джантюрин рассматривал это как средство пресечения всяких взаимных неудовольствий, жалоб и тяжб, а с другой стороны, как возможность поддержать и улучшить скотоводство как единственное достояние той части казахов, которые постоянно зимуют близ линии. Спор за прилинейные земли между казахами и казаками поднимался и султаном-правителем Б. Айшуаковым.

Местное население на изменение жизненных устоев реагировало как активно, что выражалось в восстаниях, так и пассивно. Несмотря на усердную работу султанов-правителей, они оставались уязвимыми. Недовольные, обиженные кочевники с помощью своих старшин писали жалобы на них. Так, например, были возбуждены дела против султанов-правителей Ахмета Джантюрина, М. Тяукина, М. Баймухамедова, исправляющего должность султана-правителя Ю. Нуралиева. Находясь под следствием, они были отстранены от службы. Изучение дел занимало в разных случаях от 6 месяцев до одного года. В конечном итоге обвинения не были подтверждены, но психологически они были сломлены.

Очень активно начали распространяться слухи после реформы 1844 года. В мае 1845 г. среди казахов Западной части был распространен слух, что «будто русское правительство намерено брать насильно киргизских детей для воспитания в школе, а взрослых киргиз, до 1 000 человек – для формирования отряда против черкесов». Поверив этим слухам, многие номады откочевали от линии.

Следующим слухом, распространенным в 1845 г. среди казахов Западной и Средней части, была «молва о сильном отряде, предназначенном в степь, об устройстве укрепления и о новых военных поселениях». Казахи, поверив, что

российская администрация собирается производить инструментальные съемки, имея горький опыт изъятия земель по Илеку после проведения инструментальных работ, начали беспокоиться за свои земли. Этим воспользовались среднеазиатские соседи. Хивинский хан приглашал казахов покориться его власти. В это же время были распространены слухи, что в Бухаре есть хорошие места, на которые приглашаются казахи к кочеванию. Это обеспокоило не только Пограничную комиссию, но и главного начальника края В. Обручева. Оренбургский военный губернатор распорядился уточнить о степени влияния слухов на казахов, так как часть населения объявила об откочевке в Хиву.

Пассивная форма протеста в виде жалоб, откочевки, распространения слухов иногда давала свои результаты. Кочевники на некоторое время могли добиться успехов, задержав отправление экспедиций в Степь, отстранив от службы султанов-правителей и т.д. Данная форма давала возможностьномадам уклониться от выполнения отдельных заданий, что существенно затрудняло действия властей.

Для Казахской степи характерна поэтапность введения российской системы управления с учетом местных особенностей. Младший жуз казахов в зависимости от степени инкорпорации и интеграции региона, в законодательных актах меняет свое название: Малая Орда – Зауральская Орда – Оренбургское ведомство, что показывает не только изменение статуса окраины, но и этапы включения кочевого населения в имперское пространство.

В 1850 г. была учреждена должность Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, а в 1865 г. оренбургского губернатора. В 1851 г. В.А. Перовский во второй раз отправляется в Оренбургский край. На него была возложена ответственность за разработку оптимальной модели управления казахами Оренбургского ведомства, с учетом результатов предыдущих законов. С В.А. Перовским направляется чиновник МИД, историк-востоковед В.В. Григорьев. Изучив положение дел, представив краткий очерк истории распространения российской власти в Степи, доказав, что она выполнила свою миссию и Казахская степь стала составной частью Российской империи, В.В. Григорьев предложил

перевести её из ведения МИДа в ведение МВД, а Оренбургскую Пограничную комиссию переименовать в Областное правление казахами. Данное предложение было утверждено в 1859 г. Территория и население Степи стали называться «киргизами Оренбургского ведомства».

Дальнейшее совершенствование положений реформы 1844 года, стремление к полной интеграции Казахской степи с остальной Россией подтолкнула российскую администрацию к подготовке новых административно-территориальных реформ. После утверждения «Временного положения об управлении в Степных областях Оренбургского и Сибирского генерал-губернаторств» от 21 октября 1868 года Казахская степь стала внутренней областью Российской империи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГААстрО – Государственный архив Астраханской области
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
- ИКРИ – История Казахстана в русских источниках
- КИД – Коллегия иностранных дел
- КРО-1 – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках
- КРО-2 – Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках
- МИБАССР – Материалы по истории Башкирской АССР
- МИД – Министерство иностранных дел
- МИКХ – Материалы по истории казахских ханств
- ОПК – Оренбургская Пограничная комиссии
- ОР РГБ – Отдел рукописи Российской государственной библиотеки
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстана

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)
Фонд №122. Киргиз-кайсацкие дела
Фонд №161. Санкт-Петербургский Главный архив.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААстО)
Фонд №1. Канцелярия Астраханского гражданского губернатора (1721–1919)
Фонд №2. Канцелярия Астраханского военного губернатора
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)
Фонд №1. Оренбургская экспедиция (1734–1737).
Фонд №2. Оренбургская комиссия (1737–1743).
Фонд №3. Оренбургская губернская канцелярия (1744–1782)
Фонд №6. Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора. Гражданский отдел (1748, 1754–1806).
Фонд № 166. Личный фонд Г. Ф. Генса.
Фонд №167. Личный фонд историка Оренбургского края С.Н. Севастьянова.
Фонд №169. Личный фонд генерал-майора И. В. Чернова.
Фонд №222. Оренбургская пограничная комиссия.
4. Отдел рукописи Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)
Фонд №222. Панины.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
Фонд №248. Сенат и его учреждения.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
Фонд №38. Департамент Генерального Штаба.
Фонд №846. Военно-ученый архив главного управления Ген Штаба
Фонд № 400. Главный Штаб. Азиатская часть. 1836–1918.

Фонд №414. Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о территории бывшей Российской империи.

Фонд №416. Карты бывшей Российской империи.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд № 853. Фонд В.В. Григорьева.

Фонд № 1081. Фонд Перовские.

Фонд № 1251. Фонд М. Сперанского.

Фонд № 1291. Оп. 81. Делопроизводство о киргизах (1792–1866);

Фонд № 1291. Оп. 82. Делопроизводство о киргизах (1827–1894);

Фонд №1291. Оп. 84. О поземельном устройстве киргиз, башкир, калмыков и др.

Фонд №1263. Комитет министров.

Фонд №1281. Оп. 4. Совет министра внутренних дел.

Фонд №1284. Департамент общих дел МВД.

8. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).

Фонд № 4. Областное правление Оренбургскими киргизами МВД (9.12.1859–21.10.1869). г. Оренбург.

Фонд №25. Тургайское областное правление (1869–1917).

Фонд № 64. Канцелярия Степного генерал-губернатора. г. Омск. (1882–1917).

Фонд № 374. Пограничное управление Сибирскими казаками (1822–1852).

Оп. 2. Об установлении земель Оренбургского и Сибирского Пограничного ведомств.

Фонд № 689. Коллекция карт (1816–1918).

Сборники нормативных актов и документов

1. История Казахстана в документах и материалах: альманах [Текст] / отв. ред. Б.Т. Жанаев. – Алматы: Изд-во LEM, 2011. – Вып. 1. – 436 с.

2. История Казахстана в документах и материалах: альманах [Текст] / отв. ред. Б.Т. Жанаев. – Астана: Общество инвалидов – Чернобылец, 2012. – Вып. 2. – 438 с.
3. История Казахстана в документах и материалах: альманах [Текст] / отв. ред. Б.Т. Жанаев. – Караганда: Экожан, 2013. – Вып. 3. – 496 с.
4. История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759) [Текст] / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с.
5. История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков. Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века [Текст] / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
6. История Казахстана в русских источниках в XVI–XX веков. Т. VIII. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. Часть 2. Оренбургское ведомство [Текст] / сост., предисловие, коммен. и указ. Б.Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 962 с.
7. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов [Текст] / отв. ред. Г.С. Султангалиева / сост. Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаетова. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 418 с.
8. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. документов и материалов [Текст] / под ред. В.Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т.Ж. Шоинбаева. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – 743 с.
9. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): сб. документов и материалов [Текст] / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев, К.Ж. Жунисбаев, В.С. Мусаева. – Алма-Ата: Наука, 1964. – 575 с.
10. Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. [Текст] / под ред. А.П. Чулошникова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 631 с.

11. Материалы по истории Башкирской АССР: в 5 т. – Т. 4: Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в. [Текст] / отв. ред. Н.В. Устюгов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – Ч. 1. – 494 с; Ч. 2. – 665с.

12. Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828) [Текст] / под ред. М.П. Вяткина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4.– 543 с.

13. Материалы по истории Казахской ССР (1741–1751) [Текст] / под ред. М.П. Вяткина. – Алма-Ата: Изд-во АН Каз ССР, 1948. – Т. 2. – Ч. 2.– 457с.

14. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) [Текст] / отв. ред. Б. Сулейменов ; сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 648 с.

15. Материалы по истории политического строя Казахстана: со времени присоединения Казахстана к России и до Великой Октябрьской социалистической революции) [Текст] / сост. М.Г. Масевич. – Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. – Т. 1. – 441 с.

16. Материалы по истории России: сб. указов и др. документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края [Текст] / сост. А. Добросмыслов. – Оренбург : Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900. – Т.1: 1734 год. – 303 с; Т. 2: 1735 и 1736 годы – 279 с.

17. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: Собр. 1-е: [С с 1649 по 12 декабря 1825 г.] : [в 48 т. с указ]. Т.1, 2, 4-13, 16, 20-22, 25-27, 29, 30, 33, 38, 40, 44 отд. 2. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств.е.и.в. канцелярии, 1830.

18. Полное собрание законов Российской империи [Текст]: Собр. 2-е: [С 12 декабря 1825 г по 28 февр. 1881 г.]: [в 55 т. с указ]. Т. 7, 8 отд. 1, 10 отд. 2, 12 отд. 1, 13 отд. 1, 14 отд. 1, 19 отд. 1, 22 отд. 1, 24 отд. 1, 29 отд. 2, 30 отд. 1, 31 отд. 1, 36 отд. 1, 38 отд. 1, 41 отд. 1. – СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1885

19. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. [Текст]: сб. ист. док.: в 2 т. Т. 1, 2 / сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. – Алматы: АБДИ Компани, 2014. – 696+1032 с.

Газеты и журналы, издававшиеся до 1917 года

1. Вестник Европы [Текст]. – СПб., 1820; 1821; 1822.
2. Военный сборник [Текст]. – СПб., 1860; 1872; 1877.
3. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества [Текст]. – Оренбург, Тверь, 1893; 1897; 1900; 1901; 1902.
4. Киевская старина [Текст]. – Киев, 1898.
5. Оренбургская газета [Текст]. – Оренбург, 1880; 1884; 1885.
6. Оренбургские губернские ведомости [Текст]. – Оренбург, 1859; 1891; 1896.
7. Оренбургский листок [Текст]. – Оренбург, 1880, 1887.
8. Русский архив [Текст]. – М., 1886; 1887.
9. Русский вестник [Текст]. – М., 1860.
10. Санкт-Петербургские ведомости [Текст]. – СПб., 1734, 1838, 1839
11. Северная пчела [Текст]. – СПб., 1861.
12. Труды Оренбургской архивной ученой комиссии [Текст]. – Оренбург, 1900; 1907.
13. Тургайская газета [Текст]. – Оренбург, 1895; 1896; 1897; 1898; 1903.
14. Тургайские областные ведомости [Текст]. – Оренбург, 1891.

Литература

1. Абдильдабекова, А.М. Россия и Казахстан (XVIII – начало XX века) : Вопросы историографии [Текст]: учеб. пособие / А.М. Абдильдабекова – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 136 с.

2. Абдрахманова, Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX в. [Текст] / Б.М. Абдрахманова. – Астана : [б/и], 1998. – 136 с.
3. Абрамян, Л.П. Государственное управление внутренними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII – I половине XIX в. (политико-правовые и социально-культурные аспекты) [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук по спец. : 07.00.02 / Абрамян Лариса Павловна; [место защиты: Ставроп. гос ун-т] – Пятигорск, 2009. – 29 с.
4. Адилова, Ф.А. С. Датұлы бастаған қозғалысты басуда муфтий М.Хусейіновтің атқарған қызметі [Текст] / Ф.А. Адилова // Отан тарихы (Отечественная история). – 2007. – № 4. – Б. 112–123.
5. Ажигали. С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона) [Текст] / С.Е. Ажигали. – Алматы : Научно-издательский центр «Ғылым», 2002. – 654 с.
6. Азнабаев, Б.А. Возобновление российского подданства башкир в 1722 г. [Текст] / Б.А. Азнабаев // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. науч. ст. / отв. ред. Г.С. Султангалиева. – Алматы : Қазақ университеті, 2015. – С. 85–101.
7. Азнабаев, Б.А. Юго-восточная политика России середины XVIII в. в свете ориенталистского дискурса [Текст] / Б.А. Азнабаев // Российский гуманитарный журнал. – 2014. – Т. 3. – №6. – С. 496–504.
8. Айдарова, Ш.Ә., Әндіжанов, Ә.М. Кенесары Қасымұлы көтерілісі хақындағы деректер көзі [Текст] / Ш.Ә. Айдарова, Ә.М. Әндіжанов // М. Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мем. ун-нің хабаршысы (Вестник Зап.-Каз. гос. ун-та им. М. Утемисова). – 2014. – № 2. – Б. 269–276.
9. Айтай, Б. Серебрянников Кенесары көтерілісі туралы: (1840–1841 жж.) [Текст] / Б. Айтай // Қазақ тарихы. – 2005. – №6. – Б. 45–51.
10. Акманов, И.Г. Башкирские восстания 1704–1711 гг. [Текст] / И.Г. Акманов // Из истории Башкирии. – Уфа: Башкирский университет, 1978. – С. 46–59.

11. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII вв. [Текст] / И.Г. Акманов. – Уфа: Китап, 1993. – 224 с.
12. Ақпанбет Т. Қазақ дүниетанымы [Текст] / Т. Ақпанбет. – Алматы : Ғылым, 1994 – 56 б.
13. Ақтөбе облысының көрнекті халықтық сәулет өнерінің ескерткіштері: кітап-альбом [Текст] / құрастырушы авторлар: Р.А. Бекназаров, С.Е. Ажіғали, Г.Б. Избасарова, Қ.Қ. Рахбаев; аударма Г.К. Кушкарлова. – Ақтөбе : ТОО «Litera», 2015. – 160 б.
14. Алексеев, В.В. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века [Текст] / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников ; Ин-т истории и археологии УрО. – М.: Наука, 2004. – 599 с.
15. Алекторов, А. Е. История Оренбургской губернии. – 2-е изд. [Текст] / А.Е. Алекторов – Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1883. – 128 с.
16. Алимбаева, Б.Б. Политика Российского правительства в отношении Оренбургских казахов в XVIII – XIX веках [Текст] : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Алимбаева Биганша Беркимбаевна; [место защиты: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса] – М., 2008. – 27 с.
17. Аполлова, Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. [Текст] / Н.Г. Аполлова. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1948. – 247 с.
18. Аполлова, Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XX в. [Текст] / Н.Г. Аполлова. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 456 с.
19. Арапов, Д. Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев [Текст] / Д.Ю. Арапов // Русский исторический журнал. – М., 2002. – Т. 5. (153): Россия и Средняя Азия. – С. 32–37.
20. Арапов, Д.Ю. Присяга мусульман в Российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. [Текст] / Д.Ю. Арапов // Древнее право. – 2002. – №2 (10). – С. 252–263.

21. Арапов, Д. Ю. Чингисиды и их статус в Центральной Азии и Восточной Европе [Текст] / Д. Ю. Арапов // Кочевая альтернатива социальной эволюции: сб. ст. – М. : [б/и], 2002. – С. 243–249.
22. Артыкбаев, Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации [Текст] / Ж.О. Артыкбаев. – Караганда : Полиграфия, 1993. – 330 с.
23. Асфендиаров, С. История Казакстана (с древнейших времен) [Текст] Т. 1. / С. Асфендиаров. – Алма-Ата ; М. : Казакстанск. краев. изд-во, 1935. – 262 с.
24. Ахметова, Ұ.Т. XIX ғасырдың бас кезеңіндегі Кіші жүздегі ұлт-азаттық қозғалыстар және оның сабақтастығы [Текст] / Ұ.Т. Ахметова // М.Өтемісов ат. Батыс Қазақстан мем. ун-нің хабаршысы (Вестник Зап.-Каз. гос. ун-та им. М. Утемисова). – 2013. – № 1. – Б. 280–284.
25. Ахметова, Ұ.Т. Сырым бастаған ұлт-азаттық күрес тарихының кейбір мәселелері [Текст] / Ұ.Т. Ахметова, Ә.Қ. Мұхтар // Қостанай мемл. унив. ғылыми хабаршысы. Қоғамдық-гуманит. ғыл. сериясы. – 2000. – № 1. – Б. 30–32.
26. Әбжанов, Х.М. Махамбет мұрасы және ұлт-азаттық қозғалысы [Текст] / Х.М. Әбжанов // Батыс Қазақстан гуманитарлық академиясының хабаршысы (Вестник Западно-Казахст. гуманитарной академии). – 2013. – № 3. – Б. 5–10.
27. Бабаджанов, С. Заметки киргиза о киргизах [Текст] / С. Бабаджанов // Северная пчела. – 1861. – №4. – 5 января.
28. Бабич, И.Л. Методы имперского управления этническим и религиозным многообразием на Кавказе [Текст] / И.Л. Бабич // Вестник Российской нации. – 2015. – Т. 6. – №6 (44). – С. 26–41.
29. Бакунин, В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгутского, и поступков их ханов и владельцев соч. 1761 г. [Текст] / В.М. Бакунин / вступ. ст. М.М. Батмаева ; предисл. В. Разумовской. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. – 153 с.
30. Балкашин, Н.Н. О киргизах и вообще подвластных России мусульманах [Текст] / Н.Н. Балкашин. – Спб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1887. – 56 с.

31. Баррет, Т. Линии неопределенности [Текст] / Т. Баррет // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. – Самара : Самарский ун-т, 2000. – Т. 1. – С. 163–194.
32. Басин, В.Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века [Текст] : сб. ст. / В.Я. Басин // Казахстан в XV–XVIII веках. – Алма-Ата : Наука, 1969. – С. 51–145.
33. Басин, В.Я. О сущности и формах взаимоотношений царской России и Казахстана в XVIII в. [Текст] / В.Я. Басин // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. – 1967. – №5. – С. 26–34.
34. Басин, В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI – XVIII вв. [Текст] // Казахстан в системе внешней политики Российской империи / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1971. – 275 с.
35. Батыров, В.В., Горяев, М.С., Команджаев, А.Н., Команджаев, Е.А. Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII – начале XX века [Текст] / В.В. Батыров, М.С. Горяев, А.Н. Команджаев, Е.А. Команджаев. – Элиста : Джангар, 2014. – 159 с.
36. Безвиконная, Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. [Текст] : монография / Е.В. Безвиконная. – Омск : Изд-во ОГИ, 2005. – 240 с.
37. Безгин, И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717) [Текст] / И.Г. Безгин. – СПб. : Тип. Р. Голике, 1891. – 239 с.
38. Бекбосынов, М. Исатай-Махамбет көтерілісінің мәні [Текст] / М. Бекбосынов // Жалын. – 2011. – № 12. – Б. 11–28.
39. Бекмаханов, Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века [Текст] / Е.Б. Бекмаханов / под общ. ред. М.П. Вяткина. – Алма-Ата : Каз. объедин. гос. изд-во, 1947. – 391 с.

40. Бекмаханов, Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века [Текст] / Е.Б. Бекмаханов / отв. ред. Жиенгалиев Н.Б. – Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992. – 400 с.
41. Бекмаханов, Е.Б. Присоединение Казахстана к России [Текст] / Е.Б. Бекмаханов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 342 с.
42. Бекмаханова, Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII-XIX вв. : историко-географическое исследование [Текст] / Н.Е. Бекмаханова. – М. ; СПб. : Институт российской истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 240 с.
43. Бекмаханова, Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. [Текст] / Н.Е. Бекмаханова. – М. : Наука, 1980. – 280 с.
44. Бекмаханова, Н.Е., Нургалиева, А.М. К вопросу о различиях и методах управления казахами в XIX в. администрациями Оренбургского и Сибирского ведомств: социально-экономический и конфессиональные аспекты [Текст] / Н.Е. Бекмаханова, А.М. Нургалиева // Этнопанорама. – 2006. – № 3–4. – С. 50–53.
45. Бекназаров, Р.А. Мечети Северного Приаралья (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографическое исследование [Текст] / Р.А. Бекназаров // Отан тарихы (Отечественная история). – 2007. – № 2. – С. 135–148.
46. Бичурин, Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени [Текст] / Н.Я. Бичурин – Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1991. – 127 с.
47. Блиева, З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX вв. [Текст] / З.М. Блиева. – Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1992. – 107 с.
48. Блиева, З.М. Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX вв. [Текст] / З.М. Блиева. – Владикавказ : Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 2001. – 284 с.

49. Блок, М. Апология истории или ремесло историка [Текст] / пер. Е.М. Лысенко / Марк Блок. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
50. Бобров, Д.С. Картографические материалы как инструмент формализации государственной границы Российской империи на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. [Текст] / Д.С. Бобров // Границы и пограничье в южнороссийской истории : материалы Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2014. – С.114–122.
51. Бобровников, В.О., Конев А.Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи [Текст] / В.О. Бобровников, А.Ю. Конев // Ориентализм vs. Ориенталистика: сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. – М. : Садра, 2016. – С. 167–206.
52. Большакова, О. В. Российская история: система управления (Современная зарубежная историография) [Текст]: аналитический обзор / О.В. Большакова ; отв. ред. В.М. Шевырин. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – 92 с.
53. Борисов, Н.С. Иван Калита [Текст] / Н.С. Борисов. – М. : Молодая гвардия – ЖЗЛ : Русское слово, 1997. – 302 с.
54. Брежнева, С. Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России (вторая половина XIX – начало XXI вв.) [Текст] : автореф. дис... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Брежнева Светлана Николаевна; [место защиты: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова] – М., 2005. – 50 с.
55. Брежнева, С. Присоединение Туркестана к России: дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии [Текст] / С. Брежнева. – Тольятти : Изд-во Тольятт. гос. акад. сервиса, 2004. – 287 с.
56. Будагов, Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, со включением употребительных слов арабских и персидских и с переводом на русский язык [Текст] / Л.З. Будагов. – СПб. : Тип. Императорской АН, 1871. – Т. 2. – 417 с.
57. Быков, А.Ю. Истоки модернизации Казахстана : Проблема седентеризации в российской политике XVIII – начала XX в. [Текст] / А.Ю. Быков. – Барнаул : Азбука, 2003. – 168 с.

58. Быков, А.Ю. О датировке ликвидации ханской власти в Младшем жузе [Текст] / А.Ю. Быков // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина : материалы конференции / под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2000. – С. 371–375.

59. Валиханов, Э.Ж. Кенесары Қасымұлы басқарған көтеріліс жөнінде [Текст] / Э. Ж. Валиханов // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. (Вестн. КазНУ. Сер. историческая. – 2008. – № 4.– Б. 69–73.

60. Валлерстайн, И. Миросистемный анализ: Введение [Текст]. / И. Валлерстайн. – М. : Территория будущего, 2006. – 248 с.

61. Васильев, Д.В. Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – I половина XIX в.) [Текст] : дис. ...д-ра ист. наук: 07.00.02 / Васильев Дмитрий Валентинович; [место защиты: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова] – Самара, 2016. – 655 с.

62. Васильев, Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века [Текст] / Д.В. Васильев. – М.: РОССПЭН, 2014. – 471 с.

63. Васильев, Д. В. Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 гг.) [Текст] / Д.В. Васильев // Азиатская Россия: люди и структуры империи : сб. науч. ст. к 50-летию со дня рожд. проф. А.В. Ремнева / под ред. Н.Г. Суворовой. – Омск: изд-во ОмГУ, 2005. – С. 351–392.

64. Великая, Н.Н.: Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.) [Текст] : дис. ... д-ра ист. наук шифр: 07.00.02 / Великая Наталья Николаевна; [место защиты Ставропольский гос. пед. институт]– Ставрополь, 2001. – 548 с.

65. Вельяминов-Зернов, В.В. Исследования о касимовских царях и царевичах [Текст]: в 4 ч. Ч. 2. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Спб. : Тип. Имп. акад. наук, 1864. – 498 с.

66. Вельяминов-Зернов, В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748 – 1765 г.) [Текст]: в 2 т. / В.В. Вельяминов-Зернов. – Уфа : Губ. тип., 1853–1855.
67. Венюков, М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии М. Венюкова [Текст] : в 2-х вып. / М.И. Венюков.– М. , 1873. – Вып. 1. – 144 с.; М. , 1876. – Вып. 2. – 179 с.
68. Венюков, М. И. Очерк географических исследований в Азиатской России [Текст] / М.И. Венюков // Военный сборник – 1877. – №7. – С. 37–81.
69. Венюков, М. И. Поступательные движения России в Средней Азии [Текст] / М.И. Венюков. – Спб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1877. – 49 с.
70. Верт, П. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи противостояния местного населения и их взаимозависимость [Текст] / П. Верт // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П.Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М. : Новое изд-во, 2005. – С. 48–82.
71. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года [Текст]: в 5 т. / В.Н. Витевский. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1889. – Т. 1. – 176 с.
72. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года [Текст]: в 5 т. / В.Н. Витевский. – Казань : Типо-лит. В.М. Ключникова, 1890. – Т. 2. – С. 177–368.
73. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года [Текст]: в 5 т. / В.Н. Витевский. – Казань : Типо-лит. В.М. Ключникова, 1891. – Т. 3. – С. 369–616.
74. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года [Текст]: в 5 т. / В.Н. Витевский. – Казань : Типо-лит. В.М. Ключникова, 1895. – Т. 4. – С. 617–844.
75. Витевский, В.Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года [Текст]: в 5 т. / В.Н. Витевский. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1897. – Т. 5. – С. 845–962+прил. 198 с.

76. Владимирцев, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм [Текст] / Б.Я. Владимирцев. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 223 с.
77. Водарский, Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.) [Текст] / Я. Е. Водарский. – М.: Наука, 1973. – 263 с.
78. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды Оренбургского ведомства [Текст] / сост. И. Ф. Бларамберг. – СПб., 1848. – 195 с.
79. Волков, С.В. Генералитет Российской империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. [Текст] – Т. 1. / С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 757 с.
80. Воспоминания о Тимковских // Киевская старина. – 1898. – Т. 63. – №11. – С. 254–272.
81. Востров, В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов [Текст] / В.В. Востров, М.С. Муканов – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968.– 256 с.
82. В поисках новой имперской истории [Текст]: вступ. ст. // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского и др. – Казань: Центр Исследования Национализма и Империи, 2004. – С. 7–30. (Библиотека журнала “Ab Imperio”)
83. Вяткин, М. Очерки по истории Казахской ССР. Т.1. [Текст] / М.П. Вяткин. – М.; Л.: Госполитиздат, 1941. – 368 с.
84. Вяткин, М.П. «Сказки» XVIII в. как источник общей истории Казахстана [Текст] / М.П. Вяткин // Проблемы источниковедения. – М.; Л., 1940. – Сб. 3. – С. 45 – 60.
85. Вяткин, М.П. Археографическое введение «К истории распада Казахского союза» [Текст] / М.П. Вяткин // Материалы по истории Казахской ССР. – Т. 2. – Ч. 2. (1741–1751 гг.) / под ред. М. Вяткина. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. – С. 3–22.

86. Вяткин, М.П. Батыр Срым [Текст] / М.П. Вяткин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 392 с.
87. Вяткин, М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой Орде в конце XVIII – начале XIX вв. [Текст] / М.П. Вяткин // Материалы по истории Казахской ССР. – Т. IV (1785–1828 гг.) / под ред. М. Вяткина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 3–39.
88. Гавердовский Я.П. Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого [Текст] / Я.П. Гавердовский // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: в 10 т. / сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев : Инст-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. 5: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – С. 285–495.
89. Галиев, В.З. Караванные тропы. Из истории общественной жизни Казахстана XVII – XIX веков [Текст] / В.З. Галиев. – Алматы: Атамұра, 1994. – 128 с.
90. Гатагова, Л. С. Империя: идентификация проблемы [Текст] / Л.С. Гатагова // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет / под ред. А. Г. Бордюгова. – М., 1996. – С. 332–353.
91. Гатагова, Л. С. Кристаллизация этнической идентичности в процессе этнофобий в Российской империи (вторая половина XIX в.) [Текст]: сборник / Л. С. Гатагова // Религия и идентичность в России. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 82–97.
92. Гатагова, Л. С. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания [Текст] / Л. С. Гатагова // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / Ред. К. Аймермахер, Г.А. Бордюгов. – М.: АИРО – XX, 1999. – С. 257–274.
93. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по киргизским степям [Текст] / А.К. Гейнс // Собр. литер. трудов: в 3 т. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – Т. 1. – 589 с.

94. Генс, Г.Ф. Из краткого обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. [Текст] / Г.Ф. Генс // История Казахстана в документах и материалах: альманах. – Алматы: Изд-во ЛЕМ, 2011. – Вып. 1. – С. 75–95.

95. Глиноецкий, Н.П. Причины, побуждающие русское правительство время от времени действовать наступательно на границе со Средней Азией. Взятие Токмака и Пишпека [Текст] / Н.П. Глиноецкий // Военный сборник. – 1860. – № 11. – С. 175–184.

96. Глущенко, Е. А. Строители империй. Портреты колониальных деятелей / Е.А. Глущенко. – М.: Изд-во Дом XXI век – Согласие, 2000. – 380 с.

97. Голиков, А.Г., Круглова, Т.А. Источниковедение отечественной истории [Текст]: учебное пособие / Под ред. проф. А. Г. Голикова. – 5-е изд., испр. – М.: Изд. центр «Академия», 2012. – 464 с.

98. Горбунова, С.В. Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Горбунова Светлана Витальевна [место защиты: Московский открытый пед. ун-т] – М., 1998. – 18 с.

99. Григорьев, В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии: исторический очерк [Текст] / В.В. Григорьев. – Спб.: Тип. Безобразова и К°, 1874. – 30 с.

100. Григорьев, В.В. Письма из Зауральской степи [Текст] / В.В. Григорьев. – М.: Тип. В. Бахметова, 1862. – 24 с.

101. Греков, В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. [Текст] / В.И. Греков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 441 с.

102. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.

103. Гюнтер, Х., Козеллек, Р., Майер, К., Энгельс, О. История [Текст] / Х. Гюнтер, Р. Козеллек, К. Майер, О. Энгельс // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. / перевод с нем. К. Левинсон / сост. Ю.

Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 45–240.

104. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание [Текст]: в 4-х т. / В.И.Даль. – М.: Астрель : АСТ, 2002. – Т. 3: П. – 921 с.

105. Дамешек, И. Л. Окраинная политика России в первой половине XIX в. (на примере Восточной Сибири) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: шифр: 07.00.02 / Дамешек Ирина Львовна [место защиты: Иркутский гос. ун-т]. – Иркутск, 1998. – 275 с.

106. Дамешек, И.Л. Чиновничество как «высший класс» сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь [Текст] / И. Л. Дамешек // Известия Иркутского гос ун-та. Серия «История». – 2013. – №1 (4). – С. 48–55.

107. Дамешек, Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) [Текст] / Л.М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 164 с.

108. Даулбаев, Н. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 гг. [Текст] / Н. Даулбаев // Записки Оренбургского отдела ИРГО. – Оренбург, 1881. – Вып. IV. – С. 98–117.

109. Джампеисова, Ж. Казахское общество и право в пореформенной Степи [Текст] / Ж. Джампеисова. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. – 269 с.

110. Джунджузов, С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX века) [Текст] / С.В. Джунджузов. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2014. – 434 с.

111. Дзамихов, К. Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770) [Текст] / К. Ф. Дзамихов. – Нальчик: Эль-ФА, 2001 – 408 с.

112. Дик, Е. Н. Внешнеполитические факторы Российского имперского строительства / Е. Н. Дик // Россия в XVIII – XX вв.: Страницы истории. К 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете

заслуженного профессора Н. С. Киняпиной. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – С. 248 – 253.

113. Дільмұхамедов, Е.Д. Қазақтардың Кенесары Қасымовтың басшылығымен 1837–1847 жылдары болған көтерілісі [Текст] / Е.Д. Дільмұхамедов; құраст.: О.Е. Ділімұхамедов, Ә.Е. Ділімұхамедова. – Астана: "Қазақ елі" журналының баспасы, 2012. – 572 б.

114. Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк [Текст] / А.И. Добросмыслов // Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 15 – Оренбург: Тип. Ф. Б. Сачкова, 1900. – С. 1–125; вып. 16. – Оренбург: Типо-лит. Тургайского областного правления, 1901. – С. 125–272; Вып. 17. – Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, 1902. – С. 257–524.

115. Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк [Текст] / А.И. Добросмыслов. – Актобе: ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. – 597 с.

116. Дорджиева, Е.В. Освоение российским государством Степи в XVI – XVIII вв. (подчинение башкир, калмыков, ногайских и астраханских татар) [Текст] / Е.В. Дорджиева // Образование и развитие многонационального государства России: сущность, формирование и значение: Материалы российской научной конференции 25–26 октября 2002. – Элиста, 2002. – С. 102–109.

117. Дорджиева, Е. В. Роль В. Н. Татищева в ограничении ханской власти в Калмыкии в 1741–1745 гг. [Текст] / Е.В. Дорджиева // Татищевские чтения: Материалы Всероссийской конференции 10–11 октября 2002. / отв. ред. А.Э. Лившиц. – Тольятти: Изд-во Тольяттинского ун-та, 2002. – С. 61–65.

118. Дорноступ, В. В. Национальная политика России и ее осуществление на Южном Урале в 30-е гг. XVIII – 60-е годы XIX вв. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дорноступ Владимир Викторович [место защиты: Оренбургский гос. аграр. ун-т] – Оренбург, 2000. – 225 с.

119. Досжанова, Қ. Бізде ұлт-азаттық қозғалыстары қалай зерттеліп еді?: [А.Нүсіпбекұлының Сырым Датов бастаған ұлт азаттық қозғалысы туралы жүргізген зерттеулері және жалпы ұлт-азаттық қозғалыстарының зерттелуінің тарихы туралы мақала] [Текст] / Қ. Досжанова // Ақиқат. – 1997. – № 4. – Б. 57–61.

120. Досмұхамедұлы, Халел. Қазақ батырлары: Исатай, Махамбет; Тайманұлы Исатайдың қозғалысы турасында; Баймағамбет кім? [Текст] / Х. Досмұхамедұлы // Досмұхамедұлы Х. Таңдамалы еңбектері / құраст. Ғ.Әнес. Астана: Астана-Полиграфия, 2008. – Б. 27–75.
121. Жәнісов, Ә. Қанжығалы Бөгенбайдың Қытайға елшіліктері [Текст] / Ә Жәнісов // Қазақ тарихы. – 2006. – №6. – С. 29–32.
122. Жетпісбай, Н.Ы. Кенесары мен Жоламан: екі азаттық күрес майданының бірігуі [Текст] / Н.Ы. Жетпісбай // Отан тарихы (Отечественная история) – 2015. – №3. – Б. 79–94.
123. Зайцев, И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков [Текст] / И.В. Зайцев // Отечественная история. – 2008. – № 4. – С. 3–9.
124. Записки генерал майора И.В. Чернова [Текст] // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.– Оренбург: Паровая типолит. «Т-во печ. дела Каримов, Хусаинов и К °», 1907. – Вып. XVIII.– 224 с.
125. Зиманов, С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. [Текст] / С.З. Зиманов. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. – 296 с.
126. Ерофеева, И.В. Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник [Текст] / И.В. Ерофеева // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1625–1821 гг.: сб. ист. док. в 2-х томах / И.В. Ерофеева / автор проекта, составитель и отв. редактор Ерофеева И. В. – Алматы: АО «АБДИ компани», 2014. – Т. 1. – С. 15–76.
127. Ерофеева, И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX веков [Текст] / И.В. Ерофеева // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы: Фонд-Сорос Казахстана, 1997. – С. 46–144.
128. Ерофеева, И.В. Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время) [Текст] / И.В. Ерофеева. – Алматы: ИД «Аркаим», 2001. – 152 с.

129. Ерофеева, И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик [Текст] / И.В. Ерофеева. – Алматы: Санат, 1999. – 336 с.

130. Ерофеева, И.В. Эволюция ханской власти и включение Казахстана в состав Российской империи (1731–1865) [Текст] / И.В. Ерофеева // История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 167–190.

131. Есаков, В. А. География в России в XIX – начале XX века (открытия и исследования земной поверхности и развитие физической географии) [Текст] / В. А. Есаков. – М.: Наука, 1978. – 307 с.

132. Ескалиев, С.А. Қазақ азаттық қозғалысы тарихына жаңа көзқарас [Текст] / С.А. Ескалиев// ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. (Вестник КазНУ. Сер. историческая). – 2009. – № 4. –Б. 31–34.

133. Есмагамбетов, К. Л. Что писали о нас на Западе [Текст] / Есмагамбетов К.Л. – Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. – 151 с.

134. Есмағанбетов, К. Әбілқайыр хан: аңыз бен ақиқат [Текст]: жинақ / К. Есмағанбетов // Әбілқайыр хан. – Алматы: Арыс, 2004.

135. Есмағанбетов, К.Л. Кенесары қозғалысының зерттелуіндегі ділгірліктер [Текст] / К. Л. Есмағанбетов// Кенесары Қасымұлы туғанына 200 жыл толуына арн. халық. ғыл.-теор. конф. материалдары (Алматы, қыркүйек 2002 ж.) / ред. алқасы: М.Қойгелдиев.; Ш.Ш.Уәлиханов ат. тарих және этнология институты. –Алматы, 2003. – Б. 221–238.

136. Заблоцкий-Десятовский, А.П. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов (1822–1872) [Текст] / А.П. Заблоцкий-Десятовский. – СПб.: б/и, 1872. – 787 с.

137. Зайцев, И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI – XIX веков [Текст] / И.В. Зайцев // Отечественная история. – 2008. – №4. – С. 3–9.

138. Заметки киргиза о киргизах [Текст] // Северная пчела. – 1861. – № 4. – 5 января.

139. Записки генерал-майора И.В. Чернова [Текст] // Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии. – Оренбург, 1907. – Вып. XVIII. – С. 224.
140. Захарова, О. Ю. Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX вв.: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, карусели, церемониальные застолья, балы / О. Ю. Захарова. – М.: АиФ-Принт, 2003. – 398 с.
141. Зиманов, С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. [Текст] / С.З. Зиманов. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. – 296 с.
142. Иванов, П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX вв.) [Текст] / П.П. Иванов. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958. – 247 с.
143. Ивановский, В.В. Административное устройство наших окраин [Текст] / В.В. Ивановский. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1891. – 47 с.
144. Ивановский В.В. Административное устройство наших окраин [Текст] / В.В. Ивановский. – Казань: Тип. импер. ун-та, 1891. – 47 с.
145. Игнатъев, Р.Г. Взгляд на историю Оренбургского края [Текст] / Р.Г. Игнатъев // Оренбургские губернские ведомости. – 1874. – № 44.
146. Из истории Казахстана [Текст] // Красный архив. – М., 1938. – Т. 2 (87). – 187 с.
147. Из истории сношений казахов с царской Россией в XVIII в. // Красный архив. – М., 1936. – Т. 5 (78). – С. 194–208.
148. Избасарова, Г. Б. «Почётные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) [Текст] / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2016. – №6 (114). – С. 44–51.
149. Избасарова, Г. Б. Аманат в традиционной культуре казахов и в российской политике XVIII в. [Текст] / Г.Б. Избасарова // Российская история. – 2017. – №1. – С. 103–112.

150. Избасарова, Г. Б. Институт попечителей в Казахской степи XIX в.: правовое положение и должностные инструкции [Текст] / Г.Б. Избасарова // Былые годы. – 2017. – Вып. 46. – №4. – С. 1366–1375.
151. Избасарова, Г. Б. Казахские Чингизиды дома Жадик на службе Российской империи (1824–1869) [Текст] / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2017. – №1 (121). – С. 81–86.
152. Избасарова, Г. Б. Казахские Чингизиды на службе Российской империи. Султаны-правители Западной части Младшего жуза (1824–1867) [Текст] / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2016. – №11 (119). – С. 121–129.
153. Избасарова, Г. Б. Кочевая ментальная карта пространства. Трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вестник Московского университета. – 2016. – №5. – Серия 8. История. – С. 31–44.
154. Избасарова, Г. Б. М.В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2017. – №12. – С. 112–122.
155. Избасарова, Г. Б. Модели управления Казахской степью в XIX в. на примере размышлений Ф.М. Лазаревского [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2018. – №3. – С. 49–60.
156. Избасарова, Г. Б. Мундиры для султанов-правителей. Как в Российской империи внедрялась форменная одежда для кочевой элиты [Текст] / Г.Б. Избасарова // Родина. – 2017. – №1. – С. 108–109.
157. Избасарова, Г. Б. Принципы функционирования властной элиты Степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вестник Московского университета. – Серия 8. История. – 2015. – № 5–6. – С. 64–80.
158. Избасарова, Г. Б. Султаны-правители Средней части Младшего жуза (1824–1869) [Текст] / Г.Б. Избасарова // Клио. – 2017. – №3(123). – С. 54–59.
159. Избасарова, Г. Б. Шергазы Айшуаков – последний хан Младшего жуза казахов [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вопросы истории. – 2016. – №11. – С. 98–107.

160. Избасарова, Г.Б. «Я не хотел, чтобы отчет в моих занятиях, показывая резкия отступления от данной мне инструкции, имел характер жалобы или доноса». Записка статского советника В. Тимковского об Оренбургской линии [Текст] / Г.Б. Избасарова // Университетский научный журнал. – 2016. – №18. – С. 25–35.

161. Избасарова, Г.Б. Имперская власть и дебаты по определению границ земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств в I половине XIX века [Текст] / Г.Б. Избасарова // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2016. – №3. – С. 13–21.

162. Избасарова, Г.Б. Служба В. Ф. Тимковского в Оренбургском крае [Эл. ресурс] / Г.Б. Избасарова // Вестник Оренбургского педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). – Вып. 1 (17). – С. 145–155.

163. Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века) [Текст]: сб. науч. ст. / под ред. П.И. Савельева. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1997. – 237 с.

164. Ирмуханов, Б.Б. Казахстан: историко-публицистический взгляд [Текст] / Б.Б. Ирмуханов. – Алматы: Олке, 1996. – 227 с.

165. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) [Текст]: в 5 т. / Нац. акад. наук Респ. Казахстан. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова, Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. Алматы: Атамұра, 2000. – Т. 3. – 768 с.

166. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней [Текст]: 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. / под общ. ред. И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. – Алма-Ата: Каз. объедин. гос. изд-во, 1949. – 500 с.

167. История Казахстана: народы и культуры [Текст]: учеб. пособие / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 608 с.

168. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней [Текст] : в 3 т. / Рос. акад. наук Калмыц. ин-т гуманитар. исслед. РАН / редкол. К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова (отв. ред) [и др.]. – Элиста: Герел, 2009. – Т. 1. – 845 с.

169. Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав населения [Текст] / В. М. Кабузан. – М.: Наука, 1990. – 254 с.

170. Кадырбаев, А. Ш. Труды по сравнительной истории Османской и Российской империям. Общее византийское и золотоордынское наследие [Текст] / А.Ш. Кадырбаев // Восток. Афро-азиатские общества. История и современность. – 2003. – № 2. – С. 145–155.

171. Казанцев, И. Описание киргиз-кайсак [Текст] / И. Казанцев. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1867. – 231 с.

172. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII в.: традиция и модернизация [Текст] / А. Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 326 с.

173. Каменский, А. Элиты Российской империи и механизмы административного управления / А. Каменский // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С.115–139.

174. Каппелер, А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. – 2003. – №2 – С. 129–135.

175. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад [Текст] / А. Каппелер, пер. с нем. С. Червонная. – М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

176. Каппелер, А. «Россия – многонациональная империи»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги [Текст] / А. Каппелер // *Ab Imperio*. – 2000 – № 1 – С. 15–32.

177. Каппелер, А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды [Текст] / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А.И. Миллера. – М.: Новое изд-во, 2004. – С. 94–112.

178. Каренов Р.С. Кенесары Қасымұлы басқарған ұлт-азаттық қозғалысына қатысқан атақты қазақ батырлары [Текст] / Р.С. Каренов // Қарағанды

университетінің хабаршысы. Филология сериясы (Вестник Карагандинского унта. Серия Филологическая) – 2015. – № 1. – Б. 66–76.

179. Касымбаев, Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.) [Текст] / Ж.К. Касымбаев / отв. ред. М.Ж. Абдиров. – Алма-Ата: Білім, 1999. – Т. 1. – 288 с.

180. Касымбаев, Ж.К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. [Текст] / Ж.К. Касымбаев / отв. ред. М.Ж. Абдиров. – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – Т. 2: Хан Айшуак (1719–1810). – 258 с.

181. Касымбаев, Ж.К. Государственные деятели казахских ханств в XVIII – первой половине XIX вв. [Текст] / Ж.К. Касымбаев / отв. ред. М.Ж. Абдиров. – Алматы: Білім, 2001. – Т. 3: Хан Жанторе (1759–1809). – 364 с.

182. Кванин, И. Несколько слов о Тургайских кочевниках [Текст] / И. Кванин // Тургайская газета. – 1903. – № 46. – С. 5.

183. Кивельсон, В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века [Текст] / В. Кивельсон ; науч. ред. перевода М. Кром. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 360 с.

184. Киняпина, Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке [Текст] / Н. С. Киняпина // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35–47.

185. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. [Текст]: в 2-х кн. / И.К. Кирилов. – М.: Университет. тип., 1831. – Кн. 1. – 184 с.; Кн. 2. – 202 с.

186. Кобзев, А.И. Понимание мира как единства времени и пространства в традиционном Китае [Текст] / А.И. Кобзев // Антропология культуры / отв. ред. В. В. Иванов. – М.: ОГИ, 2002. – Вып. 1. – 328 с.

187. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования [Текст] / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1997. – 453 с.

188. Козеллек, Р. Введение [Текст] / Р. Козеллек // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2-х т. Т. 1. / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 24–44.
189. Кокорев, В.А. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года В.А. Кокорева. Восточная война и ее особенности [Текст] / В.А. Кокорев // Русский архив. – 1887. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 503–514.
190. Команджаев, Е.А. Административная система Калмыкии в XVIII – XIX вв. [Текст] / ЕА Команджаев. – Элиста: Изд-во Калмыц. ун-та, 2009. – 99 с.
191. Команджаев, Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII – XIX вв. [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Команджев Евгений Александрович [место защиты Ставропольский гос. ун-т]. – Ставрополь, 2000. – 19 с.
192. Королев, С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология [Текст] / С.А. Королев // Россия и современный мир. – 2002. – № 2. – С. 5–17.
193. Кочевые народы Центральной Евразии XVIII – XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи [Текст]: сб. научных статей / отв. ред. Г.С. Султангалиева. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 293 с.
194. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса [Текст] / Оренбург: Тип. А.Н. Гаврилова, 1913. – 32 с.
195. Крафт, И.И. Принятие киргизами русского подданства // Известия Оренбургского отдела ИРГО. – 1897. – Вып. XII. – 59 с.
196. Крафт, И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей [Текст] / И.И. Крафт. – Оренбург: Типо-лит. П.Н. Жаринова, 1898. – 532 с.
197. Кузеев, Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю [Текст] / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1992. – 347 с.
198. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения [Текст] / Р.Г. Кузеев. – М.: Наука, 1974. – 571 с.

199. Кундакбаева, Ж.Б. «Нынешнее требование тухменского хана весьма есть удобное к исполнению». О расширении политическог влияния Российской империи среди туркмен Мангышлака через правящую элиту казахов. Последняя треть XVIII в. [Текст] / Ж.Б. Кундакбаева // Исторический архив. – 2005. – №5.

200. Кундакбаева, Ж.Б. «знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. Серия «АИРО-монография» [Текст] / Ж.Б. Кундакбаева. – М.: АИРО – XXI; Спб.: Дмитрий Буланин, 2005. – 304 с.

201. Кундакбаева, Ж.Б. От военно-административного надзора к имперской бюрократической системе управления: методы включения калмыков в административно-политическую систему Российской империи в XVIII в. [Текст] / Ж.Б. Кундакбаева // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи. Сб. научных статей / отв. ред. Г.С. Султангалиева. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 179–198.

202. Курылев, В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст] / В.П. Курылев. – СПб.: МАЭ РАН, 1998. – 296 с.

203. Курылев, В.П. Соотношение понятий «Средняя Азия» и «Центральная Азия» [Текст] / В.П. Курылев // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000–2001 гг. – СПб., 2002. – С. 11–13.

204. Кшибеков, Д.К. Истоки ментальности казахов [Текст] / Д.К. Кшибеков. – Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2006. – 204 с.

205. Кэстль, Джон. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды. Перевод В. Штаркенберга [Текст] / Джон Кэстль – Алматы: Изд. дом «Жибек жолы», 1998. – 151 с.

206. Қазақ көтерілістері [Текст]: энциклопедия / бас ред. Ж.Н.Тойбаева; ред. кеңес: Р. Алшанов (төраға). – Астана: Қазақ энциклопедиясы, 2015. – 616 бет.

207. Қазақтар: көшпелікке арналған тоғыз томдық анықтамалық [Текст]: 2 томдық / Құрастырушылар Р. Арын, Ф. Келімбетова және т.б. – Алматы: ІДК-ТІРО, 1998. – Т. 2: Тарихи тұлғалар. – 533 б.

208. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі / құрастырушы Н. Әлімбаев. – Алматы: Б.о.ж., 2011. – 736 б.
209. Лапин, Н.С. Деятельность О.А. Игельстрома в контексте казахско-русских взаимоотношений (1780-е – 1790-е годы) [Текст] / Н.С. Лапин. – Астана: Сарыарка, 2012. – 384 с.
210. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей [Текст] / А. И. Левшин. – Алматы: Санат, 1996. – 655 с.
211. Левшин, А.И. Свидание с ханом Меньшой киргиз-кайсацкой Орды [Текст] / А. И. Левшин // Вестник Европы. – 1820. – № 22. – С. 129–139.
212. Ливен, Доминик. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада [Текст] / Д. Ливен // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А.И. Миллера. – М.: Новое изд-во, 2004. С. 71–93.
213. Лобынцева, М.А. К вопросу о создании Азиатского департамента МИД России [Текст] / М.А. Лобынцева // Иран: сб. ст. – М.: Наука, 1971. – С. 84 – 92.
214. Лобысевич, Ф. Главные начальники Оренбургского края (1734–1878) [Текст] / Лобысевич, Ф. // Военный сборник. – 1872. – № 5. – С. 43–68.
215. Лобысевич, Ф. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Ф. Лобысевич. – М.: Типо-лит. Высоч. утвержд-го т-ва И.Н. Кушнеров и К°, 1891. – 41 с.
216. Лобысевич, Ф.И. Поступательные движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях: дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 г. (из официальных источников) [Текст] / Ф. И. Лобысевич. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1900. – 205 с.
217. Любичанковский, С. В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством [Текст] / С.В. Любичанковский // Уральск. ист. вестник – 2013. – №3. – С. 59–68.
218. Любичанковский, С. В. Реляции О.А. Игельстрома в Государственный совет как исторический источник по проблеме интеграции казахских земель в

состав Российской империи [Текст] / С. В. Любичанковский // Уральск. ист. вестник – 2013. – № 2. – С. 102–107.

219. Любичанковский, С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) [Текст]: сб. статей. / С. В. Любичанковский // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX веков. К 260-летию учреждения Оренбургской губернии и 70-летию образования Оренбургской области. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2004. – С. 33–45.

220. Магаяева, П.И. Административные и судебные реформы в городских округах Кубанской области во второй половине XIX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Магаяева Патия Исмаиловна. – Ставрополь, 1998. – 26 с.

221. Мажитова, Ж.С. Институт биев в российской и казахстанской историографии: компаративный анализ (XVIII – начало XXI вв.) [Текст]: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09 / Мажитова Жанна Сабитбековна [место защиты МГУ им. М.В. Ломоносова]. – М., 2016. – 553 с.

222. Макшеев, А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских [Текст] / А.И. Макшеев – СПб.: Военная типография, 1890. – 370 с.

223. Мальбахов, Б.К. Взаимоотношения Кабарды с Россией: от военно-политического союза к установлению российской администрации (середина XVI – первая четверть XIX) [Текст]: автореф. дис ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Мальбахов Борис Касбулатович [место защиты Северо-Осетинский гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова] – Владикавказ, 1999. – 50 с.

224. Мальцев, В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII–1860 год) [Электронный ресурс] / В.Н. Мальцев, А.Ю. Чирг // <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-pristavstva-na-kavkaze-sozdanie-deyatelnost-evolyutsiya-vtoraya-polovina-xviii-veka-1860-god>

225. Марк, Х. История России как история империи: перспективы федералистского подхода [Текст] / Марк Фон Хаген // Российская империя в

зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005. – С. 18–47.

226. Мартин, В. Барымта: обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи [Текст] / Вирджиния Мартин // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое изд-во, 2005. – С. 360 – 388.

227. Мартин, В. Закон и обычай в Степи: Казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке [Текст] / Вирджиния Мартин. – Алматы: Санат, 2009. – 263 с.

228. Масанов, Н.Э. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности [Текст] / Н.Э. Масанов // Материалы международной научной конференции «Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства». – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 44–62.

229. Масанов, Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества) [Текст] / Н.Э. Масанов. – Алма-Ата: Социнвест, 1995. – 320 с.

230. Масанов, Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII – XIX веков [Текст] / Н.Э. Масанов. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1984. – 176 с.

231. Максимов, К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII-XX вв.) [Текст] / К.Н. Максимов. – М.: Наука, 2002. – 523 с.

232. Масанов, Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР [Текст] / Э.А. Масанов. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.

233. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба [Текст]: в 25 т. Т. 10: Киргизская степь Оренбургского ведомства / Мейер, Л.Л. – СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. – 288 с.

234. Мацузато, К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу [Текст] / К. Мацузато // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и сост.: И.В. Герасимов [и др.]. – Казань: Центр Исслед. Национализма и Империи, 2004. – С. 427–459.
235. Мәшімбаев, С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты [Текст] / С.М. Мәшімбаев – Алматы: Санат, 1994. – 136 с.
236. Мәшімбаев, С.М. Сырым Датұлы (1742–1802 жж.) [Текст]: монография. / С.М. Мәшімбаев – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 122 бет.
237. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования [Текст] / А.И. Миллер. – М.: Новое лит. обозрение, 2006. – С. 13–53.
238. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. [Текст] / С.В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 238 с.
239. Моисеев, В. А. Политика России в Казахстане и Центральной Азии в освещении новейшей казахстанской историографии и публицистики [Текст] / В. А. Моисеев // Россия и Восток: проблемы взаимодействия [доклады международной научно-практической конференции, 14-16 декабря 1992 г.: в 2 ч.] – М.: Ин-т восток-я : Науч.-информ. фирма "Туран", 1993. – Ч. 1. – С. 30–39.
240. Моисеев, В.А. Абулхаир: набросок политического портрета [Текст] / В.А. Моисеев // Известия Акад. наук Респ. Казахстан. Серия обществ. наук. – 1992. – №3. – С. 39–43.
241. Моисеев, В.А. Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. [Текст] / В. А. Моисеев – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 238 с.
242. Моисеев, В.А. Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность [Текст]: сб. науч. и публицист. статей / В.А. Моисеев – Барнаул: б/и, 2001. – 171 с.
243. Муканов, М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков [Текст] / М.С. Муканов. – Алма-Ата: Казахстан, 1991. – 64 с.
244. Мурашев, Г.А. Титулы, чины, награды [Текст] / Г.А. Мурашев – М.; СПб.: Аст-Астрель-Полигон-Взои, 2004. – 367 с.

245. Мустафаев, М. О. О формуле «наименьшее зло» [Текст] // Вопросы истории. – 1951. – №9. – С. 97 – 101.
246. Мұқанбетқалиұлы, Қ. Азаттық туын алғаш көтерген [Текст] / Қ. Мұқанбетқалиұлы // Сырым Датұлы: жинақ / құраст.Қ.Мұханбетқалиұлы. – Алматы, 2010. – Б. 43–58.
247. Мұқанов, С. Жанқожа Нұрмұхаммедұлы [Текст] / С. Мұқанов // Ел қорғаны ер Жәкем. – Алматы : Денсаулық, 2008 – Б. 18–33.
248. Мұқанов, С. Сырым Датұлы туралы [Текст] / С. Мұқанов // Сырым Датұлы: жинақ / құраст. Қ. Мұханбетқалиұлы. – Алматы, 2010 – Б. 6–16.
249. Мұқанов, С. Халық мұрасы [Текст] / С. Мұқанов. – Алматы: Қазақстан, 1974. – 236 б.
250. Мұқтар, Ә. Жоламан батыр: "Мен қарақшы емеспін, патшалық Ресеймен соғысып жүрмін" [Текст] / Ә. Мұқтар // Қазақ тарихы. – 2008. – № 5–6. – Б. 15–17.
251. Мұқтар, Ә. Сырым бастаған қозғалыс: С.Датұлы бастаған ұлт-азаттық көтеріліс туралы [Текст] / Ә. Мұқтар, С. Ысмайылов // Қазақ тарихы. – 2003. – № 5. – Б. 31–34.
252. Мұқтар, Ә. Тарих тұңғығындағы тұлғалар (XVIII–XIX ғғ.). [Текст]: ғылыми мақалалар жинағы / Ә. Мұқтар. – Алматы: Арыс, 2008. – 240 б.
253. Мұқтар, Ә. Жоламан батыр [Текст] / Ә. Мұқтар// Алдаспан. – 2008. – № 3/4. – Б. 2–4.
254. Мырзахметов М. Қазақ қалай орыстандырылды? [Текст] / М. Мырзахметов. – Алматы: Атамұра, 1993. – 128 б.
255. Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. Б.А. Тулепбаева ; отв. за вып. В.А. Куманев. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1982. – 434 с.
256. Найт, Н. Империя напоказ: всероссийская этнографическая выставка 1867 года [Текст] / Н. Найт // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 51. – С. 111–131.

257. Найт, Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду / Н.О. Найт // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 324–344.

258. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана [Текст] / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 296 с.

259. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления [Текст] / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. – М.: Славянский диалог, 1997. – 415 с.

260. Нечкина, М.В. К вопросу о формуле «наименьшее зло» [Текст] / М.В. Нечкина. – Вопросы истории. – 1951. – №4. – С. 44–48.

261. Новолетов, М. Калмыки. Исторический очерк [Текст] / М. Новолетов. – СПб.: Изд. владельца Малодербетского улуса нойона Церен-Давида Тундутова, 1884. – 77 с.

262. Оразов, Р. Ресей империясының отарлық саясатына қарсы бағытталған күрес болды [Текст] / Р. Оразов; дайындаған Ш.Құрақбай // Аңыз адам. – 2017. – № 13. – Б. 32 – 33.

263. Оспанова, Г. Қазақстандағы ХІХ ғасырдағы ұлт-азаттық қозғалыстар тарихының зерттелуі мәселелерінен [Текст] / Г. Оспанова// ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сер. (Вестник КазНУ. Серия историческая). – 2010. – № 1. –Б. 222–225.

264. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия [Текст]. – М.: Изд-во Большая росс. энцикл, 1994. – Т. 1. – 688 с.

265. Очерки истории МИД России. 1802–2002 [Текст] / Т. 3: Биографии министров иностранных дел (1802–2002). – М.: ОЛМА Пресс, 2002. –432 с.

266. Пальмов, Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России [Текст] / Н.Н. Пальмов / сост., вступит. статья А.М. Джалаевой. – Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2007. – 462 с.

267. Пальмов, Н.Н. Очерк по истории калмыцкого народа во время его пребывания в пределах России [Текст] / Н.Н. Пальмов. – Астрахань: Калмыц. гос. изд-во, 1922. – 137 с.

268. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков [Текст]: в 4 ч. Ч. 1: XVII и XVIII века / Н.Н. Пальмов – Астрахань: Изд. Калмыц. облисполкома, 1926. – 264 с

269. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков [Текст]: в 4 ч. Ч. 2: XVIII век / Н.Н. Пальмов – Астрахань: Изд. Калмыц. облисполкома, 1927. – 230 с.

270. Пальмов, Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков [Текст]: в 4 ч. Ч. 3 и 4: Ограничительные мероприятия правительства по отношению калмыкам / Н.Н. Пальмов – Астрахань: Изд. Калмыц. облисполкома, 1929. – 391 с.

271. Пекарский, П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова [Текст] / П. Пекарский. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1867. – 185 с.

272. Перфильев, А.Л. Межродовые конфликты казахов и их регулирование: 80-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX в. [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Перфильев Александр Леонидович [место защиты: Томский гос. ун-т] – Томск, 2011. – 30 с.

273. Попов, Н. Татищев и его время [Текст] / Н. Попов. – М.: Изд-во К. Солдатенкова, 1861. – 180 с.

274. Потрихальская, А.А. Приставства – как форма организации управления кочевыми народами Степного Предкавказья / А.А. Потрихальская // Социально-экономическое развитие Северного Кавказа и местное самоуправление. Сб. статей. – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2005. – С. 103–107.

275. Почекаев, Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч. 2: от правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) [Текст] / Р.Ю. Почекаев // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – №2. – С. 85–96.

276. Прошлое Казахстана в источниках и материалах [Текст]: в 2 ч. Ч. 2: вторая пол. XVIII столетия до 1860–1870 гг. / под ред. С.Д. Асфендиярова и П.А. Кунте. – М.: Казахстан. краев. изд-во, 1936. – 293 с.

277. Ремнев, А.В. Административно-территориальное устройство Сибирского региона в XIX в. (Теоретические проблемы) [Текст] / А.В. Ремнев // Вестник Омского университета. – Омск, 1996. – Спец. выпуск (№3). – С. 44 – 45.

278. Ремнев, А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв.: некоторые итоги и перспективы изучения [Текст] / А.В. Ремнев // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации: Материалы межд. конференции, 13 – 15 окт. 1999. – М.: б/и, 2001. – С. 97–125.

279. Ремнев, А.В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания [Текст] / А.В. Ремнев // Вестник Омского университета – 2007 – №4. – С. 7–23.

280. Ремнев, А.В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант [Текст] / А.В. Ремнев // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Сб. статей. – М.: Б/и., 2001. – С. 317–344.

281. Ремнев, А.В. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане [Текст] / А.В. Ремнев // *Ab Imperio*. – 2011. – №1 – С. 169–205

282. Ремнев, А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков [Текст] / А.В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

283. Ремнев, А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. [Текст] / А.В. Ремнев. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1995. – 237 с.

284. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков [Текст] / А.В. Ремнев / отв. ред. А.П. Толочко – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1997. – 252 с.

285. Ремнев, А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России [Текст] / А.В. Ремнев, П. И. Савельев // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.): сборник статей / под ред. П. И. Савельева. – М.: ЗАО «Первый печ. двор», 1997. – С. 5–19.

286. Ремнев, А.В., Сухих О.Е. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям [Текст] / А.В. Ремнев, О.Е. Сухих // *Ab Imperio*. – 2006. – №1. – С. 119–154.

287. Рибер, А. Изучая империи [Текст] / А. Рибер // Исторические записки / отв. ред. Б.В. Ананьич. – М.: Наука, 2003. – №6 (124). – С. 86–131.

288. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход [Текст] / А. Рибер // Новая имперская история постсоветского пространства: сб. статей / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. – С. 199–242.

289. Румянцев, П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем [Текст] / П.П. Румянцев. – Спб.: Переселенческое упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1910. – 66 с.

290. Русский биографический словарь. Издаваемый императорским русским историческим обществом [Текст]: «Л» / Спб.: Тип. глав. упр. уделов, 1914. – 846 с.

291. Рычков, П.И. История Оренбургская (1730–1750) [Текст] / П.И. Рычков / под ред. Н.М. Гутьяра.– Оренбург: Типо-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896.– 95 с.

292. Рычков, П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И. Рычкова 1762 г. [Текст] / П.И. Рычков. – Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. – 405 с.

293. Рычков, П.И. История Оренбурга по учреждению Оренбургской губернии [Текст] / П.И. Рычков. – Спб., 1759. – 324 с.

294. Рязанов, А. Восстание Исатая Тайманова (1836–1838) [Текст] / А. Рязанов. – Ташкент: Тип.-лит. №2, 1927. – 103 с.

295. Рязанов, А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казакского народа (1797–1838). Очерки по истории национального движения Казакстана: (по материалам Центр. архива Казакстана) [Текст]: в 2-х частях. Ч. 1: Восстание султана Каратая Нуралиева (1797–1826) / А.Ф. Рязанов. – Кызыл-Орда: Труды общ-ва изучения Казакстана, 1926.

296. Сабырханов, А. Казахско-русские отношения в 50–90-х годах XVIII века [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сабырханов Аяпберди [место защиты: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахской ССР] – Алма-Ата, 1965. – 19 с.

297. Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Эдвард Саид / пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мирь, 2006. – 637 с.

298. Сандерленд, В. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство [Текст] / Виллард Сандерленд // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. Сб. ст. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вильпиус, Алексей Миллер – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 105–149.

299. Санчилов, В.П. Ойраты в составе единого монголо-ойратского государства в послеюаньский период (XV–XVI вв.) [Текст] / В.П. Санчилов // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т.* – Элиста, Герель, 2009. – Т. 1.

300. Сартори, П., Шаблей, П. Судьба имперских кодификационных проектов: адат и шариат в Казахской степи [Текст] / П. Сартори, П. Шаблей // *Мусульмане в новой имперской истории. Сб. статей / отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И.В. Герасимов, С.В. Глебов и др.* – М.: ООО «Садра», 2017. – С. 296–338.

301. Севастьянов, С.Н. Григорий Федорович Генс [Текст] / С.Н. Севастьянов // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии* – Оренбург: Паровая типо-лит. т-ва «Каримов, Хусаинов и К^о», 1907. – Вып. 19. – С. 158–167.

302. Семенов, В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края [Текст] / В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: Оренб.кн. изд., 2014. – 448 с.
303. Сейдимбек, А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление [Текст] / А. Сейдимбек. – Астана: Фолиант, 2011. – 560 с.
304. Сибирь в составе Российской империи. [Текст] / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
305. Словарь основных исторических понятий: избранные статьи [Текст]: в 2-х т. Т. 1. / пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 736 с.
306. Стейнведед, Ч. Положение Башкирии в составе России: региональные особенности, параллели, общеимперский контекст (1552–1917) [Текст] / Ч. Стейнведед // Волго-Уральский регион в имперском пространстве: XVIII – XX вв. / под ред. Наганава Норихиро, Усмановой Д.М., Хамамото Мами. – М.: Восточная литература, 2011. – С. 59–80.
307. Столетие Военного Министерства. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального Штаба в 1802–1902 гг. [Текст] / глав. ред. Скалон Д. А., сост. Гейсман П.А. – СПб.: Тип. поставщиков Двора Е.И.В. тов-ва М. О. Вольф, 1902. – Т. IV. – Ч. 1. – Кн. 2. – Отд. 1. – 414 с.
308. Страхов, Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительные повести, сказки, пословиц и песни Савардин [Текст] / Н.И. Страхов. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – 96 с.
309. Сулейменов, Б.С., Басин, В.Я. Казахстан в составе России в XVI – начале XX вв. [Текст] / Б.С. Сулейменов Б.С., В.Я. Басин. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. – 243 с.
310. Сулейменов, Р.Б., Моисеев, В.А. Из истории Казахстана XVIII века: о внешней и внутренней политике Аблая [Текст] / Р.Б. Сулейменов, В.А. Моисеев. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 144 с.

311. Султангалиева, Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начала XX в.) [Текст] / Г.С. Султангалиева. – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2001. – 257 с.

312. Султангалиева, Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.) [Текст] / Г.С. Султангалиева // Journal of Slavic Research Center. Acta Slavica Iaponica. – 2009. – Т. 27. – С. 77–101.

313. Султангалиева, Г.С. От пристава к приставству: политика Российской империи в Казахской Степи в первой половине XIX в. [Текст] / Г.С. Султангалиева // Кочевые народы Центральной Евразии XVIII–XIX вв.: сравнительно-исторический анализ политики Российской империи: сб. научных статей. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – С. 237–265.

314. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана [Текст] / Т.И. Султанов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.

315. Султанов Т.И. Рождение казахской государственности. История Казахского ханства [Текст]: серия «Слово седьмое» / Т.И. Султанов. – Алматы: Мектеп, 2003. – 160 с.

316. Сухарев, А.И. Проблемы регионологии [Текст] / А.И. Сухарев – Саранск, 2001. – 99 с.

317. Сухих, О.Е. Образ казаха-кочевника в русской общественно-политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX века [Текст]: диссертация ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Сухих Олеся Евгеньевна [место защиты: Омский гос. пед. ун-т]. – Омск, 2007. – 258 с.

318. Сүтеева, Қ.А. Сырым батыр көтерілісі туралы зерттеулер: XIX ғ II жартысы – 1917 ж. [Текст] / Қ.А. Сүтеева// Қазақ тарихы. – 2003. – № 2. – Б. 38–40.

319. Сүтеева, Қ.А. XIX ғасырдағы орыс тарихшылары Кенесары Қасымұлы көтерілісі туралы [Текст] / Қ.А. Сүтеева// Кенесары Қасымұлы : туғанына 200 жыл толуына арн. халықар. ғыл.-теор. конф. материалдары (Алматы, қыркүйек

2002 ж.) / ред. алқасы: М.Қойгелдиев ; Ш.Ш.Уәлиханов ат. тарих және этнология институты. Алматы, 2003. – Б. 183–191.

320. Сыздыкова, Е.С. Российские военные и Казахстан: вопросы социально-политической и экономической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. [Текст] / Е.С. Сыздыкова. – М.: Реклама Мастер, 2005. – 246 с.

321. Татищев, В. Н. Избранные труды по географии России [Текст] / В. Н. Татищев / под ред. со вступ. статьей и комментариями А. И. Андреева. – М.: Гос. изд-во географ. литературы, 1959. – 248 с.

322. Татищев, В.Н. О купечестве и ремеслах [Текст] / В.Н. Татищев // Исторический архив. – М., 1951. – Т. 7. – С. 398–450.

323. Тернер, Ф.Дж. Фронтир в американской истории [Текст] / Дж. Ф. Тернер / перевод с англ. А.И. Петренко. – М.: Весь Миръ, 2009. – 303 с.

324. Тодорова, М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида [Текст] / М. Тодорова // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 345–359.

325. Тоқтаров Т.Қ. Махамбет шығармалары – 1836-1838 жылдардағы ұлт-азаттық көтерілістің дерегі ретінде [Текст] / Т.Қ. Тоқтаров// ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы (Вестн. КазНУ. Сер. историч.). – 2010. – № 1. – Б. 247–249.

326. Тольц, В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период [Текст] / В. Тольц. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 332 с.

327. Трепавлов, В.В. «В царстве другого царства быть не может». Вассальные владения в составе России (XVII – начало XX в.) [Текст] / В.В. Трепавлов // Российская история. – 2015. – №3. – С. 3–14.

328. Трепавлов, В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. [Текст] / В.В. Трепавлов // История и историки:

историографический вестник. Институт российской истории РАН / отв. ред. член-корр. РАН А.Н. Сахаров. – М.: Наука. – 2006. – С. 172–182.

329. Трепавлов, В.В. Формирование системы отношений между центром и национальными окраинами в России (XVI – XX века) [Текст] / В.В. Трепавлов // Россия в XX веке: проблемы национальных отношений. – М.: Наука, 1999. – С. 115–120.

330. Тынышпаев, М. Материалы к истории киргиз-казакского народа [Текст] / М. Тынышпаев. – Ташкент: Вос. отд. Кирг. гос. изд-ва, 1925. – 65 с.

331. Уортман, С. Символы империи: экзотические народы в церемонии коронации российских императоров [Текст] / С. Уортман // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер. – Казань, 2004. – С. 409–426.

332. Усманов, А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству [Текст]: изд. 2-е., испр. и доп. / А.Н. Усманов – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – 336 с.

333. Устюгов, В.Н. Башкирские восстания 1737–1739 гг. [Текст] / В.Н. Устюгов – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 130 с.

334. Ұлт-азаттық көтеріліс XVIII ғасырдың аяғында: [Сырым Датұлы, Махамбет Өтемісұлы, Арынғазы Әділғазиев, Жанғожа Нұрмұхамедов, Кенесары Қасымов, Есет Көтібаровтардың ұлт-азаттық көтеріліске басшылық еткендері туралы] [Текст] // Парасат. – 1993. – №10. – Б. 4–5.

335. Фурсов, А.И. Развитие азиатских обществ в XVII – начале XX в. [Текст]: Вып. 3. Мир-системный подход / А.И. Фурсов. – М.: ИНИОН, 1991. – 98 с.

336. Халид, А. Российская история и спор об ориентализме [Текст] / А. Халид // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 311–323.

337. Халфин Н. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.) [Текст] / Н. Халфин. – М.: Наука, 1965. – 466 с.

338. Халфин, Н. А. России и ханства Средней Азии (первая половина XIX века) [Текст] / Н. А. Халфин. – М.: Наука, 1974. – 407 с.
339. Ханыков, Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями. Записки императорского русского географического общества [Текст] / Я.В. Ханыков. – СПб.: Тип. МВД, 1851. – Кн. 5. – С. 268–358.
340. Ханыков, Я.В. Сведения о роде Тевкелевых [Текст] / Я.В. Ханыков // Временник Московского Общества истории и древностей Российской. – М.,1853. – Кн. XIII. – Смесь – С. 19–21.
341. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении [Текст] / В.М. Черемшанский – Уфа: Тип. Оренб. губ. правл., 1859. – 472с.
342. Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом её и настоящем [Текст] / Чернавский Н. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии – Оренбург, 1900. – Вып. VII. – С. 41–70.
343. Чорманов, М. Заметки о киргизах Павлодарского уезда [Текст] / М. Чорманов // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. – 1906. – Кн. 32. – С. 1–30.
344. Чулошников, А.П. Восстание 1755 года в Башкирии [Текст] / А.П. Чулошников.– М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 111 с.
345. Центральная Азия в составе Российской империи [Текст] / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. – М.: Новое лит. обозрение, 2008. 464 с.
346. Цимбаев, Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) [Текст] / Н.И. Цимбаев // Вопросы философии. – 1997. – №1. – С. 18–42.
347. Шахматов, В. Ф., Киреев Ф. Н. Журнал полковника А. З. Горихвостова – пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакове (1822–1823 гг.) [Текст] / В.Ф.Шахметов // Вестник АН КазССР. Серия истории, экономики, философии и права. 1957. – Вып. 2 (5). – С. 106–127.

348. Шейман, Л.А. Василий Тимковский, Пушкин, декабристы [Текст] / Л.А. Шейман // Вопросы преподавания киргизского языка и литературы в школе. Фрунзе: Изд-во «Мектеп», 1969. – Вып. 2. – С. 126–194.
349. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII–начала XX в. [Текст] / Л.Е. Шепелев. – СПб.: «Искусство – СПб», 1999. – 479 с.
350. Энциклопедический словарь Ставропольского края [Текст] / Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 458 с.
351. Brower, D. Imperial Russia and its Orient: The renown of Nikolai Przhevalsky [Text] / D. Brower // Russian Review. – Stanford, 1994. – Vol. 53. – N. 3. – P. 367–381.
352. Glay, C.B. Russian ethnographers in the service of Empire, 1856 – 1862 [Text] / C.B. Glay // Russian Review. – Stanford, 1995. – Vol. 54. – N.1. – P. 46–61.
353. Izbassarova, G. South-Eastern Policy of Tsarizm on the Character of Mutual Relations of the Kazakhs and Bashkirs in 18th Century [Text] / G. Izbassarova // The Netherlands, Leiden – Oriente Moderno. – Т. 96 (2016). – PP.156–180.
354. Khalid A. Russian history and the debate over orientalism [Text] / A. Khalid // Kritika. N.S. –Bloomington, 2000. –Vol.1. – N.4. – P. 691–699.
355. Khodarkovsky, M. Approaches to Empire [Text] / M. Khodarkovsky // От мира империи к глобализации. – Саратов, 2002. – С. 117–138.
356. Khodarkovsky, M. Ignoble Savage and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia [Text] / M. Khodarkovsky // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. – Bloomington: Indiana University Press, 1997.
357. Khodarkovsky, M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. [Text] / M. Khodarkovsky. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 2002. – 290 p.
358. Khodarkovsky, M. Where two worlds met. The Russian State and the Kalmyk nomads, 1600 – 1771. [Text] / M. Khodarkovsky. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992. – 287 p.

359. Knight, N. Ethnicity, Nationality and the Masses: Narodnost' and Modernity in Imperial Russia [Text] / N. Knight // *Russian Modernity: Politics, Practices, Knowledge* / Ed. By Yanni Kotsonis and David Hoffman. – London: Macmillan, 2000.

360. Knight, N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? [Text] / N. Knight // *Slavic Review*. – Spring 2000. – Vol. 59. – №1. – P. 74–100.

361. Raeff, M. Patterns of Russian Imperial Policy Towards the Nationalities [Text] / M. Raeff // *Soviet Nationalities Problems*. – N.Y., 1971 – P. 22–42.

362. Raeff, M. Siberia and the reform of 1822 [Text] / M/ Raeff. – Seattle: Univ. of Washington Press, 1956. – 210 p.

363. Rieber A. From reform to empire: Russia's "new" political history [Text] / A. Riber // *Kritika*. – Bloomington, 2001. – Vol. 2. – No. 2. – PP. 261–268.

364. Robbins, Jr. R. G. The tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire [Text] / Jr. R. G. Robbins. – Ithaca and Lnd: Cornell University Press, 1987. – 328 p.

365. Sabol, S. Kazak resistance to Russian colonization: interpreting the Kenesary Kasymov revolt, 1837 – 1847 [Text] / S. Sabol // *Central Asia Survey*. – 2003. – №22 (2/3). – P. 231 – 252.

366. Starr, F. Decentralization and Self-Government in Russia: 1830–1870 [Text] / F. Starr. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1972. – 402 p.

367. Starr, F. Tsarist Government: The Imperial Dimension [Text] / F. Starr // *Soviet Nationalities Policies and Practices*. – N.Y., 1978. – P. 3–38.

368. Slocum, J. Who and When Were the Inorodtsy? The Evolution of the Category of Aliens in Imperial Russia [Text] / *Russian Review*. – Stanford, 1998. – Vol. 57. – N. 2. – P. 173–190.

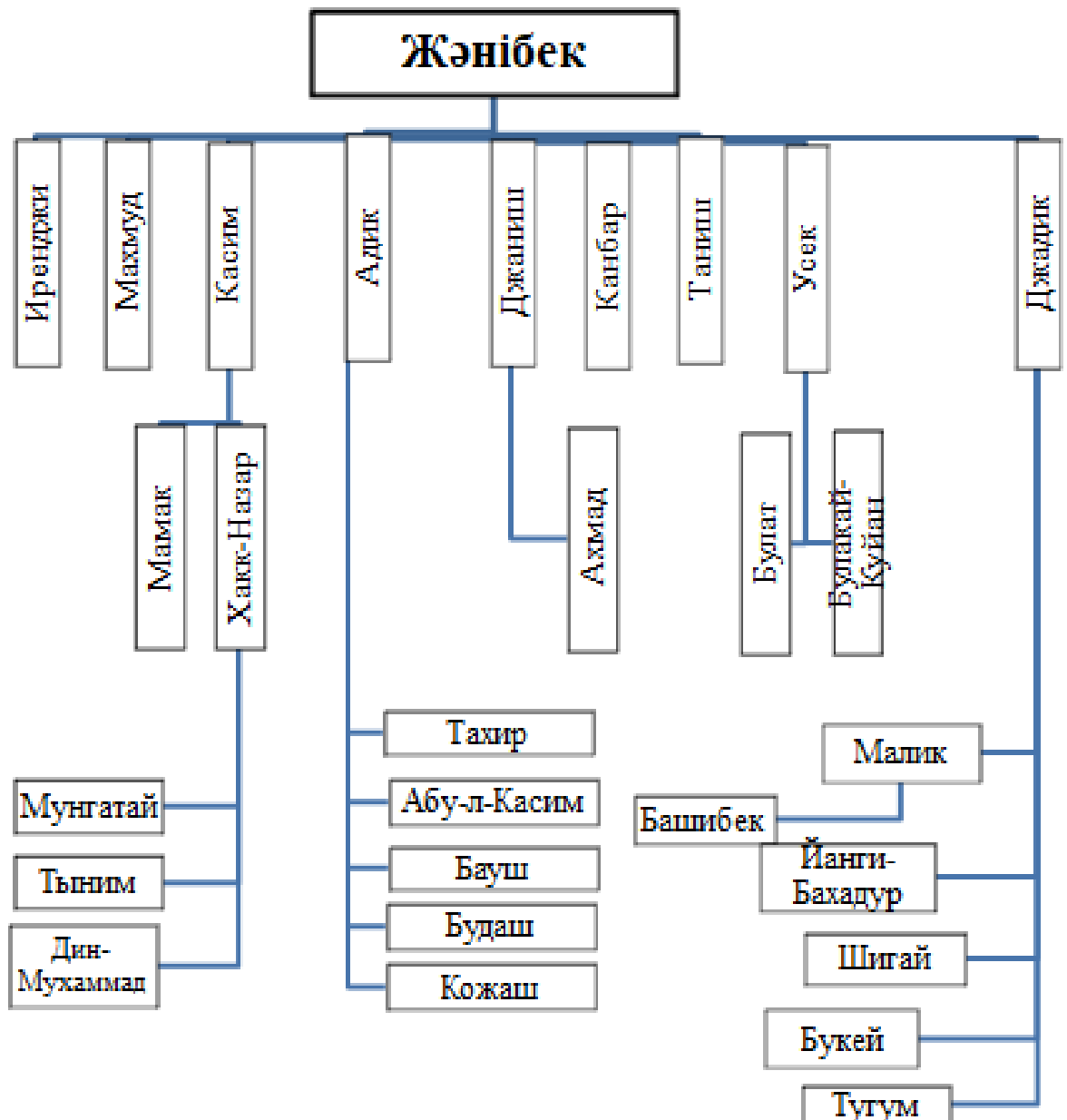
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КАЗАХСКИХ ХАНОВ И СУЛТАНОВ

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Казахские аманаты-заложники

Имя аманата	Время пребывания	Генеалогия аманата
Ералы	1735–1738	Сыновья хана Абулхаира – инициатора присоединения Младшего жуза к России
Кожа-Ахмет	1738–1748	
Айшуак	1748–1749	
Адиль	1749–1750	
Пиралы	1750–1752	Сыновья Нуралы хана, внуки Абулхаира
Магомед Али	1752–1754	
Яналы	1754–1756	
Аблай	1756–1757	
Бердалы	1757–1758	
Айторе	1758–умер от оспы	
Артык Гали	1759	
Шигалы	1760 – не принят оренбургским губернатором	
Бигали (Бикгали, Бекгали)	1761–1763	
Бердыгали	1764–1766	
Аблай	1766–1767	
Ордугали	1767–1768	
Урай	1768–1769 умер от оспы	
Бекали	1771	

**Мундир казахского чиновника, предложенный султаном-правителем
Ахметом Джантюриным**

Зарисовка мундира казахского чиновника.

Из фондов РГИА.

Описание рисунка изображающего киргизские мундиры

Покрой мундиров взят по образцу обыкновенной черкески доходящей до колен, без патронов на груди и с менее широкими рукавами.

1) Красный мундир на рисунке, изображающий штабс офицера в парадной форме обложен золотым голуном шириною в 1 вершок: возле которого (кроме нижнего края в пол) нашит другой позумент шириною в $\frac{1}{4}$ вершка; обшлага рукавов обшиты голуном же, шириною в $\frac{1}{2}$ вершка.

2) Синий мундир, представляющий обыкновенную форму, или вице-мундир обложен серебряным, вокруг одиноким голуном, шириною в $\frac{3}{4}$ вершка, а рукава в $\frac{1}{4}$ вершка.

3) Под мундиром шелковые архалуки темных и других отличных от мундиров цветов, обложенные голуном в $\frac{1}{4}$ золотым или серебрянным, соответственно эполетах и обшивке мундира.

4) Шаравары покроя казачьего из серого сукна, при парадном мундире с золотым лампасом, в шириною в вершок обложенным с обеих сторон золотым же шнурком, – при обыкновенной форме, или вице-мундире с серебрянным лампасом, без шнурка.

5) Вместо шарфа – пояс из широкого галуна, завязываемый спереди как казачий, и украшаемый накладкаю золотою или серебрянною – смотря по эполетам – бляхою с драгоценными камнями.

6) Сабля азиатская или шашка, с серебрянною или золотою обделкою на галунной портеже.

7) На правой стороне калта ²³⁸² как принадлежность киргизского костюма, черная или красная, кожаная или бархатная, с серебряною или золотою насечкою, или шитьем.

---

²³⁸² Вроде гусарской ташки, в которой помещаются все принадлежности для добывания огня.

8) На голове киргизская шапка (тюбетейка) вся шитая золотом или серебром (соответственно эполетам) с бобровым или из выдры околышем. Сверх шапочки надевается при выездах белый войлочный, киргизский же, колпак, обложенный по швам и по краям золотым или серебряным галуном.

9) Для отличия ордынского офицера от киргиз неимеющих чинов, прикрепляется на колпаке с левой стороны кованая кокарда, такая же как на армейских касках, полагая это нужным при какой-либо верхней одежде закрывающий мундир.

Выбор материи для мундиров, т. е. сукна или бархат, и даже цвет их, – красный, синий, лиловый, зеленый, можно бы предоставить самим ордынцам, наблюдая только, чтобы при золотых эполетах все галуны и принадлежности были золотые, а при серебрянных – серебрянные.

Генерал-майор Ладыженский.

РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1847 год. Д. 200. Л. 4–6 об. Подлинник.

Ставки султанов-правителей

Части Оренбургского ведомства	Ставки султанов-правителей	Примечание
Западная часть	Против Калмыковской крепости (1824–1826)	При Каратае Нуралиеве
	Против Каршинского форпоста (1826–1830)	При Шингалие Орманове
	Против Затонской крепости	При Баймухаммеде Айшуакове
Средняя часть	Против Орской крепости (1824 – 1825)	При Т. Ералиеве, М. Т. Турдалиеве
	Против Красногорской крепости (1829 – 1841)	При Ю. Нуралиеве
	Против форпоста Изобильной	При Араслане Джантюрине
Восточная часть	Против Троицкой крепости (1824 – 1825)	При Ж. Кудаймендиеве
	Против Усть-Уйской крепости (1828–1836)	При Ж. Жихангерове
	Против Кочердыкской станицы	При Ш. Бахтыгерееве
Против Усть-Уйской крепости (1828–1836)	При Ахмете Джантюрине	

Султаны-правители Западной части оренбургских казахов

Султаны-правители	Годы жизни	Время правления	Генеалогия
Каратай Нуралиев	ок. 1746/1747 – 8 июня 1826 Похоронен на р. Хобда (совр. территория Актюбинской области, Хобдинского района)	1 августа 1824 – 8 июня 1826. Освобожден по случаю смерти.	сын Нурали хана, внук Абулхаира
Шингалий Орманов		В июне 1826 года был назначен временным управляющим Западной частью. 23 августа 1827 года вступил в должность и получил инвеститурные знаки – 1830.	сын председателя ханского Совета Ормана Нуралиева, внук Нурали хана, правнук Абулхаира
Баймухаммед Айшуаков	около 1790 – 30 марта 1847 Утонул в р. Илек	25 ноября 1830 г. назначен временным управляющим Западной частью. 1 сентября 1831 г. утвержден в должности. Церемониал возведения прошел 6 октября 1831. 30 марта 1847 г. освобожден по случаю смерти.	сын хана Айшуака, внук Абулхаира
Мухамбеткалий Тяукин	1809?1813? 1816? – 20 февраля 1894.	С 12 апреля 1847 года временно управляющий Западной частью. 2 января 1851 г. – 21 марта	сын начальника 9 дистанции, бывшего надворного

		1866 г. Уволен по собственному желанию, в связи с ухудшением здоровья.	советника султана Тяуке Айшуакова, внук хана Айшуака, правнук Абулхаир хана
Альмухамед Сейдалин (Сейдалин 1-й)	1836 – 1898 Похоронен в г. Иргиз. (совр. пос. Иргиз Актюбинской области)	13 марта 1866 года был назначен исправляющим должность султана-правителя Западной части области оренбургских казахов. По «Временному положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства» 1868 года должность султана-правителя была упразднена. 11 февраля 1869 года был определен уездным судьей Николаевского уезда Тургайской области.	сын султана Кунторе, внук султана Сейдалы, правнук хана Нуралы

Султаны-правители Средней части оренбургских казахов

Султаны-правители	Годы жизни	Время правления	Генеалогия
Темир Ералиев	? – скончался в 1852 г.	С августа 1824 – август 1825. Уволен от должности по болезни.	сын хана Ералы внук Абулхаира
Исправляющий должность султана- правителя Медеткали Турдагалиев	? – убит 5 июня 1831 г.	12 августа 1825 г. – 1 февраля 1827 г.	правнук Булхаира (брата Абулхаира)
Исправляющий должность султана- правителя Матай (в русских источниках Мятай) Мухамедгалиев	?	1 февраля 1827 г. – декабрь 1829 г.	внук Нуралы правнук Абулхаира
Исправляющий должность султана- правителя Юсуф Нуралиев	1786 – 1787	22 апреля 1830 г. – 6 июня 1841 г.	внук хана Нуралы
Араслан (Арыстан) Джантюрин	1811 – убит 8 июля 1855 г.	июль 1841 г. – 8 июля 1855 г.	сын Джанторе внук Айшуака правнук Абулхаира
Мухамбетжан Баймухамбетов	1816? – 19 апреля 1896 г. Похоронен в Тузтюбинской волости Актюбинского уезда (совр. терр. Хобдинского района Актюбинской обл)	15 ноября 1855 г. – 1 января 1869 г.	сын Баймухаммеда Айшуакова внук Айшуака правнук Абулхаира

Султаны-правители Восточной части оренбургских казахов

Султаны-правители	Годы жизни	Время правления	Генеалогия
Жума Кудаймендиев	Прим. 1758/60 – май 1838 похоронен на урочище Каракамыс, Мендыгаринской волости Кустанайского уезда (современная территория Костанайской области, Мендыгаринского района, Каракогинского сельского округа)	13 августа 1824 – 3 октября 1828. Уволен от должности	Сын султана Кудайменди Внук Батыра Каипова
Жанторе Жихангерев	Прим. 1777/80 - ? Похоронен у оз. Жолжурган, в Карабалыкской волости, Кустанайского уезда (современная территория Костанайской области, Карабалыкского района Смирновского сельского округа)	С 3 октября 1828 г. исправляющий должность; Султан-правитель с 29 мая 1829 – 18 октября 1835	Сын султана Жанторе, внук Каип хана
исправляющий должность Шотай Бахтыгереев	Умер в 60-х годах XIX в., похоронен ок. р. Тобол, в Мендикаринской волости, против Кочердыкского поселка, Челябинского уезда (современная территория Костанайской области, Мендыгаринского района)	12 ноября 1835 исправляющий должность – после 20 мая 1841. Уволен от должности.	Потомок хана Аблая
Ахмет Джантюрин	1810 – 2 августа 1851. Похоронен у оз. Жолжурган, в Карабалыкской волости,	29 мая 1841 исправляющий должность	Сын Жанторе Жихангерова; правнук Каип

	<p>Кустанайского уезда (современная территория Костанайской области, Карабалыкского района Смирновского сельского округа)</p>	<p>Султан-правитель с 25 марта 1849 – 2 августа 1851</p>	<p>хана</p>
<p>Мухамеджан Джантюрин</p>	<p>Прим. 1808 - умер в начале 80-х годах XIX в., похоронен на ур. Кенарал, в Кенаральской волости, Кустанайского уезда (современная территория Костанайской области, Федоровского района, Косаральского сельского округа (есть поселок Кенарал на границе с РФ)</p>	<p>С августа 1851 года исправляющий должность Султан-правитель с декабря 1858 – 1 января 1869</p>	<p>Брат Ахмета Джантюрина</p>

Начальники дистанций Западной части оренбургских казахов²³⁸³

Дистанция	Ф.И.О.	Года рождения	Из какого рода
№1	Муртазагалий Узбек-галиев, сын султана Узбек-Галия Нуралиева	38 лет	Чингизид
№4	Старшина Утябай Санкибаев	48 лет	Тана, калкаманова отделения
№5	Зауряд-хорунжий Алдзын Исергамышев	47 лет	Байбакты, батыкова отделения
№7	Ялпык Тайланов	53 года	Тама, кинджабаева отделения
№8	Сотник Мухамеджан Баймухамедов, сын правителя Западной части Баймухаммеда Айшуакова	29 лет, умеет читать и писать по-русски и по-татарски	Чингизид
№9	Надворный советник Тяука Айшуаков Заседатель в Пограничной комиссии с апреля 1810 по июль 1817 года. С 1830 г. управлял 9-й дистанцией.	род. ок. 1777 г.	Чингизид
№31	Есаул Асфендияр Сюгалин, сын султана Сюгали Айшуакова	В 1844 году 48 лет	Чингизид

²³⁸³ Составлен на основе рапорта от 15 декабря 1844 года султана правителя Западной части Орды Баймухаммеда Айшуакова председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору М. В. Ладыженскому // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. / сост. Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. Ч. 2. С. 34–41.

Начальники дистанций Восточной части оренбургских казахов²³⁸⁴:

Дистанция	Ф.И.О.	Года рождения	Из какого рода
№19	Старшина Турмамбет Кунбасов	В 1844 году 59 лет	Род кыпчак, устинское отделение
№20	Суюнуч-Галий Янбурын	45 лет	Кыпчак, картинское отделение
№21	Каракужа Каракаев, с 1841 года на должности дистанционного начальника	47 лет	Кыпчак, ташкертского отделения
№22	Юсуф Бикбулатов (временно исполняющий) С 1832 местный начальник	41 год	Керей, балтинского отделения
№26	Наурбай Казыбаев	27 лет	Кыпчак, есенгельдинского отделения
№27	Матен Чутанов	50 лет	Кыпчак, куккузева отделения
№32	Тлемис Конгурчин	55 лет	Аргын, утейского отделения
№34	Бабакай Абилев	34 года	Аргын, тазова отделения
№35	Тултан Кучуков	34 года	Аргын, утейского отделения
№37	Чучак Тангабаев	36 лет	Аргын, умбетейского отделения
№39	Кунак Джайсанбаев	48 лет	Аргын, кучкарова отделения
№40	Анак Алтаев	69 лет	Аргын, кадрымбетова отделения
№41	Казангап Джандыров	59 лет	Аргын,

²³⁸⁴ Составлен на основе рапорта от 13 декабря 1844 года султана правителя Восточной части Орды Ахмета Джантюрина председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору М. В. Ладыженскому // История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. / сост. Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. VIII. Ч. 2. С. 20–33.

			уджанского отделения
№42	Айтока Калданов	42 года	Кыпчак, алтыбашевского отделения
№43	Зауряд-хорунжий Ахмед Байсакалов	35 лет	Жаппас, калкаманского отделения
№44	Кашкынбай Нурбаев	45 лет	Жаппас, калкаманского отделения
№45	Байкасын Самратов	49 лет	Жаппас, карагузева отделения
№46	Елемес Султабаев	63 года	Жаппас, курманаева отделения
№47	Мурзабай Тышканбаев	44 года	Жаппас, сумурунского отделения
№48	Буркутбай Таимов	53 года	Жаппас, унгутского отделения

Начальники дистанций Средней части оренбургских казахов

Дистанция	Ф.И.О.	Года рождения	Из какого рода
№ 23	Утеген Казыбаев с 1847 г.	1806 г.р.	жагалбайлы, отделения орман
№ 24	Мусыргалий Кыдыров	1817 г.р.	чингизид
№ 25	Байтюбет Уразалин с 1845 г.	1793 г.	жагалбайлы, билишевского отделения
№ 27	С 1840 г. начальником дистанции был Каумен Алдияров, который позже был переведен начальником 20-й дистанции В 1850 г. состоял начальником дистанции бий Наурузбай Казыбаев,	1819 г. рожд.	кыпчак, отделения танабуга, подотделения есенкелди
№ 54	23 июня 1857 г. был назначен зауряд-хорунжий, Алмат Тобабергенов	1806 г. рожд	бий рода шомекей
№ 56 открыта 26.01. 1848 г.	10 февраля 1848 г. начальником был назначен бий Беркимбай Бучибаев		жагалбайлы

Илецкой городокъ

Рѣка

Даль

Илецкая защита

СРЕДНЯЯ ЧАСТЬ

Оренбургскихъ Киргисцовъ

ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ

Оренбургскихъ Киргисцовъ

Урочище Куктепесенъ

Пески большаго Барсуки

Часть Аральскаго моря

349

